

СОВЕТСКАЯ ЭПОХА В ЭТНОКУЛЬТУРНОМ ИЗМЕРЕНИИ

**К 100-ЛЕТИЮ ОБРАЗОВАНИЯ СССР
И 120-Й ГОДОВЩИНЕ СО ДНЯ ОСНОВАНИЯ
РОССИЙСКОГО ЭТНОГРАФИЧЕСКОГО МУЗЕЯ**

**МАТЕРИАЛЫ ДВАДЦАТЬ ПЕРВЫХ САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИХ
ЭТНОГРАФИЧЕСКИХ ЧТЕНИЙ**

МИНИСТЕРСТВО КУЛЬТУРЫ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

РОССИЙСКИЙ
ЭТНОГРАФИЧЕСКИЙ
МУЗЕЙ

СОВЕТСКАЯ ЭПОХА В ЭТНОКУЛЬТУРНОМ ИЗМЕРЕНИИ

К 100-летию образования СССР
и 120-й годовщине со дня основания
Российского этнографического музея

МАТЕРИАЛЫ ДВАДЦАТЬ ПЕРВЫХ САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИХ
ЭТНОГРАФИЧЕСКИХ ЧТЕНИЙ

Санкт-Петербург
2022

УДК 394; 0697+321.74
ББК 63.529(2); 79.1+ 63.3(2)613-02
С56

Печатается по решению Ученого совета
Российского этнографического музея

Редакционная коллегия:

*Д. А. Баранов, Е. Е. Герасименко, В. А. Дмитриев, Т. Г. Емельяненко,
Л. А. Жгун, Н. М. Калашникова, Е. В. Колчина, Ю. А. Купина,
А. Б. Островский, С. С. Петряшин, Л. Ф. Попова, О. М. Фишман,
И. И. Шангина*

Ответственные редакторы:

Е. Е. Герасименко, Ю. А. Купина

С56 Советская эпоха в этнокультурном измерении: Материалы Двадцать первых Санкт-Петербургских этнографических чтений.— СПб.: Российский этнографический музей, 2022—464 с.

Тематика «Санкт-Петербургских этнографических чтений - 2022» посвящена обсуждению этнокультурных аспектов и последствий общественных преобразований, происходивших в советский исторический период. Именно 100-летие создания СССР, оказавшего огромное влияние на социокультурное развитие народов России и сопредельных стран, стало непосредственным поводом актуализации данного круга вопросов.

В докладах конференции рассматриваются идеи и практики, выражающие социалистические ценности, ситуации их усвоения либо столкновения с прежним общественным и бытовым укладом. Специально характеризуется вклад этнографической науки в изучение советского общества. Наряду с процессами трансформации этнокультуры, с влиянием миграций, с вопросами эволюции этнической идентичности в контексте советского модернизационного проекта освещаются формы сохранения религиозных традиций в атеистическом советском государстве.

Значительное внимание уделено проблемам документирования, изучения, репрезентации культурного наследия советской эпохи в российских музейных учреждениях, в том числе Российском этнографическом музее, отмечающем 120-летие своего создания.

ISBN 978-5-7937-2257-5

© Авторы, 2022

© Российский этнографический музей, 2022

СОДЕРЖАНИЕ

Этнографическая наука в осмыслении новых социокультурных явлений

<i>Д. В. Верховцев</i> До и после «нокдауна»: обсуждение национальности в 1920-х и теория этноса в 1970-х.....	10
<i>А. Н. Новожилов</i> Дискуссионное поле этнографии колхозного крестьянства рубежа 1940–1950-х годов.....	16
<i>К. Я. Коткин</i> Описание кольских саамов в трудах этнографов 1920–1930-х годов (В. В. Чарнолуский З. Е. Черняков).....	22
<i>Д. А. Баранов</i> Народы и территории в музейных репрезентациях: между наукой и идеологией.....	28
<i>Л. Ф. Попова</i> Гений на фоне музейных будней (к 100-летию со дня рождения Ю. В. Кнорозова).....	34
<i>В. А. Дмитриев</i> Государственный музей этнографии в конце 1930-х годов: поворотный момент в истории.....	46

Социалистические ценности в советском обществе: идеи и практики

<i>Д. В. Верховцев</i> Пассионарии Льва Гумилёва как «новые люди».....	54
<i>О. А. Виноградова</i> Роман Николая Островского «Как закалялась сталь» в формировании советской идентичности.....	59
<i>О. В. Змеева</i> «В его воображении виделся новый социалистический город...»: проект академика А. Е. Ферсмана.....	64

<i>М. П. Наговицына</i> Антирелигиозная пропаганда в советской прессе (по материалам экспедиции в Кировскую область).....	69
<i>И. С. Слепцова (Кызласова)</i> Игровой репертуар раннесоветского периода с точки зрения концепции «упаковки» У. Чейфа.....	75
<i>С. С. Петряшин</i> Русские рабочие как «новые люди»: скульптурные портреты 1950-х годов работы М. К. Григорьева в собрании Российского этнографического музея.....	81
<i>Е. Ю. Гуляева, Р. Ш. Зельницкая</i> «Братья Свенцильда»: этнографическая беллетристика Е. Н. Студенецкой 1930-х годов.....	86
<i>Т. Г. Емельяненко</i> Экспозиция 1937 года «Узбеки в прошлом и настоящем» в Государственном музее этнографии.....	93
<i>А. А. Песецкая</i> «Первая среди равных»: выставка Государственного музея этнографии в агитпоезде Октябрьской железной дороги.....	98
<i>Е. Л. Кубель</i> Ковровая выставка 1935 года в Государственном музее этнографии.....	105
<i>Н. М. Калашникова</i> Использование изделий художественных промыслов в дизайне костюмов советского периода (1917–1980-е годы).....	112
<i>А. А. Гаджиева</i> Пешком по Советскому Союзу: деятельность этнографического ансамбля Б. П. Сальмонта.....	118
<i>А. А. Ковалевская</i> Создание городского памятника как практика формирования культурной идентичности (по материалам проектирования памятника А. С. Пушкину на площади Искусств в Ленинграде из собрания Государственного музея городской скульптуры).....	123
<i>Н. Г. Краснодарская, Е. С. Соболева</i> Участие южноазиатских землячеств в культурной жизни Ленинграда в 1960–1990-х годах.....	129

*Эволюция этнической идентичности
в советский период*

<i>Е. А. Пивнева</i> Малые народы Севера России в советском модернизационном проекте: историко-этнографическое измерение «большого пути».....	135
--	-----

<i>Е. П. Мартынова</i> Этничность обских угров: факторы этнокультурных изменений в советскую эпоху	142
<i>Е. В. Попова</i> Бесермяне: утрата и восстановление исторического имени в XX веке	149
<i>Э. Л. Гептинг</i> «Мы стали стесняться»: об отношении к собственному говору жителей Ильменского Поозерья, родившихся в 1920–1940-х годах.....	153
<i>А. О. Победоносцева-Кая</i> Советское курдоведение: от изучения культуры к культурному и политическому строительству	158
<i>Л. Н. Хаховская</i> Якуты Магаданской области: причины и характер этнизации локальной группы	164
<i>Е. В. Бусырева</i> Судьбы семей с немецкими корнями	169

*Религиозные традиции в атеистическом
советском государстве*

<i>А. Б. Островский</i> Святые места русского сельского социума в период гонений на церковную жизнь (по полевым материалам).....	174
<i>Л. В. Королькова</i> Старообрядцы Гатчинского района Ленинградской области в 1940–1960-е годы.....	180
<i>Е. П. Куртенок</i> Деятельность церковных приходов Чердынского района в первые десятилетия советской власти	187
<i>Е. А. Берман</i> Церемониальные серебряные предметы иркутской синагоги, утраченные в результате государственных кампаний СССР 1922–1939 годов по изъятию церковных ценностей.....	193
<i>Т. В. Ермакова</i> Этнокультурная специфика возрождения буддизма в Калмыкии в позднесоветский период	199

Миграции в СССР: этнокультурные аспекты

<i>Е. Ю. Дубровская</i> Межэтнические и межкультурные взаимодействия в 1917 году глазами строителей Мурманской магистрали.....	204
<i>Е. А. Орехова</i> Колонисты Мурманского берега в 1920–1930-х годах.....	210

<i>И. А. Разумова</i> Этнографические наблюдения советского ученого-геолога (по воспоминаниям Е. Б. Халезовой)	214
<i>С. В. Бандура, В. Э. Шаратов</i> Этнокультурные заимствования в контексте истории советских принудительных миграций 1930–1950-х годов (по материалам экспедиции немецкого культурно-делового центра Республики Коми на Среднюю Печору)	219
<i>С. П. Худышкина</i> Особенности социализации депортированных немцев в городе Енисейске и Енисейском районе в 1941–1950 годах	226
<i>О. В. Старостина</i> Переселение таджиков-матчинцев в 1956–1964 годах	230
<i>И. С. Астахова</i> Повседневная жизнь в городских поселениях якутской Арктики во второй половине XX века (на примере поселков Верхоянского района Республики Саха)	237
<i>В. П. Клюева</i> Этническая составляющая нефтегазового освоения Западной Сибири в последний период существования СССР: материальное и символическое наследие	242

*Традиционная культура в контексте
советского модернизационного проекта*

<i>И. И. Шангина</i> Русский крестьянский двор и реформы 1950–1960-х годов	246
<i>С. И. Фомин</i> Образ идеального сельского населенного пункта в 1960–1970-х годах на примере «Проекта планировки и застройки с. Александровка Азовского р-на Ростовской обл.»	253
<i>Д. С. Вишняков</i> Трансформация традиционного интерьера деревенского дома в процессе интеграции советского быта (по материалам экспедиций в Архангельскую область в 2020–2021 годах)	258
<i>Е. А. Чайко</i> От семьи русской к семье советской: третья сторона во внутрисемейных конфликтах (по материалам Челябинской области)	264
<i>М. Л. Засецкая</i> История коллективизации в 1920–1930-е годы в Ленинградской области (по материалам рукописной книги А. Я. Эссенсона «Криминально-историческая повесть о тяжелой жизни крестьян» из архива Российского этнографического музея)	271
<i>Т. А. Зимица</i> Русское народное домашнее ткачество в прошлом и настоящем	279

<i>Б. А. Леонова</i>	Компоненты традиционной похоронной обрядности в городской среде позднесоветского времени (на материале Орловской области)	284
<i>С. Е. Винокуров</i>	Центры художественной обработки мягкого камня в СССР: этапы развития и репрезентация региональной специфики	290
<i>С. Б. Киселев</i>	Трансформации кочевого оленеводства на полуострове Канин Архангельской области в XX веке	296
<i>В. Б. Малакшанова</i>	Влияние промышленного освоения территории на традиционный образ жизни эвенков в XX веке (на примере эвенков Верхнебуреинского района Хабаровского края)	301
<i>Н. В. Мальцева, В. А. Белокопытова</i>	Оленеводство Магаданской области: факторы трансформации	307
<i>Н. И. Новикова</i>	Колхозы и другие институты организации рыболовства коренного населения Сахалина в начале 2000-х годов	312
<i>Е. А. Андреева</i>	Традиционное в новом: проведение праздников животноводов в советское время (на примере традиционной культуры бурят, алтайцев, тувинцев и хакасов)	316
<i>Т. Ю. Сем</i>	Историческая память в орнаментальном творчестве нивхов в советский период	321
<i>А. И. Руденко</i>	Советские символы в декоративно-прикладном искусстве коренных малочисленных народов Камчатки (по материалам коллекций Корякского окружного краеведческого музея и семейного музея Н.К. Хелол)	328
<i>Культурное наследие советской эпохи в российских музеях: проблемы формирования, изучения, репрезентации</i>		
<i>Н. А. Тучкова, Г. Б. Чечевин</i>	Спасение богов или разорение культовых мест? (Из истории формирования культовой коллекции Музея Природы и Человека г. Ханты-Мансийска в XX веке)	333
<i>А. С. Вдовин, Л. Ю. Китова, Е. И. Майзик, В. А. Конохов</i>	Советские распродажи культурных ценностей: Хакасская этнографическая экспедиция 1930 года для «Новоэкспорта»	338
<i>Е. А. Худин</i>	История создания Архитектурно-этнографического музея в Коми АССР	343

<i>В. Э. Первак</i> Фонд Российского этнографического музея «История музея»: особенности комплектования и использования в советский и постсоветский периоды	347
<i>Ю. С. Смирнова</i> Портрет «семьи народов»: советский фоторепортаж в Российском этнографическом музее.....	352
<i>Е. В. Дьякова</i> О сюжетах фотохроники ТАСС (Украинской ССР) из собрания Российского этнографического музея	357
<i>А. В. Газданова</i> Изучение Е.Н. Студенецкой традиционного осетинского женского костюма во время экспедиции в Северо-Осетинскую АССР в 1970 году.....	362
<i>О. В. Калинина</i> Атрибуты советской «обрядности перехода» в фонде Прибалтики Российского этнографического музея.....	367
<i>Л. Г. Ганина, Е. Н. Хохлова</i> Критерии комплектования предметов народного искусства в 1950-х годах (на примере украинских рушников из коллекционного собрания Российского этнографического музея)	373
<i>И. К. Ушакова, Г. И. Журавлева</i> Культурно-историческое прочтение композиции панно «800-летие Москвы» (художники Л. С. Шаховская и З. А. Ольшевская).....	379
<i>В. Г. Холодная</i> Семнадцать серебряных подстаканников как символ эпохи (к истории комплектования собрания Российского этнографического музея в 1930-1950-х годах).....	385
<i>К. Р. Смурова</i> Украинские «вытынанки» в собрании Российского этнографического музея: от анонимности к авторству.....	393
<i>А. В. Христенко</i> Творческое наследие П. И. Цвилык в собрании Российского этнографического музея.....	398
<i>С. В. Романова</i> Рукописные материалы П. И. Каралькина в архиве Российского этнографического музея	409
<i>О. М. Фишман</i> Проект «Собиратели Российского этнографического музея»: цель, подходы, методы, структура.....	414
<i>О. В. Лысенко</i> Этномузеологический проект «Славяне Восточной Европы» – тридцать лет спустя.....	421

<i>Е. В. Колчина</i>	Опыт сотрудничества Государственного музея этнографии народов СССР и Ленинградского комбината живописно-оформительского искусства в 1970–х годах (на примере экспозиции «Народы Поволжья и Приуралья. Конец XIX – начало XX века»).....	427
<i>Р. М. Мухаметзянова-Дуггал</i>	Музей археологии и этнографии Института этнологических исследований им. Р. Г. Кузеева Уфимского федерального исследовательского центра Российской академии наук в советский период и на современном этапе.....	432
<i>Е. Н. Меркушева</i>	Роль Пермского краеведческого музея в сохранении и репрезентации материальной культуры старообрядцев Верхокамья.....	439
<i>П. Е. Бардина</i>	Севернорусские корни русских старожилов Томского края	445
<i>И. А. Хусаинова</i>	Влияние государственно-церковных отношений советского периода на деятельность Енисейского историко-архитектурного музея-заповедника им. А. И. Кытманова.....	451
<i>Ш. У. Бабажанов</i>	Музей «Истории тариката Накшбандийа» в Бухаре	456
<i>М. Б. Курбанова</i>	Коллекция одежды Бухарского эмирата как бесценное наследие Бухарского музея.....	460

ЭТНОГРАФИЧЕСКАЯ НАУКА В ОСМЫСЛЕНИИ НОВЫХ СОЦИОКУЛЬТУРНЫХ ЯВЛЕНИЙ

УДК 94.39(47)

Д. В. Верховцев

До и после «нокдауна»: обсуждение
национальности в 1920-х и теория
этноса в 1970-х¹

Верховцев Дмитрий Владимирович, Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая Российской академии наук (Москва), научный сотрудник; DVerhovtcev@gmail.com

Теория этноса, созданная академиком Ю.В. Бромлеем и его коллегами в 1970-е гг., базировалась на сложившихся в советской этнографии представлениях об этничности и, в основном, опиралась на работы, написанные не ранее 1940-х гг. Однако большинство ключевых вопросов, отраженных в теории этноса, были разработаны еще раньше, в ходе дискуссий 1920-х гг., когда этнографы активно участвовали в государственной политике коренизации и подготовке переписи населения 1926 г. Фактически, уже тогда были обсуждены различные определения национальности, состоялись бурные дебаты вокруг роли субъективных (идентичности) и объективных (языка, религии, культуры) этнических признаков. Тогда же, в ходе обсуждения национально-территориального устройства страны, сформировались представления об этнической иерархии и процессах консолидации народностей.

Период активного этнографического теоретизирования 1920-х гг. закончился «нокдауном» – гонениями на этнографию на рубеже десятилетий и репрессиями в отношении

многих этнографов. Положение и повестка этнографии разительно изменились, и многие исследовательские вопросы были надолго преданы забвению. Несмотря на то, что создание теории этноса было предпринято Бромлеем как попытка вернуть дисциплине собственный предмет изучения, а значит и научную автономию от идеологии и смежных дисциплин, теория не охватила весь круг вопросов, дискутировавшихся в 1920-е гг., а многие проблемы получили одностороннее освещение. «Нокдаун» надолго разорвал этнографическую традицию, и эта связь в значительной мере не восстановилась до сих пор.

Ключевые слова: история советской этнографии, теория этноса, Ю. В. Бромлей, Н. Я. Марр, этническое самосознание, этнос.

Теория этноса занимала место главной теории позднесоветской этнографии, и во многом олицетворяла ее в части теоретических разработок. Ю. В. Бромлей совместно со своими коллегами в Институте этнографии начал работу по систематизации взглядов советских этнографов на этничность в конце 1960-х гг. и, в основном, опирался на работы послевоенного времени, почти не обращаясь к работам советских этнографов 1920-х гг. Эти периоды разделили трагические события, названные Ю. Л. Слэзкиным «нокдауном» советской этнографии²: в начале 1930-х гг. дисциплина подверглась идеологическому разгрому, была низведена до статуса «первой главы учебника истории», а многие этнографы репрессированы. Учитывая статус и положение теории этноса, выбор предшественников в ее историографии можно изучать как построение родового древа всей советской этнографии. Насколько же исключение периода 1920-х гг. из рассмотрения было обосновано материалом теории этноса?

В книгах Бромлея генеалогия его теории выстраивается вокруг понятия «этнос», а не представлений о национальных/этнических явлениях в целом. Бромлей указывал, ссылаясь на Н. М. Могилянского, что в русской науке понятие «этнос» лишь эпизодически употреблялось для обозначения предмета этнографии в начале XX в., а потом сразу описывал разработку этого понятия С. М. Широкогоровым, причем, с ним же автор связывал и введение термина в язык «западноевропейской науки». Интересно, что здесь использована интересная схема легитимизации обращения к понятию «этнос»: с одной стороны, Бромлей объявляет главным разработчиком понятия русского ученого, а с другой – заявляет, что благодаря работам Широкогорова термин распространился в мировой науке, причем не только он, но и производимые термины:

«этническая группа» и «этническое образование»³. Такой ход позволил представить «этнос» как понятие, принадлежащее мировой науке, но в то же время разработанное русским ученым.

Как мы писали в другой работе, задачей Ю.В. Бромлея при создании теории этноса была реабилитация этнографии после репрессий 1930-х гг. и утверждение ее дисциплинарной автономности, что достигалось путем построения свободного от политических дискуссий академического дискурса⁴. Именно историографический заход через конкретный термин должен был увести теорию Бромлея от дискуссий, связанных с такими политизированными терминами, как «племя», «народность», «национальность» и «нация»: они лишь эпизодически обсуждаются в работах автора, но, в основном, как уже сложившиеся понятия⁵. Этот принцип представляется закономерным с точки зрения создания относительно аполитичного академического дискурса: не вступать в дискуссии со специалистами по марксизму-ленинизму и марксистской теории нации (хотя полностью этого избежать не удалось), однако только ли обществоведы участвовали в обсуждении этих терминов?

Специалисты по статистике уже во второй половине XIX в. обсуждали, что для определения национальности могут применяться «объективные» (язык, культура, религия) и «субъективные» (самосознание) признаки⁶; этнографы подключились к дискуссии чуть позднее и искали признаки, определяющие группу как этнически особую, вследствие чего и было предложено понятие «этноса» учеными петербургской антропологической школы⁷. В 1920-х гг. потребность в национальном учете населения потребовала подключиться многих, оставшихся в России и переживших Гражданскую войну, этнографов к выработке критериев, по которым определялась национальность тех или иных групп. Основной вопрос оставался прежним: нужно ли использовать «объективные» или «субъективные» признаки, а этнографы как раз были специалистами по «объективным» признакам национальных групп, населявших Советский Союз.

При подготовке к переписи населения 1926 г. Совет национальностей поручил Академии наук проработать вопрос «о точном определении термина „национальность“»; адресован он был прежде всего Комиссии по изучению племенного состава (КИПС), которая включала большое число этнографов⁸. Уже тогда, на заседании специальной подкомиссии, Н.Я. Марр высказал мысль, что «в современную эпоху национальность определяют не кровь, не территория, не формы физического туловища», а групповое самосознание⁹. Эта позиция, вполне созвучная современным представ-

лениям об этничности, надолго опередила свое время и не была вполне реализована и через полвека при создании теории этноса.

В дискуссии о национальности участвовали этнографы, привлекаемые Центральным статистическим управлением (В. В. Богданов, А. Н. Максимов) и члены КИПС (обычно в рамках региона, курируемого ими в своей специализации), объяснявшие, на какие критерии стоит опираться при проведении учета национального состава¹⁰. Чаще всего в силу научных интересов их внимание привлекали «объективные» признаки, однако, это не мешало этнографам признавать, какое значение имеет самоидентификация для выявления национальных категорий. В 1920-х гг. принцип этнической самоидентификации имел гораздо более сильные позиции, чем в позднесоветскую эпоху, и иногда становился основным фактором национального межжения, например, в случае УССР¹¹.

Этническое самосознание – важный компонент в теории Бромлея, который он ввел даже в определение этноса, хотя и на правах вторичного признака. Но писал ли он о своих предшественниках – этнографах и других ученых, так активно прорабатывавших этот вопрос для переписи 1926 г.? В истории вопроса дискуссия 1920-х гг. описывается как использование понятия в «социологической литературе», причем, утверждает автор, оно не подверглось в то время «теоретическому осмыслению». Дальше он приписывает главную заслугу обращения к этническому самосознанию П. И. Кушнеру (1951) и исследователям более позднего времени¹².

При этом нельзя сказать, что в дискуссиях 1920-х гг. использовался исключительно тот марксистский, обществоведческий глоссарий, роль которого Бромлей надеялся уменьшить своей теорией. Академик Марр, сначала просто значительная, а потом доминирующая фигура в гуманитарном дискурсе того времени, а также его ученики, – часто обращались и к понятию «этнос», встраивая его в привычную терминологию. Например, И. И. Мещанинов указывал, что это понятие не относится к первобытности, так как особенности труда охотника препятствовали образованию крупных общественных объединений¹³. Н. Я. Марр выражался еще более конкретно, помещая этнос в стадиальную марксистскую схему: этноса не было в первобытности – он появился позже, а в дальнейшем появилась нация (национальность)¹⁴. При этом, И. И. Мещанинов также указывает, что этнос прежде понимался, как объединение людей по происхождению (крови), от чего следует отказаться¹⁵. В 1927 г. В. Б. Аптекарь обрушился на этнографию за биологизм и внимание к расе, а на замечание Н. В. Никольского, что внимание от расы давно переключилось на этнос, отвечает, что, несмотря на смену названия, суть у этого

понятия осталось прежняя – «некая неделимая, первичная и одновременно не общественная, а взятая в разрезе естественно-научном субстанция»¹⁶.

То, что Ю. В. Бромлей признавал своими предшественниками лишь работы, написанные уже после «нокдауна», означает, что эти события стали важной вехой в отечественной этнографии. Под их влиянием были сформированы фигуры умолчания, самоцензура и специфическая для позднесоветской этнографии автобиография, не включающая плодотворные и насыщенные дискуссии 1920-х гг. Несмотря на старания многих историков этнографии, этот разрыв во многом не преодолен и сегодня.

¹ Исследование выполнено при поддержке РНФ (проект № 22–18–00241); организация, осуществляющая финансирование: Институт этнологии и антропологии имени Н. Н. Миклухо-Маклая Российской академии наук (ИЭА РАН).

² Слэзкин Ю. Л. Советская этнография в нокдауне: 1928–1928//Этнографическое обозрение. 1993. № 2.

³ Бромлей Ю. В. Этнос и этнография. М.: Наука, 1972. С. 22.

⁴ Верховцев Д. В., Петряшин С. С. Теория этноса vs марксизм: история миметического сопротивления//Кунсткамера. 2021. 1(11). С. 90.

⁵ Бромлей Ю. В. Указ. соч. С. 138–139.

⁶ Терлецкий П. Е. О методах анализа и корректирования данных переписей об этническом составе населения зарубежной Европы // Советская этнография. 1949. № 3. С. 145.

⁷ Алымов С. С. У истоков теории этноса: Н. М. Могилянский и петербургская антропология конца XIX – начала XX в.//Три века российской этнографии. М., 2012. С. 140–160.

⁸ Хирш Ф. Империя наций. Этнографическое знание и формирование Советского Союза. М.: НЛЮ, 2022. С. 150.

⁹ Там же. С. 162.

¹⁰ Там же. С. 176–177. Ф. Хирш в основном ссылается на архивные документы заседаний комиссий, отчетов и рецензий, в которых происходила выработка позиции в отношении национальности. Однако результаты этого обсуждения также отложились в Программе переписи 1926 года, инструкций для переписчиков, а также нашли отражение в публикациях в изданиях КИПС и ЦСУ участников обсуждения.

¹¹ Хирш Ф. Указ. соч. С. 219.

¹² Бромлей Ю. В. Указ. соч. С. 96.

¹³ Мещанинов И. И. Введение в яфетидологию. Л.: Прибой, 1929. С. 86.

¹⁴ Марр Н. Я. Вопросы языка в освещении яфетической теории. Л.: ГА-ИМК, 1933. С. 260–261.

¹⁵ Мещанинов И. И. Указ. соч. С. 86.

¹⁶ Алымов С. С. Арзютов Д. В. Марксистская этнография за семь дней: совещание этнографов Москвы и Ленинграда и дискуссии в советских со-

циальных науках в 1920–1930-е годы//От классиков к марксизму: совещание этнографов Москвы и Ленинграда (5–11 апреля 1929 г.). СПб.: МАЭ РАН, 2014. С. 31.

UDC 94.39(47)

D. V. Verkhovtsev

Before and After the “Knockdown”:
Discussions of Ethnicity in the 1920s
and the Ethnos Theory in the 1970s

Verkhovtsev Dmitry Vladimirovich, The N. N. Miclouho-Maklay Institute of Ethnology and Anthropology the Russian Academy of Sciences (Moscow), researcher; DVerhovtcev@gmail.com

The ethnos theory developed by Academician Yu. Bromley and his team in the 1970s, was based on the ideas of ethnicity deeply rooted in the Soviet ethnography and followed mainly the works published in the 1940s at the earliest. However, the majority of key issues represented in the ethnos theory were developed even earlier, during the 1920s discussions, when ethnographers used to actively participate in the government nativization policy and preparations for the 1926 census. In fact, various definitions of ethnicity were discussed back then, along with heated debates around subjective (identity) and objective (language, religion, culture) ethnic markers. Also in that period, during discussions of the country's ethnic and territorial makeup, the ideas of ethnic hierarchy and ethnic group consolidation processes were discussed.

The period of active ethnography theory building in the 1920s ended in a “knockdown”: persecution of ethnography in the late 1920s–early 1930s and repressions toward a number of ethnographers. Ethnography position and agenda changed drastically: many research issues were forgotten for a long time. Despite the fact that Bromley developed his ethnos theory as an attempt to give ethnography back its own subject of study and therefore, its autonomy from ideology and allied disciplines, it did not cover all the variety of issues that used to be discussed in the 1920s, while numerous problems were handled in biased ways. The “knockdown” ruptured the ethnography tradition for a long time. To a great extent, its integrity has not been restored by now.

Keywords: the Soviet ethnography history, ethnos theory, Yu. Bromley, N. Marr, ethnic identity, ethnos.

А. Н. Новожилов

Дискуссионное поле этнографии
колхозного крестьянства
рубежа 1940–1950-х годов

Новожилов Алексей Геннадьевич, Санкт-Петербургский государственный университет (С.-Петербург), кафедра этнографии и антропологии, заведующий кафедрой, доцент, кандидат исторических наук; novogilov@mail.ru

Изучение этнографии современности в советской науке можно назвать «мерцающей» темой. Интерес к ней возник и быстро сходил на нет с определенной периодичностью: в первой половине 1930-х гг., на рубеже 1940–1950-х, на рубеже 1960–1970-х и, наконец, во второй половине 1980-х. У каждой из этих научных кампаний был свой специфический импульс, методические ориентиры и дискуссионное поле.

Данный доклад посвящен истории важнейшего направления изучения современности конца 1940 – начала 1950-х гг. – этнографии колхозного крестьянства. В частности, речь пойдет об обсуждении объекта исследования. Спор шел о том, насколько широк должен быть исследовательский охват при комплексном анализе культуры и быта колхозов. Можно выделить две крайние точки зрения. Первая: объектом исследования должно быть село без учета колхозного производства, где колхоз выступает «черным ящиком», забирающим время и выдающим средства к существованию; вторая: колхоз и село неразделимы, а следовательно, изучение труда в колхозах, реальных доходов и получаемых благ колхозников тоже является этнографической темой. Отдельные полевые исследования проводились по обоим направлениям, но ни те, ни другие так и не стали мейнстримом отечественной этнографии.

Показательно, что другие атрибуты исследования не обсуждались: все сходились во мнении, что предметом является этническая специфика колхозного быта, а методом – полевое стационарное изучение отдельных колхозных сел.

Ключевые слова: история отечественной этнографии, дискуссии, этнографическое изучение современности, этнография колхозного крестьянства.

Вопрос об объекте полевого исследования перманентно обсуждается в этнографической науке. В каждый новый период ее развития появляются новые нюансы, определяющие экспедиционные задачи и способы их решения. В изучении этнографии колхозного крестьянства середины XX в. ключевым явился вопрос о месте описания самого колхоза, как экономического, технологического и культурно-бытового явления, в этнографическом тексте¹. Игнорировать колхоз, прочно вошедший в жизнь крестьян, и сосредоточиться исключительно на историко-этнографических реконструкциях доколхозных традиций деревни к концу 1940-х гг. стало невозможно.

Встал вопрос: насколько же глубоко изучать и масштабно описывать колхозную часть жизни крестьян? Ответ на него зависел и от источниковой базы (с какой колхозной документацией исследователь может познакомиться в поле), и от идеологического давления (все ли колхозы могут изучаться или только образцово-показательные), и, самое главное, от определения объекта этнографии современности.

В начальной фазе развития этнографии современности (термин, объединявший этнографию колхозников и рабочих) основным объектом исследования признавались социалистические изменения в традиционной культуре представителей разных народов. Первая публикация, затронувшая эту проблему, принадлежала Л. П. Потапову и была посвящена изменениям в традиционном хозяйстве и быту алтайцев. В ней подчеркивались организационные и технологические изменения, рост потребления промышленных материалов, само описание носило масштабный характер – сразу о всех группах алтайцев. Показателен целеполагающий посыл Леонида Павловича: «За годы полевой работы накопился существенный материал по этой теме»².

Главным, по сути, непреодолимым недостатком такого подхода к этнографии современности являлось противоречие между стремлением советского общества к унификации сельского быта по «городским» стандартам и методической ориентацией этнографии на уникальность научного факта.

Преодоление этого несоответствия ученым-лидерам Института этнографии виделось в детальном изучении всех элементов материального, социального и духовного миров в их масштабных изменениях. Предполагалось, что именно детали перехода и отвечали критерию специфики преобразований у представителей разных народов.

В 1948 г. основной темой полевых работ руководство Института этнографии объявило монографическое описание националь-

ных колхозов³. Первая отчетная статья была опубликована уже в 1949 г. Т. А. Жданко значительное место в отчете отвела собственнo колхозной тематике: основным экономическим показателям артели, социокультурному строительству на селе, деятельности общественных организаций⁴.

С. П. Толстов, П. И. Кушнер, Л. П. Потапов (именно в таком порядке) настаивали на всестороннем описании хозяйства и организации труда исследуемого колхоза, вплоть до раскрытия содержания трудового или описания помощи со стороны МТС⁵. Однако на практике все сложилось иначе. Большинство работ оставались в поле классической этнографии: на место традиционного жилища пришло жилище колхозника, вместо традиционной одежды – одежда колхозницы. Необходимо было выработать такую стратегию полевой работы, которая не расходилась бы с принципами этнографического поля и в то же время давала возможность получить качественно новые материалы об изменениях в традиционных культуре и быту.

Обсуждение этой проблемы состоялось на этнографическом совещании 1951 г., где отдельное заседание было посвящено этнографии современности. Отчет об этой дискуссии очень краток, но из опубликованных работ можно составить представление как об идеях самих авторов, так и цитируемых ими неопубликованных докладах. Большинство обсуждаемых вопросов сводилось к объекту исследования.

Массовую полемику вызвал вопрос, касающийся принципа полевого исследования: что важнее, монографическое описание колхозов или тематическое обследование различных сторон жизни колхозников. Поскольку этот спор сродни спору о курице и яйце, то и вывод был такой же: в одних случаях важнее первое, в других – второе.

Еще одну проблему поднял Н. Н. Чебоксаров. Он отметил, что в среде представителей разных народов, живущих на одной территории и ведущих аналогичное или взаимодополняемое хозяйство, процессы колхозного строительства схожи, и изменения в быту и культуре идут по одному пути. Поэтому объектом исследования могут стать регионы, процессы внутри которых достаточно однотипны, однако сами регионы значительно различаются.

В развитие этой идеи Л. П. Лашук и О. Н. Воздвиженская предложили зональные исследования (крупные территории, охватывающие территории традиционного проживания целых народов)⁶, а Н. И. Воробьев – районные (небольшие территории, размером с административный район)⁷. К сожалению, эта замечательная

идея так и не была реализована, поскольку требовала масштабного финансирования.

Острая дискуссия разгорелась и по поводу дихотомии объекта исследования – колхоз/село. Она сопровождалась резкими высказываниями и получила реальное продолжение в практике полевых исследований колхозов. Спор шел о том, насколько глубоко и широко полевая исследовательская программа должна захватывать экономику, агротехнику и технологию колхозного производства. Можно выделить две крайние точки зрения: первая – объектом исследования должно быть село без учета колхозного производства, где колхоз выступает «черным ящиком», забирающим время и выдающим средства к существованию; вторая – колхоз и село неразделимы, а, следовательно, изучение труда в колхозах, изучение реальных доходов и получаемых благ колхозников тоже являются этнографической темой⁸.

Учитывая, что на момент проведения совещания собранного полевого материала было мало, а научных публикаций по этой проблеме еще меньше, следует признать, что основательность высказанных идей отличалась глубиной. В пользу первой точки зрения П. И. Кушнер приводил следующие аргументы: неподготовленность этнографов в указанных технико-экономических сферах, отсутствие этнической специфики в них и более широкая палитра жизни сельских жителей, нежели собственно колхозное производство. То есть исследовательской единицей должно быть село, а не колхоз⁹.

Эта позиция, ориентированная на традиционный объект, была более близка исследователям в силу умения этнографов абстрагироваться от внешних социальных и политических влияний, скажем, от государственной аграрной или колониционной политики. Кроме того, она снимала организационные трудности, возникающие при сборе колхозной документации.

Н. А. Кисляков возражал, аргументируя тем, что раз научились изучать технологии и бюджеты традиционного хозяйства, то и колхозные научимся, а для решения самых сложных вопросов необходимо создавать комплексные экспедиции, с участием соответствующих специалистов. В отношении схожести технологий было сказано следующее: «...если в Средней Азии и Сибири применяется трактор или культиватор, это не значит, что наши монографии будут похожи одна на другую». Наконец, село и колхоз настолько связаны между собой, что трудно провести грань, где заканчивается колхоз и начинается село. А возникновение новых поселков под эгидой колхоза и вовсе явление, которое не относится к сельской традиции¹⁰.

В дальнейшем, хотя и не долго – до середины 1950-х гг. – проводились экспедиционные исследования отдельных национальных колхозов в различных республиках СССР. Методический аппарат, в зависимости от выбора руководителя, был в большей или меньшей степени ориентирован на изучение колхозов.

Однако эти исследования так и не стали мэйнстримом отечественной этнографии. В итоге победило желание сотрудинок Института этнографии сосредоточиться на написании томов серии «Народы мира». Это давало больше свободы и более ощутимый результат. К тому же, администрация Института так и не решила вопрос о дополнительном финансировании, а сам С. П. Толстов был больше увлечен археологией, чем новым бытом колхозного крестьянства.

¹ Изучение этнографии современности в советской науке можно назвать «мерцающей» темой. Интерес к ней возникал и быстро сходил на нет с определенной периодичностью: в первой половине 1930-х гг., на рубеже 1940–1950-х, на рубеже 1960–1970-х, и, наконец, во второй половине 1980-х. У каждой из этих научных кампаний был свой специфический импульс, методические ориентиры и дискуссионное поле. В данном докладе речь пойдет об изучении этнографии колхозного крестьянства конца 1940 – начала 1950-х гг.

² Потапов Л. П. Опыт изучения социалистических культуры и быта алтайцев//Советская этнография. 1948. № 1. С. 107.

³ Корбе О. А. Сессия, посвященная итогам экспедиционных работ 1948 г.//Советская этнография. 1949. № 3. С. 208.

⁴ Жданко Т. А. Быт каракалпакского колхозного аула//Советская этнография. 1949. № 2. С. 35–58.

⁵ Корбе О. А. Указ. соч. С. 209.

⁶ Воздвиженская О. Н., Лашук Л. П. О некоторых вопросах этнографического изучения колхозного крестьянства//Советская этнография. 1952. № 1. С. 149–153.

⁷ Воробьев Н. И. К вопросу об этнографическом изучении колхозного крестьянства//Советская этнография. 1952. № 1. С. 142–146.

⁸ Показательно, что другие атрибуты исследования не обсуждались: все сходились во мнении, что предметом является этническая специфика колхозного быта, а идеальным методом – полевая стационарная экспедиция, при допущении исследования отдельными наездами.

⁹ Кушнер П. И. Об этнографическом исследовании колхозного крестьянства//Советская этнография. 1952. № 1. С. 135–141.

¹⁰ Кисляков Н. А. К вопросу об этнографическом изучении колхозов//Советская этнография. 1952. № 1. С. 146–149.

A. G. Novozhilov

The Discussion Field Around the 1940–1950s
Collective Farm Peasant Ethnography

Novozhilov Alexey Gennadievich, The Saint Petersburg State University (St. Petersburg), the Department of Ethnography and Anthropology, head of department, associate professor, Ph. D. (History); novogilov@mail.ru

The modern ethnography studies in the soviet times were a “blinking” subject, so to speak. The interest to them flared up and quickly extinguished at certain intervals: in the early half of the 1930s; in the late 1940s–early 1950s; in the late 1960s–early 1970s, and, finally, in the latter half of the 1980s. Each of those research campaigns had its own specific drive, method benchmarks and discussion field.

This paper deals with the history of one of the key modern ethnography fields of the late 1940s–early 1950s – the ethnography of collective farm peasants. In particular, it discusses the object of the study. The disputed issue was how broad the research coverage had to be for comprehensive analysis of collective farms culture and everyday life. There were two extreme points of view. The first one declared that villages should be studied with no regard to collective farm production; collective farms were, in their opinion, supposed to be “black boxes” of sorts where time comes in and money comes out; the second one posited that collective farms and village life were inseparable and therefore studying people’s work at collective farms, their real wages and benefits was a subject for ethnography as well. Some field studies were done following both theories, but neither managed to become the Soviet ethnography mainstream.

It is revealing that no other research attributes were discussed: everyone agreed that the subject of their studies was the ethnic specifics of the collective farm way of life, its method: stationary field research of certain collective farm villages.

Keywords: the Soviet ethnography history, discussions, ethnography of modern times, ethnography of collective farm peasantry.

К. Я. Коткин

Описание кольских саамов в трудах
этнографов 1920–1930-х годов
(В. В. Чарнолуский З. Е. Черняков)

Коткин Константин Яковлевич, Мурманский областной краеведческий музей (Мурманск), хранитель музейных предметов; Социологический институт Российской академии наук (С.-Петербург), Центр арктических и сибирских исследований, ассоциированный научный сотрудник, кандидат философских наук; kostyakotkin@rambler.ru

В докладе на примере описания саамов Кольского п-ова в публикациях В. В. Чарнолуского и З. Е. Чернякова анализируется общее и особенное в установках представителей ленинградской этнографической школы 1920–1930-х гг.

Ключевые слова: саамы, Кольский Север, оленеводство, саамские языки, картография, ленинградская этнографическая школа, советская этнография.

Одна школа, разные учителя

Владимир Владимирович Чарнолуский (1894–1969) и Захарий Ефимович Черняков (1900–1997) относятся к когорте исследователей саамов, интенсивно проводивших полевые работы в 1920–1930-е гг. Они упоминаются как ученые-саамоведы наряду с формально более именитыми (Д. А. Золотарев), или известными на региональном уровне (В. К. Альмов)¹. Всех этих ученых объединяют общее предметное поле (саамская тематика), период их деятельности, принадлежность к общей институции обучения (соответственно, общность школы, хотя лишь в некотором смысле), а также определенные биографические параллели (период учебы, закрепление в Ленинграде сразу после окончания образования, наконец, принадлежность к репрессированным этнографам)².

Взгляды на саамскую проблематику в целом и ее отдельные блоки в трудах двух коллег по этнографическому цеху на протяжении всей научной деятельности еще предстоит анализировать. В данном докладе внимание сконцентрировано на периоде 1920–1930-х гг. В. В. Чарнолуский и З. Е. Черняков окончили отделение этнографии географического факультета ЛГУ. Принадлежность

к ленинградской этнографической школе – формальная объединительная канва. Не меньше видится различий, которые концентрируются в тяготении В. В. Чарнолуцкого к естественно-научному направлению геофака (в лице В. П. Семенова-Тян-Шанского), а З. Е. Чернякова – к «этногеографическому» (В. Г. Богораз).

Период 1920–1930-х гг. интересен интенсивными полевыми исследованиями саамов. Это динамичное время «словом», «колебаний», «перестроек» как в теоретическом ключе и понимании содержания, целей этнографии в стране Советов, так и в переустройстве Кольского Севера, что, несомненно, отразилось на местных жителях. Публикации двух исследователей позволят увидеть различия в работах по одной тематике в конкретный период. У каждого из них своя реконструкция образа исследуемого народа.

Чарнолуцкий: от материалов по быту к оленьей изгороди

Владимир Владимирович Чарнолуцкий с 1926 г. работал в составе Лопарской экспедиции РГО, позднее – Кольской экспедиции Академии наук, Оленеводческого института ВАСНИЛ и Всесоюзного арктического института, а также фольклорной секции Союза писателей. Работы в первых двух экспедициях отражены в нескольких публикациях за авторством В. В. Чарнолуцкого, а также в соавторстве.

Одними из первых появились небольшие статьи в журнале «Карело-Мурманский край»³. В них автор, как явствует из названия статьи, описывает различные типы путей и ландшафт тундры (а также ночевки, дорожные знаки, исторические сюжеты и т.п.), освоенные саамами, и предстает как погруженный непосредственно в местную среду этнограф, достаточно эмпатично наблюдающий повседневную жизнь саамов и поражающийся их умению соседствовать с природой: «Тот факт, что недавно умерший в Каменском погосте старик-лопарь умел, будучи слепым, ездить в зимнее время в стадо, указывает, что помимо зрения, у лопарей развито особое чувство местности»⁴. Перед читателем предстает насыщенный и многослойный образ «быта лопарей»⁵. Но тезисно, почти между строк и без какой-либо аналитики, упоминаются элементы фольклора и верований⁶. Несмотря на во многом прикладной характер⁷, публикации того периода не лишены как теоретического содержания⁸, так и живых иллюстраций – описаний случаев, встреч, наблюдений.

Черняков: критика, азбука, пропаганда

Захарий Ефимович Черняков также участвовал в экспедициях на Кольский Север с 1926 г., когда был оставлен при Ленинград-

ском университете ассистентом кафедры этнографии; с 1934 г. он, по собственному выражению, «на стационарной работе в Мурманском округе». С начала 1930-х гг. основной тематикой его работы были исследования языка саамов – методическая и педагогическая работа, включавшая, в частности, составление саамского букваря⁹ и поездки по школам для осуществления различных задач: от проведения уроков до записей текстов, а также уроков с разрабатанным букварем¹⁰.

В своих рецензиях З. Е. Черняков в духе дискуссий периода «этнографии на переломе» критикует ошибки и лакуны в изучении отражения саамов. Негативно оценивается их обобщенный и размытый образ (совместно с другими группами арктических регионов). Несмотря на возможность придерживаться «социалистической» идеологии, рецензент, опираясь на личный полевой опыт, показывает сохранение «аутентичных» элементов вопреки индустриальному освоению территории. Полевик становится посредником-корректором между читателем и специалистом, обобщающим полученный материал.

В нескольких публикациях исследователя отражена работа по картографии и районированию. Они интересны классическим советским пониманием языков восточных саамов как диалектов (и отчасти нестандартным обобщенным именованьем западных языков как «туломский диалект»)¹¹. Хозяйство саами является одним из ключевых для обоснования нового районирования округа¹².

Особенно интересно конструирование саамской культуры в агитационной брошюре «Что дала Октябрьская революция трудящимся саамам?»¹³ Вот как ее характеризовал сам автор: «[в брошюре] рассказано об истории саамов, вторжении колонизаторов у нас и за рубежом, о встрече саамов и ижемцев, о борьбе трудящихся России за свободу, об Октябрьской революции и образовании Союза Советских Социалистических Республик. „Чтобы построить новую жизнь, нужно много знаний. Без грамоты невозможно построить новую, хорошую жизнь. Саамам нужно посылать своих детей в школы, а самим учиться в пунктах ликвидации неграмотности. Нужно освободить женщину от тяжелой работы. Ленин говорил, что без свободной женщины новую жизнь не построить”»¹⁴. Характерное разделение на прошлую историю, окрашенную негативно, и идеальный образ «новой жизни» дополняется «мягкой силой» в виде использования нативного языка («воронежского наречия»), на котором полностью написана публикация¹⁵. Та же идеологическая составляющая активно включена и в вышеупомянутый саамский букварь (как по тематике, так и по объему текстов). Визуальный ряд первых страниц букваря, иллюстрирующих занятия саамов,

организован определенным образом: оленеводство, рыболовство, промыслы морского зверя, охота¹⁶. В первую очередь обозначены занятия, имеющие приоритетное значение. Позднее З. Е. Черняков уточняет, что «в основе традиционной культуры саамов лежит охота на зверя, а затем рыболовство и в последнюю очередь оленеводство»¹⁷. В букваре вновь ставится акцент на второстепенность «исторического», которое уступает прагматике современности.

Наконец, следует отметить хотя и непоследовательное, но в то же время присутствующее в некоторых работах З. Е. Чернякова наименование «саами», а значит и элементы соответствующего взгляда исследователя наряду с ранее закрепившимся традиционным «колониальным» названием – «лопари».

Обобщением образа саамов у З. Е. Чернякова в 1930-х гг. является брошюра «Кольские лопари»¹⁸. Здесь, несмотря на краткость, читателю предстает емкий, реферативный, многоуровневый, но во многом банальный для специалиста образ саамов, хотя не столь идеологизированный, но довольно схематичный, с акцентом на экономическое содержание саамского хозяйства без территориальных различий групп саами на полуострове. Этот набросок через несколько десятилетий превратится в сложную картину (с использованием наблюдений 1920–1930-х гг.). Опубликована эта работа была уже после смерти автора.

Указанные два образа саамов показывают варианты конструирования исследователем черт изучаемого народа. Идеологический акцент при всей своей важности не является единственным. Не менее значимы установки научной традиции и учителей. Обоим исследователям не чужда теоретическая база¹⁹, оба они сочетают обобщения и конкретные наблюдения, используют карты и детские рисунки; оба располагают потенциалом данных, собранных в поле, а не только информацией, почерпнутой в публикациях, что показывают позднейшие работы и архивные данные. В случае В. В. Чарнолуцкого выражена концентрация на тематике оленеводства; этнограф имплицитно решает свою теоретическую задачу «определения кочевого состояния», стремясь оставаться с местными «на равных». З. Е. Черняков, начиная с сюжетов теории, выбирает в качестве предметного поля язык. Во многом оставаясь на позиции рецензента-учителя-ученого, обладающего символической властью, он реализует себя в том числе в идеологической работе.

¹ Киселев А. А., Киселева Т. А. Советские саамы. Мурманск, 1971. С. 8; Заньковская А. А. Саамы Кольского полуострова по данным В. К. Алымова (1924) и Первой Всесоюзной переписи населения СССР (1926)//Северо-За-

пад: этноконфессиональная история и историко-культурный ландшафт: Седьмые международные Шёгреневские чтения: Сб. ст./Сост. и науч. ред. С. Б. Коренева, О. М. Фишман. СПб.: Европейский Дом, 2018. С. 52–58.

² О биографии В. В. Чарнолуского см.: Лукьянченко Т. В. В. В. Чарнолуский – певец земли саамской//Репрессированные этнографы/Сост. и отв. ред. Д. Д. Тумаркин. М., 2003. Вып. 2. С. 128–146; Мурманский областной краеведческий музей. Основной фонд (далее МОМ ОФ) 20593. Биография Владимира Владимировича Чарнолуского; о З. Е. Черныкове см.: Черныков З. Е. Очерки этнографии саамов. Рованиеми, 1998. С. 9–10; Сорокажердьев В. У истоков саамской письменности на Мурмане//Наука и бизнес на Мурмане. 2005. № 5. С. 22–24. Также по обоим персоналиям информация на сайте «Биографика СПбГУ» (режим доступа: URL: <https://bioslovhist.spbu.ru/>).

³ Чарнолуский В. В. По тропам, проселкам и «зимникам» Лапландии//Карело-мурманский край. 1929. № 3. С. 27–31; № 4–5. С. 29–30.

⁴ Там же. С. 27.

⁵ Чарнолуский В. В. Материалы по быту лопарей: опыт определения кочевого состояния лопарей восточной части Кольского полуострова. Л., 1930.

⁶ Это особенно удивляет, учитывая поздние работы В. В. Чарнолуского.

⁷ Чарнолуский В. В. Оленья изгородь. М.; Л., 1931.

⁸ Следует обратить внимание на подзаголовок основной книги этнографа в данный период – «Материалы по быту лопарей», он следующий: «Опыт определения кочевого состояния лопарей восточной части Кольского полуострова». Таким образом, ставится проблема типологии хозяйства саамов.

⁹ Черныков З. Е. Букварь на саамском языке. М.; Л., 1933.

¹⁰ Он же. Отчет о командировке в полярный район Мурманского округа с 23/IX по 17/X 1933 г./Материалы по развитию языков и письменности народов Севера в Мурманской округе. Мурманск, 1934. Вып. 1. С. 13–19.

¹¹ Карта распространения языков народов севера СССР/Сост. З. Е. Черныков. М.; Л., 1935. Черныков З. Е. [Рецензии на издания] 1) Население СССР по переписи 1926 года. В картограммах и диаграммах. Состав населения по главным народностям. Табл. XI: Европейская часть. Табл. XIII: Азиатская часть/Сост. Б. В. Авиллов. М., 1931; Советская этнография. 1931. № 1–2. С. 195–196; 2) Е. Кагаров Народы СССР. Л., 1931; Советская этнография. 1931. № 3–4. С. 263–265.

¹² Черныков З. Е. Проблема перерайонирования Мурманского округа//На фронте индустриализации. 1934. № 5–6. С. 75–80.

¹³ Сахкре [Черныков З. Е.] Men antiij oktavr revolucia robtusd Ođđ saamit. [Что дала Октябрьская революция трудящимся саамам. Л., 1933]. Л., 1933

¹⁴ Он же. Очерки этнографии саамов. С. 83.

¹⁵ Он же. Отчет о командировке... С. 13.

¹⁶ Он же. Букварь на саамском языке. С. 2–3.

¹⁷ Он же. Очерки этнографии саамов. С. 38.

¹⁸ Он же. Кольские лопари: пробная статья из справочника по народам СССР. Л., 1931.

¹⁹ В случае З.Е. Черныкова этот абстрактный фундамент даже более очевиден. Он – автор, соседствующей по подходу с «Распространением культуры на земле» В.Г. Богораза; работы – Социология в наши дни: этюды. Л.; М., 1926.

UDC 39; 930

K. Ya. Kotkin

Descriptions of the Sámi People (the Kola Peninsula)
in the Works of Ethnographers of the 1920–1930s
(V. Charnolusky, Z. Chernyakov)

Kotkin Konstantin Yakovlevich, The Murmansk Museum of Regional Studies (Murmansk), curator of the museum collections; The Sociological Institute RAS (St. Petersburg), the Centre of Arctic and Siberian Exploration, associated researcher, Ph. D. (Philosophy); kostyakotkin@rambler.ru

Taking descriptions of the Sámi people (the Kola Peninsula) published by V. Charnolusky and Z. Chernyakov, the author analyzes the common and the particular in the approaches employed by the researchers from the Leningrad Ethnographic School in the 1920–1930s.

Keywords: the Sámi, the Kola North, deer farming, the Sámi languages, cartography, the Leningrad Ethnographic School, Soviet ethnography.

Д. А. Баранов

Народы и территории в музейных
репрезентациях: между
наукой и идеологией

Баранов Дмитрий Александрович, Российский этнографический музей (С.-Петербург), отдел этнографии русского народа, заведующий отделом, кандидат исторических наук; dmitry.baranov@list.ru

В докладе анализируется использование понятия «территория» в музейных репрезентациях советского периода. В зависимости от внешнего идеологического фона экспозиции и выставки Государственного музея этнографии базировались на этническом, административном или географическом принципе. В позднесоветское время для экспонирования современности предпринималась попытка перевести понятие «этнические различия» народов Советского Союза, которые не вписывались в концепцию новой общности, в географическое измерение. Традиционные элементы в культуре оказались оторванными от конкретного этноса и стали частью общесоветской культуры, географическая вариативность которой могла трактоваться вполне нейтрально – как результат адаптации к окружающим природным условиям.

Ключевые слова: территория, этнографический музей, советский народ, экспозиция, культура, идеология.

Когда в исследованиях понятие «территория» перестает быть фактом физической географии, оно превращается в инструмент, использование которого преследует зачастую далекие от чистой науки цели. Это особенно актуально для музейных репрезентаций, в первую очередь, экспозиций и выставок, демонстрирующих этнокультурное разнообразие государства. В частности, речь идет о принципах показа народов – географическом или этническом.

В Этнографическом отделе (далее ЭО) «государственно-географические» принципы показа народонаселения России/СССР, содержащие такие аспекты, как «этнизация» территории и «территориализация» культуры, могли составить аргументы в поддержку представлений о формировании единства российской

нации/советского народа, а так же являться основанием для выводов о безграничном этническом разнообразии государства¹. Подобная двойственность территориального экспонирования, заключавшего в себе потенциальные возможности разновекторной интерпретации «этнографического протяжения отечества», а главное – осознание содержащихся в географическом принципе потаенных угроз для демонстрирования целостности государственного пространства, во многом определяли характер экспозиций музея в течение всего времени его существования. Тем не менее, был один фактор, который послужил общим знаменателем для самых разнообразных музейных коллекций – от корякского гарпуна до кубачинского подноса. Это схождение неповторимых траекторий их перемещения в одно место – этнографический отдел.

Сам национальный статус музея определил, в целом, оптику взгляда на народы России и принципы их классификации, диктующие размещение материала в экспозиции. Именно географическое измерение проживания народов, закрепление за ними определенной территории стали на начальном этапе ориентиром для составления общей экспозиционной карты, поскольку этнический принцип показа делал весьма проблематичным возможность выстроить желаемую этническую иерархию с русским народом во главе. Действительно, экспонирование культур в историко-географическом контексте позволяло продемонстрировать доминирующее положение русского народа, поскольку территория его расселения практически совпадала с государственными границами и это обстоятельство предполагало бы показ русских во всех залах экспозиции.

После установления советской власти новый политический контекст потребовал коррекции выставочной стратегии музея. Проведение политики коренизации и осуществление беспрецедентного эксперимента по внедрению этнотерриториального федерализма предполагали, что каждая нация должна иметь не только свою культуру, но и свою территорию². Культуры, а главное территории, окончательно получили «этническую атрибуцию».

В советском модернизационном проекте русский народ занимал исключительное место: он одновременно выступал и как объект, и как субъект его реализации, что позволило некоторым исследователям говорить об особом «российском шизофреническом ориентализме»³. Сложение же собственно советского народа иногда прямо описывалось через категории «консолидации» и «ассимиляции»⁴, стирания этнических границ, что парадок-

сальным образом не исключало развития «прогрессивных явлений» национальных культур и переноса их на пространство всей советской культуры. В основе последней, как предполагалось по умолчанию, лежит культура русского народа. Русский язык в этом процессе выступал в качестве «важнейшего средства общенародности СССР и сближения советских культур»⁵, а процессы русификации, усилившиеся в послевоенное время, способствовали формированию образа органически единого советского народа и строительству интернационального социализма.

Как же решалась задача экспонирования «деэтнизированной» (исключая некоторые черты «русскости») советской культуры при никем не отмененной установке демонстрировать музейными средствами этнокультурное многообразие государства? Первый шаг на этом пути – подмена этнической территории административной, то есть предполагалось сделать акцент на показе республик и иных административно-территориальных образований. При кажущейся своей частности это решение имело далеко идущие последствия. Во-первых, наметилась тенденция для так называемой «деэтнографизации» экспозиций и самой структуры музея, что вначале проявилось в их переименованиях, которые стали соответствовать административному делению страны. Так, четыре прежних отделения: «Этнография великорусского народа и финских племен», «Этнография белорусского и малорусского народов и славян», «Этнография народов Кавказа, Средней Азии и турецких племен» и «Этнография народов Сибири и Дальнего Востока» – были преобразованы в шесть новых: «РСФСР с автономными республиками и областями»; «УССР»; «БССР»; «Крым и Кавказ»; «Средняя Азия»; «Сибирское отделение». В наименования экспозиций также были введены административные наименования «Украинское село до и после Октября», «Белорусы БССР», «Ленинградская область и Карелия» и т.д. Во-вторых, встал вопрос: следует показывать только доминирующие («титильные») или все народы республик? Эта проблема так и не получила однозначного решения, сотрудники ЭО согласились только, что в показе надо сосредоточиться на процессе превращения народностей в «советские национальности». Чуть позже, в 1930-х гг., народности, чтобы быть признанными национальностями, должны были иметь не только свою культуру, но и территорию и демонстрировать экономическую жизнеспособность. Само понятие «народность» стало относиться только к малочисленным, экономически неразвитым народам.

Значимым шагом по «детерриториализации» этнических/традиционных черт культуры и «деэтнизации» экспозиций, посвя-

щенных современной культуре, стало принятое в 1956 г. решение показывать современность в одном зале, что решало задачу демонстрации единой советской культуры народов СССР. Очевидно, что данная выставочная стратегия отвечала потребности официальной идеологии в преодолении различий культур народов СССР. Культурное разнообразие пока еще не рассматривалось как ресурс, важный для формирования общесоветской идентичности. Именно в это время в музейном нарративе начинает встречаться слово «культура» в единственном числе для описания современности: советская культура, общесоветская культура, культура советского народа и т.д. Но этническое разнообразие оставалось столь явным, что игнорировать его в музейных выставках не представлялось возможным.

Несколько позже была предпринята попытка перевести понятие «этнические различия» народов Советского Союза, которые не вписывались в концепцию новой общности, в географическое измерение. Это позволило говорить о достаточно нейтральной в идеологическом отношении локальной вариативности культуры: «формирование советского народа как новой интернациональной общегосударственной общности и соответственно единой его культуры, отнюдь не означает исчезновения, отрицания культурных традиций как у каждого народа в отдельности, так и в пределах историко-культурных областей. Именно в последних находят проявление локальные варианты общесоветской культуры»⁶. Этнически выраженные явления культуры теряют свою территориальную укорененность, поскольку некоторые традиционные вещи, имеющие статус этнической марки – русские косоворотки, украинские «гуцулки», среднеазиатские тюбетейки, ковры и паласы, узбекское платье, прибалтийские фибулы и керамика, татарская узорная обувь, кавказские войлочные шляпы и папахи и т.д., вошедшие в моду у населения в послевоенное время⁷, стали, в определенной мере, частью общесоветской культуры. В некоторых случаях основанием для перевода понятия «этнические различия» в географическое измерение послужило приписывание традиционным компонентам культуры адаптивных функций к окружающим природным условиям. Так, в Сибири общераспространенными стали малица и унты; на Северном Кавказе – галифе, «кавказская» рубаша, сапоги и папаха; в Средней Азии – узбекское женское платье из шелка, «красивое, легкое и удобное в жаркую летнюю погоду <...> стали носить во многих районах киргизки, казашки и русские, живущие в Средней Азии»⁸, а русские павловопосадские головные платки почти повсеместно вошли в среднеазиатский женский костюм. Таким

образом, традиционные элементы в культуре отчуждались от конкретного этноса и становились частью культуры советского народа, географическая вариативность которой могла трактоваться вполне нейтрально – как результат адаптации к суровой окружающей среде.

Итак, советская социалистическая культура предстает таким полем безобидных, территориально очерченных различий, картографирование которых жестко очерчено установленными границами – границами проживания советского народа. Но у этого народа и у этого социализма, как отмечает Дж. Хоскинг, было отчетливо русское лицо⁹.

¹ Т. Беннет, говоря о факторах, сопровождающих образование наций, говорит о «a historicity of a territory and territorialisation of a history» (Bennett *The Birth of the Museum. History, theory, politics.* London and New-York. Routledge. 2009. P. 140).

² Коткин С. Новые времена: Советский Союз в межвоенном цивилизационном контексте//Мишель Фуко и Россия: Сб. статей / Под ред. О. Хархордина. СПб.: Европейский университет; Летний сад, 2001. С. 272.

³ «Субъект и объект внутреннего российского ориентализма совмещаются в одном сознании, которое само манифестирует неманифестированное себя, которое наблюдает над ненаблюдающим собой, которое рефлексировано над собой нерелексирующим. Внутренний российский ориентализм превращается в шизофренический ориентализм» – Кобрин К. От патерналистского проекта власти к шизофрени: «ориентализм» как российская проблема (на полях Эдварда Саида // НЗ, 2008, № 3 (59) / URL: <http://magazines.russ.ru/nz/2008/3/kk5.html>

⁴ Комплектование, научное описание и экспозиционно-выставочная пропаганда этнографических материалов современного периода: Научно-методические указания для исторических и краеведческих музеев / Сост. Г. Н. Бабаянц, Д. А. Горб, Е. Н. Студенецкая и др. Л.: ГМЭ народов СССР, 1979. С. 8.

⁵ АРЭМ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 1460. Л. 101.

⁶ Решетов А. М. Современные этнические процессы в СССР и задачи научно-пропагандистской деятельности музеев//Музей и этнографические проблемы современности: Тезисы докладов на Научно-практической многосторонней конференции/Государственный музей этнографии народов СССР. Л., 1984. С. 5–7.

⁷ АРЭМ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 1461. Л. 31; Д. 1512. Л. 33.

⁸ Комплектование... С. 8.

⁹ Хоскинг Дж. Правители и жертвы. Русские в Советском Союзе. М.: Новое литературное обозрение, 2012. С. 299. Любопытно отметить случаи перевода литературных произведений на разные языки народов СССР, минуя, так сказать, язык межнационального общения – русский: с балкарского на киргизский, с казахского на эстонский (см.: АРЭМ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 1844. Л. 32).

D. A. Baranov

Peoples and Territories in Museum Representations:
Between Science and Ideology

Baranov Dmitry Aleksandrovich, The Russian Museum of Ethnography (St. Petersburg), the Department of Ethnography of the Russian People, head of department, Ph. D. (History); dmitry.baranov@list.ru

The paper analyzes the “territory” concept used in the soviet period museum representations. Depending on the ideological background, expositions and exhibitions in The State Museum of Ethnography were organized around ethnic, administrative or territorial principles. In the late soviet times, there were attempts to switch the modern displays from “ethnic diversity” of the soviet peoples that was at odds with the new commonality concept, to the territorial paradigm. Various cultures’ traditional elements were divorced from their ethnic roots and became parts of the common soviet culture. Its variability could then be interpreted in perfectly neutral terms: as a result of people adapting to surrounding environmental conditions.

Keywords: territory, museum of ethnography, the soviet people, exposition, culture, ideology.

Л. Ф. Попова

Гений на фоне музейных будней
(к 100-летию со дня рождения
Ю. В. Кнорозова)

Попова Лариса Федоровна, Российский этнографический музей (С.-Петербург), отдел этнографии Кавказа, Средней Азии и Казахстана, заведующая отделом; rem_larisa@mail.ru

Ю. В. Кнорозов начал свою профессиональную деятельность в отделе Средней Азии Государственного музея этнографии народов СССР (1949–1953). Для него это был промежуточный этап в научной карьере – задачей его жизни была дешифровка письменности майя и американистика, которой можно было заниматься только в Институте этнографии Академии наук, но вследствие «изъяна» в биографии – пребывание на оккупированной территории в 1941–1943 гг. – путь туда был закрыт. Свое основополагающее открытие Ю. В. Кнорозов сделал именно в период работы в Государственном музее этнографии народов СССР, хотя оно могло произойти и при других обстоятельствах. Поэтому службу ученого в музее следует рассматривать как самоценную работу по специальности с особой сферой профессиональной компетенции. Послевоенный восстановительный период работы музея был исключительно напряженным, потребовавшим от сотрудников полной самоотдачи. В составе коллектива сотрудников музея Ю. В. Кнорозов внес большой вклад в выполнение насущных производственных задач: обеспечение сохранности сотен экспонатов, переучет и описание музейных ценностей, упорядочивание архивных документов, строительство временных выставок и экспозиции «Туркмены XIX–XX вв.», формирование вещевой и фотографической коллекций, проведение лекционной работы и др.

Ключевые слова: Ю. В. Кнорозов, Государственный музей этнографии народов СССР, экспозиция «Туркмены XIX–XX вв.», этнографическая экспедиция, этнографическая коллекция, Ташаузская обл. Туркменской ССР.

В год 100-летнего юбилея Ю. В. Кнорозова, основателя советской школы майянистики, проблемы его творческого наследия находятся в фокусе внимания как исследователей разных специальностей,

так и широкой общественности. Биография Юрия Валентиновича исследована весьма глубоко¹. Закономерно, что большинство работ, освещающих его жизнь и деятельность, прежде всего касаются работы Юрия Валентиновича в Ленинградской части Института этнографии (с 1992 г. – Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН), где он прослужил большую часть своей жизни. Внимание исследователей привлек и этап профессионального становления молодого специалиста (в 1949–1953 гг.) в Государственном музее этнографии народов СССР (далее ГМЭ народов СССР) – ведь именно тогда ученый сделал свое основополагающее открытие. В статье Е. А. Долговой «Научный сотрудник Ю. В. Кнорозов в Государственном музее этнографии народов СССР» на основе документов из архива Российского этнографического музея (далее РЭМ) и других архивных источников впервые изложен очерк деятельности Юрия Валентиновича в ГМЭ народов СССР². Однако, к сожалению, статья оказалась несвободна от неточностей, а отдельные направления работы Ю. В. Кнорозова охарактеризованы слишком схематично. Вызывает возражения и тенденция в оценке характера его служебных обязанностей как «черной» музейной работы, которая была необходима ученому до поры до времени ради крыши над головой³ и трудовой книжки. Причина такого взгляда на предмет исследования кроется, вероятно, в том, что далекому от музейной работы специалисту сложно судить о критериях ее значимости.

Целью настоящего доклада является рассмотрение деятельности Ю. В. Кнорозова в ГМЭ народов СССР в контексте истории музея в послевоенный период и определение вклада Юрия Валентиновича в решение задач, стоящих перед коллективом музея в это время.

Данный подход ставит «вечный» вопрос, где же произошло открытие Ю. В. Кнорозовым принципа дешифровки письма майя, – на второе место. Внутренняя творческая работа талантливого человека, неуклонно идущего по пути своего призвания, происходит в любых жизненных обстоятельствах, о чем свидетельствуют и многие факты из биографии ученого. Однако, нельзя отрицать, что «гений места» может сыграть роль катализатора в вызревании творческой идеи или наступлении момента «озарения». С этой точки зрения вполне правомерно рассматривать историю выдающегося открытия сквозь призму деятельности Юрия Валентиновича в ГМЭ народов СССР.

Как известно, Ю. В. Кнорозов обучался на кафедре этнографии Московского университета (1945–1948), заведующим которой тогда являлся С. П. Толстов⁴, ставший научным руководителем талан-

тливому студенту и определившим тему его дипломной работы – «Среднеазиатская версия легенды о Самсоне», посвященной мазару Шамун-наби (Каракалпакская АССР). Основным источником для написания работы должны были стать полевые изыскания, поэтому Юрий Валентинович был включен в состав Североузбекского и Каракалпакского этнографических отрядов Хорезмского археолого-этнографической экспедиции, главой которой также являлся С. П. Толстов. По официальным данным, Ю. В. Кнорозов работал в экспедиции в течение двух полевых сезонов – в 1946 и 1948 г.⁵ Североузбекским отрядом руководила К. Л. Задыхина⁶, а Каракалпакским – Т. А. Жданко⁷. Экспедиционными сотрудниками Кнорозова из числа студентов были такие, ставшие в будущем выдающимися, исследователи, как Ю. А. Рапопорт, Н. П. Лобачева, Л. С. Толстова, Г. Е. Марков и др. Таким образом, профессиональное становление Юрия Валентиновича проходило под началом специалистов, составлявших цвет отечественной этнографической науки, а также в общении с увлеченными будущей специальностью сокурсниками. Изучая феномен мазара Шамун-наби, он приобрел важный опыт сбора полевого материала: провел опросы, методом включенного наблюдения изучил паломнические практики и шаманские радения. За время обучения Ю. В. Кнорозов овладел древнеегипетским, древнегреческим, узбекским языками, прослушал курсы «Этнография Азии», «История культуры Хорезма» и др.⁸

После получения диплома Ю. В. Кнорозов все же не рассматривал этнографию Средней Азии в качестве научной специализации, а стремился стать американистом, чтобы продолжить работу над дешифровкой письменности майя, которой заинтересовался еще после окончания школы⁹. В аспирантуру Института этнографии АН ему поступить не удалось, но не по причине слабой подготовки, а в связи с «изъясном» в биографии: в 1941–1943 гг. он находился на оккупированной территории¹⁰. В данных обстоятельствах для продолжения работы по специальности Юрий Валентинович, патронируемый С. А. Токаревым¹¹, обращается к директору Государственного музея этнографии народов СССР Е. А. Мильштейну с просьбой о приеме на работу в отдел Средней Азии. Так, в 1948 г. судьба привела Ю. В. Кнорозова в Ленинград, который навсегда останется городом его жизни. С. А. Токарев дал Юрию Валентиновичу хорошую рекомендацию, отметив, что за время обучения студент проявил «выдающиеся способности»¹².

Вполне очевидно, что в условиях острой нехватки квалифицированных кадров в послевоенное время молодой специалист-мужчина с блестящим образованием был хорошим приобретением для

музея. Директор Е. А. Мильштейн принял Ю. В. Кнорозова на работу, несмотря на «неудобный» факт его биографии. Именно тогда Е. А. Мильштейн не отказал в месте и Л. Н. Гумилеву, который уже был репрессирован¹³. Безусловно, что это была большая смелость на фоне усиления идеологического давления в 1948 г.: печально знаменитые постановления о журналах «Нева» и «Звезда», опале М. М. Зощенко и А. А. Ахматовой, а затем и первых арестов по «Ленинградскому делу».

Послевоенные годы для ГМЭ народов СССР стали сложнейшим периодом его истории, не считая военного времени: здание было частично разрушено, отсутствовали условия для хранения экспонатов, необходимо было восстанавливать производственные связи по всем направлениям музейной деятельности, требовалось как можно быстрее открыть музей для посетителей¹⁴. В 1948 г. к огромному объему восстановительной работы добавилась передача в ГМЭ собрания расформированного Музея народов СССР (г. Москва), которое в кратчайшее время нужно было поставить на учет¹⁵.

Ю. В. Кнорозов был зачислен в штат ГМЭ народов СССР 1 января 1949 г.¹⁶ с месячным испытательным сроком. После его окончания заведующая отделом Средней Азии М. В. Сазонова отметила, что «в составе отдела Средней Азии тов. Кнорозов Ю. В. будет весьма полезен»¹⁷. Она же сразу определила его специализацию по казахской этнографии.

Ближайшими коллегами Ю. В. Кнорозова стали А. С. Морозова¹⁸, М. В. Сазонова, С. М. Лейкина, Л. Н. Гумилев (до его нового ареста 6 ноября 1949 г.). Интересно, что со старшими коллегами Юрия Валентиновича связывали не только служебные отношения, но и научные интересы – они также специализировались в области традиционной культуры Хорезма. А. С. Морозова в 1947 г. защитила диссертацию «Рабство у туркмен и узбеков Хорезмского оазиса в XIX в.»; одним из ее официальных оппонентов был С. П. Толстов. С 1944 г. Анна Степановна являлась главным хранителем музея.

Заведующая отделом М. В. Сазонова была также заместителем директора по научной работе. Мария Васильевна изучала культуру узбеков Южного Хорезма, возглавляла Южноузбекский отряд Хорезмской экспедиции. В 1947 г. она защитила диссертацию «Крестьянство в Хивинском ханстве в XX веке».

Одним из первых заданий Ю. В. Кнорозова стало участие в подготовке выставки «Ковровые изделия народов Средней Азии», открытие которой состоялось в апреле 1949 г.¹⁹ Он проделал весь комплекс работ над выставкой – от составления тематического плана до методической разработки для экскурсоводов. Перед экспонированием была проведена очистка и дезинфекция ковров –

после эвакуации вещи вернулись не в лучшем состоянии. В отчете музея за 1950 г. отмечено, что Кнорозовым «просушено, переучтено и скатано в рулоны около 800 предметов (ковров и войлоков)»²⁰. Е.А Долгова почему-то относит этот факт к «курьезным случаям»²¹, но в реальности за этой цифрой стоит очень тяжелый труд ради сохранения культурного достояния, и каждый музейный сотрудник всегда считал такую работу своим первостепенным долгом. По сей день уход за вещами осуществляется вручную, хотя иные ковры под силу поднять и развернуть только 3–4 мужчинам. Конечно, по прошествии многих лет Ю. В. Кнорозов вспоминал о об этой работе с долей иронии²², но ее никак нельзя принимать за объективную оценку.

Изучение ковров могло пробудить ассоциативное мышление ученого, которое у него было очень развито, и вполне вероятно, как это ни парадоксально, что загадочный узор какого-нибудь ковра натолкнул Юрия Валентиновича на верную мысль об основе письменности майя.

В 1949 г. Ю. В. Кнорозов получил для разработки научную тему «Шаманство у казахов в XIX в.». Проблема шаманизма крайне интересовала исследователя, и в дальнейшем она станет базой его теории фасцинации²³. Возможно, что для конца 1940-х гг. тема шаманизма была довольно смелой, но московская школа этнографии активно изучала этот феномен²⁴, разумеется, под лозунгом борьбы с религиозными пережитками. Как куратору казахского направления Кнорозову был поручен также сбор материала для разработки экспозиции «Казахи». В связи с этим в сентябре – октябре 1949 г. планировалась его поездка в Южно-Казахстанскую область²⁵, но она не состоялась по причине отсутствия средств.

Документы фиксируют участие Ю. В. Кнорозова в 1949 г. в Хорезмской экспедиции²⁶, но она также не финансировалась музеем, и поэтому отчет об этой поездке отсутствует. М. В. Сазонова, как глава Южноузбекского отряда Хорезмской экспедиции, выезжала в 1949 г. в Кош-Купырский и Ханкинский р-ны Хорезмской обл. УзССР²⁷. Возможно, что она могла включить Ю. В. Кнорозова в состав своего отряда, но данные по этому вопросу пока не обнаружены.

Весной 1949 г. в журнале «Советская этнография» вышла из печати первая статья Ю. В. Кнорозова «Мазар Шамун-наби»²⁸, написанная на основе его дипломной работы. Безусловно, что солидная публикация в ведущем этнографическом журнале страны способствовала повышению научного авторитета молодого специалиста. Впоследствии Г. П. Снесарев, крупнейший исследователь религиозных реликтов Хорезмского оазиса, даст статье Юрия Валенти-

новича высокую оценку²⁹. В мае 1949 г. на научной сессии ГМЭ народов СССР Ю. В. Кнорозовым был сделан доклад «Пережитки домусульманских верований у народов Хорезмского оазиса»³⁰, в котором он, скорее всего, изложил основные положения своей статьи. Утверждение Е. А. Долговой, что Ю. В. Кнорозов сделал доклад «Шаманство у казахов в XIX в.» в Географическом обществе и на отчетной сессии ИЭ АН³¹ – неверно, там со своим докладом выступала М. В. Сазонова³².

В свободное время Юрий Валентинович работал над переводом со староиспанского труда Диего де Ланда «Сообщения о делах в Юкатане». В 1949 г. вышла в свет книга Дж. Вайяна «История ацтеков»³³ и Ю. В. Кнорозов принимается за ее изучение.

В 1950 г. важнейшим направлением работы музея становится учетно-хранительская, в связи с чем был создан отдел учета и хранения. Штата этот отдел не имел – для его работы от каждого регионального отдела делегировались один-два сотрудника. В отделе Средней Азии таковым стал Юрий Валентинович. Именно этим объясняется сокращение его научной работы в 1950 г. – в плане музея имя Кнорозова в разделе «Научно-исследовательская работа» отсутствует. Зато в графе «Учет экспонатов» оно фигурирует на первых местах: за год ему нужно было описать, в частности, коллекцию музыкальных инструментов Средней Азии. В приказе от 5 ноября 1950 г. отмечена большая работа Ю. В. Кнорозова по переучету музейных ценностей и ему объявлена благодарность с занесением в личное дело³⁴. В составе музейной группы по учету памятников Юрий Валентинович трудился и последующие два года.

В 1950 г. отдел Средней Азии приступил к разработке концепции новой экспозиции «Туркмены в XIX–XX вв.». Автором прежней экспозиции, разобранной в 1941 г. в связи с эвакуацией музея, являлась А. С. Морозова. Она же возглавила работу новой бригады, в состав которой вошли С. М. Лейкина и Ю. В. Кнорозов. Плановые сроки открытия экспозиции были жесткими – вторая половина 1951 г. Создание экспозиции является наиболее сложным видом музейной деятельности, требующим больших знаний, умения мыслить образами, видеть познавательный потенциал экспонатов, учитывать перспективы образовательной работы на экспозиции. Для молодого специалиста это была очень хорошая школа профессионального развития, в особенности полезна практика составления тематико-экспозиционного плана (далее ТЭП), роль которого в конце 1940-х гг. возросла. Как отмечали Т. А. Крюкова и Е. Н. Студенецкая, «в довоенный период план являлся документом, в основном, внутреннего значения. С 1950-х гг. его рассматривали уже не только внутри музея, но и в вышестоящих

организациях: в Министерстве культуры РСФСР, а часто также на специальных совещаниях научных, партийных и советских организаций на местах»³⁵. В связи с этим требования к содержанию и оформлению ТЭП значительно повысились³⁶.

Между тем Ю. В. Кнорозов при поддержке С. А. Токарева прилагал дальнейшие усилия для поступления в аспирантуру Института этнографии. По направлению директора музея Е. А. Мильштейна он был допущен к сдаче вступительных экзаменов по основам марксизма-ленинизма, французскому языку и этнографии, сдал которые на «отлично». Для увеличения послужного списка Юрий Валентинович ходил на занятия в вечерний университет марксизма-ленинизма при Ленинградском обкоме ВКП(б). При этом в свободные часы он продолжал переводить труд Диего де Ланда, драму «Ольянтай» с языка кечуа, а также готовить рецензию на книгу Дж. Вайяна³⁷.

Прошение о зачислении Юрия Валентиновича в аспирантуру было подано в Президиум АН СССР 12 декабря 1950 г. В письме, составленном С. А. Токаревым, указывалось, что Ю. В. Кнорозов «пришел к самостоятельному построению общей теории иероглифики...»³⁸ Однако, несмотря на столь очевидные заслуги соискателя, обращение было вновь отклонено.

В конце 1950 г. руководство музея поручает Юрию Валентиновичу еще один сложный участок работы – упорядочивание документов архива, чтобы в ближайшее время сделать его доступным для научной и музейной работы³⁹.

Летом 1951 г. Ю. В. Кнорозов принял участие в Туркменской экспедиции ГМЭ народов СССР⁴⁰. Ее основные задачи состояли, во-первых, в пополнении туркменских коллекций, в особенности предметами современного быта, что требовалось для экспозиции «Туркмены XIX–XX вв.», а во-вторых, в обсуждении тематико-экспозиционного плана этой экспозиции в Туркменском отделении АН СССР. А. С. Морозова и С. М. Лейкина направились в Ашхабадскую и Марыйскую обл., а Ю. В. Кнорозов, знакомый с культурой Хорезмского оазиса, – в Ташаузскую. Разделение на два отряда позволяло увеличить масштаб исследований.

Для работы в Ташаузской обл. были выбраны г. Ташауз, колхозы им. Чапаева и «8 Марта» Куня-Ургенчского р-на, основное население которых составляли туркмены племени йомуд. Там Ю. В. Кнорозовым была сформирована коллекция (№ 6620), в состав которой вошли 20 предметов, 22 единицы хранения – это женский костюм, мужская обувь, хозяйственная и столовая керамическая утварь. Эту коллекцию можно рассматривать как редкую, имеющую высокую научную ценность, поскольку в РЭМ она

осталась единственной, характеризующей быт ташаузских туркмен середины XX в. Первая коллекция из этих мест была сформирована А. С. Морозовой в 1938 г. (16 предметов), ей же принадлежит сбор 1969 г. (5 предметов).

Как единый комплекс особый интерес в коллекции № 6620 имеет костюм замужней женщины: составной головной убор (тюбетейка, налобная повязка, головной платок, головная повязка), платье, штаны, сапоги. Приобретенная Ю. В. Кнорозовым глиняная утварь (сосуд для воды, маслобойка, два кувшина для масла, три блюда) изготовлена узбеками Хорезма. Поскольку сами туркмены гончарством не занимались, они издавна покупали керамику у своих оседлых соседей.

Опись коллекции, составленная собирателем, отличается точностью информации: приведены местные названия предметов, имена владельцев, их возраст, родовая принадлежность; указана манера ношения предметов одежды и названия орнаментальных мотивов.

Фотографическая коллекция (№ 8794) была сделана Ю. В. Кнорозовым в колхозе «8 Марта», имевшем хлопководческое направление. Им руководил Герой социалистического труда Бояр Овезов, в то время легендарный председатель, сделавший колхоз передовым. По некоторым данным, колхоз «8 Марта» входил в систему ГУ-ЛАГа⁴¹. Тематика этой коллекции отвечала задачам экспедиции: на снимках представлены образцовые улицы поселка, колхозные угодья, передовые труженики колхоза, их новый быт, в том числе наличие автомобилей. На одной из фотографий, предположительно, запечатлен сам Юрий Валентинович (фотокол. № 8794–19).

В конце 1951 г. Ю. В. Кнорозов сообщает С. А. Токареву о дешифровке письменности майя⁴². По всей видимости, все его свободное время поглощает работа над программной статьей по этой проблеме.

В 1952 г. внутренняя обстановка в ГМЭ народов СССР осложнилась в связи с работой проверочной комиссии, которая была направлена в музей в связи с доносом обвинением Е. А. Мильштейна и А. С. Морозовой в расхищении экспонатов. Специальная комиссия не нашла подтверждения обвинениям, но тем не менее директор получил строгий выговор за недостатки в «постановке дела учета и хранения музейных фондов» и в марте 1953 г. был уволен⁴³.

Можно догадываться, сколь тяжело было А. С. Морозовой выдержать это испытание, но она не прерывала работу бригады по строительству экспозиции «Туркмены XIX–XX вв.», вошедшей в самую активную фазу. Художником-оформителем экспозиции был

Ф.Ф. Бернштам, известный своими работами в кино. Экспозиция была открыта 6 ноября 1952 г. и получила высокую оценку как научной общественности, так и посетителей музея. С некоторыми изменениями эта экспозиция работала до середины 1990-х гг.

1952 г. стал одним из самых значимых в жизни Юрия Валентиновича Кнорозова. В журнале «Советская этнография» вышла его новаторская статья «Древняя письменность Центральной Америки»⁴⁴, сразу сделавшая его известным мировому ученому сообществу. В этом же году он женился на филологе-русисте Валентине Михайловне Самковой и покинул свои музейные «пенаты», переехав к супруге в коммунальную квартиру на Невском проспекте, д. 111.

После увольнения в марте 1953 г. Е. А. Мильштейна и.о. директора музея была назначена М. В. Сазонова, а и.о. заведующего отделом Средней Азии – Ю. В. Кнорозов⁴⁵.

«Гений места» ГМЭ народов СССР оказался благосклонным к Юрию Валентиновичу – в 1953 г. он знаменит, счастливо женат, успешен в карьере. Однако его ждала иная стезя – 1 сентября 1953 г. он перешел на работу в Ленинградское отделение Института этнографии. Научные направления его работы были переданы С. М. Лейкиной, а архив – П. И. Каралькину⁴⁶.

В заключение подчеркнем, что вклад Ю. В. Кнорозова в работу ГМЭ народов СССР в послевоенный восстановительный период был очень весом. Вместе с коллективом музея им были затрачены большие усилия для сохранения экспонатов, проведена огромная кропотливая работа по опознанию музейных предметов и сверке их наличия. Знания и эрудиция молодого специалиста были всецело востребованы в сложной и ответственной экспозиционной работе, проводимой в отсутствие достаточного количества научных этнографических разработок. На всех направлениях этой борьбы за сохранение культурного наследия страны Юрий Валентинович проявил себя человеком долга и совести.

¹ Ершова Г. Г. Юрий Валентинович Кнорозов (1922–1999)//Портреты историков: Время и судьбы/Отв. ред. Г. Н. Севостьянов, Л. П. Маринович, Л. Т. Мильская. Т. 3: Древний мир и Средние века. М.: Наука, 2004. С. 474–491.; Корсун С. А. Ю. В. Кнорозов: штрихи к научной биографии//Радловский сборник: Научные исследования и музейные проекты МАЭ РАН в 2013 г./Отв. ред. Ю. К. Чистов. СПб.: МАЭ РАН, 2014. С. 109–116.; Ершова Г. Г. Последний гений XX века: Ю. В. Кнорозов. Судьба ученого. М.: РГГУ, 2019; Корсун С. А. Превратности судьбы Ю. В. Кнорозова//Латинская Америка. 2019. № 1. С. 79–87.

² Долгова Е. А. Научный сотрудник Ю. В. Кнорозов в Государственном музее этнографии народов СССР//IX Кнорозовские чтения: Древние цивили-

лизации Старого и Нового света: Сб. тр. Междунар. Научн. конференции, 2–3 марта 2018 г., Москва/Сост. Д.Д. Беляев; отв. ред. Г.Г. Ершова. М., 2018. С. 93–102.

³ Ю. В. Кнорозов после приема на работу получил ведомственную жилую площадь на территории музея.

⁴ Сергей Павлович Толстов – заведующий кафедрой этнографии МГУ (1939–1952), декан исторического факультета МГУ (1943–1945), директор Института этнографии АН СССР (1942–1966).

⁵ Труды Хорезмской археолого-этнографической экспедиции (далее ХАЭЭ). М., 1949. Т. 1. С. 645.

⁶ Клавдия Леонтьевна Задыхина – сотрудник Ленинградского отделения Института этнографии АН СССР (1936–1966), специалист по этнографии казахов и узбеков.

⁷ Татьяна Александровна Жданко – сотрудник Института этнографии АН СССР (1948–1989), специалист по этнографии каракалпаков.

⁸ АРЭМ. Ф. 2. Оп.3. Д. 97. Л. 13–13 об.

⁹ Кинжалов Р. В. Из прошлого. Свято-Алексиевская пустынь. СПб.: Свято-Алексиевская пустынь, 2012. С. 212.

¹⁰ АРЭМ. Ф. 2. Оп.3. Д. 97. Л. 11.

¹¹ Сергей Александрович Токарев – заведующий сектором Америки Института этнографии АН СССР (1943–1961), заведующий сектором народов зарубежной Европы (1961–1985), преподаватель кафедры этнографии МГУ, заведующий кафедрой этнографии МГУ (1956–1973).

¹² АРЭМ. Ф. 2. Оп.3. Д. 97. Л. 15.

¹³ Л. Н. Гумилев был принят на работу 6 января 1949 г. Е. А. Долгова ошибается, говоря, что он был зачислен в штат несколькими месяцами ранее Ю. В. Кнорозова.

¹⁴ Крюкова Т. А., Студенецкая Е. Н. Государственный музей этнографии народов СССР за пятьдесят лет Советской власти//Очерки истории музейного дела в СССР. М.: Советская Россия, 1971. Вып. VII. С. 60.

¹⁵ Ипполитова А. Б. История музея народов СССР в Москве//Этнографическое обозрение. 2001. № 2. С. 144–160.

¹⁶ Е. А. Долговой неверно указана дата приема Ю. В. Кнорозова на работу – 1 декабря 1949 г. См.: Долгова Е. А. Указ. соч. С. 93. Декабрь почему-то был сочтен ею месяцем испытательного срока, а затем названа правильная дата зачисления в штат (1 января 1949 г.). Испытательный срок нельзя проходить без зачисления в штат, он закончился у Ю. В. Кнорозова 31 января 1949 г.

¹⁷ АРЭМ. Ф. 2. Оп.3. Д. 97. Л. 16.

¹⁸ О А. С. Морозовой см.: Дмитриев С. В. Анна Степановна Морозова: к 100-летию со дня рождения. СПб., 2009.

¹⁹ Мильштейн Е. А. Государственный музей этнографии народов СССР//Советская этнография. 1950. № 1. С. 195–197.

²⁰ АРЭМ. Ф. 2. Оп.1. Д. 1044. Л. 61.

²¹ Долгова Е. А. Указ. соч. С. 96.

²² Там же.

²³ Фасцинация, по Ю. В. Кнорозову, «такое действие сигнала, при котором ранее принятая информация полностью или частично стирается», эффект повышения воздействия информации на поведение. См.: Кнорозов Ю. В. Избранные труды/Сост. и отв. ред. М. Ф. Альбедиль. СПб.: МАЭ РАН, 2018. Именно этим свойством «завораживания» обладают, например, шаманские практики, зикры и танцы дервишей.

²⁴ Например, специальный семинар «Анимизм и шаманство у казахов» С. П. Толстов вел на кафедре этнографии МГУ.

²⁵ АРЭМ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 1022. Л. 11.

²⁶ Там же. Д. 1023. Л. 38.

²⁷ Полевые исследования Института Этнографии в 1949 г.//Советская этнография. 1950. № 2. С. 186.

²⁸ Кнорозов Ю. В. Мазар Шамун-наби//Советская этнография. 1949. № 2. С. 86–97.

²⁹ Снесарев Г. П. Реликты домусульманских верований у узбеков Хорезма. М.: Наука, 1969. С. 9.

³⁰ АРЭМ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 1023. Л. 39.

³¹ Долгова Е. А. Указ. соч. С. 97.

³² АРЭМ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 1023. Л. 38.

³³ Вайян Дж. История ацтеков/Под ред. и с предисл. В. В. Струве, примеч. и доп. Р. В. Кинжалова. Пер. с англ. М. И. Баранович. М.: Изд-во иностр. лит., 1949, с илл. и картами.

³⁴ АРЭМ. Ф. 2. Оп. 3. Д. 97. Л. 19.

³⁵ Крюкова Т. А., Студенецкая Е. Н. Указ. соч. С. 64.

³⁶ АРЭМ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 1070.

³⁷ Кнорозов Ю. В. [Рец. на кн.] Вайян Дж. История ацтеков/Под ред. и с предисл. В. В. Струве, примеч. и доп. Р. В. Кинжалова. Пер. с англ. М. И. Баранович. М.: Изд-во иностр. лит., 1949//Советская этнография. 1951. № 2. С. 223–226.

³⁸ МАЭ. К. 1. Оп. 7. Д. 69. Л. 10–11.

³⁹ Подробнее см.: Долгова Е. А. Указ. соч. С. 99.

⁴⁰ Е. А. Долгова неверно указывает дату Туркменской экспедиции. См.: Долгова Е. А. Указ. соч. С. 97.

⁴¹ Об Б. Овезове см.: Электронный ресурс: URL: <https://centrasia.org/region2.php?st=1599422783>. Овезов Бояр (дата обращения 11.08.2022).

⁴² Ершова Г. Г. Последний гений XX века: Ю. В. Кнорозов. Судьба ученого. М.: РГГУ, 2019. С. 212.

⁴³ Долгова Е. А. О биографии одного сталинского управленца: Ефим Абрамович Мильштейн//Новейшая история России. 2018. Т. 8. № 4. С. 919–920.

⁴⁴ Кнорозов Ю. В. Древняя письменность Центральной Америки//Советская этнография. 1952. № 3. С. 100–118.

⁴⁵ АРЭМ. Ф. 2. Оп. 3. Д. 97. Л. 20.

⁴⁶ В ст. Е. А. Долговой неверно написана фамилия П. С. Каралькина. См.: Долгова Е. А. Указ. соч. С. 100.

L. F. Popova

A Genius in Among Museum Monotony
(100th Anniversary of Yu. Knorozov)

Popova Larisa Fedorovna, The Russian Museum of Ethnography (St. Petersburg), the Department of Ethnography of the Caucasus, Central Asia and Kazakhstan; head department; rem_larisa@mail.ru

Yu. Knorozov started his career at The State Museum of Ethnography of the Peoples of the USSR, the Middle Asia department (1949–1953). For him, that was a transitory stage: his life's calling was deciphering the Maya scripts and American studies in general. That could only be done in the USSR Academy of Sciences Ethnography Institute, which he could not hope to join because of a “blemish” on his CV (Knorozov resided on occupied territories in 1941–1943). Yu. Knorozov made his seminal breakthrough precisely at the time of his employment at The State Museum of Ethnography of the Peoples of the USSR, although it could have happened under different circumstances. That is why his service at the museum should be viewed as an intrinsically valuable research work with a particular area of focus. The post-war restoration period was exceptionally difficult and required utter dedication from the staff. As a part of the museum workforce, Yu. Knorozov made a sizeable contribution to achieving the most pressing objectives: ensuring safety of hundreds of exhibits, inventorying and cataloguing the museum stock, systematizing archives, setting up temporary exhibitions and the exposition called Turkmen in the XIX–XX Centuries, forming collections of items and photographs, public talks, etc.

Keywords: Yu. Knorozov, The State Museum of Ethnography of the Peoples of the USSR, “the Turkmen in the XIX–XX Centuries” exposition, ethnography expedition, ethnography collection, Tashauz Region, Turkmen SSR.

В. А. Дмитриев

Государственный музей этнографии
в конце 1930-х годов: поворотный
момент в истории

Дмитриев Владимир Александрович, Российский этнографический музей (С.-Петербург), отдел этнографии Кавказа и Средней Азии, научный сотрудник главной категории, доктор исторических наук; dmitriev_home@mail.ru

В докладе обращается внимание на эпизоды истории Российского этнографического музея (тогда Государственный музей этнографии) конца 1930-х гг., когда была временно изменена структура музея. Причиной изменения было создание в музее исторического отдела, что приблизило учреждение к форме национального музея.

Ключевые слова: Государственный музей этнографии, историко-бытовой отдел Русского музея, исторический отдел Государственного музея этнографии, реконструкция музея.

Политическая история России XX в. закономерно определила процесс развития Государственного музея этнографии (ГМЭ; с 1948 г. ГМЭ народов СССР) – Российского этнографического музея (с 1992 г.; далее РЭМ), как и любого социокультурного института, что нашло отражение в актах реформирования музея. Ключевые события в его истории: образование Этнографического отдела Русского музея императора Александра III (1895 г.) и Государственного музея этнографии (1934 г.) – были обусловлены государственными решениями. Причиной структурных преобразований стали не только ведомственные указания, но и отражение в музейном пространстве событий политической жизни страны. Одной из поворотных дат в истории музея стал 1938 г., когда в ГМЭ обозначилось альтернативное направление его деятельности, ориентированное на расширение профиля музея, в том числе и за счет создания нового исторического отдела. Однако эта идея не была реализована, что и будет рассмотрено в настоящем докладе.

К концу 1930-х гг. в СССР завершился политический период, результатом которого стало построение нового общественного

строю, получившего в официальных государственных документах определение полной победы социализма в отдельно взятой стране. Данный тезис был закреплен в резолюциях XVIII съезда ВКП(б), прошедшего в 1939 г.

Состояние музейного дела, как и многих других в общественной жизни страны, к концу 1930-х гг. в целом определялось результатами завершившейся культурной революции, но при этом проявлялись и признаки отхода от ее первоначальных идеологических установок. Так, в этнографической науке, с одной стороны, возобладали идеологические принципы марксизма, но с другой – в 1938–1939 гг. были восстановлены кафедры этнографии в Ленинградском и Московском университетах, закрытые в 1931 г., постепенно прекращалась государственная поддержка марксизма.

В 1932–1939 гг. ГМЭ пережил полное кадровое обновление, что указывало на полный разрыв с теорией и практикой этнографии и музееведения дореволюционного периода. В 1939 г. в музее работало 18,4% сотрудников, принятых до 1927 г., 14,3% поступивших в 1927–1934 гг., и 77,2% сотрудников, вошедших в трудовой коллектив музея после 1934 г.¹ К 1936 г. структура и проблематика научных отделов музея была в целом определена принципом соответствия национально-территориальному устройству СССР.

В соответствии с данным принципом строилась и экспозиционная работа, ставшая в середине 1930-х гг. приоритетным направлением в работе музея. Важно подчеркнуть, что к этому времени складывается профессионально-этнографическое понимание значимости экспозиционной работы² и восприятие ее как части научно-исследовательской³. Этим был обусловлен и поворот к комплексному показу вещей, способствующий достижению основной цели – освещению жизни и быта того или иного народа в конкретной географической среде, в определенных социальных, экономических и исторических условиях; такой подход требовал сбора «дополнительного материала, изучения условий бытования вещей и жизни народа в целом»⁴. Превращение проектирования экспозиций в основной вектор научной деятельности музея определило и задачи полевой работы. Вследствие этого постепенно произошел отказ от участия сотрудников музея в комплексных академических экспедициях, как это имело место в 1920-х гг., а поездки стали осуществляться небольшими группами сотрудников в строгом соответствии с музейным заданием для решения задач скорее прикладного, чем фундаментального характера. Особенно узкоспециальный характер собирательская работа приобрела в середине 1930-х гг., когда идеологическая установка на демонстрацию успехов социалистического строительства на селе могла решаться

только сбором деэтнизированного вещевого материала промышленного производства и полиграфической продукции. Формирование таких коллекций шло «на ощупь» вследствие отсутствия предмета этнографии современности и методики ее изучения, которая выработывалась постепенно вместе с практикой сборов.

В этнографии 1930-х гг., в том числе и музейной, произошел отказ от рассмотрения фундаментальных проблем, главенствующей тематикой стала критика немарксистских и левомарксистских течений (буржуазной и народнической этнографии, теории «культурных кругов», школы Маторина и др.), а также и разработка частных вопросов, зачастую описательного характера. В музейной этнографии также произошла перемена взглядов на ее основной предмет изучения. Им становится народный быт, описываемый в процессе непосредственного полевого наблюдения. В общем социологическом контексте по завершению коллективизации на селе этнические традиции были признаны невлиятельными пережитками прошлого, им придавалась определенная ценность как народному наследию, представляющему часть национальной культуры. Архаика, рассматриваемая в 1920-е гг. в качестве главного признака этнографического материала, перестала быть предметом специального внимания. Под влиянием установок на дифференциацию наук этнография отделилась от археологии, что стало к концу 1930-х гг. причиной вынужденного отказа ГМЭ от собственных археологических коллекций. Постепенно музей подходит к выработке собственного конструктивного подхода к выявлению объектов этнографии современности. Так, в 1936 г. Е. Н. Студенецкая из собирательской поездки на Северный Кавказ одна из первых привезла образцы современной национальной одежды, изготовленной как в домашней среде, так и в артелях соответствующего профиля. В итоге, к концу 1930-х гг. в музее был накоплен опыт включения в экспозиции и на выставки по традиционной культуре народов СССР так называемых «советских» разделов, отражающих новации в бытовой жизни населения.

В целом, к 1937 г. ГМЭ состоялся как учреждение, прошедшее необходимое реформирование и идеологически правильно представляющее этническую культуру народов Советского Союза. На возрастающий общественный статус ГМЭ указывало высказанное еще в 1935 г. предложение о превращении ГМЭ в единственный этнографический музей Ленинграда в связи с переводом в Москву Музея антропологии и этнографии (далее МАЭ). При этом планировалось на базе ГМЭ создать этнопарк, включающий новое музейное здание, с площадками Географического и Ботанического музея. Имевшееся здание предлагалось передать Русскому музею⁵.

Знаком признания идеологической ценности ГМЭ можно считать реабилитацию музея после его кратковременного закрытия (на два месяца) в 1937 г. в связи с обвинением в контрреволюционной пропаганде. Какие-либо приказы по музею, связанные с этими событиями, в архиве музея пока не обнаружены. Показательно, что 4 октября 1937 г., то есть сразу после возобновления работы музея, на заседании расширенного ученого совета ГМЭ представителем Наркомпроса было предложено создать в музее историческую экспозицию, придав ей статус ведущей. В перспективе музей получал более сложную комплексность и признаки «национального» музея страны. Появление новой экспозиции неизбежно создало предпосылки к очередному реформированию музея в двух планах: фондового собрания и организационной структуры. ГМЭ была передана часть собрания бывшего историко-бытового отдела Русского музея, к этому времени распределенного по разным учреждениям и местам хранения. Вместе с этим в штат ГМЭ были включены сотрудники историко-бытового отдела, что сильно меняло баланс кадрового состава музея.

Уже в декабре 1937 г. состоялось обсуждение концепции новой экспозиции, подготовленной как отдельный комплекс под названием «История России XVIII в.». Соединение исторической и этнографической тематик обосновывалось главной экспозиционной задачей – убедительно противопоставить политике национального угнетения народов царской России заботу советского государства о расцвете культуры каждого из братских народов многонациональной страны⁶.

С появлением в составе научной части музея исторического отдела были изменены названия этнографических отделов. Теперь в них звучали не столько политико-административные, сколько этнические термины: русский, украинский, белорусский, карело-финский. В этом же ряду находились грузинская и еврейская секции.

Музей уверенно вписывался и в образовательную систему страны. На конкурсе музеев в честь XVIII съезда ВКП(б) ГМЭ занял первое место⁷. Наркомпросом музей оценивался высоко, хотя и односторонне. Так, в постановлении музейного отдела Наркомпроса отмечалось: «Особенно рекомендовать использовать опыт Государственного музея этнографии в части организации дня школьника как одной из форм массовой работы»⁸. Признанием заслуг ГМЭ в разработке проблем музееведения стало приглашение сотрудников музея на преподавательскую работу в Политико-просветительный институт им. Н. К. Крупской, где в 1938 г. был создан музейно-краеведческий факультет. Заведовать одной из кафедр стал

директор ГМЭ Е. А. Мильштейн⁹, занятия проводили А.Я Дуйсбург, Г. А. Никитин, Е. Н. Студенецкая¹⁰.

Еще одно событие следует рассматривать в контексте растущего статуса ГМЭ – проведение в музее совместного ученого совета ГМЭ и МАЭ в апреле 1938 г., повесткой дня которого был доклад директора Института этнографии академика В. В. Струве¹¹. Положения доклада указывают на появившееся право ученых на самостоятельные профессиональные суждения об этнографии. В развернувшейся дискуссии поднимались вопросы, не утратившие актуальности и сегодня: нужно ли изучать городскую этнографию; в каком соотношении находятся этнография и история быта в широком его понимании; каковы рамки показа модернизации быта в этнографическом музее; входят ли в предмет изучения этнографии процессы сложения наций; где кончается предметная область археологии и начинается область этнографии; можно ли дать четкое определение предмета этнографии досоветского периода; в чем состоит отражение нового быта и почему в музей попадает столь малое количество соответствующих ему вещей; как сочетаются в музейном собрании вещевые коллекции, собранные профессионально, и сведения, полученные из других источников¹².

Показательно, что вскоре ГМЭ было поручено самостоятельно выработать определение профиля музея, чему были посвящены семь совещаний у директора. Создание указанного документа являлось обязательством, данным ГМЭ XVIII съезду партии¹³. В итоге выработанное Положение о Государственном музее этнографии определяло музей как научно-исследовательское и политико-просветительное учреждение всесоюзного значения, которое проводит:

- сбор, хранение и научное изучение вещевых коллекций, фотографических и текстовых материалов;
- научно-исследовательские экспедиции и командировки по сбору материала для музея;
- научные исследования по музейному делу;
- создание постоянных экспозиций по этнографии народов СССР для массового обозрения;
- создание временных стационарных и передвижных выставок в музее и вне его;
- организацию проведения докладов, экскурсий и конференций в музее и вне его;
- создание кабинетов с целью глубокой проработки отдельных вопросов с посетителями музея;
- издание печатных работ; проведение консультаций для местных музеев и др. органов;
- созыв научных совещаний по тематике деятельности музея.

Таким образом, к концу 1939 г. реформирование ГМЭ обрело зримые результаты: завершились работы по подготовке исторической экспозиции, выработались основные принципы деятельности. Вряд ли ГМЭ получил собрание бывшего историко-бытового отдела полностью, но и эта часть была почти равна по численности (около 250 тыс. экспонатов) имевшемуся фонду. В ее составе находились элитная утварь, мебель, одежда, украшения, гравюры, литографии, а также такие уникальные комплексы, как Петровская галерея (предметы русской культуры VI–XVIII вв.), масонская коллекция, оловянные изделия XVII в. и др.

Реального слияния фондов не произошло; экспозиция «История России XVIII в.» завершена не была. В 1941 г. собрание исторического отдела теперь уже ГМЭ было передано в Эрмитаж¹⁴.

Причины довольно резкой перемены в стратегии развития ГМЭ еще требуют изучения. Одна из официальных версий изложена в статье Е. А. Мильштейна «Государственный музей этнографии» (1948)¹⁵, где автор подчеркивает инициативу ГМЭ в передаче русских культурно-бытовых коллекций Эрмитажу, обосновывая ее недостаточными возможностями для хранения и обработки этого собрания. Однако данной версии противоречит текст докладной записки Е. А. Мильштейна, датированной 1944 г. – временем начала восстановления ГМЭ на завершающем этапе Великой Отечественной войны, в которой развивается идея совместного существования в дальнейшем двух частей ГМЭ: исторической и этнографической¹⁶. Возможно, что в 1944 г. ГМЭ еще сохранял перспективы существования в роли «национального» музея. Однако обстоятельства послевоенного периода: острая нехватка кадров, передача ГМЭ собрания расформированного музея народов СССР (Москва), новая волна политических репрессий, в особенности печально знаменитое «Ленинградское дело», – вкупе определили возвращение ГМЭ к строго этнографическому профилю в конце 1940-х гг.

¹ АРЭМ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 724. С. 157. Отчет о работе отделов ГМЭ за 1939 г.

² Потапов Л. П. Государственный музей этнографии // Советская этнография. 1936. № 2. С. 126–129.

³ Научно-исследовательская работа краеведческих музеев // Советский музей. 1935. № 1. С. 6; Крюкова Т. А., Студенецкая Е. Н. Государственный музей этнографии народов СССР за 50 лет Советской власти // Очерки истории музейного дела в СССР. М., 1971. Вып. 7. С. 41.

⁴ Студенецкая Е. Н., Крюкова Т. А. Указ. соч. С. 48.

⁵ АРЭМ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 502. С. 1–1об. Заключение комиссии по переводу Государственного музея этнографии в другое здание.

⁶ АРЭМ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 553. С. 1–2. Переписка с Наркоматом просвещения и Ленинградским областным комитетом ВКП (б) о передаче в музей экспонатов бывшего Историко-бытового отдела Русского музея и Музея Революции. 9.06–4.09 1936.

⁷ АРЭМ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 342. С. 4–6; Крюкова Т.А., Студенецкая Е.Н. Указ. соч. С. 52–53.

⁸ Крюкова Т.А., Студенецкая Е.Н. Указ. соч. С. 52–53.

⁹ Ефим Абрамович Мильштейн (1902–1989). Сын скорняка. С 1920 г. находился на советской работе, в 1934–1936 гг. являлся первым секретарем горкома ВКП (б) г. Махачкала). Постоянно совмещал руководящие должности с преподаванием в ряде ВУЗов. В сентябре 1937 г. назначен директором ГМЭ (1937–1941; 1944–1953). Доброволец Великой Отечественной войны. В 1945–1946 гг. преподавал на Военно-политических курсах Политуправления Гражданского воздушного флота, в 1946–1948 гг. был заведующим кафедрой в Ленинградской высшей школе профдвижения. Осенью 1952 г. получил строгий выговор от Дзержинского райкома ВКП (б) «за антигосударственную практику в музейно-краеведческой работе». 10 марта 1953 г. был уволен из Музея этнографии «как не обеспечивший руководство музеем», что, по воспоминаниям сотрудников музея, было вопиющей несправедливостью. В дальнейшем работал (с 1 апреля 1953 г. по начало 1975 г.) в Государственной Публичной библиотеке. Кандидат исторических наук. При работе в ГПБ занимался составлением Указателя литературы по этнографии народов СССР.

¹⁰ Студенецкая Е.Н., Крюкова Т.А. Указ. соч. С. 51.

¹¹ АРЭМ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 417. Обсуждение доклада В.В. Струве «Задачи советской этнографии».

¹² Там же. С. 26–33.

¹³ АРЭМ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 417. С. 1–1 об.

¹⁴ Коршунова Т.Т. Костюм в России XVIII – начала XX в. из собрания Государственного Эрмитажа. Л., 1979. С. 260–295.

¹⁵ Мильштейн Е.А. Государственный музей этнографии//Советская этнография. 1948. № 1. С. 218–222.

¹⁶ АРЭМ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 882. С. 1. Докладная записка к.и.н. Е.А. Мильштейна об организации отдела на базе историко-бытового музея. 1944 г.

UDC 39

V.A. Dmitriev

The State Museum of Ethnography
in the Late 1930s: the Turning Point in History

Dmitriev Vladimir Alexandrovich, The Russian Museum of Ethnography (St. Petersburg), the Department of Ethnography of the Caucasus and Central Asia, top-grade researcher, D. Sc. (History); dmitriev_home@mail.ru

The paper draws attention to the happenings in the history of The Russian Museum of Ethnography in the late 1930s (then The State Museum of Ethnography) when the museum structure changed temporarily. The reason was adding a history department to the museum, thus making it more closely resemble the National Museum form.

Keywords: The State Museum of Ethnography, the History and Everyday Life Department of The Russian Museum, the History Department of The State Museum of Ethnography, museum restructuring.

СОЦИАЛИСТИЧЕСКИЕ ЦЕННОСТИ В СОВЕТСКОМ ОБЩЕСТВЕ: ИДЕИ И ПРАКТИКИ

УДК 94.39(47)

Д. В. Верховцев

Пассионарии Льва Гумилёва как «новые люди»

Верховцев Дмитрий Владимирович, Институт этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая Российской академии наук (Москва), научный сотрудник; DVerhovtcev@gmail.com

Давнее увлечение ролью героев в истории Л. Н. Гумилёва, автора пассионарной теории, наложилось на прямой совет евразийца Савицкого обратить внимание на «летчиков, полярников и моряков» как предвестников великого подъема СССР. Пассионарии заняли в концепции Гумилёва роль движителей этногенеза, поднимающих этнос на новые свершения в разных сферах жизни. Лев Гумилёв, имевший репутацию опального ученого, диссидента, и действительно, мало обращавшийся в своих работах к классикам марксизма-ленинизма, тем не менее прибегал к миметическому оппонированию марксистским догмам, апроприруя и используя их в интересах собственных построений.

Ключевые слова: история советской этнографии, Л. Н. Гумилёв, этнос, пассионарность, «новые люди».

Пассионарная теория этногенеза Льва Гумилёва среди прочих концепций кажется наименее подходящей для поиска рецепции идеи «нового советского человека». Она имела репутацию диссидентской: статьи Л. Н. Гумилёва о пассионарности печатались в научной периодике (серия «Ландшафт и этнос», 1964–1973), но защита суммирующей эти идеи докторской диссертации по географическим наукам (1974) не была утверждена ВАК. Монография,

созданная на основе диссертации, не была допущена к публикации, автор смог лишь депонировать ее во Всесоюзном институте научной и технической информации, и только там рукопись была доступна к прочтению. При этом даже опубликованные работы не принимались широким кругом ученых, занимавшихся вопросами этничности в СССР, и подвергались критике, наиболее последовательно этим занимался глава Института этнографии академик Ю. В. Бромлей.

Личность и тяжелая судьба самого Гумилёва вызывали сочувствие у разных групп советской интеллигенции, имевших порой полярные идеологические взгляды. Диссиденты и им сочувствующие выделяли среди фактов биографии ученого репрессии со стороны советского государства, направленные как на него самого, так и на его родителей – поэтов Николая Гумилёва и Анну Ахматову. В то же время, собственные взгляды Гумилёва к концу жизни оказались ближе к консервативно-патриотическому полюсу: он заявлял, что не относит себя к интеллигенции, а идентифицируется дворянином и воином¹. Более того, в своей трагической судьбе (14 лет лагерей и запрет на публикацию произведений) он в большей степени обвинял не советское государство, а коллег-ученых, которые, по мнению ученого, писали на него доносы, и мешали публиковаться².

Теория пассионарности, и правда, почти не содержала прямых отсылок к официальному историческому материализму, хотя и имела необходимые ссылки на классиков марксизма. Эти ссылки часто рассматривают как вынужденные и ритуальные, позволяющие напечатать научную работу, но не влияющие на общую канву изложения. В то же время, неартикулируемые Гумилёвым связи теории этноса и советского марксизма бросались в глаза многим исследователям, например, гомологичность социальных революций и реформаций – «пассионарному толчку»³. Автор теории пассионарности использовал язык советской идеологии больше имплицитно (тогда как его оппонент Ю. В. Бромлей – больше эксплицитно), в рамках стратегии миметического сопротивления⁴, осознанно или неосознанно пользуясь ее элементами.

Одним из таких элементов является концепция «нового советского человека», активно внедрявшаяся в общественный дискурс в 1930-х гг., она послужила одним из прообразов пассионариев. По версии Л. Н. Гумилёва, именно в этот период им была сформулирована концепция пассинарности, хотя в работах ученого она появилась на несколько десятилетий позже. Л. Н. Гумилёв вспоминал, что понятие пассинарности впервые пришло к нему в камере следственного изолятора «Кресты» в Ленинграде, во время

следствия 1938 г.⁵ Стахановцы, чкаловцы, папанинцы и другие «новые люди» были яркими героями активной пропагандистской компании в СССР того периода. Еще Марк Бассин подметил, что их образ, тиражировавшийся в газетах и искусстве, имел много общего с пассионариями Гумилева: это были активные личности, энтузиасты, совершавшие небывалые подвиги и преодолевавшие застывшие традиции, руководствуясь высшими идеалами⁶.

Есть и прямые свидетельства, что на «новых людей» 1930-х гг., как на предвестников будущего взлета советского народа, Гумилёву указывали коллеги. Евразиец П. С. Савицкий писал об этом автору концепции пассинарности в письме от 1957 г. По мнению Савицкого, в то время отсталость России от Запада была несомненна, но подвиги полярников, летчиков и моряков являлись «фактами-пророчествами», выступавшими предтечей успехов и великого подъема России. Именно концепцию «фактов-пророчеств»⁷ Савицкий предлагал Гумилеву применить к его исследованиям кочевников, что действительно можно увидеть в работах по пассинар-ной теории.

Конечно, идею пассинариев невозможно полностью вывести из «новых людей», у нее множество источников, использованных и переосмысленных Л. Н. Гумилёвым эксплицитно и имплицитно. Явная генеалогия возводит пассинариев к «людям длинной воли», которых описывал в своих работах евразиец Н. С. Трубецкой, по мнению которого, возвышению Чингисхана способствовала консолидация вокруг него монголов с особым психическим складом, ценивших честь выше жизни⁸.

С другой стороны, увлечение Л. Н. Гумилёва ролью героических личностей в истории можно отнести уже к середине 1930-х гг., правда, по данным достаточно специфического источника. В материалах следственного дела Л. Н. Гумилёва и Н. Н. Пунина содержатся протоколы допроса обвиняемых и свидетелей, в которых А. П. Борин приписывал Гумилёву такие слова, произнесенные в личной беседе: «Нет таких эпох, в которые нельзя было бы героическим усилием изменить существующее положение» и «есть еще дворяне, мечтающие о бомбах». Сам Гумилёв передавал смысл этого разговора иначе. По его показаниям, он говорил следующее: «Нет такой эпохи, в которой нельзя было бы вести политической борьбу»⁹. Сложно определить: действительно ли имел место пересказанный Бориным разговор о героическом усилии, меняющем ход истории, был ли он выдуман им или подсказан следователями – доподлинно можно говорить лишь о факте его обсуждения на допросах.

Но так или иначе, случай Льва Гумилёва и его теории пассинарности очень показательны как пример рецепции идеи «новых

людей» в относительно независимый от идеологии дискурс. Пытается противостоять советскому марксизму, узурпировавшему сферу метатеории социальных и гуманитарных наук, ученый применял стратегию миметического сопротивления, воспроизводя элементы идеологии в модифицированном виде, не обращая к ним напрямую¹⁰. Возможно, эта стратегия не привела к желаемым результатам, которые, вероятно, состояли в завоевании академического авторитета, однако, обеспечила широкую популярность теории пассионарности в среде интеллигенции (особенно технической), и к настоящему времени сделала Льва Гумилёва самым цитируемым отечественным ученым в области этнологии.

¹ Казаков В. Всем нам завещана Россия [Интервью с Л. Н. Гумилёвым]//Красная звезда. 1989. 21 сент. URL: <http://gumilevica.kulichki.net/articles/Article33.htm> (дата обращения: 25.10.2022).

² Дёмин В. Н. Лев Гумилёв. М.: Молодая Гвардия, 2008. С. 174.

³ Янов А. Л. Учение Льва Гумилева//Свободная мысль. 1992. № 17. С. 110–111; Шнирельман В. А., Панарин С. А. Лев Николаевич Гумилев: основатель этнологии?//Вестник Евразии. 2000. № 3. С. 15.

⁴ То есть сопротивление доминирующему дискурсу с заимствованием из него риторических приемов и набора идей. Подробнее история этой концепции и ее приложение к советским теориям этноса разбираются в статье: Верховцев Д. В., Петряшин С. С. Теории этноса vs марксизм: история миметического сопротивления//Кунсткамера. 2021. 1(11). С. 91.

⁵ Савкин И. Скажу вам по секрету, что если Россия будет спасена, то только как евразийская держава [Интервью с Л. Н. Гумилёвым]//Ритмы Евразии. Эпохи и цивилизации. М.: Прогресс; Пангея, 1993. С. 25–26.

⁶ Bassin M. *The Gumilev Mystique: Biopolitics, Eurasianism and the Construction of Community in Modern Russia*. Ithaca: Cornell University Press, 2016. P. 121–133.

⁷ Верховцев Д. В., Петряшин С. С. Указ. соч. С. 97.

⁸ Трубецкой Н. С. Наследие Чингизхана. М.: Аграф, 1999. С. 230–233.

⁹ Вспоминая Л. Н. Гумилева: Вспоминания. Публикации. Исследования. СПб.: Росток, 2003. С. 303–304.

¹⁰ Верховцев Д. В., Петряшин С. С. Указ. соч. С. 91.

UDC 94.39(47)

D. V. Verkhovtsev

Lev Gumilev's Passionarians as "New Men"

Verkhovtsev Dmitry Vladimirovich, The N. N. Miclouho-Maklay Institute of Ethnology and Anthropology of the Russian Academy of Sciences (Moscow), researcher; DVerhovtcev@gmail.com

The long-standing fascination of L. Gumilev, the passionarity theory progenitor, with the historic role of heroes, overlapped with the direct advice from Eurasian theorist Savitsky to pay attention to “pilots, polar explorers and sailors” as harbingers of the unprecedented rise of the USSR. In Gumilev’s concept, passionarians were drivers of ethnogenesis who propelled their ethnos to new achievements in various fields. Known as a disgraced researcher and a dissident, L. Gumilev indeed was reluctant to mention the Marxist-Leninist classics in his works; he did, however, use mimetic opposition to the Marxist dogmas as a means to test them and use them to serve his own theories.

Keywords: the Soviet ethnography history, L. Gumilev, ethnos, passionarity, “new men”.

О. А. Виноградова

Роман Николая Островского
«Как закалялась сталь» в формировании
советской идентичности

Виноградова Ольга, Государственный музей – культурный центр «Интеграция» им. Н. Островского (Москва), отдел фондов, сектор хранения, заведующая; helga_v_74@mail.ru

В докладе рассматривается история издания романа Н. Островского «Как закалялась сталь» на национальных языках народов Советского Союза. Освещаются проблемы перевода романа.

Ключевые слова: СССР, Н. Островский, роман «Как закалялась сталь», национальные языки, издание, новый советский человек.

Сто лет назад было создано новое государство – Союз Советских Социалистических Республик. Через 10 лет, в 1932 г., вышла в свет первая часть романа Н. Островского «Как закалялась сталь» – произведения, сыгравшего огромную роль в воспитании нового человека.

Николай Алексеевич Островский сам был человеком новой формации, поистине героем своего времени. Его личность «стала символом эпохи и символом торжества человеческого духа, тех вершин мужества, на которые может подняться человек» (по выражению писателя Владимира Максимова)¹. На долю Николая Островского выпало не только сложное время (революция, Гражданская война, разруха, становление новой государственной системы и жесткие партийные «чистки»), но и борьба с неизлечимым недугом. Тяжелые ранения и суровые условия жизни привели к тому, что в 18 лет он получил I-ю группу инвалидности, постепенно терял зрение и способность двигаться. В 1927 г. Островскому поставили неутешительный диагноз – заболевание Бехтерева и полиартрит. Стало понятно, что улучшения здоровья ждать не придется. А ведь ему было всего лишь 23 года! С тех пор он был прикован к постели. Но... «умей жить и тогда, когда жизнь становится невыносимой. Сделай ее полезной».

Несмотря на тяжелое состояние, Николай Алексеевич занимался политпросвещением, у него всегда собиралась молодежь, где бы он ни находился: на лечении или дома.

В 1930 г. Островский с женой переехал в Москву для продолжения лечения, где и начал писать роман «Как закалялась сталь». В нем частично отразилась биография писателя, дух времени и события, сотрясавшие страну. Николай Алексеевич терял зрение, и самому работать было тяжело. Ему помогала супруга, родные и друзья: они писали под диктовку или переписывали начисто черновики.

Произведение опубликовали в 1932 г. в журнале «Молодая гвардия». Через два года вышла в свет вторая часть. Успех романа у читателей был невероятным: редакция получала от читателей огромное количество писем с отзывами, в библиотеках были очереди за произведением, устраивались коллективные чтения вслух. Главный герой Павел Корчагин сразу явил собой символ новой жизни, нового советского человека. Этот литературный персонаж удивительным образом стал близок представителям всех народов.

Уже позже на роман и его автора обратили внимание «наверху»: писатель получил орден Ленина, квартиру в Москве, началось строительство дачи в Сочи. Но для Николая Алексеевича была очень значима возможность издания романа массовым тиражом. При жизни писателя за два года (1934–1936) «Как закалялась сталь» переиздавали 41 раз, общий тираж составил 1 225 000 экземпляров.

В фондах Музея Н. Островского (ГМКЦ «Интеграция» им. Н. Островского) хранятся издания романа на 40 языках народов СССР. По годам выхода издания в свет можно проследить этапы развития Советского Союза.

В 1934 г. вышла в свет вторая часть романа «Как закалялась сталь». К этому времени в состав СССР входило 7 союзных республик (РСФСР, УССР, БССР, Закавказская СФСР, Узбекская ССР, Туркменская ССР, Таджикская ССР), 19 автономных республик, 17 автономных областей и 11 национальных округов². В это время система национально-государственных образований рассматривалась как форма помощи национальностям, не достигшим еще определенного уровня экономического и культурного развития. Государство прилагало большие усилия для подъема национальных меньшинств и приобщения их к социалистическому строительству.

Еще в декабре 1919 г. Советом Народных Комиссаров был принят декрет «О ликвидации безграмотности среди населения РСФСР». Для граждан в возрасте от 8 до 50 лет объявлялось обяза-

тельное обучение грамоте на родном или на русском языке по желанию. Делалось это для того, чтобы предоставить людям возможность «сознательно участвовать» в политической жизни страны.

Одновременно с осуществлением проекта повышения общего уровня грамотности населения выявилась неожиданная проблема – у огромного числа языков малых народов страны письменность находилась в зачаточном состоянии или отсутствовала вообще. Налицо был явный разрыв между языками одной страны. Данная проблема решалась в рамках новой языковой политики. Большую роль в этом процессе играла литература. Книга рассматривалась партией как мощное орудие идеологической борьбы.

На основании Постановления Президиума ЦИК от 21 сентября 1931 г. «Об издании литературы на языках национальных меньшинств» издание литературы на местных национальных языках было передано в национальные издательства республик и областей³. Издание литературы для национальных меньшинств, не имевших к тому времени своих издательств, оставалось в Объединенном государственном издательстве (далее ОГИЗ), Партиздате, Гостехиздате, где были организованы национальные секторы. В ОГИЗе, кроме того, выпуск литературы для нацменьшинств был поручен краевым издательствам, входившим в его состав.

При жизни Н.А. Островского роман «Как закалялась сталь» был переведен и издан на 28 языках народов СССР, в том числе впервые получивших письменность после революции. В 1934 г. обе части были переведены на украинский, мордовский и польский языки; в 1935 г. книга вышла на татарском и белорусском, а в 1936-м появились переводы на адыгейский, армянский, балкарский, горно-марийский, грузинский, кабардинский, коми-пермяцкий, коми-зырянский, узбекский, чеченский, финский языки. Сам Николай Алексеевич активно интересовался всем, что касалось переводов романа и издания его на национальных языках. Свидетельством этому стало его письмо от 14 июня 1936 г. следующего содержания:

«Уважаемый товарищ! Прошу Вас сообщить мне как идут дела с переводом и изданием романа «КЗС» [«Как закалялась сталь»] в Вашем издательстве.

Жду Вашего ответа.

Если книга вышла – прошу выслать мне авторские экземпляры.

С коммунистическим приветом, Н. Островский»⁴.

Это письмо было разослано в национальные издательства: Удмуртское, Кабардино-Балкарское, Чувашское; в Осетинский облиздат, в Госнацмениздат⁵ г. Киева и Крайгиз Азово-Черноморского

края. В Краснодаре книги на языках народов Адыгеи издавались в Адыгнациздате, в Махачкале был создан Даггосиздат.

Чтобы избежать неточностей, Островский сам переписывался с переводчиками, уточнял детали. Накладывала свой отпечаток и политическая ситуация в стране. Так произошло с переводами на белорусский язык и идиш. В письме секретарю ЦК ЛКСМ Белоруссии А. В. Августайтису Островский сообщал, что «тов. Сарра Давидович сигнализировала мне о том, что переводы «КЗС» на еврейский и белорусский языки были отданы троцкистам. На ее протесты руководство Госиздата реагировало очень слабо. После ее письма ко мне с просьбой помочь ей в этой борьбе, зам. директора Белгосиздата сообщил, что переводы переданы честным писателям»⁶. Чуть ранее в письме на имя директора Госиздата Белоруссии писатель отмечал: «Мне сообщили, что перевод на еврейский язык романа «КЗС» поручили гр. Дунцу, политически скомпрометированному человеку, а перевод на белорусский язык бывшему троцкисту (фамилии не помню). Не знаю, почему надо было вторично на белорусский язык переводить, но если это нужно, то прошу доверить эту работу людям политически безупречным»⁷.

Не все переводы успели увидеть свет при жизни писателя. Уже в 1937 г. группа студентов и аспирантов ленинградского Института народов Севера приступила к работе по переводу романа на языки народов Крайнего Севера (эвенкский, нымьланский, мансийский, нанайский и др.). Перевод на крымско-татарский язык, о котором Н. Островский писал еще в 1936 г., вышел только в 1940 г.

До начала Великой Отечественной войны роман вышел еще на 28 языках народов СССР (среди которых башкирский, бурято-монгольский, лугово-восточный-марийский и горномарийский, языки народов Дагестана, ойротский и др.). В 1940 г. книга «Как закалялась сталь» была переведена на национальные языки республик, вошедших в состав СССР – молдавский, латышский, литовский и эстонский.

После Великой Отечественной войны процесс перевода романа на национальные языки не прекратился. В период с 1948 по 1966 г. появились издания на абхазском, венгерском, калмыцком, тувинском и уйгурском языках.

В настоящее время издания «Как закалялась сталь» на национальных языках народов СССР являются ценным историческим источником не только для литературоведов и историков, но и для лингвистов.

¹ Цит. по: Андроникова Т. И. «Слишком мало осталось жить...» М., 2014. С. 10.

² Административно-территориальное деление Союза ССР. На 15 июля 1934 года. М., 1934. С. 10.

³ Собрание законов и распоряжений Рабоче-Крестьянского Правительства СССР за 1931 г. С. 696–697.

⁴ ЦГАЛИ. Ф. 363. Оп. 1. Ед. хр. 76. Л. 72.

⁵ Киевское Государственное издательство национальных меньшинств СССР (Укрдержнацменвидав) было создано для издания литературы на языках национальных меньшинств, проживающих на территории Советской Украины: немцев, греков, венгров, евреев, болгар. Работало ориентировочно с начала до конца 30-х годов XX века.

⁶ Письмо Островского Н. А. Августайтису А. В. от 25 августа 1936 г.

⁷ Письмо Островского Н. А. директору Госиздата Белоруссии от 9 августа 1936 г.

UDC 821

O. Vinogradova

“How the Steel Was Tempered” by Nikolay Ostrovsky: the Role of the Novel in Forming the Soviet Identity

Vinogradova Olga, GMCC “Integration” named after N. Ostrovsky (Moscow), the Department of Funds, the Storage Sector, head of sector; helga_v_74@mail.ru

The paper deals with the history of publishing N. Ostrovsky’s *How the Steel Was Tempered* novel in the official languages of the various peoples of the Soviet Union and the role the novel played in forming the new soviet man. The issues of the novel translation are also covered.

Keywords: the USSR, N. Ostrovsky, “How the Steel Was Tempered” novel, national languages, publishing, new soviet man.

О. В. Змеева

«В его воображении виделся новый
социалистический город...»: проект
академика А. Е. Ферсмана¹

Змеева Ольга Васильевна, Кольский научный центр Российской академии наук (Апатиты), Центр гуманитарных проблем Баренц региона, старший научный сотрудник, кандидат исторических наук; zmeyeva@rambler.ru

В докладе рассмотрены отдельные аспекты проекта города в Хибинах, автором которого являлся академик А. Е. Ферсман. В научных и научно-популярных работах второй половины 1920-х – начала 1930-х гг., посвященных промежуточным итогам экспедиционной деятельности на Кольском полуострове, А. Е. Ферсман конкретизировал промышленное значение хибинских открытий, предложил идеи колонизации Мурманского края и реализации комплексного использования минеральных руд на месте. Результатом стало осуществление в центральной части Кольского полуострова индустриальных проектов по созданию промышленных центров. Источниками предпринятого анализа стали специальные и научно-популярные работы А. Е. Ферсмана, в которых автор акцентировал внимание на перспективах развития Хибинских тундр в первый период сталинской индустриализации. Рассматриваются представления автора о будущем нового промышленного мира Хибин.

Ключевые слова: социальное воображаемое будущее Хибинских тундр, социалистический город, советская индустриализация, Хибиногорск.

В настоящее время так называемые советские или социалистические города являются особыми объектами историко-культурного наследия страны: они нередко возникали на неосвоенной местности, имели специфически организованное пространство, связанное с промышленными предприятиями и т.д. Подразумевалось, что новые города должны были учитывать потребности нового советского жителя, поэтому в городское пространство предлагалось включение всей социально значимой инфраструктуры². Несмотря на то, что концепция «соцгорода» оставалась утопией, тем не ме-

нее она предлагала вариант объединения города и предприятия в единое целое.

Организатор освоения Хибин академик А. Е. Ферсман считал, что экономическое, социальное и культурное развитие края требует объединения науки и с производством, и со всей хозяйственной и социальной жизнью. Научно-популярные работы А. Е. Ферсмана напоминают о том, насколько в 1920–1930-х гг. в Советском Союзе были популярны идеи «Города Солнца» (Т. Кампанелла, 1623), и города-сада (Э. Говард, «Города-сады будущего», 1898). А. Е. Ферсман находился в русле утопических концепций, к которым активно обращались специалисты в 1920–1930-х гг.

Социальную и этнографическую историю Хибин, описанную А. Е. Ферсманом и его учениками, которая в дальнейшем была воспроизведена их последователями, наши современники оценивают в качестве правдивой, не подвергающейся сомнению³. В результате история промышленного освоения Хибин стала основой для формирования актуального историко-этнографического профиля региона. Это конструкт, включающий социальный мир как воплощение идей индустриально-организованного пространства⁴.

Сконструированная история особенно привлекательна тем, что она включала элементы прогноза. Таким образом, адепты идей А. Е. Ферсмана присоединялись к замыслу академика, в определенном смысле они являлись агентами поля «фактического воображения»⁵, то есть того социального пространства, которое уже однажды было сформировано и структурировано в виде проекта в авторском варианте академика Ферсмана.

Геологи-«первопроходцы» не рассматривали Хибин в качестве обжитого пространства вплоть до начала городского строительства. Хибинские горы для исследователей раннего советского периода – транзитная зона, сезонно используемая представителями коренного населения, а также участниками экспедиционных отрядов. Именно 1929 г. для Хибинских тундр стал отправной точкой в деле формирования социального пространства. Не случайно его называют «переломным» и в «решении апатитовой проблемы».

Перспектива «интереснейшей и экономически заманчивой картины» разворачивалась на глазах исследователей Хибин. Именно «картину» А. Е. Ферсман предложил читателю в работах, посвященных экспедициям в Хибин. Будущее, предлагаемое А. Е. Ферсманом, это система социальных представлений, «социальное воображаемое, которое есть не что иное, как система интерпретаций мира»⁶. Мир Хибин академик видел подчиненным промышленной жизни – системе добыче сырья, его комплексной переработке и транспортировке, основа которой институционализация науки.

Автор представлял будущее как последовательное решение так называемой апатито-нефелиновой, или хибинской проблемы, которая включала и решение вопросов комплексного использования руд Хибинских месторождений, и создание промышленных, социальных, транспортных систем. Несмотря на то, что предложенные варианты решения проблемы автор обозначил как рисуемое в «розовых красках будущее», он предложил взглянуть на него «не в виде заманчивых, но фантастических планов, а в совершенно реальных штрихах»⁷.

Первоначальным действием в реализации плана было развитие железнодорожной инфраструктуры, которая, как и все остальное, была призвана ускорить покорение горного массива и формирование нового ландшафта. Второй элемент в проекте – строительство населенного пункта. В 1929 г. академик не планировал поселение с городским статусом. В его представлениях это был рабочий поселок, потенциальное название которого академик не придумал. Поскольку к постройке Горной станции Академии наук к тому времени уже приступили, объекты будущего населенного пункта должны были бы размещаться по сформированным традициям взаимодействия науки и производства.

«Возможно, что кто-либо, найдя эту книгу в библиотеках через 15–25 лет, с интересом сравнит наши надежды и наши ожидания с тем, что получилось в действительности», предполагал А. Е. Ферсман в конце 1920-х гг.⁸ Обращаясь к читателю будущего, для которого прогнозы ученого стали настоящим или уже прошедшим, автор поддерживал интерес к прочтению работ о будущем, представляя возможность сопоставить воображаемую картину автора с реальностью читателя. Призывая новые поколения оценить результаты деятельности первопроходцев Хибин, академик создает для будущего читателя исторические конструкции, которыми последний и руководствуется. А. Е. Ферсман, один из глубоко убежденных в исключительной ценности Хибинских месторождений, создал цельный образ – концепцию будущего, которая, как нам теперь известно, частично превратилась в реальность еще при жизни автора. Через 11 лет после публикации книги «Апатито-нефелиновая проблема Хибинских тундр» А. Е. Ферсман подводил итог: «Так намечали мы будущее в наших смелых планах конца 1929 года. Мы видим, что жизнь на сегодня далеко перекрыла эти предположения, вырисовывающиеся десять лет назад лишь в фантазиях ученого. Подавляющее большинство их претворилось в действительность и сейчас кажется уже заурядным явлением. Реализация остального – вопрос ближайшего времени»⁹. Автор не раз обращался к собственным историческим конструкциям, расширяя

и пополняя их. А. Е. Ферсман объединил субъективные представления о перспективах развития Хибинских тундр и реальность, создавая творческий продукт – образ будущего. Целостная картина будущего, нарисованная А. Е. Ферсманом, наделена системой значений, которые впоследствии стали управлять реальной социальной структурой городов Хибинского ареала.

¹ Работа выполнена при поддержке федерального бюджета по теме государственного задания № FMEZ-2022–0028 Кольского научного центра Российской академии наук.

² См.: Сабсович Л. М. Города будущего и организация социалистического быта. М., 1929.

³ См.: Каменев Е. А. Имена на карте. М.: Наука, 2020.

⁴ Змеева О. В. А. Е. Ферсман на Кольском полуострове: экспедиционная работа и формирование историко-этнографического профиля региона// Труды Кольского научного центра РАН. Гуманитарные исследования. 2020. Вып. 19 (6/2020;11). С. 27.

⁵ Касториадис К. Воображаемое установление общества/Пер с фр. Г. Волковой, С. Офертаса. М.: Гнозис; Логос, 2003. С. 164.

⁶ Касториадис К. Дрейфующее общество. Беседы и дискуссии (1974–1997). М.: Гнозис; Логос, 2012. С. 67.

⁷ Ферсман А. Е. Апатито-нефелиновая проблема Хибинских тундр (По данным работ и исследований на 15-е окт. 1929 г.). Ленинград: Научное химико-техническое изд-во; Научно-техническое управление ВСНХ, 1929. С. 79.

⁸ Там же.

⁹ Ферсман А. Е. Апатито-нефелиновая проблема в 1930, 1940 и 1950-е гг. (к 10-летию Кировска)//Природа. 1940. № 1. С. 41–42.

UDC 908; 930.2; 316.52(470.21)

O. V. Zmeeva

“In His Mind, He Saw a New, Socialist City...”:
the Design by Academician A. Fersman

Zmeeva Olga Vasil'evna, The Kola Science Centre the Russian Academy of Sciences (Apatity), the Barents Centre of the Humanities, senior research fellow, Ph. D. (History); zmejeva@rambler.ru

The paper analyzes certain aspects of the design Academician A. Fersman made for a city in the Khibiny Mountains. In his science and pop-science works of the late 1920 – early 1930s, focused on the interim results of expeditions to the Kola Peninsula, A. Fersman elaborated on industrial value of the Khibiny discoveries, offered ideas for Murmansk Region colonization and

for comprehensive use of mineral ore at the site. That resulted in a number of industrial projects being implemented in the middle part of the Kola Peninsula, leading to creation of industry hubs. The sources for the author's analysis were A. Fersman's specialized and popular works, where he focused on the Khibiny tundras' development prospects at the initial stages of Stalin's industrialization. The paper deals with A. Fersman's idea of the future industrial world in the Khibiny Mountains.

Keywords: social projection of the Khibiny tundras' future, socialist city, soviet industrialization, Khibinogorsk.

М. П. Наговицына

Антирелигиозная пропаганда
в советской прессе (по материалам
экспедиции в Кировскую область)

Наговицына Марина Петровна, Вятский колледж культуры (Киров), преподаватель, кандидат филологических наук; nagovicynamp@yandex.ru

В докладе анализируется антирелигиозная пропаганда в прессе, которая являлась одним из ведущих направлений идеологической политики советской эпохи и для ее реализации использовалось множество жанров – научные, сатирические статьи, фельетоны и др. В докладе на ряде примеров – заметок местной прессы – подчеркивается особая роль атеистической работы с населением в период религиозных праздников (Рождество, Крещение).

Ключевые слова: антирелигиозная пропаганда, советская пресса, атеизм, Кировская обл.

Особый интерес у исследователей в последние годы вызывает работа с периодической печатью советского периода. Следует подчеркнуть, что местные газеты являлись важнейшей частью коммуникационной среды для жителей отдаленных уголков Вятского края. Для многих вятчан пресса наряду с радио оставалась единственным средством массовой информации вплоть до конца 1970-х гг. Антирелигиозная пропаганда выступала одной из актуальных тематик местных газет на протяжении как предвоенного, так и послевоенного времени. Высокая доступность районных газет делала их надежным каналом для формирования в обществе необходимого отношения к данной проблематике. Традиционная вера печатному слову широко использовалась властью во всех идеологических кампаниях. Жителям глубинки был близок и понятен эмоционально-экспрессивный язык антирелигиозных заметок, в которых резко высмеивались все еще не вставшие на путь «очищения» от религии односельчане.

Следует отметить, что в антирелигиозных публикациях местной прессы советского периода особое внимание уделяется анти-

тезе «религия и трудовой процесс». Во множестве заметок подчеркивается, какой существенный вред наносят продолжительные религиозные праздники трудовым будням рабочих и колхозников: «Вместо того, чтобы вести подготовку к весеннему севу, в колхозе «1-я пятилетка» значительная часть колхозников праздновала «Рождество». В трехдневную пьянку втянулись даже некоторые члены правления – В. Дегтярев, С. Додин, А. Гамаюнов, И. Кунгурцев.

Престольный праздник, нерабочий,
Три дня – для пьянства и потех,
Горланят песни до полночи,
А бригадиры – громче всех»¹.

В заметке «В чужом пиру похмелье» описывается случай пьянства на рабочем месте по поводу праздника Крещения: «Конюх колхоза «Родина» Маскин плохо ухаживает за лошадьми. В религиозный праздник «Крещение» пьянствовал в деревне Б-Сатнур. Лошадей кормить послал вместо себя колхозницу колхоза «Передовая»»². В статье «О вреде религиозных праздников» отмечается: «В наше время приходится наблюдать такую картину, что в горячую пору сельскохозяйственных работ люди какой-нибудь деревни или села справляют религиозный праздник, сопровождающийся, как правило, пьянством. Пьяный разгул порой сопровождается несчастными случаями, пожарами, драками, хулиганством. Наиболее часто отмечаются местные так называемые престольные праздники – Заговенье, День Флора и Лавра, Власьев день и другие. Престольные праздники веками насаждавшиеся эксплуататорскими классами, глубоко вкоренились в быт еще дореволюционной России. Религия, как известно, призывает верующих соблюдать всевозможные посты и воздержания. Однако, все время держать людей в таком состоянии опасно: ведь всякому терпению может прийти конец. Религиозные праздники нередко приносят материальный ущерб народному хозяйству отвлекая от работы, подрывая трудовую дисциплину»³.

В заметке «В религиозные праздники работать сверхударно» отмечается, что во многих местах период религиозных праздников является реальным сбоем в трудовом цикле целых организаций и населенных пунктов: «В нашем районе есть ряд сектанских групп (например, в Сырчанах), которые могут своей работой повлиять на темпы уборочной. Следует учесть такие моменты прошлого года, когда целые колхозы в религиозные праздники не работали, а уходили в город. В нынешнюю уборочную кампанию таких случаев допускать ни в коем случае не надо»⁴.

Следует отметить, что как в центральной, так и в местной прессе, постоянно поднимались вопросы о несовместимости рели-

гиозной веры с некоторыми профессиями и должностями – учителя, врачи, руководящие работники, а также члены комсомола и партии. В Малмыжской прессе советского периода после январских религиозных праздников (Рождество, Крещение) регулярно появлялись обличительные заметки про нарушителей трудовой дисциплины: «Супруги Ростокины 19 января решили сходить на «Крещение» к папаше-коммунисту Степану Агаповичу. После этого Иван Степанович тоже сутки не работал. И за такое папашино содействие еле-еле удержался на работе»⁵. В этой же заметке обличается еще один житель района: «Еще усердней мамаша угощала своей «крещенской» брагой сына В. Пьянкова. После изрядной порции домашней «наливки» Пьянков взобрался в автомашину и поехал в ЦРММ. В глазах Пьянкова стало двоить, а затем и тротить и он оказался под горой вместе с машиной. Великим чудом «крещенский» кутежник остался жив. Правда, за это он получил «бессрочный отпуск»»⁶.

Еще одной яркой антитезой в антирелигиозной пропаганде является антитеза «верующие – атеисты». В данных заметках подчеркивается мысль о том, как интересна и разнообразна жизнь советских тружеников-атеистов. В статье «Антирелигиозные вечера в колхозах» указывается, что в религиозные праздники надо уделять особое внимание организации досуга населения в духе новой советской морали: «7 января в день кулацко-поповского Рождества в колхозах Сереговском, Шуранском и других будут проведены антирелигиозные вечера с докладом «О происхождении религии». Колхозная молодежь организует спектакли на антирелигиозную тему»⁷.

Особо активные атеисты отмечались в местной прессе: «Одним из передовых колхозов по выполнению хозяйственно-политических кампаний в Юртикском сельсовете является колхоз им. Молотова. В первый день поповско-кулацкого «Рождества» колхозниками был организован ударный воскресник по лесозаготовкам и зимней вывозке навоза. Работало в лесу 4 лошади, 20 лошадей на вывозке навоза. Вот так колхоз им. Молотова ответил на поповско-кулацкое «Рождество»»⁸. Еще в одной заметке указывается: «Труженики сельского хозяйства проявляют большой интерес к лекциям о классовой сущности религии, преодолению религиозных пережитков в сознании людей, коммунистической морали. Во многих колхозах и МТС открылись лектории»⁹.

Следует также отметить, что в антирелигиозной пропаганде в прессе часто используется фактор страха. В статье «Против пережитков колдовства» указывается на существенный вред для жизни и здоровья людей многих религиозных таинств и, в частности,

таинства крещения: «В воде и церковной утвари была обнаружена масса болезнетворных микробов – стафилококков и кишечных палочек. К тому же выяснилось, что один из священников был болен гриппом, а другой – открытой формой туберкулеза. Дремучим невежеством и мракобесием веет в наши дни от этого религиозного обряда»¹⁰.

Ведущей антитезой в антирелигиозных заметках, безусловно, является антитеза «наука и религия». Она получала поддержку через популярные разъяснения наиболее важных явлений в жизни общества и природы – строение Вселенной, происхождение жизни и человека, достижения в области астрономии, биологии, физики, подтверждавших логичность материалистических взглядов. В статье «Крещенский дурман» отмечается: «С запуском трех советских искусственных спутников Земли и космической ракеты, которая стала спутником Солнца, каждому человеку стало понятно, что никакого Бога, Иисуса Христа, не существовало и не существует. Однако старые вредные религиозные традиции у некоторой части населения до сих пор живучи»¹¹. В статье «Научно-атеистическая пропаганда» говорится: «Труженики сельского хозяйства проявляют большой интерес к лекциям, посвященным классовой сущности религии, преодолению религиозных пережитков в сознании людей, коммунистической морали. Во многих колхозах и МТС открылись лектории. Более 200 членов лекториев, организованных во всех колхозах и МТС ведут сейчас политико-массовую работу среди колхозников и механизаторов. Только в сентябре они прочитали около 100 лекций и докладов на различные темы, которые прослушали свыше 5 тыс. человек»¹².

Особое место в антирелигиозной пропаганде занимает формирование отрицательного образа священнослужителя. В газетных заметках священнослужители одинаково жадны, хитры и тщеславны. В целом, данный «образ врага» укладывался в рамки атеистической морали, согласно которой представители духовенства сознательно одурманивают население. В статье «Отпущение грехов» говорится: «В местечке был праздник. Съехалось больше чем десять попов. Тут же, рядом с церковью, продавались святые книжки по четвертаку, по полтиннику, по рублю. Кто купит за четвертак, тому меньше грехов опустится, кто за полтинник – тому уже будет отпущена половина грехов, а кто купит за рубль – тому все грехи будут отпущены. Верующие люди напролом лезут, книжки покупают для отпущения грехов. Поп, что торговал книжками, продал свой товар и идет домой. А один парень вышел за ним вслед на дорогу и говорит: «Давай деньги». А поп говорит: «Что ты делаешь? Это же грех». А тот парень достает книжку-рубль и говорит: «А вот,

видел, имею книжку-рубль – по ней все грехи прощены!» Забрал деньги – и все!»¹³.

Однако, несмотря на все усилия агитпропа, антирелигиозная борьба имела периоды определенного послабления, связанного как с политическими, так и с экономическими и социальными изменениями. В 1960-е гг. в центральной и местной прессе появляются публикации о запущенности антирелигиозной пропаганды, и в постановлениях ЦК КПСС в 1954 г. излагаются меры по практике непрерывной антирелигиозной работы. В местной прессе Вятского края 1960-х гг. мы также можем проследить отражение данной проблематики. В статье «Улучшение антирелигиозной пропаганды» отмечается: «В докладе, а также в выступлениях и на пленуме тт. Ефремовой, Кочурова и других отмечена неудовлетворительная постановка атеистической работы в районе. Количество крещений новорожденных, отпеваний умерших, венчания молодых людей в церкви почти не уменьшилось. Имеются случаи, когда церковные обряды совершались даже комсомольцами. Особенно запущена антирелигиозная работа в райпромкомбинате, в автохозяйстве, в колхозах им. Ленина, им. Тельмана, «Рассвет», в Татауровском совхозе. Новые советские безрелигиозные обряды внедряются робко. Праздник «Человек родился», торжественных регистраций браков и других новых обрядов проводилось считанное число»¹⁴.

В целом, представленные примеры публикаций в местной прессе Вятского края совпадают с существовавшими тенденциями общегосударственной политики по отношению к религии и отражают противоречивый процесс взаимодействия государства и верующих.

¹ Летят утки и два гуся//Малмыжский колхозник. 1955. № 4. С. 4.

² В чужом пиру похмелье//Там же. № 16. С. 3.

³ О вреде религиозных праздников//Там же. № 72. С. 4.

⁴ В религиозные праздники работать сверхударно//Колхозная газета (Нолинский район). 1935. № 169. С. 3.

⁵ В чужом пиру похмелье. № 17. С. 2.

⁶ Там же.

⁷ Антирелигиозные вечера в колхозах//Колхозная газета (Нолинский район) 1936. № 2. С. 2.

⁸ Поповско-кулацкому Рождеству противопоставили ударную работу//Колхозная газета (Нолинский район). 1954. № 8. С. 3.

⁹ Научно-атеистическая пропаганда//Колхозная газета» (Нолинский район). 1954. № 76. С. 2.

¹⁰ Против пережитков колдовства//Сельская новь (Нолинский район). 1964. № 154. С. 2.

¹¹ Крещенский дурман//Сельская новь (Нолинский район). 1964. № 7. С. 3.

¹² Научно-атеистическая пропаганда. С. 3.

¹³ Отпущение грехов//Колхозная газета (Нолинский район). 1954. № 74. С. 4.

¹⁴ Улучшение антирелигиозной пропаганды//Сельская новь (Нолинский район). 1964. № 132. С. 4.

UDC 299.2

M. P. Nagovitsyna

Anti-Religion Propaganda in the Soviet Media
(Following an Expedition to Kirov Region)

Nagovitsyna Marina Petrovna, The Vyatka College of Culture (Kirov), lecturer, Ph. D. (Philology); nagovicynamp@yandex.ru

The paper deals with the anti-religion propaganda in the media that used to be one of the key vectors of the soviet ideology broadcast through a variety of genres: pop-science and satirical articles, op-eds, etc. The author uses a number of examples (local media articles) to highlight the special importance of atheist propaganda during the religious holidays period (Christmas, Epiphany).

Keywords: anti-religion propaganda, soviet media, atheism, Kirov Region.

И. С. Слепцова (Кызласова)

Игровой репертуар
раннесоветского периода с точки
зрения концепции «упаковки» У. Чейфа¹

Слепцова (Кызласова) Ирина Семеновна, Институт этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая Российской академии наук (Москва), старший научный сотрудник; I_Kyzlasova@mail.ru

Доклад посвящен анализу способов большевистского проектирования «нового человека» в раннесоветский период при помощи создания игрового репертуара, содержащего коммунистические идеологемы. Педагог выступал в роли социального конструктора, перед которым стояла задача в доступной форме познакомить детей не только с большевистской идеологией, но и создать условия, при которых коммунистические ценности были бы интериоризированы детьми. Результаты конструирования – новые игры – и способы трансляции в них значимых смыслов анализируются с точки зрения концепции «упаковки» (packaging concept) американского лингвиста У. Чейфа (Wallace Chafe); в концепции способ оформления предложения («упаковка информации») связывается с эффективностью донесения смысла послания. «Упаковка» выбирается адресантом в зависимости от своего представления о компетентности слушающего, о содержании его сознания и от фокуса эмпатии. Работа по созданию «пролетарского» игрового репертуара опиралась на традиционные формы развлечений, учитывавшие опыт, знания, интересы и возможности игроков. Коммунистическое мировоззрение воспитывалось через противопоставление «старого» и «нового», через фокус контраста, который был призван подчеркнуть безусловное преимущество коммунистических ценностей и убедить участников игры в превосходстве нового строя. Создание идеологически правильных игр, содержащих коммунистические идеологемы в традиционной «упаковке», по представлению социальных конструкторов, должно было способствовать выработке коммунистического мировоззрения и тем самым способствовать формированию «нового человека».

Ключевые слова: воспитание «нового человека», игра как инструмент социального конструирования, раннесоветский период, концепция «упаковки» У. Чейфа.

После Октябрьской революции первоочередной задачей советской власти стало воспитание «нового человека», который должен был строить общество, основанное на принципах коммунистической идеологии и направленное на достижение социальной справедливости. Вполне понятно, что дети и молодежь, как группы свободные от груза прошлых представлений, становились объектом самого пристального внимания руководителей государства, которые разрабатывали различные меры политического воздействия на них. В выступлениях и статьях В. И. Ленина, Н. И. Бухарина, Л. Д. Троцкого, А. В. Луначарского и многих др. ставились задачи коммунистического воспитания, которые охватывали не только содержание школьного образования, но также и формы досуга. Отмечая важность игры для физического и нравственного развития детей, Н. К. Крупская в заметке 1923 г. указывала на ее «громкое воспитывающее значение»: «Путем игры можно воспитать коммуниста»². Таким образом, игра становилась важным ресурсом в борьбе за создание «нового человека»³. Этим объясняется столь большое внимание, которое уделялось советскими педагогами формированию идеологически выверенного игрового репертуара⁴. Педагог выступал в роли социального конструктора, перед которым была поставлена задача не только в доступной форме познакомить детей с коммунистической идеологией, системой ценностей, но и сделать все, чтобы они были интериоризированы детьми, стали частью их личности. Предполагалось, что при помощи проживания игровых ситуаций, в латентном или явном виде содержащих коммунистические идеологемы, происходит усвоение их смысла.

Актеры, которые должны были воплощать на деле поставленные задачи, хорошо понимали, что основная масса крестьян и рабочих, тоже вчерашних крестьян, обладали традиционалистским и консервативным мировоззрением. Поэтому работа по созданию нового игрового репертуара должна была опираться на традиционные формы развлечений с тем, чтобы они легко могли быть освоены и приняты носителями традиционных ценностей. То есть конструирование новых игр проходило по описываемой Ю. М. Лотманом и Б. А. Успенским модели построения «новой культуры», при которой архаическая «глубинная структура, сложившаяся в предшествующий период <...> подвергается решительному переименованию при сохранении всех основных старых структурных контуров»⁵. Таким образом, возникла необходимость разработать

способы, при помощи которых коммунистические идеологемы, заключенные в знакомую «оболочку», сформировали бы новые «фоновые практики», обусловившие верное, с большевистской точки зрения, поведение в процессе социальной коммуникации⁶.

Результаты конструирования – новые игры – и способы трансляции в них значимых смыслов можно проанализировать с точки зрения концепции «упаковки» (packaging concept), предложенной американским лингвистом У. Чейфом (Wallace Chafe)⁷ еще в 1976 г., которая в дальнейшем была развита другими учеными. Хотя это лингвистическая теория, но ее методы весьма продуктивны и при анализе социальных явлений. В ней акцентируется внимание на том, как посылается сообщение, на соотношении его формы и смысла. Чейф объясняет употребление им данного термина, ссылаясь на маркетинговый прием, когда удачная упаковка товара может частично влиять на его продажу, независимо от его качества. По аналогии с этим, правильная «упаковка» информации говорящим помогает адресату ее адекватному восприятию. «Упаковка» выбирается адресантом в зависимости от своего представления о компетентности слушающего, о содержании его сознания, что определяет способность адресата понять говорящего. При этом возникает эффект противопоставления «старой» (известной) и «новой» (сообщаемой) информации. Все это делает особенно значимыми фигуры коммуникантов, производящих или декодирующих сообщение. Еще одно положение, особенно важное в связи с изучением социальных явлений, это способность участников коммуникации к эмпатии, умение оценить ситуацию с позиции другого ее участника. Фокусом эмпатии является тот объект, с которым говорящий отождествляет себя или, по крайней мере, на чью точку зрения он пытается встать.

При создании новых игр в фокусе эмпатии оказываются различные возрастные группы: дети, подростки и молодежь. В зависимости от этого конструируются игры, учитывающие опыт, знания, интересы и возможности игроков, но обладающие одним и тем же идеологическим наполнением, внедряющие в сознание одинаковые идеологемы. Так, в воспитании детей дошкольного и младшего школьного возраста обращалось внимание на то, чтобы создать позитивный образ советской власти. В силу специфики детского восприятия это должны быть конкретные образы, эмоционально заряженные, например, понятный и притягательный для маленьких детей образ старшего товарища – пионера. В этом смысле вполне закономерно, что в сборнике «Новым детям – новые игры» наряду с традиционными играми с мотивом преследования («пятнашки», «кот и мыши» и др.) приводятся их «пролетарские»

аналоги: «в пионеры мы идем», «октябрята» и т.п.⁸ Одним из распространенных способов «упаковки» было использование деноминации (например, традиционное наименование ведущего в игре «барин» заменялось на «комиссар»).

В игровой текст инкорпорировались идеологически маркированные акции и персонажи, призванные обозначить новые социальные доминанты и идеологемы. При этом фокус контраста (подчеркивание, акцентирование различий) сосредотачивался на конфликте игровых персонажей, представлявших «врагов» (кулак, буржуй, священник и т.п.) и «своих» (батрак, рабочий, комиссар и т.п.). Это наиболее очевидное противопоставление, которое прежде всего бросается в глаза. Более важным является презентация в игре столкновения властных отношений (фабриканты и рабочие), статусов «председатель, комиссар – буржуй, кулак», моральных принципов и системы ценностей «жадность и эгоизм у богатых – щедрость и стремление помочь товарищу у бедных». Фокус контраста был призван подчеркнуть безусловное преимущество коммунистических ценностей и убедить участников игры в превосходстве нового строя.

Огромное значение придавалось воспитанию чувства коллективизма, что было обусловлено провозглашением большевиками единой для всего народа цели – построение коммунистического общества. Для выработки у подростков и молодежи установки, что приоритет коллективного над индивидуальным, подчинение общественным авторитетам и преданность коллективу является правильным поведением, наиболее подходящей формой («упаковкой»), – были массовые игры военно-спортивного характера, содержащие идеи взаимовыручки, самопожертвования во имя общих интересов⁹. Данная категория игр была ориентирована на психологию этих возрастных категорий, а ее форма была им хорошо знакома по традиционным командным играм типа «казаки-разбойники», то есть опиралась на традиционные игровые структуры, учитывала знание, которое, по мнению педагогов, присутствовало в сознании молодого человека.

Таким образом, создание идеологически правильных игр, содержащих коммунистические идеологемы в традиционной «упаковке», по представлению социальных конструкторов, должно было способствовать выработке коммунистического мировоззрения и тем самым воспитать «нового человека».

¹ Публикуется в соответствии с планом научно-исследовательских работ Института этнологии и антропологии РАН

² Крупская Н. К. Международная детская неделя//Крупская Н. К. Педагогические соч.: В 10 т. Т. 5. М.: Изд-во Акад. пед. наук РСФСР, 1959. С. 95.

³ Морозов И. А., Слепцова И. С. Игровая культура эпохи перелома: между традицией и новацией//Традиционная культура русского народа в период 1920–1930-х годов: трансформация и развитие. М.: Индрик, 2016. С. 483–530.

⁴ Гаврилова М. В. Трансформация традиционных игр в советской педагогике (1920–1930 гг.)//Антропологический форум. 2013. № 19. С. 130–175.

⁵ Лотман Ю. М., Успенский Б. А. Роль дуальных моделей в динамике русской культуры (до конца XVIII века)//Успенский Б. А. Избранные труды. Т. 1. Семиотика истории. Семиотика культуры. М.: Языки русской культуры, 1996. С. 344.

⁶ Волков В. В., Хархордин О. В. Теория практик. СПб.: Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2008. С. 18–21.

⁷ Чейф У. Данное, контрастивность, определенность, подлежащее, топики и точка зрения//Новое в зарубежной лингвистике. Вып 11: Современные синтаксические теории в американской лингвистике/Общ. ред. Л. А. Кибрика. М.: Прогресс, 1982. С. 278–279.

⁸ Корнильева-Радица М. А., Радин Е. П. Новым детям – новые игры. Подвижные игры школьного и внешкольного возрастов (от 7 до 18 лет) в рефлексологическом и педологическом освещении. Изд. 4-е, испр. и доп. М.: Гос. мед. изд-во, 1929. С. 5, 54, 57.

⁹ Ефимова Е. А. Педагогические компоненты военных игр на местности: исторический обзор//Психолого-педагогическое наследие прошлого в современной социально-педагогической деятельности: Материалы 15-х Междунар. Макаренковских студенческих пед. чтений. 28–31 марта 2019 г., Екатеринбург. Екатеринбург: РГППУ, 2019. С. 13–17.

UDC 39;394.3

I. S. Sleptsova (Kyzlasova)

Early Soviet Games Through the Lens
of W. Chafe’s “Information Packaging” Concept

Sleptsova (Kyzlasova) Irina Semenovna, The N. N. Miklouho-Maklay Institute of Ethnology and Anthropology Russian Academy of Sciences (Moscow), senior researcher; I_Kyzlasova@mail.ru

The paper deals with the ways the Bolsheviks used to design “the new man” in the early soviet period, including creation of games saturated with the Communist ideology. Teachers acted as social designers and their objective was to use accessible methods to not only introduce children to the Bolshevik ideology, but to set up the conditions for them to internalize the Communist values. The result of that design (new games) and the way they broadcast key concepts are analyzed in the paper through the

lens of the “packaging” concept developed by American linguist Wallace Chafe. The concept links the sentence framing (“information packaging”) to how effective its message is. The speaker’s choice of the packaging is predicated on their notion of the listener’s competence, their consciousness content and their empathy focus. The effort to design a set of “proletarian” games was based on traditional children’s entertainment that matched the players’ experience, knowledge, interests and capabilities. The Communist worldview was supposed to be formed through juxtaposition of “old” and “new”, through focal contrast meant to highlight clear advantages of the Communist values and convince the players that the new way of life was indeed superior. “Social designers” believed that creating ideologically correct games in the traditional “packaging” would facilitate the Communist worldview and therefore, “the new man” formation.

Keywords: “new man” formation, game as a social design element, the early soviet period, W. Chafe’s “packaging” concept.

С. С. Петряшин

Русские рабочие как «новые люди»:
скульптурные портреты 1950-х годов
работы М. К. Григорьева в собрании
Российского этнографического музея

Петряшин Станислав Сергеевич, Российский этнографический музей (С.-Петербург), отдел этнографии русского народа, научный сотрудник, кандидат исторических наук; s-petryashin@yandex.ru

В докладе прослеживается история четырех гипсовых бюстов передовых русских рабочих, созданных скульптором М. К. Григорьевым по материалам экспедиции Государственного музея этнографии народов СССР в 1954 г. в гг. Горький и Иваново. На примере скульптурных портретов автор раскрывает темпоральную структуру идеологического концепта «нового человека» и выделяет три поколенческих типа советских «новых людей» – прошлого, настоящего и будущего. Отношения между этими тремя типами «новых людей» описываются через сочетание темпоральностей предметности и разрыва.

Ключевые слова: рабочие, «новый человек», скульптурные портреты, М. К. Григорьев, Государственный музей этнографии народов СССР, советская темпоральность.

На рубеже 1920–1930-х гг. перед советскими музеями была поставлена задача формирования «нового человека». Одним из способов идеологического воспитания посетителей Государственного музея этнографии (ГМЭ)¹ стала популяризация «новых людей», их образов и поступков². На примере четырех скульптурных портретов передовых рабочих, изготовленных М. К. Григорьевым (НВ 3724–3727), автор доклада демонстрирует заложенную в советский концепт «нового человека» темпоральную логику и на ее основе выделяет три поколенческих типа «новых людей»³.

В конце 1940-х гг. в советской этнографии появилось новое направление – изучение быта и культуры рабочих⁴. В планах музея в приоритете было строительство экспозиции по русскому народу с отдельным залом, посвященным современным рабочим. Для сбора материалов музей организовал ряд экспедиций, среди которых

особо отметим экспедицию 1954 г. в составе этнографов Е. Н. Студенецкой, С. А. Павлоцкой и скульптора М. К. Григорьева. Исследователи в течение двух месяцев изучали рабочих «Красного Сормова» (г. Горький) и «Красной Талки» (г. Иваново).

Скульптор Михаил Касьянович Григорьев (1913–1973) родился в д. Заболотье Мошенского р-на Новгородской обл., преподавал в художественной студии при Боровичском комбинате «Красный керамик»⁵. В экспедиции ГМЭ он выполнял роль фотографа, художника и скульптора⁶. За время полевой работы Григорьев создал ряд этюдов, которые предполагалось использовать при изготовлении музейных манекенов⁷. Они были вылеплены с натуры из пластилина на каркасе из папье-маше. Для обеспечения сохранности при перевозке скульптор на месте снял со всех этюдов гипсовые формы, по которым в дальнейшем изготавливались сами гипсовые бюсты.

Полевые наблюдения вдохновили скульптора на воплощение образов двух поколений: «старых сормовских рабочих с их славным революционным прошлым и молодых, бодрых, энергичных рабочих нового Сормова»⁸. Для поиска моделей в комитете комсомола во время обеденного перерыва в присутствии Григорьева устраивали «смотрины» молодых людей и приглашали их на «непринужденную беседу» с руководителями комсомольской организации. По словам скульптора, для участников экспедиции и для руководящих работников завода большое значение имело, чтобы «выбранная для этюда модель была хорошей не только по типуажу, но и по производственным показателям. Это было законное стремление показать лучшего передового человека нашего времени»⁹. Таким образом, не каждый рабочий мог претендовать на место образцового «нового человека».

По итогу «смотрины» в «Красном Сормове» для позирования была выбрана Н. С. Тарасова, 1931 года рождения (НВ 3725) – потомственная рабочая и газосварщица, выполняющая нормы на 125%. По рекомендации Е. Н. Студенецкой и С. А. Павлоцкой в качестве модели пожилого возраста выступил И. В. Чугунов, 1887 года рождения (НВ 3726) – котельщик, персональный пенсионер, старый большевик и участник вооруженного восстания сормовских рабочих в 1905 г. По тому же принципу выбирались модели и на фабрике «Красная Талка» в г. Иваново. Григорьевым были выполнены три этюда: «старой производственницы-прядильщицы Мальковой А. С., молодой прядильщицы Архиповой Г. М., выполнившей пятилетний план, и опытного раклиста Афенкова А. И. Все эти [люди] являются лучшими производственниками»¹⁰. В собра-

нии РЭМ из Иваново только два бюста – Мальковой (НВ 3724) и Афенкова (НВ 3727).

Два поколения рабочих у Григорьева четко противопоставлены. Образы «старых рабочих» (Чугунов, Малькова) обращены в славное революционное и трудовое прошлое – в такой перспективе их можно скорее охарактеризовать как «новых людей» прошлого, сражавшихся в молодости за коммунистическое будущее. К этому поколению относил себя Л. Д. Троцкий: «Мы с вами, по справедливости, гордимся принадлежностью к этому типу, но нашей работой мы подготовляем условия для такого общества, где не будет классового антагонизма, не будет революций, а стало быть, не будет и революционеров»¹¹. Зрелые люди, которые уже вряд ли доживут до полной победы коммунизма, таким образом, отделены от «новых людей» утопического будущего.

Пожилые рабочие, однако, отделялись не только от «нового человека» будущего, но и от «передовых» молодых рабочих. Именно последние воплощают в скульптурах Григорьева образ «нового человека» настоящего. Молодые модели (Тарасова, Афенков) были рождены и воспитаны при советской власти и могли не только строить коммунизм, но и предполагать, что доживут до него и увидят «новых людей» будущего. Этот исторический оптимизм был заложен еще В. И. Лениным в его речи в 1920 г.: «Тому поколению, представителям которого теперь около 50 лет, нельзя рассчитывать, что оно увидит коммунистическое общество. До тех пор это поколение перемрет. А то поколение, которому сейчас 15 лет, оно и увидит коммунистическое общество, и само будет строить это общество»¹². Срок воплощения коммунизма, однако, по ходу истории постоянно смещался в будущее.

Таким образом, можно говорить о темпоральности преемственности¹³ и исторической последовательности между тремя поколениями «новых людей» – прошлого, настоящего, будущего: пожилые рабочие, которые были «на острие» исторического момента в славном прошлом, передают символическую эстафету молодым рабочим, совершающим трудовые подвиги в настоящем и приближающим появление людей коммунистического будущего. В рамках этой прогрессистской логики в скульптурных портретах современных рабочих Григорьева «новые люди» будущего непосредственно от отражения найти не могли.

Темпоральность преемственности устанавливала между тремя типами «новых людей» непреодолимую временную дистанцию. Темпоральность социалистического реализма, однако, ставила под вопрос линейное время¹⁴: «новые люди» настоящего не просто стремились к светлому будущему и строили его, но являлись его

предзнаменованиями и воплощениями. Такое спрессовывание, наложение разных временных пластов свойственно темпоральности разрыва. Так, запечатленный в скульптурах Григорьева образ советской действительности, в которой женщины-рабочие представлены пропорционально мужчинам и успешно осваивают ранее недоступную профессию газосварщика, представляет собой не реальное, но должное – «ростки будущего в настоящем», предвосхищающие полноценный коммунизм с гендерным равенством.

Описанная поколенческая структура «нового человека» не является особенностью 1950-х гг. и воспроизводилась с определенными вариациями с середины 1930-х по 1980-е гг. Важно, однако, отметить, что, в отличие от «новых людей» коммунистического будущего, «новые люди» советского настоящего всегда принадлежали к определенному классу и национальности. Это усложняет картину, так как темпоральные иерархии между классами и народами переплетались со сменой поколений «новых людей».

¹ С 1948 г. ГМЭ народов СССР; с 1992 г. – Российский этнографический музей (РЭМ).

² Petriashin S. A New Man in the Ethnographic Museum: Between the Socialist Content and the National Form//The Art and Science of Making the New Man in Early 20th-Century Russia. Bloomsbury Publishing, 2021. P. 175–193.

³ Понятие «нового человека» всегда подразумевает темпоральные отношения – прогивопоставление «старого» и «нового», определенную интерпретацию прошлого, настоящего и будущего человечества (см.: Kremontsov N. Introduction//The Art and Science of Making the New Man in Early 20th-Century Russia. P. 1–23).

⁴ Подробнее см.: Петряшин С. С. Рабочие в советской музейной этнографии 1950-х годов: классовый анализ и политика времени//Этнографическое обозрение. 2021. № 4. С. 157–175.

⁵ Дронникова Е. С. Художественная студия // URL: https://бко.рф/museum/news_museum/?news_id=13358

⁶ По итогу экспедиции в собрание музея от М. К. Григорьева поступило 116 фотографий (колл. 9051), 14 рисунков и планов жилищ рабочих (НВ 3969–3983), а также 4 гипсовых бюста.

⁷ АРЭМ. Ф. 2. Оп. 2. Д. 209. Григорьев М. К. Опыт работы скульптура в этнографической экспедиции в гг. Сороме и Иванове. 1955 г. Л. 5.

⁸ Там же. Л. 1.

⁹ Там же. Л. 2.

¹⁰ Там же. Л. 5.

¹¹ Троцкий Л. Задачи коммунистического воспитания//Соч. в 23 томах. М.; Л.: Госиздат 1927. Т. 21. С. 328.

¹² Ленин В. И. Задачи союзов молодежи//Полн.собр.соч. в 55 томах. М.: Издательство политической литературы, 1981. Т. 41. С. 317.

¹³ О советских темпоральностях преемственности и разрыва (у других авторов: традиционалистской/ революционной; монументалистской/эсхатологической; рациональной/харизматической) подробнее см.: Hanson S. E. *Time and Revolution: Marxism and the Design of Soviet Institutions*. Chapel Hill: University of North Carolina Press, 1997; Buck-Morss S. *Dreamworld and Catastrophe: The Passing of Mass Utopia in East and West*. Cambridge, MA: The MIT Press, 2000; Платт Дж. Здравствуй, Пушкин! Сталинская культурная политика и русский национальный поэт. СПб.: Издательство ЕУСПб., 2017.

¹⁴ Добренко Е. *Политэкономия соцреализма*. М.: Новое литературное обозрение, 2007.

UDC 39;069

S. S. Petriashin

Russian Workers as “New Men”: Portrait
Sculptures by M. Grigoriev (1950s)
in The Russian Museum of Ethnography

Petriashin Stanislav Sergeevich, The Russian Museum of Ethnography (St. Petersburg), the Department of Ethnography of the Russian People, researcher, Ph. D. (History); s-petryashin@yandex.ru

The paper traces the history of four plaster portrait busts of pioneering Russian workers made by M. Grigoriev following a research expedition by The State Museum of Ethnography of the Peoples of the USSR to Gorky and Ivanovo cities (1954). The author uses the portrait sculptures to uncover the temporal structure of the “new man” ideology concept, exemplifying the three types of new soviet men: the past, the present and the future. The relationships between those three types are described using a mix of continuity and discontinuity temporalities.

Keywords: workers, “new man”, portrait sculptures, M. Grigoriev, The State Museum of Ethnography of the Peoples of the USSR, soviet temporality.

Е. Ю. Гуляева, Р. Ш. Зельницкая
«Братья Свенчильда»:
этнографическая беллетристика
Е. Н. Студенецкой 1930-х годов

Гуляева Евгения Юрьевна, Российский этнографический музей (С.-Петербург), отдел этнографии Кавказа и Средней Азии, научный сотрудник; guliaevaevgenia@list.ru

Зельницкая Рица Шотовна, Российский этнографический музей (С.-Петербург), отдел этнографии Кавказа и Средней Азии, научный сотрудник, кандидат исторических наук; riza81@yandex.ru

Доклад посвящен недавно обнаруженной в архиве Российского этнографического музея рукописи: повести «Братья Свенчильда», датированной 1938 г. Ее написала музейный работник, этнограф, кавказовед Е. Н. Студенецкая (1908–1988). В своем исследовании авторы доклада задаются вопросами: к какого рода источникам можно отнести этот документ, о чем он свидетельствует, какие темы и почему именно они представлены в рукописи. Что нового может рассказать текст о Е. Н. Студенецкой и ее научном наследии?

В повести содержится значительное число подробностей экспедиционного быта, приводится множество этнографических деталей. Основная тема рукописи непосредственно связана с экспозиционными и исследовательскими интересами Евгении Николаевны в тот период – изучением специфики хозяйства, способов эксплуатации крепостных и рабов на Северо-Западном Кавказе, их быта. Описание советских реалий дано исключительно в позитивном ключе, что свидетельствует о пропагандистской направленности рассказа. В тексте звучит важнейшая для советского дискурса тема дружбы народов. В лице главных героев даны национальные образы «нового человека» – тех, кто продвигает новые коммунистические ценности и отказывается от старых предрассудков.

Повесть «Братья Свенчильда» можно рассматривать не просто как художественный текст, исторический и этнографический источник, но еще и как форму репрезентации результатов исследовательской работы.

Ключевые слова: Е. Н. Студенецкая, 1930-е гг., сваны, балкарцы, «новый человек», советские преобразования, дружба народов, пропаганда.

Доклад посвящен обнаруженной недавно в архиве Российского этнографического музея (далее РЭМ) рукописи Е. Н. Студенецкой «Братя Свенчильда»¹. В своем исследовании авторы задаются вопросами: к какого рода источнику можно отнести этот документ, о чем он свидетельствует, какие темы и почему именно представлены в рукописи, что нового можно рассказать о Е. Н. Студенецкой и ее научном наследии?

Евгения Николаевна Студенецкая (1908–1988) – музейный работник, этнограф, кавказовед, была известна еще и как поэт и прозаик². В посвященном ей некрологе упоминается в качестве ценного этнографического источника повесть³ «Братя Свенчильда»⁴. Следы этой работы обнаружились, когда в архиве РЭМ началась научная обработка фонда Евгении Николаевны. В нем содержатся документы, поступившие в конце 1980-х гг. от ее дочери Ц. В. Студенецкой. Среди бумаг была найдена эта рукопись, состоящая из 33 переплетенных, машинописных листов (объемом около 1,2 а.л.). На последней странице документа была указана фамилия Студенецкой, имелась ее подпись и поставлена дата – 1938 г.⁵ Евгении Николаевне на тот момент было 30 лет, из них последние 8 лет она работала в музее.

Повесть написана от первого лица. Речь в ней идет об экспедиционной работе. Текст разделен автором на четыре части. События первой, второй и третьей разворачиваются в 1929 г. Первая часть повествует о дороге в Верхнюю Сванетию и заканчивается встречей Евгении Николаевны со Свенчильдом Маргиановым. Впоследствии молодой комсомолец из с. Каль становится ее проводником и помощником. Вторая часть посвящена окончанию работы в Сванетии (в частности, сделано описание примирения кровников) и переходу в Балкарию. Свенчильд отказывается сопровождать Студенецкую к балкарцам, выражая при этом свою неприязнь к ним: «Они в старое время свана считали как собаку, как раба. Приходили ночами, по много человек на лошадях и сванских детей крали. <...> Из нашего рода Маргиани в старое время одного мальчишка украли. Где он, куда пропал, никто не знает. Не прошу я им этого никогда, не пойду к ним»⁶. Евгении Николаевне не удается объяснить Свенчильду, что в основе вражды, существовавшей между сванами и балкарцами, были классовые противоречия.

В третьей части автор описывает свою работу у балкарцев и упоминает об их негативном отношении к сванам: «... говорит, мошенники народ, скот крал; лошадей уводил. Старик Мусса рассказал, как в годы далекой молодости он убил трех сванов. <...> Какая же была жизнь, если за 120 лет нашелся один единственный счастливый день, да и тот связан с убийством»⁷.

В финальной части время действия повести переносится на 8 лет вперед, в 1937 г. Евгения Николаевна описывает произошедшие в Балкарии преобразования. Это организация колхозов, строительство новых домов и дорог, электрофикация, трансляция концерта симфонического оркестра по радио и т.п. Здесь ее проводником становится представитель балкарской княжеской фамилии, молодой заместитель председателя колхоза с. Гунделен Амин Шакманов. Позже он сообщает, что его деда украли и сделали рабом, поэтому, когда крестьян освобождали, отцу записали фамилию его бывшего владельца⁸. Амин недоволен своей нынешней фамилией и мечтает узнать настоящую.

Работая в архиве, Е. Н. Студенецкая обнаружила судебное разбирательство о неповиновении холопа Маргиана князю Шакманову. Выясняется, что дед Амина был похищен в Сванетии и погиб после очередного бегства от хозяина: «Ты можешь быть горд Свенчильд – твой родич не посрамил своего рода. Он погиб в бою, в честном бою с горными хищниками – князьями, в неравном поединке с кровавыми собаками царизма. <...> Твой отец, Амин, не дождался всего несколько лет до той подлинной свободы, которой теперь пользуешься ты – до Великого Октября. Поэтому ты, Амин, будешь первым петь эту песню на балкарском языке. А на русском языке первой запою эту песню я. Я имею это право, я нашла Амину деда, Свенчильду – родственника и всем нам одного из тех безвестных героев, которые в черной ночи боролись в одиночку за солнечный луч счастья»⁹. Догадки Студенецкой подтверждает «отметка рода Маргиани» – седое пятно в кудрях сына Амина, такое же как у Свенчильда.

Амин решает посетить Сванетию, но сомневается, являются ли его родственники колхозниками. Евгения Николаевна убеждает его, что он, как представитель передового колхоза, должен способствовать колхозному строительству и вести агитацию, рассказывая о преимуществах новой жизни. Заканчивается повесть цитатами из писем Амина и Свенчильда к автору. Первый сообщает о подаче заявления на смену фамилии, рассказывает, что его колхоз передал в дар будущему колхозу Сванетии жеребенка по кличке «Друг». Второй благодарит Студенецкую и пишет, что «не только Амин, но и все балкарцы и русские – братья мне. И радостно

мне, что так много братьев у меня на земле. Легко жить такому роду. Есть поддержка и защита. И прошу тебя, сестра моя дорогая, приезжай к нам, чтобы я мог тебе руку пожать и поговорить обо всем»¹⁰.

На первый взгляд рассказ выглядит автобиографичным. В тексте содержится значительное число подробностей экспедиционного быта, упомянута работа по сбору коллекций и создание рисунков с натуры. Студенецкая приводит множество этнографических деталей. Ощущение достоверности создают и приведенные в тексте диалоги с информантами. Эффект «документальности» повествования создает цитирование архивных бумаг. Опираясь на архивные сведения, относящиеся к деятельности самой Студенецкой, перехода из Сванетии в Балкарию она никогда не совершала. В докладной записке, обосновывающей целесообразность командировки в Кабардино-Балкарию и Осетию в 1938 г., она пишет, что до 1938 г. ей удалось побывать в Балкарии дважды – в 1934 и 1936 гг., в 1937 г. она работала в Карачае и Осетии¹¹. По крайней мере, эту часть сюжета можно считать вымыслом.

Тематика повести непосредственно связана с экспозиционными¹² и исследовательскими интересами Студенецкой в тот период – изучением специфики хозяйства, способов эксплуатации крепостных и рабов на Северо-Западном Кавказе и их быт¹³. Очевидна пропагандистская направленность рассказа, в котором представители советской власти описываются приветливыми, князья (дворяне) и уздени (свободные общинники) – невежественными, а мулла – враждебно настроенным к советской власти. Чем ближе к концу повести, тем больше описаний советских реалий, преподносимых исключительно в позитивном ключе. Приведенное выше патетическое обращение Студенецкой к Свенчильду и Амину насчет песни, которая должна быть сложена на трех языках, становится кульминацией повести. И здесь еще одна важнейшая для советского дискурса тема дружбы и братства народов получает наглядное воплощение. В лице главных героев, в том числе автора, даны национальные образы, представляющие «нового человека», то есть тех, кто продвигает в жизнь новые коммунистические ценности и отказывается от старых предрассудков.

Таким образом, повествование отражает еще одно направление деятельности Евгении Николаевны – политпросветработу. Повесть имеет прямые аналогии с разработанными ею в конце 1930-х гг. «фабульными экскурсиями», в ходе которых на материале экспозиций описывалась история вымышленного героя, вмещающая в себя судьбу всего народа¹⁴. Первым таким опытом Студенецкой была «Повесть о маленькой Маисхон», рассказывающая на узбек-

ской экспозиции о жизни трех поколений женщин. Для экспозиции, посвященной Северному Кавказу, была подготовлена экскурсия «Сто лет жизни Ахсара». Похищенный кабардинским князем и перепроданный балкарскому, осетинский мальчик рос на горных пастбищах Балкарии, работал батраком в Карачае. Вернувшись в Осетию, страдал от малоземелья и трудился шахтером. Его сын Чермен участвовал в Гражданской войне, позже стал председателем колхоза, а внук Бейбулат – трактористом¹⁵. Конечно, и экскурсия, и повесть, являясь продуктом своего времени, пропитаны пропагандой советских преобразований. Но не менее важно, что повесть дает еще и ответ на вопрос, в чем Евгения Николаевна видела задачи этнографической науки. Интерес Студенецкой к судьбам отдельных людей позволяет предположить, что для Евгении Николаевны этнография была призвана не столько изучать такие абстрактные образования, как «культуры» и «народы», сколько видеть за этими понятиями конкретных людей и возможность, если потребуется, помогать им. Такое понимание миссии науки вполне созвучно императиву современной этнографии: «К людям ради людей».

В заключении подчеркнем, что мы можем рассматривать повесть «Братья Свенцильда» не просто как художественный текст, исторический и этнографический источник, но еще и как одну из форм репрезентации результатов исследовательской работы.

¹ Фонд Е. Н. Студенецкой находится в процессе научной обработки, поэтому в ссылках указывается только название документа, год и условный лист: АРЭМ. Фонд Студенецкой. Братья Свенцильда. 1938.

² Стихи Студенецкой были опубликованы в 1925 г. в газете «Красный Север», а также в сборниках «Зарницы», «Северный альманах». Цит. по: Дмитриев В. А., Селиненикова Е. Я. Евгения Николаевна Студенецкая (1908–1988). Армавир; СПб., 1997. С. 3.; в 1978 г. – в сборнике «Словом пламенным». Архангельск, 1978. С. 80–82.; в 2001 г. – в издании «Душой негромкою поэта...» Вологда, 2001. В 1980-е гг. были написаны 22 рассказа-зарисовки «В дни блокады», опубликованные на сайте РЭМ: URL: <https://ethnomuseum.ru/kollekcii/onlajn-vystavka-k-75-letiyu-pobedy/v-dni-blokady/> (дата обращения: 22.06.2022).

³ В докладе в отношении рукописи «Братья Свенцильда» мы используем названия прозаических жанров «повесть» и «рассказ» в качестве синонимов.

⁴ Дмитриев В. А., Иванова В. П. Евгения Николаевна Студенецкая [Некролог]//Советская этнография. 1989. № 4. С. 174. URL: http://journal.iea.ras.ru/archive/1980s/1989/no4/1989_4_173_Nekrolog.%20Studentitskaia.pdf

⁵ Очевидно, один из авторов некролога Валентина Петровна Иванова знала об этом тексте, так как являлась хранителем архива и первым человеком, приступившим к обработке документов Евгении Николаевны.

⁶ АРЭМ. Фонд Студенецкой. Братья Свенchildа. 1938. Л. 9–10.

⁷ Там же. Л. 14–15.

⁸ Там же. Л. 20.

⁹ Там же. Л. 29.

¹⁰ Там же. Л. 33.

¹¹ АРЭМ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 621. Л. 2. Отчет о научной командировке Е. Н. Студенецкой (1938).

¹² Известно, что на экспонатах, привезенных из Балкарии, была построена обстановочная сцена «Старый кош» по теме «Скотоводство» на экспозиции «Народы Северного Кавказа в прошлом и настоящем» (1939). См.: Крюкова Т.А., Студенецкая Е. Н. Государственный музей народов СССР за 50 лет Советской власти//Очерки истории музейного дела в СССР. Вып. VII. М.: Советская Россия, 1971. С. 47.

¹³ В 1930-е гг. пропаганда советских преобразований требовала их сопоставления с периодом угнетения трудящихся при царском режиме. Поэтому материал о классовом неравенстве был востребован при строительстве экспозиций. Студенецкая также готовила на эту тему кандидатскую диссертацию «Формы эксплуатации в скотоводческом хозяйстве у горцев Северного Кавказа в XIX–XX вв.». Работа не дошла до защиты по причине идеологического вето на упоминание депортированных с исторической родины народов Северного Кавказа. Однако, две статьи на эту тему все же были опубликованы. См.: Студенецкая Е. Н. К вопросу о феодализме и рабстве в Карачае XIX в. (по некоторым архивным документам)//Советская этнография. 1937. № 2–3. С. 45–72.; Она же. Ортак – одна из форм эксплуатации в Карачае и Балкарии (конец XIX –начало XX в.)//Сб. тр. Карачаево-Черкесского педагогического института. Вып. I. Черкесск, 1958. С. 205–224.

¹⁴ Крюкова Т.А., Студенецкая Е. Н. Государственный музей этнографии... С. 52.

¹⁵ АРЭМ. Ф.2. Оп. 1. Д. 763. Методическая разработка Е. Н. Студенецкой по теме «Сто лет жизни Ахсара» по выставке «Народы Северного Кавказа в прошлом и настоящем» (1939).

UDC 39;93

E. Yu. Guliaeva, R. Sh. Selnitskaya

“Svenchild’s Brothers”: Ethnography Fiction

by E. Studenetskaya (1930s)

Guliaeva Evgenia Yuryevna, The Russian Museum of Ethnography (St. Petersburg), the Department of Ethnography of the Caucasus and Central Asia, research fellow; guliaevaevgenia@list.ru

Selnitskaya Ritsa Shotovna, The Russian Museum of Ethnography (St. Petersburg), the Department of Ethnography of the Caucasus and Central Asia, research fellow, Ph. D. (History); riza81@yandex.ru

The paper deals with the manuscript discovered in the archives of The Russian Museum of Ethnography: the novella called *Svenchild's Brothers* and dated 1938. It was written by E. Studenetskaya (1908–1988), the museum employee, ethnographer and researcher of the Caucasus. The authors of the paper strive to deal with the following issues: what kind of source can the novella be classified as, which themes it deals with and why? What new things can it help us discover about E. Studenetskaya and her research?

The novella offers a wealth of details concerning everyday life during field expeditions and great many ethnography findings. Its main theme is directly related to Ms. Studenetskaya's scientific and museum interests at that time: the specifics of economy, exploitation of serfs and slaves in the North-West Caucasus Region, their everyday lives. The realities of the soviet life are described always in glowing terms, demonstrating the propaganda slant of the manuscript. The "Friendship of Peoples" motif paramount for the soviet discourse is represented prominently. The main characters represent the national incarnations of the "new man" promoting communist values and rejecting their past biases.

Svenchild's Brothers can be viewed not only as a literary fiction, a historical or ethnographic source, but also as a form of representation of its' author's research findings.

Keywords: E. Studenetskaya, 1930s, the Svans, the Balkarians, soviet reforms, "new man", friendship of peoples, propaganda.

Т.Г. Емельяненко
Экспозиция 1937 года
«Узбеки в прошлом и настоящем»
в Государственном музее этнографии

Емельяненко Татьяна Григорьевна, Российский этнографический музей (С.-Петербург), отдел этнографии Средней Азии и Кавказа, ведущий научный сотрудник, доктор исторических наук; rem.tatyana@mail.ru

В докладе на примере экспозиции, посвященной культуре узбеков, рассматриваются концептуальные и идеологические подходы к структуре и содержанию экспозиций в Государственном музее этнографии в 1930-е гг. Особое внимание уделяется показу преобразований советского периода, что не только соответствовало требованиям государственной политики в области этнографического музееведения, но и являлось откликом на повышенный интерес общества того времени к процессам и явлениям современной жизни.

Ключевые слова: узбеки, музееведение, Государственный музей этнографии, Российский этнографический музей.

Для Государственного музея этнографии (ныне Российский этнографический музей, РЭМ) 1930-е гг. стали временем активного строительства экспозиций и одновременно выработки концептуальных идеологических принципов их содержания. Если в предшествующий период основное внимание уделялось созданию временных выставок, посвященных традиционно-бытовой культуре отдельных народов, то начиная с 1920-х гг. и такие выставки, и постоянные экспозиции должны были включать социально-классовые аспекты и строиться на противопоставлении негативных явлений дореволюционного прошлого и позитивных современных.

Данный подход нашел отражение не только в содержании, но и в названии экспозиций, в частности, посвященных народам Средней Азии, которые предполагалось открыть в 1930-х гг.: «Узбеки в прошлом и настоящем», «Туркмены в прошлом и настоящем» и «Киргизы в прошлом и настоящем». Новые принципы экспозиционно-выставочного строительства планировалось опро-

бовать на выставке «Ковровые изделия народов Средней Азии» (1935 г.), где наряду с показом старинных произведений ковроткачества (как отдельных предметов, так и в сценах убранства оседлого жилища, юрты и др.), уникальной коллекцией которых располагал музей, — предполагалось демонстрировать изделия современных мастеров: ковровые портреты советских лидеров, сюжетные изображения, а также ввести раздел, рассказывающий как о новых формах организации труда ковровщиц, так и бытовании ковровых изделий¹. При этом традиционное искусство в экспликациях должно было преподноситься как искусство «упадка колониального периода», которое в «советской Средней Азии вновь достигло совершенства»². Однако такое противопоставление по каким-то причинам не сделали, так как в статье, опубликованной в «Красной газете» от 2 августа 1935 г. под заголовком «Лавка древностей», автор подверг выставку резкой критике прежде всего за то, что на ней не было ни одного «современного образца», и сравнил ее с комиссионным магазином³. Автор также ссылается на мнение посетителей, которые «не слишком жалуют ковровую выставку»⁴. Подобная оценка выставки и представленных на ней высокохудожественных произведений среднеазиатского ковроткачества, имеющих сегодня мировое значение, могла бы показаться по меньшей мере странной и не объективной. Однако, в действительности она демонстрировала сложившееся в то время в обществе отношение к традиционной народной культуре как к пережитку прошлого и, напротив, демонстрировала повышенный интерес к явлениям современной жизни. Это нашло отражение и в концепции будущих экспозиций, и в восприятии их посетителями музея.

Так, экспозиция по узбекам должна была состоять из трех основных отделов: феодальный период, национально-освободительное и революционное движение, социалистическое строительство. Первый отдел был построен уже в 1935 г. Экспонатов для него в музее было достаточно. Прежде всего это коллекции, собранные С. М. Дудиным во время экспедиций 1900–1902 гг., в которых только по этнографии узбеков насчитывалось более двух тысяч предметов, отражающих буквально все стороны их традиционно-бытовой культуры: основные и подсобные занятия, ремесла, одежду, убранство жилища, религиозные воззрения, праздники и обряды⁵. Кроме того, в 1920-х гг. собрание музея значительно пополнилось благодаря передаче из Государственного музейного фонда предметов из национализированных частных и дворцовых собраний Петербурга. Необходимо было только представить их на экспозиции в нужном идеологическом ракур-

се, что осуществлялось главным образом за счет текстов экспликаций. Например, в первом разделе одна из обстановочных сцен жилища с манекенами женщины и девочки сопровождалась экспликацией об угнетенном положении женщины, другая сцена с манекенами бая, муллы, крестьянина и слуги-раба – экспликацией об издольщине (оплате арендованной земли долей урожая) как форме эксплуатации, о распространении рабства. Завершала раздел цитата В.И. Ленина⁶. В других разделах, освещающих ремесло и городскую культуру, религиозный культ, в экспликациях также развивалась тема эксплуатации простого народа баями и муллами, классового неравенства и т.п.⁷ Однако, несмотря на соответствующее идеологическое текстовое оснащение экспозиции, в 1935 г. она не была принята комиссией «Массового отдела» (Отдела массовой политико-культурно-просветительной работы – Т.Е.) Ленсовета, которая посчитала, что открывать ее для посетителей нельзя, «пока не будут построены остальные разделы комплекса»⁸. Лишь в 1936 г. после обращения директора музея в Ленинградский городской комитет ВКП(б) с письмом, в котором, в частности, говорилось о том, что экспозиция получила одобрение специалистов и высокую оценку в узбекской прессе, что «в музей поступают многочисленные требования рабочих и школьных экскурсий» об ее открытии, чтобы она стала доступна для посетителей музея⁹.

Работа же над двумя остальными отделами экспозиции продолжалась. Они должны были основываться преимущественно на документальных и иллюстративных материалах, сбор которых осуществлялся с 1931 г. Значительная часть фотографий была получена из Узбекистана. Так, музею были переданы более 60 фотографий материалов, демонстрировавшихся на выставке в Ташкенте (1931 г.), посвященной национально-освободительному восстанию 1916 г. в Средней Азии: снимки участников восстания и администрации городов и кишлаков, а также деклараций, воззваний, публикаций в местных газетах (РЭМ, кол. 5436). Фотоотпечатки материалов, иллюстрирующих это восстание, а также Андижанское восстание 1898 г. против российских властей, поступили из Кокандского межрайонного музея, где экспонировались на передвижной выставке (РЭМ, кол. 5325). В политотделе узбекской бригады в Самарканде сотрудники музея закупили более 170 снимков, отражающих борьбу с басмачеством, организацию местных военных подразделений, историю Кокандской автономной республики (1918 г.) и т.п. (РЭМ, кол. 5370). Десятки фотографий, иллюстрирующих развитие местной промышленности, успехи сельского хозяйства, образование, современное

строительство, портреты ударников и передовиков производства, музей приобрел в редакциях газеты «Правда Востока» в Ташкенте и журнала «СССР на стройке», в Агентстве печати «Новости», а также получил из Фотохроники ТАСС (РЭМ, кол. 5380, 5395, 5396, 5398, 5476 и др.). Значительное место на экспозиции отводилось также диаграммам, схемам, статистическим данным и макетам (например, хлопкового поля, земледопользования, «красной чайхань» и др.).

Обсуждение тематического плана новых отделов экспозиции состоялось 13 февраля 1936 г. на совещании в дирекции, в котором приняли участие 20 сотрудников музея и два художника. Основное внимание было уделено отделу «Советское строительство». Замечания касались как технического и художественного оформления, так и содержания разделов, например, предлагали расширить темы промышленности и культурной революции, добавить цитаты из классиков марксизма-ленинизма. В итоге тематический план был принят с пожеланием учесть замечания¹⁰.

К ноябрю 1937 г. строительство было завершено, и 23 ноября комиссия, детально осмотрев каждый тематический раздел экспозиции, приняла решение открыть ее для посетителей уже на следующий день¹¹. Примечательно, что, судя по Книге отзывов¹², посетители в целом высоко оценили экспозицию «Узбеки в прошлом и настоящем», но особый интерес вызвали у них именно два последних отдела, а не уникальные артефакты первого, о которых в отзывах вообще не упоминается. Таким образом, экспозиция не только отражала идеологическую концепцию государства, но и соответствовала общественному запросу того времени.

¹ АРЭМ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 527.

² Там же. Л. 5.

³ Там же. Л. 26.

⁴ Там же.

⁵ Отчет С. М. Дудина о поездках в Среднюю Азию в 1900–1902 гг./Подгот. текста, вст. ст. и примеч. Т. Г. Емельяненко. М.: Фонд Марджани, 2021.

⁶ АРЭМ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 583. Л. 2–3.

⁷ Там же. Л. 4–7.

⁸ Там же. Д. 560. Л. 3об.

⁹ Там же. Л. 3, 3об.

¹⁰ Там же. Л. 1–2об.

¹¹ Там же. Д. 613. Л. 8–16.

¹² Там же. Д. 639

T. G. Emelyanenko

“The Uzbek People: Past and Present”,
the 1937 Exposition in The State
Museum of Ethnography

Emelyanenko Tatyana Grigoryevna, The Russian Museum of Ethnography (St. Petersburg), the Department of Ethnography of the Central Asia and Caucasus, leading researcher, D. Sc. (History); rem. tatyana@mail.ru

As a case study of an exposition focused on the Uzbek culture, the paper deals with conceptual and ideological approaches to expositions structure and content in The State Museum of Ethnography in the 1930s. The author pays particular attention to the displays focused on the soviet period reforms, which were not only in line with the government policy requirements to the ethnography museums but were also a response to the popular interest toward processes and phenomena of the modern life in that time.

Keywords: the Uzbeks, museum studies, The State Museum of Ethnography, The Russian Museum of Ethnography.

А. А. Песецкая

«Первая среди равных»: выставка
Государственного музея этнографии
в агитпоезде Октябрьской железной дороги

Песецкая Александра Александровна, Российский этнографический музей (С.-Петербург), отдел этнографии Поволжья и Приуралья, научный сотрудник, кандидат исторических наук; sanny341@yandex.ru

В 1938 г. Государственный музей этнографии в ходе подготовки к выборам в Верховный совет РСФСР организовал серию выставок под общим названием «Первая среди равных». Одна из них была размещена в отдельном вагоне агитпоезда Октябрьской железной дороги, следовавшего по маршруту, который включал 29 станций «Ленинград–Бологое». В докладе анализируется состав выставки, ее содержание, введение этнографического материала в различные разделы. Рассматриваются условия работы агитвагона, проблемы и ситуации, с которыми пришлось столкнуться сотрудникам, сопровождавшим поезд. Оцениваются также результативность поездки, реакция посетителей на выставку, ее роль в агитационной работе государства и место в просветительской деятельности музея.

Ключевые слова: советский период истории, советская агитация, советская пропаганда, агитпоезд, агитвагон, выборы в Верховный Совет РСФСР, музейная выставка, Октябрьская железная дорога.

С первых лет существования советского государства правительство уделяло большое внимание «задаче осведомления и оповещения» населения о «линии руководящей партии»¹. Эффективным способом ее решения в сложных условиях Гражданской войны стало создание агитационно-инструкторских поездов. В 1920 г. был организован Отдел агитационно-инструкторских поездов и пароходов ВЦИК. Помимо проведения митингов и бесед, разъяснения политики советской власти работники агитпоездов осуществляли обследование местных учреждений, принимали жалобы и заявления, оказывали практическую помощь. Работа сопровождалась выпуском газет, распространением листовок, демонстрацией ки-

нофильмов². Поезда расписывались снаружи лозунгами, революционной символикой и сюжетными композициями. Вагоны снабжались полками, прилавками, а также витринами либо выставочными щитами³.

В конце 1920-х гг. использование агитпоездов постепенно сошло на нет. Однако, принятие новой Конституции и проведение в связи с этим первых парламентских выборов 1937–1938 гг. заставили советское правительство вновь обратиться к этому средству пропаганды. После 12 декабря 1937 г., когда прошли выборы в Верховный Совет СССР, предстояло развернуть еще более масштабную работу по подготовке выборов в Верховный Совет РСФСР, чтобы добиться максимальной явки населения. Выборы были назначены на 26 июня, а старт избирательной кампании намечался на 26 апреля⁴. Предстояло «толково и интересно, с большевистской страстностью и убежденностью разъяснить массам великую правду наших избирательных законов, великую правду коммунизма»⁵.

Призыв усилить массовую пропаганду достиг и стен Государственного музея этнографии (далее ГМЭ). В 1930-е гг. ГМЭ успешно проводил политико-просветительскую работу, деятельность его была направлена на прямое взаимодействие с посетителем, заинтересовать которого можно было новой подачей материала. Этот период характеризуется сотрудничеством ГМЭ с другими учреждениями. Помимо выездов научных сотрудников с лекциями на заводы и фабрики, в 1938 г. была подготовлена массовая передвижная фотовыставка «Первая среди равных», которая представляла «ряд материалов политического, агитационного и справочного характера» и показывала «борьбу большевистской партии и советского правительства за <...> счастливую и зажиточную жизнь народов СССР»⁶. Ее предполагалось тиражировать для демонстрации в колхозах, библиотеках, клубах и агитпунктах. На основе этого проекта в кратчайшие сроки была подготовлена передвижная выставка для агитпоезда Октябрьской железной дороги – «РСФСР – первая среди равных».

На северо-западе страны в 1938 г. курсировали два агитпоезда, подготовленных к выборам в Верховный Совет РСФСР⁷, хотя в целом по стране агитвагонов было много⁸. Один состав следовал по маршруту Балтийско-Псковского отделения Октябрьской железной дороги, другой – от Ленинграда до Бологова. В последнем был выделен вагон для обустройства выставки, превратившейся «в небольшой передвижной музей» ГМЭ⁹. На протяжении месяца (с 28 мая по 26 июня 1938 г.) состав делал продолжительные стоянки на небольших станциях и полустанках. Была подготовлена обширная культурная программа: помимо агитаторов и сотрудни-

ков музея, в бригаду вошла редакция газеты «Сталинка», участники художественной самодеятельности, киномеханики, врачи, парикмахер¹⁰. Кроме того, организовались кинопоказы, митинги, выступления творческих коллективов и выезды в ближайшие колхозы с лекциями.

Музей в агитвагоне был создан стремительно. Научные сотрудники Л. Н. Терентьева и Е. Н. Студенецкая разработали тематико-экспозиционный план, состоявший из трех крупных разделов. В первом был показан быт царской России – «тюрьмы народов». Во втором – советская реальность, показанная на примере фотографий известных стахановцев, героев Советского Союза и многочисленных иллюстраций и диаграмм, повествующих о развитии страны. Третий раздел был посвящен современному народному творчеству народов РСФСР. Заключительным аккордом выставки стали итоги выборов в Верховный Совет СССР.

Выставка во многом дублировала фотопроjekt «Первая среди равных», однако по сравнению с ним включала также вещевой музейный материал. Так, для характеристики отдельных национальностей в вагоне были размещены четыре манекена в «русском, чувашском, удэ и кабардино-балкарском» костюмах¹¹. Таким образом были проиллюстрированы разные регионы страны. Вещевым материалом, «характеризующим хозяйственную отсталость» населения дореволюционной России, был дополнен первый раздел выставки.

Вместе с тем тема народного творчества народов РСФСР была отражена лучшими образцами народного искусства: вышивкой, изделиями из металла, предметами, выполненными резьбой и росписью по дереву, а также резьбой по кости. Такое противопоставление, во многом искусственное, отвечало задачам, которые были поставлены перед музеями в тот период: показывать, с одной стороны, «угнетательский характер национальной политики царской России... а, с другой стороны, пути и формы разрешения национального вопроса в СССР»¹². Исходя из этой задачи, хозяйственные и бытовые предметы на выставке были призваны иллюстрировать «темное прошлое», а предметы народного творчества – перспективы национального строительства. Кроме этнографических предметов, на выставке демонстрировались знамена, лозунги и портреты вождей¹³.

Подготовка выставки и ее дальнейшая работа являлись образцом трудового подвига. Научные сотрудники осуществили ее монтаж за три дня. Заведующей агитвагоном была назначена научно-технический сотрудник Р. Л. Ящина, в качестве экскурсоводов выставку сопровождали П. Ф. Богородицкая и А. И. Стишова. Од-

нако последняя на момент отъезда числилась стажером и не могла самостоятельно вести экскурсии. Первые пять дней П. Ф. Богородицкой пришлось заниматься этим в одиночку, что негативно сказалось на ее здоровье.

Всего на протяжении маршрута было совершено 29 остановок, на каждой из которых в течение одного дня проводилась агитработа. За это время выставку посетили 11 тысяч человек, из них 8204 в составе организованных экскурсий¹⁴. Нагрузка на экскурсоводов была беспрецедентной: ежедневно через вагон-музей проходило 14 экскурсионных групп (по 7 на каждого экскурсовода). Выставка начинала свою работу в 12:00 и заканчивала в 21:00 с двухчасовым перерывом в середине дня. Однако, если желающих посмотреть выставку было много, вагон открывали сразу по приезде на станцию, в 7 часов, и при достаточном наружном освещении закрывали в 23:00¹⁵.

Вскоре после начала работы агитвагона обнаружились организационные недостатки: отсутствие электрического освещения, оповещения местных жителей об имеющейся в наличии в агитпоезде выставке, в том числе с помощью вывесок-надписей на вагоне, а также слишком маленький штат сотрудников¹⁶. Условия работы были сложными, в пути не обошлось без инцидентов. На станции Яблонка во время перерыва из вагона были украдены «колчан, луки и бусы с марийки». Благодаря сотрудникам угрозыска, вещи были найдены и возвращены, а «воришки задержаны и отправлены в соответствующее место»¹⁷. В длительной командировке сотрудники ощущали нехватку денег: «Положение наше очень тяжелое... пройдет еще пара дней, нам нечего будет есть», – писала в своем письме Р. Л. Ящина¹⁸. Но в то же время напряженные условия работы воспринимались как данность: «Живем полной жизнью, включившись активно в Выборы РСФСР»¹⁹. Жертвенность ради «улучшения своего положения» и выхода из «полуазиатской бескультурности» была краеугольным камнем агитработы²⁰.

Как же публика восприняла выставку «РСФСР – первая среди равных»? Основными ее посетителями стали рабочие и служащие транспорта, торфяных разработок, колхозов и совхозов, а также школьники и домохозяйки. Экскурсии проводились и для организованных групп различных организаций: медицинского техникума, местных отделений НКВД, Избирательной комиссии, Льзинской школы для глухонемых детей²¹.

Как отмечалось в статьях, опубликованных в периодической печати, выставка имела большой успех²². Это подтверждает и книга отзывов²³. Однако не обошлось без замечаний: посетители обращали внимание на недостаток вещевого материала по сравнению

с иллюстративным²⁴, из чего следует, что, вопреки стремлениям авторов выставки, именно «отсталое прошлое» вызывало наибольший интерес.

Несмотря на инциденты и сложности, сопровождавшие поездку, результаты проекта удовлетворили как руководство Дорожного комитета профсоюза рабочих железнодорожного транспорта, так и ГМЭ, и сотрудники, принимавшие участие в реализации этого замысла, получили различные поощрения.

Агитвагон – пример продуктивного сотрудничества ГМЭ с Политпросветотделом Октябрьской железной дороги. Широкий территориальный охват способствовал не только успешному проведению выборов, но и росту популярности музея. Вскоре после его отъезда была «организована экскурсия с одной из тех маленьких станций, где выставкой разбужена инициатива и вызван интерес к жизни и творчеству народов нашей страны»²⁵. О росте посещаемости музея в тот период свидетельствуют и статистические показатели. Вероятно, эту форму деятельности музеев предполагал продолжить в дальнейшем.

Вместе с тем выставка «РСФСР – первая среди равных» явилась примером «образцовой агитации», построенной на контрасте материала, противопоставлявшего прошлое настоящему, что всегда сопровождается жертвенностью – необходимым ее условием, неоднократно акцентированным в советской литературе того периода²⁶.

В последние годы стали популярны передвижные автоклубы, «поезда памяти», которые имеют похожий принцип освоения выставочного пространства и обеспечивают более широкий доступ к культурным ценностям²⁷. Их востребованность доказывает, что при условии соблюдения необходимых норм, поезд остается перспективной площадкой для современных выставочных проектов.

¹ Ленин В. И. Полное собрание сочинений. Т. 38. М: Изд. политической литературы, 1967. С. 224.

² Максакова Л. В. Деятельность коллектива агитпоезда «Октябрьская революция» среди крестьянства (1919–1920)//Вопросы истории. 1956. № 10. С. 102.

³ Панова Н. Г. Элементы арт-дизайна в формировании предметно-пространственной среды города в России 1920 – начала 1930-х годов//Архитектура и современные информационные технологии. 2016. № 4. С. 272–273.

⁴ Постановление президиума Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета о дне выборов в Верховный совет РСФСР от 20 апреля 1938 г.

⁵ Отлично подготовиться к выборам в Верховный Совет РСФСР//Сталинец. 25.04.1938. № 19. С. 1.

⁶ Фото-выставка «Первая среди равных»: буклет выставки. Ленинград, 1938.

⁷ Архив РЭМ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 648. Л. 24.

⁸ Агитпункты в вагонах//Вечерняя Москва. 8.06.1938. № 129. С. 2.

⁹ Архив РЭМ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 657. Л. 24.

¹⁰ Архив РЭМ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 648. Л. 24.

¹¹ Там же. Л. 4об.

¹² Первый всероссийский музейный съезд: тезисы докладов. Л., 1930. С. 13.

¹³ Архив РЭМ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 648. Л. 4–4об.

¹⁴ Там же. Л. 29.

¹⁵ Там же. Л. 25.

¹⁶ Там же. Л. 27.

¹⁷ Там же. Л. 20об.

¹⁸ Там же. Л. 18.

¹⁹ Там же. Л. 8.

²⁰ Ленин В. И. Полное собрание сочинений. Т. 33. М.: Изд. политической литературы, 1967. С. 434.

²¹ Архив РЭМ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 648.

²² Агитационный вагон-музей//Крестьянская правда. 8.12.1938. № 129. С. 2.

²³ Например: «Посмотрели музей с большим удовольствием и интересом, особенно нам интересны новые герои, новые люди». Архив РЭМ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 695. Л. 16.

²⁴ Например: «Желательно макеты и статуи в большем числе наших национальностей... Еще бы в вагоне имелся уголок истории народов СССР и вообще прошедших войн на территории старой царской России». Архив РЭМ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 695. Л. 23.

²⁵ Архив РЭМ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 676. Л. 69.

²⁶ Шагинян М. С. Агитвагон//Собр. соч. Т. 2. М., 1986. С. 202–216.

²⁷ Сцена едет в деревню//Российская газета. 3.08.2022. № 169. С. 6.

UDC 069.152.5

A. A. Pesetskaya

“The First Among the Equals”: The State Museum of Ethnography Exhibition Onboard the Oktyabrskaya Railway Campaign Train

Pesetskaya Aleksandra Aleksandrovna, The Russian Museum of Ethnography (St. Petersburg), the Department of Ethnography of the Volga Region and Ural, researcher, Ph. D. (History); sunny341@yandex.ru

In 1938, during the RSFSR Supreme Soviet election campaign, The State Museum of Ethnography set up a series of exhibitions under a common headline: “The First among the Equals”. One of

them occupied a separate car in the Oktyabrskaya Railway campaign train following from Leningrad to Bologoye with 29 stops. The paper analyzes the exhibition composition, content and ethnography materials introduced to various parts of it. It also deals with the work conditions in the car, issues and situations its staff had to face. It assesses the trip effect, the audience's reaction to the exhibition, the part it played in the government agitation effort and the Museum's education activities.

Keywords: the soviet period, soviet agitation, soviet propaganda, campaign train, campaign car, the RSFSR Supreme Soviet election, museum exhibition, the Oktyabrskaya Railway.

Е. Л. Кубель

Ковровая выставка 1935 года
в Государственном музее этнографии

Кубель Елена Леонидовна, Российский этнографический музей (С.-Петербург), отдел этнографии Кавказа, Средней Азии, Казахстана, научный сотрудник; elenakubel@yandex.ru

В 1935 г. в Государственном музее этнографии состоялась выставка ковровых изделий из собрания музея. Основной целью выставки была презентация ковроткачества народов Средней Азии и Кавказа в XVIII–XIX вв., но фактически ареал был расширен демонстрацией персидских ковров и украинских килимов. Для того, чтобы раскрыть актуальную тему современного ковроткачества, в музей были приглашены сотрудники коврового цеха артели «Трудкраска», ткавшие в залах выставки ворсовые ковры с портретами советских вождей. В вечерней «Красной газете» от 2 августа 1935 г. была опубликована статья Т. А. Садовского «Лавка древностей», подвергнувшего критике концепцию этого выставочного проекта. Директор музея П. И. Воробьев дал ответ на высказанные в статье сомнения. Основная дискуссия развернулась в связи с ролью этнографического музея как хранилища и популяризатора культурного наследия, актуальностью и необходимостью этой работы, с важностью музея в фиксации и демонстрации современных процессов, происходящих в стране.

Ключевые слова: Ковровая выставка 1935 г., Государственный музей этнографии, артель «Трудкраска», вечерняя «Красная газета».

В 1935 г. в Государственном музее этнографии была открыта выставка ковровых изделий из собрания музея. В ее подготовке принимали участие сотрудники отдела Средней Азии Г. Н. Григорьев, М. В. Сазонова, А. С. Морозова, Л. В. Строева и Ж. Я. Дехтяренко (Бухбиндер), а также Е. Н. Студенецкая, единственная на тот момент сотрудница отдела Кавказа. Следует отметить, что это была вторая выставка, презентующая ковровое собрание музея. В 1924 г. в Мраморном зале состоялась выставка

«Ковровые изделия Востока»¹, научная концепция которой была хорошо понятна профессиональному музейному сообществу рассматриваемого периода времени, принята им, и в той или иной степени использована при подготовке выставки 1935 г. Основной целью выставки была презентация ковроткачества народов Средней Азии и Кавказа XVIII–XIX вв., но фактически ареал был расширен демонстрацией персидских ковров, а также, с большой долей вероятности, украинских килимов. Это следует из архивных материалов, поскольку на совещании у директора музея рабочий план выставки докладывал заведующий отделом Украины А. Ф. Зенкевич².

Выставка располагалась в двух залах и, как указывал директор музея П. И. Воробьев, было «освоено 463 кв.м выставочной площади»³ (эти цифры были важны для отчета музея в вышестоящие инстанции).

Вводная часть выставки, с точки зрения авторов, была очень важна для понимания и восприятия материала посетителями. Она занимала небольшое пространство при входе в первый большой зал и состояла из карт, диаграмм, схем и фотографий. Представленных тем было немало: «Характеристика хозяйства и экономика ковровых районов», «Техника подготовительных процессов» (с указанием хронометража), «Окраска шерсти и род красителей», «Изготовление ковров», «Домашнее производство ковров, использующее женский труд», «Роль ковра в быту», «Ковровый промысел, аппарат скупщиков до революции, условия труда и эксплуатация». В этом же разделе авторы попытались приблизить традиционный материал к современности, добавив темы: «Ковровый промысел в настоящее время. Промысловая кооперация. Значение артели в раскрепощении женщины»⁴. Использование большого количества текстов, графиков, карт и схем, располагавшихся на щитах, было вынужденной мерой в музейном строительстве с конца 1920-х гг. Таким образом решалась проблема частичного переустройства постоянной экспозиции (дополнение ее материалом по современному строительству), с этой же целью устраивались многочисленные небольшие выставки на актуальные политические темы, например, «Антирелигиозная выставка», выставка, посвященная посевной и т.п. Такие «включения» меняли стиль художественного оформления выставочных проектов, но позволяли решать поставленные государством задачи и вскоре стали привычными.

Основной раздел экспозиции был развернут в этом же зале, там демонстрировались образцы ковроткачества народов Средней Азии (узбеков, каракалпаков, киргизов, туркмен) и «Кавказа (азербайд-

жанцев, татов и др.)»⁵. Материал располагался по группам внутри одной большой темы. Например, в разделе «Роль ковра в быту» материалы группировались следующим образом: ковер в кочевом жилище, образцы ковровых изделий, молитвенные коврики, ковер как предмет роскоши в доме феодала. Особое внимание уделялось орнаменту ковровых изделий, который рассматривался «как этап в истории изобразительной культуры определенной этнической группы или совокупности этнически соседящих групп»⁶. Предполагалось, на примере геометрического орнамента у кочевников, уходящего корнями, по мысли авторов, в историю взаимоотношения человека и животного, построить рассказ не только о роли того или иного животного в скотоводческом хозяйстве, но также и в сфере духовной жизни человека, связав орнамент с таким сложным явлением как тотемизм, а также продемонстрировать типологические ряды, выстраиваемые как «движение в сторону перехода от геометрического орнамента в растительный, к его наивысшей точке – „изображению сада, сада с животными и изображению человека“»⁷. Авторы выставки подобрали образцы, демонстрирующие богатство разнообразных ковровых техник у разных народов. Экспозиция была дополнена ковровыми станками разных типов для создания условных сцен. Кавказский и туркменский станки были перенесены из соответствующих работающих экспозиций музея⁸.

В малом зале были представлены ценные экземпляры ковров персов, афганцев и белуджей.

Авторы, заявляя тему, ограниченную временными рамками XVIII–XIX вв., тем не менее вполне отдавали себе отчет, что выставке остро не хватает современных вещей, и материалов может не хватить для раскрытия это актуальной темы. Частично эта проблема была решена вследствие договора с ковровым цехом артели «Трудкраска», организовавшим соцсоревнование на лучшую работу по тканю ворсовых ковров с портретами советских вождей. Руководство артели в вечерней «Красной газете» объявило о том, что в апреле по выходным дням в музее будет проходить показательный процесс тканю ковров, «оперируя подлинными материалами, из которых ткуются дорогие персидские ковры, под руководством технорука М. М. Ибрагимова по методу узловой персидской ткани <...> демонстрируя перед зрителями весь сложный процесс производства, исторически являющегося привилегией кустарной промышленности Востока»⁹. Соревнующихся работниц организовали в пары по пять групп, каждая из которых должна была выткать на своем ковре портрет одного из вождей: В. И. Ленина, И. В. Сталина, К. Е. Ворошилова, А. А. Жданова, М. И. Калинина. Предпо-

лагалось, что готовая продукция украсит пятитонный грузовик на предстоящем Первомайском шествии.

Выставка, экспонировавшаяся достаточно долго (с января по август) вызвала интерес посетителей; их отзывы сохранились в «Книге замечаний и пожеланий посетителями о ковровой выставке»¹⁰. Одна из записей посетителя (от 19.01.1935 г.) очень точно попала непосредственно в смысловой центр развернувшейся впоследствии вокруг музея дискуссии. В ней говорилось (стилистика и орфография оригинала сохранена.— Е.К.): «Музей показывает ковер из XVIII—XIX вв. Не мешало бы, если рядом с этим поставить ковер из XX в. Наверно музей не заметил огромные достижения коверных изделий в СССР. Есть закавказские ковры с портретом Маркса, Энгельса, Ленина, Сталина, которые могут взять приз по всемирным масштабам, так и среднеазиатские»¹¹. Ответ администрации на это замечание был вынужденно кратким: «Этнографический музей не занимается собиранием ковров... В настоящее время для этих коллекций музей не имеет средств»¹². О важности проблемы показа современности и музейных подходах к ее решению говорится в многочисленных документах того времени. Так, в отчете за первое полугодие 1935 г. утверждается, что «основной задачей музея этнографии является коренное переустройство экспозиции, что и было предусмотрено производственным планом текущего года. Необходимо выставить и правильно осветить огромный и ценный вещевой материал, накопленный десятилетиями, в плане показа жизни отдельных народов Советского Союза в их мрачном прошлом (в условиях колониальной политики царизма) и в эпоху социалистического строительства, в эпоху роста и расцвета национальной культуры этих народов. Отчетливо сознавая трудности, вытекающие как из односторонности и неполноты старых коллекционных собраний, так и из-за ограниченности работы по накоплению нового материала, музей все же решительно встал на намеченный путь и в настоящее время развивает усилия в области новых экспозиций и собирательской деятельности»¹³. И далее: «Для продолжения работы над разделом „Узбеки в эпоху социалистического строительства“ музей остро нуждался в ассигнованиях для снаряжения специальной экспедиции для сбора конкретного вещевого материала „для показа яркости и расцвета социалистического строительства у узбеков“»¹⁴.

С целью характеристики иных аспектов проблемы, стоявших перед музеем при показе своих коллекций в тот исторический период, можно привести мнение посетителей из «Книги отзывов» (1930 г.) Историко-бытового отдела Русского музея, располагав-

шегося в одном здании с Этнографическим отделом: «Нужно больше расширить отдел „Рабочий быт”. Отметить воспитание смены. Показать „показательный уголок” пионерской базы, жизнь детей. Стандартизованную уборку квартиры. Новую мебель. Как в отношении быта лучше и быстрее отойти от мещанства. Никитин. Балтийский флот»¹⁵. Вопрос заключался и в том, какая экспозиция нужна современному посетителю. Это было время декларации активного построения «светлого будущего», следовательно, требовалось музеефицировать, фиксировать именно настоящее, оставив «за бортом истории» прошлое.

Голос выразителей «идеологического фронта» звучал довольно жестко. В № 175 вечерней «Красной газетъ» от 2 августа 1935 г. была опубликована статья Т. А. Садовского «Лавка древностей», посвященная этой выставке. В ней, в частности, утверждалось: «После революции ковры вынесли из дворцов. Много лет они лежали в подвалах Этнографического музея. Тут подобралась лучшая в мире коллекция туркменских ковров. Теперь их вынесли на выставку. Но вынесли вместе с барской, дурной манерой *пребрежения к личности народной художницы* – создательницы ковра (выделено автором газетной статьи. – Е.К.)»¹⁶. Обращает на себя внимание сам выбор термина «подвалы Этнографического музея», иными словами, имелся в виду просто склад, где что-то лежит. Во-вторых, в этом подвале нечто «подобралось» (безличная форма глагола). Из общественного поля зрения исчезла идея важности атрибуции музейного памятника, его научного анализа, восприятия музейной институции как сообщества экспертов. В своем ответе на статью, директор музея П. И. Воробьев отметил важное, с точки зрения музейного сообщества, обстоятельство, что «эти коллекции – не случайный набор ковров из фондов, а результат длительной собирательской работы музея»¹⁷. Хотя десятью годами ранее этот дискурс был еще актуален, и А. А. Миллер, рассказывая о выставке 1924 г., пишет об атрибуции коллекций, поступивших из дворцов-музеев, как об обычной музейной работе, выполненной экспертом на основе знаний и опыта: «Ковры, ошибочно по месту вывоза называемые бухарскими, дополнили собрание музея, где в ряду материалов, собранных путем исследований на местах производства, оказалось возможным с большой точностью установить и их происхождение»¹⁸.

Статья в газете заканчивалась риторическим вопросом: «Какое знание может дать посетителю и какую научную полноту может претендовать выставка, которая в 1935 г. обрывается на конце XIX в.? Наконец, создается впечатление, что находишься не в отделе научного музея, а в комиссионном магазине»¹⁹.

Музей сумел дать ответ на этот вопрос о сочетании традиционного и современного в экспозициях, но позже его судьба как институции решилась в 1937 г., когда, после полугодичного закрытия для посетителей, он вновь был открыт.

¹ Миллер А. А. Ковровые изделия Востока. Выставка Этнографического отдела Русского музея. Л.: Ленинградский Гублит, 1924.

² АРЭМ. Ф.2. Оп. 1. Д. 471. Л. 2. Протокол совещания при директоре Государственного этнографического музея от 12 ноября 1934 г.

³ АРЭМ.Ф.2. Оп. 1. Д. 517. Л. 21. Основные показатели научно-исследовательской работы за 1935 год.

⁴ АРЭМ.Ф.2. Оп.1. Д.543. Л. 8. Наметки плана вводной части ковровой выставки. Внизу документа подпись – автограф Е. Н. Студенецкой.

⁵ Так в документе. – АРЭМ. Ф. 2 Оп. 1. Д. 543. Л. 7.

⁶ Там же. Л. 9.

⁷ Там же.

⁸ Там же. Л. 7.

⁹ Там же. Л. 10.

¹⁰ Там же. Л. 1–94.

¹¹ Там же. Л. 4.

¹² Там же.

¹³ Там же. Д. 517. Л. 1.

¹⁴ Там же. Л. 3.

¹⁵ Там же. Д. 344. Л. 9 об.

¹⁶ Там же. Д. 527. Л. 332.

¹⁷ Там же. Л. 335.

¹⁸ Миллер А. А. Указ. соч. С. 32.

¹⁹ АРЭМ. Ф. 2. Оп. 1. Л. 332.

UDC 069.5

E. L. Kubel

The 1935 Carpet Exhibition
in The State Museum of Ethnography

Kubel Elena Leonidovna, The Russian Museum of Ethnography (St. Petersburg), the Department of Ethnography of the Caucasus, Central Asia and Kazakhstan, research fellow; elenakubel@yandex.ru

In 1935, The State Museum of Ethnography organized an exhibition of carpets from the museum collection. Its main goal was to present carpet-making traditions of the Middle Asia and North Caucasus peoples (XVIII–XIX centuries), but in fact it was a demonstration of Persian carpets and Ukrainian kilims. In order to highlight the popular topic of modern carpet-making,

the museum invited staff members from Trudkraska artisan factory carpet shop. They were making pile carpets with the soviet leaders' portraits right in the museum rooms. The evening issue of Krasnaya Gazeta (August 2, 1935) published the article by T. Sadovsky called The Curio Shop that criticized the exhibition. P. Vorobiev, the museum director, responded to the journalist's reservations. The discussion was mainly centered around the ethnography museum's role of a cultural heritage safeguard and popularizer, around how topical or necessary that job was, as well as around the museum's importance for documenting and showcasing the processes taking place in the country presently.

Keywords: the 1935 carpet exhibition, The State Museum of Ethnography, "Trudkraska" artisan factory, "Krasnaya Gazeta" evening issue.

Н. М. Калашникова

Использование изделий художественных промыслов в дизайне костюмов советского периода (1917–1980-е годы)

Калашникова Наталья Моисеевна. Российский этнографический музей (С.-Петербург), отдел этнографии Восточной, Юго-Восточной и Центральной Европы, заведующая отделом, профессор, доктор культурологии; ethnonataly@mail.ru

В докладе анализируется ситуация использования в костюмах 1920–1930-х гг. дополнений, созданных руками народных мастеров в артелях, мастерских или в кружках домашнего рукоделия, в отличие от 1950–1980-х гг., отмеченных подъемом в области развития народных художественных промыслов, когда строчевышивальные фабрики России при участии специалистов Научно-исследовательского института художественной промышленности создавали одежду с включением изделий народных промыслов.

Ключевые слова: народные мастера, изделия художественных промыслов, костюм советского периода, Научно-исследовательский институт художественной промышленности.

Общеизвестно, какое большое значение в создании фольклорного стиля в моде XX в. имели предметы-дополнения, созданные руками народных мастеров. Однако, если в начале столетия существовали отдельные артели, небольшие мастерские, кружки домашнего рукоделия, предлагавшие скромные дополнения к женской одежде в виде вышитых или вязаных воротничков, поясков, сумочек и пр., то с первых лет советской власти началась работа в области создания современного костюма с использованием конструктивных и декоративных особенностей, характерных для народного костюма. Творческие поиски Надежды Ламановой, Надежды Макаровой, Евгении Прибыльской и многих др. модельеров, обратившихся к традиционным формам русской одежды, способствовали созданию советского бытового костюма¹. Модели Н. Ламановой и В. Мухиной, представленные на Всемирной выставке в Париже (1925), получили Гран-при за национальную самобытность в сочетании с современными модными тенденциями. Каждый комплект был дополнен головным убором, сумкой, украшениями, выполненными из бечев-

ки, шнура, соломы, вышитого холста, бусами из раковин или зерен. И если сырьем для первых моделей советского костюма были такие материалы, как холст, суровое полотно, бязь, ситец, солдатское сукно, байка, бумазея, грубая шерсть, то начиная с 1921–1922 гг. налаживается деятельность текстильных и швейных центров России (Иваново, Москва и др.), появляются первые хлопчатобумажные ткани с печатным рисунком. Великая Отечественная война на несколько лет остановила начавшийся процесс развития современного костюма, однако уже в 1944 г. заработал Киевский, затем Ленинградский Дом моделей (1945), в 1949–1950 гг. открываются Дома моделей в Горьком, Ростове-на-Дону, Новосибирске, Минске и Тбилиси. В 1949 г. Московский Дом моделей реорганизуется в Общесоюзный Дом моделей одежды. В 1958 г. на Всемирной выставке в Брюсселе и международном конгрессе моды в Бухаресте премиями были удостоены модели В. Араловой «Суздаль» и «Плахта». В 1960-е гг. такие молодые дизайнеры, как В. Зайцев, Л. Телегина, Е. Стерлигова, С. Качарава, Т. Осмеркина, сочетавшие в своем творчестве моделирование и конструирование, предлагали модели современных конструкций, но с использованием народных мотивов. Так, Вячеслав Зайцев создал серию сарафанов по мотивам русской народной одежды, а в названиях костюмных комплексов зазвучало обращение к этнической истории народов: «Псковитянка», «Сибирь», «Русь», «Русская сказка», «Янтарный берег», «Наталка-Полтавка», «Узбекистан»².

В это же время возрастает интерес к традиционной одежде Русского Севера, в результате чего многие фольклорные коллективы и ансамбли края, в частности, участники Пинежского, Мезенского и Севернорусского народных хоров стали выступать в характерных для данной территории праздничных сарафанах и головных уборах, выполненных местными мастерами. В это же время к традиционному костюму стали обращаться также и модельеры, используя при создании современных изделий конструкции, орнаментальные и цветочные композиции, свойственные народной одежде.

Следует заметить, что 1950–1970-е гг. были отмечены подъемом в области развития народных художественных промыслов России, многие из которых имели прямое отношение к созданию группы швейных изделий в фольклорном стиле. Значительная роль в этом принадлежала Научно-исследовательскому институту художественной промышленности (далее НИИХП), основанному в 1932 г. на базе Кустарного музея (Музей народного искусства имени С. Т. Морозова). Уже в 1960–1970-е гг. НИИХП становится центром по разработке текстильных изделий с использованием народных традиций. В лабораториях института, связанных с изучением вышив-

ки, кружева и моделирования одежды, работали такие известные в области народного искусства специалисты, как И. П. Работнова, Е. Г. Яковлева, Н. С. Королева, Т. М. Разина. При этом нужно отметить, что при создании современных костюмных комплексов специалисты НИИХП были ориентированы как на создание высокохудожественных моделей, повторяющих этнические прототипы, так и на изделия серийного выпуска для повседневного использования. И те, и другие предназначались для изготовления на предприятиях народных художественных промыслов России, в задачи которых входило сохранение в моделях локальной специфики и узнаваемости конкретного промысла, а также использование в деталях традиционных вышивок и кружева³.

Вышивка была необычайно разнообразна как по художественным, так и техническим приемам. Наибольшее распространение она получила на предприятиях художественных промыслов в Российской Федерации, где 1950–1970-е гг. насчитывалось более 70 строчевышивальных фабрик, которые были расположены в традиционных центрах, издавна славившихся своим искусством. Это фабрики в Ивановской, Калужской, Рязанской, Горьковской (ныне Нижегородской), Новгородской, Владимирской и Калининской (ныне Тверская) обл., которые выпускали достаточно разнообразный ассортимент изделий, в том числе женскую и детскую одежду⁴. Так, например, Палехская и Ивановская фабрики производили женскую и детскую одежду из льна с лавсаном. Художник А. П. Ганушкина выполняла блузки и платья не только из гладких, но и из узорных тканей, изготовленных на ткацком станке, в которые искусно вплетала мережки и строчевые швы⁵. Нарядные женские платья, костюмы, а также блузки, жакеты, юбки, брюки, жилеты, сарафаны, мужские сорочки из льна, выпускаемые Палехской и Шуйской фабриками в 1960-е гг., отличались сложной строчевой вышивкой, расположенной на рукавах, по груди и подолу. Декор органично сочетался с покроем, подчеркивал конструкцию одежды, являлся логическим завершением ее художественного облика⁶.

Известно, что Холуйская строчевышивальная фабрика в Ивановской обл. специализировалась на выпуске женских блузок из шелковых и хлопчатобумажных тканей, украшенных узорами из мережки и строчевых швов растительного характера, выполненных в технике белой глади⁷.

Своеобразная калужская вышивка широко применялась при оформлении изделий, выпускавшихся на Тарусской фабрике художественной вышивки, где яркой цветной перевитью декорировали платья, рубахи, различные женские кафтаны, а в 1960-е гг. – женскую, мужскую и детскую одежду⁸. Одним из известных специали-

стов, работавших в Тарусе по заданию НИИХП, был молодой художник А.И. Веселов, создававший платья, украшенные вышивками в технике цветной перевити. В своих воспоминаниях он отмечал: «Я использовал этнографический материал, собранный в музеях, но не копировал его... Сохраняя традиции, я стремился как бы продолжить жизнь вышивки...»⁹

На объединении «Рязанские узоры» выпускали праздничную одежду из льна с яркой красочной вышивкой, где цветная перевить сочеталась со счетной гладью, росписью, косой стежкой и другими верхошвами¹⁰.

Городецкая строчевышивальная фабрика Горьковской обл. специализировалась на выпуске женской одежды: нарядные блузки, платья и костюмы украшали ажуром «горьковских гипшоров» в сочетании с рельефными разделками белой глади¹¹. На Мстерской строчевышивальной фабрике ручной вышивкой, владимирскими швами декорировали летнюю женскую и детскую одежду. Нарядные белые женские блузки, платья для выпускного бала и невест покрыты тончайшей белой гладью с легкими ажурными разделками¹².

Золотошвейный промысел в Торжке, получивший развитие во второй половине XVIII – первой половине XIX в., успешно существовал в рамках золотошвейной артели и в начале XX в., где, кроме знаков различия для военной формы, серебряными и золотными нитями вышивали головные уборы, кисейные рукава, передники, пояса, сафьяновую обувь, кошельки, детали народного костюма и предметы церковного обихода. В 1960-х гг. на Торжокской золотошвейной фабрике имени 8 Марта создавали такие дополнения к нарядному женскому костюму, как пояса, воротники, манжеты, жилеты, шарфы и платки, а также выпускали одежду для детей дошкольного возраста с яркой вышивкой верхошвами¹³.

Показателен пример истории фабрики «Крестецкая строчка» в Новгородской обл., выросшей из традиционного народного промысла, производившего с 1860-х гг. продукцию из домотканого льняного полотна, украшенного сквозной вышивкой. Значительную роль в возрождении и дальнейшем развитии промысла в советский период сыграла деятельность НИИХП, в частности, строчевышивальной лаборатории, в результате работы которой изделия крестецкой строчки были столь популярны, что рисунки для вышивания в этой технике стали публиковаться для широкого круга рукодельниц в книгах по домоводству и в приложениях к журналам. В 1970-е гг. появилась возможность значительно расширить ассортимент, выпускаемая женская одежда и предметы убранства интерьера, украшенные сквозной ажурной вышивкой¹⁴.

Другой вид народного творчества – кружевоплетение, известное в России с конца XVII в., и в XX в. было распространено во многих регионах России. Так, например, в артели «Кружевница» (бывшая слобода Кукарка Вятской губ.) с 1920 г. выполняли не только штучное коклюшечное кружево, но и изделия, которые разрабатывались специально к определенной модели: рукава, кокетки, вставки различных форм и размеров. В послевоенный период в Кирове (ныне Вятка) на фабрике строчевышитых и кружевных изделий имени 8 Марта шили платья и костюмы из шерсти, лавсана и шелка с кружевными отделками¹⁵.

В 1960–1970-х гг. Михайловское объединение «Труженица» Рязанской обл. производило многоцветное коклюшечное кружево, которое шло на отделку женских платьев. Своеобразие этого кружева заключалось в колорите, построенном на сочетании красных, зеленых, синих, серых и черных тонов¹⁶.

Однако, самыми известными центрами кружевоплетения были Вологда и Елец, где в 1960–1980-х гг. кружево не только не утратило своего значения, но стало еще шире применяться для отделки белья, а также женской и детской одежды. Так, в 1970–1980-е гг. на вологодском объединении «Снежинка» лучшие мастерицы выполняли штучные кружевные изделия цепного плетения. Это были воротники, манжеты, галстуки, пояса, косынки, шарфы и другие предметы, использовавшиеся для декорирования женского костюма. Особо виртуозно были выполнены работы кружевниц В. Н. Ельфиной, М. Н. Груничевой, В. Д. Веселовой, среди которых следует отметить дизайнерские решения к современному костюму: жилеты, пелерины, воротники модных форм и др.¹⁷

На объединении «Елецкие кружева» выпускали в основном дополнения к женской одежде (воротники, жабо, жилеты и пр.), выполненные в технике парного и цепного кружевоплетения¹⁸. По заданию НИИХП художник А. И. Веселов разрабатывал эскизы для изделий объединения, предлагая использовать кружево не только в виде отделки (воротник, манжеты и др.), но и кружевное полотно целиком, из которого модельер шил необычные накидки, платья и пелерины.

Приведенные примеры свидетельствуют о том, что вышитые и кружевные изделия присутствовали в дизайне костюмов советского периода, особенно в 1950–1980-х гг., когда на предприятиях народных художественных промыслов создавали серийно выпускаемые модели с этническими мотивами.

¹ Прибыльская Е. Вышивка в настоящем производстве//Ателье 1923. № 1. С. 7.

² Калашникова Н. М. Семиотика народного костюма. СПб., 2000. С. 224–225.

³ Буфеева И. Ю. Традиции русского народного костюма в творчестве художников НИИ Художественной промышленности//*Мода и дизайн: исторический опыт – новые технологии: Мат-лы XX междунауч. конф.* СПб.: ФГБОУВО «СПбГУПТД», 2017. С. 533.

⁴ Ковригина В. М. Экономика, организация и планирование производства изделий декоративно-прикладного искусства и народных промыслов. М., 1985. С. 196–198.

⁵ Народные художественные промыслы РСФСР. М., 1982. С. 142.

⁶ Калашникова Н. М. Указ. соч. С. 232.

⁷ Народные художественные промыслы... С. 143.

⁸ Там же.

⁹ К истории российского моделирования костюма. Один из немногих...// *FMD (Мода. Маркетинг. Дизайн)*. 2020. № 40. С. 26–30.

¹⁰ Народные художественные промыслы... С. 144.

¹¹ Там же. С. 145–146.

¹² Там же. С. 148–149.

¹³ Там же. С. 150.

¹⁴ Бардина Р. А. Изделия народных художественных промыслов и сувениры. М., 1986. С. 221–222.

¹⁵ Там же. С. 283–284.

¹⁶ Там же. С. 285.

¹⁷ Там же. С. 27–281.

¹⁸ Там же. С. 281–283.

UDC 391; 745; 687.01 (4-7;57) «1917/1980»

N. M. Kalashnikova

Using Traditional Crafts Products in the Soviet Period Costume Design (1917–1980s)

Kalashnikova Natalia Moiseevna, The Russian Museum of Ethnography (St. Petersburg), the Department of Ethnography of the Eastern, South-Eastern and Central Europe, heard department, Professor, D. Sc. (Culturology); ethnonataly@mail.ru

The report analyzes scenarios for using accessories made by traditional craftsmen at artisan factories, shops or crafts studios, in costumes of the 1920–1930s, in contrast with the 1950–1980s period marked with a surge of traditional crafts development, when Russian sewing and embroidery factories, aided by the Research Institute of Industrial Arts, produced apparel that utilized traditional crafts products.

Keywords: traditional craftsmen, traditional crafts products, the soviet period costume, the Research Institute of Industrial Arts.

А. А. Гаджиева

Пешком по Советскому Союзу:
деятельность этнографического
ансамбля Б. П. Сальмонта

Гаджиева Айшат Ахмедовна, Российский этнографический музей (С.-Петербург), отдел специализированного хранения, научный сотрудник высшей категории; aishatg@mail.ru

На основе архивных документов докладчиком восстановлена история самодеятельного коллектива, созданного в 1924 г. Б. П. Сальмонтом. Ансамбль совмещал собирательскую, исследовательскую и исполнительскую работу в области народно-песенного, инструментального и плясового искусства с культурно- и политико-просветительной деятельностью, а также организацией разнообразных курсов подготовки национальных кадров.

Ансамбль неоднократно передавали из одного подразделения в другое в структуре Наркомпроса, соответственно, менялось название коллектива.

В 1936–1937 гг. участники ансамбля стали сотрудниками Государственного музея этнографии. Собранные ансамблем этнографические материалы рассеяны по музеям и архивам Бурятии, Хакасии, Москвы, Санкт-Петербурга.

Ключевые слова: фольклор народов СССР, художественная самодеятельность, национальные музыкальные инструменты.

В 1924 г. в Ленинграде Б. П. Сальмонтом была сформирована Мастерская коллективного творчества, занимавшаяся постановкой массовых театрализованных представлений; «в план занятий входило ознакомление с элементами драматического, музыкального и изобразительного искусств, а также коллективное творчество». Деятельность Мастерской осуществлялась на хозрасчетной основе и санкционировалась литературным отделом и секцией самодеятельного театра Губполитпросвета¹.

Летом 1925 г. Б. П. Сальмонт вместе с активистками Мастерской Л. В. Субботиной и М. М. Туляковой отправился в первую экспедицию. Согласно выданному Губполитпросветом удостоверению, им разрешалось «устраивать в деревнях Ленинградской губернии

доклады, беседы по художественной работе, устраивать выступления и вечера по утвержденной программе с привлечением местных сил, организация стенгазет», разрешено было также «собирать историко-бытовой материал в виде новых сказок, частушек, песен и т.п. образцов народного творчества, возникших после Октябрьской революции». Вся работа должна была «протекать под руководством и контролем местных политпросвет- и партийных организаций»². Помимо деревень Ленинградской губ. маршрут экспедиции включил ряд населенных пунктов Карельской АССР и Вологодской губ. В Петрозаводске был поставлен массовый комсомольский спектакль; повсеместно проводились лекции, сопровождаемые концертами народной музыки, инструктаж, оформлялась стенгазета. Была осуществлена слуховая нотная запись образцов музыкального фольклора – обрядовых (свадебных) песен и необрядовых (включая три вепских), плачей («голосня свадебная»), частушек (посадниковских, шёлтозерских, вытегорских), танцев (в частности, «чудской кадрили»), духовного стиха; составлено подробное описание свадебного обряда (сел. Ларионов Остров), зафиксированы сказки, заговоры³. В ходе полевого сезона Мастерская поставила своей задачей сбор и пропаганду музыкального фольклора народов СССР; часть собранных материалов сразу же была включена в программу выступлений.

По возвращении в Ленинград Б. П. Сальмонт сделал доклад на собрании работников музыкального отдела Губполитпросвета. Несмотря на положительную оценку деятельности Мастерской, официальный статус ее так и не был оформлен. Зимой по приглашению участкового комитета профсоюза работников Мурманской железной дороги ансамбль отправился на ст. Званка, где им был организован вагон-клуб для знакомства с народной музыкальной культурой маленьких станций и разъездов. По окончании договора с Мурманской железной дорогой ансамбль направился на восток.

В Верхнеудинске, при поддержке Бурят-Монгольского ученого комитета (Буручкома) и Бурнаркомпроса, ансамблем были организованы «Бурят-монгольские национальные музыкальные курсы»: пробные, краткосрочные (май – июнь 1926 г.) и полугодовые, продленные до восьми месяцев (ноябрь 1926 г.– июль 1927 г.)⁴. Главной задачей ставилась «ликвидация музыкальной безграмотности». Слушатели курсов осваивали элементарную теорию музыки, получали навыки нотной фиксации народных песен, обучались игре на музыкальных инструментах: гусях, цитре, домре. По заданию Буручкома разработано «ядро оркестра национальных инструментов», для чего Б. П. Сальмонт усовершенствовал конструкцию и технологию изготовления струнных смычковых инструментов – хура и хучи-

ра. Некоторые из курсантов являлись знатоками местных традиций, что помогало на практических занятиях. Так, участники ансамбля впервые познакомились со звучанием хура в исполнении одного из учеников, а большая часть песен и частушек семейских была зафиксирована от слушателей курса – В. Воскобойникова и его брата⁵. Также курсы посещал и лама (по некоторым источникам, двое). Он оказывал значительную помощь в исследовании дацанских оркестров и буддийской мистерии. В 1928–1929 гг. ансамблем проведен полуторагодичный музыкальный практикум, развернута сеть музыкальных кружков, организовано заочное обучение музыкальной грамоте, в качестве пособия для заочного обучения учреждена газета «Музыкальная тропа»⁶. Группа регулярно выезжала в фольклорно-этнографические экспедиции (часть поездок осуществлена совместно с курсантами или практикантами)⁷. В ходе экспедиций выполнены нотации бурятских, монгольских и русских песен, составлено подробное описание буддийской мистерии Цам (включая пляски и песнопения)⁸, приобретены предметы буддийского культа, костюмы, маски, музыкальные инструменты и пр., осуществлялось фотографирование. На основе экспедиционных сборов проводились выставки в Верхнеудинске и в Москве. Б. П. Сальмонтом подготовлены лекции и доклады, написаны многочисленные статьи и монография «Музыка, песни и танцы бурят-монголов». Собранные материалы – около 250 предметов, более 500 нотных записей и рукописи – приобрел Буручком⁹.

В период 1925–1936 гг. ансамбль посетил Ленинградскую губ. (1925–1926), Карельскую АССР (1925 и 1931), Сибирский край и Бурят-Монгольскую АССР (1926–1929), Монгольскую Народную Республику (1926 и 1929), Средневожский край (1927, 1930), Московскую обл. (1928, 1930), Башкирскую АССР (1930), Нижне-Волжский край (1931), Ойротскую авт. обл. (1932–1933, 1936), Казахскую АССР (1933), Хакасскую авт. обл. (1933–1934) и побывал в 280 населенных пунктах. На местах выполнено более полутора тысяч слуховых нотных записей (с 1930-го осуществлялись также записи на фонограф) инструментальных и вокальных образцов творчества бурят, монголов, баргутов, алтайцев, хакасов, тувинцев, китайцев, башкир, татар, чувашей, казахов, уйгуров, русских, украинцев, цыган и других народов; зафиксированы танцы и пляски, собраны сведения о музыкальных инструментах народов Сибири; скомплектованы вещевые и фотоколлекции; сконструированы усовершенствованные версии русских гуслей, хакасского чатхана, бурятского хура; опубликованы статьи Б. П. Сальмонта, посвященные традиционной музыкальной культуре народов СССР и задачам культурного строительства. Участники ансамбля устраивали олимпиады, смотры, конкурсы,

проводили конференции и совещания по художественной работе, занимались организацией всевозможных курсов и практикумов – музыкальных, драматических и др., внося весомый вклад в становление профессионального театрального и музыкального образования, подготовку национальных кадров Бурятии, Хакасии, Алтая и др. регионов страны.

В 1928–1935 гг. ансамбль неоднократно передавали из одного подразделения в другое в структуре Наркомпроса (соответственно менялось название коллектива). В 1936 г. трое участников ансамбля стали сотрудниками фольклорно-музыкальной секции Государственного музея этнографии: Б. П. Сальмонт, возглавивший секцию, а также Л. В. Субботина и М. М. Тулякова. В январе 1937 г. приняты на работу еще четверо: Г. И. Соколов и С. И. Соколов, А. Н. Рыжков и П. В. Рыжкова. Экспедиционно-сборительское, экспозиционно-выставочное и другие направления работы были детально распланированы на третью пятилетку. Однако планам не суждено было осуществиться: в августе арестовали С. И. Соколова, в октябре – Б. П. Сальмонта, судьба других сотрудников осталась неизвестной. С декабря 1937 г. секция прекратила существование¹⁰.

Обширный архив и ценные вещевые коллекции, сформированные ансамблем, оказались разрозненными, рассредоточенными по разным учреждениям (музеям и архивам Бурятии, Хакасии, Санкт-Петербурга, Москвы), часть материалов утрачена или обезличена.

В 1936 г. Б. П. Сальмонт писал Ф. Я. Кону: «Самым важным и самым решающим капиталом являются люди, которых мы втягивали в русло общественной художественно-массовой работы. <...> Отличные наши ученики, составляющие нашу гордость, разбросаны по стране»¹¹.

¹ Архив РЭМ (АРЭМ). Ф. 2. Оп. 5. Д. 70. Л. 1.

² Там же. Д. 87. Л. 1.

³ Сохранилась авторская копия нотных записей: Ф. 2. Оп. 5. Д. 84. Л. 5–9.

⁴ Народная музыка//Бурят-Монгольская правда (БМП). 28.05.1926 г. № 118с.6; Национальные музыкальные курсы // БМП. 08.07.1926. № 150. С. 4.; Новости Буручкома. Музыкальные курсы // БМП. 05.11.1926. № 250. С. 4.

⁵ Ф. 2. Оп. 5. Д. 84. Лл. 12–13.

⁶ Воскобойников В. Первые опыты//БМП. 14.11.1928. № 262. С. 4.

⁷ Ф. 2. Оп. 5. Д. 74, 75; Национально-народная музыка Бурятии (беседа с руководителем экспедиции по изучению музыки Бурятии т. Сальмонт)//БМП. 25.09.1926 г. № 216. С. 4; Ф. 2. Оп. 5. Д. 83. Л. 11–15об.

⁸ Колпецкая О. Буддийская танцевальная мистерия Цам (по материалам этнографического исследования Б. П. Сальмонта)//Музыкальная жизнь. 2011. № 1. С. 28–29.

⁹ Подробнее см.: Мазурина В. Н. О деятельности этнографического ансамбля в Бурятии. 20-е годы XX в. (по материалам архивов Санкт-Петербурга и восточного собрания ГМИР)//Буддийская культура: история, источниковедение, языкознание и искусство: Пятое Доржиевские чтения/Отв. ред. А. О. Бороноев. СПб.: Гиперион, 2013. С. 301–307.

¹⁰ Подробнее см.: Гаджиева А. А. Фольклорно-музыкальная секция Государственного музея этнографии (1936–1937)//Вопросы инструментоведения. Вып. 10: Сб. ст. и мат-лов IX и X Международных инструментоведческих конгрессов «Благодатовские чтения»/Российский институт истории искусств; [редкол.: И. В. Мацневский (ответственный реактор); Д. А. Булатова, А. Б. Никаноров, А. А. Тимошенко]. СПб., 2017. С. 63–69.

¹¹ Ф. 2. Оп. 1. Д. 539. Л. 6–7.

UDC 78.073

A. A. Gadzhieva

Around the Soviet Union on Foot: History
of B. Salmont's Ethnography Band

Gadzhieva Aishat Akhmedovna, The Russian Museum of Ethnography (St. Petersburg), the Department of Specialized Storage, research fellow of highest category; aishatg@mail.ru

The author used archive documents to reconstruct the history of the amateur band organized by B. Salmont in 1924. The band combined collection, research and performance activities in the areas of folk vocals, instruments and dances with cultural and political awareness campaigns and setting up training courses for local professionals.

The band was repeatedly handed over from one department of the People's Commissariat for Education to another, changing its name in the process.

In 1936–1937, the band members were put on The State Museum of Ethnography payroll. The ethnography materials they collected are now spread around museums and archives in Buryatia, Khakassia, Moscow and Saint Petersburg.

Keywords: the USSR peoples' folklore, amateur bands, national musical instruments.

А. А. Ковалевская

Создание городского памятника как практика формирования культурной идентичности (по материалам проектирования памятника А. С. Пушкину на площади Искусств в Ленинграде из собрания Государственного музея городской скульптуры)

Ковалевская Анна Андреевна, Санкт-Петербургский государственный музей городской скульптуры (С.-Петербург), научно-экспозиционный отдел, начальник; annele@yandex.ru

История создания памятника А. С. Пушкину на площади Искусств в Ленинграде (1937–1957) представляет собой обширный корпус документов: правительственные решения, стенографические отчеты заседаний художественно-экспертных советов, технические документы на исполнение работ. Установка памятника в контексте юбилейных мемориальных торжеств, материалы обсуждений, публикации в прессе позволяют рассматривать изваяние Пушкина не только как историко-художественную ценность, но и как элемент государственной культурной политики, средство формирования культурной идентичности, создание ценности городского солидарного сосуществования.

Ключевые слова: идентичность, монумент, памятник, культурная политика.

История создания памятника А. С. Пушкину на площади Искусств в Ленинграде (1937–1957) представляет собой обширный корпус документов: правительственные решения, стенографические отчеты заседаний художественно-экспертных советов, технические документы на исполнение работ. Установка памятника в контексте юбилейных мемориальных торжеств, материалы обсуждений, публикации в прессе позволяют рассматривать изваяние Пушкина не только как историко-художественную ценность, но и как элемент государственной культурной политики, средство формирования культурной идентичности, создание ценности городского солидарного сосуществования.

Памятник – «большое идейное творческое произведение», его установка – дело государственной важности. Сооружение памят-

ника А. С. Пушкину шло в русле реализации ленинского плана монументальной пропаганды, в котором были сформулированы тезисы воспитания масс, наполнения и украшения городов новыми образами, знаменующими великие дни. Вторая половина 1940 х – 1950-е гг. – время активного проведения городских конкурсов по установке памятников, что было связано с государственной политикой реконструкции разрушенных городов. Преобладали проекты, посвященные деятелям науки и культуры, писателям, хотя далеко не все из них оказались реализованы.

Идея создания памятника Пушкину витала в умах петербургской интеллигенции еще в XIX в.¹: «Пушкину необходим всероссийский памятник в Петербурге, в столице Русского царства, в средоточении русского просвещения... Неужели не сумеет Петербург... не сумеет Россия... поставить образ русского поэта в мраморе и бронзе?» (А. С. Суворин, 1899 г.)².

К проблеме создания монумента вернулись лишь в 1930-е гг. В 1936 г. в связи с подготовкой к юбилейным торжествам – столетней годовщине со дня смерти великого русского поэта А. С. Пушкина – было принято решение открыть в Ленинграде в 1937 г. монументальный памятник поэту³. Проекты было поручено заказать лучшим мастерам скульптуры Союза ССР (впоследствии заказы распределили среди трех москвичей и трех ленинградцев). В качестве места установки нового монумента рассматривалась Стрелка Васильевского острова. В 1937 г. ЦИК СССР включил в постановление «Об ознаменовании 100-летней годовщины со дня смерти величайшего русского поэта А. С. Пушкина» пункт о переименовании Биржевой площади в Пушкинскую площадь⁴. Открытию памятника в 1957 г. предшествовало пять туров представления конкурсных проектов: два довоенных тура и три послевоенных⁵.

Среди лучших работ довоенного времени неизменно называлась скульптурная модель И. Д. Шадра. Его проект содержал аллюзию на стихотворные строки «К Чаадаеву», часто использовавшиеся в 1930-е гг. в качестве политических лозунгов⁶:

Товарищ, верь: взойдет она,
Звезда пленительного счастья,
Россия вспрянет ото сна,
И на обломках самовластья
Напишут наши имена!

В ходе обсуждения конкурсных проектов современники демонстрировали неприятие «задумчивых» памятников, отдавая предпочтение скульптурным моделям, выражающим живость, революционный подъем. Фигуры отличали выразительность,

экспрессия, энергичный жест, пафос, решимость, порыв, динамика. Особенно в 1930-е гг. был важен образ Пушкина-современника, живого поэта, готового «снизойти и смело включиться в коммунистическое настоящее»⁷, а затем и великое социалистическое будущее.

Идею сооружения памятника в контексте юбилейных торжеств исследователь Дж. Б. Платт предлагал рассматривать как аспект государственной национальной политики. Пушкинский юбилей 1937 г. — одно из мероприятий среди многочисленных фестивалей и праздников, проходивших в стране в период с 1936 по 1941 г. Но пушкинские торжества имели особый размах и включали множество мероприятий: проведение выставок, издание огромными тиражами собраний сочинений, установку памятников и мемориальных досок, организацию музеев и т. д. Пушкин декларировался как всесоюзный национальный поэт: «Русский народ дал миру гениального Пушкина»⁸. Дж. Б. Платт отметил масштабный поворот к русоцентризму⁹, характерный для сталинской культуры, и выделил в юбилейном дискурсе две тенденции.

Юбилей подчеркивал передовой статус русских в истории революции и утверждал статус русского народа — «первый среди равных». Вместе с тем реабилитация русской культуры не означала возврат к политике русификации, а, напротив, «сигнализировала триумф преодоления царской системы угнетения»¹⁰. Монументальный образ как композиционный центр сплочения русского народа с другими национальностями символизировал русскую культуру в самом ядре многонационального советского общества.

В монументализации имени Пушкина в 1937 г. Дж. Б. Платт усматривал государственную волю к сохранению устойчивой идентичности коллектива, усреднению культурных энергий к предписанной и легко воспроизводимой схеме¹¹. Иными словами, необходим был арсенал символов (речь, убеждения, ценности) для функционирования коллектива, создания условий перехода от аграрного общества к индустриальному¹².

В послевоенное время работа по проектированию памятника была возобновлена. Еще в 1930-е гг. проект И. Д. Шадра, как и место установки памятника, вызывали негативную реакцию ленинградской общественности. Тогда представители городской власти неоднократно направляли обращения в Москву о необходимости проведения открытого конкурса, о проведении выставки проектов в Ленинграде, о переносе места памятника Пушкину на площадь Лассаля (с 1940 г. площадь Искусств). В 1949 г. инициатива в работе над проектами памятника перешла к Ленин-

граду. В ходе четвертого тура впервые был проведен открытый творческий конкурс. Наибольшее внимание привлек проект молодого скульптора М. К. Аникушина. Результатом следующего тура открытого конкурса стало решение заказать скульпторам М. К. Аникушину и Н. В. Томскому выполнение моделей в крупном масштабе. Впоследствии Томский от участия отказался. Обсуждение модели Аникушина вылилось в пятый тур – ленинградские скульпторы представили «встречные проекты». В итоге работа Аникушина была признана безусловно лучшей, «колоссальной победой не только ленинградских скульпторов, но и советской скульптуры»¹³.

В обсуждении проектов пятого тура приняли участие ведущие специалисты: архитекторы, инженеры, искусствоведы и другие представители творческой интеллигенции. Участники выразили единодушное «всеобщее одобрение» модели памятника М. К. Аникушина. Ораторы разделили ощущение исторического момента, что бывает при «рождении больших произведений: и всеобщий восторг, и всеобщее признание»¹⁴: «Мы нашли то, чего так долго искали»¹⁵.

Возобновился поиск образа «величайшего нашего поэта»¹⁶. Поэт не «застегнут на все пуговицы», «сейчас для нашего советского народа Пушкин раскрыт, как никогда»¹⁷. Поэт – трибун своей эпохи. Образ М. К. Аникушина представлялся современникам «наиболее поэтическим, наиболее раскрытым нашему советскому человеку, наиболее понятным»¹⁸. Особое внимание уделялось художественной выразительности скульптуры: «Я вижу здесь поэта, поэта вдохновенного, прежде всего лирического, он весь – лирика»¹⁹. «Это Пушкин в нашем представлении. Он не замкнут... это человек с открытой душой, вольнодумец, борец, борющийся поэт»²⁰ (скульптор В. Б. Пинчук). Ядро образа, его особая ценность – экспрессия, динамика, трепетность. Суждались сочинительство, иллюстративность, фантастичность образа. Уход от бытовизмов и будничной повседневности деталей отчасти были продиктованы камерным характером площади, величественным архитектурным фоном.

Одежда героя выдает приверженность городской моде. В ней нет чрезвычайной красоты, театральности, явных атрибутов сословности. Автор относился к «этому делу... не как к портновскому, а как к идее костюма» и подчеркивал, что его Пушкин – «раскрепощенный человек, свободный... в свободном движении, в свободном выражении»²¹. Скульптор обращается к зрителю прежде всего пластическими средствами – жестом, богатством силуэта, четкостью форм, что позволяет фигуре читаться на рас-

стоянии. В многогранной личности поэта выделяются именно поэтичность, профессиональная принадлежность героя и общественная значимость его деяний. Таким образом, аудитория памятника – горожане, приобщенные к городской, культурной жизни, русскоязычные.

Помимо установки на одной из главных площадей города памятника «тому Пушкину, которого носят в своих сердцах миллионы советских людей»²², общественности было важно найти тот образ, который «нужен нам сегодня и который мы хотим видеть у нас в городе»²³. Пушкин здесь – «непревзойденный певец Ленинграда»²⁴.

С самого начала история создания памятника А. С. Пушкину на площади Искусств в Ленинграде демонстрировала поиск пластического решения, способного выразить образ национального единения, городской солидарности. Памятник, создание которого мыслилось в рамках государственного национального и культурного строительства, стал выдающимся произведением ленинградской и советской монументальной скульптуры.

¹ Гдалин А. Д. Памятники А. С. Пушкину: История. Описание. Библиография. Т. 1. Ч. 1. СПб.: Акад. Проект. С. 25–32.

² Там же. С. 29.

³ Постановление Политбюро ЦК ВКП(б) об утверждении проекта постановления СНК СССР «Об ознаменовании столетней годовщины со дня смерти А. С. Пушкина». 29 декабря 1936 г. // Электронная библиотека исторических документов. URL: <http://docs.historyrussia.org/ru/nodes/191287#mode/inspect/page/2/zoom/5> (дата обращения: 12.10.2022). Режим доступа: свободный.

⁴ Подробнее о хронологии проведения конкурсов: Глядя на изваяние Пушкина... [Текст]: конкурсные проекты памятника А. С. Пушкину для Ленинграда, 1936–1956: [каталог выставки к 210-летию со дня рождения Александра Сергеевича Пушкина]. СПб.: Издательство Государственного музея городской скульптуры, 2009.

⁵ Периодизация согласно: Гдалин А. Д. Памятники А. С. Пушкину... С. 63.

⁶ Платт Дж. Б. Здравствуй, Пушкин!: сталинская культурная политика и русский национальный поэт. СПб.: Изд. Европейского университета в СПб., 2017. С. 77.

⁷ Там же. С. 226.

⁸ Там же. С. 94.

⁹ Там же. С. 93.

¹⁰ Там же. С. 95–97.

¹¹ Там же. С. 47.

¹² Там же. С. 98–99.

¹³ Отчет 1950. С. 19.

¹⁴ Государственный музей городской скульптуры (далее ГМГС). Дело № 110. Стенографический отчет. Заседание Городского Архитектурного Совета. Совместно с общественностью Ленинградского отделения Союза советских художников и Союза советских архитекторов. 09.06.1950. С. 32.

¹⁵ Там же. С. 26.

¹⁶ Там же. С. 8.

¹⁷ Там же. С. 9.

¹⁸ Там же. С. 10.

¹⁹ Там же. С. 6.

²⁰ Там же. С. 7.

²¹ ГМГС. Дело № 110. Стенографический отчет. Заседание Художественно-экспертного совета 18 марта 1957 г. по рассмотрению второго варианта памятника А. С. Пушкину работы скульптора Аникушина М. К. С. 28.

²² ГМГС. Дело № 110. Стенографический отчет. Заседание Городского Архитектурного Совета... С. 28.

²³ Там же. С. 9.

²⁴ Там же. С. 12.

UDC 394.46

A. A. Kovalevskaya

City Monument Creation as a Cultural Identity Formation Practice (a Case Study of Designing A. Pushkin Monument at the Arts Square in Leningrad, the Museum of Urban Sculpture Collection)

Kovalevskaya Anna Andreevna, The State Museum of Urban Sculpture (St. Petersburg), the Exhibition Department, head; annele@yandex.ru

The origin history of A. Pushkin monument at the Arts Square in Leningrad (1937–1957) is an expansive body of documents: government resolutions, shorthand records of art experts' meetings, technical design documents. Erecting the monument to celebrate the poet's anniversary, discussion materials, media articles shed a light on the sculpture of Pushkin not only as a landmark of arts and history, but also as a component of the government culture policy, a means for establishing cultural identity and creating a value for communal urban living.

Keywords: identity, monument, sculpture, A. Pushkin monument, Leningrad, culture policy.

Н. Г. Краснодембская, Е. С. Соболева
Участие южноазиатских землячеств
в культурной жизни Ленинграда
в 1960–1990-х годах

Краснодембская Нина Георгиевна, Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) Российской академии наук (С.-Петербург), отдел этнографии Южной и Юго-Западной Азии, ведущий научный сотрудник, доктор исторических наук; nigekrasno@mail.ru

Соболева Елена Станиславовна, Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) Российской академии наук (С.-Петербург), отдел этнографии Южной и Юго-Западной Азии, старший научный сотрудник, кандидат исторических наук; soboleva@kunstkamera.ru

В 1960–1990-х гг. новые краски в культурную жизнь Ленинграда внесли землячества учащихся из стран Южной Азии. Студенты и аспиранты – представители разных народов, социальных слоев и каст – совместно готовили культурные программы, раскрывавшие культуру своих стран. В вузах и городских дворцах культуры регулярно проводились индийские, ланкийские, непальские и другие культурные мероприятия, на которые приглашались гости из самых широких кругов. В 1990-х гг. Н. Г. Краснодембской с просветительскими целями был создан клуб любителей культуры народов Южной Азии «Майтрипура» при клубном отделе ДК им. Ленсовета, объединивший как самих носителей этой оригинальной культуры, так и ее многочисленных поклонников. А также этнографический театр «Уроки индийской культуры», программы которого пользовались спросом и за пределами Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого. Этот интересный эпизод в культурной жизни нашего города представляет собой любопытный образец народной дипломатии.

Ключевые слова: СССР, Южная Азия, землячества, праздники, культура, клуб «Майтрипура», Музей антропологии и этнографии, этнографический театр.

После установления дипломатических отношений СССР со странами Южной Азии и развития политических, экономических, культурных связей с ними в Ленинграде появились аспиранты, а затем и студенты из Индии, Шри-Ланки, Пакистана, Непала, Бангладеш, Мальдивских островов. Постепенно увеличивалось их количество, расширялся список учебных заведений. На пике событий это были многие сотни человек (спад начался ближе к концу XX в., в эпоху «перестройки»). Учащихся принимали и заботливо опекали в институтах: Технологическом, Политехническом, Электротехническом, Связи, Горном, Библиотечном; в Ленинградском государственном университете, медицинских вузах и т.д.; в среднетехнических учебных заведениях; практиканты были направлены даже в Театр юных зрителей.

На учебу в СССР приезжали представители разных народов региона и из разных социальных слоев, чаще всего это были выходцы из *среднего класса* (из интеллигентных семей). Приезжими двигал интерес – их собственный или их родителей – к такой уникальной стране как СССР. Это также была возможность получить высшее образование для тех, кто не имел этой возможности в собственной стране.

Когда количество студентов стало возрастать, начали создаваться соответствующие землячества (что свидетельствовало о проявлении своеобразного общинного духа, столь понятного и нам). Поначалу на учебу приезжали в основном юноши. В конце 1960-х гг. в ленинградском Доме Дружбы на Фонтанке был устроен вечер для индийских учащихся, что являлось, с одной стороны, выражением внимания к ним наших горожан, а с другой – поводом для студентов объединиться и сдружиться. Индийцы сыграли на русском языке несколько эпизодов из маратхской комедии, посвященной жизни молодоженов. Роль героя исполнил индиец-южанин по имени Рамасвами (в кулуарах ходила шутка: «С нами Рамасвами, а кто с вами?»), а героини – Ирина Челпанова, девушка внешне похожая на индианку (точеная фигурка, длинная черная коса), которая научилась непринужденно носить индийскую женскую одежду *sari*.

Когда разрослись землячества, родилось своеобразное (и в случае южноазиатского региона достаточно заметное) направление в культурной жизни нашего города, суть которого заключалась в том, что представители разных культур становились их пропагандистами на разных площадках Ленинграда. Происходило это в форме вечеров, посвященных национальным праздникам государств, годовщинам установления дипломатических отношений с СССР, а также праздникам Нового года по национальным ка-

лендарям. Вечера эти проходили в вузах, в клубе газеты «Комсомольская правда», ДК им. И. И. Газа, ДК железнодорожников, ДК им. Ленсовета и т.п.

Сложился отдельный протокол этих мероприятий: изготавливались (ручным способом) пригласительные билеты, в фойе устраивались выставки, где демонстрировались символы соответствующих государств, фотографии пейзажей и важнейших культурных памятников, национальные сувениры и ремесленные изделия. Их собирали сами учащиеся, иногда привозя их после каникул из дома. На мероприятия приглашали преподавателей и соучеников; часто вход был свободным для всех желающих. Центральным событием вечера являлся концерт, где учащиеся демонстрировали свои таланты, исполняя национальные танцы и песни. Перед этим выступали с кратким сообщением, касающимся отмечаемого события. Нередко мероприятие начиналось с возжигания ритуальных светильников (как это было принято в странах региона), которое поручали самым уважаемым из присутствовавших. Устраивали также викторины и лотереи с призами (в виде небольших упаковок чая, мелкой пластики, традиционных плетеных изделий). Завершались вечера дискотекой, что привлекало ленинградскую молодежь.

Члены землячеств Южной Азии активно и с желанием участвовали в работе клуба «Майтрипура» («Город дружбы») при ДК им. Ленсовета и этнографического театра «Уроки индийской культуры» при Музее антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН (далее МАЭ), созданных в 1990-х гг. Н.Г. Краснодембской для популяризации знаний о традиционной культуре региона. Работа велась в форме оригинальных лекций-представлений (рассказывающих о мировоззрении народов Южной Азии, их социальном и бытовом укладах, культурных и художественных традициях, фольклоре, народном театре), которые сопровождалась сюжетными спектаклями («Древнеиндийское царство», «Боги, люди и демоны», «Времена султанов и падишахов», «Человек, цветок и космос», «Гималайская легенда»), а также проводились и вечера.

Устраивались эти представления в зале постоянной экспозиции МАЭ «Народы Южной Азии», длились они около часа, по желанию их могли увидеть гости музея (скромная реклама размещалась в его холле). Лекции сопровождалась драматическими сценками, танцами, народными песнями, музыкой (этой частью руководила танцовщица Камини Кумари – Татьяна Рымарева, обучавшаяся в Индии стилям катхак и бхаратнатьям). Кроме основного состава исполнителей в спектаклях участвовали с оригинальными ху-

дожественными номерами (танцами, музыкой, пением) студенты из Индии, Шри-Ланки, Непала, Пакистана. Так, пакистанский учащийся в спектакле о мусульманском периоде в истории Индии читал классические стихи своего народа (параллельно негромко шел перевод на русский). Такие лекции-представления вызывали у посетителей живой интерес и эмоциональный отклик.

При клубном отделе ДК им. Ленсовета (руководитель – Диана Михайловна Щеколдина) клуб любителей культуры народов Южной Азии «Майтрипура» собирал значительное количество зрителей: зал вмещал более 300 человек и нередко заполнялся полностью. Помимо тематических лекций-представлений, устраивались торжественные вечера по поводу значимых для региона праздников (чаще Нового года) с масштабными концертами, сюрпризами, награждениями активных организаторов и актеров-исполнителей. Открывали вечер девушки из Шри-Ланки исполнением танца с зажженными глиняными светильниками в честь покровительницы искусств Сарасвати, почитаемой во всех уголках региона Южной Азии. Запомнился мужской танец пенджабцев, который создавал иллюзию движения конницы. Яркие эмоции вызывали специфические «демонические» танцы сингалов Шри-Ланки из народной ритуальной драмы, нежные женские танцы непальцев. Зал приходил в восторг, когда юноши из Шри-Ланки в высоких русских сапогах, в картузах с розочками у виска и сатиновых рубашках, а русские девушки в цветастых платочках, ладных юбочках и легких сапожках выплясывали кадрили: «Опять пришла суббота – окончена работа, и нам с тобой охота кадрили потанцевать!»

Отдавалась дань и номерам из индийских фильмов. Поклонники кришнаизма изображали сценки на сюжеты жизни Кришны, однако, с условием запрета религиозной пропаганды.

Третьей площадкой для мероприятий, посвященных традиционной культуре народов Южной Азии, стал Российский этнографический музей (далее РЭМ), где к каждой встрече демонстрировались документальные фильмы о странах Южной Азии, которые удавалось найти заведующему киноклубом музея Виктору Александровичу Шаркову. Именно в стенах РЭМ возник новый жанр выступлений: демонстрация традиционных костюмов представителей разных этносов, иногда сопровождаемая национальными танцами.

Все эти мероприятия носили просветительский характер. Представления пользовались успехом у ленинградцев, так как при этом создавалось специфическое «этнографическое поле», конкретное приближение к экзотической культуре (в то время мало кто мог совершить реальное путешествие в те страны). Воз-

можно, этот опыт стоит использовать для приобщения петербуржцев к различным этническим культурам самой России. Что-то в этом плане уже существует (например, бурятское культурное общество «Ая-ганга»).

Прямое общение сближало людей: благодаря представителям стран Южной Азии, их колоритный, «теплый» мир становился ближе нашему, северному. А уж какая это была удача и радость для этнографа! И, безусловно, на этих своеобразных встречах разных культурных миров создавалась атмосфера человеческого сближения, возникала возможность неформальных бесед и контактов.

Подчеркнем, что выступления членов землячеств перед публикой были в некотором смысле жестом особого доверия и расположения к советским зрителям, ведь в родном мире азиатов действует определенная «табель о рангах», а именно: только «низшие» в социальном смысле члены общества поют и пляшут перед «высшими» или как минимум – равные перед равными. Вообще в советской атмосфере в рамках землячеств отчасти стирались (в той или иной степени по-разному у представителей разных стран региона) национальные, социальные, в частности даже классовые, границы. Изредка даже заключались не вполне *правильные*, с точки зрения южно-азиатских историко-этнографических традиций, браки. Не все, но большая их часть выдержала испытание временем. Это был своеобразный советский опыт, который, безусловно, оставил след на всей последующей жизни студентов. В своих землячествах молодые люди проходили интересный для них опыт общественной работы: там выбирались глава землячества, секретарь, ставилась задача взаимопомощи. Надо сказать, что многие из бывших студентов впоследствии создали уже у себя дома сообщества тех, кто учился в СССР, и до сих пор сотрудничают с культурными центрами нашего государства в своих странах. А в культурной истории нашего города запечатлелся яркий и весьма оригинальный эпизод, а заодно и любопытный факт народной дипломатии.

UDC 39.394.2

N. G. Krasnodembskaya, E. S. Soboleva

South Asian Diasporas' Contributions to the Cultural Life of Leningrad in the 1960–1990s

Krasnodembskaya Nina Georgievna, Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (Kunstkamera) RAS (St. Petersburg),

the Department of Ethnography of the South and South-West Asia, leading research fellow, Sc. D. (History); nigekrasno@mail.ru

Soboleva Elena Stanislavovna, Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (Kunstkamera) RAS (St. Petersburg), the Department of Ethnography of the South and South-West Asia, senior research fellow, Ph. D. (History); soboleva@kunstkamera.ru

In the 1960–1990s, the cultural life of Leningrad got a new inflow from the diasporas of students arrived from South Asian countries. Students and post-graduates from various peoples, social groups and castes cooperated to develop cultural programs that would present their native countries. Universities and culture centers used to regularly host events focused on India, Sri Lanka, Nepal, etc., inviting guests from broadest possible social circles. In the 1990s, N. Krasnodembskaya, for educational purposes, started a South Asian culture appreciation club at the Lensovet Culture Center. It was called Maitripura and brought together both members of those unique cultures and their numerous fans. She also set up an ethnography theater called Indian Culture Lessons. Its performances were appreciated even outside the Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography. That is a thought-provoking page in the cultural life of St. Petersburg and a fascinating example of people's diplomacy.

Keywords: the USSR, South Asia, diasporas, fests, culture, “Maitripura” club, the Museum of Anthropology and Ethnography, ethnography theater.

ЭВОЛЮЦИЯ ЭТНИЧЕСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В СОВЕТСКИЙ ПЕРИОД

УДК 39; 323.2

Е. А. Пивнева

Малые народы Севера России
в советском модернизационном проекте:
историко-этнографическое измерение
«большого пути»¹

Пивнева Елена Анатольевна, Институт этнологии и антропологии Российской академии наук (Москва), ведущий научный сотрудник; отдел Севера и Сибири ИЭА Российской академии наук, заведующая отделом, кандидат исторических наук; pivnel@mail.ru

Доклад посвящен эпохе советских социалистических преобразований у малых народов Севера России, которая рассматривается с историко-этнографических позиций. При освещении советского периода истории северных аборигенов используется известная в литературе метафора «большого пути» (большого путешествия). Эта метафора отражает колоссальные изменения в образе жизни народов Севера. Меньше чем за 20 лет (ведя отсчет от 1924 г., даты создания Комитета Севера) они должны были искоренить все свои «пережитки» и перейти от «отсталых» форм хозяйства и быта к «передовым» социалистическим.

Путь народов Севера к социализму трактовался в советской историко-этнографической литературе как выдающаяся глава в истории государства и свидетельство гениальности ленинской национальной политики. Труды советских ученых (за редким исключением) не ставили вопросы о качественной стороне преобразований, их целесообразности и по-

лезности для субъектов северных традиционных сообществ.

На постсоветском пространстве в североведческих исследованиях происходит переосмысление истории национально-государственного строительства и переоценка его результатов для коренных народов Севера. При рассмотрении советских социокультурных преобразований у северных аборигенов («большого пути») наиболее оптимальным вариантом представляется попытка найти компромисс между установками теории модернизации и теории культурного релятивизма. Такой подход позволяет соединить позитивную оценку действий советской власти по преобразованию жизни народов Севера с требованиями сохранения их самобытных культур.

Ключевые слова: коренные малочисленные народы Севера, советская национальная политика, дискурс отсталости, патернализм, модернизация, культурный релятивизм

Обращение к периоду советских социалистических преобразований у малых (позднее – коренных малочисленных) народов Севера имеет большое научное и прикладное значение, поскольку именно тогда был запущен процесс кардинальных трансформаций во всех сферах жизнедеятельности этих народов. Вопросы, связанные с национальным строительством на Севере, нашли достаточно широкое освещение в светской историко-этнографической литературе², при этом широко использовалась метафора «большого пути» (большого путешествия), отражающая колоссальные изменения в образе жизни народов Севера³. Подобные работы стали особенно популярными в конце 1960-х – 1970-е гг. в связи с 50-летием Октябрьской революции и 100-летием со дня рождения В. И. Ленина⁴.

На начальном этапе советских преобразований в основу стратегии и тактики социального управления процессами развития аборигенных народов Севера была положена ленинская концепция некапиталистического пути развития. Выступая в 1920 г. на II конгрессе Коминтерна вождь мирового пролетариата выдвинул теоретическое положение о том, что после победы социалистической революции капиталистическая стадия развития становится необязательной для отдельных стран и народов. В результате целенаправленных социалистических преобразований под руководством Коммунистической партии «отставшие» в своем развитии народы смогут перейти к социализму, минуя капиталистическую стадию развития.

Выделенные постановлениями ВЦИК и СНК в середине 1920-х гг. в отдельную социальную категорию «малые народы» (алеуты,

долганы, ительмены, кеты, коряки, манси, нанайцы, негидальцы, ненцы, нганасаны, нивхи, ороки, орочи, саамы, селькупы, тофалары, удэгейцы, ульчи, ханты, чуванцы, чукчи, эвенки, эвены, энцы, эскимосы и юкагиры) стали объектом особой патерналистской политики советского государства. Им предстояло в короткие сроки совершить планомерный переход «от патриархальщины к социализму» и тем самым продемонстрировать всему миру преимущество социализма над капитализмом в решении проблем коренного населения.

Вплоть до начала перестройки «общим местом» практически всех работ, посвященных малым народам Севера, был тезис об их глубокой отсталости. Отсталость (задержка в развитии), в свою очередь, объяснялась неблагоприятной социально-политической обстановкой при царском режиме⁵. В рамках нового государства эти народы должны были преодолеть былую отсталость и влиться в общую семью советских народов. Это означало кардинальную трансформацию практически всех сфер жизнедеятельности северных аборигенов. На общесоветской интернациональной основе у них создавалось административно-территориальное управление в форме национальных автономий, разрабатывалась письменность, формировались новые социально-экономические отношения и связи.

Наличие «национально-специфических» особенностей все же признавалось за аборигенными народами Севера, неслучайно они были выделены в отдельную социальную категорию советского населения. Эти особенности могли в той или иной мере содействовать или, наоборот, сдерживать процессы строительства социализма и достижение полной интернационализации общественной жизни. «Позитивные» элементы жизнедеятельности, способные стать формой или носителем общего, а также культурные особенности, существование которых детерминировалось природно-климатическими условиями, следовало развивать и совершенствовать, другие – изживать и/или ликвидировать.

Этапы «большого пути» народов Севера нашли отражение в периодизациях истории советского национального строительства. Одним из первых такая периодизация была предложена в 1955 г. известным североведом М. А. Сергеевым в его фундаментальном, обобщающем труде «Некапиталистический путь развития малых народов Севера». По версии ученого путь этих народов к социализму состоял из следующих этапов: 1918–1924 гг. – Гражданская война и интервенция; 1924–1930 гг. – первые меры советского правительства, направленные на приобщение малых народностей к советскому строю и подъему их хозяйства и культуры; 1931–

1937 г. – национально-территориальное районирование и реконструкция хозяйства малых народов; 1937–1950 гг. – национальное строительство на Крайнем Севере после Конституции 1937 г. (провозглашившей построение основ социализма)⁶.

О полной и окончательной победе социализма в СССР известил XXI съезд КПСС (1959 г.). Народы страны вступили в новый исторический период «постепенного перехода от социализма к коммунизму». Зафиксированные в новой редакции Программы КПСС (1961 г.) объективные закономерности и тенденции развития социализма должны были привести «к углублению интернационализации всех сторон общественной жизни советских наций и народностей, становлению социальной однородности общества, развитию советского народа как целостной социальной и интернациональной общности, всеобъемлющему развитию личности»⁷.

На новом отрезке советской истории этнографом И. С. Гурвичем были выделены следующие этапы социалистического строительства на Севере: «1917–1924 гг. – избавление от колониального гнета, борьба с голодом, попытки осуществить первые социальные мероприятия; 1924–1929 гг. – советизация, укрепление промыслового хозяйства, вытеснение государственной и кооперативной торговой сетью с Севера частных скупщиков пушнины, начало культурной революции; 1929–1934 гг. – начальный период коллективизации, национально-территориальное районирование; 1934–1941 гг. – укрепление колхозного строя, первые мероприятия по реконструкции хозяйства, завершение перехода народов Севера к социализму; 1941–1945 гг. – военный период; 1945–1956 гг. – послевоенный период, переход к высшим формам коллективизации (сельхозартели и рыболовецкие артели), укрупнение артелей, повсеместное введение всеобщего начального образования; с 1956 г. – ускоренная индустриализация Севера, техническая реконструкция промыслового хозяйства, глубокое переустройство быта коренного населения Севера, общий подъем его культуры»⁸.

Что касается содержательного наполнения этих этапов, здесь стоит отметить, что в открытой печати упор делался на демонстрацию достижений советского строительства: малые народы «получили политическую автономию», перешли «к социалистическому способу производства», «от поголовной неграмотности до своей письменности, литературы и искусства и собственных кадров национальной интеллигенции» и пр.

В целом, как верно отметил Ю. Л. Слезкин, главным смыслом истории коренных народов Севера в советской историографии было то замечательное достижение, что в своем развитии они миновали большинство выделенных К. Марксом стадий обществен-

ного развития⁹. В более поздний период «развитого социализма» этнографы фиксировали по итогам своих полевых наблюдений «тесное переплетение на Севере консолидационных, ассимиляционных и интеграционных процессов». Главный акцент делался на «сближении», «преодолении различий», «выравнивании», «однородности»¹⁰. Выполненные в русле господствующей в стране марксистско-ленинской идеологии и политики труды советских ученых (за редким исключением) не ставили вопросы о качественной стороне преобразований, их целесообразности и полезности для субъектов северных традиционных сообществ¹¹.

На постсоветском пространстве в североведческих исследованиях (находящихся уже вне явных идеологических воздействий) происходит переосмысление опыта советского национально-государственного строительства и переоценка его результатов, в том числе с позиций северных сообществ. При освещении социокультурных преобразований заметен отход от однозначно позитивной трактовки советской программы модернизации, пересмотр концептов «отсталости», «патернализма» и др. При этом наиболее оптимальным вариантом при рассмотрении советских преобразований у народов Севера России («большого пути») представляется попытка найти компромисс между установками теорий модернизации и культурного релятивизма, что позволяет соединить позитивную оценку действий советской власти по преобразованию жизни северных народов с требованиями сохранения их самобытных культур¹².

¹ Статья подготовлена в рамках гранта, предоставленного Министерством науки и высшего образования Российской Федерации (соглашения о предоставлении гранта: № 075–15–2020–910).

² Библиографию см.: Антропова В. В. Проблема некапиталистического пути развития народов Севера в советской историко-этнографической литературе//Осуществление ленинской национальной политики у народов Севера. М.: Наука, 1971. С. 50–65; Гурвич И. С. Некоторые вопросы историографии национального развития народов Крайнего Севера в советский период//Основные направления изучения национальных отношений в СССР/Отв. ред. М. И. Куличенко. М.: Наука, 1979. С. 277–302.

³ Слѣзкин Ю. Арктические зеркала: Россия и малые народы Севера. М.: НЛО, 2008. С. 329–343.

⁴ Бударин М. Е. Путь малых народов Севера к коммунизму. Омск: Западно-Сибирское книжное издательство, 1968; Клещенко И. П. Народы Севера и ленинская национальная политика в действии. М.: Высшая школа, 1968; Балицкий В. Г. От патриархально-общинного строя к социализму (О переходе к социализму малых народов северо-востока РСФСР). М.: Мысль, 1969; Увачан В. Н. Путь народов Севера к социализму: Опыт социалистического строительства на Енисейском Севере. М.: Мысль, 1971;

Зибарев В. А. Большая судьба малых народов. Новосибирск: Западно-Сибирское книжное издательство, 1972; Киселев Л. Е. От патриархальщины к социализму. Свердловск: Средне-Уральское книжное издательство, 1974 и др.

⁵ Сергеев М. А. Некапиталистический путь развития малых народов Севера/Труды Института этнографии. (Новая серия.) Т. 27. М.; Л., 1955. С. 529.

⁶ Сергеев М. А. Некапиталистический путь развития малых народов Севера/Труды Института этнографии. (Новая серия.) Т. 27. М.; Л., 1955.

⁷ Программа координации исследований «Социальное и экономическое развитие народностей Севера в условиях научно-технического прогресса («Народности Севера»). Новосибирск, 1987. С. 92.

⁸ Гурвич И. С. Осуществление ленинской национальной политики у народов Крайнего Севера СССР//Советская этнография. 1970. № 1. С. 17–18.

⁹ См.: Слёзкин Ю. Указ.соч. С. 361.

¹⁰ Преобразования в хозяйстве и культуре и этнические процессы у народов Севера/Отв. ред. И. С. Гурвич, Б. О. Долгих. М.: Наука, 1970; Этнокультурные процессы у народов Сибири и Севера/Отв. ред. И. С. Гурвич. М.: Наука, 1985 и др.

¹¹ См. также: Алексеева Л. В. Северо-Западная Сибирь в 1917–1941 годах: Национально-государственное строительство и население. Нижневартовск: Изд-во Нижневартовского пед. ин-та, 2002.

¹² См.: Корчагин Ю. В. Комплексный теоретический подход к развитию народов Севера России//Вестник КРАУНЦ. Гуманитарные науки. 2005. № 1. С. 41–46.

UDC 39; 323.2

E. A. Pivneva

The Russian North Minority Peoples
in the Soviet Modernization Project: the History
and Ethnography Dimension of the “Great Road”

Pivneva Elena Anatolyevna, The Institute of Ethnology and Anthropology the Russian Academy of Sciences (Moscow), leading researcher; the Department of the North and Siberia IEA RAS, head of department, Ph. D. (History); pivnel@mail.ru

The paper deals with the soviet socialist transformation of the Russian North minorities viewed through the lens of history and ethnography. It uses the widely-known “great road” (great journey) metaphor to illuminate the soviet period in the life of aboriginal peoples of the North. The metaphor reflects the momentous lifestyle changes experienced by the Northern aboriginals. In less than 20 years (counting from 1924, the year the North Committee was established), they were supposed to let go of their

“atavisms” and transit from the “obsolete” forms of economy and lifestyle to the “advanced” Socialist ones.

Soviet history and ethnography tended to view the Northern peoples’ path to socialism as a great chapter in the country’s history and a testament to the genius of Lenin’s ethnic policy. With a very few exceptions, works of soviet scientists refused to deal with the quality of that transition, to inquire how feasible or useful for the traditional North communities they were supposed to be.

The North studies in the post-soviet countries are now rethinking the history of national and state building and reassessing its results for the indigenous peoples of the North. When dealing with the soviet ethno-cultural transformation of the Northern aboriginals (“the great road”), we now consider it best to find a middle ground between the modernization and the cultural relativism theories. That approach makes it possible to combine positive assessment of the soviet effort to transform the lives of the Northern peoples and the imperative to preserve their unique cultures.

Keywords: the indigenous minorities of the North, soviet ethnic policy, underdevelopment discourse, paternalism, modernization, cultural relativism.

Е. П. Мартынова

Этничность обских угров:
факторы этнокультурных изменений
в советскую эпоху

Мартынова Елена Петровна, Тульский государственный педагогический университет им. Л.Н. Толстого (Тула), кафедра истории и археологии, профессор, доктор исторических наук; er_martynova@mail.ru

В докладе рассматриваются изменения, которые происходили в советскую эпоху в культуре и языке двух малочисленных народов Севера – хантов и манси (обских угров). Материалами для анализа послужили наблюдения автора в ходе полевых исследований на территории Ханты-Мансийского округа в 1980–1990-х гг. Основное внимание уделено выявлению факторов, которые повлияли на процессы аккультурации среди обских угров. Толчком к этнокультурным изменениям послужил отход представителей хантов и манси от занятий традиционными отраслями хозяйства и их вовлечение в разные сферы советской экономики. Не менее значимым фактором аккультурации стали переселения коренного населения в ходе «укрупнения» селений в 1960–1970-х гг. Они нарушили традиционную систему расселения по территориальным и родовым группам. В позднесоветскую эпоху традиционная обско-угорская материальная культура прекращает свое бытование. Оплотом этничности оставалась религиозно-культурная сфера. Сохранялись традиции поклонения местным, родовым и семейным божествам-покровителям на культовых местах. При этом сократились шаманские практики, прервалась традиция медвежьего праздника. В советские годы изменялось языковое сознание обских угров. К 1980-м гг. даже в так называемых «национальных» поселках на хантыйском и мансийском языках говорили только представители старшего поколения. В 1970 г. в связи с началом нефтегазового освоения региона многие селения округа стали интернациональными по составу жителей. По мере утверждения общесоветских стандартов жизни обско-угорская этничность все больше и больше нивелировалась.

Ключевые слова: обские угры (ханты и манси), этничность, советский период, традиционное хозяйство, традиционная культура, этнокультурные изменения, родной язык.

Как заметил С. А. Арутюнов, утверждение о том, что «сохранение этничности, и в том числе самосознания, у малых этнических групп находится в прямой связи с уровнем сохранения традиционного хозяйства, звучит почти тавтологией¹. Советское «наступление» на северные отрасли хозяйства началось в 1930 г. с развертывания колхозного строительства. В 1930–1940-х гг. в Ханты-Мансийском округе создавалась промышленность, в сельском хозяйстве организовывались животноводческие колхозы и совхозы, молочные фермы. Изменилась жизнь территории, новшества коснулись и аборигенов. Наряду с привычным занятием рыболовством, охотой и оленеводством, их стали привлекать к сельскохозяйственным полевым работам, они трудились на животноводческих фермах, занимались звероводством. Началось трудоустройство представителей обских угров на промышленные предприятия.

В эпоху позднего социализма в традиционном хозяйстве была занята меньшая часть представителей хантов и манси. Многие жители поселков, в том числе имеющих статус национальных, были заняты в других секторах экономики, к сожалению, чаще всего на малопрестижных и низкооплачиваемых должностях (разнорабочие, уборщицы, сторожа)². Исключением были представители сельской интеллигенции – учителя и врачи, а также работающие в администрациях поселений. В целом, уже ко второй половине 1970-х гг. в характере занятости коренного и «приезжего» населения северных поселков существенной разницы не существовало. Отрыв от традиционных хантыйских и мансийских отраслей хозяйства способствовал утрате самобытных черт быта и культуры. В то же время нужно отметить, что для многих представителей среднего и старшего поколения обских угров рыболовство, оленеводство, охота оставались предпочитаемыми занятиями, в которых они проявляли высокий уровень мастерства и профессионализма. Даже для тех, кто был трудоустроен в других сферах, рыбалка и охота были любимыми увлечениями. По признанию русских односельчан, хантам и манси не было равных в умении настораживать слопцы, пасти, устраивать запоры, ставить сети, изготавливать лодки-долбленки и плавать на них.

Серьезные испытания этничность обских угров пережила в связи с так называемым «укрупнением» 1960–1970-х гг., которое вызвало значительные перемещения населения в пределах территории расселения хантов и манси. Этот процесс привел к появлению

больших по численности поселков, таких как Шеркалы, Сосьва, Лямино, Угут, Варьеган и т.д. Официальной целью переселений и сселений было объявлено повышение комфортности проживания (наличие в крупных поселках электричества, доступность образования, медицинских услуг, транспорта и т.п.). Однако многие хантыйские и мансийские селения исчезли, что породило сложные переживания и ностальгию у их жителей. Кроме этого, нужно сказать о том, что в те времена исчезла традиция сезонных перемещений хантыйского и мансийского населения с «зимников» на «летники», перестали сооружаться традиционные хозяйственные сооружения. Немаловажные последствия имело и то, что переселения нарушили традиционную систему расселения хантов и манси по территориальным и генеалогическим (родовым) группам. В значительной степени это способствовало миксации локальных этнических традиций и языковых особенностей.

Разительные перемены происходили в быту: переезд во вновь построенные типовые дома, ношение покупной одежды, приобретение населением бытовой техники: телевизоров, холодильников и т.п. Традиционные водные транспортные средства – долбленки и калданки – сменились покупными моторными лодками. С каждым годом сокращалось число людей, имеющих навыки изготовления лодок, деревянной утвари, обработки кости. Самобытная материальная культура повсеместно вытеснялась промышленными товарами. В то же время, по наблюдениям автора, купленную в магазине одежду нередко украшали аппликативным орнаментом и бисерной вышивкой. В поселках представители старшего и среднего поколений (преимущественно женщины) носили традиционную одежду как повседневную, а молодые люди надевали только как праздничную.

Существенно изменилось питание коренного населения. Для традиционного пищевого рациона обских угров характерно ежедневное употребление рыбы, часто ели мясо, в том числе дичь. В позднесоветское время стали популярны общеупотребляемые макароны, крупы, картофель, конфеты, печенье, сгущенное молоко. Хотя рыба по-прежнему оставалась самым любимым и предпочитаемым продуктом. Способы ее приготовления оставались традиционными – в свежем, соленом, вареном виде; жарили рыбу редко. В изменении пищевых стереотипов большую роль сыграла система школ-интернатов, в которых детей кормили без учета этнической специфики. Отмечу также, что многие ханты и манси стали употреблять в пищу грибы, которые раньше считались «оленной едой».

Религиозно-культурная сфера, наряду с хозяйственной, в 1970–1980 гг. оставалась «островком» обско-угорской этничности. Ханты и манси сохраняли традицию поклонения местным, родовым и семейным божествам-покровителям. На культовых местах продолжали проводить ритуалы жертвоприношений в соответствии с традиционными нормами. Во многих домах хранились изображения семейных духов-покровителей. Сохранялся традиционный погребальный обряд, включая обычай устройства надгробных сооружений. Однако советские антишаманские кампании способствовали сокращению шаманских практик. Прервана была традиция медвежьего праздника. Многие мои информанты помнили, что последний медвежий праздник в Вежакарах отмечали в 1950-х гг. Праздничный календарь обских угров трансформировался. В советские годы произошла контаминация праздника поклонения водному божеству (Вит хону) и Дня рыбака. Это объясняется тем, что рыболовство стало отраслью, в которой была занята значительная часть обско-угорского населения. Профессиональный праздник, призванный символизировать профессиональную идентичность рыбаков, стал в атеистической стране восприниматься коренным населением как подчеркивающий их «самость». Празднование начиналось с проведения торжественного собрания, на котором руководители колхоза (совхоза, рыбозавода) озвучивали плановые показатели, вручали награды передовикам производства. После проведения праздничного концерта начиналась неформальная часть, включавшая развлекательные мероприятия – конкурсы, спортивные соревнования. В этот день обязательно совершали ритуалы угощения духов воды и жертвоприношения.

В советские годы изменялось языковое сознание обских угров. Государственная языковая политика предполагала переход на русский язык как язык межнационального общения. В результате школьной реформы 1958 г. в смешанных по национальному составу селениях Ханты-Мансийского округа (таких было подавляющее большинство) билингвизм стал заменяться русскоязычием. На родных языках говорили только в семейно-родственном кругу. Характерной чертой поведения являлось то, что в присутствии русских старались не говорить на родном языке. Информанты вспоминали, что в 1960–1970-х гг. незнание русского языка становилось поводом для насмешек. Тот, кто говорил по-русски не очень хорошо, считался необразованным. Данный ментальный концепт долго сохранялся в сознании. К 1980-м даже в так называемых «национальных» поселках на хантыйском и мансийском языках говорили только представители старшего поколения. Во время экспедиций мне неоднократно приходилось сталкиваться со слу-

чаями, когда внуки не понимали дедушек и бабушек, поскольку могли говорить только по-русски, хотя родные языки как предметы изучались в школе.

Справедливости ради нужно отметить, что формально при советской власти уделялось значительное внимание сохранению родных языков. Они преподавались в школе как особый предмет, на них выходили в свет многочисленная печатная продукция. Но она издавалась на официально признанных диалектах, поэтому не все представители этих народов хотели читать газеты на «чужих» говорах и наречиях. Информанты также отмечали, что скупой газетный язык не отражал особенности речи представителей старшего поколения, которые помнили фольклорные тексты, богатые образными сравнениями.

В 1970-х гг., в связи с началом нефтегазового освоения Западной Сибири, в крупные поселки Ханты-Мансийского округа увеличился приток мигрантов, и они стали многонациональными. В результате значительно увеличилось количество межэтнических браков, которые нередко приводили к смене этничности, так как потомки от таких браков предпочитали относить себя к русским. Среди поселковых групп хантов и манси происходили существенные сдвиги в системе коммуникаций, ментальных ориентирах и поведенческих стратегиях, особенно среди молодежи. По мере утверждения общесоветских стандартов жизни и приближения к социальной (в том числе и этнокультурной) однородности, этничность все больше и больше нивелировалась. Она стала ассоциироваться лишь с записью в паспорте. Многие представители молодого и даже среднего поколения хантов и манси не проявляли интереса к собственной этноистории, генеалогии, дистанцировались от самобытной культуры и обычаев. Все это воспринималось как устаревшее и ненужное в современной жизни. В годы победившего социализма русская доминирующая культура воспринималась как передовая, а традиционная культура северян – как отсталая. Нередко можно было наблюдать высокомерное и даже пренебрежительное отношение к хантам и манси со стороны русскоязычных односельчан.

Особо отмечу гендерный аспект. Женщины имели более высокий по сравнению с мужчинами образовательный уровень и занимали более активную позицию в общественной жизни. Многие проявили себя как партийные, комсомольские, профсоюзные лидеры, то есть как энергичные участницы социалистического строительства. Наряду с этим, они выступали в роли хранителей языка и традиций (навыки бисероплетения, выделки шкур, обработки бересты, знание фольклора, семейных обрядов). Не случайно в кон-

це 1980-х гг. именно женщины возглавили окружное движение за возрождение обско-угорской культуры.

В советские годы в этнокультурном развитии обских угров обозначились разные тенденции. С одной стороны, в результате концентрации населения в поселках происходила маргинализация и даже люмпенизация части представителей хантов и манси. Такие неблагоприятные слои коренного населения демонстрировали не только отход от традиционной культуры, но и разрушение многих социо-нормативных установок. С другой стороны, большинство демонстрировало интеграцию в доминирующее общество, среди которого укоренились нормы и стереотипы, характерные для большинства населения страны.

¹ Арутюнов С. А. Этничность, сходящая на нет//Вестник антропологии. 2017. № 1 (37). С. 44.

² Симченко Ю. Б. Народы Севера России. Проблемы. Прогноз. Рекомендации//Исследования по прикладной и неотложной этнологии. М., 1998. С. 13.

UDC 391

E. P. Martynova

Ethnicity of Ob-Ugrians: Ethno-Cultural Change Factors in the Soviet Period

Martynova Elena Petrovna, The Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University (Tula), the Chair of the History and Archeology, professor, D. Sc. (History); ep_martynova@mail.ru

The paper deals with the changes the soviet period brought to the languages and cultures of two indigenous Northern minorities: the Khanty and the Mansi (Ob-Ugrians). The materials the study was based on were the author's observations made during field work in Khanty-Mansi District (1980–1990). The author focused especially on the factors influencing Ob-Ugrians acculturation processes. The main driver for ethno-cultural changes was the Khanty's and the Mansi's deviation from traditional crafts and trades and their involvement in various sectors of the soviet economy. Migrations of aboriginal groups in the course of settlement "merging" in the 1960–1970s were no less important as a factor, breaking down the traditional areal and familial dwelling patterns. The traditional material culture of Ob-Ugrians ceased to exist in the late soviet period. The religious life remained as the centerpiece of that ethnicity. Traditional worship of local,

familial and house patron deities at cult locations persevered. Shamanist practices declined, however, and the Bear Fest tradition died. Ob-Ugrians' linguistic consciousness also changed in the soviet period. By the 1980s, even in the so-called "ethnic" villages, only the older people were using the Khanty and the Mansi languages. In 1970, following the oil&gas production start in the region, many settlements in the district became multi-ethnic. As the common soviet lifestyle was becoming more and more prevalent, the Ob-Ugrians' identity diluted.

Keywords: the Ob-Ugrians (Khanty and Mansi), ethnicity, the soviet period, traditional economy, traditional culture, ethno-cultural changes, native language.

Е. В. Попова

Бесермяне: утрата и восстановление исторического имени в XX веке

Попова Елена Васильевна, Удмуртский институт истории, языка и литературы, УФИЦ УрО Российской академии наук (Ижевск), старший научный сотрудник, кандидат исторических наук; elvporova@yandex.ru

В 1930-х гг. бесермяне утрачивают статус самостоятельного народа, а после перестройки в 1990-х гг. этническое сообщество выступает за его восстановление. В 1992 г. с возвращением народу исторического имени проводится работа по включению его в переписи населения, обсуждаются правовые вопросы, в том числе касающиеся статуса бесермянского языка, выдвигаются инициативы по сохранению культуры. Современная этническая история – это выход первой книги на бесермянском языке, утверждение Дня бесермянского языка и письменности, различные инициативы в сфере культуры.

Ключевые слова: этническая идентичность, бесермяне, этническая идентичность, бесермянский язык, восстановление исторического имени.

Этническая история бесермян в XX в. связана с утратой ими в 1930-х гг. статуса самостоятельного народа и его восстановлением в 1990-х гг. на фоне общественно-политических преобразований и роста национально-культурного движения.

В государственных ревизиях, документах, в Первой всероссийской переписи населения Российской империи бесермяне учитывались как самостоятельный народ. Всесоюзная перепись населения 1926 г. была последней, где они записаны таковыми в количестве 10035 человек¹. В последующих советских переписях они представлены в составе удмуртов, и именно эта национальность указывалась в их метрических данных и паспортах. Руководство республики в 1939 г. при подготовке очередной компании по переписи обращалось в Бюро переписи населения с просьбой учесть бесермян как самостоятельный народ².

К моменту восстановления исторического имени, несмотря на отсутствие каких-либо мер по поддержке языка и культуры, бесер-

мяне сохранили этническую идентичность со всеми присущими ей признаками, включая этноним, самосознание, язык, значимые элементы культуры, обряды, брачные ареалы, внутриэтнические и родственные связи; как отдельный народ они воспринимались и этническими соседями.

В 1990-х гг. с ростом этнического движения, общественно-политических преобразований и появлением гражданских институтов бесермяне создают Общество бесермянского народа (ныне Общество бесермянского народа в Удмуртской Республике), главными целями которого было возвращение им статуса самостоятельного народа, поддержка и развитие национального языка и культуры. Не реализуемые длительное время, эти задачи были выдвинуты в качестве приоритетных. Предшествующая страница этнической истории народа воспринималась бесермянами как культурная травма.

В 1992 г. в связи с обращением общественности к руководству республики были приняты постановления Президиума Верховного Совета Удмуртской Республики (от 2 июля 1992 г. № 735-ХП) и Совета министров Удмуртской Республики (от 29 июля 1992 г. № 293) «О восстановлении исторического имени бесермянского народа», вследствие чего в 2000 г. вышло постановление Правительства Российской Федерации (от 29 марта 2000 г. № 255) о включении бесермян в Единый перечень коренных малочисленных народов Российской Федерации.

Во Всероссийской переписи населения 2002 г. бесермяне указаны как самостоятельный народ, насчитывающий 3122 человек³, а по итогам переписи 2010 г. – 2201⁴. Северо-запад Удмуртии по-прежнему остается местом исторического компактного расселения народа.

Бесермяне с готовностью участвовали в переписи и указывали свою национальность. Это подтвердило этносоциологическое исследование (1995) с целью изучения параметров этнической идентичности⁵. Результаты опроса показали, что вернуть себе историческое имя желали 66,3% опрошенных; в составе удмуртов хотели остаться 12,8%; записаться русскими 3,0%; а 17,9% на тот момент не определились с выбором⁶. В селе желающих указать национальность «бесермяне» пожелали 75,8%, в городе – 50,6%, но среди горожан была все же велика доля никак не ответивших на вопрос об их национальной принадлежности (29,5%)⁷.

Многие общественные инициативы связаны с родным языком. Бесермянский язык имеет важное этнодифференцирующее значение, поэтому именно ему отдается предпочтение при выборе ориентиров, отвечающих за осознание принадлежности к своему народу. В научной классификации бесермянский язык относится к финно-

угорской группе языков, и большинством лингвистов рассматривается как одно из наречий удмуртского⁸. Кроме того, полагают, что «понятия «язык бесермян» и «бесермянский диалект удмуртского языка» синонимичны»⁹. Однако сами бесермяне считают его самостоятельным языком, называя *бесерман кол* (букв.: «бесермянский язык»). По итогам опроса 1995 г., «языковой фактор», то есть бесермянский язык, выделен в качестве основного среди параметров этнической идентичности. Наличие самостоятельного бесермянского языка отметили 72,6% опрошенных, диалектом удмуртского его считали 13,2%, часть бесермян затруднилась ответить на этот вопрос¹⁰.

В наши дни предпринимаются инициативы, касающиеся создания алфавита и словаря, внедрения письменной практики, развития языка. В 2021 г. вышли первая книга на бесермянском языке¹¹ и календарь. Использование письменного языка наблюдается в бытовом и электронном (Интернет) вариантах¹², во время проведения официальных мероприятий. В основе практик письма лежит алфавит, предложенный в научном издании тезауруса, созданный на основе говора дер. Шамардан¹³. В 2022 г. Правительство Удмуртской Республики в ответ на обращение бесермянской общественности утвердило День бесермянского языка и письменности (21 октября).

Бесермянское сообщество реализует проекты, связанные с этнически важными и знаковыми элементами культуры (музыкальной традицией, одеждой, пищей, праздниками). С 1996 г. проводится общественный праздник *Кәрбан*, который включает жертвоприношение, моление, общую трапезу с ритуальной кашей, выступление фольклорных коллективов, состязания, выставочные площадки. Это событие расценивается как признание статуса самостоятельного народа. Современные проекты направлены на восстановление традиционного музыкального инструмента *бөз* (волынки), организацию фестиваля бесермянской культуры «Ваньбуро» («Достаток»), развитие туристической отрасли.

Таким образом, отказ бесермянам в статусе самостоятельного народа в 1930-х гг. и восстановление исторического имени в начале 1990-х гг. повлекли за собой инициативы, связанные с важными параметрами этнической идентичности, оказавшимися в предыдущий период не реализованными, но актуальными для этнического сообщества.

¹ Всесоюзная перепись населения 1926 г. Т. 4: Вятский район. М., 1928. С. 10–11.

² Попова Е. В. Бесермяне: проблемы статистического учета // Этнологический мониторинг переписи населения / Ред. В. В. Степанов. М., 2011. С. 275–276.

³ Национальный состав и владение языками, гражданство: Итоги Всероссийской переписи населения 2002 г.: В 14 т. М.: ИИЦ «Статистика России», 2004. Т. 4. Кн. 1. Федер. Служба гос. статистики; С. 9.

⁴ Национальный состав населения РФ//Информационные материалы об окончательных итогах Всероссийской переписи населения 2010. Официальный сайт.URL:http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/Documents/Vol4/pub-04-01.pdf

⁵ Шкляев Г.К. Бесермяне. Опыт этностатистического обследования//О бесермянах. Ижевск, 1997. С. 110–120.

⁶ Там же. С. 118.

⁷ Там же. С. 118.

⁸ Кельмаков В.К. Бесермянское наречие в системе удмуртских диалектов//Диалектная и историческая фонетика удмуртского языка. Т. 1. Ижевск, 2003. С. 99–135.

⁹ Тепляшина Т.И. Язык бесермян. М., 1970. С. 37.

¹⁰ Шкляев Г.К. Указ. соч. С. 112.

¹¹ Ар-Серги В., Дюкин Р. Вортча мадъёс. Ижевск, 2021.

¹² Пишлэгер Кристиан. Бесермяне в Интернете: социальные сети как шанс для сохранения родного языка?//Проблемы этнокультурного взаимодействия в Урало-Поволжье: история и современность. Самара, 2013. С. 216–13 Усачёва М.Н., Архангельский Т.А., Бирюк О.А., Иванов В.А., Идрисов Р.И. Тезаурус бесермянского наречия: имена и служебные части речи (говор дер. Шамардан). М., 2017.

UDC 394 (470.51)

E. V. Popova

The Besermyans: the Historical Name Lost and Returned in the XX Century

Popova Elena Vasilyevna, The Udmurt Institute of History, Language and Literature, UdmFRC UB RAS (Izhevsk), senior research associate, Ph. D. (History); elvpopova@yandex.ru

In the 1930, the Besermyans lost their status of a unique people: in the 1990s, after the Perestroika, the ethnic community started campaigning for it to be restored. In 1992, after the people got back its historic name, the effort to include it in the census started, along with discussions regarding the Besermyan language status and the initiative focused on preserving the ethnic culture. Their modern ethnic history includes the first book published in the Besermyan language, approval of the Day of the Besermyan Language and Writing and various culture initiatives.

Keywords: ethnic identity, the Besermyans, the besermyan language, historical name restoration.

Э.Л. Гептинг

«Мы стали стесняться»: об отношении
к собственному говору жителей Ильменского
Поозерья, родившихся в 1920–1940-х годах

Гептинг Эльвира Львовна, Новгородский государственный университет им. Ярослава Мудрого (Великий Новгород), НОЦ Гуманитарная урбанистика, ведущий научный сотрудник, кандидат филологических наук; froggg2000@mail.ru

В советское время введение и навязывание через систему образования и общественные институты нормативного русского языка как единственно правильного и легитимного не только не смогло искоренить региональный диалект в Ильменском Поозерье, но и не способствовало формированию его престижа в сознании носителей. Интервью с местными жителями свидетельствуют, что они привыкли воспринимать свой говор как неправильный, не соответствующий идеальной норме.

Ключевые слова: региональный диалект, престиж языка, языковая норма, языковая дискриминация.

В СССР с 1930-х гг. отношение к местным говорам было, в основном, пренебрежительным, диалектам объявлялась настоящая война. В начале советской эпохи диалекты русского языка считались пережитком, отклонением от литературного языка, его извращением¹. Даже несмотря на существовавший в советское время научный интерес к региональным говорам (например, проведение с 1958 г. экспедиций с целью фиксации живой диалектной речи в деревнях Новгородской обл., составление картотеки региональной лексики и фразеологии), отношение к говорам не менялось. До сих пор в российском обществе распространено мнение, что территориальный диалект – это язык не очень грамотных людей, его «отсталая» форма, региональный вариант, который в условиях всеобщего образования должен исчезнуть.

В период коллективизации провозглашалось уничтожение всех проявлений материальной и духовной жизни деревни. Для самих крестьян деревня превратилась в место, откуда надо было любой ценой бежать в город и забыть все, что с ней связано, в том числе

и язык. Литературный язык («усовершенствованный код») таким образом возводился в ранг абсолютной языковой нормы, так что все прочие языковые практики мыслились отныне лишь как не дотягивающие до этой нормы².

В ходе данного исследования важно было выявить, сохраняются ли сегодня диалектные черты на территории Ильменского Поозерья Новгородского р-на Новгородской обл., и выяснить, каково отношение местных жителей (поозёров) к собственному говору³.

Материалом для настоящего исследования стали аудиозаписи, сделанные автором в ходе экспедиций 2020–2022 гг. в деревнях Ильменского Поозерья.

Характерной чертой лингвистической ситуации в Поозерье является то, что носители диалекта неоднородны с точки зрения языковой компетенции. Среди опрошенных информантов есть хорошо сохраняющие диалект (консервативные носители), сохраняющие его хуже и те, кто не владеет им. Полевая работа 2020–2022 гг. заключалась в интервьюировании прежде всего наиболее пожилых жителей Поозерья. Настоящее исследование базируется на данных устных интервью с представителями старшего поколения (75–95 лет).

Поскольку в обществе сформировалось устойчивое отрицательное отношение к диалектам, их носители – жители деревень, зачастую подвергались языковой дискриминации: «Когда мама первый раз меня в город взяла, мне 6 лет было, я еще в школу не ходил. Между собой мы на своем с ней говорили. И как приехали в город: «О! ПАЗёры приехали (они же в городе говорили на «А», а здесь на «О» мы все говорили), ПАЗёры приехали! Ха-ха-ха-ха». Обычно смеялись, если скажешь что-нибудь такое... не как нужно, не по-книжному. И так постепенно мы уже стали стесняться и стараться говорить по-книжному, хотя на «О» все тут все равно говорили» (Николай Александрович Лукин, 1940 г.р., д. Ондвор). Таким образом, в сознании ребенка рано сформировалась оценка своего языка, как чего-то неправильного и ущербного.

Следующее свидетельство также демонстрирует пример глотофобии (языковой дискриминации) и спровоцированное ею у носителей диалекта чувство неловкости: «Горожане к нашему говору относились с иронией, с издевкой. Они уже знали нас, что этот край рыбацкий, что такие люди старой закваски, ну, что у них свой говор... Я считаю, что у нас такой... немножечко старославянский уцелел. Молодежь немножечко стеснялась: городские люди говорят вот так, а у нас... нас сразу узнавали по нашему говору. Ну, позёр тоже, не иностранец же. Только и всего шта говор другой» (Алексей Павлович Дорожкин, 1933 г.р., д. Ондвор).

Подвергаемые языковой дискриминации поозёры, пожив в другой языковой среде и возвращаясь в родные края, начинали дискриминировать местных, продолжавших говорить на своем диалекте: «Если, скажем, поозёр послужит в армии 3–4 года, он приходит, уже на него повлияло общение-то с другими морячками-то, с другими людьми, уже говорил он немножечко так... и над нами посмеивался... ха-ха-ха!» (Алексей Павлович Дорожкин, 1933 г.р., д. Ондвор).

Пренебрежительное отношение к местному говору учителей сельских школ (особенно приезжих), вымирание деревни, уменьшение числа сельских жителей во многом способствовали вытеснению коммуникативной потребности в местном говоре. В этот период сложилось нечто вроде билингвизма: всё чаще сельские жители стали вынужденно прибегать к «официальному» русскому языку, хотя в семейной сфере жители Поозерья продолжали пользоваться диалектом. Например, один из информантов вспоминает, как со школьной скамьи его отучали от языка, который он унаследовал в родной семье: «Вы бы знали, как здесь по-особенному говорили! Только в нашей местности говорили таким образом. А когда стали в школу ходить, там начали требовать, чтобы говорили, как написано, по-книжному. Учителя нас просто на смех поднимали, передразнивали, а все смеются... ну, это если учителя не местные. И постепенно все стали отвыкать. Но между собой дома говорили по-местному» (Николай Александрович Лукин, 1940 г.р., д. Ондвор).

«Мы учились по книжкам, как в книжке эти говорили слова, и на уроках говорили, как в книжках. Это мы по-своему общались между себя» (Нина Владимировна Шабарина, 1941 г.р., д. Заболотье).

Информантка, долгое время прожившая в городе, в речи которой не наблюдается диалектных особенностей, рассказывает, что еще со школьного периода жизни начала стремиться к «чистому разговору» благодаря приезжей учительнице: «У нас в школе была учительница русского языка и литературы, она всех нас поправляла, всем нам втыки делала.— А что она могла сделать, если неправильно говорили? — Она нас называла позерами.— Это звучало как ругательство? — Да, она говорила, что нужно учиться русскому языку!» (Таисия Григорьевна Молчанова, 1947 г.р., д. Козынево).

Некоторые сельские жители, даже оставаясь жить в деревне, сознательно отказывались от своего языка. Так, одна из информанток под руководством присланного из города культработника «исправляла» свою диалектную речь на литературную: «Я в сельсовете много лет проработала, дак там надо было выступать и все

прочее... а разговор-то был не такой!..» (Парасковья Григорьевна Уксусова, 1925 г.р., д. Сергово).

«Раньше вообще позёры говорили: «дидка», «ситка», а теперь все-таки стали маленько покультурнее: «дедка», «сетка»» (Нина Павловна Дорохова, 1929 г.р., д. Неронов Бор).

В данных случаях осознание своего говора как «неполноценного», не соответствующего принятой норме нашло выражение в отказе от него⁴.

Вместе с тем проведенные интервью показывают, что, несмотря на все указанные факторы, препятствующие дальнейшему развитию и функционированию регионального говора, сегодня в деревнях Поозерья среди старожиллов местный диалект все же сохраняет довольно сильные позиции. Он является важным в повседневном общении представителей старшего поколения, однако, его статус и престиж в их глазах невысок: «Так мы-то плохо говорим. Разве говоря топерь, как мы говорим? Все нас считали позёрам. «Во,— говоря,— позёры явились»» (Антонина Алексеевна Трошкова (Пелина), 1933 г.р., д. Еруново).

«Ну, городски, конечно, оне же красиво разговаривают, не так, как мы» (Нелли Лукинична Герасимова, 1939 г.р., д. Заболотье).

Итак, можно сделать вывод о том, что языковая политика советского времени, вытесняя территориальные диалекты из коммуникативного пространства сельских жителей, на протяжении длительного времени воспитывала в жителях деревни комплекс неполноценности, чувства стеснения и стыда относительно своего родного диалекта, ощущение его неправильности, его несоответствия норме. Негативное отношение к языку деревни на государственном уровне хоть и не смогло полностью искоренить местный диалект Поозерья, но и не способствовало становлению его престижа в глазах носителей.

¹ Касаткин Л. Л. Русские диалекты в свете языковой политики//Русская диалектология/Под ред. Л. Л. Касаткина. М.: Academia, 2005. С. 14.

² Bourdieu P. Ce que parler veut dire. L'économie des échanges linguistiques. Paris: Fayard, 1982. P. 50.

³ Термины «диалект», «территориальный диалект», «местный диалект», «региональный диалект», «говор» в данной работе употребляются как синонимы для определения устной (бесписьменной) формы языка, используемой на территории Ильменского Поозерья.

⁴ Bourdieu P. Op. cit. P. 41.

E. L. Gepting

“We Now Feel Embarrassed”: on the Issue of
Perception of Their Own Dialect by Lake Ilmen
Residents Born in the 1920–1940s

Gepting El’vira L’vovna, The Yaroslav-the-Wise Novgorod State University (Velikiy Novgorod), the Research and Educational Centre for Humanitarian Urbanistics, leading research fellow, Ph. D. (Philology); froggg2000@mail.ru

In the soviet period, introduction of the official Russian language and compulsion to use it as the only correct and legitimate language through the education system and public institutions were not only unable to eradicate the local dialect used around Lake Ilmen, but made the speakers think of their own speech as lowly and non-prestigious. Interviews with locals showed that they were used to perceive their own local dialect as wrong, at odds with the correct way of speaking.

Keywords: local dialect, language prestige, language norm, language discrimination.

А. О. Победоносцева-Кая
Советское курдоведение:
от изучения культуры к культурному
и политическому строительству

Победоносцева-Кая Анжелика Олеговна, Санкт-Петербургский государственный университет (С.-Петербург), Восточный факультет, кафедра истории стран Ближнего Востока, старший преподаватель, кандидат исторических наук; apobedonostseva@gmail.com; a.pobedonostseva@spbu.ru

Курдское население Российской империи включало курдов-мусульман Закавказья и Туркмении, закавказских езидов. Так как большинство курдов придерживается мусульманского вероисповедания, то их изучение в Российской империи и в начале советской эпохи мало чем отличалось от изучения прочих мусульманских сообществ. Длительная религиозная изоляция и гонения отделили езидов от остального мира. Вследствие низкого социального статуса они рассматривались большевиками как социум, более способный усвоить новую идеологию марксизма.

Стремясь к преодолению наследия империи, советская власть после 1917 г. ставила перед собой новые ориентиры в области внешней и внутренней политики. Особым направлением в первые десятилетия ее существования стало интенсивное развитие национальной идентичности нерусских народов СССР, что включало в числе прочего подготовку национальных кадров, выстраивание современной образовательной и культурной инфраструктур и обеспечение каждой из этнических групп СССР определенным набором современных культурных институций и продуктов.

Марксистская идеология послужила основой для яфетической теории Н.Я. Марра, разрабатывавшейся во вновь созданных или реорганизованных научных учреждениях и делавшей акцент на языках угнетенных групп. Благодаря необычным марровским начинаниям, был дан старт проектам, посвященным истории, литературе, языку, культуре и религии «отсталых» народов СССР, в частности, курдов. В этой связи ученик Н.Я. Марра О. Вильчевский был вовлечен в различные курдоведческие проекты.

Ключевые слова: курды, езиды, материальная культура, культурное строительство, курдский язык, курдский фольклор, СССР.

Советская политика была направлена на систематическое развитие национальной идентичности и национального самосознания нерусских народов СССР в соответствии с тезисом И. В. Сталина о национальных культурах, «социалистических по содержанию, национальных по форме»¹. Особое внимание уделялось повышению определенных культурных показателей «культурно отсталых» национальностей и нацменьшинств². К ним относились и курды по причине не только отсутствия у них своего письменного языка, но и низкого уровня грамотности на других языках. Для обеспечения развития курдской культуры советское государство нуждалось в соответствующей экспертной базе. Некоторые представители дореволюционного российского востоковедения нашли себе применение на этом поприще, в том числе благодаря своим радикальным и спорным концепциям.

Наиболее ярким представителем этой когорты ученых является Н. Я. Марр (1865–1934), сыгравший значительную роль в развитии целого ряда научных дисциплин. Несмотря на конфликты, связанные с выдвинутой им так называемой яфетической теорией, лингвистическое чутье и энтузиазм Марра сделали его авторитетом в сфере языковой типологии и социолингвистики, а также в применении сравнительно-исторического подхода. Благодаря необычным марровским начинаниям был дан старт проектам, посвященным истории, литературе, языку, культуре и религии «отсталых» народов СССР, в частности, курдов.

Курды интересовали Марра как носители самобытной культуры иранского происхождения, а потому он отвергал бытовавшие в европейской науке того времени концепции генезиса курдов и их языка. Согласно этим концепциям, «иранское происхождение курдов считается недоказанным и даже берется под сомнение возможность его доказательства, язык же курдский безоговорочно зачисляется в иранские диалекты»³.

Курдское население Российской империи и СССР включало курдов-мусульман Закавказья и Туркмении, закавказских езидов. Так как большинство курдов придерживается мусульманского вероисповедания, то их изучение в Российской империи и в начале советской эпохи мало отличалось от изучения прочих мусульманских сообществ. Произошедшая в условиях социальных катаклизмов начала XX в. ломка устоявшихся взаимоотношений «центра – периферии» создала новые возможности для изучения езидов.

Сначала война превратила места их проживания из отдаленной окраины огромной империи в важный участок фронта Первой мировой войны. Затем, преодолевая наследие империи и выдвигая лозунги универсальной эмансипации, новая власть продолжила ломку устоявшейся имперской географии и социальной иерархии, сделав ставку на многочисленные маргинализованные меньшинства. Езиды во многих отношениях вписывались в эти концепции советской администрации.

Большинство езидов проживало в горных районах Курдистана, в пограничных областях Турции, Сирии и Ирака. Чаще всего по этническому признаку их причисляют к курдам: они жили на тех же землях и говорили на тех же языках, но отличались по религиозной принадлежности, социально-экономическому и политическому укладам. Преобладание устной традиции и отсутствие письменности привлекли к езидам интерес исследователей первобытного общества. Закрывшиеся от остального мира вследствие длительных религиозных гонений езиды из-за их низкого социального статуса рассматривались большевиками как социум, более способный усвоить новую идеологию марксизма, которая стала основой для яфетической теории Марра, делавшей упор на языки угнетенных групп. Именно в этом контексте ученик Марра, выдающийся советский востоковед Олег Людвигович Вильчевский (1902–1964) оказался вовлечен в различные курдоведческие проекты, которые поддерживал Марр в 1920–1930-х гг., и стал основателем советского курдоведения. По словам коллеги Вильчевского И. И. Цукермана, «Марр был для нас щитом, под прикрытием которого мы могли заниматься тем, чем хотели»⁴. Дело, безусловно, не ограничивалось культурой: как отмечал известный курдский политик, бывший президент Ирака Джалал Талабани, именно Вильчевский в 1940-х гг. сыграл решающую роль в разработке советской внешней политики относительно ближневосточных курдов⁵, в частности, в создании в 1946 г. первого современного курдского государства – Мехабадской республики.

Путь Вильчевского на вершины востоковедной науки и восточной политики начинался с получения образования в Ленинградском Восточном институте (1921–1924) и в Ленинградском государственном университете (1924–1938). В 1929–1932 гг. Вильчевский обучался в аспирантуре АН СССР и под руководством Н. Я. Марра занимался проблемами строя и классификации персидского языка, а по окончании аспирантуры по представлению своего наставника был зачислен на должность научного сотрудника Института языка и мышления АН СССР. В рамках этих учреждений Вильчевский занимался широким кругом тем в областях лингвисти-

ки, этнографии, фольклора, религиоведения, экономики, истории, литературы, опубликовав в 1920–1930-х гг. более 15 работ. Благодаря государственной поддержке идей Марра Вильчевский проводил полевые исследования в населенных курдами районах СССР – Азербайджане, Армении, Грузии и Туркмении⁶.

К десятилетию Октябрьской революции, празднование которого, по мнению Ф. Хирш, способствовало активизации этнографических исследований⁷, было реализовано множество полевых экспедиций, включая первую поездку Вильчевского в Армению, оказавшую большое влияние на развитие отечественного курдоведения. Помимо решения этнографических задач (приобретения предметов материальной культуры и записи от информантов из езидских общин Армении и Ирака священных езидских текстов), исследователь занимался и административными вопросами: при Ленинградском Восточном институте была создана подготовительная группа курдов⁸, которой Вильчевский впоследствии преподавал курдский и русский языки, причем в ней оказался будущий видный курдовед К. К. Курдоев.

Во время очередной командировки в 1930 г. О. Вильчевский познакомился и начал сотрудничать с езидским шейхом, ответственным инструктором ЦК КП(б) Армении А. Ш. Шамиловым, в результате чего был составлен обширный план подготовки курдских специалистов в Армении. Также Вильчевский принял участие в работе комитета по созданию курдского алфавита на основе латиницы, в разработке плана издательства книг на курдском и других языках⁹.

Оба ученых занялись формированием части предусмотренных советской модернизацией «культурных норм» для курдов в качестве предпосылки построения у них социализма. Ярким примером служат произведения о советских руководителях, создававшиеся в литературе всех советских народов ведущими литераторами либо в качестве произведений «народного творчества». Произведения данного жанра на *курманджи* – самом распространенном диалекте курдского языка – о В. И. Ленине, И. В. Сталине, С. М. Буденном и С. М. Кирове, вероятно, принадлежали творческому союзу Вильчевского и Шамилова, обладавшими уникальным сочетанием необходимых компетенций и способностей¹⁰. Увлечение Вильчевского в студенческие годы поэзией, вступление его во Всероссийский союз поэтов в 1924 г. и проводившиеся исследования в области курдской и персидской поэзии, а также езидских текстов позволили молодому ученому добиться нужной стилизации. Несмотря на то, что автором публикаций являлся О. Вильчевский, А. Шамилов сыграл в них важную роль негласного соавтора и полевого исследова-

дователя благодаря тому, что в 1934–1936 гг. регулярно выезжал в Армению для сбора этнографического материала¹¹.

Вильчевский, как и многие его коллеги, принимал участие в поисках и развитии элементов национальных культур, необходимых для реализации принципа национальной формы и социалистического содержания, а порой и сам участвовал в конструировании «культурных норм» и советского фольклора¹². Опираясь на концепцию «культурных норм», Д. Хофман показал, как развитие определенного набора культурных институций и продуктов для различных этнических групп в СССР сталинского времени рассматривалось в качестве неперемennого условия достижения социализма. Конкретный «набор» зависел от величины этнической группы и ее статуса¹³. При существенном культурном отставании и ограниченности ресурсов культурное строительство, которое ставило задачи высвобождения творческих сил и инициативы масс, – зачастую сводилось к применению директивных методов для их развития и вело к формализму.

¹ Сталин И. В. О национальном вопросе и национальной культуре // Культура и письменность Востока. Л.: Гос. академия истории материальной культуры, 1931. Кн. 7–8. С. 5–13.

² Егоров И. Национальные кадры культурного строительства // Национально-культурное строительство в третьем, решающем году пятилетки / Сост. Н. Ф. Скачков. 1932. С. 55.

³ Вильчевский О. Л. Н. Я. Марр и курдоведение // Язык и мышление. М.: Институт языкознания АН СССР, 1937. Т. VIII. С. 218.

⁴ Алпатов В. М. Языковеды, востоковеды, историки. М.: Языки славянских культур, 2012. С. 28.

⁵ Talabani J. *Mudhakirāt al-rayis Jalāl Tālabāni: rihlatu sittūn ‘aman min jibali Kurdistan ila qasri al-Salām. al-Dār al-‘arabiyyat li-l-‘ulūm nāširūn*, 2018. S. 63.

⁶ СПб РАН. Филиал архива (СПбФ АРАН). Ф. 77. Оп. 2. Д. 5. Л. 44–44 об.

⁷ Хирш Ф. Империя наций: Этнографическое знание и формирование Советского Союза. М.: НЛЮ, 2022. С. 272.

⁸ Северный факультет Ленинградского восточного института был создан для народов Севера, потом туда взяли абхазцев и курдов (см.: Государственный архив РФ. Ф. Р3316. Оп. 20. Д. 118. Л. 1–3).

⁹ СПбФ АРАН. Ф. 222. Оп. 2. Д. 79. Л. 47.

¹⁰ Вильчевский О. Л.: 1) Октябрь в курдском фольклоре. Песня о Буденном // Советский фольклор. 1936. № 2–3. С. 87–92; 2) Курдские песни о Сталине и Кирове // Там же. 1936. № 4–5. С. 77–88.

¹¹ Творчество народов СССР / Под ред. А. М. Горького, Л. З. Мехлиса. М., 1938.

¹² Советский фольклор в начале 1930-х гг. был включен в предметную область советской этнографии (см.: Хирш Ф. Империя наций: Этнографическое знание и формирование Советского Союза. М.: НЛЮ, 2022. С. 359).

¹³ Hoffmann D.L. *Stalinist Values: The Cultural Norms of Soviet Modernity, 1917–1941*. Cornell University Press, 2018.

UDC: 398, 93/94

A. O. Pobedonostseva-Kaya

Soviet Kurdish Studies: from Culture
Research to Culture and Policy Building

Pobedonostseva-Kaya Angelika Olegovna, The Saint-Petersburg State University (St. Petersburg), Faculty of Asian and African Studies, the Department of History of the Middle East, senior lecturer, Ph. D. (History); apobedonostseva@gmail.com; a.pobedonostseva@spbu.ru

The Kurdish population of the Russian Empire included Muslim Kurds of the Trans-Caucasus and Turkmenia as well as Trans-Caucasus Yazids. Because Kurds are mostly Muslim, their study in the Russian Empire and the early soviet age bore little difference from studies of other Muslim communities. Lengthy religious isolation and persecution separated the Yazidi people from the rest of the world. Due to their low social status, the bolsheviks viewed them as an audience that would be exceptionally receptive to the new Marxist ideology.

Focused on overcoming their imperial past, the Soviet government started setting up new goals in their domestic and foreign policy after 1917. A special place in it belonged to developing national identity in non-Russian USSR ethnicities, including training ethnic professionals, setting up modern infrastructure for education and culture and providing each of the ethnic groups with a certain set of up-to-date cultural institutions and products.

The Marxist ideology formed the basis for N. Marr's new Japhetic theory that was developed in new or reorganized research institutions and emphasized oppressed peoples' languages. Marr's unorthodox initiatives jumpstarted a number of projects focused on history, literature, language, culture and religion of "underdeveloped" peoples such as the Kurds. In that context, O. Vilchevsky, one of N. Marr's students, was involved in a variety of Kurdish studies-related projects.

Keywords: the Kurds, Yazidi, material culture, culture building, the kurdish language, the kurdish folklore, the USSR.

Л. Н. Хаховская

Якуты Магаданской области:
причины и характер этнизации
локальной группы¹

Хаховская Людмила Николаевна, Северо-Восточный комплексный научно-исследовательский институт им. Н.А. Шило Дальневосточного отделения Российской академии наук (Магадан), лаборатория истории и экономики, ведущий научный сотрудник, кандидат исторических наук; hahovskaya@gmail.com

В докладе прослеживается современная локальная история якутов, проживающих на территории Магаданской обл. в р-не Верхней Колымы. На основании архивных данных и полевых материалов выявлены обстоятельства формирования отличительной этнической идентичности данной группы. Показан процесс этнизации данной группы, который заключается в манифестации этничности и ее выходе в публичную сферу. Начальным импульсом этнизации верхнеколымских якутов стали административно-территориальные преобразования раннесоветского периода, «отрезавшие» их от основной массы якутов. В течение советского периода у членов группы происходила переориентация социальных и родственных связей. Верхнеколымские якуты становились носителями регионального самосознания, основанного на представлении об укорененности на земле проживания. Советская администрация предоставляла якутам льготы, что также поддерживало их отличительное самосознание. В постперестроечный период якуты Магаданской обл. добились признания этнического статуса как группа коренных малочисленных народов Севера под названием «ессейские якуты». Этот процесс произошел на уровне регионального законодательства. Этнизация локальной группы якутов в публичном пространстве состоялась также в рамках текущей практики органов власти, культурных и просветительных учреждений.

Ключевые слова: якуты, Магаданская обл., Верхняя Колыма, локальная группа, этническая идентичность, этнизация, ессейские якуты.

В постперестроечный период в Магаданской обл. в перечне коренного малочисленного населения Севера далее (КМНС) появилась номинация «ессейские якуты», что стало итогом этнизации локальной группы верхнеколымских якутов, начавшейся в раннесоветское время. Под этнизацией мы подразумеваем процесс формирования у членов группы отличительного самосознания с последующей манифестацией этой отличительности в этническом формате с выходом в публичную сферу². Задача исследования – проследить современную историю данной группы, выявить причины превращения ее из локальной в этническую. Автор использует архивные источники, данные опроса и непосредственного наблюдения (полевые материалы автора, далее ПМА).

Основная масса якутов, населяющих в настоящее время Магаданскую обл., является потомками мигрантов, с конца XVII в. переселявшихся в р-н Верхней Колымы вследствие этнического давления с юга³. Они осваивали долины рек с богатыми пастбищами и сенокосными угодьями – устья рр. Тыллах, Балыгычан, Сеймчан. При этом до начала 1930-х гг. данные местности входили в состав Оротукского и Сеймчанского наслегов Оймяконского у. Якутии (с 1922 г. Якутской АССР).

Верхнеколымские якуты занимались разведением крупного рогатого скота и лошадей, в небольшом количестве содержали оленей и упряжных собак. В связи с животноводческой направленностью хозяйства якутам требовались обширные угодья для выпаса животных и сенокосения, что обусловило хуторской тип их расселения: жилища и хозяйственные постройки поселения отстояли друг от друга на значительном расстоянии. Подсобную роль играло речное рыболовство, охота на лосей, диких оленей, пушных зверей и водоплавающую дичь. В первой трети XX в. верхнеколымские якуты занимались мелким предпринимательством, ведя посредническую торговлю между русскими и аборигенами края или подражаясь на развоз купеческих товаров.

Этнокультурный облик верхнеколымских якутов в первой трети XX в. был близок традиционному: по сути, они представляли собой локальную группу, которая этнически относилась к титульному населению Якутской республики. Однако, на дальнейшую судьбу этой группировки определяющее влияние оказало вхождение территории ее проживания в зону хозяйственного освоения золотодобывающего треста «Дальстрой»⁴ в составе Сеймчанского (впоследствии Среднеканского) р-на. Данное территориально-административное размежевание происходило безотносительно к сложившейся на тот момент этнической картине и было обусловлено интересами освое-

ния края. Однако сам факт «отложения» части территории Якутии имел далеко идущие последствия.

Прежде всего сказался эффект «отрезанного ломтя». Если в первые советские годы верхнеколымская группировка якутов еще тяготела к основному этносу, то в дальнейшем родственные и иные связи сходят на нет. Даже пожилые информанты, по их словам, не имеют там родственников (ПМА, пос. Сеймчан). Далее, важное значение имела практическая деятельность руководства «Дальстроя» по отношению к местным жителям. Все население, проживавшее в регионе и ведущее главным образом натуральное хозяйство, воспринималось как «туземное». Поэтому верхнеколымские якуты естественным образом оказались включенными в статистические сведения и практическую деятельность «Дальстроя» по поддержке аборигенного населения. Из 20 коллективных хозяйств, существовавших в дальстроевский период (1932–1953) в зоне деятельности треста, преимущественно якутскими были 5 («Новая жизнь», с. Гадля; «Красный Богатырь», пос. Таскан; «Искра», с. Нижний Сеймчан; «Имени III пятилетки», с. Балыгычан; «Сталинец», с. Оротук).

В колхозный период верхнеколымские якуты оказались вовлеченными в общественное аграрное производство, утратили основную часть животных, находившихся в личной собственности, вынуждены были переселяться в компактные поселения. Они начали получать доступ к социальным благам, обрели возможность приобщаться к общесоветской культуре. В этнокультурном плане якуты Магаданской обл. разделили судьбу коренных народов региона: переход на русский язык, общая стандартизация хозяйства и быта, урбанизация. На сегодняшний день эта группа является одной из наиболее урбанизированных среди аборигенных этносов Магаданской обл.

В 1950–1980-х гг. якутов Магаданской обл. официально к числу КМНС не причисляли, хотя и предоставляли им некоторые льготы, положенные этой категории населения – содержание детей на полном государственном обеспечении, внеконкурсное поступление в учебные заведения и др. Эта практика была унаследована от дальстроевских времен. Судить о степени выраженности этнического самосознания магаданских якутов в этот период затруднительно. Сами якуты о своей отличительной этнической идентичности официально не заявляли, да и вряд ли это было возможно. Вероятно, такие факторы, как регионализация их жизни, отрыв от основной массы материнского этноса и преимущественно иноэтническое окружение, действовали разнонаправленно: с одной стороны, размывали этническую идентичность, с другой – способствовали складыванию представлений о принадлежности к особой группе, «искони

проживающей на земле предков». Перестроечная демократизация общественной жизни ярко выявила этот потенциал.

В общей массе коренных народов стал слышен голос и магаданских якутов. Их лидеры выступили с инициативой официального включения группы в состав КМНС. Инициатива была поддержана решением одной из областных конференций КМНС в начале 1990-х гг., нашла она понимание и у региональной власти. Встал вопрос об этническом наименовании, под которым будет выступать группа, так как было очевидно, что этноним «якуты» в данном случае нелегитимен. В результате обсуждений и поисков локальной группе верхнеколымских якутов было присвоено название «ессейские якуты», по аналогии с этнолокальной группой, проживающей в Красноярском крае. Легитимность этого наименования подтверждалась рядом официальных документов регионального уровня.

Здесь вступил в действие механизм этнизации, связанный с переносом отдельных этнических признаков (этноним) вне связи с остальными (этническая история, территория проживания, хозяйственные занятия и др.). Впоследствии, в ходе интерпретации этого вновь обретенного этнического имени в среде самих якутов начали создаваться объяснительные смыслы, указывающие на два основных фактора: этническое смешение и территориальную укорененность. На наш вопрос, кто такие ессейские якуты, информанты отвечали: «Обрусевшие, магаданские якуты»; «Помесные якуты, которые подверглись ассимиляции, <...> смешивались с русскими»; «Коренные оседлые жители, смешанные с эвенками, ламутами. Здесь прожили, никуда не выезжали. Родина наша здесь», «Мы не чистые якуты, мы или долгане, или эвенки»; приводили такие доводы: «Я здесь вырос, я привык к колымскому климату, я питался только тем, что здесь бегают, растет» (ПМА, пос. Сеймчан).

На основании рассмотренной локальной истории приходим к выводу, что начальным импульсом этнизации верхнеколымских якутов стали административно-территориальные преобразования раннесоветского периода, «отрезавшие» их от основной массы своего этноса. В течение советского периода у членов группы происходила переориентация социальных и родственных связей. Верхнеколымские якуты становились носителями регионального самосознания, основанного на представлении об укорененности на земле проживания. В постперестроечный период отличительное самосознание якутов Магаданской обл. приняло форму движения за признание этнического статуса в качестве одной из номинаций КМНС. Этнизация локальной группы в публичном пространстве состоялась в рамках регионального законодательства и текущей практики органов власти, культурных и просветительных учреждений.

¹ Исследование выполнено при частичной поддержке ТП 9 «Технологическое обеспечение социальной стабильности полиэтнических сообществ на Северо-Востоке России» НОЦ «Север – территория устойчивого развития».

² Дятлов В. И. Этнизация города в миграционном дискурсе//Вестник Томского университета. История. 2015. № 5. С. 9.

³ Туголуков В. А. Кто вы, юкагиры? М.: Наука, 1979. С. 31.

⁴ Трест по промышленному и дорожному строительству в районе Верхней Колымы Совета Труда и Оборонны; с 1938 г.– Главное управление строительства Дальнего Севера НКВД.

UDC 391.4

L. N. Khakhovskaya

The Yakuts in Magadan Region:
Causes and Nature of the Local
Group Ethnization

Khakhovskaya Liudmila Nikolaevna, The North-East Interdisciplinary Scientific Research Institute name after N.A. Shilo, Far East Branch of the Russian Academy of Sciences (Magadan), the Laboratory of History and Economics, leading research fellow, Ph. D. (History); hahovskaya@gmail.com

The paper traces modern local history of the Yakuts residing in Magadan Region, the Upper Kolyma River area. Based on archive data and field research, the author discovers the circumstances under which that local group formed its own unique ethnic identity. The paper also demonstrates the group ethnization process, manifesting its identity and publicly expressing it. The administrative and territorial reforms of the early soviet period served as the initial impulse to ethnization of the Upper Kolyma Yakuts, separating them from the main body of their people. During the soviet period, their social and familial relationships re-oriented. The Yakuts of Upper Kolyma acquired their own regional identity based on the concept of their closeness to the land they lived on. The Soviet government offered the Yakuts benefits that also served to uphold their distinctive identity. After the Perestroika, the Yakuts of Magadan Region successfully managed to get their ethnic status recognized as the Yessey Yakuts, a group of indigenous minorities of the North. That was done at the regional legislative level. Ethnization of that local Yakut group in the public consciousness also spread to the current practices of governing bodies, culture and education institutions.

Keywords: the Yakuts, Magadan Region, Upper Kolyma, local group, ethnic identity, ethnization, the Yessey Yakuts.

Е. В. Бусырева

Судьбы семей с немецкими корнями

Бусырева Елена Владиславовна, Кольский научный центр Российской академии наук (Апатиты), Центр гуманитарных проблем Баренц-региона, научный сотрудник, кандидат исторических наук; ebusyreva@mail.ru

В докладе рассматриваются истории семей с немецкими корнями, проживающих на территории Мурманской обл. В основу легли полевые материалы, собранные в 2017–2021 гг. На материале устных семейных историй, домашних архивов и реликвий прослеживаются на протяжении нескольких поколений линии жизни семей с немецкой родословной. Особое внимание уделено принудительным миграциям. В ходе исследования было установлено, что политические преобразования привели к ассимиляции этнической самоидентичности российских немцев. Полученные интервью показали, что выбор этнической идентичности зависит от возраста информанта.

Ключевые слова: немцы, раскулачивание, Кольский Север, спецпереселенцы, депортация по этническому признаку, реабилитация, этническая самоидентификация.

В начале XX в. в России проживало около 2 млн немцев в основном в Поволжье, Приазовье, Причерноморье, Санкт-Петербурге и его пригородах. Но на севере, в частности, в Кольском у. Архангельской губ. числилось всего два немца¹.

В дальнейшем незначительное увеличение численности немецкого населения наблюдалось в связи со строительством и обслуживанием Мурманской железной дороги. Для этих целей правительство привлекало военнопленных. Немцы были одной из наиболее многочисленных групп этой категории².

В начале 1930-х гг. происходит приток немцев на Кольский Север в связи с промышленным освоением региона. Это были раскулаченные и принудительно переселенные крестьяне немецких колоний из окрестностей Ленинграда. Следует напомнить, что вынужденные переселения 1930-х гг. носили классовый, а не этнический характер, поэтому основную массу спецпереселен-

цев составили русские. Таким образом, благодаря процессу раскулачивания была решена проблема нехватки рабочей силы на стройках первых пятилеток и освоения хозяйственно значимых территорий.

Следующий этап, значительно повлиявший на судьбы немецких семей, – это депортация по этническому признаку. К концу 1930-х гг. положение советских немцев осложнилось, поскольку они стали заложниками противоборствующих отношений между СССР и Германией во время Второй мировой войны³. Из приграничной Мурманской обл. немцев начали выселять еще летом 1940 г. (приказ НКВД СССР № 00761 о переселении семей инонационалов вышел 26 июня 1940 г.)⁴ Большинство немецких семей отправили в Алтайский край. Депортация носила превентивный характер, чтобы предотвратить случаи шпионажа в приграничных районах Мурманской обл. Немцев из других областей СССР депортировали преимущественно в сентябре 1941 г.; немцев, проживавших на присоединенных к СССР территориях, депортировали после окончания войны, в частности, немцев Закарпатья – в 1946 г.⁵ Затем последовала мобилизация в трудовую армию. Причем в трудовую армию отправляли не только мужчин, но и женщин от 16 до 45 лет (кроме беременных и имеющих детей в возрасте до 3 лет)⁶. Таким образом власти решали сразу две проблемы: политические – нейтрализация возможных противников режима; и экономические – колонизация необжитых территорий и увеличение трудовых ресурсов⁷.

После окончания войны восстановления в правах советских немцев не последовало. Они оставались на спецпоселении, были обязаны регулярно отмечаться в комендатуре. Подтверждение тому находим в интервью информанта В.Д.: «Родители ходили в милицию отмечаться, что они там никуда не уехали»⁸. Лишь в 1955 г. ограничения были частично сняты. 13 декабря 1955 г. вышел Указ Президиум Верховного Совета СССР № 58 «О снятии ограничений в правовом положении с немцев и членов их семей, находящихся на спецпоселении»: снять с учета спецпоселения и освободить из-под административного надзора органов МВД немцев и членов их семей, выселенных на спецпоселение в период Великой Отечественной войны, а также немцев, граждан СССР, которые после репатриации из Германии были направлены на спецпоселение; установить, что снятие с немцев ограничений по спецпоселению не влечет за собой возвращение им имущества, конфискованного при выселении, и что они не имеют права возвращаться в места, откуда они были выселены⁹. Таким образом, освобождение без права возвращения на родину факти-

чески означало, что бывшие спецпоселенцы превратились в административно высланных. На этом этапе (1954–1963 гг.) можно говорить лишь об амнистии, но не о реабилитации российских немцев¹⁰. Только через десять лет запрет на возвращение в места проживания до депортации был снят. Указ от 3 ноября 1972 г. «О снятии ограничения в выборе места жительства, предусмотренного в прошлом для отдельных категорий граждан» снял такое ограничение для немцев и членов их семей¹¹.

В начале 1990-х гг. был принят ряд законов о реабилитации: Закон № 1107-1 от 26 апреля 1991 г. «О реабилитации репрессированных народов», Закон № 1761-1 от 18 октября 1991 г. «О реабилитации жертв политических репрессий»¹². Таким образом, пострадавшие от репрессий, были признаны «жертвами» на государственном уровне, которым по закону требуется реабилитация. Новая власть, обвинив предшественника в беззакониях, взяла на себя роль восстановителя справедливости¹³.

В результате депортации произошло стирание различий между региональными группами немцев (в зависимости от места переселения). До депортации немецкое население было неоднородно и представлено такими конфессиональными течениями, как католики и лютеране¹⁴. Последствием депортации стал переход от этнического (немецкого) самосознания к «советскому», активизировались процессы разрушения этнической самоидентификации. Многие информанты более старшего поколения уже не идентифицируют себя как немцы: «Отношу себя к продукту Советского Союза – безнациональный гражданин. В паспорте была указана национальность «немец»»¹⁵. Дисперсное проживание в иноэтничной среде неизбежно привело к размыванию этнических основ. Поэтому распространенной стала амбивалентная самоидентичность: «Я не считаю себя немцем. Так как мой родной язык – русский. Но родители – немцы. Не могу определить»¹⁶.

Под влиянием политических событий происходила трансформация этнического самосознания. Нет сомнений в том, что социальному клейму «фашист» сопутствовала навязанная негативная идентичность. Информант И. К. вспоминала рассказы старших: «Прадед был на фронте, в штрафбате. Причем их дразнили «фашистами». Хотя прадед за Советский Союз воевал»¹⁷; «Везде дразнили «фашистами», при всяком удобном случае. Конечно, если человек воспитан, он такого не скажет»¹⁸. Как сказала информант Э. В. из моноэтничной немецкой семьи «Я не считаю себя немкой. Мне иногда бывает даже стыдно, что у меня такая национальность»¹⁹.

В последнее время ситуация стала меняться. Если ранее на фоне травмирующего опыта репрессий и негативного отношения

к себе окружающих немцы старались скрыть свою этническую принадлежность, то теперь более молодое поколение идентифицирует себя немцами, основываясь на семейной истории: «Я считаю себя немкой. И везде записана как немка»²⁰; «Всю жизнь ощущал и воспринимал себя как немец»²¹. Однако, и среди старшего поколения также встречаются информанты, которые идентифицируют себя как немцы: «Я немец. И родители немцы. И сын тоже немец, и внуку он записал как немку»²²; «Я немец. А как иначе? Я приезжаю в Германию, я разговариваю по-немецки. И дети себя считают немцами, все четверо»²³.

Таким образом, можно сделать вывод, что современное этническое самосознание является результатом внутреннего выбора²⁴.

¹ Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1899 года/Издание Центрального статистического комитета Министерства внутренних дел/Под ред. Н.А. Тройницкого//Архангельская губерния. 1904.Тетрадь 3. С. 50–51.

² Змеева О. В. Мурманская железная дорога: установление и трансформация социального порядка//Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2019. № 6 (183). С. 109.

³ Смирнова Т. Б. Этнография российских немцев. М.: РусДойч Медиа, 2016. С. 25.

⁴ Секретный приказ наркома внутренних дел СССР № 00761 «О переселении из г. Мурманска и Мурманской области граждан инонациональностей» от 23 июня 1940 г.//«По решению правительства Союза ССР...» / сост. Н. Ф. Бугай, А. М. Гонов. Нальчик: Эль-Фа, 2003. С. 170.

⁵ Эйхельберг Е. А. Депортация советских немцев: взгляд из Германии//Вестник Тюменского государственного университета. 2012. № 2. С. 98–99.

⁶ Герман А. А. Российские немцы в годы Великой Отечественной войны: вклад в Победу//Гражданская идентичность и внутренний мир российских немцев в годы Великой Отечественной войны и в исторической памяти потомков: Материалы XIII Международной научной конференции. М.: МСНК-пресс, 2011. С. 16.

⁷ Кириллов В. М. Депортация российских немцев в годы Второй мировой войны: научные дискуссии и фальсификация проблемы / Российские немцы: 50 лет послевоенному общественному движению: От первых делегаций в правительство через «Возрождение» к современной системе саморганизации (1964–2014): Материалы 5-й Международной научно-практической конференции. М.: МСНК-пресс, 2015. С. 368.

⁸ Полевые материалы автора (далее ПМА), информант В. Д., 1957 г. р.

⁹ Государственный архив Российской Федерации. Ф. 7523. Оп. 72. Д. 576. Л. 79. URL: <https://liders.rusarchives.ru> (дата обращения 30.06.2022).

¹⁰ Кириллов В. М. Реабилитация//Электронная энциклопедия российских немцев. URL: enc.rusdeutsch.ru (дата обращения 02.07.2022).

¹¹ Там же.

¹² URL: <http://base.garant.ru/10200365> (дата обращения 02.07.2022).

¹³ Население Кольского полуострова между двумя войнами: взгляд историков и антропологов / Под общ. ред. О. В. Змеевой. М.: Наука, 2022. С. 318.

¹⁴ Вайман Д. И. Локальные идентичности немцев Урала // XIII Конгресс антропологов и этнологов России: Сборник материалов / Отв. ред. М. Ю. Мартынова. М.; Казань: ИЭА РАН, КФУ, Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2019. С. 398.

¹⁵ ПМА, информант А.Р., 1955 г.р.

¹⁶ ПМА, информант В.Д., 1957 г.р.

¹⁷ ПМА, информант И.К., 1979 г.р.

¹⁸ ПМА, информант А.Ф., 1940 г.р.

¹⁹ ПМА, информант Э.В., 1951 г.р.

²⁰ ПМА, информант И.К., 1979 г.р.

²¹ ПМА, информант С.Ш., 1978 г.р.

²² ПМА, информант А.Ф., 1940 г.р.

²³ ПМА, информант Г.К., 1953 г.р.

²⁴ Busyreva E. Cultural identity in families with “the Finnish origin”, living in a Russian speaking environment (according to material of Murmansk region) // Human and Societal Security in the Circumpolar Arctic. V. 1. Leiden: Brill Academic Publishers, 2018. P. 352–353.

UDC 316.356.2 (112.2); (470.21)

E. V. Busyreva

Fates of German Origin Families

Busyreva Elena Vladislavovna, The Kola Science Center of the Russian Academy Sciences (Apatity), the Barents Centre of Humanities, researcher associate, Ph.D. (History); ebusyрева@mail.ru

The paper deals with the history of German origin families living in Murmansk Region. It is based on the field research from 2017-2021. Oral family histories, home archives and relics made it possible to trace the lives of several generations of families with German roots. The author focused especially on forced migration. The research demonstrated that political upheavals led Russian Germans to assimilate and lose their ethnic self-identity. From the interviews conducted, it is clear that the ethnic self-identity choice is predicated on the responder’s age.

Keywords: the Germans, de-kulakisation, the Kola North, forced migrants, ethnic deportations, rehabilitation, ethnic self-identity.

РЕЛИГИОЗНЫЕ ТРАДИЦИИ
В АТЕИСТИЧЕСКОМ СОВЕТСКОМ
ГОСУДАРСТВЕ

УДК 39

А. Б. Островский

Святые места русского сельского социума
в период гонений на церковную жизнь
(по полевым материалам)

Островский Александр Борисович, Российский этнографический музей (С.-Петербург), отдел этнографии русского народа, научный сотрудник главной категории, доктор исторических наук; ost-alex@yandex.ru

В докладе рассматриваются внехрамовые формы поддержания церковного единства в период государственного атеизма: крещение, совершаемое мирянами, богомолье, а также более подробно – православные представления и конкретные обычаи, приуроченные к местночтимым святыням. В их числе: здание и местонахождение храма, переставшего функционировать; место обитания, могила старца; святые ключики. Автор опирается на собственные полевые материалы, собранные в конце XX – начале XXI в. в разных регионах страны, преимущественно в Новгородской и Нижегородской обл. Элементы православного сознания и поведенческие стереотипы излагаются, анализируются в тесной связи с народно-православными нравственными оценками, народными представлениями о благочестии и каре за святотатство.

Ключевые слова: внехрамовые формы церковного единства, народное православие, святые ключики, старец Герасим.

Доклад основывается на полевых материалах, собранных в Новгородской, Нижегородской и Свердловской обл. в конце XX – начале XXI в. Тогда уже прекратились гонения на церковную жизнь (происходившие в сельской местности в 1930-х – начале 1980-х гг.), шло возрождение православных приходов. Вместе с тем отчетливо сохранялась память о формах религиозной жизни вне храма, которые, невзирая на запреты, и в неблагоприятный период не утрачивали своей актуальности, обеспечивая духовную преемственность.

После закрытия церковей крещение повсеместно стало делом мирян. Так, в Маловишерском р-не Новгородской обл. «после того, как в начале войны церковь разобрали, детей крестили дома в деревянной кадке; эту кадку потом можно было использовать. Горели три свечи, после молитвы три раза погружали <...> Мальчика на руки брал крестный, а девочку крестная. Надевали рубашечку и крестик. Крестили после месяца. Потом уже батюшка в церкви спросил: «Девочку купала?» – и купать не стал, только волосики подрезал и миро помазал»¹. Подобным образом совершалось и в Нижегородской обл., Сергачском, Бутурлинском и Арзамасском р-нах: «В войну крестила здесь бабушка; потом в церкви батюшка только миро мазал и молитву произносил. Крестили в мере для жита (деревянной или железной), три свечки на нее ставили. Должны были быть крестный и крестная. Готовили рубашечку, поясок, крестик»².

Нередко после того, как сельская церковь была закрыта, к ней сохранялось отношение как к святыне; и даже если церковное здание было разрушено, такое же отношение распространялось на то место, где она прежде находилась. Виновных в святотатстве – разрушении церкви, использовании ее здания не по назначению, неуважении к прежней церковной территории – настигала, по народным представлениям, Божья кара. Приведем примеры по Новгородской обл.

В д. Брод Валдайского р-на «была каменная часовня. Эта часовня уже до войны была разрушена. В праздники и воскресенья молодежь – в Бога не верящие – к часовне собиралась. Девочки плясали у часовни, а пацаны купались в омуте. Как-то в конце 1930-х гг. тучка нагрянула, и молния попала в березу у часовни. Три девушки (из тех семи, что плясали) остались в живых, а четверых убило осколками. Все подумали, что вот, довеселились. Больше там не плясали»³.

Рассказ из д. Барашиха Маловишерского р-на: «Однажды перед войной милиционер Кириллов позвал моего деверя идти с ним в церковь в Усть-Вольме: “Скажу, что там делать”. Когда пришли, милиционер взял багор и стал бить им по иконам, колет иконы в глаза – Николая Угодника, Спасителя, Божью Матерь и др. Миша, деверь, отказывается бить, говорит, что рука у него болит. Милици-

онер как пришел домой, так и ослеп. Все иконы повезли из церкви в пекарню, чтобы сжечь. Пекарня загорелась, сгорела»⁴.

Случай в той же деревне, уже в послевоенное время: «В деревне была часовня, стояла до середины 1970-х гг. Бригадир дал наряд разрушить часовню. Вскоре он, поехав на косилке, упал и заболел, умер. А тот, кто разваливал, тоже через несколько лет заболел (инфаркт) и умер»⁵.

Рассказ из села Старорусского р-на: «В Буреги колокола и кресты с церковью сняли в 1930-е гг. (церкви XVIII в.). Кресты и колокола снимали два брата. Икону, взятую из церкви, они сожгли перед сельсоветом. Их судьба сложилась неблагоприятно: один во время войны пропал без вести, второй был контужен и потерял дар речи. Люди говорили, что их Бог наказал»⁶.

В условиях повсеместного закрытия сельских церквей важной и весьма распространенной формой почитания святости были хождения по обету на богомолья, коллективные либо индивидуальные посещения святого места: отдаленной церкви, в которой еще сохранялось служение, а также к почитаемому в конкретной местности святому целительному ключику. Приведем рассказ из Маловишерского р-на: «Девушкой я в Новгород молиться ходила, двое-трое суток. Много людей туда ходило, пешком ходили по завету. Раньше пешочком по церквам ходили. Я ходила в церковь Варламию Хутыньскому молиться. И после войны пешком в Новгород ходили; службу одну отслужишь – и домой. Туда полотенца носили в дар... Еще летом в праздник Пантелеймона ходили по завету и в роднике купались; это поближе. Говорили одному, который ходить не мог: надо сходить по завету. Так он полдороги едва шел, а потом как стрёпанный – быстро пошел, исцелился»⁷. О помощи от святого сообщил и другой пожилой информант: «У меня нога распухла, когда мне было еще 40 лет. Давала завет: службу Пантелеймону в церкви отслужить. Вскоре нога уже не болела, дошла до автобуса. Не знала в церкви, какая его икона: думала, это старичок, а он молодой. Пришла домой – и уже забыла, что нога болит»⁸.

Материал по «святым ключикам» – целительным, возникшим на том месте, где прежде находилась православная часовня или проживал благочестивый отшельник, собран нами в Ветлужском р-не Нижегородской обл.⁹ и двух р-нах Свердловской обл. Так, в Невьянском р-не неподалеку от д. Сербиишино, на другой стороне р. Нейва, почитают целительные родники – один из них сохранился с того времени, когда там в келье, составленной из камней, проживал отшельник Симеон (в первой половине XX в.), а другой появился после его кончины. О Симеоне известно, что он носил на груди крупный чугунный крест, вросший в тело¹⁰. На возвышенности око-

ло д. Платоново Шалинского р-на находятся источники, возникшие после захоронения там убитых иноков Аркадия и Константина. По словам информанта, иноки погибли в 1930-х гг.; однако в надписи, вырезанной на табличке, установленной в конце XX в. вблизи их могил, фигурирует более ранняя дата – 1795 г. и сказано: «...Здесь подвиг свой несли годами / Те, чей приют леса, поля, / Презрев покой, утехи мира, / Они стремились быть достойны / Того, кто умер на кресте./ Аркадие и Константине, / Молитесь Господу за нас...» Ежегодно местные старообрядцы Белокриницкого согласия на другой день после своего престольного праздника (День Иоанна Предтечи) отправляются крестным ходом на эти источники, проводят там коллективную службу¹¹.

В д. Монино Ветлужского р-на на высоком берегу р. Ветлуги возник целительный источник вблизи прежнего местонахождения часовни в честь св. Николая (разрушена в 1948 г.). Ключик в том же р-не, около бывшей д. Чертиха (не сохранилась), напрямую связан с преданием о жившем там старце Герасиме (умер в конце XIX в.). Его фотографию нередко можно встретить в крестьянской избе – в переднем углу у божицы, к нему обращают молитву. Священник Русской православной церкви из г. Ветлуги так прокомментировал эту сложившуюся в XX в. народно-православную традицию: «Молиться к Герасиму не грешно, можно его фотографию держать рядом с книгами. Хотя Герасим и не канонизирован, но звание старца, данное ему народом, церковь признает. При каждой заупокойной службе вспоминаем и о старце Герасиме»¹². О Герасиме известно, что он оставил свою семью – жену и двоих детей, хотя продолжал оказывать им помощь; вел аскетический образ жизни, уйдя по обету на жительство в пещеру, где находились только стол, стул и икона. Нередко в келье его заедали клопы и оводы; на теле, а также поверх одежды старец постоянно носил железные вериги весом, соответственно, 8 и 4 кг. Рассказывают о чудесах, совершавшихся Герасимом: видели, как «он шел по воде, как по земле»; «когда он молился, его свеча никогда не гасла»; «используя обычно только лампадное масло, исцелял от коросты, от паралича ног, облысения, от кил»; «предсказал, что выйдут нетленными его мощи и что к нему будут приходить за помощью и после кончины – «как к живому»¹³. Рассказывают, что на его похоронах несли хоругви священники, приехавшие из Москвы. В зрительно-образной форме эта связь Герасима с церковью проявилась также у двух женщин в том, что одна из них увидела его во сне, две ночи подряд, в облике старичка, держащего пасху, а другая, оставив в голбце воду, принесенную ею в трехлитровой банке с ключика Герасима, обнаружила, что «вода

там замерзла, и лёд стал в форме церкви – лёд церковой сделался, и наверху крест, как чудо – я позвала баб поглядеть»¹⁴.

Почитаемый ключик, по преданию, возник после того, как некоему человеку во сне явился Герасим и велел взять лопату и прорыть колодец, где будет целебная вода. Вода из этого ключика имеется почти в каждом доме округи; приезжают за ней также издалека. В числе называемых случаев исцеления водой из ключика Герасима: от бесплодия, слепоты, младенческой грыжи. Вместе с тем ключик не каждому позволяет зачерпнуть воды. Согласно сообщениям из разных деревень: когда родственница информанта пожелала зачерпнуть воды, оказалось там сухо, а немного отойдя назад, заметила, что другим удастся там набрать воды; соседка другого информанта пыталась зачерпнуть, но вода у нее оказывалась грязная, со мхом. Обе женщины поняли, что причина неудачи заключена в них самих: шли «с нечистой душой»¹⁵. Подобные повествования поддерживают контекст благочестия данного святого места уже не только в отношении его генезиса, но в аспекте его функционирования.

Смысловым центром благочестивого отношения к целительным источникам и другим упоминавшимся выше святым местам оказывается всякий раз представление о святыне (об иконе, о находившейся здесь прежде часовне, церкви) или о благочестивой личности. Те факты, которые наблюдатель-этнограф интерпретирует как «духовное освоение пространства» (термин Т.Б. Щепанской), для носителей православной традиции выступают внехрамовой формой поддержания церковного единства.

¹ АРЭМ. Ф. 10. Оп. 1. Д. 113. Л. 83–83об.

² Там же. Д. 127. Л. 52об.; см.: Л. 8об., 49об., 78, 63, 55.

³ Там же. Д. 113. Л. 22.

⁴ Там же. Л. 82.

⁵ Там же. Л. 81.

⁶ Там же. Оп. 2. Д. 43. Л. 41–40.

⁷ Там же. Оп. 1. Д. 113. Л. 67–6 об.

⁸ Там же. Л. 70.

⁹ См.: Островский А. Б. Святые ключики Ветлужского края: преемственность благочестия в XX в. // Археология, история, нумизматика, этнография Восточной Европы: Сб. статей памяти проф. И. В. Дубова / Под ред. А. Н. Кирпичникова, В. Н. Седых. СПб.: Изд-во СПбУ, 2004. С. 359–352.

¹⁰ АРЭМ. Ф. 10. Оп. 1. Д. 152. Л. 35 об.

¹¹ Там же. Л. 39 об., 49, 57об.–58.

¹² Д. 85. Л. 58.

¹³ Там же. Л. 21об., 36об.

¹⁴ Там же. Л. 56, 53.

¹⁵ Там же. Л. 21об., 36.

A. B. Ostrovskii

Sacred Places of Russian Rural Society
During the Anti-Church Period (Based
on the Field Research Materials)

Ostrovskii Aleksandr Borisovich, The Russian Museum of Ethnography (St. Petersburg), the Department of Ethnography of the Russian People, main research fellow, D. Sc. (History); ost-alex@yandex.ru

The paper deals with out-of-church method of upholding the religious community throughout the age of state atheism: baptism performed by laymen, religious pilgrimages, along with a more detailed view of Orthodox concepts and customs related to local saints. They include non-functional church buildings and locations; holy elders' residences and graves; holy springs. The author used field materials he collected in the late XX – early XXI centuries in various parts of Russia, mostly in Novgorod and Nizhny Novgorod Regions. He describes and analyzes elements of Orthodox consciousness and behavioral stereotypes in close connection with popular Orthodox moral judgements and grassroots concepts of piety and punishment reserved for blasphemers

Keywords: out-of-church forms of religious community, popular Orthodoxy, holy springs, elder Gerasim.

Л. В. Королькова
Старообрядцы Гатчинского района
Ленинградской области в 1940–1960-е годы

Королькова Людмила Валентиновна, Российский этнографический музей (С.-Петербург), отдел этнографии Северо-Запада и Прибалтики, научный сотрудник ведущей категории, кандидат исторических наук; korolkova@list.ru

Целью доклада является введение в научный оборот новых материалов по истории старообрядцев Гатчинского р-на Ленинградской обл. На примере старообрядцев д. Ротково – одного из старообрядческих центров Царско-сельского у.– автор рассматривает специфику функционирования незарегистрированных общин в 1940-х гг. и период перелома в государственно-церковных отношениях. Особое внимание уделено моленной и состоянию богослужбных практик в 1950–1960-х гг. Основными источниками для исследования послужили полевые исследования автора и архивные материалы Совета по делам Русской православной церкви – государственного органа при Правительстве СССР, хранящиеся в Центральном государственном архиве Санкт-Петербурга.

Ключевые слова: история старообрядчества, старообрядческие общины, Гатчинский р-н Ленинградской обл.

История старообрядчества Гатчинского р-на 1940–1960-х гг. представляет собой тему, которая начала разрабатываться совсем недавно. Несмотря на то, что этот период достаточно хорошо представлен в архивных источниках, и материал уже начал вводиться в научный оборот¹, существует еще много отдельных направлений исследования, которые не получили должного освещения на страницах научных изданий. Одним из них является «история повседневности» старообрядческих деревень. Актуальность этой темы очевидна, поскольку в настоящее время практически уже не осталось информантов, которые могли бы дополнить краткие, фрагментарные сведения архивных источников.

Поскольку автор с 2004 г. целенаправленно занимается изучением старообрядчества Ленинградской обл., в его научном багаже есть материалы, которые позволяют осветить некоторые

периоды в истории старообрядчества Гатчинского р-на послевоенного времени. В данной публикации будет рассмотрена только д. Ротково (Павлушкино). Материал, характеризующий военную и послевоенную историю этой деревни, был собран в 2015 г. у информантов, происходивших из старообрядческих семей. Причем одна из них оказалась внучкой наставника Михайлова Ф. Ф., а также местного крестьянина Клементьева А. Д., известного тем, что он был в числе староверов, кто в послевоенные годы боролись за открытие старообрядческой церкви и регистрацию Гатчинской старообрядческой общины. Он писал письма в Совет по делам религии и лично был на приеме у Н. С. Хрущева².

До Великой Отечественной войны д. Ротково была населена преимущественно старообрядцами. Ротковская община беспоповцев федосевского согласия была зарегистрирована в 1907 г. В ее состав помимо местных приверженцев старой веры входили староверы из дд. Голино, Новое Колено, Подгорье, Ручьи, Старое Колено. Численность общины на момент регистрации составляла 535 человек³. В 1939 г. в д. Ротково насчитывался 31 двор⁴. Недалеко от деревни располагалось кладбище, а на южной окраине поселения – старообрядческая церковь. Она была построена в 1908–1909 гг. вместо старой моленной⁵. Церковь представляла собой бревенчатый сруб с притвором и крыльцом. Рядом с церковью стояла высокая звонница⁶.

В 1930-х гг. службу в церкви проводил местный наставник Федосей Федорович Михайлов⁷. Он находился в родстве с первым наставником Ротковской общины Ананием Федоровичем Михайловым – крестьянином д. Ротково. Федосей Федорович был «ревностным служителем», очень много времени проводил в моленной. Информанты рассказывали, что он был настолько верующий человек, что ни при каких обстоятельствах не останавливал службу. Так, например, был случай, когда в его дом забрались воры, об этом ему сообщили соседи, но он и в такой ситуации остался верен долгу и не ушел из моленной, пока не закончил службу⁸.

Старообрядцы д. Ротково поддерживали духовные и семейные связи как с приверженцами старой веры, проживавшими в дд. Новое и Старое Колено, Ручьи, Поддубье⁹, так и со староверами Гатчины, среди которых уже в предвоенные годы были приезжие из соседних областей¹⁰. По большим праздникам и в дни, когда осуществлялось венчание, в церкви д. Ротково собиралось большое число верующих. Этот молитвенный дом считался самым красивым и богатым в округе. В нем был большой иконостас в несколько рядов со старинными иконами, написанными на

дереве, и медные «створки»; перед иконостасом висели дорогие лампы¹¹.

При церкви имелись свои певчие – жительницы д. Ротково: Сергеева Раиса Никитична (1910 г.р.), Клементьева Александра Михайловна (1910 г.р.), Макарова Анна Александровна (1910 г.р.). Последняя из них начала петь в моленной с 10–12 лет; она выделялась среди остальных певчих очень красивым голосом, поэтому ее приглашали на отпевания и на праздничные службы в старообрядческую церковь д. Лампово¹². Информанты отмечали: «Наши певчие были стойкие. Они не переминались с ноги на ногу во время службы, даже пасхальной. Пятки вместе, носки врозь – и стоят!»¹³ Для посещения молитвенного дома певчие использовали специальную одежду – длинные юбки темного цвета, кофты с длинными рукавами, большой черный платок на голову, который под подбородком скрепляли специальной булавкой, поскольку считалось, что завязывать концы платков сзади – грешно¹⁴.

В начале Великой Отечественной войны некоторые старообрядческие семьи ушли жить в лес, в землянки. С собой из деревни они взяли все необходимое для жизни и иконы¹⁵. В деревне остались только пять семей. 1 августа 1941 г. деревня была оккупирована немецкими войсками¹⁶. Немцам было известно, что часть старообрядческого населения прячется в лесах, потому что местным жителям часто приходилось возвращаться в деревню в поисках еды. Спустя какое-то время голод и холод заставили староверов вернуться в свои дома. В октябре 1943 г. все взрослое трудоспособное население д. Ротково и дети были вывезены в Латвию¹⁷.

В годы оккупации за старообрядческой церковью никто не присматривал. В самом начале войны рядом с ней разорвался снаряд. В связи с тем, что постройка была бревенчатая, повреждения были небольшие. Однако в 1943 г. сильным смерчем сорвало и унесло почти всю крышу. В таком виде церковь стояла почти два года, затем обвалился потолок, стали исчезать инвентарь и иконы. Часть убранства сохранялась только на одной стене¹⁸. Проведение служб возобновилось после войны.

В 1944 г. все старообрядческие семьи, за исключением одной, вернулись из Латвии в родную деревню¹⁹. Среди них были: Ананьева Антонина, Афанасьев Федор Ильич, Бочарова Валентина Устиновна, Клементьева Александра Михайловна (1910 г.р.), Куприанов Иван Степанович (1885 г.р.), Макарова Анна Александровна (1910 г.р.), Макаров Иван, Марченкова Ольга Михайловна, Сергеева Анна Ивановна (1879 г.р.), Сергеева Раиса Никитична (1910 г.р.), Сергеев Петр Иванович, Устинова Валентина²⁰.

В послевоенные годы староверы д. Ротково соблюдали все традиционные обряды и носили одежду соответствующего покроя. Пожилые женщины продолжали носить нижние рубахи, длинные сатиновые юбки, кофты с длинными рукавами, а мужчины – косоворотки²¹. В первые послевоенные годы в д. Ротково для осуществления треб какое-то время приезжал наставник Бабич Петр; он был не из местных приверженцев старой веры. После него службу в моленной вела певчая Макарова Анна Андреевна. Она же отпевала покойников и поминала умерших. Ее помощниками были Р. Н. Сергеева и А. М. Клементьева²².

В ноябре 1950 г. в Совет по делам религиозных культов от гр. Клементьева Александра Дмитриевича, уроженца д. Ротково, поступило письмо с ходатайством о возрождении местной старообрядческой церкви. Однако, старообрядцам в этом было отказано²³. Вслед за этим в Совет обратились с просьбой о переносе постройки из д. Ротково в г. Гатчину. В этом обращении говорилось: «Верующие старообрядцы в количестве 1000 человек, проживающие в г. Гатчина и окрестностях, желают объединиться для самостоятельного отправления религиозных треб. Для чего просим Вас зарегистрировать нас и возбудить ходатайство об открытии религиозного общества, разрешить нам строительство молитвенного дома в Гатчине, на кладбище по Станционной улице. Это место пусто. Просим разрешить перевезти бывший моленный дом из д. Ротково». Однако и это прошение не была удовлетворено²⁴.

Для того чтобы сохранить остатки убранства моленной, А. Д. Клементьев предлагал еще один вариант: передать все имущество в д. Лампово. В своем обращении к властям он писал: «Церковь стоит и сейчас, потолок провалился, крышу ветром сдуло. Все гниет и портится, особенно иконы. Мы хотим иконы и весь церковный инвентарь сдать в другую церковь»²⁵. Однако не все староверы из Ротково поддержали эту идею.

Когда стало окончательно ясно, что церковь не сохранить, часть икон и утвари разобрали по домам. Так, у родственницы одной из информантов в доме находились иконы свв. апст. Петра и Павла, свт. Николая Чудотворца, Пресвятой Богородицы. Макарова А. А. у себя в доме также имела некоторые иконы и книги²⁶. Она хранила их до последних дней жизни. После смерти владелицы в 2000 г. ее дочь передала книги в моленный дом д. Лампово²⁷. В 2015 г. во время посещения д. Ротково автору публикации удалось сфотографировать несколько предметов из местной старообрядческой церкви, которые на тот период времени можно было обнаружить в домах информантов²⁸.

В самом начале 1950-х гг. остатки сруба старообрядческой церкви были разобраны. Моления стали проводить в домах староверов: молились перед иконами у Макаровых, у Р. Н. Сергеевой. Во время службы использовали подручники и лестовки. Если лестовок не было, молились «по суставам»²⁹. В д. Ротково изготовлением лестовок на продажу занималась А. А. Макарова. Подручники каждый шил себе сам из лоскутов ткани; их изготавливали вплоть до 1970-х гг.³⁰ На большие праздничные службы некоторые женщины-староверки ездили в старообрядческую церковь в д. Лампово. Там же в послевоенные годы крестили детей³¹.

В 1950–1960-х гг. одним из наиболее значимых семейных обрядов, проводимых в д. Ротково, был поминально-погребальный. Старообрядческое кладбище, на котором староверы из д. Ротково хоронили единоверцев, располагалось к западу от поселения, посреди поля. По периметру кладбище было окружено валом из камней, вход на него осуществлялся через деревянные ворота. На этой же площадке (с краю) в предвоенные годы осуществлялись захоронения финнов-лютеран из дд. Корписалово и Хинколово. В 1940-х гг., когда старообрядцы находились в Латвии, на их кладбище стали хоронить «мирских»³². Погребальный обряд в д. Ротково вплоть до 1960-х гг. соответствовал чину погребения староверов. Мужчины преклонного возраста заранее делали для себя гроб и крест, которые потом до кончины хранились в сарае³³.

Когда человек умирал, его сразу обмывали, для чего приглашали соседей, так как родственникам это делать запрещалось. Мочалку, которую использовали для обмывания, клали в гроб. Затем на умершего мужчину надевали белую рубашку, кальсоны, пояс и тапки, а на женщину – рубашку, штаны, чулки, поясок и тапки. Поверх погребальной одежды надевали саван. В правую руку укладывали платочек, на левую – лестовку, читая при этом молитву. Затем гроб ставили в иконный угол, ногами к иконам³⁴. Считалось, что когда человек уходил в «мир иной», то исповедовать его и «кадить» должен был только мужчина. Женщины отпевали, поочередно читая у гроба. Как говорили информанты: «Читали денно и ночью»³⁵.

Похороны проходили на третий день. При выносе гроба из дома его разворачивали так, чтобы умерший оказался ногами к двери. На улице гроб ставили на носилки и покрывали специальным покрывалом с изображением восьмиконечного креста. После погребения поминание совершалось на кладбище на третий, девятый и сороковой дни, а затем на годину. Местные староверы считали, что «поминки с обедом» нужно делать три года подряд. На кладбище еду не носили, поминальный стол устраивали в доме³⁶. Ку-

тью и блины староверы д. Ротково не делали. На поминки варили кислые щи, кашу и компот из сухофруктов, клюквенный кисель, делали холодный свекольник и пекли булочки. Кисель подавали в конце поминальной трапезы³⁷.

Впоследствии в большие праздники на кладбище ходили певчие из д. Ротково. Они знали кто, где похоронен и поминали всех поименно³⁸. Эта традиция прервалась после смерти последних «знающих» староверок в начале 2000-х гг. В то время в деревне доживали свой век отдельные представители некогда больших старообрядческих родов. Их дети и внуки уже давно переехали из Ротково на постоянное место жительства в другие города и поселки. А те, кто в 2015 г. еще проживал в деревне, для совершения обряда поминания на кладбище приглашали священника из православного храма³⁹. Так закончилась история местной старообрядческой общины.

¹ Шкаровский М. В. Петербургские старообрядцы, не имеющие священства в 1941–2020 гг. URL: <http://https://cyberleninka.ru/article/n/peterburgskie-staroobryadtsy-ne-imeyushchie-svyaschenstva-v-1941-202> (дата обращения: 03.08.2022).

² ЦГА СПб. Ф. 9620. Оп. 3. Д. 43. Л. 29, 75, 78, 97, 100.

³ Королькова Л. В. Старообрядческие общины Санкт-Петербургской (Петроградской) губернии 1907–1917 гг. // Старообрядчество. История. Культура. Современность. М.; Боровск, 2019. С. 116–117.

⁴ Рышкин П. Е. Административно-территориальное устройство Ленинградской области. Л.: Изд-во Леноблсполкома и Ленсовета. 1933. URL: <http://http://lopress.47lib.ru/object/1864159489?lc=ru> (обращения: 11.06.2022).

⁵ ЦГА СПб. Там же. Л. 36.

⁶ АРЭМ. Ф. 10. Оп. 1. Д. 252. Л. 26.

⁷ Там же. Л. 25.

⁸ Там же. Л. 27об.

⁹ Там же. Л. 25 об.

¹⁰ Там же. Л. 25, 25об.

¹¹ Там же. Л. 19, 26.

¹² Там же. Л. 25об.

¹³ Там же. Л. 22.

¹⁴ Там же. Л. 25об.

¹⁵ Там же. Л. 24, 30.

¹⁶ Ротково URL: <http://https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%A0%D0%BE%D1%82%D0%BA%D0%BE%D0%B2%D0%BE> (дата обращения: 07.08.2022).

¹⁷ ЦГА СПб. Там же. Л. 21, 19.

¹⁸ АРЭМ. Там же. Л. 26.

¹⁹ Там же. Л. 19.

²⁰ Там же. Л. 14об, 19; ЦГА СПб. Там же. Л. 9, 43.

- ²¹ АРЭМ. Там же. Л.33об.
²² Там же. Л. 14об.
²³ ЦГА СПб. Там же. Л. 29.
²⁴ Там же. Л. 27, 41.
²⁵ Там же. Л. 29.
²⁶ АРЭМ. Л. 16.
²⁷ Там же. Л. 16, 26, 26об.
²⁸ Там же. Л. 33об.
²⁹ Там же. Л. 16, 22, 29, 31об.
³⁰ Там же. Л. 31об.
³¹ Там же. Л. 15, 27.
³² Там же. Л. 16.
³³ Там же. Л. 15.
³⁴ Там же. Л. 27об., 28, 31.
³⁵ Там же. Л. 27.
³⁶ Там же. Л. 31.
³⁷ Там же. Л. 14, 32.
³⁸ Там же. Л. 17об., 29.
³⁹ Там же. Л. 36.

UDC 281.9

L. V. Korol'kova

Old Believers of Gatchinsky District
(Leningrad Region) in the 1940–1960s

Korol'kova Liudmila Valentinovna, The Russian Museum of Ethnography (St. Petersburg), the Department of Ethnography of the North-Western and Baltic Regions, research fellow of the leading category, Ph. D. (History); korolkoval@list.ru

The goal of the report is to introduce new materials on the history of Old Believers in Gatchinsky District (Leningrad Region) into scientific circulation. Using the example of Rotkovo Village, one of the Old Believers' centers in Tsarskoselsky County, the author analyzes the specifics of non-authorized communities' functioning in the 1940s, at the time when the relationships between the state and the church changed. The prayer and service practices in the 1950s and the 1960s are the point of particular attention. The paper is mostly based on the author's field work and the archives of the Council for the Affairs of the Russian Orthodox Church, a body under the USSR government, kept in the Central State Archive of Saint Petersburg.

Keywords: Old Believers' history, Old Believers' communities, Gatchinsky District Leningrad Region.

Е. П. Куртенюк

Деятельность церковных приходов
Чердынского района в первые десятилетия
советской власти

Куртенюк Елена Павловна, Чердынский краеведческий музей им. А. С. Пушкина (Чердынь), заместитель директора по науке; kurtenok-e@mail.ru

В докладе рассматривается политика советского государства в отношении Русской православной церкви в Чердынском р-не Пермского края в первые десятилетия советской власти: какие нормативно-правовые акты принимались, какие органы контролировали их исполнение и как это влияло на жизнь православных приходов и верующих. Проанализированы материалы из фондов Чердынского краеведческого музея им. А. С. Пушкина, дающие представление о развитии отношений между органами местной советской власти и православными церковными общинами, об ущемлении прав руководителей приходских советов и членов религиозных организаций, унижении достоинства верующих.

Ключевые слова: Пермский край, Чердынский р-н, закрытие церквей, изъятие церковных ценностей, антирелигиозная пропаганда, обновленцы.

Октябрьская революция 1917 г., Гражданская война 1918–1922 гг., сталинские репрессии 1930-х гг. относятся к числу важнейших событий отечественной истории, изменивших ход истории Российского государства, последствия которых и сегодня ощущаются в политической, экономической и духовной сферах нашего общества.

Со сменой политического режима в стране новая власть начала борьбу с православной церковью и инакомыслием, и российская глубинка в полной мере испытала это на себе.

Чердынский р-н – самая северная территория Пермского края и самая большая по площади. Чердынь стала «колыбелью крещения» всего Урала еще в 1462 г., когда ее жителей, коми-пермяков, крестил епископ Пермский Иона и основал в 1463 г. Иоанно-Богословский мужской монастырь. Это был не только первый духов-

но-религиозный центр Северного Урала, но и средоточие письменности и грамотности. К началу XX в. в крае функционировало 68 церквей, не считая часовен. В Чердыни существовало семь церквей и четыре часовни, одна из них стояла за рекой Колвой. Восьмая церковь была тюремная¹.

Чердынский у. – территория, где проживали глубоко верующие люди, заботившиеся о чистоте веры и благополучии своих приходов. Новая власть внесла коррективы в православную жизнь городских и сельских приходов. В уезде репрессии в отношении верующих и священнослужителей начались уже в июле 1918 г., когда большевики стали преобладать в местных органах власти. С сентября 1918 г. по уезду прокатилась волна арестов и расстрелов, и первым пострадало сельское священство. В декабре 1918 г. были арестованы и расстреляны Евграф Плетнёв и Николай Коныхов – священники городских приходов².

В январе 1919 г. территорию Чердынского у. занял двадцать пятый Сибирский Тобольский стрелковый полк, который пробыл здесь до июля 1919 г. Жизнь в городе вернулась в прежнее русло, хотя и с большими изменениями. Но под натиском Красной армии белые войска покинули уезд, и в конце июля 1919 г. в Чердыни вновь была установлена советская власть.

Во время Гражданской войны в России начался массовый голод, особенно в Поволжье и на Урале. В 1922 г. была создана Центральная комиссия помощи голодающим. Голод в стране стал поводом для властей к ликвидации церковной собственности. Правительство отказалось от добровольной помощи церкви голодающим и взяло курс на изъятие церковных ценностей. Местные органы власти были обязаны в месячный срок изъять все предметы из золота, серебра и драгоценных камней и передать их в фонд Центральной комиссии помощи голодающим.

В Чердынском у. конфискация ценностей началась в апреле 1922 г., так как из-за его отдаленности это распоряжение местные власти получили позднее. Церковные приходы организовали сбор пожертвований в помощь голодающим, но местная власть не отменила распоряжение по изъятию ценностей. Пожертвования власть оприходовала, но к июню 1922 г. были описаны и реквизированы ценности из 16 церквей: «Из церквей Чердынского уезда извлечено и отправлено в губернию церковных ценностей всего 21 пуд 35 фунтов 64 золотника серебра и 1 золотник 92 доли золота», – сообщает уездная газета «Северный труженик»³. Кто оказывал противодействие изъятию ценностей, те подвергались наказанию в виде лишения свободы. Новая уездная газета «Красный пахарь» в мае 1923 г. сообщила о результатах работы Комиссии и о принятых ме-

рах в отношении лиц, противившихся изъятию ценностей: «В Чердыни 9 мая публично предстали перед судом и были приговорены: священник Копытов на 3 года, церковный староста Богоявленской церкви Зебзеев на 2 года, председатель церковного совета той же церкви Смольников на 1 год 2 мес., церковного старосту Преображенской церкви Меркурьева на 2 года, 6 мес. В силу амнистии срок наказания уменьшен наполовину»⁴.

В первое десятилетие своего правления коммунисты вели себя довольно корректно по отношению к верующим и церкви. Но все же ограничений, касающихся городских и сельских православных приходов, становилось все больше. Антирелигиозная пропаганда усиливалась, использовались разные средства борьбы с православием. Комсомольцы готовили сатирические постановки о попах, организовывали лекции в учебных заведениях, развешивали по городу антирелигиозные плакаты. Особого успеха эти мероприятия не имели. Если на спектакли молодежь еще приходила, то лекции игнорировались, плакаты ночью срывались. Во многих учреждениях города в «красных углах» на божницах продолжали стоять иконы. В местной газете в 1923 г. появляется заметка очередного автора-инкогнито: «В Чердынском комхозе (комната электрического подотдела) в переднем углу висят две иконы. Пора бы выбросить этот хлам»⁵. Характерно, что подобные заметки авторы не подписывали своими подлинными фамилиями. Они скрывались за подписями «Комсомолец», «Безбожник» или «Наблюдатель».

В 1925 г. уже все церкви находились в ведении городских и районных властей, так как были лишены юридических прав. Без разрешения властей церковные общины не могли осуществлять никакие мероприятия. Чтобы провести церковное собрание или городской крестный ход, нужно было написать заявление начальнику районной милиции и получить от него разрешение: «Разрешение № 3212 августа 1925 г. 14 августа в пятницу 1925 года Приходскому Совету Чердынского Воскресенского собора разрешается хождение “с крестным ходом” из собора на р. Колву и обратно, между 10 и 12 часами дня. Гербовый сбор в сумме 2 рубля и канцелярский сбор в сумме 10 коп. оплачен и наклеен марками на заявлении»⁶.

В начале 1927 г. в Чердынь прибыл митрополит М. И. Трубин для организации на территории района обновленческих религиозных общин. В ближайшем к Чердыни сел. Покча 10 февраля 1927 г. была организована Покчинская обновленческая религиозная община. Но встал вопрос о количестве верующих, примкнувших к обновленчеству, и тех, кто остался верен «тихоновской ориентации». Необходимо было решить вопрос и о разделении цер-

ковного имущества между двумя общинами. Для этой цели приходской совет Благовещенской церкви сел. Покча решил созвать общее собрание верующих, на проведение которого 25 апреля 1928 г. было получено разрешение начальника районной милиции. Обновленцы получили в пользование часовню во имя иконы Казанской Божьей Матери и часть церковного имущества⁷.

В Чердыни обновленцы обманным путем захватили Воскресенский собор, чему городские власти всячески способствовали и на жалобы «староцерковников» не обращали внимания. Прихожане в мае 1928 г. написали письмо старосте М. И. Калинину, в котором просили у него защиты: «Священник Николай Скворцов, прослуживший в храмах Чердыни до 1927 г., тайно от общины «староцерковников» перешел к обновленцам, но искусно маскировал свои убеждения. Все же он был в этом замечен и уволен общиной со службы. Ему пришлось уехать из города в Соликамский уезд, где он стал служить в обновленческой церкви. Оставшаяся в Чердыни жена Скворцова пошла по домам членов соборной общины и стала собирать подписи под заявлением об их якобы желании вернуть Скворцова обратно в Чердынь. А между тем, как после выяснилось, Скворцова собрала обманным способом 68 подписей о присоединении их к обновленческому толку»⁸.

Скворцов вернулся в Чердынь, и первую службу отслужил 23 мая 1928 г. Однако его авторитет среди верующих был уже подорван, прихожане не стали посещать богослужения, и немного погодя он насовсем уехал из города. В конце 1929 г. собор был закрыт, в нем разместился городской клуб, позднее ставший районным домом культуры и творческим центром. Собор был разорен, небольшая часть церковных предметов и документов поступила в Чердынский краеведческий музей им. А. С. Пушкина.

В середине 1930-х гг. местная власть в городе и районе активно закрывала церкви и упраздняла приходы. Чердынский райисполком накануне праздника Пасхи в апреле 1935 г. инициировал собрания в 12 организациях и учреждениях города по поводу закрытия церквей. В протоколах собраний, например, записаны такие постановления: «Считать закрытие церквей, снятие с них колоколов и о прекращении церковного звона вполне своевременным и целесообразным, т.к. в городе, по данным учета, насчитывается лишь 300 чел. верующих, это во-первых; во-вторых, колокола как металл целесообразнее могут быть использованы для индустриализации нашей страны». Верующих в городе было 1200 человек, но на их просьбы не закрывать церкви, власть не реагировала. В 1935 г. райисполком закрыл Успенскую церковь и передал под общежитие педагогического техникума. В 1940 г. был закрыт по-

следний «очаг мракобесия» – церковь бывшего Иоанно-Богословского мужского монастыря. Здание церкви передали Чердынскому краеведческому музею для организации там антирелигиозного отдела⁹, разместив на втором этаже коллекцию икон и деревянной скульптуры, церковный архив и библиотеку.

Организовать антирелигиозную направленность в деятельности музея на должном уровне не удалось, так как началась Великая Отечественная война. Директора музея И. А. Лунегова призвали на фронт, а перед сотрудниками были поставлены другие задачи. В военные годы для православной церкви и верующих наступили первые послабления. В 1944 г. в нижнем храме Иоанно-Богословской церкви местная власть разрешила проводить богослужения, а в январе 1947 г. она полностью перешла в ведение прихода. Коллективу музея пришлось за 3 дня вывезти 180 возов музейного имущества в Успенскую церковь, которая была передана музею для хранения экспонатов¹⁰.

Долгое время Иоанно-Богословская церковь была единственным очагом православия на территории Чердынского р-на. В 1995 г. верующим вернули Никольскую церковь в сел. Ныроб, а в 2007 г. Воскресенский собор вновь обрел своих прихожан.

В 2000 г. в Успенской церкви г. Чердыни был открыт Музей истории веры, в экспозициях которого представлена православная история края.

Таким образом, несмотря на борьбу власти с православной церковью, она продолжала быть неотъемлемой частью жизни общества все годы существования социалистического государства.

¹ Чагин Г. Н. Храмы земли Чердынской. Пермь: МТ Пермь, 2015. С. 64–65.

² Собор святых, в земле Пермской просиявших/Сост. монахиня Сергия (Королева). Пермь, 2015. С. 280–296.

³ ЧКМ. № 1258/67. Газета «Северный труженик». № 34. 16 сент. 1922 г. Заметка «Церковные ценности на помощь голодающим». С. 1.

⁴ ЧКМ. № 3126/21. Газета «Красный пахарь». № 24. 21 мая 1923 г. Заметка «Укрыватели церковных ценностей» (Группа безбожников). С. 4.

⁵ ЧКМ. № 3126/5. Газета «Красный пахарь». № 19. 18 апреля 1923 г. Заметка без названия (Безбожник). С. 2.

⁶ ЧКМ. Отдел рукописей. Фонд церковей Чердынского уезда. Дело Воскресенского собора. 1925 г. Л. 30.

⁷ Там же.

⁸ Там же.

⁹ Чагин Г. Н. Указ. соч. С. 151–155.

¹⁰ ЧКМ. Отдел рукописей. Фонд краеведческого музея. Отчет музея за 1947 г. Л. 5.

E. P. Kurtenok

Church Parish Functioning in Cherdynsky District
in the First Decades of the Soviet Period

Kurtenok Elena Pavlovna, The Cherdyn Museum of local history named after Pushkin (Cherdyn), deputy academic director for science; kurtenok-e@mail.ru

The paper deals with the soviet government's policy toward the Russian Orthodox Church in Cherdynsky District (Perm Territory) in the first decades of the soviet period: the law and regulation adopted, the bodies used to control their enforcement and the ways it all reflected on the church-goers' lives. Materials from holdings of The Pushkin Cherdyn Museum of Local History were used to provide a glimpse into developing relationships between the local soviet authorities and the Orthodox church communities, about the encroachment on the rights of the parish councils' heads and church community members, about the abuses of the church-goers' human dignity.

Keywords: Perm territory, Cherdynsky District, church closures, seizure of church wealth, anti-religion propaganda, Renovationists.

Е. А. Берман

Церемониальные серебряные предметы
иркутской синагоги, утраченные в результате
государственных кампаний СССР
1922–1939 годов по изъятию
церковных ценностей

Берман Елена Александровна, Иркутский национальный исследовательский технический университет (Иркутск), кафедра ювелирного дизайна и технологий, доцент, кандидат технических наук; lena.berman.amanut@gmail.com

В результате нескольких государственных кампаний СССР 1922 – конца 1930-х гг. из церквей и синагог под разными предлогами – от помощи голодающим Поволжья до наполнения антирелигиозных музеев – были изъяты предметы культа, выполненные из драгоценных металлов и с драгоценными камнями. Подобные изъятия не обошли стороной и синагогу Иркутска. За 17 лет синагога, а вместе с ней и еврейская община лишилась всех серебряных церемониальных предметов, которые были пожертвованы членами общины в период 1878–1917 гг.

Целью данного исследования стало качественное и количественное определение подобных утрат по описям синагогального имущества и актам списаний периода 1922–1939 гг., сохранившимся в Государственном архиве Иркутской обл. В итоге был составлен список утраченных серебряных церемониальных предметов иркутской синагоги, включающий описание каждого предмета, указание его веса, имени дарителя, времени дарения, времени и причины утраты.

Ключевые слова: иудаика, иудаизм в СССР, церемониальные предметы, предметы культа из драгоценных металлов, синагога Иркутска, изъятие церковных ценностей, антирелигиозные музеи.

До Октябрьской революции 1917 г. религиозная жизнь любой еврейской общины на территории Российской империи состояла из целого ряда канонизированных ритуалов, совершаемых как в синагоге, так и за ее пределами. Эти ритуалы касались исполнения ежедневных, праздничных или поминальных молитв, а также со-

бытий, связанных с важнейшими вехами в жизни отдельных членов общины.

Ритуалы традиционно сопровождались церемониальными предметами, которые община или самостоятельно приобретала на деньги, собранные в виде пожертвований, или получала напрямую от дарителей. Подобные церемониальные предметы были выполнены из различных материалов: бумаги, дерева, тканей, фарфора, цветных и драгоценных металлов, в них использовались и драгоценные камни. Из драгоценных металлов применялось, в первую очередь, серебро. Золото в синагогальных церемониальных предметах практически не использовалось, за исключением обручальных колец.

В последней четверти XIX в. в Иркутской губ. сформировалась одна из крупнейших общин за чертой постоянной еврейской оседлости и самая крупная община в Сибири. В 1879–1882 гг. община построила двухэтажную каменную хоральную синагогу, площадь каждого этажа равнялась 650 кв. метров. Еврейская община Иркутска была не только многочисленной, но и богатой – в 1913 г. в городе было зарегистрировано 17 евреев-купцов первой гильдии и 67 евреев-купцов второй. Кроме них в Иркутске проживали евреи, имеющие гильдейские свидетельства, полученные в других городах Иркутской губ., а также мещане со средним уровнем достатка¹.

К настоящему времени здание иркутской синагоги сохранилось и его по-прежнему занимает еврейская община. В 2004 г. там был произведен капитальный ремонт, восстановивший большую часть дореволюционных интерьеров и экстерьеров. Однако, имущество синагоги в течение последних ста лет было утрачено, в том числе различные церемониальные предметы из серебра.

Целью данного исследования стало выявление в Государственном архиве Иркутской обл. (далее ГАИО) описей утраченных серебряных церемониальных предметов, находившихся в распоряжении иркутской синагоги с 1882 по 1939 г., для их последующего внесения в общий каталог утраченных церемониальных предметов синагоги.

Практически все серебряные предметы поступили в распоряжение иркутской синагоги до 1917 г. Первичное описание и документальные подтверждения получения их в дар или приобретения синагогой не сохранились. Это связано с тем, что до января 1918 г. данные предметы находились в собственности синагоги, а их учет был внутренним документооборотом служителей общины, утраченным в советский период. Однако их приблизительный перечень и подробное описание можно получить из постреволюционных фондов ГАИО.

В первую очередь, это связано с тем, что 23 января 1918 г. Советом народных комиссаров РСФСР был издан Декрет «Об отделении церкви от государства и школы от церкви», по которому «все имущества существующих в России церковных и религиозных обществ объявляются народным достоянием. Здания и предметы, предназначенные специально для богослужебных целей, отдаются по особым постановлениям местной или центральной государственной власти в бесплатное пользование соответственных религиозных обществ»². Именно в это время новая власть впервые переписала и поставила на учет церковные и синагогальные ценности. Однако эти описи в ГАИО отсутствуют.

Первые сохранившиеся в ГАИО описи синагогального имущества связаны с исполнением Декрета «О порядке изъятия церковных ценностей, находящихся в пользовании групп верующих», изданного 23 февраля 1922 г. Всероссийским центральным исполнительным комитетом, по которому местным Советам в месячный срок предлагалось «изъять из церковных имуществ, переданных в пользование групп верующих всех религий, по описям и договорам, все драгоценные предметы из золота, серебра и камней, изъятие коих не может существенно затронуть интересы самого культа»³.

Первая сохранившаяся «Опись имущества, принадлежащего Иркутской еврейской синагоге, находящейся по Саломатовской ул. д. № 19» датируется 29 марта 1922 г. В ней указано, что «технической комиссией по изъятию церковных ценностей изъято из еврейской синагоги: две короны, три скрижали, три медальона с цепочками, один указатель праздников, четыре подсвечника и две ручки-указки», общим весом серебра около 4 кг. Из этой же описи становится ясно, что не все серебряные предметы были изъяты, и в синагоге еще оставались «украшения серебряные для свитков Торы – 15 штук; подсвечников серебряных – 5 штук». В данных списках также значится один графин и два подноса, выполненные из серебра⁴.

Спустя менее полутора лет, в ночь с 21 на 22 августа 1923 г., синагога «посредством взлома трех замков»⁵ была ограблена. В процессе дознания был составлен список украденных вещей, среди которых значились «корона серебряная с вырезанной на ней надписью на еврейском и русском языках, пожертвованная в 1878 г.; указок серебряных – 3 штуки, из коих одна, плетеная старинной работы, пожертвованная Барашковым; подсвечников серебряных, высоких, одинарных – 4 штуки; графин серебряный с резьбой – 1; подносов серебряных средней величины, из коих один четырехугольный, а один круглый, на одном из них вырезана надпись: „Пожертвована Патушинским” – 2; чарка серебряная, высокая, гладкая – 1»⁶. Злоумышленники не были установлены, а через полгода, в ночь с 10 на

11 февраля 1924 г., произошла еще одна кража. В описи украденных вещей вновь фигурируют серебряные предметы: «подсвечников серебряных – 4; семисвечник польского серебра, небольшой – 1; бокальчик серебряный – 1»⁷.

После изъятия синагогального серебра в 1922 г. и двух краж 1923 и 1924 г. в новых описях фигурируют: серебряная корона для свитка Торы, «четыре украшения серебряных для свитков Торы, один подсвечник; один графин; два подноса; одна чарка»⁸. Обращает внимание тот факт, что часть серебряных предметов появляется в описи впервые, часть – уже фигурировала как украденные в 1923 и 1924 г. В 1929 г. в синагоге вновь появляются серебряные предметы от дарителей: «Одна бляха серебряная – украшение для свитка Торы; два футлярчика (эцхаим) серебряных на ручки для свитков Торы со звонками» и «серебряное украшение (корона), одеваемая на свитки Торы – 1 шт.»⁹, о чем председатель правления общины верующих в письменной форме уведомил Иркутский окружной административный отдел.

Следующий виток изъятий властями синагогального имущества отражен в группе документов ГАИО 1936 г. Именно в это время начинается государственная кампания по «добровольной сдаче ценностей (серебра) как ненужных к употреблению в религиозных обрядах». 15 июня 1936 г. специальным актом Горфинотдела Госфондов серебряные изделия весом 4 кг 717 г и стоимостью 3301 руб. 90 коп. были списаны из описи общины. В их числе в акте присутствовали: «корона с выбитым рисунком, львами, оленями и орлами, с восьмью колокольчиками и двумя втулками и корона с выбитым рисунком, львами и четырьмя колокольчиками с одной втулкой»¹⁰.

Завершающий этап изъятий серебряных церемониальных предметов из иркутской синагоги происходил с 1936 по 1939 г. Поводом послужила организация в Иркутске Антирелигиозного музея. 16 июня 1936 г., на следующий день после списания Горфинотделом из имущества синагоги «ненужного серебра», специальной комиссией в составе инспектора по делам культов, инспектора Госфондов Горфинотдела, заведующего Антирелигиозным музеем и трех членов общины была составлена опись оставшихся серебряных предметов в количестве 13 штук, весом 4 кг 169 г и стоимостью 2918 руб. 30 коп.¹¹ Передача внесенных в опись изделий в Антирелигиозный музей не состоялась, и лишь 11 апреля 1939 г. эти предметы вместе с остальным движимым имуществом синагоги были переданы по акту Историко-художественному музею г. Иркутска¹². До настоящего времени ни один из предметов, обозначенных в данном акте, как и во всех предыдущих, не сохранился.

По результатам проведенного исследования можно сделать следующие выводы:

1. Изъятие синагогальных культовых предметов из серебра в период с 1922 по 1939 г. происходило в несколько этапов и основными поводами стали борьба с голодом в Поволжье, добровольная сдача серебряных предметов «как ненужных в употреблении» и передача ценностей в историко-художественный музей.

2. Классификация изъятых изделий возможна, но представляет некоторые трудности, связанные с русифицированным названием предметов в описях и актах.

3. Дальнейшая судьба фигурировавших в исследуемых документах изделий в настоящее время неизвестна.

¹ Войтинский В. С., Горнштейн А. Я. Евреи в Иркутске. Иркутск: Типо-литография П. И. Макушина и В. М. Посохина, 1915.

² Декрет СНК «Об отделении церкви от государства и школы от церкви», 23 января (5 февраля) 1918 г. // Собрание узаконений и постановлений рабочего и крестьянского правительства. № 18 от 26 января 1918 г. Отд. I. Ст. 263. М., 1942. С. 286–287.

³ Декрет ВЦИК «О порядке изъятия церковных ценностей, находящихся в пользовании групп верующих», 23 февраля 1922 г. // Собрание узаконений и постановлений рабочего и крестьянского правительства за 1922 г. № 19. Ст. 217. М., 1950. С. 381–382.

⁴ ГАИО. Ф. р-504. Оп. 5. Д. 57. Л. 17.

⁵ ГАИО. Ф. р-504. Оп. 5. Д. 57. Л. 16, 16об.

⁶ ГАИО. Ф. р-504. Оп. 5. Д. 57. Л. 7, 7об.

⁷ ГАИО. Ф. р-504. Оп. 5. Д. 57. Л. 8.

⁸ ГАИО. Ф. р-504. Оп. 5. Д. 57. Л. 14, 15.

⁹ ГАИО. Ф. р-504. Оп. 5. Д. 58. Л. 237, 238.

¹⁰ ГАИО. Ф. р-504. Оп. 5. Д. 361. Л. 6.

¹¹ ГАИО. Ф. р-504. Оп. 5. Д. 361. Л. 161.

¹² ГАИО. Ф. р-504. Оп. 5. Д. 361. Л. 41.

UDC 930.85

E. A. Berman

Silver Cult Items from the Irkutsk Synagogue
Lost as a Result of the USSR Church Wealth
Seizure Campaigns of 1922–1939

Berman Elena Aleksandrovna, The Irkutsk National Research Technical University (Irkutsk), the Department of Jewelry Design and Technology, associate professor, Ph.D. (Technical Aesthetics and Design); lena.berman.amanut@gmail.com

In the course of several USSR government campaigns of 1922 to late 1930s, numerous cult items, made of precious metals and encrusted with gems, were seized from churches and synagogues under various pretexts: from helping the hungry in the Volga Region to replenishing collections of anti-religion museums. The Irkutsk synagogue was also a victim to such seizures. In 17 years, the synagogue and the entire Jewish community were stripped of all silver cult items donated by the community members in 1878–1917.

The goal of the research was to make qualitative and quantitative estimates of those losses using the synagogue inventory lists and write-off statements of 1922–1939, kept in the Irkutsk regional archives. The author was able to make a list of silver cult items the Irkutsk synagogue was deprived of, including each item description, weight, the donor's name, the donation time, the time and the reason for the loss.

Keywords: Jewish studies, Judaism in the USSR, cult items, precious metal cult items, Irkutsk synagogue, seizure of church wealth, anti-religion museums.

Т. В. Ермакова

Этнокультурная специфика
возрождения буддизма в Калмыкии
в позднесоветский период

Ермакова Татьяна Викторовна, Институт восточных рукописей Российской академии наук (С.-Петербург), отдел Центральной и Южной Азии, сектор Южной Азии, ведущий научный сотрудник, кандидат философских наук; taersu@yandex.ru

Доклад посвящен этнокультурной специфике возрождения буддизма в Калмыкии в позднесоветский период. Проанализированы исторические особенности буддийского мировоззрения в Калмыкии в XX в. Особое внимание уделено буддийскому монашескому образованию как фактору поддержания буддийского сообщества – *сангхи*. Установлено, что прекращение в советский период деятельности буддийских академий, учрежденных по инициативе А. Доржиева в 1906 г., прервало тенденцию к упрочению институциональных форм поддержания вероисповедной идентичности калмыков-буддистов. Буддийская традиция в Калмыкии вплоть до перестройки исчерпывалась домашними обрядовыми практиками мирян, а для восстановления полноценной буддийской традиции потребовалось возродить образованное монашество.

Ключевые слова: буддизм в Калмыкии, Агван Доржиев, Очир Доржиев, буддийское монашеское образование.

Калмыцкий этнос после 1917 г. пережил драматические периоды борьбы с религией, что привело к прекращению институционального оформления буддизма (к 1941 г. на территории Калмыцкой АССР не осталось ни одного монастыря). Однако вероисповедная идентичность сохранилась и поддерживалась на обрядовом уровне.

В настоящее время исследователи истории калмыков в XX в. основное внимание уделяют описанию ее внешних факторов – атеистической пропаганде, депортации 1943 г., восстановлению административного статуса территории компактного расселения калмыков в 1956 г. В докладе рассматривается относительно ма-

лоизученная тема монашеского образования в Калмыкии и аргументация его роли в поддержании буддийской традиции.

Возрождение буддизма в Калмыкии в позднесоветский период датируется 1988 г., когда в г. Элисте была зарегистрирована первая буддийская религиозная группа. Верующие сразу столкнулись с проблемой обеспечения ее деятельности: не было ни монахов, ни литературы, ни здания¹.

Вскоре был открыт молитвенный дом, но чтобы начать его работу, инициативным верующим пришлось поехать учиться в буддийскую академию в Улан-Батор. Несмотря на это, уровень их подготовки по-прежнему не соответствовал статусу настоятеля, и были приглашены монахи из Бурятии². (В дальнейшем их сменили тибетцы, обучавшиеся в Индии.) Этот эпизод демонстрирует, что к 1980-м гг. восстановление центров отправления культа столкнулось с проблемой отсутствия компетентного монашества. Рассмотрим монашеское образование в контексте этнокультурной истории калмыков в XX в.

История распространения буддизма за пределы Индии показала, что воспроизведение и развитие буддийского сообщества – *сангхи* – предполагает строго регламентированное взаимодействие монахов и мирян на базе монастыря в полном объеме практик³. Основополагающую роль в поддержании Учения Будды играло монашеское образование.

В Монголии и Бурятии, воспринявших тибетскую буддийскую традицию школы Гелуг, крупные монастыри являлись центрами обучения монахов (монастыри-университеты). Этнокультурная особенность формирования буддийского сообщества Калмыкии проявилась в том, что в монастырях осуществлялось начальное обучение, но не было университетов для монахов. Б. Б. Барадийн указал на это обстоятельство в очерке «Буддийские монастыри», впервые опубликованном в 1926 г.: «Калмыцкие хурулы не имели факультетов, и монахи обучались у опытных наставников на дому»⁴. По сравнению с Бурятией в Калмыкии монахов значительно меньше. Ценно наблюдение Барадийна о существенном отличии организации монашеской жизни в калмыцких хурулах по сравнению с Тибетом, Монголией и Буртией.

Усилиями видного буддийского деятеля, доверенного лица далай-ламы XIII Агвана Доржиева (1854–1938) в 1906 г. в Малодербетовском улусе были учреждены буддийские академии для монахов. Эта инициатива получила благословение далай-ламы, была поддержана калмыцкими буддийскими иерархами и местными административными кругами. Доржиев, как явствует из устава и учебных программ, имел амбициозный замысел воссоздать полный цикл монашеского обучения по тибетской модели⁵, но зако-

нодательная регламентация численности монахов⁶ и политика борьбы с религией после революции 1917 г. препятствовали его реализации.

Существенным для понимания дальнейших путей буддизма калмыков является то, что прекращение деятельности монастырей и храмов не означало исчезновения у них буддийской конфессии. Начальный период внеинституционального поддержания религиозной идентичности калмыков-буддистов в XX в. описан монголоведом-буддологом А.М. Позднеевым, побывавшим в станице Денисовской Астраханской губ. в 1919 г. До революции там было два хурула, жители-калмыки исповедовали буддизм. На месте обнаружилось, что реализовать замысел по сбору буддийских рукописей и предметов культа не удастся. В ходе Гражданской войны, как записал ученый в дневнике, хурулы были разрушены. Буддисты-миряне, лишённые возможности посещать храм, семьями собирались на дому у послушника, чтобы слушать его чтение буддийских сочинений. За это они приносили ему немного крупы или масла, или кормили обедом. Это был его единственный источник питания⁷.

Этот эпизод из раннесоветского периода показывает, что вероисповедная идентичность калмыков подкреплялась практикой слушания буддийских текстов и подношением пищи в благодарность. То и другое полностью соответствовало предписываемым буддийской нравственностью способам проявления благочестия.

В советский период на протяжении десятилетий буддизм как личное вероисповедание калмыков сохранялся и поддерживался в этноспецифичных формах обрядности. Этот процесс детально исследовала Э.П. Бакаева, выявившая три способа поддержания буддизма, хотя и в редуцированной форме. Все обрядовые практики осуществлялись неофициально, на дому. Их проводили монахи, не снявшие обеты, либо миряне, получавшие наставления от монахов прежде, либо «знающие» (последнее восходит к изначально небуддийским практикам знахарства и гадания)⁸.

Завершившееся в Калмыкии полное восстановление буддизма как официальной религии породило явление, достойное, на наш взгляд, специального исследования. Уже с 2000-х гг. наблюдается такая форма актуализации культурной памяти, как популяризация биографий просвещённых монахов-калмыков, родившихся еще до 1917 г. Так, в Центральном хуруле «Золотая обитель Будды Шакьямуни» в Элисте 27 февраля 2017 г. открылась выставка «Буддизм в Калмыкии: возвращённые имена», на которой были представлены документы 1862–1898 гг., содержащие информацию о полученном монахами буддийском образовании⁹.

Биографии чтимых деятелей буддизма XX в. восстанавливаются особенно подробно. Существенно, что эти жизнеописания конструируются по модели традиционного агиографического жанра. В них отмечается преданность вере (не снимал ли обетов в ссылке и на поселении), всегда ли помогал верующим, проводил обряды. Обладал ли способностью лечить чтением специальных текстов, предсказывать события. Подчеркивается высокий образовательный ранг.

Жизненный путь воссоздается на основе документов, но с активным привлечением воспоминаний родственников, рассказов верующих о личных встречах и впечатлениях. Наиболее подробно и живо восстановлена биография такого популярного представителя просвещенного калмыцкого монашества, как Очир Манджиевич Дорджиев (1887–1980, монашеское имя Тугмюд-гавджи). Он прошел полный курс монашеского обучения, претерпел все мытарства 1930-х – 1940-х гг.; по возвращении из ссылки в 1956 г. проживал в пригороде Астрахани (Калмыцкий базар), а с 1964 г. переехал в пос. Цаган-Аман, где вплоть до кончины проводил на дому религиозные обряды¹⁰.

Воссоздание истории калмыцкого монашеского сообщества XX в. представляет собой попытку внесения в общественное сознание собственно буддийской составляющей. Целенаправленное документирование биографий просвещенных монахов-калмыков XX в. актуализирует в сознании калмыцкого этноса историю своей буддийской традиции. Этот аспект культурной памяти становится существенной опорой этнокультурной идентичности.

¹ Бакаева Э. П. Об особенностях современной религиозной ситуации в Калмыкии (буддизм и «посвященные»)//Этнографическое обозрение. 2004. № 3. С. 27.

² Жуковская Н. Л. Калмыкия и калмыки в постперестроечное время//Этнографическое обозрение. 1993. № 2. С. 23.

³ Островская Е. А. Воины радуги; Институционализация буддийской модели общества в Тибете. СПб.: Издательство СПбУ, 2008.

⁴ Барадийн Б. Б. Буддийские монастыри//Orient: Альманах. СПб., 1992. Вып. 1. С. 83.

⁵ Такое усиление буддизма живо волновало православных священников, осуществлявших миссионерское служение среди калмыков. Первое описание калмыцкой буддийской академии см.: Гурий (Степанов), иеромонах. Нигилистический принцип буддийской философии и современные течения в ламаизме. Казань: Центральная типография, 1909. С. 15–18.

⁶ Высочайше утвержденное Положение об управлении калмыцким народом. СПб., 1835. С. 29.

⁷ Позднеев А. М. Дневник поездки в поселения и хурулы калмыков Сальского округа Всевеликого войска Донского и Астраханской губернии с целью приобретения произведений калмыцкой литературы и предметов религиозного культа калмыков в 1919 г.: Архив востоковедов Института восточных рукописей РАН. Ф. 44. Оп. 1. Ед.хр. 61. Л. 17 об.

⁸ Подробнее см.: Бакаева Э. П. О традициях передачи знания у буддистов Калмыкии в 1950-е – 1980-е гг. // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2012. № 3. С. 83–89.

⁹ Электронный ресурс URL: <https://vkalmykii.com/obnarodovany-imena> (дата обращения 10.08.2022).

¹⁰ Буддийская традиция в Калмыкии в XX веке. Памяти О. М. Дорджиева (Тугмюд-гавджи) (1887–1980). Элиста: Калмыцкий институт гуманитарных исследований РАН, 2008. С. 6–7.

UDC 39;394

T. V. Ermakova

Ethno-Cultural Specifics of Buddhism Revival in Late Soviet Kalmykia

Ermakova Tatyana Victorovna, The Institute of Oriental Manuscripts of the RAS (St. Petersburg), the Department of Central and South Asian, subdivision South Asia, leading research fellow, Ph. D. (Philosophy); taersu@yandex.ru

The paper deals with ethno-cultural specifics of Buddhism revival in late Soviet Kalmykia. The author analyzes historical features of the XX century Buddhist worldview in Kalmykia, paying particular attention to education of Buddhist monks as a factor upholding a Buddhist community (the sangha). It is an established fact that the soviet period closure of Buddhist academies set up at A. Dorzhiev's suggestion in 1906, stopped the trend for strengthening institutional forms of upholding Buddhist Kalmyks' confessional identity. Up until the Perestroika, Buddhist practices in Kalmykia were limited to home ceremonies performed by laymen. A revival of the educated monk class was needed to restore a full-blooded Buddhist tradition.

Keywords: Buddhism in Kalmykia, Agvan Dorzhiev, Ochir Dorzhiev, education of Buddhist monks.

МИГРАЦИИ В СССР: ЭТНОКУЛЬТУРНЫЕ АСПЕКТЫ

УДК 94(470.22)

Е. Ю. Дубровская

Межэтнические и межкультурные взаимодействия в 1917 году глазами строителей Мурманской магистрали¹

Дубровская Елена Юрьевна, Институт языка, литературы и истории Карельского научного центра Российской академии наук (Петрозаводск), сектор истории, старший научный сотрудник, кандидат исторических наук; ldubrovskaya@inbox.ru

Материалы периодической печати 1917 г., относящиеся ко времени сооружения Мурманской магистрали, свидетельствуют о том, что ее строители не могли не заметить и не почувствовать поликультурный настрой региона, где им довелось оказаться вместе с тысячами трудовых мигрантов и военнопленными. На фоне статей, авторы которых не имели непосредственного отношения к сооружению магистрали, выделяются путевые заметки и воспоминания инженеров и железнодорожных служащих. Исследованы впервые вводимые в научный оборот публикации издававшейся в Петрозаводске газеты «Мурманский путь». «Очерки мурманского быта» иллюстрируют организацию повседневности военного времени в рамках таких структур, как труд и досуг строителей железной дороги в чрезвычайных обстоятельствах «военного лихолетья» в арктической зоне. «Заметки «От Кеми до Мурманска: письма туриста»» вышли в форме путевых очерков железнодорожника, который выступил под псевдонимом и поделился впечатлениями от поездки по арктическим территориям через станции и разъезды только что сооруженной

линии. Он стал одним из первых «экскурсантов» в с. Ловозеро, отметившим особенности традиционной жизни саамского и ижемского населения Кольского Севера. Однако контакты железнодорожников с коренным населением не всегда были столь дружественны. Под влиянием фактора революционного и военного времени они носили вынужденный характер и часто приводили к обострению отношений, как и взаимодействие с рабочими и служащими, прибывшими на строительство магистрали из Америки или Китая.

Ключевые слова: Мурманская железная дорога, 1917, «Мурманский путь», межэтнические и межкультурные взаимодействия.

В эпоху социально-политических трансформаций на Севере России начала XX столетия Первая мировая война и Революция 1917 г. в России сказались на организации общественной жизни населения территорий, прилегающих к Мурманской магистрали. На фоне революционных потрясений строителям дорог особенно запомнились усиливающиеся в то время социальные и национальные противоречия участников событий. Геополитическое значение Кольского Севера и Российской Карелии, возросшее в годы мировой войны и обусловленное сооружением Мурманской железной дороги, потребовало формирования новых ценностных ориентиров в мировоззрении людей, занятых на строительстве магистрали в 1915–1917 гг.²

Материалы периодической печати, относящейся к раннесоветскому времени, свидетельствуют о том, что строители не могли не заметить и не почувствовать поликультурность региона, в котором им довелось оказаться вместе с тысячами трудовых мигрантов и военнопленными. Обращают на себя внимание публикации в газете «Мурманский путь». С сентября 1917 по март 1918 г. она издавалась в Петрозаводске, центре Олонецкой губ., Главным дорожным комитетом Союза служащих и рабочих Мурманской железной дороги.

В ноябре 1917 г. в нескольких номерах газеты печатались «Очерки Мурманского быта»³, носившие публицистический характер. Их автор, писавший под псевдонимом «А. де-Л.», был железнодорожным служащим 3-го участка 3-й дистанции пути (ст. Энгозеро). Благодаря этим публикациям можно узнать о межэтнических и межкультурных взаимодействиях строительных рабочих и служащих магистрали, об их восприятии культурного пространства Севера.

Традиционная промысловая деятельность коренного саамского населения края воспринималась трудовыми мигрантами как своего рода повинность в пользу появившихся здесь государственных институций: «Лопари находятся на учете у железной дороги и, согласно контракту, по определенной цене обязаны весь улов сдавать

в кладовые дистанции». На практике же это выполнялось плохо: «Рыба продается по дорогой цене в частные руки, а в кладовые попадает лишь малая толика улова», – сокрушался один из авторов⁴.

Говоря о Кандалакше как о центре лопарской торговли, автор путевых заметок «От Кеми до Мурманска» перечисляет, вероятно, не впервые увиденный им ассортимент товаров, в основном поставившихся сюда коми-ижемцами. Он сравнивает баснословные цены с теми, что были прежде. По словам путешественника, «весь этот товар привозится сюда из окружающих приморских деревень», в особенности из Ловозера, название которого, вероятно, воспринятое на слух, приводится в заметках как «Ла-озеро». Ловозеро он именуется «большой деревней, расположенной на берегу Северного Ледовитого океана» и обещает читателю в дальнейшем «особо» рассказать о ней. Среди привезенных в Кандалакшу товаров внимание путешественников по Мурманской магистрали, безусловно, должны были привлечь шкурки тюленей, нерпы, белок, куниц, горностаев⁵. Описание путешествия в Ловозеро относится к поездке из Ягельного Бора в ноябре 1916 г., занявшей несколько дней и не уступавшей сегодняшнему экстремальному туризму.

Из «Писем туриста» читатель узнавал, что «в Ла-озере» живут «ижемцы, переходная народность от лопарей к самоедам». Вне зависимости от степени соответствия этнографических представлений строителя Мурманской магистрали современным этнологическим знаниям⁶, нельзя не оценить его искренний интерес к социально-культурной среде того края, где он вынужденно оказался. «Издrevле ижимцы торговали с Кандалакшей и Соловецким монастырем», они «занимаются рыбной ловлей, но главным образом, звероловством, и у себя обделывают шкуры, шьют ковры, пимы, шапки из оленьих шкур и нерпы». Не ускользнул от внимания путешественника и уровень благосостояния местного неземледельческого населения: «Ижимцы – крайне зажиточные крестьяне, у некоторых стада по две тысячи оленей»⁷.

Однако контакты железнодорожников с коренным населением Севера России, находясь под влиянием фактора военного времени, не всегда были столь дружественны. Взаимодействия с рабочими и служащими, прибывшими на строительство магистрали из других стран, носили вынужденный характер и также часто приводили к обострению отношений. «Построечник», проехавший «туристом» от Кеми до Мурманска, на страницах газеты «Мурманский путь» описывает курьезное происшествие с американскими монтерами, работавшими на десяти участках стройки в качестве инструкторов по обслуживанию двух десятков экскаваторов, доставленных из Америки. По его словам, договор с американцами, получавшими жало-

вание в 200 долларов, что в 1917 г. соответствовало 1200 руб., «был заключен еще задолго до войны, признаков которой не чувствовалось совершенно в политической атмосфере». Согласно контракту, иностранцы должны были находиться «на полном иждивении дороги и получать продукты натурой». Автору публикации пришлось перевести с английского «этот подлый договор, заключенный американской экскаваторной фирмой «Magion», который в составе предоставляемых продуктов предусматривал «шоколад, варенье-желе, консервированные фрукты, сигары, табак, овощи, яйца и прочие деликатесы». В то же время строители дороги вынуждены были довольствоваться «знаменитой продовольственной нормой», «и то на самые необходимые продукты, яиц, свежего масла, не говоря уже о консервах и варенье, в помине нет»⁸. Не получив оговоренного в контракте, «американец предъявляет ультиматум начальнику участка: или давайте мармелад или забастовка», на что тот «в вежливой форме объясняет: дай Бог, чтобы черного хлеба хватало, а вы тут о шоколаде трактуете». Не удовлетворенный таким ответом, монтер-инструктор «идет на фактический контроль в кладовую», где с трудом пытается объяснить, чего он хочет. «Узнав, что он требует шоколад чуть ли не с ликером, целый поток бесцеремонных жестов сыплется на него: «Ах ты, буржуй музейный, чего захотел, в комитет его, бойкотировать евонную машину!»». Американец, «инстинктивно догадываясь, что его ругают, засучивает рукава и готовится к боксу»⁹. Как видим, настроения интолерантности, характерные сегодня для населения северных территорий¹⁰, давали себя знать уже в революционные месяцы 1917 г., усиливая формирующуюся социальную «антибуржуйскую» идентичность строителей Мурманской магистрали.

Весной–осенью 1917 г. этому контингенту рабочих не удалось избежать потрясений, вызванных социальными катаклизмами переломного времени. Исследования московского историка В. П. Булдакова показали, что в этот период повсеместное распространение получило недоверие российского общества ко всем «чужим». В конце мая этническую окраску получил вопрос о «разгрузке» Петрограда. В частности, на заседании рабочей секции Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов шла речь о необходимости вывезти из столицы до 80% работающих на фабриках военнообязанных, военнопленных, сократить применение «женского, детского и желтого труда». В связи с постановлением о «расторжении всех контрактов, привязывающих к Петрограду желтых рабочих» и об обеспечении им выезда из города предполагалось «изъять из обращения» 100 тысяч китайцев¹¹.

Стоит ли удивляться, что такое решение способствовало криминализации китайского миграционного потока, когда «изъятые из обращения» и находившиеся во взаимодействии как с местным населением, так и с земляками-рабочими, по-прежнему занятыми на строительстве магистрали, они негативно влияли на социальную обстановку и вносили в нее элементы той социально-культурной среды, выходцами которой являлись. Этническая преступность не обошла и Мурманскую железную дорогу. О подобных чрезвычайных происшествиях газета «Мурманский путь» писала осенью 1917 г.; публикации свидетельствуют о «культурном шоке»¹², который испытали русские очевидцы трагических событий, и проявляли сарказм по отношению к китайским строителям.

¹ Исследование выполнено при частичной поддержке ТП 9 «Технологическое обеспечение социальной стабильности полиэтнических сообществ на Северо-Востоке России» НОЦ «Север – территория устойчивого развития».

² Голубев А. А. Мурманская железная дорога. История строительства (1894–1917). СПб.: СПбГУ путей сообщения, 2011; Дубровская Е. Ю. Пространство сооружения магистрали: строители Мурманской железной дороги и население прилегающих территорий в годы Первой мировой войны//Население Кольского полуострова между двумя мировыми войнами: взгляд историков и антропологов. М.: Наука, 2022; Змеева О. В. Система взаимодействий в полиэтническом сообществе строителей Мурманской железной дороги//Труды Кольского научного центра РАН. Гуманитарные исследования. 2/2022 (13). Вып. 22. С. 62–75; Нахтигаль Р. Мурманская железная дорога (1915–1919): военная необходимость и экономические соображения. СПб.: Нестор-История, 2011; Трошина Т. И. Великая война и Северный край: Европейский Север России в годы Первой мировой войны. Архангельск: ИД САФУ, 2014.

³ А де-Л. Очерки Мурманского быта//Мурманский путь. 1917. 5–8 нояб.

⁴ Построечник. От Кеми до Мурманска (Письма туриста)//Мурманский путь. 1917. 2 нояб.

⁵ Там же. 1 нояб.

⁶ Чувьуров А. А. Кольские коми-ижемцы: импульсы и маркеры конструирования этнической идентичности//Северо-Запад: этноконфессиональная история и историко-культурный ландшафт: Седьмые Междунар. Шегреновские чтения. СПб.: Изд. дом «Инкери», 2018. С. 59–69.

⁷ Построечник. От Кеми до Мурманска (Письма туриста)//Мурманский путь. 1917. 2 нояб.

⁸ Там же. 29 окт.

⁹ Там же.

¹⁰ Шабаев Ю. П. Народы Европейского Севера России: положение, специфика, идентичности. URL: <http://naukarus.com/narody-evropeyskogo-severa-rossii-polozhenie-spetsifika-identichnosti>

¹¹ Булдаков В. П. Хаос и этнос. Этнические конфликты в России, 1917–1918 гг.: условия возникновения, хроника, комментарий, анализ. М.: Новый хронограф, 2010. С. 262.

¹² Лапурко В. Вымогатель//Мурманский путь. 1917. 27 окт.; Хунгузы//Там же.

UDC 94(470.22)

E. Y. Dubrovskaya

Interethnic and Intercultural Interactions
of 1917 as It Is Seen by the Builders
of the Murmansk Railway

Dubrovskaya Elena Yurievna, The Institute of Language, Literature and History of the Karelian Research Center of the RAS (Petrozavodsk), the Sector of History, senior researcher; ldubrovskaya@inbox.ru

Materials of the periodical press published in 1917 and relating to the time of construction of the Murmansk railway indicate that its builders indicate the multicultural environment in the region, where they had appeared along with thousands of labor migrants and prisoners of war. Against the background of articles whose authors were not directly related to the construction of the highway the track notes and memories had been written by the engineers and railway employees are distinguished by this article author. The newspaper “Murmansk Railway” articles and notes had been published in Petrozavodsk are investigated in this article for the first time. “Essays on Murmansk Life” characterize the everyday life of wartime within the framework of such structures as the labor and leisure of builders of the railway in the emergency of the “military evil time” in the Arctic zone. Notes “From Kem to Murmansk (Tourist Letters)” written in the form of travel essays by a railroad office-worker, who signed the pseudonym and shared his impressions of a trip to the Arctic territories through stations and junctions of the newly built line, became one of the first “excursionists” to the village of Lovozero, noting the features of the traditional life of the Kola North the Saami and the Izhemians. However, the contacts of railway workers with the indigenous population of the North of Russia were not always so friendly. Under the influence of the revolution and wartime factor they were forced in nature and often led to an aggravation of relations, as well as interactions with workers and employees who arrived to build the railway from America or China.

Keywords: the Murmansk railway, 1917, newspaper “Murmansk put”, interethnic and intercultural interactions.

Е. А. Орехова
Колонисты Мурманского берега
в 1920–1930-х годах

Орехова Екатерина Александровна, Мурманский областной краеведческий музей (Мурманск), отдел экспозиционно-выставочной деятельности, специалист, кандидат исторических наук; orekhova51@gmail.com

Официальная колонизация Мурманского берега Кольского полуострова, начавшаяся в 1860 г., имела многонациональный и многоконфессиональный характер. Процессы, происходившие в стране в 1920–1930-х гг., привели к ликвидации колоний в их сложившемся виде.

Ключевые слова: Мурманский берег, колонизация.

Официальная колонизация Мурманского берега, северного побережья Кольского п-ва, началась в 1860 г. Ее специфическими чертами стали многонациональность и многоконфессиональность. Основную часть колонистов составляли три группы – норвежцы, финляндцы и русские, но эти определения можно назвать условными. «Норвежцами» считали всех, кто приходил на Мурман с норвежскими документами. К «русским» обычно относили всех выходцев из России. Значительную часть «финского» потока переселенцев составляли квены (небольшая этнографическая группа норвежских финнов, населявших Северную Норвегию с XVI в.). Основным фактором для определения «национальности» чаще всего являлось вероисповедание – православное или евангелическо-лютеранское.

Национальное разделение, совпавшее и с географическими особенностями Мурманского берега, в основном сохранялось вплоть до 1930-х гг. Уже на начальном этапе колонизации Мурман «русские» колонисты селились преимущественно на Восточном (Русском) берегу, а «нерусские» – на Западном. Большую часть пограничного Западного Мурмана населяли финляндцы, исключение составляли русско-карельская группа колоний по берегам Печенгской губы и норвежский Цып-Наволок.

В 1920, 1921–1922 гг. Северной научно-промысловой экспедицией было проведено статистико-экономическое исследование

Мурмана. Оно показало, что по сравнению с аналогичным исследованием 1899 г. принципиальных изменений в национальном составе колонистов еще не произошло, но наметились тенденции к изменениям в национальном составе колоний, которые окончательно проявятся в 1930-х гг.¹ Уменьшилась численность национальных меньшинств за счет их ассимиляции двумя крупнейшими группами – русскими и финнами (в первую очередь, это относилось к карелам и саамам-фильманам). Исключение в этом процессе составляли норвежцы, образовавшие устойчивую обособленную группу. Численное преобладание финнов по всему Мурману сокращалось. Напротив, число русских увеличивалось по всему побережью, хотя традиционно самым большим оставалось на Восточном Мурмане. Как новую тенденцию следует отметить образование в начале 1920-х гг. колоний со значительным или преимущественно саамским населением².

В начале 1930-х гг. национальная специфика мурманских колоний сохранялась, отражаясь и на административном делении. Западный Мурман входил в состав Полярного р-на, который имел статус национального финского. Помимо шести финских, здесь был и единственный в СССР норвежский сельсовет. Делопроизводство в финских колониях и колхозах, преподавание в ряде школ велись на финском языке³. Вместе с тем, с началом «социалистической колонизации» и общим ростом населения побережья с начала 1930-х гг. преобладание финнов на Западном Мурмане снижалось⁴.

Разрушение традиционного уклада жизни, а вместе с ним и самих финских колоний усилилось с коллективизацией и сопровождавшим ее раскулачиванием⁵. После удаления в середине 1930-х гг. из Полярного р-на «классово чуждых элементов» власти приступили к «выдавливанию» финнов из руководства советских и партийных органов Мурманского округа. Тогда же финский язык в делопроизводстве был заменен на русский⁶.

С начала 1930 г. население колоний существенно пополнилось за счет спецпереселенцев. Их размещали не только в специально построенных поселках, таких как Дальние Зеленцы, но и в уже существовавших поселениях. Еще один удар по колониям нанесло создание в 1933 г. Северной военно-морской флотилии. Для обеспечения нужд флота были выселены колонии Ваенга и Грязная губа (авиация флота), Торос-остров и Кильдин (береговая артиллерия).

Накануне Второй мировой войны руководство СССР решило принять меры к обеспечению безопасности приграничных территорий и «очищению» их от «политически неблагонадеж-

ных элементов». К таковым были отнесены граждане «инонациональностей», в том числе мурманские финны и норвежцы, несмотря на их лояльность власти. Летом 1940 г. в ходе специальной операции лица финляндского и норвежского происхождения были выселены из Мурманской обл. в Карело-Финскую ССР и Архангельскую обл.⁷

Происходившие изменения затронули и коренное население Кольского п-ва. Для части саамских хозяйств уход в колонии с началом коллективизации стал попыткой избежать колхозного обобществления оленьих стад. Этому всячески препятствовали местные власти, опасавшиеся распада малооленных лопарских колхозов и потери рабочих рук⁸. Наибольшее влияние колонизация оказала на саамов-фильманов, число которых на Западном Мурмане постоянно снижалось⁹. Участие в колонизации, то есть переход к оседлому образу жизни, требовало от саамов коренного изменения образа жизни и отказа от традиционных форм ведения хозяйства. Кольские саамы восприняли колонизацию без энтузиазма. Фильманы же, приняв в ней самое активное участие, утратили не только специфику хозяйственной деятельности, но и национальный облик, растворившись в среде финских колонистов.

Колонизация Мурмана в 1920–1930-х гг. имела свои специфические черты. Впервые ей был придан плановый и централизованный характер: создавались специальные местные и центральные органы власти, отвечавшие за колонизацию. Кроме того, колонизация Мурмана была «вписана» в общий процесс экономического освоения Севера России (Карело-Мурманского края). Новым явлением в освоении побережья в 1930-х гг. стало использование принудительного переселения, что ранее считалось неприемлемым. Власти перешли от попыток оказания помощи мелкому кустарному хозяйству, ориентированному прежде всего на поддержание собственных экономических нужд, к созданию крупной рыбной промышленности, способной обеспечивать экономические потребности не только региона, но и страны в целом. Следует учитывать и военно-политические интересы советского государства на Севере. В этих условиях существование колоний с их специфическим населением и хозяйством было неприемлемо. Общее ужесточение политического режима в стране, произошедшее к концу 1930-х гг., и опасность военного конфликта на Крайнем Севере подталкивали власть к ликвидации колоний в их традиционном виде.

¹ Материалы по статистическому исследованию Мурмана. Т. III. Таблицы приложений. СПб., 1902; Воленс Н. В. Работы Экономического отряда на Мурмане летом 1920 г. Предварительный отчет. Высший Совет Народного Хозяйства. Н.Т.О.//Труды Северной Научно-Промысловой Экспедиции. Выпуск 11-й. Петербург, 1921; Он же. Колонисты Мурмана и их хозяйство: Материалы статистико-экономического исследования 1921–1922 гг. М., 1926.

² Воленс Н. В. Колонисты Мурмана и их хозяйство. С. 12; Государственный архив Мурманской области (далее ГАМО). Ф. Р-162. Оп. 1. Д. 373. Л. 60–61; Ф. 213. Оп. 3. Д. 6. Л. 1–9; Золотарев Д. А. На Западно-Мурманском побережье летом 1928 года//Кольский сборник. Труды антрополого-этнографического отряда Кольской экспедиции. Академия наук СССР. Материалы экспедиционных исследований. Л., 1930. Вып. 23. С. 17, 20.

³ ГАМО. Ф. Р-109. Оп. 1. Д. 54; Ф. Р-162. Оп. 1. Д. 373. Л. 51; МОКМ. МОМКП 8543.

⁴ ГАМО. Ф. Р-162. Оп. 1. Д. 373. Л. 48, 49, 50.

⁵ Были образованы финские колхозы «Райя Каластайя» Озерко, «Тармо» Ура-губа, «Сойхту» Тюва-губа, «Риенто» Ваенга, «Тойсту» Грязная губа, «Похьян Тахтя» Белокаменка; Шашков В. Я. Спецпереселенцы в истории Мурманской области. Мурманск, 2004. С. 78–82; ГАМО. Ф. Р-162. Оп. 2. Д. 3. Л. 62.

⁶ Киселев А. А. Финны на Мурмане: «Белые пятна истории»//Полярная правда. 1989. 11, 12 марта.

⁷ Шашков В. Я. Репрессии в СССР против крестьян и судьбы спецпереселенцев Карело-Мурманского края. Мурманск, 2000. С. 134–141; ГАМО. Ф. Р-162. Оп. 2. Д. 3. Л. 110.

⁸ ГАМО. Ф. Р-162. Оп. 1. Д. 373. Л. 39; Д. 385. Л. 1–4, 6–8.

⁹ Золотарев Д. А. Указ. соч. С. 4.

UDC 94.47

E. A. Orekhova

Murmansk Shore Colonists in the 1920–1930s

Orekhova Ekaterina Alexandrovna, The Murmansk Museum of Regional Studies (Murmansk), the Department of Exposition and Exhibition Activities, specialist, Ph. D. (History); orekhova51@gmail.com

Official colonization of Murmansk shore (the Kola Peninsula) started in 1860 and was multi-ethnic and multi-confessional in nature. The processes that took place in the country in the 1920–1930s caused the colonies as they existed then to dissolve.

Keywords: Murmansk shore, colonization.

И. А. Разумова

Этнографические наблюдения
советского ученого-геолога
(по воспоминаниям Е. Б. Халезовой)¹

Разумова Ирина Алексеевна, Кольский научный центр Российской академии наук (Апатиты), Центр гуманитарных проблем Баренц региона, главный научный сотрудник, доктор исторических наук; irinarazumova@yandex.ru

В докладе рассматривается книга воспоминаний ученого-геолога Е. Б. Халезовой, которая с середины 1940-х гг. до 1991 г. участвовала в экспедициях в разные области, края и республики СССР. Цель – определить информационные возможности этого источника с этнографической точки зрения. Значительную часть этнографической информации составляют описания и характеристики населенных пунктов, которые менялись со временем. Книга содержит ценные сведения о традиционном быте и качестве жизни представителей этнических и социальных групп в разных регионах страны. Они воссоздаются, сопоставляются и оцениваются сквозь призму памяти мемуаристки, ее дневников и писем. Прежде всего, этнографические заметки и описания позволяют выявить и понять структуру и характер межкультурных коммуникаций, в которые вовлекаются геологи в процессе полевой работы. Они также выявляют характерные модели поведения приезжего специалиста в инокультурной среде.

Ключевые слова: этнография, антропология профессий, геологи, воспоминания, межэтнические коммуникации, советский период.

Геологи относятся к людям пишущим. Этому способствует вид деятельности, связанной с путешествиями, рисками, драматургией поисков, профессиональной практикой ведения полевых дневников и переписки в условиях «долгого поля». Геологи – авторы мемуаров и автобиографий; им свойственны многие черты путешественников, описательность. Последнее касается преимущественно описаний природно-ландшафтных особенностей территорий, но не исключает ценных этнографических заметок. Образцом для геологов является академик А. Е. Ферсман. Он оставил большое лите-

ратурное наследие, в котором много полезного могут почерпнуть, в частности, этнографы-саамоведы.

Евгения Борисовна Халезова (1924–2021) – кандидат геолого-минералогических наук, более 40 лет работала в Московском институте минералогии, геохимии и кристаллохимии редких элементов. Ее мать – И.Д. Борнеман-Старынкевич (1891–1988), выдающийся ученый-минералог и химик, коллега А.Е. Ферсмана. В советский период в круг друзей семьи входили Вернадские, Ольденбурги и другие представители научной элиты. Отец Евгении Борисовны, геолог Б.А. Борнеман, погиб во время Великой Отечественной войны. Ее детские годы прошли на Хибинской исследовательской горной станции Тьетта Кольской базы Академии наук СССР. По собственному признанию, она всю жизнь с ранней юности провела «в поле». Еще не окончив школу, в эвакуации, в Башкирии, работала в геологической экспедиции коллектором. Геологический факультет Московского государственного университета окончила в 1949 г., аспирантуру – в 1968 г. С середины 1940-х гг. до 1991 г. Е.Б. Халезова участвовала в экспедициях в разные области, края и республики СССР: на Кольский п-ов, в Карелию, на Урал, Дальний Восток, Алтай, Кавказ, в Закарпатье, Якутию, Среднюю Азию. Она была склонна к литературным занятиям и писала стихи. На склоне лет опубликовала книгу воспоминаний «Дорога длиною в жизнь»².

География и этнография геологических экспедиций, тем более для исследователей, работавших в крупных научных институтах и организациях геологоразведки, охватывают пространство всей страны, включая как малозаселенные фронтальные территории, так и районы интенсивного промышленного освоения. В отличие от этнографов контакты геологов с местными жителями ограничены утилитарными потребностями. Местные – это проводники по территории, рабочие геологических партий, отдельные жители окрестных населенных пунктов, обеспечивающие геологов продуктами. Посредническую роль могли исполнять укорененные коллеги, знающие территорию, владеющие национальным языком и пользующиеся авторитетом у населения. Символика государственно значимой деятельности по поиску и разработке месторождений основывалась на «цивилизационной миссии» геологов, что рано или поздно вступало в противоречие с наблюдаемыми последствиями этой деятельности для природы и человека.

Первые контакты Е.Б. Халезовой с представителями иных культур относятся к детству и ранней юности. Память о детстве сохранила эпизод одного из ежегодных приездов саамской семьи на базу к ученым, впечатления от привезенных ими продуктов

и теплой меховой одежды. В годы эвакуации мемуаристка столкнулась с башкирами, татарами и представителями других групп населения Башкирии военных лет. Воспоминания зафиксировали как случаи непосредственных взаимодействий, так и внешние наблюдения.

Значительную часть этнографической информации из рассказов о полевых сезонах 1940–1980-х гг. составляют описания и характеристики населенных пунктов. Автор отмечает расположение поселений на местности, ландшафт, экологические особенности, виды жилых и общественных строений, социальный состав жителей, соответствие облика поселения официальному типу: г. Стерлитамак военных лет – это «деревня», как и туркменский г. Казанджик 1979 г. («две улицы, по которым бродят верблюды»). С появлением геологических партий структура и облик поселений менялись. В заполярном саамском пос. Ловозеро в 1947 г. мемуаристка обратила внимание на финские домики местных геологов наряду с традиционными жилищами саамов. Она описала посещение одного из таких жилищ с этнографическими подробностями, которые вполне соответствуют описаниям этнографов второй половины XIX – первой трети XX в. В 1980 г., в Таджикистане, побывав в маленьком г. Пенджикенте, она подчеркнула, что на окраине находится геологический поселок, который отличается от остальной части города чистотой и озелененностью. Таким же «оазисом», утопающим в садах, выглядел кишлак, в котором жило коренное население. Он контрастировал с пос. Зеравшан, «совсем неприглядным» местом расселения работников обогатительного комбината. В разные годы и в разных регионах мемуаристка обращала внимание на уровень и качество жизни населения. В частности, в 1973 г. она наблюдала огромную разницу в благосостоянии и организации быта закарпатских крестьян, которые жили по-городскому, и «советских».

В воспоминаниях немало деталей быта, отличающих этнокультурные культуры и относящихся к сферам питания, здоровья и гигиены, языка, одежды и внешнего вида людей. Мемуары большей частью содержат такие реальные ситуации общения и характеристики социально-культурной среды, которые соответствуют стереотипам: местные жители и дети удивляются одежде и быту приезжих; некомпетентный и нетрезвый местный лекарь (киргиз, таджик) не может вылечить больного, и это делают геологи, выполняя свою культурную миссию; народы Кавказа и Средней Азии исключительно гостеприимны; печальна судьба русской женщины, которая вышла замуж за киргиза и превратилась в рабыню и т.д.

Выявляются черты поведения геологов как туристов. Они осматривают достопримечательности, фотографируют колоритные места, покупают сувениры и «брендовые» этнические вещи: саамские меховые олени тапочки, узбекские ножи, грузинские гончарные изделия. При этом автор неоднократно упоминает о том, что в 1970–1980-е гг. из городов союзных республик приезжие в большом количестве везли книги, которые, за исключением политической литературы, почти отсутствовали даже в столичных книжных магазинах.

В целом, источник позволяет выявить и понять структуру и характер межкультурных коммуникаций, в которые вовлекается конкретная группа профессионалов, а также характерные модели поведения приезжего специалиста в инокультурной среде. Пропущенные сквозь призму времени наблюдения автора соседствуют с документальными свидетельствами писем и дневников периода войны и послевоенных советских десятилетий, что дает возможность увидеть динамику этнографической реальности и стереотипов восприятия локальных и этнических культур.

¹ Работа выполнена при поддержке федерального бюджета по теме государственного задания № FMEZ-2022–0028 Кольского научного центра Российской академии наук.

² Халезова Е. Б. Дорога длиною в жизнь. М.: Аэродром, 2017.

UDC 39:55; 94(47)

I. A. Razumova

Ethnography Observations of a Soviet Geologist
(as Told in E. Khalezova's Memoir)

Razumova Irina Alekseevna, The Kola Science Centre of the Russian Academy Sciences (Apatity), the Barents Centre of the Humanities, chief research fellow; D. Sc (History); irinarazumova@yandex.ru

The paper deals with a memoir written by E. Khalezova, a geologist who took part in a number of expeditions to various regions, territories and republics of the USSR in the mid-1940s to 1991. The author's goal was to assess the scope of ethnography data presented in the book. A significant part of it consists of descriptions and characteristics of various settlements and urban centers, changing with time. The book contains valuable data on various social and ethnic groups' traditional lifestyles and quality of life in different parts of the country. Those data

get reconstructed, correlated and assessed through the book author's memories, diaries and letters. Ethnography observations and notes are, first of all, useful for detecting and understanding the structure and nature of cross-cultural communications geologists have to be involved in the course of their field work. They also point out behavioral patterns characteristic of outsider professionals in cultural environments that are foreign to them.

Keywords: ethnography, professional anthropology, geologists, memoirs, inter-ethnic communications, soviet period.

С. В. Бандура, В. Э. Шарапов

Этнокультурные заимствования в контексте истории советских принудительных миграций 1930–1950-х годов (по материалам экспедиции немецкого культурно-делового центра Республики Коми на Среднюю Печору)

Бандура Светлана Владимировна, Национальный музей Республики Коми (Сыктывкар), директор, кандидат исторических наук; s.bandura@mail.ru

Шарапов Валерий Энгельсович, Коми научный центр Уральского отделения Российской академии наук (Сыктывкар), ведущий научный сотрудник, кандидат исторических наук; sharov.valery@gmail.com

Район Средней Печоры представляет интерес в контексте изучения изменения этнокультурного ландшафта в XX в. Заселенная коми-зырянами еще в XVII–XIX вв. территория в XX в. претерпела значительные демографические изменения. Интенсивное экономическое освоение этого региона в советский период привело к размыванию этнолокальной идентичности как коренного коми населения, так и многонационального, которое сформировалось в 1930–1960-е гг. Волна принудительных миграций 1930–1950-х гг. в форме раскулачивания, спецпереселения, депортации за короткий срок создала принципиально новую этническую ситуацию с многонациональным и разноконфессиональным составом. Наблюдалась утрата коми населением старобрядческих традиций. Вероятно, по причине изменения состава населения в ходе принудительных миграций и политики привлечения вольнонаемной рабочей силы во второй половине XX в. произошло нивелирование этнической идентичности, что зафиксировано в интервью как позиционирование себя «частью многонационального советского народа».

Изучение условий жизни российских немцев на Средней Печоре (Вуктыльский р-н Республики Коми) рассматривается в контексте сложившейся этнокультурной и этноконфессиональной ситуации. Собранный в ходе экспедиции 2018 г. аудио- и визуальный материал имеет историко-культурную и этнографическую специфику. Основными лини-

ями интервьюирования стали сюжеты, связанные с вопросами идентичности потомков российских немцев и других опрошенных представителей местного населения, сохранением/утратой традиций, межнациональными отношениями (смешанные браки, взаимопроникновение культур). Полевые материалы позволяют охарактеризовать некоторые особенности этнокультурных и межэтнических процессов в бассейне реки Печора в XX в.

Ключевые слова: Средняя Печора, принудительные миграции, этнокультурные взаимосвязи, российские немцы, Коми.

Изучение условий жизни российских немцев на Средней Печоре (Вуктыльский р-н Республики Коми) осуществлялось в ходе экспедиции в рамках проекта Немецкого культурно-делового центра Республики Коми с 27 июня по 5 июля 2018 г. Проект направлен на сохранение исторической памяти о спецпоселенцах-немцах, актуализацию самоидентичности российских немцев в исторической ретроспективе путем изучения современных реалий в местах прошлого и нынешнего компактного проживания, сбор информации о межэтнических отношениях. Маршрут экспедиции: Сыктывкар – Ухта – Подчерье – Кырта – Усть-Соплеск – Усть-Воя – Вуктыл – Сыктывкар. Исследуемые населенные пункты: Подчерье, Кырта, Усть-Соплеск, Усть-Воя – относятся к району Средней Печоры. Передвижение между пунктами осуществлялось преимущественно водным транспортом по р. Печоре. Топография экспедиции была расширена несколькими населенными пунктами по ходу следования: м. Боярский Вис (Боярский Яг), д. Солдат, Усть-Щугор. В интервью зафиксированы уже несуществующие населенные пункты, связанные с историей спецпоселенцев: Горт-Ёль, Андроново, Петельдино, Красный Яг, Большой Усть-Соплеск, Роши-Шор, Пиня-Из.

Район Средней Печоры представляет интерес в контексте изучения изменения этнокультурного ландшафта в XX в., этнокультурной и этноконфессиональной ситуации. Территория, заселенная коми-зырянами еще в XVII–XIX вв., в XX в. претерпела значительные демографические изменения. Интенсивное экономическое освоение этого региона в советский период привело к размыванию этнолокальной идентичности как коренного коми населения, так и многонационального населения, которое сформировалось в 1930–1960-е гг. Волны принудительных миграций 1930–1950-х гг. в процессе раскулачивания, спецпереселения, депортации за короткий срок создали принципиально новую этническую ситуацию с многонациональным и разноконфессиональным составом. Наблюдалась утрата коми населения старообрядческих традиций. Вероятно, по причи-

не изменения состава населения в ходе принудительных миграций и политики привлечения вольнонаемной рабочей силы во второй половине XX в. произошло нивелирование этнической идентичности, что зафиксировано в интервью как позиционирование себя «частью многонационального советского народа»: «В интернате учились, насчет наций все спокойно было, и в армии все нормально было. Не чувствую себя немцем, мать хохлушка была, родился в коми. <...> Есть справка о реабилитации, что были репрессированы по национальному признаку. У меня нет планов поехать в Германию. Я даже обижался, что брат уехал. <...> Нет никакой национальной принадлежности – интернационал. <...> Отец знал немецкий. Я, когда пацаном был, отец хотел научить, а я что-то не очень хотел»¹.

Спецпереселенцами именовались граждане, ограниченные в гражданских правах и выселенные в рамках репрессивной политики государства в административном порядке с мест постоянного проживания в ходе массовых насильственных (принудительных) переселений в отдельные районы страны в 1930–1950-е гг. Спецпереселенцы немецкой национальности в Коми АССР переселились в составе трех основных потоков: первый – в 1930–1931 гг., «бывшие кулаки», трудпереселенцы; второй – в 1941–1942 гг., эвакуированные из Карело-Финской ССР, трудпереселенцы; третий – в 1944–1946 гг., спецпереселенцы-немцы (репатриированные). В 1930–1950-е гг. немцы были самой многочисленной категорией спецпереселенцев: в 1930–1932 гг. российские немцы, высланные из Поволжья, составляли вторую по численности этническую группу спецпереселенцев после русских; в период войны трудпереселенцы немецкой национальности были мобилизованы в «рабочие колонны» на лесозаготовки и стройки (исправительно-трудовые лагеря); спецпоселенцы-немцы позже всех остальных были освобождены от административного надзора (1964 г.) и получили разрешение на поселение в других районах страны (1972 г.)².

Записанные интервью свидетельствуют о сохранении памяти о пребывании спецпоселенцев-немцев и представителей других национальностей (эстонцев, литовцев, латышей, финнов, румын, молдаван) в изучавшихся населенных пунктах. Относительно немецкой национальности в воспоминаниях присутствуют некоторые маркеры этнической идентичности (аккуратность, основательность, пунктуальность, соблюдение традиций): «Он порядок любил, они в Воркуте тогда еще жили, мы к ним приезжали. Традиция была – воскресные обеды, чтобы вся семья собиралась. Мама вспоминала, что если пообещал, то сделает – обязательный был»³; «Вильгельм очень чистоплотный, аккуратный был. Он всегда говорил, когда

кушать сготовите, тряпочку возьмите и протрите кастрюли, чтобы грязь в еду не попала. В костюме таком ходил. Жена – красивая, кудри сделаны, платье»⁴; «Были у нас [в Лёмтах] немочки-нянечки молоденькие. Они не умели по-русски, а мы вообще ничего не говорили... 47-й год, после войны. Игрушки были тряпочные, голыши. Я, когда сюда [в Кырту] приехала, все на немецком разговаривала, потом забыла. Помню, в беленьких косыночках они ходили и в беленьких халатах, аккуратные»⁵; «Где немцы жили, там и аккуратно было, и цветов много. Мама очень любила ночную фиалку, она пахла хорошо. Она стала помидоры здесь растить. Не знаю, где рассаду брала. Коми боялись их [помидоров], думали, что горячие»⁶; «Дома у немцев отличались тем, что цветы разводили. Надо чтобы было чисто, вода принесена, картошка начищена»⁷.

На материалах интервью прослеживаются этнокультурные заимствования в кулинарных традициях, огородничестве, моде, досуге: «Немцы принесли музыку, в клубе ставили постановки, клуб сюда перевезли, хвалили акустику. Быт улучшали. Другие тоже перенимали. Буркардт сагитировал нашего отца свињью завести. Научил коптить. Колбасу делать. А вот грибы они [немцы] не любили. Боялись есть грибы. Мы солили. Ягоды ели они, а грибы нет, отворачивались. Капусту все квасили. <...> Домке играл на баяне, на танцах играл на цымбале... Зудерман на всех [инструментах] играл, на рояле на сцене, на аккордеоне. <...> Песни пели советские, белорусские, украинские песни, коми мало было, коми, они редко появлялись. Тимушев приехал, жена его с нами разучила песню на коми. Поехали в Щугор на юбилей Савина. Выступали там, местные над нами хохотали»⁸; «Что интересно, фабричный поселок, бараки были, а летом-то жарко, немцы дружно во дворе поставили большой навес, а там большая печка, да обложена кирпичом, и хозяйки готовили там все. Детвора пробежит, и угощали. Никогда не слышала, только при них – рулет. Наши-то булочки пекли, шаньги, рагули (бабушка говорила), а у них было принято – рулет с начинкой, то из мака, из какао, с повидлом. Рулет, это они в Вою [Усть-Вой] привезли. Это после 55 года. <...> В доме аккуратно, всё чисто. Больше появилось цветов. У нас-то всё герань была, да летом красный корень, однолетние. Появились цветы и на улице, и подоконниках, комнатные. Привезли с собой перины, им видимо позволили вещей взять, одевались по-другому, дома все в передничках, переднички с кружевом, а наши-то, попроще фартуки. Швейные машинки были. У нас были портнихи Егорова, Панкратова. Наша мама рабочую одежду шила. Немцы более модельные вещи шили. Выкройки были, в сундуке на дне лежали у мамы»⁹; «Мы

отмечаем и Рождество, и Пасху: и немецкую, и православную. Посидели, выпили, пообщались. На немецкое Рождество я один отмечаю. На Пасху яйца красят, и куличи делают, как положено. Когда родители были живы, всегда у них праздники отмечали. Мама шаньги пекла из белой муки. Немецкие блюда не помню. Мать-то хохлушка, она на стол готовила»¹⁰.

Примечательно, что потомки спецпереселенцев, не коми по происхождению (раскулаченные донские казаки, русские старообрядцы из Архангельской обл.) сохраняют память о «печорских староверах», формируют свою идентичность через подчеркивание сопричастности к духовному наследию уже ушедших коми-старообрядческих наставников: «Ерогодские – местная фамилии, старообрядческая. Домна Евсеевна-то, бабушки собирались. Я старообрядка, муж православный. Она молодая была совсем... Часть были староверы, часть православные»; «В Вое [Усть-Вое] у деда Шубина собирались по праздникам, и из Соплеска, и из Щугора приезжали, там жили и собирались, там моленная была. И в 60–70-е гг. никто нам не запрещал. Наталья Ивановна [проводник] добавила: мы детьми были, с бабушкой и мамой туда ходили, какие-то молитвы запомнили, но специально никто не заставлял... У всех елку ставили, а у нас пост рождественский. У старообрядцев нельзя. Мы сами табуретку перевернем, веник привяжем и вот у нас елка, Новый год. А по воскресеньям воскресники устраивали, мама расстраивалась, что приходилось [детям] на воскресник выходить. Сталина антихристом назвала. На три дня посадили. Она староверка – Евдокия Михайловна»¹¹. Этноконфессиональные традиции влияли на коммуникации: «Немцы больше общались с эстонцами, финнами. С Кошелевым дружили, он из Карелии. Больше по вере как-то. Много здесь из тех краев было, и латыши, литовцы, и украинцы, и белорусы, и молдаване. А они как-то своим кругом больше общались. По вере. Это одобрялось»¹². Потомки донских казаков-староверов, попавших на Среднюю Печору как раскулаченные, переняли некоторые гастрономические традиции коми: «Я очень люблю коми блюда и готовлю их, первое – суп у них варится из дичи с крупной перловкой, все это протушивается. Называется шит. Потом еще пареная репа. Еще из черемухи делается ляз. Черемуха тушится, косточки отсоединяются. Получается ляз. Вместо повидла. Рыба по коми. Рыба тушится с большим количеством лука-турун. Они [коми] называют лук-турун, лук-сено. Сейчас и с обычным луком делают. Я лук-турун привезла с реки Подчерем, посадила в огороде. Он и на зиму засаливается»¹³.

Собранные материалы подтверждают, что принудительные миграции советского времени стали основой этнокультурных заимствований на Средней Печоре (ныне Вуктыльский р-н Республики Коми).

¹ Полевые материалы автора (далее ПМА), 2018. Инф. Керш Н. В., 1950 г.р., с. Кырта, Вуктыльский р-н. Материал публикуется впервые.

² Н. М. Игнатова. Спецпереселенцы-немцы в Республике Коми в 1930–50-е гг.: численность, размещение, трудоустройство//Покаяние: Мартиролог. Т. 10. Ч. 1. / Сост. М. Б. Рогачев. Сыктывкар, 2013. С. 20,55.

³ ПМА, 2018. Инф. Шурычева О. И., с. Подчерье, Вуктыльский р-н. Материал публикуется впервые.

⁴ То же.

⁵ ПМА, 2018. Инф. Венскель Т. П., 1947 г.р., с. Кырта, Вуктыльский р-н. Материал публикуется впервые.

⁶ ПМА, 2018. Инф. Фотт (Терзи) Н. Н., 1955 г.р., п. Усть-Соплеск, Вуктыльский р-н. Материал публикуется впервые.

⁷ То же.

⁸ ПМА, 2018. Инф. Михайлова А. А., 1937 г.р., п. Усть-Соплеск, Вуктыльский р-н. Материал публикуется впервые.

⁹ То же.

¹⁰ ПМА, 2018. Инф. Керш Н. В., 1950 г.р., с. Кырта, Вуктыльский р-н. Материал публикуется впервые.

¹¹ ПМА, 2018. Инф. Михайлова А. А., 1937 г.р., п. Усть-Соплеск, Вуктыльский р-н. Материал публикуется впервые.

¹² То же.

¹³ ПМА, 2018. Инф. Шурычева О. И., с. Подчерье, Вуктыльский р-н. Материал публикуется впервые.

UDC 316.728; 94(470.13)

S. V. Bandura, V. E. Sharapov

Ethno-Cultural Borrowings in the Context
of Soviet Forced Migrations of the 1930–1950s
(Following the Expedition by the German Culture
and Business Center in the Komi Republic
to the Middle Pechora Basin)

Bandura Svetlana Vladimirovna, The National Museum of the Komi Republic (Syktyvkar), director, Ph. D. (History); s.bandura@mail.ru

Sharapov Valery, The Komi Scientific Center of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (Syktyvkar), leading research fellow, Ph. D. (History); sharapov.valery@gmail.com

The Middle Pechora area is interesting for studying ethno-cultural landscape changes that took place in the XX century.

The area, populated by the Komi-Zyryans back in the XVII–XIX centuries, went through a lot of demographic changes in the XX century. Intense economic development of the region in the soviet period diluted the ethno-local identity both of the aboriginal Komi population and of the multi-ethnic one that formed there in the 1930–1960s. A wave of forced migration in the 1930–1950s: de-kulakisation, special settlements, deportations, quickly established a new ethnic landscape there, with multiple ethnicities and confessions. The Komi population started losing their Old Believer traditions. Probably as a result of ethnic make-up changing due to the forced migration and the hired manpower policy of the latter half of the XX century, ethnic identities weakened, which was reflected in the interviews where respondents positioned themselves as “a part of multi-cultural soviet people”.

The paper studies Russian Germans’ living conditions at the Middle Pechora (Vuktyl’sky District, Komi Republic) in the context of the new ethno-cultural and ethno-confessional make-up. The video and sound materials collected during the 2018 expedition are specific for history, culture and ethnography. The main interviewing vectors were the narratives related to the identities of the Russian Germans’ descendants and other locals, their traditions being preserved or lost and inter-ethnic relations (intermarriages, cross-cultural interactions). The field materials collected make it possible to define some of the features of the ethno-cultural and inter-ethnic processes that took place in the Pechora River basin in the XX century.

Keywords: the Middle Pechora, forced migrations, ethno-cultural relations, the Russian Germans, the Komi.

С. П. Худышкина

Особенности социализации
депортированных немцев в городе Енисейске
и Енисейском районе в 1941–1950 годах

Худышкина Светлана Петровна, Енисейский историко-архитектурный музей-заповедник им. А. И. Кытманова (Енисейск), заместитель директора по научно-просветительской работе; svetlana_petrovna_ok@mail.ru

В докладе анализируется депортация немцев на территорию г. Енисейска и Енисейского р-на в 1941–1950 гг. Особенности их социализации в новых местах поселения рассматриваются на основе архивных документов и биографических интервью. Дисперсное проживание в условиях спецпоселений оказало негативное влияние на численность и культурно-бытовой комплекс переселенных немцев, способствовало трансформации их этнического самосознания.

Ключевые слова: депортация, немцы Поволжья, социализация, этническое самосознание.

Национальная этническая группа немцев, подвергнутая депортации в XX в., проживала в компактных поселениях. В период активной переселенческой политики советского государства она была расселена, в основном, в Сибирь, Казахстан и Среднюю Азию. Дисперсное проживание в условиях спецпоселений негативно повлияло на численность и культурно-бытовой комплекс переселенных немцев, изменило их этническое самосознание. Немцы стали самой многочисленной этнической группой (по данным переписи 1939 г. 1 427 232 чел.), которая утратила автономную государственность в результате репрессивной национальной политики Советского государства.

В Красноярском крае предполагалось принять и расселить в 40 районах 75 тысяч представителей немецкой национальности. К концу 1941 г. в 42 районах было размещено 77 359 человек (17 307 семей).

Тотальная депортация поволжских немцев из Автономной Советской Социалистической Республики немцев Поволжья по указу от 28 августа 1941 г. прошла, в основном, в первой половине сентября 1941 г. Владимир Биргер так определяет основные ссыльные

потоки в Красноярском крае и Республике Хакасия: «По состоянию на 1 июля 1949 года на учете в органах МВД состояло 1093 490 немцев-спецпоселенцев, что составляло 42% всех состоявших на учете в спецкомендатурах страны». Из воспоминаний Августа Егоровича Неймана: «...в Саратове стали грузиться на поезд, а вагоны товарные, открытого типа – скот возить – и поехали. У всех нас была мысль: нас везут в тепло, разгрузят в тепле и хуже не будет, чем было. Это позднее стало известно – в Сибирь едем!»

Процесс депортации в Енисейский р-н, количественный состав и географию расселения можно проанализировать по документам, хранящимся в Енисейском районном архиве. Списки переселенческих семей по сельским советам свидетельствуют, что в Енисейский р-н отправились 214 семей в количестве 970 человек, которые были расселены следующим образом:

№	Место расселения, сёла	Место прежнего проживания
1	Усть-Тунгуска	с. Фаерское Каменского р-на Саратовской губ.
2	Потапово, Пруговая, Еркалово, Ялань, Абалаково, Мариловцево, Баженое, Анциферово, Горская, Черкась, Мало-Белое	с. Гримм Каменского р-на Саратовской обл.
3	Усть-Кемь	г. Саратов и с. Каменка Каменского р-на; один житель из г. Ленинграда
4	Погодаево	сс. Гримм, Каменка, Каменского р-на
5	Городище	Хвалынский р-н, Сельманский р-н, Каменский р-н, г. Хвалынский, сс. Сельман, Гримм.

Немцы Поволжья были депортированы и в другие местности Енисейского р-на: Колмогорово, Назимово, Ярцево, Пономарёво, но сведений об этих населенных пунктах в документах данного архива нет, так как в 1940-х гг. они не входили в состав Енисейского р-на.

Из прибывших 967 депортированных немцев трудоспособных было 496, в том числе: женщин – 251, мужчин – 245, детей и подростков до 16 лет – 484.

По социальному статусу переселенцы распределились следующим образом: колхозники – 71 семья, рабочие – 90 семей, служа-

щие – 53 семьи. Их профессиональный уровень был высок, здесь присутствовали люди разных профессий: трактористы (25 чел.), комбайнеры (10 чел.), шоферы (22 чел.), автомеханики (2 чел.), кузнецы (5 чел.), токари (10 чел.), слесари (8 чел.), учителя (13 чел.), врачи (2 чел.) и пр.

Как происходила социализация немецкого населения на новых территориях? Все прибывшие в октябре 1941 г. были распределены по совхозам и колхозам сельских поселений. Им должны были выделить свободные дома, хозяйственные постройки и материалы для строительства домов в соответствии с нормативными актами, которые получали все регионы страны, принимавшие депортированных, чтобы создать для них удовлетворительные условия жизни.

Из воспоминаний переселенцев следует, что их часто расселяли в разрушенные и непригодные для жилья дома, клубы, бараки, церкви. Расселяли людей по несколько семей в одно помещение или подселяли к местным жителям. Планировалась компенсация за оставленное в Поволжье имущество, но по факту она выплачена не была. В похозяйственных книгах колхозов хозяйство переселенцев описано достаточно скромно, они не имели ни крупного рогатого скота, ни коз, ни овец, ни свиней. Хотя в справках о переселении было записано конфискованное имущество, в котором присутствуют и коровы, и лошади, и свиньи, и куры. Но земельные участки под огород переселенцам все-таки выделяли; размер земли составлял приблизительно 7–10 соток.

Надо отметить, что колхозы Енисейского р-на не были богатыми и стабильными хозяйствами, многие жили бедно и впроголодь, поэтому не могли обеспечить депортированное население предметами первой необходимости. Немецкое население было вынуждено выживать в суровых условиях зимы 1941–1942 гг., что усугублялось мобилизацией трудоспособного немецкого населения в трудовые колонны. Депортированные оказались без поддержки родственников и глав семей. Не хватало одежды, часто носили один комплект на двоих, обменивали одежду на продукты, многие семьи элементарно бедствовали.

В воспоминаниях депортированных немцев смещается акцент на усердие и трудолюбие – качества данного этноса, помогавшие им выжить в 1940-е гг. Они вязали, ткали, шили, пряли, работали на лесоповале. Во время морозной зимы местные жители давали им старую одежду, а тем, кто работал в лесу, ватники и фуфайки, но адаптироваться к столь низким температурам было очень сложно.

Взаимоотношения с местным населением носили противоречивый характер. Встретили их настороженно, а то и враждебно:

обзывали, закидывали камнями, были случаи побоев. Это неприятие объяснялось тем, что немцев воспринимали как «фашистов», винили в начале войны, и мало кто знал, что эти немцы проживали на территории России с конца XVIII в. Тем не менее, были факты помощи немецким семьям как со стороны власти, так и со стороны отдельных жителей. В первые годы совместного проживания немцев и местного населения существонным барьером был язык.

Для Енисейского р-на труд депортированных имел огромное значение, так как в годы войны нехватка трудоспособного мужского населения являлась огромной проблемой, и депортированные граждане частично ликвидировали этот пробел, работая в сельском хозяйстве района, на лесозаготовках, на рыбных промыслах. Несмотря на детальное планирование, прибытие практически одновременно столь значительной массы людей привело к резкому обострению хозяйственной ситуации на местах – катастрофически не хватало отдельного жилья, за редким исключением не были решены вопросы компенсации за оставленное имущество, обеспеченность предметами первой необходимости, продуктами питания.

В условиях тоталитарного государства спецпоселение оказалось мощным механизмом воздействия на национальное самосознание этносов, дало государству огромный источник трудовых ресурсов, способствовало освоению малозаселенных земель, но утраты намного превосходили приобретения: это были потери демографические, интеллектуальные и трудовые.

UDC 908.304

S. P. Khudyshkina

Aspects of Deported Germans' Socialization
in Yeniseysk and Yeniseysk District in 1941–1950s

Khudyshkina Svetlana Petrovna, The Yenisei Historical and Architectural Museum Reserve named after A. I. Kytmanov (Yeniseisk), deputy director for research work; svetlana_petrovna_ok@mail.ru

The paper deals with deportation of Germans to Yeniseysk and Yeniseysk District in 1940–1950. Aspects of their socialization at their new places of residence are presented on the basis of archive documents and interviews. Disperse living in special settlements negatively impacted the numbers of the displaced Germans, their culture and way of life; it facilitated transformation of their ethnic identity.

Keywords: deportation, the Volga Germans, socialization, ethnic identity.

О. В. Старостина

Переселение таджиков-матчинцев
в 1956–1964 годах

Старостина Ольга Викторовна, Российский этнографический музей (С.-Петербург) отдел этнографии Средней Азии и Казахстана, ведущий научный сотрудник, кандидат исторических наук; starostinaov73@mail.ru

Одной из наиболее трагических страниц истории таджиков-матчинцев является переселение их в 1956–1964 гг. в степной район Дальверзин, находящийся на границе Таджикистана и Узбекистана. В конце XIX – середине XX в. из-за крайнего малоземелья жители верховьев р. Зеравшан считались беднейшим населением Таджикистана. Ситуацию усугубляло также перенаселение долины, где могло прокормиться не более 20 тысяч человек. После окончания Великой Отечественной войны на XXII пленуме ЦК КП(б) Таджикской ССР было принято решение переселить из северных горных малоземельных районов республики колхозников в степные районы. Всего за восемь лет свою малую родину покинули 85% всего населения. По воспоминаниям очевидцев, люди не хотели покидать свои дома и земли, несмотря на то, что в Дальварзине им предлагали более крупные участки для усадеб. Переселенцы оказались **на пустых землях** без жилых построек и инфраструктуры. Непривычным для жителей гор явился и сухой, жаркий степной климат, и пыльные ветры, недостаток и плохое качество воды. Среди матчинцев начали распространяться инфекционные заболевания, резко возросла смертность. С 1970-х гг. матчинцы стали возвращаться в верховья Зеравшана, сохраняя тесные связи с родственниками, оставшимися в Новой Матче.

Ключевые слова: Республика Таджикистан, Горная Матча, таджики-матчинцы, переселение в 1956–1964 годах, хозяйственные изменения.

История Горноматчинского р-на республики Таджикистан насчитывает немало трагических страниц – многочисленные междоусобные войны местных правителей, басмаческое движение,

неурожайные годы, эпидемии. Однако наиболее сильные и тяжелые воспоминания местных жителей связаны с происходившим в 1956–1964 гг. переселением матчинцев в степной район Дальверзин, находящийся на границе Таджикистана и Узбекистана. Старшее поколение горцев верховьев р. Зеравшан хорошо помнит эти события, последствия которых как положительные, так и отрицательные в значительной степени изменили их жизненный уклад.

Горная Матча представляет собой узкую долину в верховьях р. Зеравшан, расположенную на высоте от полутора до двух с половиной тысяч метров над уровнем моря, между Туркестанским и Зеравшанскими хребтами. Суровые климатические условия и недостаток земель, пригодных для земледелия, садоводства и скотоводства, а также изолированность района являются основными факторами, влияющими на полунатуральный образ ведения хозяйства и низкий уровень жизни местного населения. Основной хозяйственный тип, распространенный в долине, – мелкооазисное, горное, оливное земледелие в сочетании с горнопастбищным скотоводством¹. В Матче преобладает двупольная система земледелия.

Доли земледелия, садоводства и скотоводства в разных поселках Матчи зависят от высоты их расположения над уровнем моря. В наиболее «низких» кишлаках (до 1500 м) на небольших террасах с плодородным слоем земли, как правило, выращивают сельскохозяйственные культуры – пшеницу, картофель, лук, морковь, плодовые деревья (тутовник, абрикос) и кустарники. Часть земель предназначается для заготовки сена на зиму, обычно это труднодоступные участки на склонах гор с бедной почвой. Кишлаки, расположенные выше в горах, специализируются на разведении овец и коров, хотя некоторые земледельческие культуры (картофель и плодовые деревья) высаживают и здесь.

В конце XIX – начале XX в. матчинцы являлись беднейшим населением Бухарского эмирата. Из-за нехватки пахотных земель хлеба хватало только на несколько месяцев, и весной наступал голод². Правительство Российской империи, осведомленное о тяжелой жизни матчинцев, предприняло попытку улучшить ситуацию и «во внимание к их бедственному положению, в изъятие общих правил они были освобождены от уплаты всяких податей с 1 января 1896 г.»³. Но эти меры не принесли ощутимых результатов, и вплоть до середины XX в. ситуация в Горноматчинском р-не оставалась достаточно тяжелой. Ее усугубляло и перенаселение долины, способной прокормить не более 20 тысяч человек,

тогда как, согласно переписи населения 1956 г., в Матчинском р-не проживало 35 400 человек⁴.

Практически сразу после окончания Великой Отечественной войны на XXII пленуме ЦК КП(б) Таджикской ССР было принято решение переселить из северных, горных, малоземельных районов республики около 8 тысяч колхозных хозяйств, а в 1952 г. приступили к созданию в Дальверзинской степи хлопководческих хозяйств⁵. Этот район планировалось заселить матчинцами.

Весной 1956 г. из селений Матчинского р-на выехали первые 340 семей (около 1200 человек). Всего за восемь лет свою этническую территорию покинуло 85% населения. По рассказам очевидцев, в Матче смогли остаться только семьи, проживавшие в небольших, труднодоступных кишлаках высоко в горах, так как сообщение с ними было крайне затруднительным и отправить транспорт за ними не представлялось возможным.

В качестве государственной поддержки вынужденным переселенцам на каждое хозяйство было выделено два грузовика для перевозки домашней утвари и сельскохозяйственных орудий. Всех домашних животных люди были вынуждены либо продать, либо оставить семьям, жившим в зоне высокогорья.

Тема принудительного переселения матчинцев в Дальварзин в 1956–1964 гг. до сих пор для них весьма болезненна и воспринимается неоднозначно. По воспоминаниям очевидцев⁶, люди не хотели покидать свои дома, несмотря на то, что в Дальварзине им предлагали более крупные земельные участки. «Приезжали грузовики с милиционерами, людей и вещи загружали в кузов. Все плакали. Скот отдавали за бесценку»⁷. В каждом кишлаке оставалось жить по две-три семьи, занимавшиеся пастушеством, остальных выселяли из домов насильно. Люди были вынуждены распродавать за бесценку скот и имущество, которое не могли увести с собой. Покупателями, по словам матчинцев, являлись их соседи – жители Ягноба.

Дорога до Дальверзина, получившего второе название «Новая Матча», составляет около 200 км. Различия между климатическими и ландшафтными условиями районов разительные. Дальверзинская степь представляет собой равнину на правом берегу р. Сырдарья и является частью «... голодной степи, где никогда не рос лес, где проходили пути кочевников, где степь выгорала и не росло ничего, кроме ковыля, где из животных водились только мыши и лисы, и питьевая вода была не пригодна для питья...»⁸

Первые переселенцы получили земли вдоль русла канала им. Советского Таджикистана и основали три кишлака: Матча, Обурдон, Палдорак, которые соответствуют трем крупнейшим гор-

номатчинским поселкам и стали ядром для образования в общей сложности десяти колхозных центров⁹.

Семьи матчинцев получили ссуды от государства на обустройство хозяйства, проекты типовых домов и строительные материалы¹⁰, все остальные заботы легли на плечи самих матчинцев. По сути, сотни, а затем и тысячи людей оказались на пустых землях без жилых построек и инфраструктуры. Одной из причин, по которой матчинцы резко отрицательно относятся к переселению, является то, что «на новом месте ничего не было подготовлено, ни домов, ни медпунктов, ни школ»¹¹. Люди перовое время селились в тесных землянках и сами строили себе дома. Другая немаловажная причина – непривычно сухой, жаркий степной климат, пыльные ветра, недостаток и плохое качество воды, к которым горцы не привыкли. По сообщению одного из информантов, в первые годы после переселения в Дальверзин от простудных и инфекционных заболеваний умерло около 2 тысяч детей¹². Начали умирать и пожилые люди, организм которых уже утратил необходимые адаптивные свойства¹³. Некоторые матчинцы делали попытки вернуться в родные кишлаки, но их ловили с помощью милиции и высылали обратно.

В первое десятилетие после переселения, помимо бытовой неустроенности, перед матчинцами встала задача освоить новые сельскохозяйственные занятия – хлопководство и бахчеводство. Наряду с трудностями, несомненно, были положительные стороны этого процесса: так, стало возможным использовать механизированную технику при обработке полей, что в 15 раз увеличивало доходы населения¹⁴ и, следовательно, повысился уровень жизни. Появилась возможность строить просторные дома и обустраивать большие приусадебные участки.

Тем не менее, часть жителей Дальверзина с начала 1970-х гг. стала возвращаться в Старую Матчу, и постепенно к 1980-м гг. отток населения из Новой Матчи стал настолько большим, что власти вынуждены были вновь восстанавливать инфраструктуру долины верховьев Зеравшана, ремонтировать и строить медицинские пункты, школы, административные здания и пр. За несколько десятилетий в родные места вернулись около 20 тысяч человек; в настоящее время Старая Матча снова стала густонаселенным районом Таджикистана. Однако многие семьи остались в Новой Матче и на сегодняшний день в Дальверзине проживает 113 400 человек. Между двумя районами существуют постоянные и тесные связи. Матчинцы посещают своих родственников, совместно учувствуют в праздниках годового и жизненного цикла, оказывают физическую и материальную поддержку друг другу.

Такая общность поддерживается, с одной стороны, благодаря этническому самосознанию матчинцев как единой самобытной группы таджикского народа, а с другой – постоянными брачными связями. Матчинцы не приветствуют межэтнических браков и создание семей с другими группами таджиков¹⁵.

Эта общность сохраняется, несмотря на значительные различия, сформировавшиеся в традиционной культуре обеих групп. Жители верховьев Зеравшана сохраняют более консервативный уклад жизни и в силу труднодоступности района живут полунатуральным хозяйством, основную роль в котором играют отгонное скотоводство и полеводство (возделывание пшеницы и картофеля). Практически неизменным с конца XIX в. остался тип малой усадьбы в Горной Матче с каменным, двух-трехкамерным домом, в котором проживает большая неразделенная семья. В Новоматчинском р-не разводят преимущественно технические и бахчевые культуры, занимаются садоводством и огородничеством. Скотоводство как значительная отрасль жизнеобеспечения в Дальверзине отсутствует. Кроме того, жители Новой Матчи не испытывают недостатка земли, их приусадебные участки в несколько раз больше староматчинских усадеб. В 1960-е гг. кишлаки застраивались по генеральным планам – кварталами поселочного типа¹⁶. Дома для колхозников также имели типовой план, характерный для равнинных районов Средней Азии. В связи с большим количеством земли и, следовательно, возможностью строить новые дома в Новой Матче появилась тенденция к разделению большой патриархальной семьи¹⁷.

В современном матчинском обществе оценка переселения 1956–1964 гг. неоднозначная. Часть жителей считают, что оно было проведено насильственно, с большими материальными потерями и, главное, с человеческими жертвами, которых можно было бы избежать, если предпринять необходимую подготовку со стороны государства. Некоторые матчинцы, преимущественно связанные с управлением и преподаванием, считают, что переселение было добровольным и преимуществами его стали приобретение земель в Дальварзине¹⁸ и увеличение количества людей, относящих себя к данной этнографической группе горных таджиков.

¹ Жданко Т. А. Номадизм в Средней Азии и Казахстане//История, археология и этнография в Средней Азии. М.: Наука, 1970. С. 277.

² Дынин В. В. Очерк быта горцев верховьев Зеравшана//Известия Туркестанского отдела РГО. Ташкент, 1914. Т. X. Вып 1. С. 70.

- ³ Там же.
- ⁴ Таджикистан за 40 лет. Статистический сборник. Душанбе, 1964. С. 28.
- ⁵ Бушков В. И., Микульский Д. В. Анатомия гражданской войны в Таджикистане (Этно-социальные процессы и политическая борьба) 1992–1995 гг. М.: Институт практического востоковедения РАН, 1996. С. 10–11.
- ⁶ АРЭМ. Ф 2. Оп. 1. Д. 1002. Л. 23.
- ⁷ Там же. Л. 24.
- ⁸ Гаврилова О. И. История лесоразведения в России//Лесомелиорация ландшафтов. 2018. № 1. С. 20.
- ⁹ Хамиджанова М. А. Материальная культура матчинцев до и после переселения на вновь орошенные земли. Душанбе: Дониш, 1974. С. 55.
- ¹⁰ Там же. С. 17.
- ¹¹ АРЭМ. Ф 2. Оп. 1. Д. 1002. Л. 23.
- ¹² Там же. Л. 24.
- ¹³ Бушков В. И., Микульский Д. В. Указ. соч. С. 27.
- ¹⁴ Хамиджанова М. А. Указ. соч. С. 162.
- ¹⁵ АРЭМ. Ф 2. Оп. 1. Д. 1002. Л. 42.
- ¹⁶ Хамиджанова М. А. Указ. соч. С. 18.
- ¹⁷ Там же. С. 57.
- ¹⁸ АРЭМ. Ф 2. Оп. 1. Д. 1002. Л. 24.

UDC 39

O. V. Starostina

Forced Migration of Mastchoh Tajiks in 1956–1964

Starostina Olga Victorovna, The Russian Museum of Ethnography (St. Petersburg), the Department of Ethnography of the Central Asia and Kazakhstan, leading research fellow, Ph. D. (History); starostinaov73@mail.ru

Forced migration of Mastchoh Tajiks in 1956–1964 to the Dalverzin steppe at the Tajik-Uzbek border was and remains one of the most tragic events in the history of that people. In the late XIX and early XX centuries, due to the scarcity of arable land, people living around the upper course of the Zeravshan River were considered the poorest in Tajikistan. Overpopulation of the valley that could feed no more than 20,000 people at once, was making the situation worse. After the end of the Great Patriotic War, the XXII Plenum of the Central Committee of the Tajik Communist Party resolved to move collective farm workers from the northern, mountainous and land-poor areas, to the steppe. In eight years, 85 % of the valley population left their ancestral land. According to witness testimonies, people were unwilling to leave their homes and their land, regardless of the fact that they were offered bigger plots of land in Dalverzin. The migrants found themselves on an empty land, with no

residential buildings or infrastructure. Mountain dwellers were also unused to arid and hot steppe climate, dust storms, scarcity and poor quality of water. The Mastchoh migrants suffered from contagious diseases, their mortality rate skyrocketed. From the 1970s, the Mastchoh Tajiks started coming back to the upper course of the Zeravshan. They preserved close relationships with their family members that chose to stay in New Mastchoh.

Keywords: The Republic of Tajikistan, the Mastchoh Mountains, the Mastchoh Tajiks, migration of 1956–1964, economic changes.

И. С. Астахова

Повседневная жизнь в городских поселениях якутской Арктики во второй половине XX века
(на примере поселков Верхоянского района Республики Саха)

Астахова Ирина Сергеевна, Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера Сибирского отделения Российской академии наук (Якутск), младший научный сотрудник; Irasta@list.ru

В докладе представлены ключевые моменты повседневной жизни приезжего населения городских поселений Верхоянского р-на Республики Саха (Якутия). В районе располагались городские поселения, имеющие более длительную историю существования – г. Верхоянск, пос. Эсэ-Хая и Батагай, а также молодые поселения: Лазо, Наледный, Полярник, Столбы. Исследование опирается на архивные источники, опубликованные и неопубликованные воспоминания жителей поселков, размещенные в том числе в социальных сетях, а также на фотоматериалы из личных архивов.

Повседневная жизнь была тесно связана с производством. Автор обращает внимание на крайне тяжелые условия быта населения поселков. Массовое строительство 1980-х гг. в виде двухэтажных деревянных построек не привело к решению проблемы. Недостаток жилищного фонда способствовал текучести кадров. Строительство социальных объектов, открытие образовательных и культурных учреждений сдерживали отток населения и распространение алкоголизма.

Жизнедеятельность обитателей поселков была тесно связана с природой; ее дары вносили разнообразие в питание, компенсировали недостаток белка и витаминов в рационе. В среде приезжего населения поддерживалась традиция делиться добычей с ближними. Местными властями и руководством предприятий поощрялось огородничество.

Ключевые слова: Арктика, Якутия, Верхоянский р-н, городские поселения, история повседневности, приезжее население.

Верхоянский р-н расположен на севере Республики Саха/Якутия (далее РС/Я) за Северным полярным кругом. Планомерное геологическое изучение и добыча полезных ископаемых в Верхоянье начались в 1930-х гг. Во второй половине XX в., кроме оловодобывающей промышленности, развитие получили добыча золота и серебра. Именно с развитием геологической службы и добывающей промышленности начался новый этап в истории района. Увеличилась численность населения, а на карте появились новые поселения, возрождались старые, некоторые из которых официально получили статус рабочих поселков.

На территории Верхоянского р-на Якутской АССР располагались различные типы арктических городских поселений: исторические города, поселки при месторождениях, поселки геологов, поселки-базы, поселки – транспортные узлы. Городские поселения часто соседствовали с сельскими, что способствовало взаимной миграции сельских и городских жителей и межкультурному взаимодействию коренного и приезжего населения. В Верхоянском р-не выделяются городские поселения, имеющие более длительную историю существования, такие как г. Верхоянск, пос. Эсэ-Хая и Батагай, а также иные поселения: Лазо, Наледный, Полярник, Столбы и др. На формирование поселков (Эсэ-Хая и Батагай), образованных в 1930-х гг., огромное влияние оказал Дальстрой с сетью исправительно-трудовых лагерей.

Целью предпринятой работы является изучение повседневной жизни в городских поселениях Верхоянского р-на во второй половине XX в. Исследование прежде всего опирается на архивные источники (материалы Национального архива РС/Я, Муниципального архива Верхоянского р-на), опубликованные и неопубликованные воспоминания жителей поселков, в том числе размещенные в социальных сетях, а также на фотоматериалы из личных архивов.

Анализ материалов показал, что во второй половине XX в. вольнонаемное приезжее население рабочих поселков формировалось различными способами. Высококвалифицированные специалисты в основном приезжали по распределению, а люди рабочих профессий приезжали по приглашению знакомых или родственников, причем без предварительной договоренности о рабочем месте и проживании. Это способствовало распространению числа лиц, проживавших без регистрации и ведущих асоциальный образ жизни, что обусловило высокую текучесть кадров. Местное население также активно привлекалось к работе в промышленности, сельские поселения административно включались в поселковые советы, что сближало приезжее и коренное население.

Первые поселенцы Верхоянья, занимавшиеся геологоразведкой и освоением месторождения, как правило, селились в палатках круглогодичного типа. Затем на месте поселения возводились «юрты» (рубленые домики с дерном вместо крыши). Далее, если в существовании поселения сохранялась хозяйственная необходимость, строились общежития барачного типа для персонала, а окраины поселка обрастали самостроем. Жилья не хватало даже в пик развития добывающей промышленности в 1970–1980-х гг., когда массово возводились типовые, двухэтажные, деревянные, благоустроенные дома. Уезжая в отпуск «на материк», работники зачастую сдавали свое жилье следующим приезжим, а по возвращении получали другое жилое помещение¹. При таких условиях бытовые потребности были минимальными – все только самое необходимое. Женщины старались следовать модным тенденциям и из отпуска привозили популярные вещи (мебель, предметы декора, посуду, бытовую технику). Уезжающие из региона в отпуск или навсегда оставляли вещи знакомым или раздавали, распродавали.

В советский период снабжение населения арктических поселков продовольственными и промышленными товарами находилось под строгим контролем государства. Официальная статистика рапортовала об отсутствии дефицита и о доступных ценах. Особенно высокие показатели отмечались в 1970–1980-х гг. Однако, архивные документы и проведенные интервью свидетельствовали о том, что общая картина складывалась не столь положительно. Доступ к товарам был ограничен, в документах первичных профсоюзных и партийных организаций отмечались жалобы граждан на предприятия торговли: о неправильном хранении и порче товаров, создании искусственного дефицита, продаже только «избранным лицам». Работнику, не имевшему связей, были недоступны блага северного завоза.

Каждое поселение Крайнего Севера в советский период кроме жилых построек располагало рядом социальных объектов. Поселение обеспечивалось подачей электроэнергии. Мощностей первых станций едва хватало для производственного процесса, поэтому для бытовых нужд электричество подавалось только в определенные часы. Случавшиеся аварийные ситуации на электрических и тепловых станциях угрожали жизнедеятельности всего поселения. Следующими возводимыми объектами становились бани с прачечными и столовые. Рабочий день длился 12–15 часов, время оставалось лишь на сон; данные социальные объекты существенно облегчали жизнь населения.

Государственная политика на Крайнем Севере была нацелена на закрепление оседлости населения. В поселках организовывались условия для переселения всей семьи, создания новых семей

и рождения детей. Строились медицинские учреждения, школы и детские сады. Респонденты отмечали, что с открытием данных объектов, увеличением численности женского и детского населения, поселки преобразовались, становились более чистыми и уютными. Строились и культурные учреждения. Например, в пос. Батагай уже 1950-х гг. появились стадион, рынок, парк культуры и отдыха с летним кинотеатром, телефонная станция на 300 абонентов, музыкальная школа, начинало налаживаться регулярное автобусное сообщение с аэродромом и пос. Эсе-Хайя, появилось уличное освещение². В 1963 г. силами заключенных было возведено здание Дома культуры, которое и по сей день остается самым красивым зданием поселка и любимым местом отдыха его жителей. Это каменное, двухэтажное, массивное здание с колоннадой, построенное по проекту железнодорожного вокзала. В 1975 г. возводится телевизионная станция Орбита, позволившая населению жить в едином информационном пространстве со всей страной.

Любимое времяпровождение жителей поселков было связано с природой: для мужчин – охота и рыбалка, для женщин – сбор дикоросов. Местными властями и руководством предприятий всячески поощрялось развитие огородничества в поселках.

Негативные черты повседневности стали проявляться в виде социальных болезней общества, в первую очередь алкоголизма. По словам респондентов, широкое распространение пьянства было связано с тяжелым трудом, суровыми природными условиями, отсутствием разнообразного досуга. Снижение объема оловодобычи в Эсе-Хайя, закрытие шахт и безработица в начале 1970-х гг. привели к увеличению употребления алкоголя населением. Местные власти безуспешно пытались бороться с асоциальными элементами, проводя воспитательные беседы, привлекая к административной ответственности, лишая родительских прав³.

Таким образом, повседневная жизни поселков Верхоянского р-на была тесно связана с производством. Крайне тяжелые бытовые условия, особенно в первые годы зарождения поселений, считались обыденными и не вызывали протестной реакции общества. Все трудности компенсировались высоким заработком, длительным отпуском, ощущением причастности к грандиозным процессам освоения Севера.

¹ Полевой материал автора. Из интервью жительницы пос. Батагай, 1956 г.р. (апрель 2022 г., пос. Батагай).

² В 1954 г. пос. Батагай становится центром Верхоянского р-на и районные учреждения переезжают в поселок из Верхоянска.

³ Муниципальный архив Верхоянского района. Ф. «Эге-Хайский поселковый Совет (администрация)» за 1970-е гг.

I. S. Astakhova

Daily Life in the Urban Settlements of the Arctic
in the Second Half of the Twentieth Century (on the
Example of the Settlements of the Verkhoyansk
District of the Republic of Sakha/Yakutia)

Astakhova Irina Sergeevna, The Institute of Humanities Research and Indigenous Studies of the North, Siberian Branch of the RAS, junior research fellow; Irasta@list.ru

The report analyzes the daily life of the newly arrived in the urban settlements of the Verkhoyansk district of the Republic of Sakha (Yakutia). In that territory there were urban settlements as with a long history of existence – Verkhoyansk, Ese-Khaya and Batagai, and very young ones: Lazo, Naledny, Polyarnik, Stolby. The study is based on archival sources, published and unpublished memories of the settlements' inhabitants, their publications on social networks, as well as on photographs from personal archives.

Everyday life of the newcomers was closely related to the production process. The author draws attention to the extremely difficult conditions of the life of the population. Construction in the form of two -story wooden dwelling houses on a massive scale did not lead to solving the problem in the 1980s. Workers left due to the lack of the possibility of accommodation. The creation of social infrastructure, including educational and cultural institutions, helped stop the outflow of the population and the spread of alcoholism.

The life of the inhabitants of the settlements was closely connected with nature, its fruits introduced diversity to nutrition, compensated for the lack of protein and vitamins in the diet. Among the newcomers there was a tradition of sharing prey with their neighbors. The local authorities and the management of enterprises encouraged gardening.

Keywords: The Arctic, Yakutia, the Verkhoyansk district, urban settlements, history of everyday life, the new arrivals.

В. П. Ключева

Этническая составляющая нефтегазового освоения Западной Сибири в последний период существования СССР: материальное и символическое наследие

Ключева Вера Павловна, Тюменский научный центр Сибирского отделения Российской академии наук (Тюмень), ведущий научный сотрудник, кандидат исторических наук; vormpk@gmail.com

Интенсивная эксплуатация Западно-Сибирского нефтегазового комплекса в 1970–1980-х гг. повлекла за собой трансформацию этнического состава населения Тюменской обл. К моменту распада СССР этническая карта региона включала в себя представителей более ста национальностей. Причина этнического разнообразия заключалась в сложившихся потоках трудовых миграций из республик Советского Союза и областей РСФСР. Наиболее крупные группы мигрантов приезжали из Татарской и Башкирской АССР, с Украины, из Молдовы, Азербайджана. Существовала профессиональная специализация, связанная с экономической спецификой регионов исхода. Нефтяную отрасль представляли квалифицированные кадры из нефтедобывающих регионов страны (Поволжья, Чечено-Ингушетии, Азербайджана); строительную – Прибалтика, Украина, Белоруссия, Молдавия и Узбекистан. Материальные и символические следы трудовых мигрантов из разных республик до настоящего времени присутствуют в культурной памяти молодых северных городов.

Ключевые слова: Тюменский Север, Западно-Сибирский нефтегазовый комплекс, трудовая миграция, этническое разнообразие, наследие.

Весь период существования Советского Союза шло индустриальное освоение отдаленных регионов – Сибири, Дальнего Востока и северных, арктических территорий. Успешное выполнение поставленной задачи было возможно только за счет привлечения трудовых мигрантов – принудительных и добровольных. С привлечением трудовых ресурсов (речь не идет о депортированных и заключенных системы ГУЛАГа) в период раннесоветской индустриализации и в послевоенный/позднесоветский период прихо-

дилось решать одну и ту же проблему – текучесть рабочих кадров. Но если в 1920–1930-х гг. государство справлялось с этой ситуацией принудительными мерами – через «самоукрепление» и введение института прописки для добровольных переселенцев или принудительным переселением «спецпоселенцев», то в позднем СССР использовалось экономическое, материальное и социальное стимулирование – повышенная зарплата, льготный отпуск, ранний выход на пенсию.

Открытие «большой нефти» и промышленная разработка месторождений западносибирского нефтегазового комплекса (ЗСНГК) перенаправили миграционные потоки в Тюменскую обл. В 1970–1980-х гг. освоение Тюменского Севера происходило при участии большинства советских республик, что создало основу для современной многонациональной общности региона.

На первом этапе существования ЗСНГК (1960-е – середина 1970-х гг.) регион нуждался в высококвалифицированных кадрах нефтяной отрасли. К концу 1960-х гг. более 90% нефтяников приехало из Азербайджана, Татарии, Башкирии и Поволжья. Но уже в конце 1970-х гг. появилась потребность в профессиональных строителях, так как в нефтяной отрасли назрел кризис, связанный с отставанием строительства объектов производственного и непромышленного назначения. 20 марта 1980 г. было принято постановление «О неотложных мерах по усилению строительства в районе Западно-Сибирского нефтегазового комплекса», в котором дальнейшее успешное развитие Западно-Сибирского нефтегазового комплекса ставилось в зависимость от строительства объектов производственной, транспортной, жилищной и социокультурной инфраструктуры региона, особенно жилых домов и автомобильных дорог. Для реализации этого постановления в Тюменской обл. стали работать бригады дорожников и строителей из Литвы, Латвии, Эстонии, Узбекистана, Белоруссии, Украины.

В первые годы существования ряда городов Ханты-Мансийского автономного округа (ХМАО) – например гг. Когалыма, Лянтора – активное участие в строительстве принимали представители Литовской и Эстонской ССР. Рабочие Украинской и Латвийской ССР строили города и поселки в Ямало-Ненецком автономном округе (ЯНАО): например, г. Ноябрьск и пос. Вынгапуровский.

Привлечению работников из советских республик способствовал не только экономический фактор (высокая заработная плата, возможность решить жилищную проблему после возвращения домой), но и профессиональный – приобретение опыта работы в экстремальных условиях. Кроме того, имелся прагматический интерес со стороны республиканских властей, так как создание

инфраструктуры позволяло перенаправлять нефть и газ на перерабатывающие заводы республик, участвовавших в освоении ЗСНГК.

Отметим, что для некоторых приезжих (особенно жителей Прибалтики и Западной Украины) участие в работе на Севере могло быть способом преодоления посттравматического синдрома, возникшего вследствие того, что эта территория ранее отводилась для ссылки и депортации.

В связи с постоянной миграционной активностью к концу 1980-х гг. основной тенденцией в базовых нефтяных и газовых городах Тюменской обл. стало уменьшение представительности русских и увеличение удельного веса остальных народов. Для сравнения, по переписи 1979 г. во всей области было зафиксировано: азербайджанцев – 2645 человек (около 1500 чел. в Ямало-Ненецком и Ханты-Мансийском авт. окр.), белорусов – 16 524 (около 9700 чел. в указанных автономных округах), украинцев – 79 925 (более 61 тыс. чел. в округах), молдаван – 3585 (около 2200 чел. в округах). А по переписи 1989 г. азербайджанцев уже насчитывалось 19 455 человек, белорусов – 49 057 человек, украинцев – 260 203 человек, молдаван – 17 718 человек.

После распада СССР республиканские производственные объединения постепенно прекратили работу на территории постсоветской России. Так, из Тюменской обл. уехало большинство прибалтов, тогда как многие украинцы, армяне и азербайджанцы остались здесь жить. Именно они – трудовые мигранты 1970–1980-х гг. – стали основой для формирования диаспор в 1990-х гг.

До сих пор сохранились символические и материальные свидетельства памяти о тех, кто участвовал в освоении нефтегазового комплекса. На ментальных картах городов ЯНАО и ХМАО сохранились следы многочисленных «эстонских поселков» и «азербайджанских домов». Ярким примером репрезентации памяти о строителях из советских республик является г. Когалым, в котором одна из центральных улиц города называется Прибалтийская; в пос. Прибалтийских Строителей есть улицы Вильнюсская, Рижская и Таллинская. Въезд в этот поселок маркирован памятным знаком, на котором изображен герб Каунаса (зубр). На территории ЯНАО на въезде в пос. Вынгапуровский стоит стела с надписью «400 километров дорог – нефтяникам Сибири от дорожников Латвии». Годонимы с этническим компонентом (например, улицы Ташкентская, Киевская и Молдавская, Эстонских дорожников и Дружбы народов) присутствуют во многих городах региона. При этом для городов, возникших в позднесоветский период, они имеют прямую отсылку к тем, кто строил и работал в этих городах.

V. P. Kliueva

Ethnic Component of Oil and Gas Sector
Development in West Siberia During the Late USSR
Period: Material and Symbolic Heritage

Kliueva Vera Pavlovna, The Tyumen Scientific Centre Siberian Branch of the RAS, leading researcher, Ph. D. (History); vormpk@gmail.com

Intensive development of West Siberia oil and gas sector in the 1970-1980s transformed the ethnic make-up of Tyumen Region. By the time of the USSR collapse, the region's ethnic map included over a hundred ethnicities. The cause of that ethnic diversity was the work migration flows from various Soviet republics and the RSFSR regions. The largest migrant groups came from the Tatar and the Bashkir ASSRs, Ukraine, Moldova and Azerbaijan. Their professional breakdown was linked to the specifics of the native regions' economies. The oil industry was represented by qualified professionals arriving from the oil-producing regions such as the Volga Region, Chechen-Ingush Republic and Azerbaijan, the construction industry – by migrants from the Baltic republics, Ukraine, Belarus, Moldova and Uzbekistan. Material and symbolic traces left by work migrants from various republics can still be found in the cultural memory of new cities in the North.

Keywords: Tyumen North, West Siberia oil and gas sector, work migration, ethnic diversity, heritage.

ТРАДИЦИОННАЯ КУЛЬТУРА В КОНТЕКСТЕ СОВЕТСКОГО МОДЕРНИЗАЦИОННОГО ПРОЕКТА

УДК304.3

И. И. Шангина

Русский крестьянский двор и реформы 1950–1960-х годов

Шангина Изабелла Иосифовна, Российский этнографический музей (С.-Петербург), отдел этнографии русского народа, научный сотрудник главной категории, профессор, доктор исторических наук; iz.schangina@yandex.ru

Доклад посвящен вопросу влияния социально-экономических реформ 1950–1960-х гг. на традиционный бытовой уклад русских крестьян Нечерноземья. Автор выдвигает положение о том, что основные черты традиционного бытового уклада сохранялись неизменными в русской деревне Нечерноземья вплоть до 1960-х гг. благодаря сохранению в рамках колхозной системы мелкого крестьянского хозяйства – колхозного двора. Реформы рассматриваемого периода, разрушившие колхозный двор, к началу XXI в. привели к утрате сельским населением традиционного образа жизни.

Ключевые слова: социально-экономические реформы, крестьянский двор, колхозный двор, традиционный бытовой уклад, крестьяне, образ жизни.

Основная задача доклада – оценить влияние социально-экономических реформ, проводимых советским государством в 1950–1960-х гг. на традиционный бытовой уклад русской деревни. Процесс его разрушения начался еще во второй половине XIX в., когда «заветы дедов» стали отступать под влиянием новых веяний, порожденных реформами 1860–1880-х гг., направленными

на модернизацию России. Однако в дореволюционной России он протекал плавно – новшества входили в крестьянскую жизнь без больших потерь. Стойкость традиционного бытового уклада в русской деревне объяснялась многими причинами, но, пожалуй, одна из главных – наличие так называемого крестьянского двора, который на протяжении нескольких веков являлся хранителем и транслятором традиций, а также главным производителем сельскохозяйственной продукции в России.

Крестьянский двор – понятие довольно сложное. Вплоть до конца 1920-х гг. под ним подразумевался дом с надворными хозяйственными постройками, а так же мелкое крестьянское семейное хозяйство, основанное на ручном труде. Кроме того, слово «двор» использовали для обозначения всех кровных родственников, живущих в доме. При этом фактически «крестьянская семья» и «крестьянский двор» являлись понятиями тождественными¹. В 1920–1930-е гг. крестьянский двор также не претерпел принципиальных изменений, несмотря на активную борьбу «со старым бытом», развернутую в эти годы советским государством, строящим новое социалистическое общество. Жизнь крестьянской семьи в основных своих чертах протекала «как завещали предки». Естественно, что в крестьянский быт входила и «новизна», но в основных чертах, бытовой уклад крестьянского двора оставался традиционным.

В процессе коллективизации сельского хозяйства, решение о которой было принято в декабре 1927 г. на XV съезде ВКП (б), крестьянский двор не был ликвидирован, а вошел в состав колхоза как колхозный двор (личное подсобное хозяйство, приусадебное хозяйство). Члены семьи, занимаясь работой в собственном хозяйстве, становились одновременно работниками колхоза, которому принадлежала на правах владения земля и средства производства. Колхозный двор при этом имел определенную самостоятельность, несмотря на включенность его в существующую систему экономических, правовых и социальных отношений, и функционировал в соответствии с закономерностями, присущими трудовому хозяйству. Как и раньше, работа в своем хозяйстве оставалась для крестьян основным источником дохода, ибо оплата труда колхозников была символической, и основной массе крестьянства прожить без приусадебного хозяйства в 1930–1960-х гг. было невозможно². Можно согласиться с мнением современных ученых, которые считают, что колхозный двор воспроизводил в уменьшенных размерах модель крестьянского двора. Экономист М.А. Безнин даже считает, что в России вплоть до 1960 г. «продолжала существовать совокупность крестьянских мирков,

генетически продолжавших тысячелетнюю традицию российского крестьянства»³.

Колхозная семья в домашнем быту сохраняла многие традиционные черты: оставались прежними взаимоотношения между членами семьи (главенство хозяина дома, уважительное отношение к старшим по возрасту); традиционным было воспитание детей; сохранялись аграрные знания и аграрная магия; отмечались, не смотря на запреты, престольные праздники, Пасха, Рождество, Троица; по-старому справлялись свадьбы, крестины, похороны и поминовения всех усопших; за редким исключением оставались неизменными вещи, окружавшие человека. Следует также отметить, что в эти годы не произошло изменений в поселенческой сфере: оставались нетронутыми малодворные (5–6 дворов) деревни, небольшие по численности (до 30 дворов) села, близко расположенные друг от друга. Также как и раньше, колхозные дворы этих деревень поддерживали друг с другом тесные родственные связи, до седьмого колена, через гостевания на престольных праздниках и семейных торжествах.

Начало постепенного разрушения колхозного двора, а вслед за ним и традиционного бытового уклада, пришлось на 1950–1960-е гг. Это было время проведения в стране социально-экономических реформ, коснувшихся в первую очередь сельского хозяйства⁴.

Реформы, задуманные правительством, ставили перед собой задачу принципиальной перестройки всего сельского хозяйства страны и кардинального изменения образа жизни русской деревни. Основная идея их состояла в преобразовании небольших малопродуктивных колхозов и совхозов в крупные сельскохозяйственные, хорошо механизированные предприятия. Предполагалось, что они станут лучше управляемыми, более выгодными и менее затратными, чем мелкие колхозные хозяйства. Кроме того, и это было более важным, они позволяли провести реконструкцию материально-технической базы на основе внедрения в сельскохозяйственное производство системы машин и промышленных технологий⁵.

Реформы также предполагали переустройство сельских поселений и превращение крестьянина в сельскохозяйственно-го рабочего. Н. С. Хрущёв в докладе на декабрьском Пленуме ЦК КПСС 1958 г. объяснил, как будет выглядеть в ближайшее время русская деревня: «Хорошие производственные постройки, благоустроенные жилые дома и клубы, школы и школы-интернаты, библиотеки и предприятия бытового обслуживания, хорошие дороги, электричество, радио, телевидение – вот реальные черты

советской деревни недалекого будущего. Благодаря широкому применению техники в сельскохозяйственном производстве, росту квалификации кадров, труд колхозников по своему характеру будет все более приближаться к труду промышленных рабочих, а условия жизни в деревне в связи с развитием культуры будут мало отличаться от условий социалистического города»⁶.

Социально-экономическое переустройство русской деревни началось с ликвидации традиционной поселенческой сети с ее малодворными деревнями, небольшими селами, погостами, починками и хуторами. Организаторы реформы считали, что она не соответствует условиям крупного механизированного сельскохозяйственного производства и не позволит провести реорганизацию сельского быта по городскому образцу. Небольшие деревни, расположенные вдали от дорог, были объявлены «неперспективными» для дальнейшего развития и подлежали ликвидации⁷. В целом, по стране таковыми было объявлено 115 тысяч населенных пунктов. В Калининской обл., например, из 12 тысяч деревень неперспективным были названы 10 300⁸.

Жители «неперспективных» деревень должны были переселяться в большие поселки, обычно центральные усадьбы колхозов и совхозов. В этих поселках начали создавать инфраструктуру, необходимую для повседневной жизни людей: двухэтажные кирпичные дома, больницы, школы, клубы, столовые и т.п. Одновременно с этим шло свертывание личного хозяйства колхозников: значительно сокращалась приусадебная земля, ликвидировались покосы и небольшие полевые наделы, настоятельно предлагалось отказаться от домашнего скота. Считалось, что личное хозяйство колхозника – явление временное, чуждое будущей коммунистической природе государства, и должно уступить место общественному хозяйству⁹. «На современном этапе развития совхозного производства, – говорилось в постановлении декабрьского Пленума ЦК КПСС (1958), – когда личные потребности работников совхозов в мясе, молоке и других продуктах, могут удовлетворяться за счет совхозной продукции, отпадает необходимость рабочим и служащим колхозов и совхозов иметь своих коров»¹⁰.

Реализация этой программы приняла масштабный размах в 1960-х гг. и продолжалась еще в 1970-х. Переселение проходило в приказном порядке, без учета мнения жителей. В неперспективных деревнях отключалось электричество, закрывались школы, магазины, фермы, не ремонтировались дороги. В то же время в укрупненных поселках создание новой инфраструктуры проходило медленно из-за отсутствия хорошего финансирования.

Зарплаты в укрупненных совхозах оставались низкими, а приусадебные участки были слишком малы, чтобы прокормить семью. Такая ситуация привела к тому, что молодежь вместо того, чтобы переехать в поселок, уезжала в города, а старики предпочитали доживать свой век в брошенных на произвол судьбы деревнях.

Естественно, что все эти события непосредственно отражались на бытовом укладе крестьян, существенно влияя на его традиционные черты. Прежде всего стал заметно изменяться внешний облик русских поселений. В укрупненных поселках появился новый тип зданий: двухэтажные жилые кирпичные дома, здания для размещения управленческих структур, больницы, дома культуры, школы, детские сады, столовые, магазины, построенные по проектам городской застройки из стандартных заводских деталей. Срубные избы, перевозимые из деревень, подлежащих ликвидации, как правило, не повторяли свой прежний облик, утрачивая многие традиционные черты: мезонины, балконы, крыльца. При избах в связи с сокращением усадебной земли и уменьшением поголовья скота исчезли многие дворовые постройки. В сельской местности стали возникать совершенно новые поселки, в которых активизировалось несельскохозяйственное производство (лесхозы) и которые заселялись людьми, приезжавшими для работы из разных областей России.

Реформы, проводившиеся в эти годы в деревне, привели не только к изменению внешнего облика деревень, но и к постепенному исчезновению многих особенностей материальной сферы крестьянской жизни: изменялся интерьер жилых помещений, русская печь стала заменяться газовыми плитами, а вместе с нею стала уходить в прошлое печная утварь. Однако, самое главное, стали уходить в прошлое многие важные мировоззренческие установки русских крестьян: представления об «отчине» и «матери-земле». Представление об «отчине» – своей деревне с окружающими ее полями, лугами, лесами, речками и озерами; месте, где жили, пахали землю, рожали детей, сражались с вражеским нашествием и умирали предки, занимало первое место в народном восприятии мира. «Отчина» казалась людям благодатным краем, в котором всегда можно найти защиту от всех горестей и бед. Ликвидация «неперспективных деревень», отъезд молодежи в города, уход в «иной мир» старшего поколения – все это привело к забвению этого главного составляющего мировоззрения русского народа.

Вместе с реформами стали уходить в прошлое и древние представления о «матери-земле – кормилице», требующей заботы о себе, внимания и любви. Толчком к исчезновению этих представлений было лишение колхозников «собственной земли» – то

есть приусадебного участка, покоса и полевого надела. Колхозная/совхозная земля в представлениях советских крестьян не считалась «своей» и не требовала какой-то особой заботы, которая нужна была «своей земле». Вместе с этим исчезли различные магические аграрные обряды, повышающие урожай, вызывающие дождь и т.д., которые еще проводились на приусадебных участках. Следует также отметить, что лишение «собственной земли» привело к утрате агрономических знаний, накопленных веками и сохранявшихся после коллективизации колхозным двором.

Процесс изменения традиционного бытового уклада и традиционного мировоззрения под влиянием социально-экономических реформ проходил постепенно и к началу XXI в. в общих чертах был завершен.

Известные российские фольклористы Л. М. Иевлева и А. В. Ромодин писали еще в конце 1980-х гг.: «Когда-то мощный слой традиционной культуры давно уже где размыт до нижних пределов, где безнадежно изуродован, а где и вообще до основания срезан»¹¹.

¹ Двор//Брокгауз Ф.А., Ефрон И.А. Энциклопедический словарь. СПб., 1893. Т. 10. С. 200.

² Мазур Л. Н. Приусадебное землепользование колхозников, работников совхоза и горожан в 1930–1980-е гг. (по материалам Урала)//Землеведение и землепользование в России (социально-правовые аспекты): Материалы XXVIII симпозиума по аграрной истории Восточной Европы. 24–28 сентября 2002 г. Калуга. С. 366–384; Горбачев О. В. Теория крестьянского хозяйства А. В. Чаянова и личные подсобные хозяйства в советской деревне (вторая половина 1930–1980-е гг.)//Вестник Пермского университета. Пермь. 2021. № 2(53). С. 73–82.

³ Безнин М. А. Крестьянский двор в российском Нечерноземье. 1950–1965 гг. М.; Вологда, 1991. С. 106.

⁴ Решение о реконструкции сельскохозяйственного производства было принято в 1953 г. на пятой сессии Верховного совета РСФСР и подтверждено на сентябрьском Пленуме ЦК КПСС 1953 г. После этого началась активная разработка реформ, воплощение же их в жизнь пришлось на вторую половину 1950-х – 1970-е гг.

⁵ Постановление пленума ЦК КПСС 15–19 декабря 1958 г. Итоги развития сельского хозяйства за последние пять лет и задачи дальнейшего увеличения производства сельскохозяйственных продуктов// Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и Пленумов ЦК (1918–1998). Т. 9.: 1956–1960. М.: Политиздат, 1986. С. 272–294. Постановление съезда по докладу т. Хрущева Н. С. О контрольных цифрах развития народного хозяйства СССР на 1959–1965 годы: Внеочередной двадцать первый съезд КПСС. 27 января – 5 февраля 1959 г.//Коммунистическая партия Советского Союза... С. 272–294.

⁶ Информац. сообщение о Пленуме ЦК КПСС // Правда коммунизма. 1958. № 150 (2923), 24 дек. С. 1–4.

⁷ Мазур Л. Н. Политика ликвидации неперспективных деревень в 1960–1970-е годы: истоки, этапы, реализация, результаты (на материалах Урала)//Россия в XX в.: история и историография: Сб научн. ст. Екатеринбург, 2002. С. 92–122; Она же. Политика Советского государства в области сельского расселения. 1950–1980: Истоки трагедии русской деревни//Интернет ресурс: URL: <http://hdl.handle.net/10995/39680> С. 338–348; Она же. Политика реконструкции российской деревни: конец 1950–1980-е гг.//Отечественная история. 2005. № 3. С. 25–37; Мазур Л. Н. Политика Советского государства... С. 108; Денисова Л. Н. Исчезающая деревня России: Нечерноземье в 1960–1980-х гг. М., 1966. С. 121–131.

⁸ Денисова Л. Н. Указ. соч. С. 121, 122.

⁹ Мазур Л. Н. Приусадебное землепользование. С. 372.; Коммунистическая партия Советского Союза. С. 289.

¹⁰ Там же. С. 287.

¹¹ Иевлева Л. М., Ромодин А. В. Раньше старинушка не нужна была, а сейчас пришли за ней//Судьбы традиционной культуры: Сб. ст. и матлов памяти Ларисы Иевлевой СПб., 1998. С. 19.

UDC 304.3

I. I. Shangina

Russian Peasant Household and the Reforms of the 1950–1960s

Shangina Izabella Iosiphovna, The Russian Museum of Ethnography (St. Petersburg), the Department of Ethnography of the Russian People, main research fellow, D. Sc. (History), professor; iz.schangina@yandex.ru

The paper is focused on the impact the socio-economic reforms of the 1950–1960s had on traditional way of life of the Russian Non-Black Soil Belt peasantry. The author proposes that the key aspects of the traditional way of life survived unchanged in the Russian Non-Black Soil Belt villages up to the 1960s, thanks to the collective farm households (a system of small farmsteads) staying alive within the collective farm system. The 1950–1960s reforms that destroyed collective farm households, led to the loss of the traditional rural population's way of life by the start of XXI century.

Keywords: socio-economic reforms, peasant household, collective farm household, traditional way of life, peasants, lifestyle.

С. И. Фомин

Образ идеального сельского населенного пункта в 1960–1970-х годах на примере «Проекта планировки и застройки с. Александровка Азовского района Ростовской области»

Фомин Сергей Игоревич, Азовский музей-заповедник (Азов), отдел научного хранения фондов, старший научный сотрудник; Serg.nimoff@yandex.ru

В докладе освещается тема социально-экономического переустройства хозяйственно-бытовой жизни советского села в 1960–1970-е гг. Как известно, в указанные десятилетия проводилась кампания по укрупнению сельских поселений и ликвидации мелких «неперспективных» деревень и хуторов. Одновременно с этим в ряде НИИ осуществлялись работы по созданию планов перепланировки укрупненных сёл в посёлки городского типа с соответствующей жилой многоквартирной застройкой и необходимой для ее жизнеобеспечения инфраструктурой. Облик «посёлков будущего», как правило, носил типовой характер и разрабатывался под влиянием запросов со стороны государства на модернизацию сельскохозяйственного производства, а также согласно господствующим представлениям в советской урбанистической науке. С другой стороны, можно проследить некий сложившийся образ идеального села, то, каким его видел бюрократический аппарат и политическое руководство страны, а также технократическая интеллигенция, участвующая в научной разработке планов переустройства сельских населенных пунктов. В качестве примера в докладе рассмотрен «Проект планировки и застройки с. Александровка Азовского р-на Ростовской обл.».

Ключевые слова: урбанизация, градостроительство, советское село, 1960–1970-е гг., проектирование, планирование, укрупнение, переселение.

Идеальный населенный пункт в советскую эпоху должен был отвечать ряду определенных требований, прежде всего связанных с производственными запросами, а также целесообразным расположением жилой застройки и зданий общественного назначения

в плане решения логистических, санитарно-эпидемиологических, культурно-бытовых требований. Относительно городских и сельских населенных пунктов в советской урбанистической науке существовали разные подходы в планировании, однако, в послевоенный период возобладала тенденция к сокращению разрыва между условиями жизни в городе и деревне. В 1960-х гг. стали появляться типовые планы переустройства сельской среды, но зачастую планы эти не были полностью воплощены в жизнь, поскольку не учитывали реальное положение дел «на местах». Все же по отдельным типовым проектам, дошедшим до нас, можно определить некий образ идеального сельского поселения. Хранящийся в фондах Азовского музея-заповедника «Проект планировки и застройки с. Александровка Азовского р-на Ростовской обл.» (далее Проект) является одним из таких документов.

Село Александровка находится в южной части современного Азовского р-на. Местные жители считают годом основания села 1740-й, однако, по ряду причин эту дату следует признать неверной. На самом деле село образовалось в начале XIX в. в результате слияния других мелких хуторов на берегах р. Мокрая Чумбурка. Характерно, что с. Александровка расположено на обоих берегах вышеупомянутой реки, и подобная, довольно редко встречаемая среди других населенных пунктов сопоставимого масштаба топографическая специфика определила особенности социально-экономического развития этого села. До 1963 г. Александровка была районным центром, затем Александровский р-н присоединили к более крупному Азовскому р-ну. К тому времени на территории Александровского сельского совета находилось два крупных сельхозпредприятия: колхоз им. Ленина и колхоз им. Калинина. К Александровскому сельсовету также относились 5 окрестных хуторов: Нижняя Козинка, Красная Заря, Христичево, Красная Поляна, Цыганки.

«Проект планировки и застройки с. Александровка» был разработан к 1975 г. южным филиалом Республиканского проектного института по землеустройству «Росгипрозем» согласно заданию, поступившему в 1973 г. Формально в качестве заказчиков плана выступали правления колхозов им. Ленина и им. Калинина, а также ряд других более мелких организаций, расположенных в селе. По факту разработка Проекта была исполнена в рамках выполнения решения Совмина СССР № 728 от 12 сентября 1968 г. «Об упорядочении строительства на селе», которое предусматривало разработку подобных планов на местах в течение пяти лет¹.

Первоначальной задачей Проекта было определение перспективных и неперспективных населенных пунктов, подчиняющихся Александровскому сельсовету. Перспективными были при-

знаны с. Александровка и х. Христичево, неперспективными – остальные четыре хутора, которые подлежали ликвидации, а их жители переселялись в соседние посёлки. Подобного рода деление соответствовало развернувшейся во второй половине 1960-х гг. компании по укрупнению сёл. Перспективными населенными пунктами, как правило, признавали наиболее крупные по размеру и численности населения. Действительно, согласно справке, предоставленной Александровским сельсоветом, мы видим, что население Александровки на 1 января 1972 г. составляло 6661 житель (в перспективе на 1998 г. – около 8000), а х. Христичево – 583 жителя. В остальных четырех хуторах в общей сложности проживало около 750 человек.

Для расселения вышеобозначенного количества жителей планировалось произвести масштабное жилищное строительство многоквартирных домов. Расчет жилой площади на одного человека при строительстве первой очереди (до 1980 г.) составлял 9 кв.м, второй очереди (до 2000 г.) – 12 кв.м. Согласно Проекту, необходимо было построить 3 четырехэтажных 16-квартирных дома, 49 двухэтажных домов, в общей сложности на 634 квартиры, а также 116 одноэтажных четырех- и двухквартирных домов. Приусадебные участки планировались только для одноэтажных жилых сооружений из расчета 0,04 га на одну квартиру (для домов из старого жилого фонда определялся земельный участок размером 0,1 га). По Проекту доля многоквартирных домов должна составлять 40%, а многоквартирных соответственно 60%. Согласно Проекту, в процессе переустройства села предполагалось снести 1640 из 3249 ранее существовавших зданий, как правило, жилых многоквартирных домов саманной постройки. Таким образом, Проект планировки, по сути, превращал с. Александровка в посёлок городского типа.

В комплексе с жилыми сооружениями необходимо было создать подходящую инфраструктуру и произвести благоустройство сельтерритории с целью придания, как было отмечено в Проекте, Александровке «единого облика «посёлка будущего»². На первой стадии строительства рассчитывалось сооружение таких инфраструктурных объектов, как школы на 960 учащихся, кинотеатра, двух детских садов, здания сельского совета, универсама, комбината бытового обслуживания, столовой. Центральная часть села, расположенная на правом берегу реки, по замыслу, должна была выглядеть таким образом, чтобы основными композиционными осями являлись главная улица и кольцевая, соединяющая центр с подцентром, расположенным на противоположном берегу реки. Общепоселковый центр должен представлять собой площадь, перспективу которой замыкает кинотеатр. На площади

планировалось разместить все три четырехэтажных дома (самые высокие сооружения в селе), кафе, здание сельского совета, магазины, торговый центр. Вокруг площади по плану располагались многоквартирные жилые дома, комбинат бытового обслуживания, сберкасса, контора ЖКХ, дом культуры, школа, кинотеатр. К центру примыкала зона отдыха, уходящая в сторону речного берега. Отдельно оговаривались объемы озеленительных работ и даже виды деревьев, предназначенных к высадке. Производственные зоны по Проекту должны быть вынесены за пределы селитебной зоны. Уделялось внимание необходимому асфальтированию основных грунтовых дорог. В рамках проекта рассчитывалось решить проблему с водоснабжением (на момент составления плана село было частично подключено к водопроводной сети), создать канализационную систему и систему центрального отопления, усовершенствовать процесс сбора и утилизации мусора. Газификация, однако, предполагалась не трубопроводная, а от газобаллонной станции.

Согласно предварительным подсчетам, сооружение зданий жилищного фонда обошлось бы в 11,5 млн руб., а строительство инфраструктурных объектов еще в 2,8 млн руб. Строительство лишь только объектов первой очереди (т.е. до 1980 г.) обошлось бы в 5,2 млн руб. Согласно справке, предоставленной Александровским сельсоветом о среднегодовых доходах обеих сельскохозяйственных предприятий, необходимая сумма покрывалась лишь наполовину. Этот факт, несомненно, известный и исполнителям Проекта планирования, и начальству в высоких областных кабинетах, позволяет предположить, что сам Проект в некотором роде был бюрократической формальностью, данью некой политико-экономической моде и в то же время в каком-то смысле отражением взглядов на идеальное устройство села. Именно нехватка финансовых средств не позволила воплотить план укрупнения сёл на союзном уровне. Поэтому, в целом, к концу 1970-х гг. данная инициатива властей стала сходить на нет. Что же касается с. Александровки, то на текущий момент его жилой фонд состоит преимущественно из одно-, реже двухэтажных индивидуальных домов. До 1991 г. были введены в эксплуатацию несколько вновь построенных объектов, таких, например, как здание больницы (строительство которой, кстати, не было предусмотрено Проектом), здание сельского совета, несколько детских садов, торговый центр. Но в целом развитие села носило спорадический характер. Хутора, расположенные в окрестностях Александровки, в качестве неперспективных ликвидированы не были и на сегодняшний день входят в Александровское сельское поселение. Однако, как минимум двум из них грозит исчезновение в связи с катастрофическими процессами оттока и вымирания населения.

¹ Мазун Л.Н. Политика ликвидации неперспективных деревень в 1960–1970-е гг.: истоки, этапы, реализация, результаты (на материалах Урала)//Россия в XX в.: история и историография: Сб. научных статей. Екатеринбург: Издательство Уральского университета, 2002. С. 111.

² Проект планировки и застройки села Александровка//Ростов-на-Дону. РГЗ. Южный филиал. 1975. С. 25.

UDC 94(470.61); 711

S. I. Fomin

An Image of Perfect Rural Settlement
of the 1960–1970s Exemplified in “the Planning
and Development Design for Aleksandrovka Village,
Azovsky District, Rostov Region”

Fomin Sergey Igorevich, The Azov Museum-Reserve (Azov), the Department of the Museum Collections Scientific Storage, senior scientific researcher; Serg.nimoff@yandex.ru

The paper deals with socio-economic transformation of rural soviet economy and everyday life in the 1960s and 1970s. It is common knowledge that a campaign to merge rural settlements into larger ones and wipe out small and “hopeless” villages and farmsteads was underway in that period. At the same time, a number of research institutions were developing plans to remodel those merged settlements into townships with appropriate multi-residency housing developments and the infrastructure required to service them. Generally, the appearances of these “townships of the future” were supposed to be standardized and designed to match the government’s demand for farming industry modernization and the notions prevailing in the soviet urban planning research. On the other hand, the paper presents us with the image of a perfect village coalesced in the minds of bureaucracy and the country’s political leaders, as well as the technocratic intellectuals that developed plans to reorganize rural settlements. The Planning and Development Design for Aleksandrovka Village, Azovsky District, Rostov Region serves as an example.

Keywords: urbanization, urban planning, soviet villages, 1960–1970s, design, planning, merging, migration.

Д. С. Вишняков

Трансформация традиционного интерьера
деревенского дома в процессе интеграции
советского быта (по материалам
экспедиций в Архангельскую
область в 2020–2021 годах)

Вишняков Дмитрий Сергеевич, Архангельский государственный музей деревянного зодчества и народного искусства «Малые Корелы» (Архангельск), научно-экспозиционный отдел, научный сотрудник; dimonist@mail.ru

В докладе на основе анализа материалов экспедиций в Мезенский и Лешуконский р-ны Архангельской обл., состоявшихся в 2020–2021 гг., дается характеристика изменения интерьера традиционного крестьянского дома, произошедшим под влиянием новшеств советского времени.

Ключевые слова: традиционный дом, традиционный интерьер, красный (передний) угол, советская повседневность, советская деревня, устная история, Архангельская обл.

Интерьером называют архитектурно и художественно оформленное внутреннее пространство здания, но это также и внутренний мир дома, в котором обитает человек. Дом особым образом маркирован и освоен для комфортной и безопасной жизни. Он постоянно преобразуется под влиянием различных факторов. Так, культурные, экономические и политические изменения общественной жизни влияют на человека и через него на интерьер, адаптируя последний к новым условиям.

Интерьеры крестьянских домов представлены во многих музеях, в том числе и в «Малых Корелах». В 2019 г. были расширены хронологические рамки научной работы и комплектования фондов до середины 1980-х гг. Их целью было более углубленное изучение быта советской деревни, определение сохранившихся традиционных черт культуры, их эволюции под влиянием советских новшеств. Практическим итогом стала подготовка экспозиционного интерьера периода Великой Отечественной войны и разработка интерьера 1960–1970-х гг.

Сбор материала для исследования этой темы проводился в ходе экспедиционной работы, имевшей целью выявление региональных особенностей советского интерьера. Исследования проводились в 24 населенных пунктах Мезенского и Лешуконского р-нов; интервьюированы 48 человек, год рождения которых находится в промежутке 1929–1961 гг. В пользу указанных территорий был сделан первоочередной выбор, так как бытовые изменения здесь происходили медленнее, что связано с их удаленностью.

Кроме экспедиционных материалов автор доклада опирался на исследовательские работы, посвященные как сельскому, так и городскому интерьеру. Представляет интерес статья А. В. Степанова «Севернорусская изба: динамика пространства и повседневный опыт (2-я половина XX – начало XXI в.)». Вопросы советизации интерьера и повседневной жизни нашли отражение во многих работах, среди которых выделяются статьи С. В. Кольчугиной и М. Ю. Богатовой «Интерьер жилища советского горожанина как трансляция традиционной крестьянской культуры» (2012); Е. В. Диановой «Повседневность и советский быт начала 1960-х годов» (2007); Г. П. Сидоровой «Советская повседневность: преодоление различий между городом и деревней», или культура городская vs сельской» (2018). В вопросах традиционного интерьера значимыми являются труды А. К. Байбурина «Жилище в обрядах и представлениях восточных славян», «Русские» под редакцией В. А. Александрова (2005) и «Русский Север. Этническая история и народная культура XII – XX веков» под редакцией И. В. Власовой (2001).

В настоящем докладе основное внимание уделено изменениям, произошедшим в традиционном интерьере под влиянием советского образа жизни.

В исследуемых районах значительная часть домов представляет собой пятистенки: изба и горница разделены стеной. В каждое помещение ведет отдельный вход. Иногда существует проход в стене между комнатами, но он не всегда используется хозяевами.

Осью ориентации жилища является диагональ «печь – передний угол». О семантической значимости¹ этой диагонали пишет в своей работе А. К. Байбурин: она «задает структуру домашнего пространства»². Но также отмечается, что в не меньшей степени эта структура основывается на прагматическом характере разграничения пространства³.

Передний угол, расположенный напротив печи, в наименьшей степени оказался подвержен изменениям. Здесь располагаются иконы и обеденный стол, в большинстве случаев поставленный

традиционно – торцом к входной двери⁴. Вокруг него стояли деревянный диван, лавки, стулья, табуретки.

Многие информанты сообщают, что икона в красном углу оставалась на протяжении всего советского периода. В случае необходимости ее прятали в *шолноше* (пространство между печью и стеной для хранения кухонной утвари), то есть она во всех случаях перемещалась по диагонали к печи. «У нас папа-то ведь в сельсовете работал. Едут с собрания там, с совещания. Все у нас чаю попили и дальше поехали. И ведь один человек на каком-то партийном там этом сказал, что вот Иван Григорьевич, коммунист, председатель, и у него икона висит в переднем углу. Ой, он приехал. Не знаю, чё он мог сделать с этой иконой? Потому что ему выговор ли чё-то было. И он повесил “Ленин читает газету “Правда”. А мама там маленьки какие иконки были, она повесила в *шолношу*»⁵ (Сидорова Г. И., 1949 г.р., д. Заручей).

Со стороны входа у печи во многих случаях еще не разобраны полаты, которые служат для хранения вещей. Также здесь помещался открытый медный рукомоёйник и под ним медный таз на металлическом обруче. Они были распространены до середины 1960-х гг.

Из традиционной мебели во многих домах использовались сундуки и зыбки. Последние в некоторых семьях были в ходу до начала 1980-х гг. Зыбка подвешивалась на шесте возле печи и накрывалась пологом. «У меня еще дочка в зыбке 80-го года рождения»⁶ (Листова О. В., д. Березник).

Угол у входа занимает верхняя одежда, которую в советский период обычно закрывали занавеской. Здесь, напротив печи, расположена кровать. Информанты помнят ее еще с довоенных времен, что говорит о близкой по мебелировке городской комнаты с горницей в избе. Так, входная зона избы приобретает назначение спального места. На кровати спали хозяин с хозяйкой (иногда с маленьким ребенком) или, особенно часто после войны, вдовая хозяйка. Во всех случаях отмечено, что спали головой к переднему углу.

Отдаленность исследуемых территорий, где водный путь сообщения оставался основным вплоть до 1980-х гг., создала необходимость поддержания местного производства мебели, утвари и одежды. Благодаря этому в хозяйстве долгое время пользовались традиционной глиняной утварью. С этим же связано и сохранение русской печи.

Постепенно изменяются функции помещений. Горница, которая была парадным помещением, превращается в спальню. В избе исчезают такие традиционные конструкции, как лавки и *заборки*. На их месте размещается новая мебель – шкафы, серванты, дива-

ны. Такую мебель наполняет фабричная посуда и утварь, набор которой пополняется; к русской печи пристраивается плитка.

В 1960-е гг. в большинстве домов был покрашен пол, побелены потолки, на стенах стали появляться обои. Зонирование избы в рассматриваемый период становится условным, хотя в интерьере четко выделяются традиционные черты. Печь расположена справа или слева от входа, всегда у внутренней стены, которая отделяет избу от горницы: «Значит две избы, скажем, берём, посередине стена. И вот у одной избы печь... Печь-то всегда у внутренней стены...»⁷ (Дранников В. И., 1933 г.р., г. Мезень).

Оформление горницы со временем привело к размыванию специфической изолированности *шолноши*, так как через нее теперь шел проход в парадное помещение. На это обращает внимание А. В. Степанов⁸. В 1960-е гг. в большинстве домов исчезают *заборки*, отделяющие *шолношу* от избы. Традиционно здесь хранится утварь, которая используется в русской печи. На этой стене часто вешали *наблюдник* с фабричной посудой.

Вдоль фасадной стены и в углу располагаются шкаф-буфет с фабричной посудой или позднее сервант, комод, стол для приготовления пищи (для этой цели также применялся стол-курятник).

Значительное влияние на интерьер дома оказала электрификация деревень, но проходила она достаточно поздно – в 1950–1970-е гг. В мезенских и лешуконских домах постепенно начинает появляться техника. В первую очередь приобреталось радио и стиральная машина. Радио было одним из источников информации о жизни в стране и мире. Сначала в подключенных к электроэнергии населенных пунктах появляются тарелки-репродукторы, а с 1960-х гг. их заменяют радиоприемники. «А здесь, где самовар, стояла тарелка. Дед включал. Нам нельзя было. Мы с 4 до 5 всегда прослушивали радио»⁹ (Сюмкин Н. И., 1961 г.р., с. Жердь). Следует отметить, что обычно они размещались ближе к переднему углу. В это же время появляются радиолы, а в домах – грампластинки.

Информанты отмечают, что телевизоры и холодильники в домах появляются достаточно поздно и массово распространяются только в 1980–1990-е гг., но начинают появляться со второй половины 1970-х гг.¹⁰

Скорее всего, это связано с тем, что только ближе к концу 1970-х гг. в деревни проводят постоянное электричество достаточной мощности. Так семьи еще больше обособляются от деревенского общества. Начинает исчезать советская традиция собираться в клубе для просмотра кино.

Следует отметить, что подключение сельских домов к электричеству изменило не только обстановку, но и восприятие пространства избы. Свет делает видимым почти каждый уголок дома, что приводит к необходимости наводить чистоту¹¹, и, в свою очередь, к необходимости закрывать окна занавесками¹².

Интерьер советского периода характеризуется появлением большого количества декоративных предметов, украшавших помещения. В моду входят коврики, статуэтки и другие знаковые детали советской эпохи¹³. Связано это как с развитием их массового производства, так и с влиянием городской массовой культуры. Следует отметить, что многие предметы, которые раньше имели духовное значение или выполняли функцию оберегов, в советское время становятся декоративными.

Обобщая вышеизложенное, отметим, что удаленность исследуемых районов привнесла свои особенности в интерьер. Новые декоративные элементы проникают медленно, при этом сохраняются и традиционные: вышитые полотенца и подзоры, роспись и резьба на утвари и мебели. Появление электричества в домах повлияло на желание украсить дом, который стал светлее, в результате чего можно было разглядеть каждый уголок. А с распространением фотографии на стенах появляется все больше фотопортретов, которые вешали в деревянных рамках обычно на фасадной стене, чтобы их было видно сразу, как толькоходишь в дом.

Новый образ жизни развивается от общественного к индивидуальному; интерьер становится более закрытым. Это объясняет появление занавесок на окнах и в *шолноше*, ими может разделяться пространство избы, закрывается печь.

Анализ материалов экспедиций позволяет заключить, что традиционные черты крестьянской культуры имеют первостепенное значение при формировании интерьера позднего советского периода. Они очень медленно и избирательно включают в себя нововведения. Кроме того, адаптируют их к своему существованию. Изложенное положение подтверждается тезисом о сохранении традиционных предметов интерьера по диагонали «печь – передний угол».

Важным фактором появления городских элементов культуры на селе была мода (не только в одежде, но и в предметах быта, стиле жизни). Распространение массовой культуры, которая имела городской характер, происходило через газеты и литературу, радио и телевидение. Так, во второй половине XX в. наблюдается более тесное соединение деревенского и городского образов жизни. Но вследствие вышеназванных причин мода не оказала разрушающего влияния на традиционный интерьер.

Отметим также улучшение финансового положения крестьянства в 1960–1970-е гг. Замена трудодней на денежную заработную плату, выдача паспортов повлияли на материально-бытовое положение работников колхозов, которые составляли только часть населения деревень.

¹ Байбурин А. К. Жилище в обрядах и представлениях восточных славян. 2-е изд., испр. М.: Языки славянской культуры. С. 152–154.

² Степанов А. В. Севернорусская изба: динамика пространства и повседневный опыт (2-я половина XX – начало XXI в.). [Электронный ресурс]. – URL: <https://anthropologie.kunstkamera.ru/files/pdf/016online/stepanov.pdf>

³ Там же.

⁴ Л. 15. 2021 г.

⁵ Там же. Л. 54–54об. 2021 г.

⁶ Там же. Л. 57об.

⁷ Там же. Л. 50. 2021 г.

⁸ Степанов А. В. Указ. соч.

⁹ Архив Музея «Малые Корель». Ф. 1. Оп. 1. Д. 5230. Л. 62.

¹⁰ Там же. Л. 127. 2021 г.

¹¹ Степанов А. В. Указ. соч.

¹² Архив Музея «Малые Корель». Ф. 1. Оп. 1. Д. 5230. Л. 127. 2021 г.

¹³ Там же. Л. 126. 2021 г.

UDC 398.344

D. S. Vishnyakov

Transformation of Traditional Farmhouse Interior
in the Course of Integration of the Soviet Way
of Life (Following the 2020–2021 Expeditions
to Arkhangelsk Region)

Vishnyakov Dmitriy Sergeevich, The Arkhangelsk State Museum of Wooden Architecture and Folk art “Malye Korely” (Arkhangelsk), the Department of Science and Exhibition, researcher; dimonist@mail.ru

Based on the material collected during the 2020–2021 expeditions to Mezensky and Leshukonsky Districts (Arkhangelsk Region), the paper describes the changes to traditional farmhouse interiors brought in by the soviet innovations.

Keywords: traditional house, traditional interior, holy corner, soviet everyday life, soviet village, oral history, Arkhangelsk Region.

Е. А. Чайко

От семьи русской к семье советской:
третья сторона во внутрисемейных
конфликтах (по материалам
Челябинской области)

Чайко Екатерина Анатольевна, Челябинский государственный университет, Музей археологии и этнографии (Челябинск), заведующая, кандидат исторических наук; e.a.chaiko@yandex.ru

В период 1930–1960-х гг. широко практиковалось вмешательство общественных структур (партийных организаций, трудовых коллективов, товарищеских судов, прессы) во внутрисемейные отношения для разрешения конфликтных ситуаций.

Обращение к третьей стороне для решения внутрисемейных конфликтов допускалось в русской семье и в дореволюционный период, о чем, в частности, свидетельствуют материалы станичных судов Оренбургского казачьего войска. Большинство дел инициировалось женами либо их отцами, дядями. Основными причинами обращений служили измены мужа, побои, публичные оскорбления. В делах об изменах ответчицей выступала женщина-разлучница. При нанесении побоев решение суда зависело от репутации пострадавшей женщины. Требуящим обязательного наказания считалось плохое содержание жены и оскорбление при людях. Признание виновности влекло штраф и арест при станичном правлении.

Обращения мужчин в суды были связаны с бегством жен из семьи. По подобным делам принимались решения о поиске и возврате жены.

После революции практика обращений к третьей стороне сохранялась в женской среде. В случае измены мужа жаловались его начальству в партийные органы, в прессу. Ответчиками считались мужья, а не разлучницы. Поводом для обращений женщин оставались побои. По отношению к драчливым мужьям применялись меры мягкого воздействия. Как и в дореволюционное время, плохое содержание семьи – муж пьет, не отдает в семью денег – удостоивалось наибольшего осуждения. Целью вмешательства в семейные отношения называлось стрем-

ление к перевоспитанию супруга. Использовалось внесудебное принуждение. Общественные институты способствовали сохранению целостности семей.

Ключевые слова: семья, государство, суд, внутрисемейные конфликты, муж, жена, измена, побои, жалобы.

Несмотря на традиционно присущие русской семье замкнутость и строгую семейную иерархию, в случае семейного конфликта допускалось обращение пострадавших членов семьи к обществу для установления справедливости. Об этом, в частности, свидетельствуют материалы станичных судов за 1860–1880-е гг. ст-ц Долгодеревенской и Еткульской Оренбургского казачьего войска. Так, станичные суды принимали и рассматривали жалобы на жестокое обращение мужа и его ближайшей родни с женой. Приведем решения судов по таким жалобам.

9 марта 1886 г. в Еткульский станичный суд обратилась казачка пос. Сухоруковского Анна Михайловна Сухорукова с жалобой на нанесение побоев ее мужем Никанором Васильевым Сухоруковым. Казачка была освидетельствована врачом, который нашел на спине «сильно нанесенные нагайкой удары», счел их «при повторении вредными ко здоровью». Вызванные на суд жители поселка встали на сторону Никанора и одобрили его поведение, объяснив суду, что Анна «имеет в себе дурной характер». Судом также было отмечено плохое поведение истицы на суде: «Анна подает на себя явное при суде неповиновение». В результате рассмотрения станичный суд признал побои женщины необходимыми для укрощения ее «дурного характера»¹.

Среди материалов Долгодеревенского станичного суда отложились документы судопроизводства по заявлению челябинской мещанки Н. Ф. Трошиной на своего зятя – казака П. Н. Тарасова. По словам заявительницы, находясь в доме зятя, она стала свидетелем того, как зять бьет ее дочь и вступилась: «Зачем он делает буйство в семейной жизни?» В ответ, казак «бросил (бить) жену и нанес... побои ей» – сначала дома, а затем на улице. «Спрошенные» судом соседи показали, что видели заявительницу на улице лежащей, но чтобы ее бил зять не видели. Сам же казак Тарасов на суде показал, он был «выпимши», сидел за столом во время ужина, произнес матерное слово между разговоров с женой, а теща начала упрекать. Он вывел ее, «дабы она не могла являться в чужой дом со своими наставлениями». Побоев не наносил. Суд факт побоев не признал, но казаку сделал строгий выговор, чтобы в будущий раз «обращался с родными хладнокровно»².

Заявление мог подать и отец замужней дочери. В документах станичного суда Долгодеревенской станицы имеется дело, заведенное по жалобе казака А. С. Подкорытова на жестокое обращение свекрови и свекра с его дочерью. Казак сообщил суду, что «выданная им в замужество родная дочь его Елена Александровна, по мужу Заварухина, часто... приносит жалобу, что свекр ее, казак Константин Заварухин, и жена его, Василиса Борисовна, постоянно наносят ей обиды и к тому настраивают и мужа ее, и даже иногда не дают к пропитанию ея никакой пищи». «Спрошенные судом» свекр и свекровь не сознались. Однако, «на спрос суда целое общество поселка» показало, что «Заварухины сноху свою частовременно изнуряют. Сноха Константина (еще одна) Наталья Ефимовна показала, что при ней свекровь их наносила Елене обиды, и даже сорвала с нее шаль». Суд постановил наказать казака Константина Заварухина штрафом 3 руб. серебром в пользу общественной суммы, а жену его, «как более растлившую семейную жизнь, держать при станичном правлении 6 суток»³.

Таким образом, материалы станичных судов свидетельствуют о наличии практики обращений пострадавших членов семьи в станичный суд в случаях нанесения побоев, обид (оскорблений), плохого содержания в семье. Анализ решений по приведенным делам показывает, что самым незначительным проступком из перечисленных выше, считалось нанесение побоев, не повлекших увечий. Более серьезными проступками считались оскорбления, а также плохое содержание жены.

Под юрисдикцию станичных судов также попадали действия, направленные на разлад супружеской жизни. Так, 9 марта 1886 г. казачка пос. Сухоруковского Анна Михайловна Сухорукова обратилась в Еткульский станичный суд с жалобой на солдатку Анну Андрееву Оборину в «расстройстве супружеской жизни» и нанесении побоев. По приговору суда солдатку Анну Андрееву Оборину подвергли аресту при станичном правлении на шесть дней «с употреблением на общественные работы»⁴.

16 января 1866 г. в тот же суд обратилась крестьянка пос. Еманжелинского Еткульской ст-цы Екатерина Шаховская с обвинением казачки того же поселка Анисьи Гавриловны Печеркиной в желании «сделать супружеские разлучи». В свидетели была призвана девица Анна Андреевна Сазонова, которая намерения Печеркиной подтвердила. Суд постановил подвергнуть разлучницу аресту при станичном правлении сроком на семь дней и взыскать с нее штраф три рубля в пользу А. А. Сазоновой «за двойной вызов в суд»⁵.

Относительную суровость наказаний по подобным делам, очевидно, можно объяснить известным представлением русских о свя-

тости венца. Супружеские измены считались нарушением клятвы, данной в церкви при венчании, и потому осуждались. Большинство исков предъявлялось по поводу супружеской неверности к женщинам-разлучницам. В особых случаях ответчиком в деле о супружеской неверности мог выступать муж. Так, казачка пос. Еткульского Парасковья Павловна Бухарина обратилась в суд с прошением о «взыскании с мужа (урядника Осипа Тихоновича Бухарина) по закону» за то, что он «занимается любострастием со снохой своей, женой родного сына, Настасьей Яковлевной Бухариной, из-за чего содержит ее в общесожитии и согнал [жену] из дому своего». «Спрошенный» в суде урядник сообщил, что жена отлучилась из дома самовольно, о чем он ранее заявил поселковому атаману и «сей последний ссылку Бухарина подтвердил». Спрошенные судом соседи поведение урядника Бухарина одобрили, а «жену его Прасковью не одобряют», ибо она, по мнению соседей, «не делает послушания противу мужа своего». Суд решил «казаку Бухарину за несправедливый извет, а также выслушивание неприличностей присудить, что ничем не доказывается». Жену его «в пример других» держать при станичном правлении под арестом трое суток «со внушением, дабы она на будущий раз от сказанных несправедливых изветов воздерживалась»⁶.

Мужья обращались в суды только в случае ухода жены из семьи. Так, 4 февраля 1886 г. Еткульский станичный суд разбирал заявление казака Трофима Васильева Борисова. По словам заявителя, жена его Екатерина два месяца назад скрылась из дома. После долгих розысков он нашел ее в пос. Еманжелинском у ее родственника. Суд обязал доставить Екатерину обратно к мужу, а также «ублаготворить» Трофима Борисова за проведенные им в розысках 10 дней «с лошадью» за счет «пристанодержателя»⁷. Из чего следует, что розыски бегавшей из дома жены, были сочтены делом общественно важным.

Таким образом, в русской семье в условиях господства представлений о незыблемости семьи, существовала практика обращения пострадавших во внутрисемейных конфликтах за защитой к третьей стороне (в суд). Станичные суды рассматривали обращения и принимали решения на основе выяснения общественного мнения о сторонах конфликта, руководствуясь традиционными взглядами на семью и роли в ней отдельных ее членов.

В советское время наряду с судебным регулированием семейных взаимоотношений и конфликтов в рамках действовавшего законодательства, имела место практика внесудебного регулирования. Об этом, в частности, свидетельствуют материалы районных газет, а также решения партийных и советских органов местной власти периода 1930–1960-х гг. Внесудебные разбирательства могли ини-

цироваться самой пострадавшей стороной либо сторонним лицом. Внесудебные вмешательства в дела семьи происходили в случаях «буйства» мужа, пьянства и плохого содержания жены и детей («не отдает зарплату в семью»), ухода мужа из семьи при наличии детей («оставил детей»). Поводом для внесудебного вмешательства являлись письменные обращения женщин – жен, соседок или других лиц. Наиболее частыми были жалобы на регулярное пьянство и побои жены в пьяном виде.

Так, в одной из газетных заметок читаем: «Спиридонов П. издевается над своей женой. Он не только бьет ее кулаками, но и с палкой гоняется по улице»⁸. В другой заметке предлагается повлиять на Лопакова Н. Я., который «избивает жену», а «детей прогоняет к соседям»⁹. Авторы публикаций призывают власти на местах – местный совет, милицию, завком – принять меры по отношению к ведущим себя аморально мужьям. Как правило, сам факт публикации в газете свидетельствует о нежелании властных структур вмешиваться в семейный конфликт. К примеру, отмечается, что местный совет знает о «систематическом пьянстве и хулиганстве Лопакова и молчит»¹⁰. Или в письме домохозяйки в районную газету о том, что их сосед, рабочий лесохимического завода Чернышков, избивает жену, а детей часто оставляет голодом, сообщается, что ранее авторы письма безрезультатно обращались в милицию¹¹.

Как и в дореволюционное время, нанесение побоев жене не считалось проступком, требующим обязательного наказания. Так, в 1929 г. на конференции женщин-общественниц Златоустовского окр. Уральской обл. ее участницы жаловались на то, что милиционеры «при случае драки (в семье) не идут на защиту женщин»¹². К «буйству» мужей довольно терпеливо относились и сами женщины, а факт обращения жены с жалобой на мужа не однозначно оценивался общественным мнением. В 1952 г. участники фольклорной экспедиции В. Е. Гусева, работавшие на Южном Урале, отметили, что «зачастую мужья пьют и дерутся. Сам председатель артели часто гоняет свою жену по улице, напившись. Женщины недовольны таким положением, но помалкивают»¹³, тогда же 92-летняя жительница одной из деревень заметила участнику этнографической экспедиции, что «раньше баб поленьями били обязательно. Это такой порядок был и законно»¹⁴.

В начале 1960-х гг. для обуздания дерущихся мужей власть стала использовать товарищеские суды. Так, в 1960 г. товарищеским судом при исполкоме Ашинского горсовета было рассмотрено дело, посвященное «антиобщественному поведению в быту рабочего метзавода Бочкова, который пьянствовал, издевался над женой и детьми, зарплату не отдавал в семью». Собрание проводилось

в клубе по месту жительства Бочкова при большом скоплении домохозяек. В отчете отмечается, что после товарищеского суда «Бочков стал вести себя как положено отцу семейства, жалоб со стороны жены и соседей не стало»¹⁵.

Таким образом, практика обращений к третьей стороне в случаях внутрисемейных конфликтов в советский период имела исторические корни. В отношении семьи правовое сознание народа, и в значительной степени власти воспроизводило нормы, традиционно принятые в народной среде. Властные структуры, в разрешении семейных конфликтов исходившие из стремления к сохранению целостности семьи, применяли мягкие формы воздействия на мужей, ограничиваясь внушением по общественной или партийной линии.

¹ Объединенный государственный архив Челябинской области (ОГА-ЧО). Ф. И.- 12. Оп. 1. Д. 1. Л. 17.

² Там же. Ф. И-7-1-40. Л. 13об-14об.

³ Там же. Ф. И-7-1-40. Л. 28-29об.

⁴ Там же. Ф. И.- 12. Оп. 1. Д. 1. Л. 25.

⁵ Там же. Ф. И.- 12. Оп. 1. Д. 1. Л. 92.

⁶ Там же. Ф. И-7-1-40. Л. 102об-103.

⁷ Там же. Ф. 12. Оп. 1. Д. 1. Л. 26об.

⁸ «Стальная искра». 1936. 13июля.

⁹ «Авангард» 1941. 28 янв.

¹⁰ Там же.

¹¹ «Стальная искра». 1936. 25 июля.

¹² Архив Златоустовского городского округа (АЗГО). Ф. Р-43. Оп. 1. Д. 1625. Л. 22об.

¹³ Государственный исторический музей Южного Урала (ГИМЮУ). Фонд документов. Оп.4. Ед.хр. 289 Л. 10.

¹⁴ Там же. Ед. хр. 298. 22.

¹⁵ АЗГО. Ф. Р-451. Оп. 1. Д. 68. Л. 63-64.

UDC 392.3

E. A. Chaiko

From Russian Family to Soviet Family:
Third Parties to Marital Conflicts (a Case Study
of Chelyabinsk Region)

Chaiko Ekaterina Anatolievna, The Chelyabinsk State University, the Museum of Archeology and Ethnography (Chelyabinsk), head, Ph. D. (History); e.a.chaiko@yandex.ru

The practice of social institutions (Communist party organizations, labor collectives, comrades' courts, media) taking an active part in marital relationships in order to resolve conflicts was widespread in the 1930–1960s.

Appeals to third parties to resolve marital conflicts were not unheard of for Russian families in the pre-Revolutionary times as well (as evidenced, for example, by village court archives of Orenburg Cossack host). For the most part, cases were initiated by wives or their male relatives. The reasons were generally infidelity of the husband, physical abuse or public insults. In infidelity cases, defendants were female homewreckers. In cases of physical abuse, the court decisions depended on the woman's reputation. Lack of spousal support or public insults of the wife were punished with no exceptions. For husbands found guilty, the punishment was a fine and time in the village council's jail.

Men appealed to courts if their wives ran away. The court decision in such cases was to find the wife and get her back to her husband.

After the Russian Revolution of 1917, the practice of appeals to a third party remained widespread among women. Complaints against unfaithful husbands were submitted to their bosses, the Party organizations or the media. The defendants in such cases were husbands, not their lovers. Physical abuse was still a cause for women to complain about. Abusive husbands were subject to mild correction. Like before the Revolution, poor familial support (husband is often drunk, leaves no money to his family) was punished the harshest. The goal of such involvement in the family matters was to make the husband to reform. Out-of-court restraint was in use. That way, social institutions served to preserve families.

Keywords: family, state, court, marital conflicts, husband, wife, infidelity, physical abuse, complaints.

М.Л. Засецкая

История коллективизации в 1920–1930-е годы
в Ленинградской области (по материалам
рукописной книги А.Я. Эссенсона
«Криминально-историческая повесть
о тяжелой жизни крестьян» из архива
Российского этнографического музея)

Засецкая Марина Львовна, Российский этнографический музей (С.-Петербург), отдел этнографии Северо-Запада и Прибалтики, научный сотрудник ведущей категории; merjamz@mail.ru

В 1997 г. в архив Российского этнографического музея членом Эстонского культурного общества Санкт-Петербурга Альбертом Яковлевичем Эссенсоном (1906–2000) была передана рукописная книга «Криминально-историческая повесть о тяжелой жизни крестьян», над которой он работал в течение семи лет (1991–1997). Этот труд, написанный на русском языке представителем третьего поколения эстонцев-переселенцев Санкт-Петербургской губ., содержит 65 глав (439 машинописных страниц). Уникальный литературный памятник, в котором сочетаются описания исторических событий и личностей с XIII по XX в., семейные хроники и художественный вымысел, фольклорные нарративы и фактические сведения по локально-краеведческой истории, статистические данные, касающиеся производства сельскохозяйственной продукции, постановления и речи лидеров коммунистической партии и многое другое, – требует серьезного изучения на основе культурологического подхода.

В рамках данного доклада автор рассматривает только главную идейную линию книги – воплощение вековой мечты эстонца («вольный крестьянин – на вольной земле» К.Р. Якобсон) в России и крушение всех его надежд в результате государственной политики 1927–1930-х гг., направленной на коллективизацию и раскулачивание хуторян, которая перечеркнула достижения эпохи «великого реформатора» П.А. Столыпина, привела, по мнению А.Я. Эссенсона, к уничтожению российского потомственного крестьянства и разорению сельского хозяйства страны в целом и, в частности, малой родины – Ленинградской области.

Ключевые слова: рукописная книга, письменный нарратив, хроника, эстонская миграция, хуторские поселения, российское крестьянство, коллективизация, социально-политическая история СССР.

В 1997 г. в архив Российского этнографического музея членом Эстонского культурного общества Санкт-Петербурга Альбертом Яковлевичем Эссенсоном (1911–2000) была передана рукописная книга «Криминально-историческая повесть о тяжелой жизни крестьян», над которой он работал в течение семи лет (1991–1997)¹. Этот труд, написанный на русском языке представителем третьего поколения эстонцев-переселенцев Санкт-Петербургской губ., содержит 65 глав (439 машинописных страниц). Уникальный литературный памятник, в котором сочетаются описания исторических событий и личностей с XIII по XX в., семейные хроники и художественный вымысел, фольклорные нарративы и фактические сведения по локально-краеведческой истории, статистические данные, касающиеся производства сельскохозяйственной продукции, постановления и речи лидеров коммунистической партии и многое др., – требует серьезного изучения на основе культурологического подхода.

В рамках данного доклада автор рассматривает только главную идейную линию книги – воплощение вековой мечты эстонца («вольный крестьянин – на вольной земле»²) в России и крушение всех его надежд в результате государственной политики 1927–1930-х гг., направленной на коллективизацию и раскулачивание крестьян, которая перечеркнула достижения эпохи «великого реформатора» – П. А. Столыпина³.

Закономерно, что в основе сюжетной линии история семьи Эссенсонов (в рукописи фамилия изменена на Отансон) и хуторского поселения «Брызговские Грунты»⁴, появившегося в период пореформенной крестьянской миграции на землях барона И. О. Вельо⁵ в Царскоесельском у. С.-Петербургской губ. Именно сюда в 1867 г. прибыли молодые супруги из Феллинского у. (совр. Вильяндимаа) Михаил и Анна. Они были первыми из Прибалтийского края, откликнувшимися на призыв помещика, поэтому им было позволено выбрать любой из участков, предназначенных для аренды. Так возник хутор «Паэмуру» («Каменоломня»), а через несколько лет рядом с ним выросли и другие хутора эстонцев-переселенцев. К 1917 г. их насчитывалось уже более тридцати.

История семьи Эссенсонов до 1917 г. в пересказе внука перво-поселенцев – это классический пример идиллии счастливой жизни большой дружной трудолюбивой семьи, успешного развития рационального фермерского хозяйства (семи- и девятипольный

севооборот, травосеяние, молочное животноводство, свиноводство), укоренения новопоселенцев, адаптации их к Российской национальной и народной культуре, формирования нового этнолокального самосознания – «петербургские эстонцы»⁶. Об этом свидетельствуют названия глав с 20 по 29⁷: «Земля обетованная, или новая Родина»; «Хроники хутора Паэмуру» (одноименные главы 21, 27); «Крестьянский быт в новых условиях»; «Продолжение переселения»; «Спасение в России»; «Кладискательство»; «Сватовство и женитьба Якова»; «Образование и жизнь молодежи». Глубоко символично, что Альберт Яковлевич Эссенсон пишет о себе в третьем лице, и дает авторскому персонажу имя – Адам. И в этом имени закодирована идея будущей «утраты рая», того, в котором автор пребывал в детстве: «Земля, ледниками изрытая; / Равнина лесами покрытая. / Там много птиц голосистых / И рои бабочек разноцветных»⁸. Здесь уместно напомнить, что начиная с эпохи Средних веков образ Адама – первого землепашца, то есть первого крестьянина, был широко распространен в искусстве и фольклоре народов Европы. Он был хорошо знаком Альберту Яковлевичу, человеку, прошедшему катехизацию в Евангелически-лютеранской церкви, поэтому судьба юного Адама Отансона является метафорическим отражением судьбы крестьянина-земледельца в России XX в.

Эссенсоны пережили революцию и сумели избежать «бандитизма» Гражданской войны⁹, им удалось эвакуироваться в Эстонию. После подписания мирного договора 1920 г. между Советской Россией и Эстонской республикой они были первыми, кто подал прошения о репатриации на родину. Честные труженики искренне верили, что в стране «рабочих и крестьян» их ждет светлое будущее.

При чтении главы 32-й «Военный коммунизм»¹⁰ и 33-ей «Новая экономическая политика»¹¹ становится очевидно с каким воодушевлением восприняло крестьянское население НЭП, какими быстрыми темпами восстанавливалось и развивалось сельское хозяйство производством и торговлей между городом и деревней, какие новые формы осваивались крестьянами, включая кооперацию. «В деревне появилась бытовая кооперация <...> артели построили молочный завод в Волосово и второй в поселке Кайкино. На этих заводах молоко можно было перерабатывать <...> в масло, творог, сыр, простоквашу»¹². Далее Эссенсон подробно перечисляет конкретные объекты в деревнях, построенные кооперативами по сбыту и переработке продукции; потребительские кооперативы, товарищества по обработке земли (ТОЗ) и приводит следующие данные: «Жизнь в губернии била ключом. С первого января 1924 года по первое июня 1926 года количество хозяйств, охваченных разными видами кооперации, увеличилось с 1 миллиона

700 тысяч до 5 миллионов»¹³. По его мнению, роковым для развития сельского хозяйства стало принятие решения о введении «прогрессивного подоходного налога»¹⁴. Среди хуторян Брызговских Грунтов, большая часть которых относилась к преуспевающим середнякам, долгое время шли настоящие дебаты о том, кто и зачем ввел этот налог: «Этот глупый налог придумали противники Сталина, чтобы подорвать его авторитет и захватить власть <...> Я уверен, что человек, руководящий государством, не может быть настолько глупым, чтобы рубить сук, на котором сам сидит», – утверждал младший брат Якова Эссенсона, названный в честь отца Михаилом¹⁵. «Особенно оригинальную» версию высказал Юрий Онга: «Все это проделки немецких баронов. Они продали крестьянам все свои земли еще до войны, и теперь хотят завладеть ими снова. При помощи пролетариата они отберут землю у крестьян и построят большие хозяйства – совхозы, а затем захватят власть и станут хозяевами этих совхозов»¹⁶. Даже после того как «политически образованный» представитель бедноты Александр Югансон объяснил хуторянам, что в конечном итоге крестьянство как класс будет ликвидировано, то есть крестьяне должны будут превратиться в сельских пролетариев – рабочих совхозов и колхозов, Михаил Эссенсон решил сохранять верность «конституции, заветам Ленина и своей совести»¹⁷. В 1927 г. хозяйство Михаила было разорено из-за непомерного «прогрессивного налога», который он не смог вовремя уплатить. «Как только он просрочил платеж, приехала бригада описывать и отбирать его имущество. Забрали лошадь, коров и все ценное. <...> Михаил метался и умолял <...> оставить что-нибудь для пропитания семьи»¹⁸. Этот шум услышал его отец, Михаил Мадисонович, которому шел 103 год. Осознав, что сына грабят, он решил, что пришли слуги барона Велио и, схватив палку, поспешил на помощь, крича на немецком языке: «Не, Räberbande! Racken sies ich von hier ohne Verzug!»¹⁹ («Эй, разбойники! Сейчас я вас быстро упакую!» – М.З.). Разгневанного старика еле увели, пообещав, что с немцами и без него управятся. Как признался мне в 1996 г. во время интервью Альберт Яковлевич, дедушка не смог поверить, что это русские: «Русские – давали землю, русские не отбирали землю, это немецкие бароны...», – повторял он. А через час после отъезда «бригады» основатель хутора Паэмуру скончался: «Он не выдержал новой несправедливости “немецких помещиков”. Рухнула его мечта о счастливой жизни, оказалась иллюзией. Перед смертью он узрел гибель и бесполезность своих трудов и мечтаний. <...> Сбылось предсказание древних римлян: “Суета сует и вся суета”²⁰ <...> В могилу он унес память о своей новой родине: “Ты и убогая, / Ты и обильная, / Ты и могучая, / Ты и бессильная, /

Ты и жестокая, / Матушка Русь!»²¹ Полагаю, что события того дня стало откровением не для деда, а для внука – шестнадцатилетнего юноши, недавно прошедшего конфирмацию – в результате которых Адам впервые осознал и осудил зло (обиду, горечь, несправедливость) и навсегда утратил «рай».

По-видимому, не имеет смысла пересказывать общеизвестные исторические факты, касающиеся методов, способов и результатов проведения «сплошной коллективизации» в СССР в эпоху «великого перелома» 1928–1930 гг. Однако невозможно проигнорировать один эпизод, посвященный последней волне раскулачивания, когда советская власть доверила местным сельским активам определять, кто из их односельчан является кулаком. Из сорока семей, проживавших на Брызговских Грунтах, необходимо было «по новой разверстке»²² выбрать трех кулаков. «У нас есть многодетные, убогие и старики. Их, конечно, выселять не будут, они никому не нужны, и их оставят жить здесь, – наивно решили члены сельского актива. – Дорогие односельчане! Это подло в качестве жертв посылать на заклятие старых, убогих и малых! – возразил Александр Югансон. – Может быть, тебе самому хочется стать кулаком? – спросил его Осип Воронов»²³. И вопрос был закрыт. «Ах, Саша! Я не мог предположить, что социализм такой страшный и бесчеловечный», – признался по дороге домой комсомольцу Александру Югансону председатель сельского актива, коммунист Павел Михельсон²⁴. А.Я. Эссенсон открыто осуждает И.В. Сталина («разбойного правителя») ²⁵ за попытку «повязать кровью»²⁶ простых граждан, ведь предательство ближних своих неизбежно должно было привести человека к духовно-нравственной деградации.

Однако самым трагическим, необратимым последствием социально-политических преобразований 1927–1937 гг., по мнению автора рукописи, стало лишение крестьянина его родового права – права, дарованного Адаму Богом, – владеть землей и ее возделывать. Это привело к кардинальному изменению традиционного высокого гендерного статуса мужчины – отца-земледельца, главы семьи, который был «всем», а стал – «ничем»²⁷. Во второй половине XX в. потомки Адама-землепашца массово покидали землю отцов – малую родину, рассеялись по городам. Таким образом, в СССР прекратили существования миллионы крестьянских династий.

¹ АРЭМ. Эссенсон А.Я. «Криминально-историческая повесть о тяжелой жизни крестьян»; ПМА Засецкая М.Л. 1999 г. (далее АРЭМ. Эссенсон...)

² Данная фраза К.Р. Якобсона (1841–1882) стала эшиграфом основной им ежедневной газеты «Сакала» (“Sakala”), изданной впервые 11 мар-

та 1878 г. См. подробнее: Янсен Э.А. Газета «Сакала» Карла Роберта Якобсона: Из истории обществ.-полит. борьбы в Эстонии (1878–1882 гг.): Автореф. дис. док. ист. наук. АН ЭССР. Ин-т истории. Таллин, 1968.

³ См.: Глава 28. «Великий реформатор». АРЭМ. Эссенсон... С. 129.

⁴ В настоящее время земли быв. Брызговских Грунтов входят в состав д. Красное Брызгово, расположенной неподалеку от д. Русское Брызгово (Бегуницкая вол., Волосовский р-н, Ленинградская обл.).

⁵ Выходцам из Португалии баронам Велио принадлежали имения Гомонтово и Ново-Ивановское в Царскосельском у.

⁶ Подробнее о воспитании молодежи в среде переселенцев Санкт-Петербургской губ. см.: Zaseckaja M. Estnische bersiedler im Gouvernement St. Petersburgs von der zweiten Ha7 АРЭМ. Эссенсон... С. 89–140.

⁸ Эпиграф к Главе 20 – стихи А.Я. Эссенсона, сочиненные еще в юности, цитируется по черновому варианту рукописи, подаренному Эссенсоном А.Я. автору доклада, в последней редакции текст был изменен: «Земля ледниками изрытая, / Земля валунами покрытая – / Под землей прячутся озера, / Из них реки бегут до моря/ Вот она – Родина моя». АРЭМ. Эссенсон ... С. 89.

⁹ Подробнее о произволе «комитетов бедноты» см: Глава 31. «Революция в России»/АРЭМ. Эссенсон... С. 150–158.

¹⁰ АРЭМ. Эссенсон... С. 158.

¹¹ Там же. С. 161.

¹² Там же. С. 164, 165.

¹³ Там же. С. 165.

¹⁴ Здесь речь идет не о «прогрессивном налоге», принятом на II Съезде Советов СССР (1924 г.), а о налоге на сверхприбыль, введенном в 1927 г. Во всяком случае, А.Я. Эссенсон цитирует фрагменты из опубликованной речи Сталина на июльском (1928) Пленуме ЦК, «где он выступил с обоснованием теории «дани», т.е. добавочного налога на крестьянство, сверхналога для поддержания высоких темпов индустриализации». Цит. по: Полак Г.Б. Экономическая история (электронное издание). Глава 29. Экономическая система советской России и ее хозяйственное развитие в 1917–1941 гг. URL: <https://be5.biz/ekonomika/i014/29.html> (дата обращения 25.08.22).

¹⁵ АРЭМ. Эссенсон... С. 168, 169.

¹⁶ Там же. С. 169, 170.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Там же. С. 177.

¹⁹ Там же. С. 178.

²⁰ А.Я. Эссенсон, лютеранин, цитирует латинское крылатое выражение, широко распространенное среди западных христиан, для описания чего-либо мелкого, ничтожного, не имеющего истинной ценности: «Суета сует и вся суета» (лат. Vanitas vanitatum et omnia vanitas), восходящее к изречению из Библии см. Книгу Екклесиаста: «Суета сует, сказал Екклесиаст, суета сует, – всё суета!» [Ек. 2, 8].

²¹ АРЭМ. Эссенсон... С. 178.

²² Там же. С. 209.

²³ Вороновы – русские, лютеране, переселенцы из Лифляндской губ., хуторяне Брызговских Грунтов. АРЭМ. Эссенсон... С. 209, 210.

²⁴ Там же. С. 210.

²⁵ «Михаил остался честным тружеником и верным подданным разбойного правителя». См.: АРЭМ. Эссенсон... С. 177.

²⁶ Об использовании в Сталинскую эпоху приема «повязывать кровью», характерного для криминальной среды, писали неоднократно. Например, см.: Священник Константин Пархоменко. Повязанные кровью... URL: <https://azbyka.ru/forum/xfablog-entry/povjazannye-krovju.802/> (дата обращения 25.08.22).

²⁷ Автор доклада перефразировал последнюю строку первого куплета «Интернационала»: «Кто был ничем, тот станет всем», который с 1922 по 1944 г. был гимном СССР.

UDC 397; 398(84); 947

M. L. Zassetskaia

History of the 1920–1930s Collectivization
in Leningrad Region (a Case Study of “The Criminal
and Historical Tale of Peasants’ Hardships”,
the Manuscript by A. Essenson, from the Russian
Museum of Ethnography Archives)

Zassetskaia Marina L’vovna, The Russian Museum of Ethnography (St. Petersburg), the Department of Ethnography of the North-West Russia and Baltic Regions, research fellow of the leading category; merjamz@mail.ru

In 1997, Albert Essenson (1906–2000), a member of the Saint Petersburg Society of Estonian Culture, donated the manuscript called *The Criminal and Historical Tale of Peasants’ Hardships*, to the Russian Museum of Ethnography. Mr. Essenson was working on the book for seven years (1991–1997). The manuscript, written in Russian by a third-generation descendant of Estonian emigrants to Saint Petersburg governorate, consists of 65 chapters (439 typewritten pages). It is a unique literary account, combining description of historical events and personalities from the XIII to the XX century, family chronicles and fiction, folklore narratives and facts of local history, farming industry statistics, the Communist Party resolutions and leaders’ speeches and so on, and so forth, — so it is in need of a serious cultural studies analysis.

The report deals only with the central theme of the book: the realization of an age old dream of an Estonian (“free farmer on free land”, according to K. Jacobson) in Russia and that hope being mercilessly crushed by the government policy of 1927 through

the 1930s: collectivization and de-kulakisation of farmsteads, that undid the gains made by “the great reformer” N. Stolypin and led, in A. Essenson’s opinion, to total destruction of the Russian peasant families and to ruination of the farming industry in the country as a whole and in the author’s native land, Leningrad Region in particular.

Keywords: manuscript, written narrative, chronicle, Estonian migrants, farmsteads, Russian peasantry, collectivization, socio-political history of the USSR.

Т. А. Зимина

Русское народное домашнее ткачество в прошлом и настоящем

Зимина Татьяна Александровна, Российский этнографический музей (С.-Петербург), отдел этнографии русского народа, ведущий научный сотрудник; Ziminat@mail.ru

В докладе показана преемственность традиций домашнего ткачества русских крестьян последней четверти XIX – первой половины XX в. и современности, которые базируются на использовании инструментария (деревянных ткацких станков) и основных технических приемов прошлых лет. Именно технический анализ образцов (музейных и сохранившихся у частных лиц) и освоение технологий традиционного тканья с учетом их локальных вариаций, а также определение необходимого сырьевого материала позволили современным ткачам воспроизвести нюансы традиционного домашнего ткачества. В зависимости от уровня мастерства получаемый нашими современниками ткацкий продукт можно использовать и для создания музейных реплик, фольклорных костюмов, и для изготовления дизайнерского текстиля, сувениров и различных предметов домашнего обихода.

Ключевые слова: ткачество, домашнее ткачество, ткацкие техники, домотканина, текстиль.

С образцами домашнего тканья XIX – первой половины XX в. сегодня можно ознакомиться главным образом в музейных собраниях, но и в домах они еще сохраняются. В музеях домашнее ткачество представлено предметами костюма и интерьеров, а также в виде отдельных фрагментов ткани с декором и без него. Наличие вариаций музейной домотканины позволяет говорить о видовом разнообразии домашнего ткачества и о его сырьевой основе, о развитии технологии ткацкого производства, о специфике изготовления и орнаментации ткани, ее функциональном назначении в разных местностях и в разные временные периоды. Образцы домотканины музейных собраний можно рассматривать и как результат производственной деятельности крестьян, и как

основополагающий материал для изготовления текстильных составляющих крестьянских костюма и быта.

В последней трети XIX – начале XX в. эта отрасль народного хозяйствования еще относилась к области повседневности: домотканина была известна всем и широко употреблялась не только в деревне, но и в городах. В этот период в крестьянских хозяйствах каждый год производилось существенное количество домотканины разного качества и назначения. Особых изменений в технологии и материале для тканья не происходило, не всегда домотканину использовали по назначению сразу, нередко ее хранили, запасали впрок, а потому однозначно определить время изготовления домашнего текстиля по внешнему виду и техническим характеристикам не представляется возможным.

В эти же годы в ряде местностей, близких к крупным центрам, стали отказываться от производства домотканины, поскольку появились недорогие фабричные ткани. На разных территориях процесс вытеснения домотканины происходил не одновременно и даже прерывался в годы революции и Гражданской войны, но со временем практически повсеместно он активизировался. О том, что кое-где крестьяне продолжали ткать в 1920–1930-е гг., свидетельствуют музейные собрания, образцы из частных коллекций и рассказы старожилов. По основным характеристикам (типы волокна, нитей, переплетения, цветовая гамма), текстиль этого периода соотносится с однотипным текстилем более раннего времени, но явственно просматривается тенденция к упрощению ткацких операций и преобладанию так называемых «бытовых» тканей – для будничной одежды, интерьера, хозяйственных нужд. Однако, как и прежде, четко датировать образцы ткачества сложно.

Во второй половине XX в. главным продуктом домашнего ткачества становится тряпичный половик; его изготовлением занимаются пожилые женщины¹.

1980–1990-е гг. ознаменовались возрождением интереса к художественному ткачеству русского народа на разных территориях Российской Федерации. Он проявлялся в рамках изучения местных промыслов и желания их сохранить и возродить. Этому способствовали и постановления Совета Министров РСФСР, и директивы съездов КПСС 1960–1970-х гг., поддерживающих развитие художественных промыслов².

В конце 1990-х – 2000-е гг. в городах, районных и сельских центрах стали появляться ткацкие мастерские с крестьянскими станками, которые сначала собирали по деревням, а затем приводили в рабочее состояние. Организаторами этих мастерских

выступали административные, общественные, культурные учреждения, а также частные лица. Они полагали, что основная задача функционирования мастерских – возрождение и сохранение традиций народного ремесла. Предполагалось, что ткацкие мастерские будут представлять собой своеобразный живой музей, что, несомненно, повысит привлекательность региона для туристов. Другая задача мастерских – создание дополнительных рабочих мест, а также нового источника заработка для местных жителей. Неслучайно районные и сельские мастерские тесно связаны с центрами занятости населения, они нередко поддерживаются властями. Еще одна важная функция этих мастерских: они служат местом сбора и общения людей³.

Можно выделить три направления работы современных ткачих и, соответственно, три типа современного домашнего ткачества. Первое, исследовательское направление – возрождение разных приемов ткачества, известных в регионе, воссоздание с их помощью традиционных предметов текстиля. Для этого требуются прекрасное владение технологическими основами тканья и знание местной ткацкой традиции. А для более точной реконструкции крестьянских тканей необходимо еще наличие соответствующего инструментария и определенного сырья. Поэтому работы в данном направлении ведутся, как правило, мастерами высокой квалификации. Именно они обычно занимаются изготовлением сложной узорной дмотканины наподобие крестьянской, образцы которой представляются на выставках и ярмарках. Нередко подобные ткани изготавливаются по заказу и идут на сувенирную продукцию или, например, для сценических костюмов; тканые изделия заказывают для музеев в качестве копий исторических образцов более раннего времени для экспонирования.

Следует отметить, что в данном случае мастер проводит детальный анализ тканого образца из собрания музея или частной коллекции, составляет схему переплетения, определяет сырье и подбирает нужный материал – волокна или нити, заправляет станок с учетом необходимых деталей⁴. В настоящее время приобретение сырья для реконструкций представляет значительную сложность: практически невозможно получить такое разнообразие типов нити (льняной, конопляной, хлопчатобумажной, шерстяной, шелковой), которое существовало в традиции. Как правило, для изготовления изделий приобретают фабричные нити. Еще одна сложность возникает при заправке ткацкого станка, определении необходимых деталей; нередко при заправке (как и раньше) необходимо участие двух человек, двух знающих человек.

Второе направление работы можно обозначить как «творческое» – это создание авторского дизайнерского текстиля на основе русских ткацких технологий. И в этом случае главными исполнителями работ являются мастера высокого уровня, которые получают возможность проявить свои художественные способности. Свобода в выборе материала для тканья позволяет изготавливать оригинальные орнаментальные композиции, нередко лишь отдаленно напоминающие образцы русского декоративно-прикладного искусства. Дизайнерский текстиль, созданный на основе традиционных технологий, используют для интерьеров музеев, жилых домов и торговых точек, он также является предметом экспонирования на выставках современного искусства.

Третье направление работы – производство различного рода изделий в наиболее простых вариантах крестьянской техники. К таковым следует отнести ткани простого, полотняного переплетения, основой которых служат хлопчатобумажные нити, а утком – лоскуты. Из этих тканей делают половики, сумки, салфетки, чехлы для телефонов, которые обычно реализуются на ярмарках, проходящих в районных и областных центрах, и в лавочках при мастерских. Многие мастера работают «под заказ», учитывая возрастающий спрос на такую продукцию (например, заказы от точек общественного питания, оформленных в народном стиле). В этой работе принимают участие даже новообученные, обычно люди среднего возраста, причем не только женщины, но и мужчины.

Относительно процессов, происходящих в ткачестве на протяжении столетия, можно отметить следующее. Первоначально изменения в большей степени коснулись технологии тканья при сохранении основ сырьевой базы. Крестьянки, несмотря на свободное владение разными ткацкими приемами, чаще использовали более простые технологии для производства тканых изделий. Этому способствовали тесно связанные с исторической и экономической ситуациями потребности, заключавшиеся в то время в необходимости наличия «бытовой» домотканины. Затем, при восстановлении ткацкого производства в наше время отсутствие вариативности главного составляющего – традиционного сырья (например, льняного волокна) – позволило мастерам сделать акцент на технологии. Учитывая, что передача технологических основ тканья во многих местностях была прервана, современным ткачихам пришлось пройти сложный путь воссоздания и овладения техниками (в основном сложными) на крестьянских станках, зачастую без носителей этой традиции.

¹ О периодах развития народного ткачества на территории бассейна р. Ваги см.: Зими́на Т. А. Традиции и инновации народного ткачества Поважья XX–XXI вв. // Важский край: источниковедение, история, культура: Исследования и материалы. Вып. 7. Вельск, 2016. С. 172–183.

² Постановление о развитии художественных промыслов и ремесел в РСФСР от 22 октября 1975 года. [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: <https://docs.cntd.ru/document/765728949> (дата обращения 03.10. 2022).

³ Зими́на Т. А. Возрождение традиционного ткачества (по материалам полевых исследований в Архангельской и Вологодской областях) // Этнографические коллекции в музеях: культурные стратегии и практики: Материалы Двенадцатых Санкт-Петербургских этнографических чтений. СПб.: ИПЦ СПбГУТД, 2013. С. 126–132.

⁴ См., напр.: Колтышева Н. Г., Мариев В. А. Узорные двухслойные тка́ни Пензенской губернии // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 15. 2013. Вып. 2. С. 223–231.

UDC 39

T. A. Zimina

Russian Home Weaving: Past and Present

Zimina Tatyana Alexandrovna, the Russian Museum of Ethnography, the Department of the Russian People, leading researcher; ziminat@mail.ru

The paper demonstrates the succession of home weaving traditions among the Russian peasantry in the last quarter of the XIX – first half of the XX century, that continue to the present, based on the same tools (wooden looms) and the methods peasant crafts-women used in the past. Together with a technical analysis of textile samples (kept in museums or by private individuals), mastering the traditional weaving technologies with their various local features, as well as figuring out which raw materials to use, enabled modern weavers to replicate nuances of traditional home weaving. Depending on the level of mastery, products made by contemporary weavers can be used for museum replicas, folk costumes, designer textiles, souvenirs and various household items.

Keywords: weaving,

Keywords: weaving, home weaving, weaving techniques, home-spun fabric, textiles.

Б. А. Леонова

Компоненты традиционной похоронной
обрядности в городской среде
позднесоветского времени
(на материале Орловской области)

Леонова Бэла Арсеновна, Орловский государственный институт культуры (Орел), кафедра культурного наследия, заведующая кафедрой, доцент, кандидат филологических наук; ogiik.nhk@mail.ru

В докладе описаны некоторые традиционные элементы русской похоронной обрядности, продолжавшие бытовать в 1980-х гг. на территории Орловской обл. Автор сопоставляет обрядовые практики этого периода с их более ранними формами, а также с современной похоронной обрядностью региона. Это позволяет выявить некоторые факторы, повлиявшие на трансформацию изучаемого явления.

Ключевые слова: русские, похоронная обрядность, региональная обрядовая традиция, Орловская обл.

В докладе обобщены сведения, относящиеся преимущественно к 1980-м гг. и полученные посредством собственных наблюдений автора, а также из рассказов информантов. Анализируемые материалы характеризуют массовые похоронные практики, распространенные в этот период как в сельской, так и в городской среде. Городские материалы относятся в основном к г. Орлу, в меньшем объеме – к районным центрам области, гг. Ливны и Мценск. Здесь сохраняли актуальность некоторые существенные в контексте традиционной картины мира компоненты похоронной обрядности, происходящие из предшествующих столетий. С окончанием советской эпохи они стремительно вытеснялись из широкого обихода.

Одной из очевидных причин живучести ряда обрядовых практик – как и их трансформации и редуцирование именно с уходом советской эпохи – были особенности развития сферы так называемых ритуальных услуг. В советское время эти услуги были куда менее доступны населению и охватывали значительно меньший круг потребностей, порождаемых сложившимися похоронными

обычаями. Заботы о погребении, включая подготовку к нему, собственно похороны и поминки, практически полностью ложились на плечи близких покойного. Эти обстоятельства способствовали стойкому сохранению некоторых традиционных практик даже в городе, где условия жизни не позволяли в полной мере воспроизводить многие компоненты старой погребальной обрядности. Знания о правильной обустройке проводов умершего транслировались непосредственно через сложившуюся систему прескрипций и личный опыт наблюдения и участия в них.

В постсоветской действительности активная коммерциализация ритуальных услуг привела к их всесторонней ориентации на потребительский спрос. Профессионалы этого бизнеса взяли на себя значительную часть задач, которые ранее решались силами родных и близких покойного. Многие из сохранившихся до того времени компонентов похоронной обрядности перестали массово воспроизводиться традиционным способом в среде бытования. Похоронный бизнес предложил взамен некий готовый продукт. Попавшие в его поле прежние обрядовые формы неизбежно претерпели определенные изменения в угоду коммерческой целесообразности.

Относительно описываемого периода следует отметить демографический фактор, повлиявший, как представляется автору, на ситуацию с похоронной обрядностью 1980-х гг. на Орловщине. Это значительная доля выходцев из деревни первого-второго поколений в составе городского населения. Такие горожане не только сами были склонны воспроизводить усвоенные в сельской среде правила, но служили каналом их распространения и поддержания в условиях города.

Приведем несколько выразительных примеров. Так, в позднесоветской действительности тела усопших зачастую проходили требуемую традицией подготовку и пребывали вплоть до дня погребения не только в деревенских домах, но и в городских квартирах. Сообразно сохраняли актуальность предписания, связанные с ритуальным преобразованием домашнего пространства. На Орловщине и в городских квартирах нередко в день похорон можно было наблюдать такой обрядовый атрибут, как сено. Знание о необходимости использовать сено в качестве наполнителя для погребальной подушки в описываемый период было повсеместным. В городских условиях это требование вызывало определенные затруднения, однако в большинстве случаев родные покойного стремились его соблюсти. Сено также могли подкладывать на дно гроба. Примечательно, что сеном устилали полы в комнате, где стоял гроб. Такое покрытие не было сплошным, считалось до-

статочным символическое разбрасывание небольших клочков по всей свободной площади пола.

После отбытия похоронной процессии на кладбище, оставшиеся в доме женщины из числа соседей или знакомых в полном соответствии с обычаями сначала выметали сено по направлению к порогу, а потом мыли полы. При этом в сельской местности сено принято было сжигать подальше от дома, в городской среде такого требования нами не выявлено: в большинстве случаев информанты считали достаточным просто выбрасывать его в общественный мусорный контейнер.

Отметим повсеместное в 1980-х гг. сохранение обычая выставлять гроб с покойным на некоторое время во дворе перед отправлением на кладбище. Информанты объясняли этот обязательный момент обряда тем, что здесь с умершим могли проститься соседи, а также это воспринималось как прощание самого умершего с домом.

В настоящее время не только подготовка тела к погребению, но также прощание и отъезд на кладбище преимущественно организуются специальными службами и на их территории. Однако, данью обычаю, практически вытесненному из городской среды, остается распространенная практика, согласно которой транспорт ритуальной службы по желанию заказчиков подъезжает к дому покойного и останавливается здесь ненадолго. Смысл данного действия его участники зачастую объясняют тем, что так покойный прощается с домом, посещая это место в последний раз. Эти «прощальные визиты» играют существенную роль в современной практике похорон: они – пусть и в редуцированной форме – позволяют сохранять связь похоронной обрядности с домом, ее важнейшим локусом в контексте традиционной культуры. У современных «прощальных визитов» покойного к его жилищу имеются и определенные параллели в старинных обычаях, сохраняющихся по сей день на селе: похоронная процессия может по желанию родственников останавливаться в местах, особенно тесно связанных с умершим (например, возле домов родных, у места работы). Орловские архивные материалы 1920-х гг. свидетельствуют о давних истоках этого обычая, однако места остановок тогда определялись не только по их связи с покойным, но и по инициативе односельчан, чьи дома оказывались на пути похоронной процессии. Причиной было желание проститься с умершим и услышать, как служит сопровождающий процессию священник¹.

Среди сохранявших актуальность обычаев в позднесоветский период заметное место отводилось бережным практикам

и запретам. К таковым относилось, например, непременное завешивание зеркал в доме, где находилось тело. Интересно, что во многих случаях данное правило распространялось также на полированные и застекленные фасады мебели. То есть требование касалось не собственно зеркал, а отражающих поверхностей в целом. Возможно, в неартикулированной форме такие действия сохраняли связь с древними представлениями об опасности запечатления души покойного в отражении или об угрозе «удвоения смерти». В настоящее время, по нашим наблюдениям, завешивание зеркал информанты расценивают как символическое действие, манифестирующее скорбь по умершему, подобно траурной одежде. Прескрипциями защитного характера продолжают считаться: запрет забирать что-либо из гроба и с могилы, разрезать путы на руках и ногах покойного перед погребением (узлы можно только развязывать), необходимость сразу переворачивать освободившиеся табуреты/скамьи, на которые в процессе ритуала устанавливают гроб. Все перечисленные действия были актуальны и в описываемый нами познесоветский период, но необходимость содержания тела умершего в жилом пространстве, безусловно, 287 значение апотропейных практик.

Отметим еще один обычай описываемого периода, который вытеснен из современного обихода. Те, кто заходил в день похорон проститься с покойным в его дом, нередко делали денежные пожертвования в помощь семье умершего, оставляя их прямо в гробу. Деньги клали поверх покрывала, в ногах покойного. Это делалось всегда без всяких комментариев, благодарностей или вопросов с чьей-либо стороны. Перед выносом гроба с телом деньги, как и живые цветы, которые посетители укладывали прямо на тело покойного, из гроба убирались.

В отличие от дома кладбище понесло меньше утрат в своем ритуальном статусе. Исполняемые здесь обычаи мало изменились с 1980-х гг. Сегодня, как и в позднесоветский период, например, обязательно присутствие одной или двух женщин, обеспечивающих омовение рук каждому, кто бросил в могилу положенную горсть земли. Для этого на кладбище берут бутылки с водой и полотенце. Использование мыла обычно не предполагается, поскольку омовение по-прежнему осмысляется как ритуальное, не забыт и его обережный смысл. На женщин возлагается также обязанность доставлять на кладбище поминальное угощение и наделять им присутствующих после омовения рук. Каждый обязан хотя бы символически поучаствовать в этой трапезе, состоящей из бутербродов, спиртного и сладостей.

В женской субкультуре описываемого периода особое значение имела подготовка собственного погребального облачения и ритуального текстиля. На Орловщине самым распространенным термином для обозначения заранее собранной погребальной одежды служит слово «смёртное» («смерётное»)². Состав комплектов «смёртного» на селе и в городе различался. Так, для городской среды не обязательным было включение в него ритуальных рушников или рушник готовился один – для повязывания на могильный крест. В сельской местности пожилые женщины зачастую хранили целые коллекции рушников, и в похоронно-поминальных практиках использовалось несколько таких предметов.

Требования к погребальной одежде позднесоветского времени заметно изменились в сравнении с классической обрядовой моделью. Отметим, что в описываемое время в отличие от нынешнего новизна вещей реже рассматривалась как необходимое качество. Достаточно часто хоронили в ношенной одежде. В этом случае выбиралось что-то из разряда лучших вещей или выбор мотивировался желанием самого покойного, высказанным при жизни. Однако указанные варианты реализовывались обычно в отношении тех, кто не имел возможности правильным образом подготовиться к своему уходу из жизни. Многие женщины пожилого возраста в полном соответствии с традицией считали необходимым готовить свое «смёртное» самостоятельно. На селе это делали практически все. В городской среде – лишь часть женщин. «Смёртное» могло обновляться, и неоднократно, в связи с утратой желаемого внешнего вида (пожелтение, порча молью) или сменой представлений о достойном облачении (выбор более современной, более красивой одежды или одежды, лучше отвечающей переменам в возрастном статусе). Большинство женщин, собиравших «смёртное», с готовностью обсуждали и даже демонстрировали его как в общении между собой, так и с интервьюером. «Смёртное» принято было хранить в определенном месте, о котором обязательно сообщали близким, дабы не возникло затруднений с его поисками.

На сегодняшний день погребальная одежда обязательно входит в ассортимент ритуальных служб. Конечно, при этом не предполагается, что такой товар массового сегмента должен удовлетворять житейским требованиям. Однако в традиционной картине мира дело обстоит иначе. Одежда и обувь покойного должны служить ему так же, как живым. В классических фольклорных нарративах, как и в рассказах информантов позднесоветского времени, один из наиболее распространенных мотивов – жалобы умершего, являющегося своим близким в сновидениях, на недо-

статки погребального облачения, из-за которых он испытывает неудобства или страдания «на том свете». Как известно, действенным средством в таких случаях считается закапывание необходимых предметов на месте погребения (подобные верования сохраняются и сегодня). Разумеется, собранное своими руками «смёртное» предполагало, помимо прочего, упреждение подобных проблем.

¹ Орловский государственный объединенный литературный музей И. С. Тургенева. Ф. 139. Ед. хр. 44636.

² Словарь орловский говоров. Вып. 14. Орел, 2003. С. 23.

UDC 393.05(470.319); (161.1)

B. A. Leonova

Components of Traditional Funeral Ritualism
in the Late Soviet Urban Environment
(a Case Study of Orel Region)

Leonova Bela Arsenovna, The Orel State Institute of Culture (Orel), the Department of Cultural Heritage, head of department, leading researcher, Ph. D. (Philology); ogiik.nhk@mail.ru

The paper describes some traditional elements of Russian funeral rituals that persisted in Orel Region up until the 1980s. The author compares the rituals of that time with their earlier forms and with the modern funeral ritual in use in the region. That enables her to detect some factors that influenced transformation of the phenomenon in question.

Keywords: the Russians, funeral ritualism, regional funeral custom, Orel Region.

С. Е. Винокуров

Центры художественной обработки
мягкого камня в СССР: этапы
развития и репрезентация
региональной специфики

Винокуров Сергей Евгеньевич, Уральский федеральный университет (Екатеринбург), кафедра истории искусств и музееведения, старший преподаватель; Екатеринбургский музей изобразительных искусств (Екатеринбург), отдел декоративно-прикладного искусства, заведующий отделом, кандидат искусствоведения; serg.vinokuroff@gmail.com

Доклад посвящен одному из масштабных направлений художественной промышленности СССР – обработке мягкого камня. Сегодня в качестве «народного художественного промысла» отрасль камнерезного искусства сумела преодолеть очерченные за годы советской власти рамки, встав на промышленные рельсы. В докладе представлены основные этапы развития уральской традиции – от кустарного производства в отдельных мастерских до объединения в артели и на их основе организации заводов. Особое внимание уделено расширению центров художественной обработки мягкого камня, причинам появления новых заводов, особенностям производства и художественных качеств ассортимента, а также проявлениям национальной и региональной специфики каждого из рассматриваемых предприятий.

Ключевые слова: камнерезное искусство, мягкий камень, СССР, трест «Русские самоцветы», завод «Уральский камнерез», фабрика «Борнуковская пещера», Архангельский завод камнерезных изделий.

Обработка мягкого камня¹ является одним из ведущих направлений художественной промышленности, долгое время остающимся за рамками интересов исследователей. Тем не менее обращение к специфике организации производств, специализирующихся на резьбе по гипсам и мрамору, позволяет проследить становление этого вида творчества, выявить общие для советского прикладного искусства черты и особенности в работе разных

центрах, в частности проявление региональных и даже национальных черт.

В изданной в 1922 г. работе «Драгоценные и цветные камни» академик А. Е. Ферсман отмечает: «Хотя обработка селенита уже давно известна в ряде деревень Кунгурского и Красноуфимского уездов, тем не менее художественная сторона изделий стоит весьма низко, и банальность форм, некоторая грубость обработки и отсутствие сколько-нибудь художественного руководства заставляют серьезно подумать об улучшении этого вида камнерезного промысла»². Еще раньше на недостаточно высокий художественный уровень работ уральских резчиков указывают и составители альбома по итогам второй Всероссийской кустарной выставки, состоявшейся в Петрограде³.

Несмотря на вышеприведенные критические оценки, благодаря активному участию государства уже к середине XX в. ситуация в области обработки мягкого камня значительно меняется, а также ширится количество центров – к Уралу добавляются Краснодарский край, Нижегородская и Архангельская обл.⁴ В докладе представлены основные этапы развития традиции резьбы по мягкому камню, выявлены особенности отдельных художественных центров СССР, показаны пути трансформации «народного промысла» в одно из масштабных направлений художественной промышленности СССР, а также его значение для формирования авторского направления в области резьбы по мягкому камню

Дореволюционное состояние

Относительно дореволюционного состояния традиции обработки мягкого камня можно отметить концентрацию этого промысла на территории Урала, в частности западного склона Уральских гор – территории Кунгурского и Красноуфимского у., а также Екатеринбург и окружающих его городов. Из всех указанных центров наиболее активную роль играл г. Кунгур и окрестные села, где с середины XIX в. обработка селенита, ангидрита и талькохлорита, известная с более ранних времен, превращается в один из профильных для территории художественных промыслов. Успешность деятельности мастерских подтверждается их активным участием в российских и международных выставках (Екатеринбург, 1896; Казань, 1890; Нижний Новгород, 1896; Копенгаген, 1888; Париж, 1889, 1895 и др.)⁵.

Вторая половина XIX – начало XX в. характеризуется объединением кунгурских мастеров-кустарей сначала в мастерские, а затем в артельные организации, что во многом было обусловлено требованиями рынка, в частности, ориентацией на вкус

и запросы горожан. Так, среди участников Второй Всероссийской кустарной выставки, состоявшейся в 1913 г., была отмечена Покрово-Ясылская артель кустарей-камнерезов. Опубликованная в альбоме фотография дает представление об ассортименте артели в начале XX в., представленным настольными украшениями и письменными приборами, анималистической пластики достаточно условных форм, а также работами, выполненными в русском стиле и имитирующими традиции русской резьбы по дереву как в моделях, так и в характере работы с камнем⁶.

Альбом выставки 1913 г. дает возможность ознакомиться и с редкими сегодня образцами деятельности Мраморской камнерезной мастерской Екатеринбургского земства, специализировавшейся на обработке мраморов (преимущественно белого, добываемого здесь с середины XVIII в.)⁷. Относительно этих работ можно отметить существенно более высокий уровень обработки камня и обращение к актуальным художественным тенденциям в модельном ряде, в частности, использование приемов стиля ар нуво и, что любопытно, активное обращение к египетским мотивам, характерное скорее для следующего стиливого периода 1920–1930-х гг. — стиля ар деко.

Общими для указанных центров на рубеже XIX–XX вв. будут следующие черты: обращение к опыту Императорской екатеринбургской гранильной фабрики, ориентация на массового покупателя, недостаток художественной составляющей обучения мастеров-камнерезов. Наметившаяся в России тенденция приобщения ремесленников и кустарей к искусству прослеживалась во всех сферах художественной промышленности. На Урале, в частности, можно отметить открытие в 1897 г. при народной школе с. Мраморское вечерних классов рисования⁸, а в 1902 г. Екатеринбургской художественно-промышленной школы⁹. Деятельность этих учебных заведений и влияние их на творчество мастеров Кунгура и Мраморского на рубеже XIX–XX вв. — важная, но практически не раскрытая страница уральского камнерезного искусства.

Обработка мягкого камня в 1920–1930-е гг.

Новый этап в развитии этой отрасли камнерезного промысла пришелся на важные для нового государства десятилетия. На сегодняшний день этот период в силу ряда причин остается наименее изученным. Однако, даже те фрагменты деятельности уральских предприятий, работающих с мягким камнем, которые были реконструированы специалистами, позволяют говорить о важной роли художественной обработки мягкого камня в сфере художественной промышленности СССР (тем более это справедливо на

фоне резкого падения объемов производства из цветного камня). Подтверждение этому находим, в частности, в Постановлении Совнаркома СССР о подготовке к международной выставке в Париже в 1937 г., где среди центров «народного» изобразительного искусства были отмечены камнерезы Кунгура и впервые упоминаемые нежгородские мастера с. Барнуково, речь о которых пойдет ниже¹⁰.

Рассматриваемый период для уральской традиции обработки мягкого камня характеризуется дальнейшим укрупнением производств (так в Кунгурском р-не в 1920-е гг. известно уже не менее пяти артелей, некоторые из них в конце 1920-х г. объединились в одну крупную – Горно-Иренское промыслово-кооперативное товарищество. В 1929 г. здесь же открывается филиал Свердловской гранитной фабрики – так называемый «цех мягких камней», преобразовавшийся в 1936 г. в завод № 4 треста «Русские самоцветы»). Возникает необходимость в художественном образовании; так, в конце 1920-х гг. при Горно-Иренской артели были открыты курсы повышения квалификации, а в 1936 г. – Кунгурская профтехшкола.

В это же время, в 1930 г., в Арзамасской обл. (ныне Нижегородская обл.) открылось новое производство – артель «Борнуковская пещера», специализирующаяся на художественной обработке гипсовых пород.

Однако, уже через пять лет в этих активных процессах наступила пауза, а в годы войны камнерезное производство, как и большинство предприятий художественной промышленности СССР, было переориентировано на военные и бытовые нужды.

Расцвет отрасли в 1950–1960-е гг.

Наибольший интерес в области традиций обработки мягкого камня представляет период первых послевоенных десятилетий. На волне всеобщего подъема и усилившегося внимания правительства к художественной промышленности и народным промыслам происходит, с одной стороны, возвращение к довоенным объемам производства старых уральских предприятий, а с другой – в это время в других регионах, где позволяло наличие каменного сырья, возникают новые заводы, специализирующиеся на обработке ангидрита и талькохлорита.

Среди них отметим Хаджохский завод треста «Русские самоцветы», созданный в с. Каменноостском Краснодарского края. История завода начинается в 1953 г. с организации небольших камнерезных мастерских, впоследствии реорганизованных в еще один завод всесоюзного треста. Работы мастеров Хаджохского за-

вода отличает большое разнообразие форм и приемов декора, нередко отсылающих к традициям декоративного искусства Северного Кавказа¹¹. За несколько лет молодому предприятию удалось встать в ряд ведущих художественно-промышленных центров СССР.

Нельзя не отметить и мастеров Архангельского завода камнерезных изделий, созданного в 1952 г. на базе открытых месторождений цветного и мягкого камня (ангидрита и талькохлорита). Ассортимент предприятия в 1950–1960-е гг. демонстрирует, с одной стороны, тяготение к мотивам и приемам традиционного для региона косторезного промысла (холмогорская резьба по кости), с другой – тесное сотрудничество со специалистами Научно-исследовательского института художественной промышленности в направлении расширения модельного ряда.

Вышесказанное позволяет говорить о важной роли традиций художественной обработки мягкого камня в СССР. Развитие «старых» производств, активный запуск новых предприятий в 1930–1950-е гг. заложили основы для развития отдельных крупных центров обработки гипсовых и тальковых пород. Несмотря на массовый характер продукции, частое использование спускаемых сверху моделей, в указанный период способствовал появлению в последующие десятилетия целого ряда профессиональных художников, основным материалом для творчества которых стал мягкий камень.

¹ Под мягким камнем в данном случае понимается, в первую очередь, обработка гипсовых и тальковых минералов, а также мрамора, т.е. камней, имеющих по шкале Мооса невысокую твердость (до 4).

² Драгоценные и цветные камни России/[Соч.] А.Е. Ферсмана при содействии сотрудников Отд. драгоцен. камня Комис. Н.И. Влодавец (опис. Петерб. фабрики и абразивн. матер.), Р.Б. Россиенская (мраморы), В.В. Мостовенко (Екатеринбургская фабрика) [и др.]/Рис. и черт. художника Комис. А. Бонштедт. 1920. Т. 1. С. 340–341.

³ Русское народное искусство на Второй Всероссийской кустарной выставке в Петрограде в 1913 г. / Под ред. А.В. Прахова. Пг.: Главное управление землеустройства и земледелия, 1914. С. 81–82.

⁴ В настоящем докладе намеренно опущено упоминание традиции резьбы по агальматолиту Тувы, имеющей существенно иные основания развития и, как следствие, иной путь развития в СССР.

⁵ Будрина Л.А. Мягкий камень//Путешествие в мир камня/Музей истории камнерезного и ювелирного искусства/Сост., науч. ред. В.В. Филатова. Екатеринбург: Издательский дом «Автограф», 2007. С. 200–201.

⁶ Русское народное искусство... С. 81.

⁷ Там же.

⁸ Максяшин А. С. Художественное образование на Урале. Екатеринбург: Изд-во Рос. гос. проф.-пед. ун-та, 2003. С. 48

⁹ Ярков С. П. Екатеринбургская художественно-промышленная школа (1902–1917)//Свердловск: Изд-во Уральского университета, 1974. С. 4–22.

¹⁰ Будрина Л. А. Камнерезы Среднего Урала 1920–1930-х годов: самоучки или «академики»?//Личность автора в народном, наивном и непрофессиональном искусстве Урала: Сб. мат-лов I Всероссийской научно-практической конференции. 1–2 ноября 2012 г. Екатеринбург, 2014. С. 27–28.

¹¹ Русские самоцветы: альбом. М.: Внешторгиздат, [б. г.].

UDC 745/749;73.023.2

S. E. Vinokurov

Centers of Soft Stone Artistic Cutting in the USSR: Development Stages and Regional Specifics

Vinokurov Sergey Evgenievich, The Ural Federal University, (Ekaterinburg), the Department of History of Art and Museum Studies, senior lecturer; The Ekaterinburg Museum of Fine Arts (Ekaterinburg), the Department of Decorative Arts, head of department, Ph. D. (Art History); serg.vinokuroff@gmail.com

The paper is focused on one of the most ambitious sectors of the soviet artistic industry: soft stone cutting. Today, stone cutting industry as a “traditional folk art” managed to overcome the limits set for it in the soviet years and industrialize. The paper presents the key stages of the Urals tradition development: from home-based hand crafts to artisan factories and later production plants. The author pays special attention to expansion of soft stone cutting centers, reasons for the new plants appearance, process features and artistic quality of their product range, as well as to regional specifics of each of the plant in question.

Keywords: stone cutting art, soft stone, the USSR, “Russkie Samotsvety” association, “Uralsky Kamnerez” plant, “Bornukovskaya Peshchera” factory, Arkhangelsk stone cutting plant.

С. Б. Киселев

Трансформации кочевого оленеводства
на полуострове Канин Архангельской
области в XX веке

Киселев Станислав Борисович, Санкт-Петербургский государственный университет (С.-Петербург); Институт истории, кафедра этнографии и антропологии, доцент, кандидат исторических наук; stak0607@list.ru

В докладе рассмотрен широкий круг вопросов, касающихся традиционного природопользования кочевников п-ва Канин (Европейский Север России): ненцев и коми-ижемцев. Хронологически исследование охватывает период XX – начала XXI в. Анализируются основные компоненты кочевого оленеводства региона. Автор заключает, что организация отрасли в рамках колхозов привела к унификации основных характеристик хозяйства: путей кочевания, состава и численности стад, формы организации землепользования, характера сбыта продукции. В то же время реорганизация колхозов и образование на их базе сельскохозяйственных производственных кооперативов в конце XX в. не привело к существенным изменениям в кочевом оленеводстве региона.

Ключевые слова: ненцы, коми-ижемцы, п-ов Канин, кочевое оленеводство.

Хозяйство оленеводов п-ва Канин (Архангельская обл.) в первой трети XX в. было типологически неоднородным. Кочевые хозяйства местных ненцев и коми-ижемцев этого периода можно разделить на несколько типов: 1) мелкостадный, промысловый; 2) среднестадный, промысловый; 3) крупнотадный, оленеводческий. Каждый тип хозяйства определялся преобладающей экономической ориентацией кочевых семей. В первом случае упор делался на получение продукции и извлечение доходов от занятия рыболовством и охотой на птицу. Второй тип экономики базировался на принципе комплексного освоения доступных ресурсов. Хозяйства третьего типа делали акцент на оленеводстве, занимаясь другими промыслами (рыболовством и охотой) лишь попутно. В свою очередь, ориента-

ция хозяйств накладывала свой отпечаток на все характеристики системы жизнеобеспечения (протяженность и направление кочевания, размер и состав стада, объем сбыта товаров и пр.).

В 1930-х гг. начался процесс формирования оленеводческих колхозов, что привело к значительной трансформации отрасли. Так, в 1930 г. был образован колхоз «Канин» с центром в сел. Несь. На 1 января 1937 г. в Канинской тундре было объединено 103 хозяйства из 232¹. В 1939 г. товарищество по совместному выпасу оленей (ТСВО) «Ким» и «Нарьяна-Вындер» объединились в один колхоз, которому дали название «Им. Чкалова». Также в 1939 г. было проведено объединение товариществ «Виль-Олем» и «Октябрь» в один колхоз, которому в начале дали название «Октябрь», а потом он был переименован в «Колхоз им. Ленина». В том же году подобное слияние провели товарищества «Тато» и «Виль-Туй» – новый объединенный колхоз получил название «Северный полюс»². После ряда преобразований в 1960 г. на общем собрании колхозников было принято решение об объединении колхозов «Красный промышленник», «Канин», «Им. Ленина» и «Северный полюс» в один колхоз «Северный полюс»³, который, в свою очередь, в 1990-х гг. был преобразован в сельскохозяйственный промысловый кооператив (СПК) «Община «Канин»». Также сейчас в регионе работает СПК «Восход» с центром в сел. Ома, чьи пастбища располагаются вдоль западного берега Чешской губы.

Процесс формальной реорганизации оленеводства сопровождался структурными изменениями всей оленеводческой отрасли и включал в себя характер кочевания, состав и численность стада, организацию землепользования и сбыт продукции оленеводства.

Характер кочевания

В первой четверти XX в. общая протяженность и направления кочевания напрямую зависели от экономической ориентации хозяйств: чем больше было стадо, тем севернее располагались районы летовок. Так, летовки промысловых хозяйств находились в южной части полуострова; летовки оленеводческо-промысловых – в средней части, а крупностадных хозяйств – в северной части, на побережье Баренцева моря. После организации колхозов произошла унификация системы кочевания – каждой бригаде был выделен меридиональный «коридор» с зимними пастбищами в северотаежной зоне (р-он пос. Пинега) и летними в северной части полуострова. В 1990-х гг. новообразованные СПК стали фактически правопреемниками колхозов, сохранив регулярную и единообразную структуру кочевания⁴.

Состав и численность стада

В первой четверти XX в. численность поголовья являлась важнейшим индикатором, который определял принадлежность хозяйства к конкретному типу. Для мелкостадных, промысловых хозяйств он составлял в среднем чуть более 40 голов, для оленеводческо-промысловых – около 200, а для крупностадных – около 800 голов. Значительные различия между мелкими, средними и крупностадными хозяйствами также демонстрировал и состав стад. У зажиточных ненцев и коми-ижемцев, хозяйство которых было ориентировано на крупностадное оленеводство (соотношение в стаде самцов-производителей к важенкам, составляло 1 к 20–25, что увеличивало приплод и являлось границей между оленеводческо- и промыслово-ориентированными типами хозяйств). В стадах средних и мелких хозяйств, члены которых активно занимались и другими видами традиционного природопользования (рыболовство, охота и пр.), больший процент составляли кастрированные ездовые быки, которых запрягали в нарты. В колхозный период произошла унификация численности оленьих стад – каждая бригада имела схожие показатели поголовья вне зависимости от района кочевания. В 1990-е гг., несмотря на колебания (резкое снижение поголовья в начале 1990-х гг.), плановый характер численности поголовья сохраняется. Помимо этого становится менее значимым показатель, ранее свидетельствовавший об экономической ориентации хозяйств: соотношение важенок (самок) и самцов. Так, например, по данным 2010-х гг. указанное соотношение в СПК «Индига» составляло 3:1, а в СПК «Колгуев» – 16:1, что не отражалось на экономике предприятий, ориентированных на оленеводство⁵.

Организация землепользования

По сравнению с первой четвертью XX в. произошли изменения и в системе землепользования, минимальной единицей которого являлись уже не группы семей, а колхозные бригады (позже бригады СПК), за которыми закреплялись конкретные пастбища и маршруты кочевания. Вместе с тем показателен тот факт, что количество семей, составлявших стойбище в первой трети XX в. и семей, входивших в оленеводческую бригаду, было сходным – в среднем от 3 до 5 семей в каждом случае. Причем, как и «при колхозах», в настоящее время ядро бригады составляют 2–3 родственных семьи (например, семьи братьев с детьми)⁶.

Сбыт продукции оленеводства

В первой четверти XX в. объем и структура сбыта продукции полностью отражали экономическую ориентацию кочевых хозяйств. Крупные хозяйства торговали прежде всего продукцией оленеводст-

ва, в основном, это были постели (оленьи шкуры), пыжики (телячьи шкуры) и оленье мясо (преимущественно «задки» и языки, за которыми в указанный временной период закрепился устойчивый спрос на рынке). С увеличением поголовья оленей сбыт продукции оленеводства стал играть все большую роль в структуре доходов кочевых хозяйств, а степень товарности напрямую зависела от количества оленей в стаде. Для мелких хозяйств основным предметом сбыта была заготовленная во время летней путины рыба. Все группы хозяйств торговали шкурами пушных зверей. Мелкостадные и крупнотадные хозяйства, учитывая их сравнительно узкую специализацию, в гораздо большей степени зависели от сбыта и закупки товаров по сравнению с оленеводческо-промысловыми хозяйствами, которые в силу комплексного характера освоения ресурсов, имели более «натуральный» тип экономики⁷.

В колхозный период произошло общее снижение объемов сбыта продукции оленеводами – тенденция, которая сохранилась в конце XX – начале XXI в. Большая часть мяса от личного поголовья сдается непосредственно в СПК и лишь в небольших объемах реализуется населению поселков региона. Оленьи шкуры, сбыт которых являлся значимым в первой четверти XX в., в настоящее время из-за резкого уменьшения спроса осуществляется лишь эпизодически и в небольших объемах. Другая продукция (панты, окостеневшие рога) также в основном сбываются через СПК. Общее уменьшение объемов сбываемой продукции объясняется не только концентрацией отрасли в рамках колхозов (позже СПК) но прежде всего организацией централизованного снабжения оленеводов, а также выплатами зарплат и различных пособий кочевникам, что составляет значительную часть их бюджета, и снижает необходимость сбыта продукции⁸.

Таким образом, реорганизация оленеводческой отрасли на пове Канин в рамках колхозов в XX в. привела к серьезным структурным изменениям в хозяйствах оленеводов, что отразилось на основных ее характеристиках – маршрутах кочевания, численности и составе поголовья, социальной организации и пр., что привело к унификации кочевого оленеводства и исчезновению локальных типов хозяйства. Преобразование в 1990-х гг. колхозов в СПК, в свою очередь, не привело к новым трансформациям в хозяйстве кочевников, которое, несмотря на некоторые различия, сохраняет «колхозные» особенности.

¹ Архивный отдел аппарата администрации Ненецкого авт. окр. Ф. 151. Оп. 1. Д. 24. Л. 30.

² Там же. Ф. 151. Оп. 1. Д. 76. Л. 193–196, 212–218.

³ Там же. Ф. 226. Оп. 1. Д. 11. Л. 23.

⁴ Полевые материалы автора: исследования на п-ове Канин (Ненецкий авт. окр.). 2007 г. (далее ПМА)

⁵ Справки о движении поголовья оленей СПК «Колгуев» за 2010 г. Первое полугодие 2015 г. СПК «Индига».

⁶ ПМА.

⁷ См.: Гейденрейх Л. Канинская тундра. Архангельск: Северный краевой отдел, 1930.

⁸ ПМА.

UDC 397

S. B. Kiselev

Transformation of Nomadic Deer Farming
on the Kanin Peninsula (Arkhangelsk Region)
in the XX Century

Kiselev Stanislav Borisovich, The Saint-Petersburg State University (St. Petersburg); The Institute of History, the Department of Ethnography and Anthropology, docent, Ph. D. (History); stak0607@list.ru

The paper deals with a broad array of issues pertaining to traditional use of natural resources by nomadic peoples of the Kanin Peninsula (Russian European North): the Nenets and the Izhma Komi groups. The research covers the late XX – early XXI period, analyzing key components of the regional nomadic deer farming. The author concludes that the industry organization in the form of collective farms led to unification of most economic parameters: nomadic paths, herd numbers and composition, land use and product sale forms. At the same time, collective farms reorganization and their reforming into farming cooperative societies (late XX century) did not result in material changes in the regional deer farming industry.

Keywords: the Nenets, the Izhma Komi, the Kanin Peninsula, nomadic deer farming.

В. Б. Малакшанова

Влияние промышленного освоения
территории на традиционный образ жизни
эвенков в XX веке (на примере эвенков
Верхнебуреинского района
Хабаровского края)

Малакшанова Виктория Баторовна, Хабаровский краевой музей им. Н. И. Гродекова (Хабаровск), научно-исследовательский сектор этнографии, главный научный сотрудник; malak2801@mail.ru.

В докладе рассмотрен процесс трансформации традиционного образа жизни эвенков в бассейне р. Буреи в XX в. на основании данных экспедиции в Верхнебуреинский р-н Хабаровского края в 2019 г. Промышленное освоение территории началось еще в XIX в. Первые золотодобывающие компании в районе привлекали эвенков легким заработком, налаженной торговой сетью, возможностями приобретения товаров. Многие охотники и оленеводы предпочитали работу на приисках охоте и кочевке по тайге. В первый период становления советской власти существенно сокращается поголовье оленьих стад, ухудшается охотопромысел, следствием чего стал переход на оседлый образ жизни. В связи с начавшейся в 1930-х гг. крупномасштабной добычей горных пород возросла численность населения.

В 1960-х гг. закрываются мелкие национальные села, в 1970-х гг. со строительством БАМа меняется национальный состав, возникают крупные населенные пункты, снижается количество однонациональных браков. В районе остается только одно место компактного проживания эвенков – с. Шахтинское. В 1980-х гг. численность эвенков в районе сокращается, затем в конце 1990-х гг. возрастает, что обусловлено возможностью получения государственных льгот. В настоящее время в исследуемом районе наблюдается повышение интереса к истории и культуре эвенков, проводятся национальные праздники.

Ключевые слова: эвенки, оленеводство, Верхнебуреинский р-н, Хабаровский край, промышленное освоение, национальное село.

В условиях активного промышленного освоения мест проживания коренных малочисленных народов Севера вопросы изменения традиционного образа жизни остаются актуальными. На территории Верхнебуреинского р-на Хабаровского края добывают каменный уголь, золото, оловянную руду, бентонитовую кирпичную глину, строительный камень, минеральную воду. В истории эвенков этого района показательны процессы, выразившиеся в изменении численности населения и традиционного образа жизни.

Во второй половине XIX в. по этой территории кочевали эвенки родов «бута» (Дьячковские, Еремеевы), «лалагир» (Семеновы, Пороковы), «эден» (Арсеновы), «бэтунг» (Петровы, Сафроновы), «мэнгэл» (Афанасьевы), «колил» (Диодоровы)¹. К моменту прихода русских они находились в контакте с соседними народами, в частности, с якутами. В бассейне р. Буреи располагалась известная Ниманская ярмарка, являвшаяся для якутских купцов исходным пунктом в доставке товаров по всему Приамурью². Краевое статистическое управление зафиксировало в 1923 г. в Верхнебуреинском р-не 330 тунгусов и 320 якутов³.

Следующим фактором, повлиявшим на социально-экономическое положение коренного населения, стало открытие золотоносных жил. Уже в 70-е гг. XIX в. началась их разработка. Это способствовало оседанию части кочевых эвенков вокруг приисков. Изменения, происходившие в хозяйственной жизни коренного населения в конце XIX в., отмечал чиновник особых поручений П. П. Шимкевич, побывавший на р. Нимане в конце XIX в. Он писал: «Иноходец предпочел прииск трудному охотничьему промыслу, хотя по быту и занятиям остался бродячим, но охота сделалась ему уже побочным занятием, и тяготение продолжалось к золоту, и вот мы видим, как постепенно вырабатываются типы инородцев-проводников, подрядчиков, золотников, хищников и спиртоносов, и промысел этот пришелся многим настолько к лицу, что вкореняясь в инородца, сделал из бродячего охотника бездомного бродягу»⁴. Позже переход на оседлый образ жизни облегчил установление новых административных границ и организацию колхозов.

Решением президиума Далькрайисполкома в 1927 г. был образован Верхнебуреинский туземный р-н народа эвенки (тунгусы) Амурского окр. В его состав вошли три туземных совета – Чекундинский, Тырминский, Усть-Ниманский, соответствовавшие трем кочевым эвенкийским ареалам⁵. В 1931 г. четыре оленеводческие семьи из Кур-Урмийского р-на переехали в верховья р. Амгунь в Верхнебуреинском р-не и образовали колхоз «Негу Геван» и пос. Могды. Вскоре в этот поселок переехали и вступили в колхоз эвенки, кочевавшие по притокам Буреи и Амгуни⁶. Затем были

организованы еще три колхоза: в пос. Тырма – колхоз «Алана», в пос. Чекунда – «Красный охотник» и в пос. Усть-Ниман – «Путь Ленина». Они специализировались на земледелии, животноводстве, оленеводстве и охоте. В конце 1960-х гг. оленеводство в районе было признано «нерентабельным» хозяйством. На базе колхозов в рабочем пос. Средний Ургал был образован Коопзверопромхоз, и население из с. Ниманчика и Озерного переселено в другие населенные пункты. Закрытие колхозов связывают с развитием горнодобывающей отрасли.

В 1932 г. Янковская геологоразведочная партия под руководством В.З. Скороходова установила, что земли Буреинского р-на содержат до *25 миллиардов тонн* залежей угля. С началом строительства угольных шахт в 1933 г. и развертыванием Бурейстроя (треста главного управления угольной промышленности), в районе к 1939 г. насчитывалось 698 эвенков и якутов и уже более 8 тысяч русских и жителей других национальностей⁷. Несмотря на резкое увеличение общей численности населения района, унификацию культуры и русификацию языка, благодаря компактному проживанию в колхозных селах и ведению традиционных видов хозяйственной деятельности эвенкам удавалось сохранить традиции, язык и передать их молодежи. Примером этому служит поколение эвенков, проживавших в национальных пос. Могды, Ниманчик и др. в конце 1960-х – начале 1970-х гг. В настоящее время они практически одни в районе свободно владеют родным языком⁸, помнят о предках, кочевавших по бассейну Буреи и стараются соблюдать традиции и обычаи предков.

В 1967 г. был закрыт национальный пос. Могды, где располагались начальная школа, детский сад, клуб, фельдшерско-акушерский пункт, магазин⁹. Решением исполкома Верхнебуреинского р-на в январе его жители, с подворными хозяйствами были перевезены в холодные дома в с. Новая Умалта. Причинами закрытия были названы бездорожье, нерегулярные транспортные связи. Однако через год из-за закрытия Новой Умалты, могдинцам снова пришлось переселяться в разные села, забирая с собой только самое необходимое¹⁰. В 1970-х гг., в нескольких километрах от пос. Могды, провели ветку железной дороги и открыли станцию (что решило вышеназванные причины закрытия поселка), но вернулись в родные места только несколько семей.

В единственном оставшемся национальном с. Шахтинское в 1969 г. проживало 427 человек из них 177 эвенков, в 1980 г. остался 171 житель (91 эвенк)¹¹. По официальным данным на 01.01.2019 жителей в пос. Шахтинский осталось 60 человек, из них 59 эвенков, 1 негидалец¹².

В 1974 г. началось создание Тындинского и Верхнебуреинского территориально-промышленных узлов. Стройка была объявлена Всесоюзной ударной. Строительные бригады прибывали из разных республик Советского Союза. Так, с. Новый Ургал было построено строительным отрядом «Укрстрой», с. Алонка – отрядом «Молдав-Бамстрой», с. Солони – «Гаджикстрой», с. Сулук – «Хабаровсктрансстрой БАМ», с. Этыркэн – «Куйбышев БАМ строй». Увеличивается количество смешанных браков между русскими, бурятами и представителями других национальностей, приехавших на строительство БАМа. В 1969 г. из 45 эвенкийских семей – 14 (31%) являлись смешанными и 31 семья (69%) – одной национальности¹³. В 1980-х гг. в Верхнебуреинском р-не не было зафиксировано ни одного одноплеменного брака среди эвенков¹⁴.

По данным Статуправления в 1980 г. в районе было зафиксировано 212 эвенков¹⁵, в 2000 г. – 270 эвенков, в 2015 г. – 679¹⁶. На 1 января 2019 г. насчитывалось уже 798 представителей коренных малочисленных народов Севера (КМНС), в том числе 726 эвенков¹⁷. Такой прирост связывают с пробуждением национального самосознания и возможностью получения льгот от государства. Принадлежность к КМНС дает людям специальные права на территории традиционного природопользования, возобновляемые биоресурсы, а также на исключительно востребованные сегодня образовательные, медицинские, политические ресурсы. Эти преимущества играют важную роль в определении идентичности среди сельского населения, имеющего аборигенные корни¹⁸.

Из общего числа эвенков района единицы знают родной эвенкийский язык и помнят, как их предки занимались оленеводством. На сегодняшний день нигде в районе не проводится обучение родному языку, отсутствуют эвенкийские культурные центры. Силами ветеранов и энтузиастов созданы музейные уголки в клубах и в школе. Районная ассоциация КМНС ежегодно на собственные средства проводит эвенкийский фестиваль «Бакалды», также они ежегодно съезжаются на место, где находился пос. Могды. Там они устраивают игры, общаются на эвенкийском языке, посещают кладбище, вспоминают детство, рассказывают молодежи о жизни предков, пытаясь таким образом сохранить свою культуру.

Промышленное освоение, начавшееся в XIX в. оказало серьезное влияние на традиционный образ жизни эвенков, на занятие оленеводством, охотопромысел. Были закрыты национальные села, уменьшилось количество одноплеменных браков. Преобразования прошли без учета особенностей традиционного хозяйствования коренных жителей района – эвенков. С 1992 по 2019 г. охотугодья были значительно сокращены: с 1 300 000 га до 243¹⁹.

Представленные материалы отражают тенденцию снижения знания родного языка, культурных традиций и обычаев. Многие из опрошенных респондентов отмечают важную социальную функцию села в естественном сохранении традиционной культуры, языка. Они считают, что при условии развития оленеводства, охоты и сохранении национальных поселков, созданных в 1931 г., возможно, жизнь их семей и следующих поколений эвенков района сложилась бы иначе.

¹ Архив Хабаровского краевого музея им. Н.И. Гродекова. Полевые материалы автора (далее ПМА) из экспедиции в Верхнебуреинский р-он в июле 2019 г.

² Дьяченко В.И. К вопросу об этнокультурных связях якутов и эвенков на юге Охотского побережья//Новое в этнографии (Полевые исследования). М.: «Наука», 1989. Вып. 1. С. 33.

³ Шавров К. Проект сети маршрутов для обследования туземного населения северных окраин//Статистический бюллетень. Хабаровск: Дальневосточное-Краевое Статистическое Управление. 1926 г. № 1(6) январь. С. 42.

⁴ Шимкевич П.П. Современное состояние инородцев Амурской области и бассейна Амгуни //Приамурские Ведомости. Хабаровск, 1895. 12 марта. Приложение. С. 12.

⁵ История и культура дальневосточных эвенков: Историко-этнографические очерки. СПб.: Наука, 2010. С. 86.

⁶ Дьяченко В.И. Эвенки и якуты юга Дальнего Востока. М.: Наука, 1994. С. 140.

⁷ ПМА.

⁸ Там же.

⁹ Государственный архив Хабаровского края. Р. 137. Оп. 23. Д. 318, Л. 2. Отчет Приамуро-Тихоокеанского отряда Северной экспедиции Института этнографии АН СССР о полевой работе в 1980 г.

¹⁰ ПМА.

¹¹ Архив Института этнографии им. Н.Н. Миклуха-Маклая РАН. Ф.К1. Оп. 2. Д. 1291. Л.2.

¹² ПМА.

¹³ Отчет Приамуро-Тихоокеанского отряда. Л. 2.

¹⁴ Сирина А.А. Эвенки и эвены в современном мире: самосознание, природопользование, мировоззрение/Институт этнографии им. Н.Н. Миклуха-Маклая РАН. М.: Вост.лит., 2012. С. 109.

¹⁵ Отчет Приамуро-Тихоокеанского отряда. Л. 2.

¹⁶ ПМА.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Сирина А.А. Указ соч. С. 124.

¹⁹ ПМА

V. B. Malakshanova

Impact of the Area Industrial Development
on the Evenks' Traditional Way of Life
in the XX Century (a Case Study of
Verkhnebureinsky District, Khabarovsk Territory)

Malakshanova Victoria Batorovna, The Khabarovsk Regional Museum named after N. I. Grodekov (Khabarovsk), the Ethnography Research Sector, main research fellow; malak2801@mail.ru

The paper deals with transformation of the traditional way of life of the Evenks living in the Bureya River basin in the XX century. It is based on the data collected by the 2019 expedition to Verkhnebureinsky District, Khabarovsk Territory. The area industrial development started back in the XIX century. The first gold-mining companies appearing in the region were attractive to the Evenks because of easy money, established trade network and goods they offered. Many hunters and deer farmers chose working at gold mines over their nomadic life in the taiga. In the early soviet times, the deer herd population went drastically down, the hunting became worse, and the Evenks settled. Following the mass mining that started in the 1930s, the population started to grow.

In the 1960s, small ethnic villages started to disappear; in the 1970s, following the BAM construction, the ethnic make-up of the area changed, large cities started to appear and the number of same-ethnicity marriages went down. Shakhtinskoye Village became the only compact settlement of the Evenks left in the area. In the 1980s, the Evenk population in the district went down to start going back up in the late 1990s due to government benefits. Presently, interest in the Evenks' history and culture is growing in the area in question. Ethnic holidays are celebrated.

Keywords: the Evenks, deer farming, Verkhnebureinsky District, Khabarovsk Territory, industrial development, ethnic village.

Н. В. Мальцева, В. А. Белокопытова
Оленеводство Магаданской области:
факторы трансформации

Мальцева Наталья Васильевна, Магаданский областной краеведческий музей (Магадан), заместитель директора по культурно-просветительной и организационной работе; banshchikova1986@mail.ru

Белокопытова Виктория Александровна, Магаданский областной краеведческий музей (Магадан), отдел музейной педагогики, экскурсовод; vicky2014@mail.ru

В докладе рассмотрены вопросы трансформации тунгусского типа оленеводства в Магаданской обл. в эпоху социалистических преобразований, а также влияние традиционных основ ведения оленеводства и государственной поддержки на его устойчивость.

Ключевые слова: эвены, тунгусский тип ведения оленеводческого хозяйства, транспортное оленеводство, продуктивное оленеводство, Гижигинский р-н, Северо-Эвенский р-н, Среднеканский р-н, Магаданская обл.

В XX в. традиционный тип хозяйствования коренных народов Охотско-Колымского края претерпел кардинальные изменения, последствия которых стали тотальными для сохранения культурного кода этносов. Одним из ярких примеров является традиционное природопользование эвенов континентальных районов Колымы – таежное оленеводство тунгусского типа, обусловленное комплексностью хозяйственного уклада, транспортным использованием оленя, малостадностью, полувольным сезонным выпасом стада, высокой прирученностью оленя, отсутствием пастушеской собаки, применением дымокуров для защиты от насекомых¹.

В XVII – XVIII вв. группы тунгусов из Прибайкалья, мигрировавшие на север, достигли берегов Охотского моря и Центрально-Колымских районов. Здесь за два столетия у эвенов сложилось комплексное хозяйство, основу которого составили добывающие промыслы: охота, речное рыболовство, транспортное оленеводство. Количество домашних оленей в хозяйствах исчислялось несколькими десятками голов, цель увеличить поголовье оленеводами не преследовалась.

К концу XIX в. в ряде эвенских родов стало наблюдаться сочетание оленеводства с оседлым образом жизни². Тогда же у эвенов, соседствующих с чукчами и коряками, произошло увеличение поголовья. Зажиточные семьи могли обеспечить свое существование за счет стада. Постепенно оленеводство переходило от транспортного к продуктивному. При этом хозяйства не отказывались от промыслов.

В Магаданской области до 2013 г. (данные статистики Министерства сельского хозяйства Магаданской обл.) оленеводство сохранялось только в двух районах – Северо-Эвенском и Среднеканском. Их пример характеризует процессы, происходившие в отрасли в традиционный и советский периоды.

В 1920-х гг. в Гижигинском р-не (Северо-Эвенский, с 1931 г.) эвены вели патриархальное комплексное хозяйство. Основой его являлись промыслы: охота и рыболовство, при этом оленеводство имело второстепенное значение. Поголовье на отдельно взятое хозяйство составляло примерно 100–200 оленей³. Образ жизни сохранялся традиционный, с перекочевками и транспортным использованием оленя. В силу удаленности территории процесс коллективизации на хозяйствах почти не отразился. Личных оленей собирали в совместное стадо, совместно же выпасали, а освобожденные вследствие этого члены группы занимались промыслами. Основную прибыль приносило рыболовство, приобретенные хозяйственные принадлежности и олени считались уже общественными.

В Среднеканском р-не в этот период коллективизация безболезненно проходила среди малооленных кочевников, вызывая у владельцев крупных стад протест, одной из форм которого стал уход зажиточных эвенов в тайгу (роды Хабаровых и Болдухиных, рассосинские эвены).

В 1930-е гг. в Северо-Эвенском р-не появляются первые национальные поселки. Происходит медленный переход к оседлости. Наиболее прибыльными остаются пушной промысел и рыболовство, на них и ориентированы домохозяйства. Создаются рыболовецкие артели. Доход же от оленеводства поступает только в натуральном виде. Увеличение поголовья стад все еще не является целью оленеводов.

В Среднеканском р-не в 1930-х гг. строится колымская трасса, ведется активное промышленное освоение края. В 1932 г. создаются первые совхозы – «Буксунда» и «Челбанья». Однако развитие оленеводства как отрасли не является приоритетной задачей. Олени задействуются в грузоперевозках, особенно во время построения трассы, извоз становится наиболее доходным видом деятельности

для оленеводов. На начало 1941 г. личное стадо колхозников составляло, по разным оценкам, от 2422 до 2944 голов, общественное – от 527 до 1476⁴.

С 1940 г. в Северо-Эвенском р-не оленеводческие колхозы все еще ведут комплексное хозяйство. Но на тот момент количество населения в районе невелико, поэтому вопрос укрупнения стад и увеличения поголовья все еще не поднимается. К началу 1940 г. колхозные стада насчитывают 1400 голов, личные – 19000 голов. Оленеводы по возможности переходят в рыболовецкие артели, где доход значительно выше, и в оленеводстве появляется проблема кадрового голода. Наблюдается уход из отрасли молодых специалистов, недовольных условиями быта и оплатой труда.

В Среднеканском р-не создаются 6 колхозов, пять из них занимаются пушным промыслом и животноводством и только один – оленеводством. В это время население района растет, и возникает вопрос снабжения продуктами питания. В колхозах пытаются вести работы по укрупнению стад и увеличению поголовья. Но результаты невысоки, так как традиционный способ пастьбы, включая ропуск оленей на темные ночи, приводит к потерям животных. В районе также остро встает вопрос кадрового голода. Дело доходит до привлечения в качестве пастухов пришлых жителей⁵.

С 1953 г., после образования Магаданской обл., к сельскому хозяйству и оленеводству, как одной из отраслей животноводства, приковано повышенное внимание государства. Кроме этого, истощение запасов рыбы и пушнины также выдвигают оленеводство на первый план. В Северо-Эвенском р-не оно становится основной отраслью сельского хозяйства. В 1960-х гг. государством предпринимается комплекс мер по укреплению оленеводческих хозяйств: внедрение средств механизации, передовые методы противооленной защиты, минеральная подкормка, строительство промежуточных баз, изгородей и коралей, увеличение заработной платы оленеводов, система зооветеринарной службы, межхозяйственный обмен производителями⁶. Ученые сельскохозяйственной опытной станции дают рекомендации по рациональной организации производства и быта⁷. В середине 1970-х гг. в летние маршруты выходит около 67000 оленей⁸. Благодаря поддержке государства оленеводство в районе укрепляется, но теряет транспортную направленность, перейдя к продуктивному.

В Среднеканском р-не вследствие возвращения рассохинских звенов, практиковавших патриархальный способ хозяйствования с укрупнением стада и образовавших совхоз «Рассохинский», поголовье также увеличивается. Роды Хабаровых и Болдухиных сохраняли традиционный образ жизни, не желая его менять на жизнь

в городе. Они явились тем костяком, на котором держалась оленеводческая отрасль района. К началу 1973 г. поголовье оленей достигло 12 452, и в дальнейшем в это десятилетие наблюдался постоянный прирост⁹.

В 1980 гг. в оленеводстве обоих районов нарастают кризисные явления. Наблюдается ослабление внимания государства к отрасли, что сказывается на оленеводах Северо-Эвенского р-на, где они получали централизованную поддержку. В Среднеканском р-не кризисные явления тоже имеют место, но они более сглажены благодаря тому, что старшее поколение сохраняет традиционную культуру, поддерживается оленеводство. С уходом старейшин из отрасли наблюдается ее угасание.

Таким образом, можно заключить, что тунгусское оленеводство в районах Магаданской обл. как отрасль развивалось нестабильно, в течение XX в. под влиянием ряда причин трансформировалось и утратило свои традиционные черты.

¹ Попова У. Г. Эвены Магаданской области. М.: Наука, 1981. С. 83.

² История и культура эвенов: Историко-этнографические очерки. СПб.: Наука, 1997. С. 25.

³ Мальцева Н. В. Советская модель модернизации оленеводства на примере Северо-Эвенского района Магаданской области//Вестник СВНЦ ДВО РАН. 2014. № 4. С. 120.

⁴ Банщикова Н. В. Оленеводство Среднеканского района: история и перспективы//Там же. 2012. № 1. С. 116.

⁵ Бацаев И. Д. Очерки истории Магаданской области (начало 20-х – середина 60-х гг. XX в.). Магадан: СВКНИИ ДВО РАН, 2007. С. 205.

⁶ ЦХСД МО. Ф. 21. Оп. 5. Д. 800. Л. 139–140.

⁷ Ваганов Е. С. Племенная работа и качество стада//Магаданский оленевод. 1968. Вып. 19–20. С. 62–64.

⁸ Мальцева Н. В. Советская модель модернизации оленеводства на примере Северо-Эвенского района Магаданской области//Вестник СВНЦ ДВО РАН. 2014. № 4. С. 116.

⁹ Банщикова Н. В. Указ.соч.

UDC 636.294(571.65)

N. V. Maltseva, V. A. Belokopytova

Deer Farming in Magadan Region:
Transformation Factors

Maltseva Natalya Vasilievna, The Magadan Regional Museum (Magadan), deputy director for Cultural and Educational and Organizational Work; banshchikova1986@mail.ru

Belokopytova Victoria Alexandrovna, The Magadan Regional Museum (Magadan), the Department of Museum Pedagogy, guide; vicky2014@mail.ru

The paper deals with the issues related to transformation of the Tungus type deer farming methods in Magadan Region during the socialist transition time and to the influence the traditional deer farming principles and government support had on their sustainability.

Keywords: the Evens, Tungus type deer farming, transport deer farming, productive deer farming, Gizhiga District, Severo-Evensk District, Srednekansky District, Magadan region.

Н. И. Новикова

Колхозы и другие институты организации
рыболовства коренного населения
Сахалина в начале 2000-х годов

Новикова Наталья Ивановна, Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая Российской академии наук (Москва), ведущий научный сотрудник, доктор исторических наук; natinovikova@gmail.com

Доклад строится на полевых материалах, собранных на Сахалине в 2000–2021 гг. среди коренных малочисленных народов Поронайского и Охинского р-нов. Основное внимание уделено современным практикам организации рыболовства и воспоминаниям о колхозах, сохранившихся в памяти аборигенов. Рассматриваются примеры взаимодействия этого социального института с экономической деятельностью коренных малочисленных народов. Прежде всего это создание системы самоуправления и контроля над ресурсами на 26-километровой полосе побережья по договоренности с колхозом «Дружба» в Поронайском р-не. Другой пример – работа «нивхской» бригады колхоза «Новая Заря» на Рыбновском побережье. Автор делает выводы о необходимости сочетания коллективных и индивидуальных прав, обеспечения доступа к ресурсам и контроля за их использованием со стороны коренных народов, а также сочетания формальных и обычно-правовых регуляторов экономической деятельности.

Ключевые слова: коренные малочисленные народы, Сахалин, колхоз, рыболовство, социальные институты.

На Сахалине до недавнего времени сохранял свое значение такой институт организации хозяйственной деятельности и социальных отношений, как колхозы. Первоначально колхозы создавались как объединения рыболовецких артелей коренного и местного населения. Именно эти простейшие организации интегральной кооперации и послужили основой для создания колхозов¹. Со временем росло техническое оснащение таких хозяйств, и рыболовство на Сахалине все больше уходило в море,

где знания коренных народов уже не могли конкурировать с промышленным промыслом. Постепенно представители коренных народов за редким исключением были вытеснены из колхозов². Тем не менее именно на Сахалине сложились интересные практики их взаимодействия, которые сохранялись до недавнего прошлого. В данном докладе рассмотрены два примера, отмечающие роль современных колхозов в развитии коренных народов, а также причины столь долгого бытования термина в названии хозяйств даже в городских условиях. Статья строится на полевых материалах автора, собранных в ходе работы в городах и поселках Поронайского и Охинского р-нов Сахалинской обл. в период многочисленных выездов на рыболовецкие станы в 2000–2021 гг.

Колхоз или объединение хозяев?

Колхоз «Дружба» был основан в 1959 г. в г. Поронайске. Именно с ним во многом связана история нынешних рыбопромышленников и рыбаков Поронайского р-на. В последние годы из представителей коренных народов там сохранились лишь несколько уборщиц и еще несколько низкоквалифицированных работников. Тем не менее, во многих семьях и коммерческих хозяйствах коренных народов сохраняется память о работе в колхозе. Больше всего рассказов о том, как именно в колхозе они освоили методы разделки рыбы, плетения сетей и даже смогли изобрести собственные усовершенствованные приемы добычи или переработки рыбы. Но главное событие во взаимодействии колхоза и аборигенного сообщества связано с выделением в 1990-х гг. 26-километровой полосы побережья, которую получили родовые хозяйства района по договоренности с колхозом «Дружба»³. Созданные хозяйства, в первую очередь система самоуправления, которая просуществовала недолго, но была эффективной для развития хозяйств, система обеспечения семей коренных народов и роста их социального капитала, — строились на коллективистских началах. Позитивное отношение к колхозам сохраняется и конструируется у старшего поколения. Конечно, определенную роль в этом играют и воспоминания о спортивных соревнованиях, выступлениях в ансамблях и просто о молодости. И хотя колхозы создавались в рамках бюрократической системы, они вспоминаются как «свои». Получив доступ к водным биологическим ресурсам поронайские хозяйства смогли и поддерживать сувенирное производство, и оказывать помощь пенсионерам и малоимущим. Первоначально они даже для всего населения района на свои деньги проводили Праздник кормления моря. В собранных полевых материалах и рыбаки, и руководители хозяйств постоянно

подчеркивают важность получения квот от государства, а организацию и техническое оснащение работ они готовы брать на себя.

Работа в колхозе: плюсы и минусы

Сельскохозяйственный производственный кооператив под названием «Национальный рыболовецкий колхоз «Новая заря»» существовал с 2002 по 2012 г., но и позднее сохранялось именно слово «колхоз»⁴. С его деятельностью связано много скандалов, взаимных претензий жителей п. Некрасовка и руководства хозяйства. Обиды местного населения во многом обусловлены тем, что они считали хозяйство своим и ждали обеспечения занятости, достойной оплаты труда. Однако, одна из бригад, состоявшая из нивхов, была более успешной. В организации работы «нивхской бригады» сочетались административные механизмы с определенной долей свободы и независимости. Слишком жесткое регулирование жизни и работы рыбаков, вероятно, невозможно – об этом свидетельствуют и полевые материалы автора, полученные во время поездки по Западной Сибири. Успех таких хозяйств возникает в процессе сочетании формальных и обычно-правовых механизмов, большей свободой экономической деятельности, позволяющей людям чувствовать себя не только наемными работниками, но и хозяевами.

Длительное существование колхоза и стремление нивхов там работать во многом определялось богатством ресурсов Рыбновского побережья и неразвитостью инфраструктуры, прежде всего дорог, что осложняло самостоятельную реализацию продукции.

Заключение

Таким образом, даже в рамках одной области складываются различные практики. Стремление представителей коренных этносов быть свободными и самостоятельными является для них превалирующим. Им крайне важен контроль над ресурсами, это определяющий фактор для успешности их деятельности. Патернализм как со стороны государства, так и со стороны промышленных компаний пагубно сказывается на перспективах развития этих народов. Практика подтверждает важность сочетания коллективных и индивидуальных прав представителей коренных народов, гарантированные и международным правом, и российским законодательством.

В современных условиях коренные малочисленные народы ищут новые формы организации хозяйственной деятельности, сочетающие свободу и самостоятельность традиционного природопользования и рыночные механизмы. Во многом таким характеристикам отвечает аборигенное предпринимательство, но без

гарантированного государством доступа к ресурсам и контролю за их использованием со стороны коренных народов, без участия их в принятии решений будет невозможно создать условия для роста благосостояния и сохранения их культуры, которые на Сахалине базируются на рыболовстве.

¹ Отаина Г.А. Аборигены Дальнего Востока. 1993 год – Год коренных народов// Россия и АТР. 2022. № 1.С. 83–94.

² Тураев В.А. Традиционное рыболовство как конфликт интересов аборигенных сообществ, бизнеса и власти//Россия и АТР. 2017. № 2. С. 177–194.

³ Новикова Н.И. Охотники и нефтяники: Исследования по юридической антропологии. М.: Наука, 2014.

⁴ Она же. Энергия предпринимательства в традиционном природопользовании коренных народов Севера Сахалина//Известия Лаборатории древних технологий. 2020. Т. 16. № 3. С. 127–140

UDC 39; 323; 658.3

N. I. Novikova

Collective Farms and Other Organized Fishing Institutions in the Life of Indigenous Population of Sakhalin in the Early 2000s

Novikova Natalya Ivanovna, The N. N. Miclouho-Maklay Institute of Ethnology and Anthropology the Russian Academy of Sciences (Moscow), leading research fellow, D. Sc. (History); natinovikova@gmail.com

The paper is based on field research materials collected on Sakhalin in 2000–2021 from indigenous minorities of Poronaysk and Okha Districts. The research was mainly focused on modern methods of fishing organization and memories of collective farms preserved by the aboriginal population. Examples of interactions between those social institutions and economic life of indigenous minorities are examined there. That means first of all, setting up, under an agreement with the Druzhba collective farm, a system of self-governance and resource control along a 26 km long strip of shoreland in Poronaysk District. Another example is operations of a Nivkh fishing team in the Novaya Zarya collective farm on Rybnovsk shore. The author concludes that both collective and individual rights should be upheld and that the access to and control over resources on the part of the native peoples, as well as a mix of formal and traditional methods of economy regulation are necessary.

Keywords: indigenous minorities, Sakhalin Island, collective farm, fishing, social institutions.

Е. А. Андреева

Традиционное в новом: проведение праздников животноводов в советское время (на примере традиционной культуры бурят, алтайцев, тувинцев и хакасов)

Андреева Елена Анатольевна, Российский этнографический музей (С.-Петербург), отдел этнографии Сибири и Дальнего Востока, научный сотрудник высшей категории; umbra2005@yandex.ru

В докладе рассматриваются скотоводческие праздники народов Южной Сибири, проводившиеся в советское время, ставшие частью новой календарной обрядности и в более позднее время получившие официальный статус. Вначале они были приурочены к революционным датам. Функцией большинства подобных мероприятий было сплочение людей на социально-классовой основе. Праздники были призваны демонстрировать единение народа и достижения социалистического производства регионов. Несмотря на пропагандистский характер, они сохраняли традиционные элементы праздничной скотоводческой культуры.

Ключевые слова: «новый» календарь, праздник животноводов, праздничная культура, традиционная культура скотоводов.

Политические и социальные изменения, происходившие в стране в 1920-е гг., не могли не затронуть ее отдаленные районы как и проживающие там народы. Изменения коснулись практически всех сторон жизни местного населения. «Новая власть стремилась взять под контроль социальный порядок и само время»¹. Целью было установление «новой» жизни, появление «нового» человека и календаря. Так появились новые, приуроченные к революционным датам праздники. Ими стали День сельского работника или, как в случае с сибирским регионом, День чабана, пастуха, животновода и т.п., проводившиеся в республиках в первые годы их образования² и приурочивавшиеся, в первую очередь, к датам образования новых административных единиц.

Функцией большинства подобных мероприятий было сплочение людей на социально-классовой основе. Часто эти праздники носили название интернациональных и проходили примерно по одному и тому же сценарию, с включением в программу национальных видов спорта. Несмотря на стремление уйти от «темного прошлого», в основе сельскохозяйственных праздников была традиционная составляющая. В первую очередь, она заключалась в том, что дни проведения совпадали с традиционными праздниками и, как правило, выпадали на то время, когда скотоводы были относительно свободны. Касалось это прежде всего праздников, на которые съезжались со всех районов республики. Следует отметить, что почти в каждом районе проводились местные однодневные праздники по окончании крупных сельскохозяйственных работ³. Победители местных социалистических и спортивных соревнований отправлялись представлять район на общереспубликанских торжествах.

Первый Сурхарбан («Три игрища мужей») был проведен через год после образования Бурятской АССР и посвящен годовщине автономии. Носил он скорее спортивный характер и включал три вида состязаний: стрельбу из лука, борьбу и скачки. Ранее подобные игрища проводились во время облавной охоты, во время свадеб и некоторых других праздников жизненного цикла. Целью соревнований по стрельбе был выбор самого меткого мэргэна (стрелка). В прошлом подобные состязания имели военный характер, как смотр дружины⁴. Кроме традиционных видов спорта в советский Сурхарбан были включены также волейбол, баскетбол и др. Кроме того, проходили чествования передовиков производства, с награждением памятными грамотами, медалями и подарками⁵.

В Ойратской автономной обл.⁶ тогда праздновалась только годовщина социалистической революции, а традиционные элементы культуры были забыты на несколько десятилетий⁷. К традиции вернулись только в 1940–1950-е гг., начиная с праздника День пастуха, который был впервые проведен в 1951 г.⁸ в нескольких районах Горно-Алтайской автономной обл., где сохранялся традиционный кочевой образ жизни. К 1956 г. был выработан определенный сценарий, схожий с ранее упомянутым Сурхарбаном. «Будучи политизированным, праздник воссоздавал народные обычаи и в формате празднования трудовых побед обеспечивал легатимизацию ценностей традиционной кочевой скотоводческой культуры»⁹. День пастуха просуществовал до 1987 г., а с 2010 г. стал проводиться ежегодно под названием «Эл-Ойын».

У тувинского Наадыма была своя специфика, которую можно объяснить историческим развитием данного региона. Тувинская Народная Республика (ТНР) была образована в 1921 г. Через год после национальной революции тувинцы стали праздновать всенародный праздник Чазак байыры (Праздник освобождения), который включал в себя проведение традиционных спортивных состязаний (скачки, борьбу хурэш)¹⁰. Первый Наадым праздновался в 1923 г. в честь второй годовщины Республики.

Этот праздник уходит своими корнями в проведение родовых жертвоприношений. В литературе высказывалось мнение о запрете в советское время¹¹ Наадыма¹², что кажется не совсем верным утверждением. Фактически, изменился его смысл: праздник стали трактовать в хозяйственно-материалистическом ключе¹³. Праздник животноводов, или День чабана, проводился ежегодно. Состязания носили массовый характер и проводились не только в столице республики, но и райцентрах, районных колхозах, совхозах. Изначально они приурочивались к знаменательным датам революционных праздников, но впоследствии стали проводиться в летнее время¹⁴. Победа на местном уровне сулила участие в республиканском Наадыме животноводов, где победителям присваивались звания ударников коммунистического труда и заслуженных животноводов республики, их награждали почетными грамотами и ценными призами. В 1960-е гг. Наадым стал фактически праздником всех работников народного хозяйства Тувы¹⁵ и носил тот же характер, что и аналогичные праздники в Бурятской АССР и Горно-Алтайской автономной обл. Главным содержанием праздника были смотры достижений сельского хозяйства и излюбленные всеми спортивные состязания: борьба, стрельба из лука и скачки. В современном виде и в официальном статусе государственного праздника Наадым существует с 1993 г.

В Хакасии республиканский праздник *Тун найрам* (Праздник первого айрана) получил официальный статус в 1980 г. в честь 50-летия Хакасской автономной обл., хотя с первых лет правления Советов не проводился. Он один из немногих, в чью программу входили не только спортивные состязания, но и ритуальная часть.

Большая часть описанных выше праздников в 1980–1990-е гг. получили официальные статусы государственных или национальных. Некоторые исследователи прежде всего в советское время рассматривали данные праздники как один из способов сохранения обычаев спортивных состязаний. Другие же отмечали, что произошел разрыв с традицией¹⁶. В некоторых регионах

народные традиционные праздники, по сути, были под запретом, в других же всячески поддерживались властями. Вероятно, это зависело от исторических процессов, связанных с образованием автономий, а также от сложившихся взаимоотношений между центральными и местными властями и местным населением. Не исключено влияние духовной культуры этих народов и на более глубинном уровне.

¹ Октябрьская И. В., Самушкина Е. В. День пастуха. Народный праздник/Развитие территорий. 2016. № 1 (4). С. 71.

² В данном случае мы говорим только о животноводческих праздниках, так как были еще и общесоветские, на которых проводились митинги, шествия и демонстрации.

³ Доржиев Ж., Шагдаров Б. В степи Агинской. М., 1967. С. 23.

⁴ Нечто подобное было и в истории монгольского Надома (тув. Наадым). См.: Календарные обычаи и обряды народов Восточной Азии: Годовой цикл. М., 1989. С. 237–240.

⁵ Для изготовления медалей победителям использовали серебряные украшения с разрешения аймачного комитета партии. См.: Доржиев Ж., Шагдаров Б. Указ. соч. С. 41.

⁶ 1.06.1921 постановлением ВЦИК была образована Ойратская автономная область, позднее переименованная в Горно-Алтайскую автономную область.

⁷ Октябрьская И. В., Самушкина Е. В. Указ. соч. С. 72.

⁸ 14 октября 1951 г. обком КПСС Горно-Алтайска постановил и рекомендовал партийным организациям и домам культуры несколько раз в год проводить сельскохозяйственный праздник.

⁹ Октябрьская И. В., Самушкина Е. В. Указ. соч. С. 77.

¹⁰ Самбу И. У. Тувинские народные игры (этнографический очерк): Автореф. дис. на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Л., 1975. С. 19.

¹¹ В 1944 г. ТНР вошла в состав СССР.

¹² Хуурақпан А. В., Биче-оол Т. Н. Наадым как этнокультурной традиционный праздник Тувы/Актуальные проблемы исследования экологических и этнокультурных традиций Саяно-Алтая: Материалы III международной научной практической конференции молодых ученых, аспирантов и студентов, посвященной 20-летию юбилею Тувинского государственного университета, Году народных традиций в Республике Тыва. Кызыл, 2015. С. 72.

¹³ Тува: Словарь культуры. М., 2006. С. 381.

¹⁴ История Тувы. 1968. Т. 2. С. 195.

¹⁵ Курбатский Г. Н. Тувинские праздники: Историко-этнографический очерк. Кызыл, 1973. С. 72.

¹⁶ Октябрьская И. В., Самушкина Е. В. Указ. соч. С. 72.

E. A. Andreeva

The Traditional Within the New: Animal Husbandry Fests in the Soviet Times (Exemplified by the Traditional Buryat, Altai, Tuva and Khakas Cultures)

Andreeva Elena Anatolyevna, The Russian Museum of Ethnography (St. Petersburg), the Department of Ethnography of the Siberia and Far East, research fellow of highest category; umbra2005@yandex.ru

The paper deals with animal husbandry fests of the South Siberian peoples that persevered through the soviet times, became a part of the new calendar rituality and got official recognition later on. Initially, they were scheduled to coincide with revolutionary dates. The majority of those events served to unite people on the social and class basis. Their purpose was to demonstrate the peoples' unity and achievements of local socialist industry. Despite the propaganda slant, they managed to preserve the traditional elements of animal farmers' festive culture.

Keywords: "new" calendar, animal husbandry fest, festive culture, traditional culture of animal farmers.

Т. Ю. Сем

Историческая память в орнаментальном творчестве нивхов в советский период

Сем Татьяна Юрьевна, Российский этнографический музей (С.-Петербург), отдел этнографии Сибири и Дальнего Востока, ведущий научный сотрудник, кандидат исторических наук; semturem@mail.ru

Доклад посвящен анализу орнаментального творчества нивхов в советский период на основании материалов коллекций 1950-х гг. Е. П. Орловой из фондов Российской этнографического музея. Раскрывается проблема сохранения традиций в культуре нивхов этого периода. Нивхи как палеоазиатский этнос сохранили изолированность в языке, но в то же время определенную взаимосвязь с тунгусо-маньчжурами в культуре, составляя с ними единую историко-этнографическую общность Амура-Сахалинского региона. Проводится семантическая типология орнамента нивхов советского периода. На основе коллекций музея выделены следующие мотивы: антропоморфный, зооморфный, криволинейно-геометрический орнаменты, образы личин, известные и в дореволюционных коллекциях. В орнаменте нивхов рассматриваемого периода встречаются фигуры женщин-прародительниц, рожениц, мужчин с выделенными фаллами, характеризующих культ плодородия. Также представлены образы пляшущих человечков в хороводе – основном танце календарных обрядов. Зооморфные фигуры представляют образ тигра, медведя, дракона, черепахи, лягушки. Среди личин, аналогичных образам наскальных рисунков Нижнего Амура эпохи неолита, встречаются антропоморфные, обезьяноподобные, череповидные личины, связанные с культом предков и инициациями. В заключении автор приходит к выводу о том, что, несмотря на экономические, культурные и социальные изменения в культуре нивхов в советский период, в орнаментальном творчестве сохранились традиционные сюжеты.

Ключевые слова: орнаментальное творчество, нивхи, коллекции РЭМ, советский период, семантическая типология мотивов, историческая память.

Нивхи – население лимана р. Амур и севера о. Сахалин – проживали в контакте с тунгусо-маньчжурами (ульчами, низовскими нанайцами, негидальцами, орочами – на Амуре, ороками и эвенками – на Сахалине), а также айнами Сахалина и многое заимствовали у них¹. При этом сохранялась известная изолированность в области нивхского языка и культуры. Эти процессы: контакты, с одной стороны, и изолированность языка нивхов, с другой, нашли отражение и в культуре, в частности, в орнаменте. В советский период на территории СССР произошли крупные экономические, культурные и социальные изменения; затронули они и нивхов². А. В. Смоляк писала, что национальное искусство у этого народа в 1950–1960-е гг. почти полностью исчезло: хотя женщины любят рукоделие, но вышивают по-русски, молодежь тянется к новой жизни. Однако известно, что в сундуках у старшего поколения еще хранятся трафареты старинных орнаментов и старинная одежда³. Во время Амуро-Сахалинской экспедиции 1956–1957 гг., проведенной Государственным музеем этнографии народов СССР (ныне Российский этнографический музей, РЭМ), научным сотрудником отдела Сибири и Дальнего Востока Е. П. Орловой удалось собрать орнаментированные предметы одежды нивхов советского периода.

Проблемой изучения нивхского орнамента занимались многие дальневосточные исследователи: П. Я. Гонтмахер, Н. В. Кочешков, М. В. Осипова; а также имеются альбомы современных нивхских орнаментов индигенных исследователей. М. А. Каплан и Е. П. Орлова, рассматривая особенности декоративно-прикладного искусства народов Сибири и Дальнего Востока, и в частности народов Амура, в 1950–1960-х гг., отмечали глубокую самобытность и традиционность в аппликации и вышивке, отличавшихся национальным колоритом, строгостью композиции, включавшей элементы завитков и геометрических фигур, стилизованных изображений животных⁴.

Настоящее исследование посвящено типологии и семантике нивхских орнаментов, которые были интерпритированы на основании коллекций Е. П. Орловой 1956–1957 гг. из фондов РЭМ, как наиболее представительные для советского периода.

Судя по коллекциям РЭМ, среди орнаментов нивхов середины XX в., в советский период, отмечаются антропоморфные, зооморфные, растительные, криволинейно-геометрические мотивы, а также образы личин, известные и по дореволюционным коллекциям РЭМ.

Наиболее часто в орнаменте нивхов этого периода встречаются сюжеты с фигурами женщин-прародительниц и рожениц, реже

мужские фигуры и единичны образы пляшущих человечков. Отметим, что они продолжают традицию конца XIX – начала XX в. На левополом женском халате из рыбьей кожи имеется орнамент в виде женщины-прародительницы, изображение которой образовано двумя спиралями с отростками, направленными вниз, и Z-образными фигурами по бокам. Голова представляет собой сердцевидную форму с трилистником внутри, обозначающим глаза и нос (кол. № 6939–86). В другом исполнении на халате аналогичного типа тело женщины-прародительницы обозначено парой S-образных фигур (кол. № 7006–63). В третьем варианте, на рукавицах, изображение прародительницы выполнено в виде трех пар спиралей (кол. № 7006–71). Наряду с образами прародительниц в орнаменте нивхов известны фигуры рожениц (кол. № 6939–101; 7006–61). Зачастую в орнаменте фигура женщины-прародительницы окружена с двух сторон парой змеиных фигур, птицами или зародышами, что подчеркивает их связь с культом плодородия (кол. № 6939–86; 7006–61, 71,72). Иногда женская фигура сочетается с мордой животного, например тигра, или она сама изображена с головой медведя, что иллюстрирует миф о тотемном браке женщины с животным миром (кол. № 6939–101; 7006–63).

Мужские фигуры встречаются в нивхском орнаменте советского периода редко. На рукавицах изображен человек с овальной головой, руками в виде двух спиралей, ногами-завитками, между которыми ромб – фалл, символ плодородия (кол. № 6939–93). На женском халате из рыбьей кожи изображена фигура мужчины, вписанная в зооморфную морду животного с рогами (быка или дракона; кол. № 6939–86).

В единичном случае имеются изображения пляшущих человечков, чередующихся женских фигур рожениц и мужских фигур с фаллами, подчеркивающих символику плодородия (кол. № 6939–3).

Среди зооморфных образов наиболее характерны изображения морды медведя, дракона и тигра, волка, также представленные в более ранних дореволюционных коллекциях РЭМ. Зачастую морды медведя изображены вместе с мордами драконов. На женском халате из рыбьей кожи морда медведя образована из отдельных орнаментальных элементов: глаза – двумя спиралевидными змейками, нос – сердцевидный, острием вниз, на лбу – два двулистника, уши – в виде спиралей, на голове также пара спиралей (кол. № 6939–86). На том же халате морда медведя изображена в композиции с черепахой. Обращает на себя внимание то, что в изображении морды медведя присутствуют фигурки змеек. Эти

образы медведя и змеи имеют древнюю коннотацию. На петроглифах Сакачи-Альяна эпохи неолита изображена борьба медведя (символа Верхнего мира) со змеей (символом Нижнего мира)⁵. Эти представления нашли отражение в фольклоре нивхов и айнов. У морды дракона, помещенной на отворотах женской обуви, глаза показаны спиралевидными завитками, ее челюсти – фигурные, пасть – двойная скоба (кол. № 7006–78; кол. № 7006–122). Морда тигра, изображенная на мешочке, в коллекции представлена в единичном числе. Она образована следующими фигурами: глаза – спирали, нос – двулистник, рот – ромб, уши заострены, (кол. № 6939–5).

На подоле халата из рыбьей кожи изображена черепаха с головой в виде заостренной скобы, туловище – в виде двух фигур змеек со спиралями на концах; лапы обозначены завитками сдвоенных змеек (кол. № 6939–86). Интересно, что образы черепахи, напротив, часто встречаются на изделиях конца XIX – начала XX в. Следует отметить, что эти изображения нередки в петроглифах Кореи.

На тапочках лягушка показана в сидячем положении в виде сердцевидной головы и двух завитков (кол. № 7006–134,135). Подобные изображения лягушки на халатах были известны также нанайцам и орокам; у всех тунгусо-маньчжуров лягушка символизировала жизненность, промысловую удачу и счастье.

На халатах из рыбьей кожи у нивхов в советскую эпоху часто встречаются также фигуры: водоплавающих птиц, птиц в полете и изображения зародышей; парных змеек в разных сочетаниях; единично фигура совы. Утки часто вышивались в профиль, с элементами пегушиного крыла, хвоста, хохолка и гребешка, при этом с клювом орла (кол. № 6939–86). В клюве птица держит зародыши или каплю воды, либо песчинку. В мифологии водоплавающая птица являлась творцом мира⁶. Имеются также образы летящих птиц с распростертыми крыльями и фигурами зародышей, связанных с культом плодородия (кол. № 6939–86,96).

Среди растительных мотивов нивхских орнаментов имеется изображение стилизованного дерева с развилкой. Аналогичный тип мирового дерева использовался айнами и нивхами во время проведения медвежьего праздника (фотокол. № 2448–95). Часто встречается спирально-растительный декор с трилистниками, двулистниками и одинарными листочками, обрамляющими зооморфные и антропоморфные узоры, а также изображения цветов с 4-мя лепестками или бутоном и парой спиралей (кол. № 6939–19,25,27,91,102; № 7006–61,62,71,76,136,137).

Криволинейно-геометрические орнаменты советского периода у нивхов включают следующие элементы: меандр; цепочку из

овалов; повторяющиеся S-образные элементы, расположенные в горизонтальную линию; двойную скобу; сердцевидные фигуры, часто – крупные пары спиралей. Все эти мотивы криволинейно-геометрических узоров изображаются самостоятельно или являются составными элементами зооморфных, антропоморфных образов или личин типа петроглифов.

Особо интересными являются сюжеты личин в орнаментах нивхов, напоминающие наскальные изображения на петроглифах Амура (кол. № 6939–86,91,105; № 7006–61,73). Нивхи в регионе проживания были знакомы с петроглифами Калиновки. Кроме того не исключено, что во время товарного обмена нивхи посещали нанайцев и встречали их петроглифы Сакачи-Аляна. А. П. Окладников связывает эти личины с образами предков неолитического населения, которые играли важную роль во время инициационных ритуалов⁷.

Таким образом, анализ орнаментального творчества нивхов советского периода на основании коллекций РЭМ, собранных Е. П. Орловой в 1956–1957 гг., свидетельствует о том, что, несмотря на крупные экономические, культурные и социальные изменения, происходившие в стране в этот период, историческая память сохранила традиционные элементы, причем по сравнению с орнаментами конца XIX – начала XX в. набор мотивов, элементов и композиций не обеднел. Следует отметить, что советская символика у нивхов в орнаменте, по материалам Орловой, практически не нашла отражения в коллекции. Возможно собиратель сознательно не приобретала орнаменты с изображением советской символики, но, судя по другим источникам, проживающие на периферии Амуро-Сахалинского региона нивхи не использовали ее в своих орнаментах, предпочитая традиционные сюжеты, в отличие от нанайцев, у которых на коврах имелись изображения Ленина, серпа и молота, пятиконечных красных звезд. Интересно, что нивхи по своему менталитету весьма консервативный народ, верный традициям. Еще в конце XIX – начале XX в. они не восприняли христианство, и это может свидетельствовать об их особом традиционализме, что подтверждается и орнаментальным творчеством. Вместе с тем, в орнаментах нивхов советского периода отмечаются мотивы, общие для всех тунгусо-маньчжуров (спирально-растительные узоры, пляшущие человечки, образ женщины-прародительницы, образы животных – медведя, тигра, дракона). Можно предположить, что многие общие элементы могли быть либо заимствованы от тунгусо-маньчжурских этносов, тем более что Амурский регион отличался наличием множества смешанных браков у народов, либо являлись древним общим амурским достоянием,

восходящим к эпохе неолита. Таким образом, «советскость» нивхского орнамента явно не проявилась в 1950-х гг., а наоборот, у них сохранились традиционные сюжеты, что было связано с менталитетом этого народа.

¹ Смоляк А. В. Традиционное хозяйство и материальная культура народов Нижнего Амура и Сахалина. М.: Наука, 1984. С. 135–226.

² Она же. Заметки по этнографии нивхов Амурского лимана//ТИЭ, 1960. Т. 56. С. 92–147; она же. Положение коренного населения в районах нижнего Амура: основные вопросы развития экономики, быта, культуры, здравоохранения и образования. 1960//Этнологическая экспертиза Народов Севера России. 1959–1962 гг.: Сборник. М., 2005. С. 199–227.

³ Она же А. В. Заметки по этнографии нивхов Амурского лимана. С. 145.

⁴ Каплан М. А., Орлова Е. П. Народы Сибири и Дальнего Востока. ГМЭ: Современное народное искусство. Л.: ГМЭ, 1958. С. 6–7.

⁵ Окладников А. П. Петроглифы Нижнего Амура. Л.: Наука, 1971. С. 187.

⁶ Крейнович Е. А. Очерк космогонических представлений гиялков о.Сахалина//Этнография. 1929. № 1. С. 82.

⁷ Окладников А. П. Указ. соч. С. 108.

UDC 7.04; 39.8

T. Y. Sem

Historic Memory in the Nivkh Decorative Arts During the Soviet Period

Sem Tatiana Yurievna, The Russian Museum of Ethnography (St. Petersburg, the Department of Ethnography of the Siberia and the Far East, leading researcher, Ph. D. (History); semturem@mail.ru

The paper deals with the Nivkh decorative arts in the soviet period, based on E. Orlova's 1950s collections kept in the holdings of the Russian Museum of Ethnography. The issue of preserving traditions in the Nivkhs culture of that time is highlighted. As a paleo-Asiatic ethnos, the Nivkhs preserved the isolation of their language, maintaining at the same time a certain cultural link to Tungusic peoples with whom they form a single historical and ethnic community of the Amur and Sakhalin Region. The paper presents a semantic typology of the soviet period Nivkh decorative patterns. The following motifs can be traced through the Museum collections: anthropomorphic, zoomorphic, curved-geometric patterns; masks encountered in the pre-Revolutionary collections as well. The patterns of that time feature figures of female foremothers, women giving birth, men with erect phalluses

symbolizing the fertility cult. There are also anthropomorphous figures dancing in a circle, which is typical for calendar rituals. Zoomorphic figures are images of tigers, bears, dragons, tortoises or frogs. Masks similar to Neolithic cave drawings from the Lower Amur area, include anthropomorphic, simian, skull-like visages related to the initiation ritual and the ancestors cult. Finally, the author concludes that despite all the economic, cultural and social changes the Nivkh culture went through in the soviet period, their decorative patterns kept their traditional narratives.

Keywords: decorative arts, the Nivkhs, the Russian Museum of Ethnography collections, the soviet period, semantic typology of motifs, historical memory.

А. И. Руденко

Советские символы в декоративно-прикладном искусстве коренных малочисленных народов Камчатки (по материалам коллекций Корякского окружного краеведческого музея и семейного музея Н.К. Хелол)

Руденко Алла Ивановна, Камчатский край, Тигильский р-н, с. Тигиль, свободный исследователь, кандидат искусствоведения; rudenall@mail.ru

В докладе представлены результаты исследования символов советского времени в произведениях декоративно-прикладного искусства коренных малочисленных народов Камчатки. Источниковую базу исследования составили фонды Корякского окружного краеведческого музея (далее КОКМ) и семейного музея Н.К. Хелол. Автор приходит к выводу о том, что мастера использовали советскую символику для украшения одежды, головных уборов, панно, сумок. Эти предметы немногочисленны, выполнены из традиционных материалов, в традиционных техниках меховой мозаики, аппликации, вышивки бисером и орнаментации. Изделия, изготовленные в соответствии с местными обычаями, включали теперь элементы новой культуры советского времени. Можно считать это проявлением новаторства в искусстве коренных народов Камчатки. Традиционные вещи, украшенные символами советской эпохи, представляют материальные и духовно-нравственные ценности не только в культурном наследии этносов, но и в российской культуре и цивилизации.

Ключевые слова: коренные малочисленные народы, Камчатка, советские символы, традиционное искусство, новаторство.

В докладе излагаются результаты исследования символов советского времени на изделиях декоративно-прикладного искусства коренных малочисленных народов Камчатки. Тема раскрывается на основании предметов из фондов Корякского окружного краеведческого музея (далее КОКМ) и семейного музея Н. К. Хелол.

Символы советской эпохи проникали в традиционную культуру и искусство коренных народов Севера как целенаправленно, так и спонтанно. Об этом свидетельствуют музейные предметы, украшенные советской символикой, из фондов Корякского окружного краеведческого музея и семейного музея Н.К. Хелол, их можно распределить по четырем категориям.

К первой категории относятся одежда (КП № 1919), представленная традиционной летней кухлянкой с кашпоном (трапециевидное платье глухого покроя, выполнено из ровдуги/замши). Она декорирована национальным орнаментом: подвесками из ровдужных нитей и бус, розетками в виде концентрических колец, вышитых бисером. Особый интерес представляет лента красного цвета с пришитыми в центре тринадцатью металлическими пуговицами. Посередине круглая пуговица с изображением советского символа в виде пятиконечной звезды с серпом и молотом. Другие пуговицы не имеют изображений. Пуговица с изображением советского символа выполнена из латуни, диаметром около 13–14 мм, по отраслевому стандарту (ОСТ) № 1438 от 1930 г. в классификации металлических пуговиц для обмундирования Рабоче-крестьянской Красной армии (РККА) относится к малому типу (тип М)¹. Двенадцать других, нашитых на ленту пуговиц, имеют гладкий аверс; они выпускались для школьной формы².

Ко второй категории относятся головные уборы. Малахай (КП № 1902) выполнен в технике мозаики из чередующихся коричневых и белых полос оленьего меха. Головной убор спереди оторочен рыжим мехом собаки. Две металлические пуговицы диаметром около 22 мм пришиты сверху, к уголкам малахая. Пуговицы форменные, с изображением серпа и молота в пятиконечной звезде. По ОСТ № 1438 от 1930 г. в классификации металлических пуговиц для обмундирования РККА относятся к большому типу (тип В)³.

Мужской капор (КП № 1906) примечателен тем, что шит не из меха, как принято в традиционном стиле, а из замши. Вверху, в центре предмета, пришиты одна под другой две металлические пуговицы для школьной формы, обе гладкие, без изображений, диаметром 13 мм. Покрой убора выполнен в виде трапеции, что сохраняет традиционную форму малахая из меха, но спереди, вместо обрамления шапки меховой опушкой, вставлен козырек полуовальной формы, как у будёновки (суконного шлема). Мастер сконструировал традиционный корякский головной убор и искусно ввел в него новый элемент – козырек (ширина 5 мм) – возможно, как символ новой культуры, рожденной Гражданской

войной 1917–1922 гг. Буденовка с существенными изменениями прослужила воинам РККА с 1918 по 1940 г., до введения нового обмундирования. Возможно, мастер втачал козырек в корякский головной убор для защиты глаз от яркого солнечного света. В результате благодаря новому конструктивному элементу дизайна был обновлен силуэт традиционной вещи для производственной деятельности.

К третьей категории относятся сумки из оленьего меха. Покрой эвенской сумки для рукоделия (КП № 1921) является традиционным: трапециевидная форма, расширяющаяся кверху, с откидной крышкой. Передняя сторона изделия орнаментирована белыми ромбами, задняя имеет в центре украшение в виде замшевого пятиугольника, в который помещена пятиконечная звезда из белого оленьего меха. Этот дизайнерский элемент оживил убранство сумки. Узор лаконичен, выглядит нарядно. В целом, звезда в пятиугольнике гармонирует не только с формой сумки, но и с основной цветовой гаммой.

В семейном музее Н.К. Хелол хранится спортивная сумка с олимпийским мишкой, названным «Твердостоящий». Сумка выполнена мастерицей Н.К. Хелол по заказу Оргкомитета «Олимпиады-80», изготовлена традиционно из меха, в технике мозаики. Художественный образ олимпийского мишки соответствует установленным стандартам. Мастерица окончила курсы в Москве, чтобы участвовать в конкурсе по отбору предметов с олимпийской символикой. В 1979 г. Н.К. Хелол получила диплом на право производства изделий (товаров) с олимпийской символикой или соответствовавших их тематике. Изделие создано для массового производства, заказано было 500 экземпляров. Монохромное изображение мишки выполнено в традиционной для коренных народов Камчатки технике мозаики. Образ олимпийского мишки на спортивной сумке выглядит официально, парадно. Этот экспонат представлял Камчатский край на выставке в г. Сочи во время проведения «Олимпиады-2014».

Экспонат «сумка из меха нерпы и оленя», изготовленная мастерицей А.К. Ягановой в 1979 г., передана в дар семейному музею Н.К. Хелол в 2016 г. Эта дамская сумка в форме полуовала украшена изображениями: на лицевой стороне – олимпийского мишки, а на оборотной – Чебурашки. Оба изображения являются знаковыми для советского времени. Образы олимпийского мишки и Чебурашки исполнены из оленьего меха в монохромной манере, что создает цветовую гармонию в этом произведении корякской мастерицы.

К четвертой категории относятся панно из оленьего меха, созданные в технике меховой мозаики. По форме коврики представляют полуoval.

Панно «Олимпийский мишка Эветвиля» исполнен Н. К. Хелол по заказу Оргкомитета «Олимпиада-80». Автор самостоятельно дала ему коряжское имя Эветвиля («Твердостоящий»). Мишка расположен в центре композиции на меховом прострaнстве настенного коврика, по краям которого проходит орнамент в виде чередующихся меховых полосок коричневого и белого цветов. Возникает впечатление, что мишка находится в триумфальной арке. Панно также экспонировалось на выставке в г. Сочи на «Олимпиаде-2014». В дипломе говорится об изготовлении таких сувенирных изделий в количестве 400 экземпляров.

В музее Н. К. Хелол хранится еще один экспонат, символизирующий советское время – это «Катюша», фестивальнyй сувенир-талисман, посвященный XII Всемирному фестивалю молодежи и студентов, проходившему в Москве в 1985 г. Талисман представляет собой девочку в сарафане и кокошнике-ромашке. «Катюшу» изготовили в традиционной технике меховой мозаики. В изделии использован олений мех разных цветов: от белого и серебристого до темно-коричневого. По словам Т. М. Хелол, дочери мастера, стало известно, что Н. К. Хелол, работая в Окружном доме пионеров, вместе со своими воспитанниками создали много талисманов-сувениров «Катюша», каждый из которых имел индивидуальные особенности.

В результате исследования можно сделать вывод: мастера активно использовали советские символы для украшения одежды, головных уборов, панно, сумок. Эти предметы немногочисленны, выполнены из традиционных материалов, в традиционных техниках меховой мозаики, аппликации, вышивки бисером и орнаментации. Изделия, изготовленные в соответствии с местными обычаями, включали теперь элементы новой культуры советского времени. Можно считать это проявлением новаторства в искусстве коренных народов Камчатки. Краеведческие музеи сохраняют экспонаты, украшенные символами советской эпохи, что представляет материальные и духовно-нравственные ценности не только в культурном наследии этносов, но и в российской культуре и цивилизации.

¹ Довоенные пуговицы РККА (разновидности): Таблица. Общесоюзный стандарт 1438. URL: <https://forum.wv2.ru/index.php?showtopic=1320214&page=5&ysclid=15nsrshid3915657497> (дата обращения: 16.07.2022).

² Там же.

³ Там же.

A. I. Rudenko

Soviet Symbols in Traditional Crafts of Kamchatka
Aboriginal Minorities (a Case Study of the Koryak
Regional Museum of Local Lore and the Family
Museum of N. Khelol)

Rudenko Alla Ivanovna, The Kamchatka Kray, the District of Tigil, the village of Tigil, free researcher, Ph. D. (Art historian); rude-nall@mail.ru

The paper presents the results of research of soviet-time symbols found in traditional crafts pieces made by representatives of Kamchatka aboriginal minorities. The holdings of The Koryak Regional Museum of Local Lore (hereinafter, KOKM) and The Family Museum of N. Khelol served as the source base. The author concludes that craftsmen used soviet symbols to decorate clothes, headwear, wall panels, bags. Those items are few, made of traditional materials using traditional fur mosaic, applique patterns, beading and decorative pattern techniques. Made in accordance with local customs, those items then included symbols of the new soviet culture. That can be considered innovation in traditional arts of Kamchatka aboriginals. Traditional items decorated with the soviet symbols represent material and moral values of both those ethnicities' spiritual heritage and the Russian culture and civilization.

Keywords: indigenous minorities, Kamchatka, soviet symbols, traditional art, innovation.

КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ СОВЕТСКОЙ ЭПОХИ
В РОССИЙСКИХ МУЗЕЯХ: ПРОБЛЕМЫ
ФОРМИРОВАНИЯ, ИЗУЧЕНИЯ, РЕПРЕЗЕНТАЦИИ

УДК 069.5

Н. А. Тучкова, Г. Б. Чечевин

Спасение богов или разорение культовых мест?
(Из истории формирования культовой
коллекции Музея Природы и Человека
г. Ханты-Мансийска в XX веке)

Тучкова Наталья Анатольевна, Музей Природы и Человека (Ханты-Мансийск), отдел истории и этнографии, старший научный сотрудник, доктор исторических наук; natatutschkova@yandex.ru

Чечевин Глеб Борисович, Музей Природы и Человека (Ханты-Мансийск), директор; gchechevin@umuseum.ru

В ранний период создания советского государства многие музеи страны сформировали свои «культовые коллекции» из атрибутов различных культов. В Ханты-Мансийском окружном краеведческом музее коллекция предметов, связанных с функционированием политеистической религии народов ханты и манси, была основана в 1930-х гг., в период активной борьбы с религией. Предметы изымались у служителей культа или из культовых мест. Однако, исследование показало, что сам факт концентрации этих предметов в стенах музея привел к ситуации спасения этих культовых изображений физического уничтожения.

Ключевые слова: музейные культовые коллекции, комплектование фонда этнографии, религия обско-угорских народов, шаманизм, культовые места, антропоморфные изображения духов.

Советский период – особый период в исторической судьбе нашей страны. Однако своеобразным хронологическим рубежом выделяются 1920–1930-е гг. как время яростной борьбы с религиоз-

ной идеологией и практикой. Одним из ключевых моментов тех лет были антирелигиозная пропаганда, борьба с религиозными учреждениями и их деятелями. Стоит отметить, что именно в эти годы многие музеи страны формируют свои «культовые коллекции» из предметов, использовавшихся во время служб различных религий – христианства, ислама, иудаизма, а также предметов отправления языческих культов. В экспозициях сибирских музеев эта тема представлена «шаманскими коллекциями», характеризующими шаманизм как специфическую религию многих коренных народов Западной, Восточной и Южной Сибири. В настоящее время данные коллекции в музеях России признаны раритетными и включают в себя наиболее ценные и редкие экспонаты. Так обстоит дело и с предметами шаманизма в Музее Природы и Человека Ханты-Мансийского автономного округа г. Югра¹.

В настоящий момент коллекция атрибутов религиозного культа народов ханты и манси насчитывает более 500 ед. хранения и является частью этнографического собрания в составе общего фонда музея. Часть этой коллекции (около 300 ед.) представлена собранием новосибирского исследователя А. В. Бауло; и период ее комплектования приходится на XXI в.: 2004–2022 гг. Однако, значительная доля культовых предметов поступила в музей в самом начале его существования, в 1930-е гг., и это были предметы, переданные в музей прежде всего от Остяко-Вогульского окружного отдела НКВД. Также сдатчиками в некоторых случаях выступают Берёзовский райисполком, Казымский национальный совет, Сосьвинская и Казымская культбазы.

Основные даты первых поступлений культовых предметов – 1934, 1936, 1937 и 1939 гг. В состав коллекций входили: антропоморфные фигурки идолов, изображающие богов/духов-покровителей, жертвенные священные покрывала, богатырские шапки-шлемы, шаманские бубны и колотушки, музыкальные инструменты (угловая арфа и цитра), детали облачения шаманов – халаты, шапки. Кроме того, значительную часть культовой коллекции составляют приклады для духов-покровителей, среди которых находилась, в основном, жертвованная одежда духам, в том числе большое количество платков и шалей, а также стрелы и металлические зооморфные изображения духов – помощников шаманов.

Информация о владельцах предметов либо отсутствует, либо весьма скудная, тем не менее удалось установить, что часть вещей, переданных в музей в 1930-е гг., принадлежала двум служителям культа – шаману М. А. Мумракову (или Мамрукову²) и шаману П. Г. Тоголмазову, после смерти которого некоторые его вещи попали в музей через Казымский национальный совет.

Благодаря наличию сведений о владельцах предметов (но далеко не для всех) удастся предварительно установить этническую принадлежность некоторых из них и считать их не просто относящимися к культуре обских угров, но и соотнести с локальной культурой казымских хантов и сосьвинских манси.

Без преувеличения стоит признать органы НКВД, а также Берёзовский райисполком, Казымский национальный совет основными фондообразователями культовой коллекции Окружного Остяко-Вогульского музея на начальном этапе его становления.

Также любопытно отметить, что в ряде документов, сопровождающих предметы, указана цена, за которую они были приобретены для музея у госорганов. В основном фигурируют следующие суммы: 0,2 руб., 0,3 руб., 0,05 руб., бубен с колотушкой приобретен за 2 руб., одно из антропоморфных изображений за 7,5 руб. Сейчас трудно сказать, реально уплаченными или фиктивными были эти деньги, и кому именно они поступили.

Судя по тому, что абсолютно отсутствует этнографическая информация о предметах (сведения о культовых местах, на которых они находились, имена духов-покровителей, их характеристики и функции), ясно одно: предметы именно изымались у их владельцев на культовых местах в рамках борьбы с религией. В музей эти предметы передавались целенаправленно (поступление в количестве около 100 единиц сложно отнести к «случайным»). Цель передачи культовых предметов в музей была очевидной: организация антирелигиозной пропаганды. Предполагалось с их помощью демонстрировать «трудящимся массам» безрезультатность и даже вредность для мировоззрения советского человека идолопоклонничества и показать всю «примитивность религиозных верований первобытных народов». При этом, глубокую религиозно-мифологическую составляющую этих простых предметов, их собиратели и «сдатчики» от государственных органов не знали и не предполагали отражать.

Еще одним важным периодом, связанным с формированием культовой коллекции Музея Природы и Человека, следует признать поступление в 1960-х гг. культового комплекса предметов, связанных с Казымской богиней *Вут ими*, или *Касум най*³. В 1961 г. около пос. Юильск «по решению собрания колхозников» был razорен священный лабаз, посвященный этой богине, которую ханты р. Казым называли «Серебряной женщиной», так как ее лицо закрывало множество серебряных пластин. При ней было несколько мешков с монетами; приклады с платками и кусками тканей; шкурки соболей; металлические бубенчики и те самые 11 металлических пла-

стин – очелий (7 серебряных и 4 – из луженой меди), размещенных в верхней части изображения⁴.

Важно подчеркнуть, что точная дата поступления антропоморфного изображения *Вут ими* в музей неизвестна, предположительно в 1963 г. Фондообразователь также неизвестен. В музее оно было обнаружено и идентифицировано как *Казымская богиня* только в конце 1990-х гг. В 2000-х гг. были проведены комплексные исследования этого идола и прикладов к нему, реставрационные работы и работы по копированию его изображения для экспонирования.

Официально этот экспонат – изображение богини *Вут ими* – приняли в фонды только 23 апреля 2007 г. Весь комплекс⁵ в учетно-хранительской документации выступает как один предмет с тридцатью пятью дробями. На настоящий момент богиня *Вут ими* является одним из самых раритетных экспонатов Музея Природы и Человека.

Помимо изображения *Вут ими* в музее имеется еще несколько культовых предметов, например, два шаманских бубна – бубен из пос. Тутлейм⁶, найденный на чердаке дома и переданный в музей Берёзовским райотделом милиции, и бубен шамана В.А. Адина из ю. Шомы Берёзовского р-на. Оба они поступили в Ханты-Мансийский окружной краеведческий музей в 1973 г.

Все эти собрания предметов выглядят как случайные, они не имеют сопутствующей атрибутивной и мировоззренческой информации, что красноречиво свидетельствует об отсутствии у собирателей отношения к ним как к важным и ценным историческим реликвиям или редким культурным ценностям. Такое понимание и отношение пришло к этим предметам позже – в конце 1980-х – начале 2000-х гг. Однако сам факт концентрации этих предметов в стенах музея привел к ситуации спасения изображений хантыйских и мансийских богов и духов от физического уничтожения.

¹ История Ханты-Мансийского окружного краеведческого музея (с 7 мая 1998 г. – музейный комплекс «Государственный окружной музей Природы и Человека») началась 9 июля 1932 г., когда во вновь созданном Остяко-Вогульском округе в рамках «развернутого плана мероприятий по хозяйственному и культурному строительству» постановлением Правительства, Президиума Уральского исполкома было принято решение создать в рабочем поселке Остяко-Вогульск окружной краеведческий музей. Он должен был представлять собой научно-исследовательское учреждение и выполнять научно-документационную, охранную, исследовательскую и образовательную функции. В те же 1930-е гг. было положено начало формированию уникальной этнографической коллекции музея.

² Написание в документах разнится.

³ *Касум най* – дочь *Уен-Торума* (Большого Торума), покровительница всех людей, живущих на землях в бассейне р. Казым. Изначально ее святилище было на оз. Нум-то, затем его перенесли на р. Кельс-Юган около Юильска.

⁴ Подробнее обо всём комплексе, связанном с Казымской богиней и ее исследованием учеными разных специальностей см.: Лазарева С. В. Казымская богиня в этнографическом собрании Государственного музея Природы и Человека//*Легенды Казыма. Культурная атрибутика казымских хантов в фондах Государственного музея Природы и Человека: Каталог. Ханты-Мансийск, 2005, С. 5–12; Бауло А. В., Фёдорова Н. В. Казымская богиня//Там же. С. 19–32.*

⁵ Говоря о «комплексе» *Вут ими*, следует подчеркнуть, что ее изображение состоит из остова, платков, шкурок зверей, металлических пластин и бубенцов, собранных в единое целое; но никаких сопутствующих этому изображению предметов не было.

⁶ Пос. Тутлейм располагался на левом берегу р. Вогулка, в 22 км западнее г. Берёзово.

UDC 069.5

N. A. Tuchkova, G. B. Chechevin

Saving Gods or Destroying Places of Worship?
(Religion-Related Collection Making
in the Museum of Nature and Man
(Khanty-Mansiysk) in the XX Century)

Tuchkova Natalia Anatolyevna, The Museum of Nature and Man (Khanty-Mansiysk), the Department of History and Ethnography, senior researcher, D. Sc. (History); natatutschkova@yandex.ru

Chechevin Gleb Borisovich, The Museum of Nature and Man, (Khanty-Mansiysk), director; gchechevin@umuseum.ru

In the early soviet period, many museums made up their “cult-related” collections out of various cult items. The collection of attributes related to the traditional religion of Khanty and Mansi peoples in The Khanty-Mansiysk Local History Museum was established in the 1930s, just when the battle against religion was raging around the country. The items for it were seized from traditional priests or places of worship. The paper, however, demonstrated that concentrating those cult-related items in the museum saved them from physical destruction.

Keywords: museum collections of cult items, ethnography collection acquisition, religion of Ob-Ugric peoples, shamanism, places of worship, anthropomorphic spirit images.

*А. С. Вдовин, Л. Ю. Китова,
Е. И. Майзик, В. А. Конохов*

Советские распродажи культурных ценностей:
Хакасская этнографическая экспедиция
1930 года для «Новоэкспорта»

Вдовин Александр Сергеевич, Красноярский краевой краеведческий музей (Красноярск), научный сотрудник, кандидат исторических наук; vdovin2002@bk.ru

Китова Людмила Юрьевна, Кемеровский государственный университет (Кемерово), кафедра археологии, профессор, доцент, доктор исторических наук; lyudmila.kitova@mail.ru

Майзик Елена Игоревна, Красноярский краевой краеведческий музей (Красноярск), отдел истории, заведующая сектором; lena.k.elena@mail.ru

Конохов Владимир Андреевич, ООО «Красноярская геоархеология».

В докладе представлены результаты деятельности Хакасской этнографической экспедиции в 1930 г., занимавшейся сбором и приобретением этнографических памятников для продажи за границу. Экспедицией руководил заведующий Минусинским музеем А.В. Харчевников, задачей которого являлся сбор коллекций по материальной культуре, шаманизму, искусству хакасов, а также сбор материалов по социалистическому строительству в Хакасской обл. В результате был приобретен 461 предмет, сделано 300 фотоснимков; 11 предметов были переданы в Минусинский краеведческий музей, остальные отправлены в Москву, в контору «Новоэкспорт», созданную для выявления новых видов товаров, организации заготовок и их поставок за рубеж, после чего дальнейшая судьба этой части коллекции неизвестна.

Ключевые слова: Хакасия, этнография хакасов, этнографическая экспедиция, Минусинский краеведческий музей им. Н.М. Мартыанова, продажа культурных ценностей, «Новоэкспорт», Е.Н. Орлова, А.В. Харчевников.

Распродажи культурных ценностей затронули не только крупнейшие музеи СССР, провинциальные музеи тоже были включены в сбор коллекций на экспорт. В 1929 г. для выявления новых

видов товаров, организации заготовок и их поставок за рубеж в Москве была создана контора «Новоэкспорт», деятельность которой связана со многими музеями Сибири, что нашло отражение в работах авторов статьи¹.

В экспортных научных коллекциях большое значение придавалось этнографическим материалам. На заседании экспортной комиссии Общества изучения Сибири (далее ОИС) 8 мая 1930 г. в сообщении этнографа Новосибирского музея Е. Н. Орловой «Этнографические коллекции как новый вид экспорта для Сибиряка» внимание акцентировалось на том, что эффективность в сборе экспортных этнографических коллекций может повысить только специально созданная сеть экспедиций, проводимых исключительно специалистами-этнографами. Этнографические коллекции должны быть представлены разными предметами каждой народности, характеризующими жилище, пищу, одежду, домашнюю утварь и мебель, основные занятия и промыслы, способы передвижения, воспитание ребенка, верования, искусство и грамотность, общественный строй².

В результате переговоров ОИС и Госторга 29 мая 1930 г. было подписано соглашение о целесообразности проведения пяти этнографических экспедиций – к эвенкам, алтайцам, кетам, селькупам, хакасам и в Горную Шорию³.

Пятой этнографической экспедицией – Хакасской – руководили директор Минусинского музея А. В. Харчевников и научный сотрудник, заведующий этого музея Ф. В. Мухометьяров. В ходе экспедиции был приобретен 461 экспонат (планировалось 220), сделано 300 фотоснимков (планировалось 200). Из купленных вещей особо выделялись хакасские костюмы. А. В. Харчевников благодаря сотрудничеству с руководителями национальных колхозов смог купить их очень дешево⁴.

ОИС выдало А. В. Харчевникову удостоверение руководителя Хакасской экспедиции по сбору для экспорта этнографических экспонатов с указанием учреждений и должностным лицам оказывать возможную помощь экспедиции⁵.

Экспедиция работала по следующим маршрутам:

1) Минусинск – у. Нарилков – Сартыков – Шалгынов – Чаптыков – Барахтаев – Аскыз – Сескин – Казыгласов – Маныгасов – Усть-Чуль – Таштып – Абаза – Таштып – Ойданов – Аршанов – Аскыз – Усть-Камышта – Картин – Усть-Абакан – Минусинск;

2) Минусинск – ст. Уйбат – у. Чарков – Синявин – Колпаков – Аев – Чарков – ст. Уйбат – Минусинск;

3) Минусинск – Усть-Абакан – Картин – Шоев – Тугужеков – Усть-Абакан – Минусинск⁶.

Экспедицией было пройдено около 800 километров. В пути находились в общей сложности 41 день. Маршруты строились по системе колец и восьмерок, таким образом была исключена необходимость повторного проезда по одним и тем же местам⁷.

Задачи экспедиции состояли в сборе этнографических коллекций, относящихся к материальной культуре, искусству хакасов, а также в сборе материалов по социалистическому строительству в Хакасской обл. Большое внимание уделялось шаманизму. Экспедиционные маршруты проходили по степным районам и более отдаленным таежным, где архаические элементы культуры сохранили большую стойкость и чистоту⁸.

Средства, выделенные на проведение экспедиции, составили 4 тысячи рублей. В результате было собрано четыре коллекции (461 предмет), характеризующие одежду, жилище, домашнюю утварь, пищу, занятия и ремесла, воспитание детей, искусство, верования и др. аспекты жизни хакасов. Исследователи использовали разные методы сбора коллекций. Во время экспедиции А. В. Харчевниковым были проведены даже антирелигиозные беседы в колхозах, особенно о шаманизме, в связи с этим многие колхозники и рабочие оказали большое содействие исследователям в сборе предметов шаманского культа. Также было сделано более 100 фотоснимков, отражающих быт и занятия населения, работу колхозов и новое строительство в Хакасии⁹.

Несмотря на все трудности, экспедиция закончилась успешно. В октябре 1930 г. ОИС отправило в Минусинский музей тетради для подготовки отчета о проведенной работе и израсходованных средствах. А. В. Харчевников, в свою очередь, вел обработку собранных коллекций, которые готовились к незамедлительной отправке в Москву¹⁰. Каждый экспортируемый предмет должен был иметь авторизованный паспорт и фотографию¹¹.

О большом значении данной экспедиции можно судить по поручению Сибторга всем агентствам, беспрекословно оказывать содействие ее участникам. Отмечалось, что «грузы, подлежащие отправке данной экспедиции, подлежат безоговорочному приему для немедленного переотправления на склад нашей окружной конторы... неисполнение будет рассматриваться как срыв экспортной работы»¹².

Намеченные планы были выполнены; участники собрали 4 коллекции предметов: I – 149 номеров; II – 119 номеров; III – 108 номеров; IV – 85 номеров. Итого 461 экспонат.

10–19 декабря 1930 г. Е. Н. Орлова приехала в Минусинск для осмотра коллекций. В отчете о командировке она отмечает, что первая коллекция характеризует все стороны быта, отсутствует

только жилище. Среди экспонатов особенного внимания заслуживают шаманские костюмы. «Сборы нужно признать удачными»¹³.

Все собранные материалы были отправлены в Москву в «Новоэкспорт». Только 11 предметов, в результате переговоров с ОИС оставлены в Минусинском музее¹⁴.

В обход Государственной Академии истории материальной культуры экспертиза материалов, собранных во время проведения археолого-этнографических экспедиций, была поручена Этнографическому музею АН¹⁵.

О судьбе переданных коллекций известно немного. В производственных мастерских МГУ происходил окончательный отбор археологических и этнографических ценностей для продажи. Некоторая их часть была вывезена за границу, в Турцию. Остальные коллекции остались невостребованными за рубежом и поступили в Центральный музей народоведения, Музей антропологии и этнографии¹⁶, пополнив их коллекции по сибирской этнографии.

¹ Вдовин А. С., Гуляева Н. П. Деятельность «Новоэкспорта» в Сибири//Материалы научно-практической конференции: Проблемы борьбы с проведением незаконных раскопок и незаконным оборотом предметов археологии, минералогии и палеонтологии. Красноярск, 2001. С. 26–28; Китова Л. Ю. ГАИМК и экспорт археологических коллекций//История науки и образования в Сибири: Сборник материалов Всероссийской научной конференции. Красноярск, 2006. С. 316–322; Вдовин А. С., Китова Л. Ю. О продаже за границу сибирских археологических и этнографических коллекций в 20–30-е гг. XX в.//Вестник Красноярского государственного педагогического университета им. В. П. Астафьева. 2010. № 2. С. 171–182; Китова Л. Ю., Вдовин А. С. Отношение отечественных археологов к деятельности конторы «Новоэкспорт»//VIII Исторические чтения памяти Михаила Петровича Грязнова: Сб. научн. тр. Омск: Амфора, 2012. С. 100–106; Китова Л. Ю., Вдовин А. С. Судьбы историко-культурного наследия народов Сибири: из истории организации экспорта археологических и этнографических коллекций в 1920–1930 годы. КеМГУ, 2015; Вдовин А. С., Китова Л. Ю., Кочкина Е. И., Конохов В. А. Минусинско-Хакасская археологическая экспедиция 1930 г. для «Новоэкспорта»//Вестник Кемеровского государственного университета. 2017. № 4 (72). С. 30–35; Китова Л. Ю., Вдовин А. С. Судьба историко-культурного наследия народов Сибири: из истории организации экспорта археологических и этнографических коллекций в 1920–1930 годы. Сер.: История (2-е изд., перераб. и доп.). Кемерово, 2018.

² РА ИИМК. Ф. 2. Оп. 1. 1930. Д. 110. Л. 35.

³ ГАНО. Ф. Р-217. Оп. 1. Ед. хр. 202. Л. 1–11.

⁴ Там же. Ед. хр. 206. Л. 90об.

⁵ АМКМ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 252. Л. 3.

⁶ АМКМ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 248. Л. 4об.

⁷ ГАНО. Там же. Ед. хр. 201. Л. 36.

⁸ Там же.

⁹ АМКМ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 248. Л. 5.

¹⁰ Там же. Д. 252. Л. 5.

¹¹ Китова Л. Ю., Вдовин А. С. Судьба историко-культурного наследия народов Сибири. С. 19.

¹² АМКМ. Ф.1. Оп.1. Д. 252. Л. 4.

¹³ ГАНО. Ф. Р-217. Оп. 1. Ед. хр. 201. Л. 10–10об.

¹⁴ АМКМ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 248. Л. 4об.

¹⁵ Китова Л. Ю. ГАИМК и экспорт археологических коллекций. С. 321.

¹⁶ Китова Л. Ю., Вдовин А. С. Судьба историко-культурного наследия народов Сибири. С. 18, 25.

UDC 902

*A. S. Vdovin, L. Y. Kitova,
E. I. Mayzik, V. A. Konokhov*

Soviet Culture Values Sales: “The Novoexport” Khakassian Ethnography Expedition (1930)

Vdovin Alexander Sergeevich, The Krasnoyarsk Regional Museum of Local Lore (Krasnoyarsk), researcher, Ph.D. (History); vdovin2002@bk.ru

Kitova Lyudmila Yurievna, The Kemerovo State University (Kemerovo), the Department of Archaeology, professor, docent, D. Sc. (History); lyudmila.kitova@mail.ru

Mayzik Elena Igorevna, The Krasnoyarsk Regional Museum of Local Lore (Krasnoyarsk), the History Department, head of the sector; lena.k.elena@mail.ru

Konokhov Vladimir Andreevich, Ltd «Krasnoyarsk Geoarchaeology».

The paper presents the results of the Khakassian ethnography expedition (1930) that focused on collection and purchase of ethnic artefacts in order to subsequently sell them abroad. A. Kharchevnikov, The Minusinsk Museum manager, was in charge of the expedition; its objectives were to form collections pertaining to material culture, shamanism, Khakassian art and socialism building in the Khakas region. In total, they acquired 461 items and made 300 photographs. 11 items were handed over to The Minusinsk Martyanov Museum and the rest went to Moscow to be handled by Novoexport, an institution set up to look for new types of goods, organize their procurement and export supplies. After that, their trace was lost.

Keywords: Khakassia, the khakas ethnography, ethnography expedition, The Minusinsk Martyanov Museum, sale of cultural values, “The Novoexport”, E. Orlova, A. Kharchevnikov.

Е. А. Худин

История создания Архитектурно-этнографического музея в Коми АССР

Худин Евгений Анатольевич, Национальный музей Республики Коми (Сыктывкар), отдел этнографии, научный сотрудник; ху-din@yandex.ru

В докладе рассматривается история изучения жилища коми-зырян и история создания проекта в 1970–1980-х гг. архитектурно-этнографического музея под открытым небом в Коми АССР. Представлены авторский коллектив музейного проекта, этапы работы, полученные результаты, текущий статус проекта.

Ключевые слова: этнография, история музейного дела в СССР, музей под открытым небом, деревянное зодчество, Коми АССР, народная архитектура, жилище, коми-зыряне.

Музеи деревянного зодчества под открытым небом – это культурные жемчужины регионов, где их удалось создать, тем самым сохранив уникальные образцы старинных построек. «Кижичи» в Карелии, «Малые Корель» под Архангельском, «Семёновское» в Вологодской обл., «Витославицы» под Великим Новгородом, «Лудорвай» в Удмуртии и другие музеи являются культурным наследием нашей страны. Подобный музей мог бы украсить и Республику Коми.

В СССР идея создания музеев под открытым небом приобрела особую популярность. В Коми АССР комплексные этнографические исследования, в том числе народной архитектуры, начались в 1945 г. и осуществлялись экспедицией Института этнографии АН СССР¹. Исследование жилища коми-зырян продолжил известный этнограф Любомир Николаевич Жеребцов, защитивший в 1953 г. диссертацию на тему «Современное жилище народа коми». В 1969 г. Л. Н. Жеребцов предлагал создать в республике музей деревянного зодчества под открытым небом². Предложение ученого было услышано руководством республики. С начала 1970-х гг. специалисты из Москвы – О. Г. Севан, Г. П. Гунькин, И. Н. Шургин, Н. А. Тарасенко – проводили работы по выявлению

памятников народной архитектуры в Коми АССР, в ходе которых было выявлено большое количество памятников деревянного зодчества, требующих сохранения. По итогам работы было принято решение о создании в республике архитектурно-этнографического музея.

Разработку проекта архитектурной экспозиции музея осуществлял Всесоюзный производственный научно-реставрационный комбинат Министерства культуры СССР и объединение «Союзреставрация». Над проектом работали: А. В. Ополовников (научный консультант), И. Н. Шургин (главный архитектор), Г. Н. Безрукова, В. Н. Чеботарёв, Е. А. Шутов (авторский коллектив).

Во время подготовительных работ были проведены масштабные натурные исследования. Фотографии экспедиций в Усть-Куломский, Княжпогостский, Усть-Цилемский, Прилузский и Сысольский р-ны республики составили три тома³. Результаты натурных исследований будущей территории музея нашли отражение в отдельном томе⁴.

Для размещения экспозиции было выбрано место в 25 км к северу от Сыктывкара, на живописном берегу р. Вычегды, в окрестностях деревень Верхний и Нижний Койтыбож. Проект предусматривал создание шести архитектурно-этнографических секторов: пяти – сысольско-вычегодского, вымско-вычегодского, удорского, ижемского, лузско-летского, соответствующих этнографическим группам коми-зырян⁵, и одного русского, усть-цилемского. Ядром экспозиции решено было сделать сысольско-вычегодский сектор, включающий в себя музеефицированную деревню В. Койтыбож, а поблизости разместить в соответствующих секторах экспонаты, привезенные из других районов. Общая площадь музея составляла 140 га, площадь под экспозицией – 20 га⁶.

Деревня В. Койтыбож насчитывала в то время 23 дома, из которых для реставрации и последующей экспозиции было отобрано 7 домов, остальные планировалось убрать, а на их месте разместить постройки, привезенные из Усть-Куломского и Сыктывдинского р-нов. На планируемые к размещению дома и амбары были подготовлены реставрационные проекты. Представляют интерес сметы на выполнение различных работ, к примеру, на разборку, перевозку и реставрацию дома С. И. Дёмина из сел. Ыб Сыктывдинского р-на, находящегося в 70 км от предполагаемого музея, эти работы обходились согласно смете 1982 г. в 31 630 руб. или на амбар из сел. Заречье Коми АССР – 5 928 руб.⁷ Даже простое сравнение цен на товары и услуги в 1981 г. с современными ценами показывает насколько затратно размещение в музее даже небольшого амбара. Для сравнения: грузовой автомобиль ЗИЛ-131В стоил в то время 6 310 руб.⁸

Однако теоретическим, тщательно подготовленным начинаниям не суждено было сбыться. Реставрация часовни 1731 г. постройки, перевезенной из сел. Куниб Сысольского р-на, неудачно начатая в 1982 г. бригадой заезжих плотников, осталась незавершенной⁹. Работы по созданию музея, ограничивавшиеся лишь распоряжениями и постановлениями, незаметно сошли на нет, а начавшаяся перестройка и последовавшие за ней политические события и вовсе остановили реализацию проекта. Остатки кунибской часовни и часть перевезенных построек в 1990-е гг. были распилены местными жителями на дрова.

В настоящее время территория предполагаемого музея отдана под индивидуальное жилищное строительство и активно застраивается желающими жить за городом. Доживают свой век и старинные постройки д. В. Койтыбож. Из семи домов, предназначенных к реставрации, осталось только два. Большая часть намеченных к перевозке построек утрачена.

Проект музея образца 1979 г. не был реализован, но не канул в лету. История создания музея продолжается. Материалы, собранные исследователями (фотографии природных исследований, проекты реставрации домов и амбаров, часовен, малых архитектурных форм, эскизный проект), востребованы и сегодня. Энтузиасты, ценители деревянного зодчества не оставляют попыток воплотить идею создания музея в жизнь, поэтому есть надежда, что Архитектурно-этнографический музей в республике в конце концов появится.

¹ Архив Коми НЦ УрО РАН. Ф. 1. Оп. 13. Д. 5.

² Архив Коми НЦ УрО РАН. Ф. 1. Оп. 13. Д. 187.

³ Архив Министерства культуры, туризма и архивного дела Республики Коми. Инв. № 119/139, 119/140, 119/135.

⁴ Национальный архив Республики Коми. Ф. Р-2412. Оп. 3. Д. 4.

⁵ Жеребцов Л. Н. Этнографическое районирование // Коми-зыряне: Историко-этнографический справочник / Сост. Н. Д. Конаков. Сыктывкар: Коми книжное издательство, 1993.

⁶ Архив Министерства культуры, туризма и архивного дела Республики Коми. Инв. № 119.

⁷ Национальный архив Республики Коми. 1982. Ф. Р-2412. Оп. 3. Д. 12; Архив Министерства культуры, туризма и архивного дела Республики Коми. Инв. № 333.

⁸ Прейскурант № 21–01. Оптовые цены на автомобили, автобусы, троллейбусы, прицепы. Книга 2. М.: Прейскурантиздат, 1981. С. 8.

⁹ Шургин И. Н. От лесной избушки до церкви дивной: Деревянная архитектура Коми. М.: Совпадение, 2009. С. 101.

E. A. Khudin

The History of the Komi ASSR Museum
of Architecture and Ethnography

Khudin Evgeny Anatolyevich, The National Museum of the Komi Republic (Syktyvkar), the Department of Ethnography, research fellow; xy-din@yandex.ru

The paper deals with the history of the Komi-Zyryan dwelling and the origin of the open-air Komi ASSR Museum of Architecture and Ethnography designed in the 1970–1980s. The author presents the museum design team, design stages, the results and the current status of the project.

Keywords: ethnography, the USSR museum history, open-air museum, the Komi ASSR, wooden architecture, folk architecture, traditional dwelling, the Komi-Zyryans.

В. Э. Первак

Фонд Российского этнографического
музея «История музея»: особенности
комплектования и использования
в советский и постсоветский периоды

Первак Виктория Эдуардовна, Российский этнографический музей (С.-Петербург), отдел консервации, главный специалист по обеспечению сохранности музейных предметов, заслуженный работник культуры РФ; victoriapervak@mail.ru

В докладе представлены этапы и особенности комплектования фонда фотографий, негативов, иллюстраций и предметов, связанных с историей музея в советский и постсоветский периоды. Рассмотрены проблемы его формирования в советский период и на современном этапе. Дана краткая характеристика состава коллекций, указаны возможности использования.

Ключевые слова: Российский этнографический музей, история музея, фотография, коллекция, комплектование.

Изучая значение институции музеев в советском обществе, исследователи чаще обращаются к теме парадигмальных изменений, касающихся роли музеев в «социалистическом строительстве» и много реже рассматривают вопросы практических решений в сфере комплектования и сохранения музейных собраний. Между тем, очевидно, что и сейчас в повседневной музейной практике музеи используют результаты постановлений наших предшественников советского времени. Один из примеров – организация в Государственном музее этнографии народов СССР (ныне Российский этнографический музей) фонда «История музея» (далее «ИМ»). Этот частный случай несет в себе черты многих аналогичных, когда формирование коллекции или фонда осуществлялось путем объединения ранее собранных, долгое время хранившихся в составе других музейных коллекций материалов¹.

В настоящее время фонд «ИМ» состоит из фотографий, негативов, рисунков и предметов, всего более 2700 единиц хранения, из которых около 90% – фотоматериалы.

Фотографическая часть фонда была сформирована из фотографий и негативов, которые аккумулировались в научных отделах, фотолаборатории, архиве с первых лет работы учреждения. Фотографии создавались в процессе ежедневной музейной работы и отображали производственные процессы: строительство выставок и экспозиций, научные совещания, массовые мероприятия и др. события. К сожалению, в большинстве случаев, информации об авторах фотографий в регистрационных документах нет². С большой долей вероятности можно предположить, что чаще всего это были штатные фотографы музея: В.К. Костко, А.Н. Павлович, В.М. Машечкин, А.А. Гречкин, Т.И. Войтицкая, О.В. Богданов, В.Д. Якушев, В.П. Пещанская, М.П. Семаго, А.Л. Берман и др. Однако, в фонде «ИМ» имеются и фотографии, сделанные научными сотрудниками.

К концу 70-х гг. прошлого века в фототеке и отделах музея находилось более 2000 фотографий по истории учреждения. На заседаниях фондовой комиссии Государственного музея этнографии народов СССР в период 1977–1978 гг. активно обсуждался вопрос о систематизации предметных и фотоколлекций, в том числе фотографий и негативов по истории музея. В прениях приняли участие ведущие специалисты музея, в том числе хранитель фототеки В.К. Таут, главный хранитель музея Е.С. Волухова, заведующие отделами Е.В. Костянец, Т.А. Крюкова, Е.Н. Студенецкая, Д.А. Горб, Б.З. Гамбург и др. На заседании 14 октября 1977 г. обсуждались вопросы выделения научно-вспомогательного фонда в фототеке музея, а также необходимость сохранения фотоматериалов по истории музея. Было принято решение провести ревизию фотоколлекций фототеки и фотоматериалов, хранящихся в отделах, после чего представить докладные записки с предложениями по систематизации фотографических материалов³. В следующем году в отношении фотографий по истории музея фондовой комиссией было принято решение: «Материалы по истории музея... регистрировать в инвентарных книгах фототеки без занесения в КП (главную инвентарную книгу)»⁴. А в июне месяце того же года специально созданная комиссия по шифровке инвентарных книг отделов присвоила коллекции фотографий по истории музея шифр – XV ИМ⁵. На основании этих решений в последующие годы проводилась регистрация фотографий и негативов по истории музея, в процессе которой было выделено 13 тематических коллекций: «Строительство и организация музея»; «Фонды и научно-вспомогательные отделы»; «Экспозиции постоянные до войны»; «Экспозиции постоянные после войны»; «Временные выставки»; «Научно-просветительная работа, в том числе

со школой»; «Этнографический театр»; «Научные заседания, сессии»; «Сотрудники музея – персональные снимки и групповые»; «Война – разрушение и восстановление здания»; «Наводнение»; «Экспедиционно-собираТЕЛЬСКАЯ РАБОТА»; «Демонстрация одежды, выступления фольклорных ансамблей», в которые вошли 2630 фотографий и негативов.

Значительный массив фотографий по истории музея сохранился также в архивных делах, так как в советский период отчетная документация сопровождалась фотографиями в качестве иллюстративно–доказательного материала. Например, в отчете о работе музея за 1972 г. содержится 17 листов с 32 фотографиями⁶, в отчете о работе музея за 1977 г. – 24 фотографии на 7 страницах⁷.

Исчезновение документальной фотографии как стандартной формы фиксации моментов музейной жизни и одного из видов отчетности совпало с периодом изменения технологии фото процесса – сменой аналоговой фотосъемки на цифровую. С начала 1990-х гг. отчеты музея не иллюстрируются фотоизображениями, а «рабочие моменты» жизни музея фиксируются сотрудниками на цифровые фотокамеры для личного использования. Не последнюю роль сыграло и то, что в 2001 г. была расформирована фотолаборатория, и в штате музея не осталось профессиональных фотографов. Только с 2011 г. начинает работать фотолаборатория в ее современном формате.

Изменения непосредственным образом сказались на комплектовании фонда «ИМ». Основной массив фотографий и негативов был зарегистрирован в журналах фотоколлекций фонда в период 1980–1990-х гг. После 1990 г. значительных поступлений не было. В 2002 г. зарегистрированы фотографии, сделанные в ходе мероприятий, посвященных 100-летию музея, позднее происходили малочисленные поступления из архива и от частных лиц, одно из которых датируется 2017 г., и включает несколько фотографий из семейного архива Т. А. Крюковой⁸.

В советский период фотографии и негативы фонда «ИМ» активно использовались для публикаций и редко были востребованы в выставочных проектах.

Учитывая важность сохранения всех артефактов (не только фотографий и негативов), связанных с созданием и работой музея, в 2016 г. было принято решение расширить состав коллекций фонда, добавив в него иллюстративные материалы (рисунки, графику, живопись); вещевую коллекцию (оборудование, технические средства) и коллекцию предметов интерьера (мебель и т.п.). На заседании экспертно-фондовой закупочной комиссии

Российского этнографического музея было утверждено Положение о фонде «История музея», в состав которого теперь вошли 16 коллекций (13 – фото, 1 – иллюстративная, 1 – вещевая и 1 – предметы интерьера). Положение определяет порядок включения (регистрации) предметов, иллюстраций и фотографий в состав фонда, правила хранения и использования его материалов⁹. Затем было проведено обследование помещений музея с целью выявления предметов, которые после экспертизы и атрибуции были включены в состав фонда «ИМ».

К настоящему времени к фотографической части фонда добавились 40 предметов интерьера (мебель, сейфы, часы, конторки и т.п.); 13 предметов старинных канцелярских принадлежностей, подарков музею, и 35 рисунков. Работа по выявлению и регистрации материалов по истории музея продолжается.

Все иллюстративные, фотографические и вещевые коллекции фонда постоянно используются для публикаций и выставок, например, на сайте музея в разделах, посвященных истории музея, строительству здания, экспедиционно-собирательской деятельности, а также в выставочным проектам о музее и его сотрудниках. Причем, в 2000-е гг. фотографии и предметы фонда «ИМ» стали чаще использовать в выставочных проектах как в онлайн, так и в офлайн формате.

Таким образом, принятое в конце 1970-х гг. решение о комплектовании материалов по истории музея имело продолжение и развитие в постсоветское время и сохраняет важное практическое значение по сей день. При этом значительная лакуна в собрании фотографий по истории музея уже сейчас является препятствием, не дающим возможности проиллюстрировать важные этапы работы музея в период с 1990-х гг. прошлого века до наших дней. Как показал недавний опыт работы по подбору изображений для иллюстрации текстов о хронологии музейной жизни, фотографии о работе музея в последние 30 лет удалось получить только из личных архивов сотрудников. Значительный временной период оказался не отображенным в собрании фонда «ИМ», что уже сейчас сказывается на возможности представить работу музея в постсоветское время. Остаются нерешенными вопросы комплектования, регистрации, хранения и использования цифровых изображений.

Для пополнения фонда и устранения лакун важно использовать опыт советского периода с учетом технических и организационных возможностей нашего времени.

¹ Например, в 1950-е гг. из состава коллекций региональных отделов были выделены фонды специализированного хранения: Оружейная кладовая, Музыкальная кладовая, Ковровая кладовая, меховая кладовая и др.

² В большинстве случаев в графе «источник поступления» указано: «Собраны в архиве, получены от частных лиц», иногда сообщается, что снимки сделаны А.А. Гречиным или В.П. Пещанской, в редких случаях – от кого поступили фотографии, например: «От Колобаева В.А. – сына сотрудницы Гринковой Н.П.».

³ Протокол № 5 заседания фондовой комиссии Государственного музея этнографии народов СССР от 14.10.1977 г. С. 1–2.

⁴ Протокол № 3 заседания фондовой комиссии Государственного музея этнографии народов СССР от 17.05.1978 г. С. 4.

⁵ Протокол № 5 заседания фондовой комиссии Государственного музея этнографии народов СССР от 15.06.1978 г. С. 2.

⁶ АРЭМ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 1718.

⁷ АРЭМ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 1871.

⁸ Журналы регистрации фотографий и негативов фонда «История музея». ИМ1- ИМ13.

⁹ Протокол № 6 заседания экспертно-фондовой закупочной комиссии Российского этнографического музея от 15.11.2016 г. С. 3.

UDC 069;39

V. E. Pervak

The Russian Museum of Ethnography's "Museum History" Holdings: Aspects of Acquisition and Use in the Soviet and Post-Soviet Periods

Pervak Victoria Eduardovna, The Russian Museum of Ethnography (St. Petersburg), the Department of Conservation, chief expert of the storage, Honored Worker of Culture of the RF; victoriapervak@mail.ru

The paper deals with stages and aspects of acquisition of photography, negatives, illustrations and items holdings pertaining to The Russian Museum of Ethnography's during the soviet and post-soviet periods. The author focuses on the issues of its formation during the soviet period and now. The museum collections are described briefly, together with opportunities for their use.

Keywords: The Russian Museum of Ethnography, museum history, photography, collections, acquisition.

Ю. С. Смирнова

Портрет «семьи народов»:
советский фоторепортаж
в Российском этнографическом музее

Смирнова Юлия Сергеевна, Российский этнографический музей (С.-Петербург), отдел фотографии, научный сотрудник; sqratty@mail.ru

В докладе рассмотрена история приобретения советских пресс-фотографий Российским этнографическим музеем, их значение в пропагандистской деятельности музея. Советский фоторепортаж, будучи одним из важнейших визуальных маркеров эпохи, формировал облик советского человека не только на страницах газет и журналов, но и в музейном пространстве. Использование репортажных снимков на выставках и экспозициях включало музей в общее визуальное поле, в котором создавался образ советского народа. Ставится вопрос восприятия данного образа с учетом авторитета музея как научного института и роли прессы в жизни советских граждан.

Ключевые слова: советский фоторепортаж, этнографический музей, Фотохроника ТАСС, советский народ.

С приходом советской власти музеи не могли избежать изменений в духе новой реальности. Если до 1917 г. российские музеи были в основном научно-просветительскими учреждениями, то после 1917 г. к функциям музеев добавляются политическая агитация и активное участие в воспитании нового советского человека. Одной из новых задач Российского этнографического музея¹ (далее РЭМ) в советский период стало формирование образа «семьи народов» СССР. «Музейный фронт есть идеологический фронт, <...> Именно освещение в своей экспозиции нового, возникающего в процессе социалистического строительства есть первейшая задача музеев с тем, чтобы на основе этого показа посетитель увидел бы и «родимые пятна» старого общества»², пишет журнал «Советский музей» в 1932 г. Разумеется, показать новую жизнь старыми средствами было невозможно, и музеи начали искать современные форматы презентации «наших достижений». Именно в этот период ряд советских музеев, в том числе РЭМ, начинают приобретать

коллекции пресс-фотографий. Фотография «...стала подлинным и самостоятельным видом искусства, превратившись в действенный фактор пропаганды за социалистическое строительство»³, а фоторепортаж назывался «образным пропагандистом», который должен «занять место трубача, изобразителя и организатора наших великих побед»⁴, поэтому использование пресс-фотографии для оформления музейного пространства вполне соответствовало духу времени.

Музей начал приобретать фоторепортажные снимки в начале 1930-х гг. и продолжал это делать на протяжении всего советского периода и даже после его окончания – последние зарегистрированные коллекции относятся к середине 1990-х гг. Всего в фотоархиве хранится почти 10 тысяч снимков, примерно 8 тысяч из них находятся в основном фонде, остальные относятся к научно-вспомогательному фонду. Большая часть коллекций была приобретена в Фотохронике ТАСС⁵ и в Агентстве печати «Новости» (АПН)⁶. Коллекции приобретались как в центральном отделении Фотохроники ТАСС, так и в региональных телеграфных агентствах, таких как УзТАГ (Узбекское телеграфное агентство), Ленсоюзфото (Ленинградское отделение «Союзфото»), ЗакТАГ (Закавказское телеграфное агентство), РАТАУ (Радиотелеграфное агентство Украины), БелТА (Белорусское телеграфное агентство) и ЭЛБТА (Литовское агентство новостей). Еще один блок фотографий представляет собой приобретения из редакций региональных советских газет, в их числе «Правда Востока» (Узбекская ССР), «Туркменская искра» (Туркменская ССР), «Коммуна» (Воронеж, РСФСР), «Грозненский рабочий» (Чечено-Ингушская АССР), «Красная Чувашия» (Чувашская ССР), «Правда Севера» (Архангельск, РСФСР), «Амурский маяк» (Хабаровский край, РСФСР) и ряда др. Многие из приобретенных музеем снимков были сделаны известными советскими фотографами. Среди них: участники группы «Октябрь» Борис Игнатович, Елеазар Лангман, Дмитрий Дебабов и Борис Кудояров, автор «Узбекской Мадонны» Макс Пенсон, автор снимка «Знамя Победы над Рейхстагом» Евгений Халдей, а также ведущие фотокорреспонденты Советского Союза разных лет – Валентин Хухлаев, Марк Редькин, Наум Грановский, Макс Альперт, Эммануил Евзерихин, Валентин Соболев, всего в списке авторов более 600 фамилий. Одна из фотографий, полученная в начале 1970-х гг. из АПН, была сделана Дмитрием Ухтомским – известным советским фотожурналистом и сыном князя Дия Эсперовича Ухтомского, этнографа, сотрудника Этнографического отдела Русского музея, стоявшего

у истоков формирования коллекций будущего Российского этнографического музея.

Сюжеты приобретенных фотографий охватывают все основные сферы советской жизни. Среди основных тем можно выделить следующие: портреты новых «знатных людей» – ударников и станхановцев, Героев Социалистического труда и победителей соцсоревнований; кадры великих советских строек, в том числе Магнитогорского металлургического комбината, Байкало-Амурской магистрали и Братской ГЭС; работа заводов – виды цехов, рабочий быт, образцы продукции; работа в колхозах и совхозах – сбор урожая, подъем целины, механизация сельского хозяйства; культурные изменения – повышение уровня жизни и образования, выступление фольклорных коллективов, новые советские праздники; любительский и профессиональный советский спорт; достижения науки – снимки из обсерваторий, лабораторий и научно-исследовательских институтов; события новой политической реальности – митинги и демонстрации, партийные съезды, выборы в советские органы власти.

Итак, сотрудники музея собрали за годы советской власти обширную подборку фоторепортажей, но основное внимание в данном докладе акцентируется не на самом фонде, а на причинах его приобретения в контексте использования в экспозиционно-выставочной деятельности. Советская медиареальность в некотором смысле сама являлась большой (мета)выставкой, в том числе достижений национальной политики. Использование фоторепортажа при создании выставок и экспозиций должно было формировать у посетителей то же «верное видение»⁷, что и чтение газет и журналов – через пресс-фотографии на выставках и экспозициях музей оказывается встроен в систему трансляции того единственно верного, но полумифического облика советского народа. Как пишет Д. А. Баранов, «представленные на этнографических экспозициях культуры, а точнее, их образы, воспринимаются посетителями как объективная реальность. Иллюзия достоверности изображения этнографической действительности основывается на взгляде на предметы как «документы эпохи», «овеществленные реалии культуры»⁸. Речь в данном случае идет больше про вещи, однако, и весь комплекс материалов музейной экспозиции или выставки, включая фотографии, воспринимается посетителем как прошедший определенную научную проверку и потому заслуживающий доверия. Г. А. Орлова говорит о фоторепортаже следующее: «Претензия этой визуальной технологии на абсолютную достоверность картинки и ее власть над взглядом человека модерна фактически предопределили идеологическое использование фото-

графии в конструировании нового способа визуального выявления и определения реальности»⁹. А если учесть еще и ведущую роль печатной прессы в моделировании образа советского мира¹⁰ и ее ежедневное присутствие в жизни советских граждан, то при использовании медиафотографии в пространстве музея посетитель должен был сталкиваться с «эффектом достоверности» сразу на нескольких уровнях.

Российский этнографический музей, оказавшись на идеологическом фронте, должен был демонстрировать не только отличительные особенности национальностей СССР, но и их принадлежность к общей советской нации. В этом плане фоторепортаж был важным способом эту «советскость» показать – визуальный канон советского человека, каким его хотело видеть руководство страны, шире всего распространялся со страниц прессы. Несмотря на вспомогательную функцию пресс-фотографии в построении экспозиций и выставок, ее роль в процессе формирования «достоверного» образа советских людей весьма велика.

¹ В 1902–1918 гг. – Этнографический отдел Русского музея императора Александра III, с 1918 по 1934 г. – Этнографический отдел Государственного Русского музея. В 1934 г. ЭО ГРМ стал самостоятельным учреждением – Государственным музеем этнографии, с 1948 г., после передачи коллекций Музея народов СССР – Государственный музей этнографии народов СССР. С 1992 г. – Российский этнографический музей.

² Итоги XVII партконференции и задачи музейной работы//Советский музей. 1932. Вып. 2. С. 6. (Орфография и пунктуация первоисточника сохранены.)

³ Открытие выставки советского фотокислота 24 апреля//Советское фото. 1935. Вып. 4. С. 13.

⁴ Год борьбы за качество//Советское фото. 1934. Вып. 1. С. 3.

⁵ В 1926 г. было основано «Пресс-клише, на основе которого в 1931 году было создано акционерное общество «Союзфото», в рамках которого функционировали агентства «Пресс-клише» и «Союзфотохроника». В 1938 г. они были объединены в «Фотоклише ТАСС», а с 1941 г. агентство стало официально называться Фотохроникой ТАСС.

⁶ Агентство печати «Новости» (АПН) было основано в 1961 г. и занималось формированием положительного образа СССР и его жителей за рубежом.

⁷ Сартори Р. Фотокультура II, или «верное видение»//Советская власть и медиа: Сб. ст./Под ред. Х. Гюнтера и С. Хэнсен. СПб., 2006.

⁸ Баранов Д. А. Образ советского народа в репрезентативных практиках Государственного музея этнографии народов СССР во второй половине XX в.//Антропология социальных перемен. Исследования по социально-культурной антропологии: Сб. ст./Отв. ред. Э. Гучинова, Г. Комарова. М.: Российская политическая энциклопедия, 2011. С. 414.

⁹ Орлова Г. А. «Воочию видим». Фотография и советский проект в эпоху их технической воспроизводимости//Советская власть и медиа: Сб. ст./Под ред. Х. Гюнтера и С. Хэнсен. СПб., 2006. С. 189.

¹⁰ Брукс Д. Людей, которые не читают газет, надо морально убивать на месте//Советская власть и медиа: Сб. ст. / Под ред. Х. Гюнтера и С. Хэнсен. СПб., 2006. С. 228.

UDC 316.7

Y. S. Smirnova

A Portrait of the “Family of Peoples”: Soviet Photo Reports in The Russian Museum of Ethnography

Smirnova Yulia Sergeevna, The Russian Museum of Ethnography (St. Petersburg), the Department of Photography, research fellow; sqraty@mail.ru

The paper deals with the history of soviet media photographs acquisition by The Russian Museum of Ethnography, and their significance for the museum’s propaganda efforts. Being one of the key visual markers of the times, soviet photo reports formed an image of the soviet people not only in newspapers and magazines, but in museum spaces as well. Thanks to using of photo reports at exhibitions and expositions, museums were included into the common visual space creating an image of the soviet people. The paper offers us to consider perception of that image taking into account the museum’s authority as a research institution and the role media played in the life of the USSR citizens.

Keywords: soviet photo reports, museum of ethnography, TASS Photo Reports, soviet people.

Е. В. Дьякова

О сюжетах фотохроники ТАСС
(Украинской ССР) из собрания
Российского этнографического музея

Дьякова Елена Васильевна, Российский этнографический музей (С.-Петербург), отдел этнографии Восточной, Юго-Восточной и Центральной Европы, научный сотрудник; dyiakova.elena@gmail.com

Доклад посвящен сюжетам фотографий Российского этнографического музея (РЭМ) по Украинской ССР, приобретенных в 1950–1970-е гг. в «Фотохронике Телеграфного агентства Советского Союза». Поступление данных фотографий в фонды РЭМ (в 1950–1970-е гг. – это Государственный музей народов СССР) демонстрирует изменение собирательской политики музея по сравнению с довоенным временем, сюжеты снимков фиксируют позитивные изменения, происходившие на Украине под влиянием советских преобразований. Исключение составляет коллекция № 8805, посвященная теме Великой Отечественной войны.

Ключевые слова: «Фотохроника ТАСС», Украинская ССР, советские преобразования, Великая Отечественная война, Российский этнографический музей, фотоколлекции.

В 1950–1970-е гг. в Российский этнографический музей (далее РЭМ) поступали коллекции фотографий, приобретенных сотрудниками музея в «Фотохронике Телеграфного агентства Советского Союза» («Фотохронике ТАСС»), которое в это время представляло собой сеть филиалов на территории всей страны, куда поступали фотографии, фиксировавшие реалии советской жизни. Среди фотографий, поступивших в РЭМ более 300 были из УССР (фотоколл. № 8787, 8805, 8846, 8861, 9328, 9587, 9933).

Сюжеты фотографий фотохроники отличались от традиционных этнографических сюжетов. Поскольку это было правительственное агентство, его материалы должны были соответствовать принятому стилю подачи информации как по смыслу, так и по визуальному исполнению. Темы этих фотоколлекций отличались от тех, которые музейные сотрудники могли фиксировать по время полевых

выездов самостоятельно. Так, в первой фотоколлекции по Украине были снимки из фотохроники ТАСС, касавшиеся Великой Отечественной войны (фотокол. № 8805). Они включали три раздела: портреты героев Советского Союза – непосредственных участников сражений; зверства гитлеровских палачей – разрушения и казненные жители Харьковской обл., а также борьба украинских партизан за освобождение (фрагменты боев, общение партизан с жителями, встреча освободителей г. Харькова). Остальные коллекции повествовали о мирной жизни в послевоенное время.

Главный акцент делался на позитивные изменения в жизни рабочих после Октябрьской революции. Самые важные события должны были отражать прогресс в промышленности, экономике крестьянских хозяйств и культурном развитии. Основными сюжетами становятся демонстрация счастливой трудовой жизни бывшего крестьянина, а теперь рабочего; изменение бытовых условий его жизни; торжество советской культуры, механизация сельского хозяйства, рост промышленного производства, развитие городов. Сотрудники РЭМ формировали коллекции из фотографий ТАСС по этим же принципам, поэтому в них включали темы: «Промышленность», «Сельское хозяйство», «Портреты деятелей культуры и науки», «Жилищное строительство», «Художественная самодеятельность». Также раскрывались такие темы, как «Быт и благосостояние колхозников», «Праздники», «Лучшие люди страны», «Прикладное искусство».

Наибольшее количество фотографий «Фотохроники ТАСС» из УССР, вошедших в коллекции РЭМ, посвящено промышленному производству, его развитию и демонстрации достижений. Так, например, в коллекции № 8846 имеются фотографии работы заводов: в городах Одессы, Харькова, Днепропетровска, Запорожья, Луганска и Запорожской, Донецкой, Херсонской и Закарпатской обл. На производственных фотографиях обычно присутствуют люди, а в подписях к снимкам указан конкретный рабочий процесс. Таким образом, коллекции раскрывают такие сюжеты с участием рабочих, как подготовка к отправке масляных выключателей на заводе «Электроаппарат» (фотокол. № 8846–1), сборка самосвалов на Одесском автосборочном заводе (фотокол. № 8846–3), осмотр станка перед отправкой заказчику на заводе радиальных станков (фотокол. № 8846–4), производство деталей на Днепропетровском механическом заводе (фотокол. № 8846–15). На Константиновском металлургическом заводе им. М. В. Фрунзе были запечатлены – лучший сталевар и его помощник, наблюдающие за ходом плавки (фотокол. № 8846–17); на Винницком суперфосфатом заводе им. Я. М. Свердлова зафиксирован выход эшелона, груженого суперфосфатом (фотокол. № 8846–21). Фотосъемка производилась также

на таких крупных промышленных объектах, как Одесский автосборочный завод, Завод радиальных аппаратов, Днепропетровский механический завод, Металлургический завод им. К. Е. Ворошилова, Металлургический завод им. М. В. Фрунзе, Днепропетровский завод сельскохозяйственного машиностроения им. К. Е. Ворошилова, Горловский завод горного машиностроения им. С. М. Кирова, Станкостроительный завод им. В. М. Молотова, Ворошиловградский паровозостроительный завод, Осипенковский завод дорожного машиностроения, Завод дорожных машин в г. Харькове, Ореховский механический завод в Запорожский обл., Одесский завод подъемных кранов, Одесский завод сельскохозяйственного машиностроения им. Октябрьской революции, шахты в г. Кривой Рог.

Главными темами фотографий, которые отражали изменения в сельском хозяйстве была механизация, экспериментальное производство и демонстрация достижений. Например, в фотоколлекции № 8846 есть снимки, зафиксировавшие испытание новой самоходной хлопкоуборочной машины (фотокол. № 8846–51) в Херсонской обл., влагозарядковый полив на полях колхоза им. В. И. Ленина в Закарпатской обл. (фотокол. № 8846–58), косовица естественных и сеяных трав в г. Аскания-Нова Херсонской обл., самоходные сенокосилки (фотокол. № 8846–59), оросительная система в Запорожской обл. (фотокол. № 8846–60), механизированная погрузка сахарной свеклы в г. Рудки Дрогобычской обл. (фотокол. № 8846–61).

В фотоколлекции № 8861 зафиксированы передовые технологии разведения скота, представлена экспериментальная база «Терезино» Киевской научно-исследовательской станции животноводства (фотокол. № 8861–2), механизированная посадка рассады помидоров машиной (фотокол. № 8861–16), уборка урожая картофелеуборочной машиной в колхозе им. А. А. Жданова в Литинском р-не (фотокол. № 8861–18).

Большое внимание в фотоколлекциях было уделено показу улучшения жилищных и бытовых условий. Этот раздел включал также снимки новых жилых домов с указанием, какие именно рабочие там будут жить. Например, в фотоколлекции № 8846 есть «дома металлургов в городе Макеевке» (фотокол. № 8846–108), «дома для рабочих и служащих завода имени Дзержинского» (фотокол. № 8846–109), «жилого дома для рабочих и служащих завода Запорожсталь», «дома для рабочих шахты» (фотокол. № 8846–114).

Сюжеты снимков фотоколлекции № 9328 отразили новые комфортные условия труда и отдыха работников колхоза: отдых механизаторов тракторной бригады (фотокол. № 9328–2); обеденный перерыв на полевом стане колхоза «Украина», где есть «красный уголок, комната отдыха, летняя столовая, кухня, душ» в Веселинов-

ском р-не Николаевской обл. (фотокол. № 9328–7), семья за обедом в сельской столовой (фотокол. № 9328–8), колхозники покупают новую мебель (фотокол. № 9328–9)¹.

На фотографиях демонстрировалось строительство домов и дворцов культуры для рабочих и колхозников. Например, в фотоколлекции № 8846 есть фотографии Музыкально-драматического театра в г. Виннице (фотокол. № 8846–93), Дворца культуры при шахте «Южный коммунар» (фотокол. № 8846–95), Дворца культуры угольщиков в г. Красный Луч (фотокол. № 8846–96).

В коллекции фотографий № 9587 показаны новые формы социальной жизни: митинги трудящихся на выборах в Верховный Совет УССР (фотокол. № 9587–8), празднование Первого мая в колхозе им. В. И. Ленина и в сел. Миротин Ровенской обл. (фотокол. № 9587–9), вручение наград за особые достижения в сфере науки и труда.

Этническое своеобразие украинцев на фотографиях, которые были приближены к единому стандарту в республиках Советского Союза, в фотоколлекциях ТАСС отчетливее всего проявлялись на фотографиях людей в праздничной одежде и на самих праздниках. Например, это фотографии: «Гуцулы в современных праздничных костюмах во время танца в Ивано-Франковская области» (фотокол. № 9328–13), «молодежь во время отдыха в колхозе «Украина» в Хмельницкой области» (фотокол. № 9328–14), свадебный танец в исполнении коллектива художественной самодеятельности Садгорского р-на Черновицкой обл. (фотокол. № 9328–16), народный хор Кременчугского р-на Полтавской обл. (фотокол. № 9328–18), спортивные состязания (фотокол. № 9328–19)².

Часть фотографий из фотохроники ТАСС экспонировалась на выставке «300-летие воссоединения Украины и России» в 1954 г. Целью выставки было показать «развитие и укрепление нерушимой дружбы двух великих братских народов, основанной на единстве происхождения и общности», что было продемонстрировано, в том числе и с помощью фотографий³.

Фотоснимки «Фотохроники ТАСС» по украинской тематике в собрании РЭМ имеют следующие особенности, отражающие визуальные тенденции того времени:

1. Профессиональное описание с конкретизацией изображенного в отличие от более раннего времени, когда снимки могли отображать общие моменты. Имена, профессии и достижения людей на снимках стали подписывать, вследствие чего фотографии приобрели черты достоверности.

2. Все фотографии носят постановочный характер, с целью отражения позитивного настроения трудящихся, и направлены на демонстрацию успеха и достижений.

3. На всех фотографиях отчетливо читается сюжет, а подробная подпись исключает ошибку истолкования.

4. Этническое своеобразие не является первостепенным сюжетом и отражалось только в тех моментах, где нужно подчеркнуть дружбу народов, прибегая к этнической символике в праздниках и используя локальные традиции, или показать участников художественной самодеятельности.

В целом, фотографии УССР из «Фотохроники ТАСС» 1950–1970-х гг. в собрании РЭМ демонстрируют изменение собирательской политики музея по сравнению с довоенным временем, сюжеты снимков фиксируют позитивные изменения, происходившие на Украине под влиянием советских преобразований. Исключение составляет коллекция № 8805, посвященная теме Великой Отечественной войны.

¹. Описание коллекций фототеки РЭМ, кол. 9328. Л. 1.

² Там же. Л. 3.

³ АРЭМ. Ф 2. Оп. 1. Д. 1160. Л. 2.

UDC 069.5;779

E. V. Dyakova

On the Issue of TASS (the Ukrainian SSR)
Photo Reports from The Russian Museum
of Ethnography Collection

Dyakova Elena Vasilievna, The Russian Museum of Ethnography (St. Petersburg), the Department of Ethnography of the Eastern, South-Eastern and Central Europe, research fellow; dyiakova.elena@gmail.com

The report deals with the narratives presented in the photographic pictures from the Ukrainian SSR held in The Russian Museum of Ethnography (REM) collection and acquired in the 1950–1970s from the Photo Reports of the Telegraph Agency of the Soviet Union. Arrival of those photographs to the Russian Museum of Ethnography (in the 1950–1970s — The State Museum of Ethnography of the Peoples of the USSR) reflects the changes in the museum's collection policy compared to the pre-War times. The scenes in the photographs show positive changes happening in the Ukraine as a result of the soviet reforms. Collection No. 8805, focused on the Great Patriotic War, is the sole exception.

Keywords: “TASS Photo Reports”, the Ukrainian SSR, soviet reforms, the Great Patriotic War, The Russian Museum of Ethnography, photography collections.

А. В. Газданова

Изучение Е.Н. Студенецкой традиционного осетинского женского костюма во время экспедиции в Северо-Осетинскую АССР в 1970 году

Газданова Анастасия Викторовна, Российский этнографический музей (С.-Петербург), отдел этнографии Кавказа и Средней Азии, научный сотрудник; nastyagazdan@gmail.com

В докладе дается оценка вклада кавказоведа Е.Н. Студенецкой в изучение традиционного женского костюма осетин, а также применяемому Студенецкой комплексному методу его изучения, рассматриваются характерные особенности женских праздничных платьев осетинок. Описывается ход работы во время экспедиции в Северо-Осетинскую АССР в 1970 г.

Ключевые слова: Е.Н. Студенецкая, этнография, осетины, одежда осетин, осетинский женский костюм.

В настоящее время в собрании Российского этнографического музея (далее РЭМ) насчитывается более 100 предметов одежды осетин, относящихся к концу XIX – середине XX в., включая обувь и головные уборы. Среди собирателей следует назвать корреспондента З. П. Валаева, крупнейших кавказоведов А. А. Миллера и Е. Н. Студенецкую.

Для Евгении Николаевны Студенецкой тема изучения одежды народов Кавказа, в том числе и осетин, была одной из основных. За весь период работы в музее она, начиная с 1936 г., совершила в Северо-Осетинскую АССР не менее шести экспедиций, в результате которых ею были собраны полевые материалы, а также несколько коллекций одежды.

До настоящего времени вклад Е. Н. Студенецкой в разработку некоторых проблем осетинской этнографии, в частности, посвященных костюму и верованиям, в достаточной степени не осмыслен. Тем не менее это важно как в целом для понимания направления осетиноведческих исследований в крупном этнографическом музее страны, так и для изучения конкретно осетинско-

го костюма – его специфики, локальных особенностей, сословных отличий и музейфикации отдельных элементов.

Дело в том, что одежда осетин вплоть до настоящего времени остается недостаточно изученной темой в этнографическом осетиноведении. В качестве основных источников принято использовать письменные или изобразительные, в то время как вещевые привлекаются значительно реже¹. Объясняется это, по мнению автора доклада, слабой представленностью последних в собраниях осетинских музеев². Евгения Николаевна стремилась восполнить этот пробел, комплектуя фонды РЭМ, приняв деятельное участие в процессе сбора сохранившихся костюмов и их элементов. Затем, сделав своим основным источником вещь – бытовавший факт – и сопоставляя эти свидетельства с экспонатами других музеев, одновременно дополняя полученные сведения анализом фотоколлекций и сбором собственных полевых материалов, она выработала свой комплексный подход к изучению традиционной одежды осетин. О том, как велась эта работа во время ее последней экспедиции в Северо-Осетинскую АССР в 1970-м и пойдет речь в данном сообщении.

Из отчета Евгении Николаевны известно, что программа поездки включала в себя совместную с Г.А. Плужниковой экспедицию в Северную Осетию и командировку в соседнюю Кабардино-Балкарию. Главной целью было «изучение одежды осетин и балкарцев в связи с работой над кавказским этнографическим атласом»³. Помимо этого, также велся сбор вещевых коллекций для музея и фотографирование. Полевая работа велась в сел. Заманкул, г. Орджоникидзе (в настоящее время – Владикавказ), районном центре Алагирского р-на – г. Алагире, с. Дзуарикау, а также в с. Хидикус, Лац, Борзикау, Далагкау и рабочем поселке Фиагдон, расположенных в Куртатинском ущелье⁴. Выбор именно этих районов Е. Н. Студенецкая объясняет «состоянием источников и предстоящей полевой работой»⁵.

Основная работа по изучению традиционной одежды, что следует из отчета, велась в г. Орджоникидзе. В первую очередь были исследованы вещевые собрания Северо-Осетинского республиканского краеведческого и Художественного музеев, а также материалы из частных собраний Б. и Р. Андиевых и др., в результате чего было оформлено 49 карточек с описаниями предметов костюма и украшений, что «полностью исчерпывает наличный фонд указанных музеев и собраний»⁶. Важно отметить, что описания некоторых предметов, приведенные в этом отчете, в настоящее время представляют собой особую ценность еще и потому, что ухудшилось состояние сохранности некоторых вещей. Кроме того, она не

только описала, но и датировала три праздничных платья, хранящихся в фондах краеведческого музея (г. Владикавказ).

Отдельно Е. Н. Студенецкая упоминает фотоматериалы, хранящиеся в собрании краеведческого музея, архиве Научно-исследовательского института и у частных лиц. Так, в фототеке краеведческого музея оказалось много бытовых фотографий, относящихся к концу XIX – началу XX в., которые достаточно хорошо атрибутированы, в том числе с указанием фамилий лиц, изображенных на фотоснимках, что важно для определения социальной принадлежности. Результатом этой работы стало подробное описание почти ста фотографий, из которых большая часть – групповые⁷.

Сопоставление перечисленных источников на следующем этапе работы позволило Е. Н. Студенецкой не только выявить некоторые особенности традиционного осетинского женского костюма «притом, что в целом она (одежда, костюм – А.Г.) близка к другим народам Северного Кавказа»⁸, но и определить степень их распространения. Так, среди отличительных черт исследовательница выделяет шапочку, формой напоминающей усеченный конус. Однако, тут же уточняет на примере конкретных цифр, что их было немного ввиду дороговизны. Так, например, на фотографиях конца XIX в., только 4 из 40 женщин запечатлены в таких шапочках, а на снимках начала XX в. – 9 женщин из 162.

Другой характерной чертой костюма осетинки, встречавшейся иногда и у ингушских, чеченских и кумыкских женщин, был, по мнению Е. Н. Студенецкой, крой рукава у платья. Он выполнялся двойным: в одну пройму вшивался и узкий длинный рукав, и верхний распашной, в виде широкой лопасти⁹. Исследовательница предполагает, что эта деталь была заимствована из Грузии в период, предшествующий рубежу XIX – XX вв., а затем «начала сближаться с северокавказским типом и приняла форму округлой лопасти, начинающейся с самого плеча»¹⁰.

Завершая анализ музейных собраний, Е. Н. Студенецкая приводит важные сведения о расцветках платьев, декоре, эволюции металлических нагрудных застежек и поясов.

При всех очевидных плюсах использования этих источников, Е. Н. Студенецкая указывает и на некоторые их недостатки. Опираясь на вещевые музейные собрания, исследователь работает исключительно с имеющимися музейными памятниками, которые нередко плохо атрибутированы. Фотографии, в свою очередь, дают представление только о верхней одежде или ее элементах, бытующих, как правило, в среде высших сословий, представители которых и запечатлены на них. Поэтому для полноты информации

о традиционном костюме и потребовалось проведение полевой работы.

Для сбора сведений о костюме рубежа XIX – XX вв. исследовательница отбирает информантов в возрасте от 62 до 107 лет, которые застали интересующий ее период времени¹¹. В ходе их опроса Е. Н. Студенецкой удалось получить отсутствующие сведения, касающиеся нижнего белья, кроя, расцветок свадебных и будничных платьев, а также интересную информацию относительно разновидностей женских головных уборов, причесок и обуви. Особенно важны упоминания об одежде «нового типа» – юбках и кофтах, которые почти не фигурируют в научных публикациях, посвященных женской одежде осетин¹².

В завершение важно отметить, что рассмотренный экспедиционный отчет Е. Н. Студенецкой ценен не только демонстрацией метода, используемого в изучении традиционного костюма, давно вышедшего из обихода, но и фактическим материалом, а также описаниями экспонатов, хранящихся в осетинских музеях. Сочетание различных источников, проделанное впервые применительно к одежде осетин, позволило рассмотреть костюм во всем его разнообразии и отойти от устоявшихся в историографии представлений о традиционном женском костюме. Наконец, в нем не только реконструируется ход изменений, которые претерпели разные его элементы, но и высказываются предположения о возникновении или заимствованиях тех из них, которые характерны для нескольких народов Северного Кавказа, что свидетельствует о некогда существовавших культурных контактах и в целом позволяет рассматривать Кавказ как единый регион.

¹ Так, в единственной работе, посвященной непосредственно осетинскому костюму, в качестве основных используются письменные и полевые источники, музейные коллекции не рассматриваются. См.: Гаглоева З. Д. Осетинский национальный костюм // Известия Юго-Осетинского научно-исследовательского института АН (ИЮОНИИ АН). 1964. Вып. XIII. С. 215–230.

² Речь идет об осетинских музеях, формирование фондов которых предметами этнографии начинается в советский период. Поэтому праздничные платья, представленные на экспозициях Национального музея Республики Северная Осетия-Алания и Национального музея Республики Южная Осетия, – это фольклорные варианты либо реконструкции. От традиционного женского комплекса сохранились только головные уборы – шапочки, расшитые золотной вышивкой, а также шелковые платки филиппинского плетения и комплекты, включающие металлические нагрудные застёжки и пояса.

³ Архив Российского этнографического музея. Ф. 2. Оп. 1. Д. 1703. Л. 1.

⁴ Там же. Л. 2.

⁵ Там же. Л. 4.

⁶ Там же. Л. 5.

⁷ Там же.

⁸ Там же. Л. 6.

⁹ Там же. Л. 7–8.

¹⁰ Там же. Л. 9.

¹¹ Там же. Л. 18.

¹² См.: Гаглоева З.Д. Осетинский национальный костюм//Известия ЮОНИИ АН. 1964. Вып. XIII. С. 215–230

UDC 39

A. V. Gazdanova

E. Studenetskaya's Study of the Traditional
Ossetian Female Costume During
the 1970 Expedition to the North Ossetian ASSR

Gazdanova Anastasiya Viktorovna, The Russian Museum of Ethnography (St. Petersburg), the Department of Ethnography of the Caucasus and Central Asia, researcher; nastyagazdan@gmail.com

The paper deals with the contribution made by the Caucasus researcher E. Studenetskaya to the study of the traditional Ossetian female costume, with the comprehensive study method used by Ms. Studenetskaya and the characteristic features of the Ossetian women's formal dresses. The work routine the researchers followed during their 1970 expedition to the North Ossetian ASSR is also described.

Keywords: E. Studenetskaya, ethnography, the Ossetians, the Ossetian costume, female Ossetian costume.

О. В. Калинина

Атрибуты советской «обрядности перехода»
в фонде Прибалтики Российского
этнографического музея

Калинина Ольга Владимировна, Российский этнографический музей (С.-Петербург), отдел этнографии Северо-Запада России и Прибалтики, научный сотрудник; kalinina_ol@mail.ru

В докладе рассматриваются некоторые предметы советской обрядности жизненного цикла из фонда Прибалтики Российского этнографического музея – медали, детские качели, посохи юбиляров золотой и серебряной свадеб. Они были приобретены в 1970-х гг. в Эстонии, Латвии и Литве в ходе подготовки экспозиции «Современные праздники и обряды народов СССР» 1984 г. Новые формы обрядности, возникшие в советской Прибалтике, укладываются в классическую схему переходных обрядов, согласно которой человек переходит из одного статуса в другой через ритуалы с помощью определенных атрибутов. Эти атрибуты (ныне музейные экспонаты) являются информативным и пока еще недостаточно изученным источником по этнографии и истории прибалтийских республик позднесоветского периода.

Ключевые слова: Эстония, Латвия, Литва, советская Прибалтика, Российский этнографический музей, фонд Прибалтики, советская обрядность, обряды перехода, музейные экспонаты.

Российский этнографический музей (далее РЭМ) располагает богатыми вещественными коллекциями по обрядности жизненного цикла разных народов. Отдельную категорию составляют предметы так называемой «социалистической обрядности», призванные демонстрировать сложившиеся новые формы обрядов у народов СССР. Прибалтийские материалы по этой теме имеют собственную специфику, обусловленную, во-первых, национальными традициями, а во-вторых, фактом позднего вхождения Эстонии, Латвии и Литвы в состав СССР. Население этих республик было подвержено активной советизации в 1940–1950-х гг. и было сразу включено в масштабный государственный проект по внедрению новой гражданской обрядности, минуя начальные стадии

поиска ее форм в 1920–1930-х гг. Советские обряды должны были составить конкуренцию религиозным церемониям и в конечном итоге вытеснить их. В 1984 г. в музее была открыта стационарная экспозиция «Современные праздники и обряды народов СССР»¹. После распада СССР и краха концепции «советского народа», музейные предметы с ярко выраженной советской семантикой на некоторое время были убраны в фонды как одиозные и несоответствующие идее показа этнического своеобразия народных культур. Представляется, что пришло время переосмысления и показа этих артефактов уже не с позиции их «современности», «актуальности», а как самоценных историко-этнографических источников.

Коллекция предметов по социалистической обрядности в Прибалтике была собрана З. Б. Предтеченской, Д. А. Горб, О. М. Фишман. Остановимся на тех из них, которые связаны с переходными периодами в жизни человека.

Рождение: переход из небытия в бытие

В качестве атрибута рождения рассмотрим керамическую памятную медаль «День рождения», выполненную литовским мастером В. Калинасом и приобретенную в 1978 г. в д. Пагелувис Шяуляйского р-на Литовской ССР. На одной стороне медали изображен аист, несущий на перевязи спеленутого ребенка, на другой – детская головка, дата «1977» и надпись «Gimimo diena» («День рождения»). Такие медали дарили родителям новорожденного друга и знакомые.

В христианской парадигме переход от «небытия» к бытию происходит через крещение. В советских сценариях регистрации новорожденного (гражданском обряде имянаречения) вместо христианина на свет появлялся новый гражданин СССР². В 1960–1970-х гг. в некоторых городах и регионах СССР получили распространение специально отчеканенные памятные медали «родившемуся (родившейся) в...», которые подчеркивали связь ребенка с землей, на которой он родился. Первые медали такого рода были изготовлены в Ленинграде на Монетном дворе в 1964 г. Идея изготовления специальных памятных знаков, посвященных ключевым моментам жизни, была подхвачена народными мастерами Прибалтики, работавшими с деревом и глиной. Однако сама традиция дарения медали новорожденным была здесь не нова. Она уходит корнями в западноевропейский обычай изготовления серебряных крестильных медалей, которые дарились крестнику крестным. В собрании РЭМ представлена такая медаль XIX в. немецкого происхождения из коллекции псковского купца Ф. М. Плюшкина, на одной стороне которой изображена сцена крещения Иисуса, на другой – дата

«1822» и инициалы крестника и крестного³. Серебряная крестильная медаль XIX в., советская медаль рожденному в СССР и шуточная медаль, изготовленная народным мастером, выполняли одну и ту же функцию – констатировали свершившееся рождение через ритуал дарения.

Включение ребенка в общественную жизнь

Здесь остановимся на атрибутах латышского Праздника детства (*Bērņības svētki*) – оригинального обряда, возникшего в Латвийской ССР в 1950-х гг.⁴ Праздник проводился в Домах культуры и предназначался для детей от года до трех (иногда до семи) лет. Суть обряда сводилась к символическому включению дошкольников в коллектив, «в котором живут и трудятся их родители»⁵. В торжественной обстановке, под звуки народной музыки малыши получали специальные свидетельства, куда были внесены их имена, фотографии, напутственные тексты. Семья, кумовья (по аналогии с восприемниками в христианской традиции), почетные кумовья – приглашенные известные люди (передовики труда, артисты, поэты и др.) брали на себя ответственность в воспитании «достойных граждан коммунистического общества». Однако логика обряда требовала некоего действия для ритуального перехода в новый статус. Этим действием стало раскачивание детей на качелях, которое осуществлялось почетными кумовьями. В некоторых сельских советах вместо подвесных качелей использовали кресло-качалку, лошадку-качалку или карусель⁶.

В собрании РЭМ атрибуты Праздника детства представлены деревянными качелями фабричного производства, которые использовались для обряда в 1974–1975 гг. в Доме культуры (здании средневекового замка) пос. Лунпилс Тукумского р-на и деревянной качалкой в виде коня, находившейся в этот же период в Доме культуры г. Талсы⁷.

В традиционной культуре балтов, славян, финно-угров ритуальное качание на качелях было связано не с детством, а с молодежной культурой и продуцирующей магией⁸. Оно практиковалось в весенний (пасхальный) период. Интересно, что Праздники детства, приуроченные ко Дню защиты детей (1 июня) попадали на этот период. В пограничном Вырусском р-не Эстонии подобные праздники, перенятые эстонцами у латышских соседей, назывались «Весенние дни детей»⁹. Как и многие другие атрибуты традиционной культуры, качели со временем превратились в детскую забаву и были использованы творцами новой обрядности уже как символ беззаботного детства, с которым малыши прощаются, переходя в возраст осознанности. Обрядовое качание можно восприни-

мать и как отсылку к образу колыбели, к пройденному пассивному младенческому периоду. Раскачивая ребенка на качелях «в последний раз», взрослые пробуждали в нем личность и побуждали к активной деятельности.

Так же, как гражданский обряд имянаречения, Праздник детства являлся советской альтернативой крещению и социализации ребенка через религиозный ритуал.

Свадьба

Среди разнообразных предметов свадебной обрядности, приобретенных в 1970–1980-х гг. в прибалтийских республиках и относящихся к костюму, подаркам и сувенирам, обращают на себя внимание шуточные медали с изображениями персонажей свадебного действия. Часть из них выполнена из керамики в 1977 г. уже упоминавшимся литовским мастером В. Калинасом, другая – представляет собой деревянные изделия с росписью, приобретенные в Таллине в 1974 г. (мастер неизвестен). На медалях изображены и подписаны: «жених», «невеста», «целующиеся молодые», «теща/свекровь», «тесть/свекр», «свадебный шутник», «музыкантъ» и т.д.

В формировании советской свадебной обрядности большую роль играли низовые инициативы: родственники и друзья молодых придумывали конкурсы, оформляли шуточные свадебные газеты, разыгрывали сценки с участием «хоров» тещ, свекровей и т.д.¹⁰ Новые социальные статусы молодых и их родителей неизменно обыгрывались в шутливой форме. Так, например, на литовской медали изображение женщины с всклокоченными волосами снабжено подписью «выйдешь замуж». На эстонских деревянных медалях все персонажи представлены в национальной одежде, что является отсылкой к старинному свадебному ритуалу, где каждый участник четко знал свою роль и был соответственно ей одет.

Свадьба в традиционной культуре являлась ключевым обрядом перехода как для молодых, так и для их семей. Новым обрядом, получившим широкое распространение в советский период, стал обычай торжественного отмечаания определенных этапов совместной жизни в браке: 25 и 50 лет семейной жизни обыгрывались как настоящие свадьбы – со свадебными чинами, записью в книге почета в ЗАГСе и шумным застольем¹¹. Выступая одновременно в двух ипостасях – как «молодые» и как «мудрецы» – юбиляры серебряной и золотой свадеб переходили в новую фазу развития своих отношений и должны были служить примером для молодежи.

В качестве атрибутов серебряной и золотой свадеб в собрании РЭМ представлены два резных жезла (посоха), изготовленных в 1977 г. литовским мастером из Вильнюса А. Гедвиласом. Подоб-

ные жезлы делали на заказ, получали в подарок от родных или изготавливали самостоятельно. «Молодой» (юбиляр) нес этот символ семейной жизни во главе свадебной процессии, затем жезл хранили дома как памятный знак. Именно жезл, этот древнейший символ власти у балтов¹², был выбран для обозначения высокого социального статуса юбиляров и их роли в кругу семьи. Так, например, в народной литовской традиции деревянные посохи с искривленным наверху (кривули) передавались от сельского старосты из дома в дом как призыв к общему сходу¹³. Жезлы юбиляров советского периода изготовлены в традиционной для литовцев технике резьбы по дереву с растительными орнаментами – витыми стеблями, стилизованными цветами и др.

Итак, сконструированные в советский период обряды органично вошли в жизнь, так как в них были задействованы традиционные механизмы перехода от одного жизненного этапа к другому через ритуал. Атрибутами ритуала могли служить как предметы, изготовленные народными мастерами, так и изделия фабричного производства. Предпочтение отдавалось все же предметам, выполненным с применением традиционных материалов, техник и орнаментов, что способствовало формированию у участников обрядов чувства сопричастности с прошлым, следованию традиции. Важной составляющей успеха новых обрядов, которые сохранились и в постсоветский период, являлась апелляция к знакомым культурным символам, обраставшим новыми смыслами.

¹ Новикова Г. И., Грусман В. М. Советская обрядность как объект отражения в этнографических и других музеях исторического профиля. Л., 1989. С. 9.

² Бондаренко Е. Д. Советские сценарии имянаречения: диалог с традицией//*Политическая лингвистика*. 2013. № 4 (46). С. 167.

³ Монеты в народной одежде и украшениях. М.: Бослен, 2019. С. 192.

⁴ Treija R. Kristību ceremonijas analogi padomju tradīcijās//*Letonic*. 2007. № 16. С. 178–192.

⁵ Праздник детства (примерный сценарий): Дом народного творчества им. Э. Мелнгайлиса. Рига, 1974. С. 2.

⁶ Treija R. Kristību ceremonijas analogi padomju tradīcijās//*Letonic*. 2007. № 16. С. 185.

⁷ АРЭМ. Ф.2. Оп. 1. Д. 1812. Л. 4–6 – отчет о командировке в Латвийскую ССР О. М. Фишман в 1975 г.

⁸ Болдырева В. Г., Нуриева И. М. Пасхальные качания: к проблеме русско-удмуртских параллелей//*Ежегодник финно-угорских исследований*. 2017. Т. 11. № 4. С. 163–172.

⁹ Лутс А. А. Об опыте изучения современной сельской жизни в Выруском районе Эстонской ССР//*Советская этнография*. 1965. № 4. С. 54.

¹⁰ Калитс В.Я. О развитии новых свадебных традиций в Эстонской ССР//Традиционные и новые обряды в быту народов СССР. М.: Наука, 1981. С. 113.

¹¹ АРЭМ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 1872. Л. 46.— Отчет о командировке в Литовскую ССР Д.А. Горб в 1977 г.

¹² Кулаков В.И. Посохи и кривули раннесредневековых пруссов//Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2019. № 2 (45). С. 97–103.

¹³ Старая Литва. СПб.; Вильнюс, 2009. С. 274.

UDC392

O. V. Kalinina

Attributes of the Soviet “Transition Ritualism”
in the Baltics Holdings of The Russian Museum
of Ethnography

Kalinina Olga Vladimirovna, The Russian Museum of Ethnography (St. Petersburg), the Department of Ethnography of the North-West Russia and Baltic Region, research fellow; kalinina_ol@mail.ru

The paper deals with some items signifying the soviet lifecycle rituals and stored in the Baltics holdings of The Russian Museum of Ethnography: medals, children’s rockers, gold and silver marriage anniversary staffs. They were purchased in Estonia, Latvia and Lithuania in the 1970s for the exposition called “The Modern Celebrations and Customs of the Peoples of the USSR” (1984). New forms of ritualism that appeared in the Soviet Baltics were in line with classical transition rituals pattern predicating a person’s transition from one state to another using rituals signified by certain attributes. Those attributes (now museum exhibits) are an informative, but yet understudied source pertaining to history and ethnography of the Baltic republics in the late soviet period.

Keywords: Estonia, Latvia, Lithuania, Soviet Baltics, The Russian Museum of Ethnography, the Baltics holdings, soviet ritualism, transition rituals, museum exhibits.

Л. Г. Ганина, Е. Н. Хохлова

Критерии комплектования предметов
народного искусства в 1950-х годах
(на примере украинских рушников
из коллекционного собрания Российского
этнографического музея)

Ганина Любовь Геннадиевна, Российский этнографический музей (С.-Петербург), отдел этнографии Восточной, Юго-Восточной и Центральной Европы, научный сотрудник; lg1selena@gmail.com

Хохлова Екатерина Николаевна, Студия ручной вышивки Е. Хохловой (С.-Петербург), руководитель; hohlovi@yandex.ru

В докладе рассмотрены обстоятельства, определявшие исследовательский интерес сотрудников Государственного музея этнографии народов СССР (ныне Российский этнографический музей) к изделиям предприятий художественных промыслов при комплектовании коллекций в 1950-х гг. Представлены результаты стилистического анализа украинских рушников артельного производства из коллекции № 7026, осуществленного с привлечением архивных материалов (отчетов об экспедиции) и информации, зафиксированной в коллекционных описях. В качестве дополнительных источников использована специализированная литература по украинской вышивке и статья А. С. Бежковича – одного из собирателей изучаемой коллекции – «Об индивидуальном творчестве мастеров украинского народного искусства в артелях художественной промышленности УССР». На основе проведенного исследования авторами сформулированы критерии отбора предметов данного типа для музейного собрания, которыми предположительно руководствовались музейные сотрудники в тот исторический период.

Ключевые слова: музей, комплектование фондов, традиционная культура, украинская вышивка, рушник

Сохранение традиционной культуры посредством музеефикации материальных предметов как исторических источников, объектов для изучения и музейного показа, являлось одной из основных задач Российского этнографического музея (далее РЭМ) на всех этапах его существования. В разные исторические периоды

музейные сотрудники решали встававшие перед ними приоритетные задачи, фокусируя внимание на тех или иных предметах, вырабатывая определенные критерии их отбора.

Сильное влияние на все сферы деятельности музеев оказывало государство, обеспечивающее финансирование музейных учреждений и определяющее приоритетные направления их работы. Начиная с 1930-х гг., музеи, как радио и телевидение, рассматривались в качестве важного инструмента пропаганды, поэтому актуальной в то время стала экспозиционно-выставочная деятельность, позволяющая в доступной форме показать широкой аудитории достижения Советского Союза. Все остальные функции, включая комплектование фондов, были подчинены этой задаче¹.

И. И. Шангина в статье «Концепция комплектования собраний этнографических музеев (30–50-е годы XX в.)» справедливо отмечает, что приоритет при отборе образцов народного искусства отдавался предметам, изготавливаемым на предприятиях художественных промыслов². Во многом такой подход объяснялся стремлением представить на музейных экспозициях не только традиционный, но и «новый быт»³. Показательными в этом смысле являются коллекции, приобретенные для музея А. С. Бежковичем. Являясь украинцем по происхождению и прожив на Украине до 1922 г., он был хорошо знаком с традиционной культурой своего народа и ратовал за ее сохранение. «Мастера, работающие в одиночку, теперь встречаются редко. Это преимущественно совсем пожилые люди. Следовательно, дальнейший успех в развитии народного искусства Украины зависит от той части народных мастеров, которая работает в артелях художественной промышленности», – писал он в статье 1957 г.⁴ Из 22 коллекций (898 ед. хр.), собранных А. С. Бежковичем, основная часть содержит продукцию художественных промыслов⁵.

В рамках данного исследования авторы публикации рассматривают только украинские рушники артельного производства из коллекции № 7026 (53 ед. хр.), приобретенные для музея А. С. Бежковичем и Н. М. Хазовой во время экспедиции в Украинскую ССР в 1957 г. Выбор данной группы памятников был обусловлен, с одной стороны, тем, что вышитые полотенца являлись важным элементом традиционной культуры для всех украинцев, вне зависимости от места их проживания (ими украшали жилище, рушники использовали во многих обрядах жизненного цикла, они являлись предметом ритуального дарообмена и т.д.), а с другой – существованием региональных особенностей оформления рушников (наиболее характерные тканые или выши-

тые узоры, устойчивое колористическое решение, излюбленные техники декорирования и пр.). Коллекция № 7026 интересна для исследования не только возможностью анализа вещевых памятников, но и подробным отчетом об экспедиции, содержащим оценку собирателей текущей ситуации в художественной промышленности УССР⁶.

Согласно отчету одной из задач экспедиции 1957 г. было изучение вопросов, связанных с орнаментом тканей налавников, рушников, ковров, вышивки сорочек⁷. Анализом и регистрацией текстильной части коллекции занималась Н.М. Хазова. По ее описаниям музейных памятников, зафиксированных в коллекционных описях, можно не только составить представление о содержании коллекции, но и о соответствии этих предметов народной традиции. Например, орнамент на рушниках (предметы с № 7026–41 по № 7026–59), выполненных в артели «Женский труд» (с. Клембовка Ямпольского р-на Винницкой обл.), обозначен в описи одним словом: «подольский», а далее дается характеристика формы элементов, из которых состоит композиция. В орнаментальных мотивах можно встретить такие названия, как «квадраты» и «прямоугольники»⁸, «звезды»⁹, «ветки»¹⁰, «ступенчатые квадраты с завитками»¹¹, «розетка с квадратом в середине»¹², «коньки»¹³, которые были широко распространены на Подолье¹⁴.

В то же время ни в отчете, ни в коллекционных описях не указаны важные изменения в композиции артельных рушников: увеличение количества полос на их концах и наличие верхней, «прикрывающей» линии узора. В традиционном подольском рушнике больше трех ярусов никогда не было¹⁵, и только в результате деятельности артельных вышивальщиц с. Клембовка с 1950-х гг. количество ярусов увеличивается до четырех и более¹⁶. Наличие верхней полосы над основным узором в традиционных подольских рушниках расценивается исследователями вышивки как очень редкое явление, являющееся нарушением традиции¹⁷, при этом 6 из 20 рушников, приобретенных в артели «Женский труд», имеют такую «прикрывающую» линию узора.

Несмотря на внимание собирателей к сохранению «приемов мастерства»¹⁸, термины-названия швов не были зафиксированы ни в отчете об экспедиции, ни в коллекционных описях. Например, из технологических приемов в описях экспонатов можно встретить следующие названия: «контурный стежковый шов», «стежкообразный шов», «зигзагообразный контурный шов», «квадратиками», которые являются некорректными и не отражают техники выполнения вышитого узора.

Двенадцать рушников были привезены из Полтавской обл. В коллекционных описях для характеристики орнамента используется слово «полтавский», под которым регистратором по умолчанию подразумевается: соответствующий народной традиции региона. Исследовательница украинской вышивки Т. В. Кара-Васильева описывает традиционные полтавские рушники как полотнища, имеющие вертикальную композицию с орнаментом на концах, под центральной композицией которых часто размещается широкая поперечная полоса орнамента – «база», состоящая, как правило, из изогнутой горизонтальной ветки, на изгибах которой размещается по три крупных цветка. По периметру всего полотнища идет полоса орнамента «габа» – условная «рамка» рушника, нередко в виде изогнутой ветки с листьями, цветами, гроздьями винограда¹⁹. Именно такие композиции в традиционном красном исполнении мы видим на рушниках, поступивших из артели им. Леси Украинки (Полтава). Техника исполнения, к сожалению, описана общими словами: «гладь и другие рушниковые швы»²⁰.

Т. В. Кара-Васильева отмечает характерную тенденцию изменения орнамента, начиная с 1950-х гг., которая заключается во введении в орнаментальный строй текстильных изделий, прежде всего рушников, советской эмблематики²¹. В рассматриваемой нами коллекции содержатся несколько примеров таких рушников. В частности, два из них, изготовленные в артели «Художпром» (Киев), выполнены гладью по мотивам петриковской росписи (художественного промысла Днепропетровской обл.). Их композиция увенчана пятиконечной звездой²² и гербом Украинской ССР²³, цвета нитей мулине идентичны цветам красок росписи с. Петриковки. Данные экспонаты интересны не только новыми элементами в структуре орнамента, но и характерной для того времени тенденцией обращения мастериц к живописным полотнам, к реалистичным изображениям, передаваемым на полотне при помощи нитей²⁴. Эта тенденция выводила вышивку за рамки локальных традиций. Петриковская роспись не являлась традиционной для Киевщины, в то же время вышивка гладью была широко распространена на этой территории. Другим примером новых элементов в структуре традиционных орнаментов являются 2 из 10 тканых кролевецких²⁵ рушников (с № 7026–84 по № 7026–93). Их орнамент в коллекционных описях зафиксирован как «кролевецкий», состоящий из чередующихся поперечных, гладких и узорных полос различного геометрического рисунка, центром композиции которых является в одном случае силуэт Московского Кремля²⁶, в другом – герб Украинской ССР²⁷.

На основе анализа рушников из коллекции № 7026 нельзя сделать вывод об основных направлениях развития данного народного промысла в рамках артельного производства 1950-х гг. Вместе с тем, рассмотренные экспонаты позволяют выделить основные критерии отбора предметов для музейного собрания. Прежде всего, в музей были приобретены современные рушники, выполненные в традиции региона, которая заключается не в прямом копировании старых образцов, а в их художественном переосмыслении и развитии с сохранением «узнаваемости». Вторым критерием было отражение в коллекции «новшеств»: включение советских символов в структуру традиционного орнамента и обращение мастериц к художественным образцам для создания вышитых узоров, предполагающих выход за рамки одной локальной традиции.

¹ Шангина И. И. Концепция комплектования собраний этнографических музеев (30–50-е годы XX в.)//Из истории формирования этнографических коллекций в музеях России (XIX–XX вв.): Сб. научн. тр. СПб., 1992. С. 138–139.

² Там же. С. 143.

³ Аброськина Е. В. Экспозиция этнографического музея: от Крыжановского до Бежковича//Музей. Памятник. Наследие. М., 2017. С. 172.

⁴ Бежкович А. С. Об индивидуальном творчестве мастеров украинского народного искусства в артелях художественной промышленности УССР//Советская этнография. 1957. № 2. С. 41.

⁵ Гавришила В. В., Лысенко О. В. Бежкович Афонасий Семёнович [Электронный ресурс]. URL: <https://ethnomuseum.ru/kollekcii/sobirатели/bezhkovich-afanasij-semnovich/> (дата обращения: 15.07.22).

⁶ Архив РЭМ. Ф. 2. Т. 1. Д. 1257.

⁷ Архив РЭМ. Ф. 2. Т. 1. Д. 1257. Л. 1.

⁸ РЭМ. № 7026–41.

⁹ РЭМ. № 7026–41, РЭМ. № 7026–60.

¹⁰ РЭМ. № 7026–44, РЭМ. № 7026–46.

¹¹ РЭМ. № 7026–60.

¹² РЭМ. № 7026–49.

¹³ РЭМ. № 7026–42.

¹⁴ Причепій Т., Причепій Э. Вишивка Східного Поділля. К., 2009. С. 32, 36.

¹⁵ Там же. С. 32.

¹⁶ Кара-Васильева Т. Украинская вышивка. К., 1993. С. 187, 188.

¹⁷ Причепій Т., Причепій Э. Указ. соч. С. 32.

¹⁸ Бежкович А. С. Указ. соч. С. 41.

¹⁹ Кара-Васильева Т. Указ. соч. С. 89.

²⁰ РЭМ. № 7026–61 и др.

²¹ Кара-Васильева Т. Указ. соч. С. 28.

²² РЭМ. № 7026–73.

²³ РЭМ. № 7026–74.

²⁴ Кара-Васильева Т. Указ. соч. С. 27.

²⁵ Кролевец – город Сумской обл. Украины, который известен промыслом изготовления рушников с использованием традиционной техники перебора с ремизно-челночным ткачеством и своеобразной орнаментикой.

²⁶ РЭМ. № 7026–91.

²⁷ РЭМ. № 7026–92.

UDC 069.4

L. G. Ganina, E. N. Khokhlova

Traditional Craft Items Acquisition Criteria
in the 1950s (a Case Study of the Ukrainian
Traditional Towels from the Russian Museum
of Ethnography Collection)

Ganina Lyubov Gennadievna, The Russian Museum of Ethnography (St. Petersburg), the Department of Ethnography of the Eastern, Southeastern and Central Europe, researcher; lg1selen@gmail.com

Khokhlova Ekaterina Nikolaevna, The Private Studio of Hand-Made Embroidery (St. Petersburg), director; hohlovi@yandex.ru

The paper deals with the circumstances defining the scientific interest the staff of The State Museum of Ethnography of the Peoples of the USSR (now The Russian Museum of Ethnography) showed in the products made by traditional crafts factories when acquiring items for the Museum collections in the 1950s. The authors present the results of statistical analysis of traditional factory-made Ukrainian towels from collection No. 7026. The analysis was based on archive documents (expedition reports) and collection inventories. Professional literature on the traditional Ukrainian embroidery and the article by A. Bezhkovich, one of the collection contributors, called “On individual art of Ukrainian traditional craftsmen from the Ukrainian SSR artisan factories” were used as supplementary sources. Based on their research, the authors formulated the criteria supposedly used by the Museum staff of that historical period to select items of that type for the Museum collection.

Keywords: museum, holdings acquisition, traditional culture, Ukrainian embroidery, traditional towel.

И. К. Ушакова, Г. И. Журавлева

Культурно-историческое прочтение
композиции панно «800-летие Москвы»
(художники Л. С. Шаховская
и З. А. Ольшевская)

Ушакова Ирина Константиновна, Павлово-Посадский музейно-выставочный комплекс (Павловский Посад), директор, кандидат исторических наук, доцент; ikushakova@mail.ru

Журавлева Галина Ивановна, Павлово-Посадский музейно-выставочный комплекс (Павловский Посад), экскурсовод 1-й категории; bdmuseum@mail.ru

В докладе рассматривается история создания и художественное содержание набивного панно «800-летие Москвы» художников Л. С. Шаховской и З. А. Ольшевской (г. Павловский Посад, 1947). Представлен анализ культурно-исторических источников, приемов создания и смысловых ассоциаций, использованных авторами в работе.

Ключевые слова: Павлово-Посадский музейно-выставочный комплекс, платочная мануфактура, 800-летие Москвы, декоративно-прикладное искусство, художественные ткани.

Сюжетное набивное панно «800-летие Москвы» – одна из первых совместных работ З. А. Ольшевской¹ и Л. С. Шаховской², которая по праву считается жемчужиной музейной коллекции Павлово-Посадского музейно-выставочного комплекса.

Об истории создания панно нам известно из заметки набойщика А. Ненашева, опубликованной в газете «Ударник» от 7 сентября 1947 г. В ней говорится: «В честь 800-летия Москвы коллектив ордена Красной Звезды Ленской фабрики изготовил в подарок Иосифу Виссарионовичу Сталину красочное панно. Оно представляет собой ряд симметрично расположенных медальонов (8 больших и 6 малых), в которых изображены виды Москвы в разные века, начиная с ее основания и до наших дней. В центре расположена Спасская башня Кремля на фоне вечернего неба, озаренного вспышками салюта»³. Далее сообщается, что для осуществления

этой уникальной работы было изготовлено «около пятисот манер, составлено около шестидесяти цветов красок». Известен и такой интересный факт, что дирекции фабрики пришлось договориться с руководством родильного дома о том, чтобы спилить несколько лип, что росли рядом с медицинским учреждением. Из липы делали доски-цветки, на которых вырезался созданный художником рисунок⁴.

Данное набивное полотно – один из примеров монументально-декоративного текстиля, в котором особую роль наряду с декоративным аспектом играет сюжетно-идеологическая составляющая. Выпуск таких изделий был ограниченным. Сложные по рисунку и цвету, дорогие и трудоемкие в производстве, они предназначались прежде всего для украшения интерьеров особо значимых общественных зданий или для крупных выставочных проектов, приуроченных к юбилейным датам. Обеспечить высокий уровень сюжетной набойки могли художники, обладающие богатым опытом и большими знаниями традиционного платочного производства, учитывающие традиции мирового художественного наследия, знающие историю и мифологию.

Таким художником, мастером декоративно-прикладного искусства, была Лидия Сергеевна Шаховская. Из бесед с З.А. Ольшевской нам известно, что в детстве Лидия Сергеевна посещала знаменитую студию Юона. До прихода на платочную фабрику Павловского Посада она работала художницей в разных артелях, кропотливо изучала орнаменты разных эпох. В 1947 г. Л.С. Шаховской было 42 года, З.А. Ольшевской – 27. Для становления Ольшевской как мастера совместная работа с Шаховской над декоративным панно имела большое значение.

За длительный период своего совершенствования как художника по набивным тканям и платкам у Ольшевской сложились достаточно устойчивые схемы композиционных построений с собственной структурно-смысловой иерархией.

Важными компонентами в орнаментальных композициях художественных тканей являются медальоны. На сохранившихся древних тканях (коптские, византийские и др.) изображения животных (львов, грифонов, орлов, павлинов и пр.), сцены охоты, колесницы были вписаны в круги, многоугольники, ромбы. Эти геометрические фигуры (форма и заключенный в нее узор или сюжет) в исследованиях, как правило, объединены под общим названием «медальонь». Своему происхождению медальон обязан Древнему Риму; его использовали как награду, вручаемую военачальникам-триумфаторам.

Но все же, говоря о медальоне, мы представляем себе ювелирное украшение, плоский футляр, круглой, овальной или более сложной формы. Возникнув в эпоху Возрождения, медальоны были особенно популярны в XVIII и первой половине XIX в. в эпоху романтизма. Их носили на цветной или черной ленте, вставляли в браслеты, украшали миниатюрами. Футляр мог скрывать прядь волос, портрет, святую реликвию. Это был сугубо личный предмет, хранящий память о родных и любимых, о погибших на войне.

Как отмечалось выше, содержанием восьми медальонов, включенных в композицию панно, являются небольшие картины, сюжеты которых подчинены последовательному изображению событий в истории России и сохраняют актуальность и значимость для современного российского человека. Их окаймляет фигурная тесьма, украшенная драгоценными камнями. Шесть малых медальонов опоясаны декоративным шнуром, в них художники воспроизвели известные произведения искусства – памятник Минину и Пожарскому (автор проекта и строитель Иван Мартос, 1818 г.); скульптурная группа «Партизань» (автор М. Г. Манисер, в 2015 г. установлена в вестибюле станции метро «Партизанская»); картина «В 1812 г.» (художник И. М. Прянишников, 1874 г.).

Для того чтобы объединить разрозненные сюжеты в едином смысловом образе, достичь единой цветовой гаммы, позволяющей соединить в изображении реалистическую конкретность с предельной обобщенностью, авторы панно использовали в оформлении фона только желтый (золотой) и красный цвета. Художники Л. С. Шаховская и З. А. Ольшевская, владевшие традициями русского и византийского искусства, применили в своей работе этот известный с древних времен прием. Красный с золотом фон создает впечатление особого величия и вневременности. Была и еще одна дополнительная цель – исключить колористический диссонанс при переходе к древним орнаментам.

Фрагменты поля между медальонами и изображением Спасской башни Кремля заполнены сложным золотым стилизованным узором и его отдельными элементами, которые вызывают у зрителей различные ассоциации: от цветка до лиры. Мотивы «лирь» и «залпов салюта», включенные в композицию декоративного панно, символически близки друг другу: в обоих случаях речь идет о воздании почестей героям и прославлении событий.

Панно заключено в широкую прямоугольную раму – бордюр. В его центральной части, в самом верху, можно прочесть «1147 – Москва – 1947».

Среди декоративных элементов, используемых в текстиле, наиболее часто встречается мотив розетки – стилизованный орнамент в виде распустившегося цветка (цветок в круге). Бордюр панно также декорирован розетками в сочетании с растительным орнаментом. Розетки, начиная с середины, сторон обрамлены подковами и дугами меньшего размера. Благодаря этому они приобрели необычную овальную форму, которая позволила расположить их в разных ракурсах, что, несомненно, придало динамичность рапортной композиции бордюра.

Хорошо прорисованные изображения жемчужных бусин и драгоценных камней не только украсили поверхность листьев и дуг розетки, но и придали им необходимую рельефность, «выпуклость». Традиция украшать предметы культа драгоценными и полудрагоценными минералами пришла в Древнюю Русь из Византии вместе с христианством. Вся богослужбная утварь Византии (кресты, сосуды, светильники, оклады Евангелия и икон, облачения, плащаницы и пр.), а позднее и Древней Руси декорировалась жемчугом и драгоценными камнями. Византийские мастера работали особый стилистический язык, наполненный символами; они любили и ценили золотой фон. Согласно символике, золото олицетворяет свет – сияющий, божественный свет. «Наряду с золотом, жемчужины, драгоценные камни, стекло также наделялись символикой, являясь веществами, в которых есть “световидность” и “светоносность”, то есть прозрачность или блеск»⁵.

Ирина Стерлигова, ведущий научный сотрудник Музеев Московского Кремля, отмечала: «Не только золото и серебро, но и эмали, шелк, золоченая бронза, придавая предметам культа драгоценный облик, овеществляли земную власть и божественную силу... Даже светские украшения из драгоценных камней религиозным сознанием воспринимались духовно»⁶.

Стремление к самовыражению и творческим импровизациям художников Л. С. Шаховской и З. А. Ольшевской позволяло им разрабатывать новые оригинальные образцы орнаментов, благодаря варьированию форм, мотивов и их сочетаниям. Так, в рапорте бордюра они использовали мотив розетки, характерный для украшения древнерусских изразцов, применяемых в архитектуре. Примеры таких изразцов приведены в книге профессора А. В. Филиппова⁷. Другой используемый ими золотой узор (упоминавшийся выше мотив «лирь» или «лилии»), элементы которого заполняют межмедальонное поле, мы находим в книге С. И. Писарева о древнерусском орнаменте⁸.

Монументальное набивное панно «800-летие Москвы» сложное, многодетальное полотно, в котором главную роль играет сюжет-

ный мотив. При этом художникам удалось сохранить ясный композиционный строй и его декоративно-эстетический характер.

Колорит панно, построенный на напряженном звучании насыщенных бордово-зеленых, красно-желтых и синих тонов, сообщает историческому полотну экспрессивное, патетическое звучание. Все это, безусловно, производит сильное эмоциональное впечатление, вызывает цепь ассоциаций, позволяющих понять замысел художников.

История Москвы неотделима от истории России, а история России – неотъемлемая часть всемирной *истории*. Панно «800-летие Москвы» – по своему замыслу и исполнению уникальное произведение декоративно-прикладного искусства и мировой художественной культуры.

¹ Ольшевская Злата Александровна (1920–2011). Русская художница, прикладник; народный художник Российской Федерации, член Союза художников СССР, родоначальник жанра авторского платка ручной росписи. Работала на Павловопосадской платочной мануфактуре.

² Шаховская Лидия Сергеевна (1904–1971). С 1944 г. работала художником на Ленской фабрике. С 1950 по 1961 г. – художник фабрики им. X-ой годовщины Красной Армии. В 1948 г. награждена медалью «В память 800-летия Москвы».

³ Газета «Ударник». 1947. № 175–176. 7 сент. С. 4.

⁴ Красова Е. А. Статья «Златино злато»//«Павлово-Посадские известия». 2010. № 44. Ноябрь. С. 16–17.

⁵ Матвеева Ю. Г. Декоративные ткани в мозаиках Равенны: семантика и культурно-смысловый контекст. Киев: Дух и литера, 2016. С. 155.

⁶ Стерлигова И. А. Византийские святыни и драгоценности московских государей//Наше наследие. 2010. № 93–94. 2010. С. 2.

⁷ Филиппов А. В. Древнерусские изразцы. М.: Академия Архитектуры, 1938. URL: <http://www.ibm.bmstu.ru>.

⁸ Писарев С. И. Древнерусский орнамент с X по XVII век включительно на парчах, набойках и других тканях. СПб.: Типолитография В. В. Комарова, 1903.

UDC 745.03

I. K. Ushakova, G. I. Zhuravleva

Culture-Historical Interpretation of “The 800 Years of Moscow” Panel (by Artists L. Shakhovskaya and Z. Olshevskaya)

Ushakova Irina Konstantinovna, The Pavlovo-Posad Museum and Exhibition Complex (Pavlovsky Posad), director, Ph. D. (History), associate professor; ikushakova@mail.ru

Zhuravleva Galina Ivanovna, The Pavlovo-Posad Museum and Exhibition Complex (Pavlovsky Posad), a guide of the 1st category; bd-museum@mail.ru

The paper deals with the origin and artistic content of the 800 Years of Moscow printed textile panel by artists L. Shakhovskaya and Z. Olshevskaya (Pavlovsky Posad, 1947). The author analyzes culture-historical sources, artistic means and semantic connotations used by the panel creators.

Keywords: The Pavlov Posad Museum and Exhibition Complex, The Pavlovo Posad Shawl Manufactory, The 800 years of Moscow, applied arts, textile art.

В. Г. Холодная

Семнадцать серебряных подстаканников
как символ эпохи (к истории комплектования
собрания Российского этнографического
музея в 1930–1950-х годах)

Холодная Вера Георгиевна, Российский этнографический музей (С.-Петербург), отдел специализированного хранения, хранитель Особой кладовой, научный сотрудник высшей категории, кандидат исторических наук; vkholodnaia@yandex.ru

На комплектование собрания Государственного музея этнографии в предвоенные годы во многом повлияла государственная политика, определявшаяся достижениями индустриализации и культурной революции. Наиболее полно ее требования отразились в продукции народных промыслов, которую музей начинает активно приобретать. Среди значительного числа коллекций, сформированных путем экспедиционных сборов и покупки у предприятий и частных лиц, особого внимания заслуживает собрание изделий артели «Северная чернь», восходящей к старинному великоустюжскому черневому промыслу. Ярким примером соединения идеологических установок и традиционных производительных сил является комплект из 17 серебряных подстаканников с гербами СССР и союзных республик, изготовленный мастерами артели.

Ключевые слова: народное декоративно-прикладное искусство, артель «Северная чернь», подстаканники, государственная символика СССР.

В конце 1920-х – начале 1930-х гг. политика комплектования собрания Этнографического отдела Русского музея, ставшего в 1934 г. Государственным музеем этнографии, претерпела значительные изменения в соответствии с новой идеологической парадигмой. Экспедиционная деятельность музея, активно продолжавшаяся в первой половине – середине 1920-х гг. и характеризовавшаяся стремлением представить в вещевом материале разнообразные стороны народной культуры и быта во взаимодействии социальных и историко-культурных явлений и в условиях

быстро меняющейся реальности¹, – была лишена значительной доли финансирования и переориентирована. 12 февраля 1929 г. начальник Главнауки М. Н. Лядов в докладе на коллегии Наркомпроса объявил, что основой деятельности этнографических и краеведческих музеев РСФСР должна стать просветительная деятельность, а их научная работа обязана подчиняться задачам культурной революции. Этнографам и краеведам рекомендовалось сосредоточиться на изучении производительных сил регионов, чтобы способствовать их успешной индустриализации. В соответствии с этим экспозиции должны были демонстрировать успехи социалистических преобразований и принятие новой государственной идеологии народным сознанием².

Поставленные правительством задачи требовали другого вещевого и иллюстративного материала, а также и соответствующего способа его подачи. Развитие этой тенденции во второй половине 1930-х гг. на фоне принятия в 1936 г. Конституции привело к особому интересу музея к продукции народных художественных промыслов. К этому времени промыслы, активно поддерживаемые государством, превратились в рупор эпохи³. Массовая продукция, понятная и привычная в своей этнической среде, насыщалась символикой нового общества и тем самым популяризировала его идеи. Благодаря ей, сотрудникам музея представлялась прекрасная возможность продемонстрировать в выставочном пространстве соединение традиционных этнических черт и производительных сил регионов, активно развивавшихся в условиях социалистических преобразований, с усвоенными народной художественной культурой идеологическими императивами.

Особенно интенсивно связанный с деятельностью народных промыслов вещевой материал комплектовался в фондах отдела русской этнографии. Одним из примеров может служить продукция артели (с 1960 г. фабрики) «Северная чернь», поступавшая в музей с 1939 по 1975 г.

Развивавшийся в Великом Устюге с XVII в. черневой промысел в начале XX в. находился в упадке, был почти утрачен к 1917 г. и возрожден в конце 1920-х гг., чему в значительной мере способствовала деятельность последнего потомственного мастера М. П. Чиркова. С приходом в организованную им в 1933 г. артель профессионального художника Е. П. Шильниковского промысел в достаточно короткий срок прошел путь от близких к дореволюционным по стилю и орнаментике предметов широкого потребления до высокохудожественных выставочных образцов, завоевавших награды на Всемирных выставках в Париже (1937) и Нью-Йорке (1940). Е. П. Шильниковский, ставший в 1936 г. художественным

руководителем производства, выпускник Академии художеств, имевший значительный опыт станковой живописи и проработавший несколько лет в местной газете, создал для артели более 300 эскизов и внес новые, нередко публицистические, отвечающие насущной проблематике сюжеты в декор бытовых предметов⁴. Среди хранящихся в Российском этнографическом музее изделий «Северной черни» значительное количество сделано по его эскизам. Предположительно, к их числу относится и коллекция из 17 серебряных подстаканников с изображением гербов СССР и союзных республик⁵. Функция и статус подстаканника в советском быту подходили для целей государственной пропаганды как нельзя лучше. Используемый в частных домах и государственных организациях, развозимый поездами по всей стране, подстаканник служил своеобразной витриной ее политической и культурной жизни.

Комплект был приобретен в августе 1951 г. у Д. Н. Марковско-го. Он является примером выставочной продукции, в серийное производство комплект не поступал и существует только в двух экземплярах: аналогичные предметы, имеющие некоторые отличия в орнаментике и композиции, в тот же период были приобретены Музеем художественной промышленности (ныне Всероссийский музей декоративно-прикладного искусства)⁶. Подстаканники были изготовлены по случаю предстоящего в 1952 г. 30-летия образования СССР. Использование техники подрезки силуэта черневой композиции на углубленном канфарении позолоченном фоне указывает на то, что эти предметы были выполнены в период с 1947 по 1951 г.⁷ Но сюжеты рисунков позволяют предположить, что или эскиз был изготовлен в конце 1940 – начале 1941 г., или художник пользовался довоенным иллюстративным материалом.

Гербы на подстаканниках помещены в центре композиции над узкой полосой характерного для региона пейзажа, снабженного узнаваемыми архитектурными и промышленными объектами. По бокам их обрамляют фигуры жителей республики, одежда и атрибутика которых отражает ее этнический состав и хозяйственную специализацию. Информацию о национальной специфике несут также вертикальные и горизонтальные полосы орнамента. В 1930-е гг. данный художественный прием – своеобразный код для обозначения национальной идентичности – наиболее полно воплотился в оформлении павильонов Всесоюзной сельскохозяйственной выставки (ВСХВ, будущей ВДНХ), открывшейся для посетителей 1 августа 1939 г.

Несомненно, что именно оформление центрального зала Главного павильона Выставки, посвященного Конституции 1936 г. и воплощавшего идеи «торжества Ленинско-Сталинской националь-

ной политики» и «нерушимой дружбы народов», стало прототипом для изображений на 11 из 17 подстаканников. В момент открытия ВСХВ в зале в соответствии с числом республик союзного значения были размещены 11 объемно-пространственных композиций-панорам. Каждая из них состояла из: резного портала с гербом и культурно-историческими символами республики, помещенными на фоне национального орнамента; из диорамы с живописным задником, иллюстрирующей ландшафтно-климатические особенности и черты промышленной и сельскохозяйственной специализации; а также из скульптурных групп, изображавших наиболее характерных представителей региона – рабочих, носителей сельскохозяйственных и интеллектуальных профессий⁸.

Возможно, художник пользовался зарисовками или фотографиями, сделанными при посещении выставки. Она работала в течение 86 дней в 1939 г., летом 1940 г. и с 25 мая по 1 июля в 1941 г. Вскоре после начала Великой Отечественной войны экспозиции ВСХВ были разобраны, одни павильоны отданы под военные нужды, другие – брошены. К 1945 г. большинство строений пришли в ветхое состояние. В 1948 г. выставку, так и не открывшуюся для широкой публики, было решено полностью реконструировать. К 1950 г. Главный павильон был снесен и выстроен заново в ином архитектурном облике⁹. Источником для Е. П. Шильниковского могли послужить опубликованные изображения. Например, фотографии некоторых композиций иллюстрируют «Путеводители» по ВСХВ и Главному павильону 1939, 1940 и 1941 гг. издания; значительная часть отдельных скульптурных групп была опубликована в статье скульптора и художественного критика Б. Н. Терновца, вышедшей в журнале «Искусство» вскоре после открытия выставки¹⁰. В пользу того, что художник пользовался довоенным иллюстративным материалом, говорит и тот факт, что гербы кавказских и среднеазиатских республик на подстаканниках соответствуют образцам 1937 г.

Опираясь на публикации, можно с уверенностью назвать профессии изображенных людей и сопутствующие им промышленные объекты.: РСФСР представляют машиностроитель, колхозница и профессор со студенткой, в пейзаже легко узнаваемы Северный речной вокзал в Москве, Мавзолей В. И. Ленина, Спасская башня и купол Большого Кремлевского дворца – места заседаний Верховного совета СССР; Украинскую ССР на фоне колхозных полей, сел, терриконов шахт и плотины Днепрогэса представляют молотобоец, шахтер, женщина с ребенком и обнимающей их красноармеец; Белорусскую республику символизирует построенное в 1934 г. в Минске здание Дома правительства БССР, машиностроитель-

ный завод, женщина-лаборант с сахарной свеклой в руках, колхозница с льняной тканью и две мужские фигуры – пограничник и рабочий-металлист. В композиции, посвященной Азербайджану, присутствуют нефтяники и хлопководы. Грузию обозначают горы, черноморское побережье с пальмами, как символ всесоюзной здравницы, и силуэт открытого в 1933 г. Зестафонского ферросплавного завода; на сельскохозяйственную специализацию региона указывают женщины с корзинами фруктов и винограда. Специфику хозяйства Армении отражают фигуры одетой в традиционный костюм девушки с козой, мужчины-горняка на фоне медеплавильной печи и девочки с виноградом (послужившие для них прототипом скульптуры были выполнены Н. С. Лавровым). Хозяйство Туркмении маркируют колхозник, нефтяник, учительница с пионером, нефтепромыслы и Ашхабадский стекольный завод, а Узбекскую ССР – пастух с каракулевой овцой и ягненком, текстильщица и хлопкороб (по скульптурам Н. Л. Штамма и А. Н. Антропова). Таджикскую ССР представляет оросительная система Вахшстрой, колхозники и фигуры в традиционной одежде – мужчина с мотыгой, женщина с самопрялкой «чарх» (скульптора С. А. Рабиновича). На специализацию и перспективы развития Казахской ССР указывают чабан, девушка-геолог с теодолитом, шахты и Прибалхашстой (Балхашский горно-металлургический комбинат). А в основу образов, характеризующих Киргизскую ССР, наряду с Чумышской плотиной и вышками горнодобычи легли работы скульптора И. С. Ефимова «Девушка с жеребенком» и «Охотник и золотоискатель».

Этнические черты представителей республик сглажены, они присутствуют ненавязчиво, отраженные лишь в отдельных элементах костюма (чаще всего в головных уборах, а для Средней Азии и в плечевой одежде). Еще реже в качестве знаков этничности изображаются традиционные орудия труда или утварь (например, таджикские мотыга и прялка). Б. Н. Терновец видел в отсутствии «назойливого» акцента на национальном костюме и «других этнографических моментах» важное достоинство скульптурных изображений Главного павильона. Фигуры должны были символизировать естественное сближение народов, превалирование общечеловеческого над национальным, устремленное в светлое будущее мира. Недаром в качестве символических представителей использованы образы молодых людей в современной для них одежде, не живущих прошлым и не оглядывающихся на него, хотя и являющихся его продолжателями и наследниками. В приуроченном к открытию выставки парадном издании, раскрывающем ее идеологический императив, воплощенные скульпторами обра-

зы названы «новыми советскими людьми», «воспитанными партией Ленина и Сталина»¹¹.

Используя идею создателей ВСХВ, Е. П. Шильниковский творчески переработал ее, дополнив деталями и поместив в новую плоскостную композицию, соответствующую форме и назначению предмета, а также традициям великоустюжского черного искусства. Орнамент полос, обрамляющих рисунок, частично взят из оформления табличек с наименованием республик. Пейзажи и изображенные на них объекты выполнены художником по мотивам ВСХВ, исходя из их словесных описаний.

Несколько выбиваются из общего ряда изображения на последних пяти подстаканниках. К 1940 г. республик в составе СССР стало 16: была присоединена Прибалтика, на основании объединения входившей в состав УССР Молдавской автономной республики и возвращенной Румынией Бессарабии была сформирована Молдавская ССР, Карело-Финская ССР также получила повышение в статусе после присоединения финских территорий. В соответствии с политическими изменениями ВСХВ была реконструирована. В 1940 г. к композициям центрального зала Главного павильона была добавлена панорама Карело-финской ССР¹², а к открытию сезона 1941 г. и остальные четыре республики¹³. В путеводителях приведены их краткие описания, на основании которых можно заключить, что с изображениями на подстаканниках они не имеют ничего общего. Последние пять рисунков являются результатом самостоятельного творчества автора. Сохраняя единство стиля, они демонстрируют и некоторые композиционные отличия. Так, полоса ландшафта на них шире, изображения на ней более конкретны и детализированы (например, мост через р. Неман с панорамой Каунаса, Рижский залив с рыболовецкими судами, Таллиннская судоремонтная верфь и городская гавань), тщательнее прорисованы механизмы и техника, участвующая в добыче торфа, сева, уборке, люди наделены индивидуальностью (карельский лесоруб с ценной электрической пилой, литовский рабочий, латышский токарь, эстонский инженер-судостроитель) и этническими чертами (костюмы литовца, эстонки, молдаван).

В послевоенное время восприятие национальной идеи меняется. Вызванный победой в Великой Отечественной войне патриотический подъем усилил интерес к родной истории и народным традициям. Одна за другой открываются выставки народного искусства: в 1945 г. – Выставка народного крестьянского искусства в Музее народного искусства в Москве; в 1946-м – Всесоюзная выставка народного декоративно-прикладного искусства в Государственном музее восточных культур; в 1950, 1952 и 1955 гг. – Всесо-

юзные художественные выставки с активным участием мастеров художественных промыслов¹⁴. В 1951 г. комплект подстаканников был приобретен ГМЭ СССР как выполненное на высоком художественном уровне произведение декоративно-прикладного искусства, продолжающее традиции старинного русского промысла. И в этом качестве он сразу был размещен на экспозиции «Народное искусство и национальная одежда славянских народов» в зале, посвященном русскому народному искусству, среди предметов, изготовленных мастерами артели «Северная чернь» в довоенный период и приобретенных в ходе экспедиций 1939–1940 гг.¹⁵

Так, подстаканники, изображения на которых визуализировали устремленную в индустриальное интернациональное будущее национальную политику конца 1930-х гг., выставленные на обозрение публики, должны были продемонстрировать, с одной стороны, высокий уровень этнически окрашенного производственного мастерства, а с другой – осознание народом единства и нерушимости национального разнообразия Советского государства.

¹ АРЭМ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 174а. Л. 20об.

² АРЭМ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 281а. Л. 9об.; Шангина И. И. Этнографические музеи Москвы и Ленинграда на рубеже 20-х – 30-х годов XX в. // Советская этнография. 1991. № 2. С. 71–72, 78.

³ Перфильева И. Ю. Русское ювелирное искусство XX века в контексте европейских художественных тенденций. 1920–2000-е годы. М.: Прогресс-Традиция, 2016. С. 71.

⁴ Рехачев М. В. Северная чернь. [Архангельск]: Архангельское областное государственное издательство, 1952. С. 18, 43, 49.

⁵ РЭМ.6622–1–17. Первые публикации см.: Перфильева И. Ю. Традиционные ювелирные центры России в работе над выставочными произведениями. Вторая половина 1940-х – середина 1950-х гг. // Дом Бурганова. Пространство культуры. 2014. № 2. С. 197, 199; Она же. Русское ювелирное искусство XX века... С. 166–168. Комплект Всероссийского музея декоративно-прикладного искусства, выложенный на сайте Госкаталога, атрибутирован как изготовленный по эскизам Е. П. Шильниковского.

⁶ Рехачев М. В. Северная чернь... С. 62.

⁷ Впервые эта техника была использована при изготовлении серии предметов по сказке «Конек-горбунок» (1947). См.: Перфильева И. Ю. Традиционные ювелирные центры России... С. 202.

⁸ Главный павильон: Путеводитель/Сост. Н. И. Захаров, Н. А. Руденко, С. Л. Вульфсон, Н. А. Макаров. М.: ОГИЗ Сельхозгиз, 1939. С. 17.

⁹ Рогачёв А. В. Великие стройки социализма. М.: Центрполиграф, 2014. С. 295–396; Главный павильон: Путеводитель/Под ред. проф. С. Г. Колесникова. М.: Госполитиздат, 1955.

¹⁰ Терновец Б. Н. Скульптура на выставке // Искусство. 1939. № 6. С. 74–105.

¹¹ Всесоюзная сельскохозяйственная выставка/Под ред. П. Н. Поспелова, А. В. Гриценко, Н. В. Цицина. М.: ОГИЗ Сельхозгиз, 1939. С. 32.

¹² Главный павильон: Путеводитель/Сост. С. Л. Вульфсон, Н. А. Макаров, Н. А. Руденко. М.: Сельхозгиз, 1940. С. 14, 24–25.

¹³ Главный павильон: Путеводитель/Сост. С. Л. Вульфсон, Н. А. Макаров, Н. А. Руденко, И. А. Рылик. М.: Сельхозгиз, 1941. С. 12, 15, 34–44.

¹⁴ Перфильева И. Ю. Традиционные ювелирные центры России... С. 193.

¹⁵ Акт от 28 августа 1951 г. – Отдел научной документации. Кн. 849. Л. 24; Акт от 29 августа 1951 г. – Отдел научной документации. Кн. 849. Л. 3; Акт от 9 декабря 1951 г. – Отдел научной документации. Кн. 849. Л. 25.

UDC 745.04

V. G. Kholodnaia

Seventeen Silver Glassholders as Symbols
of Their Age (on the Issue of The Russian
Museum of Ethnography Collection
Formation in the 1930–1950s)

Kholodnaia Vera Georgievna, The Russian Museum of Ethnography (St. Petersburg), the Department of Specialized Storage, research fellow of highest category, Ph. D. (History); vkholodnaia@yandex.ru

The Russian Museum of Ethnography collection formation in the pre-War times was, to a great extent, influenced by the government policy, the key goals of which were industrialization and cultural revolution. Its requirements were reflected to the fullest in the traditional crafts products the Museum started buying extensively. Among the great number of collections acquired in expeditions and through purchases from factories or private individuals, one of the most significant was the collection of products made by Severnaya Chern artisan factory, rooted in the old niello tradition of Veliky Ustyug. A stunning example of mixing ideological principles with traditional productive powers was a set of 17 silver glassholders made by the factory craftsmen and decorated with the USSR and the Soviet Republics' coats of arms.

Keywords: traditional crafts, “Severnaya Chern” artisan factory, glassholders, the USSR state symbols.

К. Р. Смулова

Украинские «вытынанки» в собрании
Российского этнографического музея:
от анонимности к авторству

Смулова Кристина Рустамовна, Российский этнографический музей, отдел этнографии Белоруссии, Украины и Молдовы, научный сотрудник; Kristina-smurova@rambler.ru

В докладе анализируются поступления украинских «вытынанок» в собрание Российского этнографического музея в контексте изменений основных подходов его комплектования в XX в. Пройдя путь от народного, и в то же время анонимного свидетеля традиционной культуры рубежа XIX–XX вв., бумажные прорезные украшения постепенно трансформировались в отдельное этнокультурное явление декоративно-прикладного искусства, в рамках которого появилось большое количество народных мастеров и локальных традиций.

Ключевые слова: этничность, украинская традиционная культура, «вытынанка», бумага, украшение, вырезание из бумаги, музейное комплектование, музейные коллекции.

Подходы и концепции комплектования музейного собрания Российского этнографического музея (далее РЭМ) неоднократно менялись и напрямую зависели от исторического контекста, а также от приоритетных направлений собирательской деятельности как самого музея, так и его сотрудников.

Первая программа для собирания этнографических предметов, разработанная еще в начале XX в. Этнографическим отделом Русского музея императора Александра III, в своих рекомендациях опиралась, прежде всего, на приобретение предметов «уже бывших в употреблении»¹, а также обладавших этнокультурной спецификой и информативностью. Новые или сделанные специально по заказу собирателя вещи не считались репрезентативными, поскольку в отличие от уже некогда реально бытовавших атрибутов традиционной культуры не служили «для удовлетворения потребностей самого народа»². Исходя из этого, основной упор был сделан на сбор образцов, которые одновременно выполняли этнокультурную и практическую функции. В этот список попада-

ли прежде всего предметы одежды, домашнего обихода, орудия труда и хозяйственной деятельности, принадлежности жилища. Вещи «художественной производительности» в программе хоть и фигурировали, но рассматривались скорее как вспомогательные этнокультурные иллюстрации материального, нежели духовного мира человека. Тем не менее, предметы народного искусства, как и многие элементы традиционной культуры, нередко включались в обрядовую жизнь через декоративные или художественные практики, становясь при этом своего рода трансфером между материальным и духовным.

Примером такого пограничья являются украинские «вытынанки» – бумажные прорезные украшения, которые в сочетании с росписью стен, а иногда и автономно использовались в интерьере в качестве одного из художественных приемов оформления внутреннего пространства дома³. Изготовление «вытынанок» получило распространение в народной среде в конце XIX – начале XX в. и сразу вызвало интерес у музейных собирателей.

Первые такие украшения появились в собрании РЭМ в начале XX в.: в 1909 г. в результате экспедиционного сбора К. В. Шероцкого в музей поступила комплексная коллекция предметов (кол. № 2342) из Подольской губ., в состав которой вошло более четырехсот «вытынанок». В 1924 г. научный сотрудник музея М. Фриде зарегистрировала еще несколько бумажных украшений на стену, бумажную занавеску на окно и украшение для иконы в виде бумажного цветка, которые вместе с изделиями из керамики были привезены ею из Подольской губ. (кол. № 4245). В целом, за период 1910–1920-х гг. музейное собрание неоднократно пополнялось отдельными образцами украинских «вытынанок»⁴. К сожалению, большинство бумажных прорезных украшений того периода не сохранилось. Однако информация о них, зафиксированная на страницах музейных описей, является важным свидетельством бытования этих предметов в традиционной культуре⁵, что подтверждает ценность таких украшений для музейного собрания уже на начальном этапе его комплектования. В свою очередь, формальное и краткое описание подобного рода памятников в первой четверти XX в. во многом объясняется большими объемами экспонатов, которые при поступлении в музей приходилось ставить на учет небольшому числу регистраторов. Данное обстоятельство не позволяет реконструировать облик ранних образцов «вытынанок» и делать четкие выводы об их семантике, обрядовой функции, а также возможной вариативности локальной традиции, но оно дает основание считать такие украшения важной частью этнографических коллекций.

Следующее большое поступление «вытынанок» в собрание РЭМ относится к последней четверти XX в. Такой большой промежуток времени во многом объясняется влиянием городской культуры, а также модернизацией и трансформацией внутреннего пространства дома в целом, в связи с чем степень использования такого рода украшений в интерьере заметно сократилась. Претерпели изменения и их семантические смыслы: степень актуализации обрядовой функции «вытынанок» постепенно ослабевала, хотя в некоторых регионах локальные традиции бумажного прорезного орнамента продолжали сохраняться⁶. Только в 1970-х гг. «вытынанки» вновь получают распространение, но уже как элемент декоративно-прикладного искусства, а народное мастерство вырезания из бумаги ажурных украшений выделяется в отдельный художественный промысел⁷.

В период 1950–1980-х гг. меняется и сама концепция формирования музейного собрания РЭМ (на тот момент ГМЭ народов СССР). Теперь актуальными становятся не только архаические проявления традиционной культуры, исследуемые в контексте ретроспективы, но также и ее современные сюжеты и трансформации⁸. Кроме того, перед собирателями встает задача: как можно больше внимания уделять экспозиционным возможностям потенциального музейного экспоната. В связи с этим фондовое собрание ГМЭ народов СССР начинает активно пополняться, в том числе предметами, связанными с внутренней обстановкой дома, поскольку «посетители обычно с интересом осматривают интерьеры жилища разных времен и народов»⁹. Важное место в формировании коллекций того периода приобретают также изделия современного народного искусства и художественные промыслы, так как «именно в изделиях народных мастеров зачастую наибольшим образом сохраняется этническая специфика»¹⁰. Подчеркивалась также связь народных художественных промыслов с этнографической средой и их роль в проявлении коллективного через индивидуальное¹¹.

Так, в 1980-х гг. собрание РЭМ впервые за долгое время пополнилось коллекцией украинских «вытынанок» (кол. № 10689), в состав которой вошло 68 авторских работ. Данная коллекция – результат деятельности научного сотрудника музея О. В. Карповой, которая в течение нескольких лет исследовала и собирала современные образцы бумажных прорезных украшений украинских мастеров. Для этого собирателем были составлены специальные анкеты, которые предполагали сбор информации как о самом мастере, так и о «вытынанках» в целом¹². Из данных анкет следует, что, в основном, такие изделия использовались для украшения жилища: их вешали на стены, окна, двери, печи, могли украшать

новогоднюю ель. Во время побелки дома старые украшения снимали и заменяли новыми. Согласно протоколу закупочно-фондовой комиссии (1985), для современного периода использования «вытынанок» было характерно не только наклеивание на стены, но также и оформление их на отдельном листе бумаги. Относительно использования украшений в интерьере, из материалов закупочно-фондовой комиссии следует, что специально их не покупали, но могли использовать в качестве подарка. Кроме того, сами мастера охотно украшали ими свои дома¹³. Данные материалы еще раз подтверждают тот факт, что в рассматриваемый период «вытынанки» постепенно трансформировались из массовой народной традиции в авторские образцы декоративно-прикладного искусства.

Несмотря на то, что бумажные прорезные украшения из собрания РЭМ 1980-х гг. являются авторской интерпретацией архаических форм, переработанных уже с точки зрения художественного и эстетического мировоззрения мастера, в них все равно можно наблюдать традиционные этнокультурные черты, наполненные народным символизмом и смыслом. Особенно хорошо это прослеживается в орнаменте и сюжетах, которые авторы использовали в своих работах.

В начале XXI в. фиксируется большое количество локальных традиций и мастеров, занимающихся народными художественными ремеслами. Многообразие современных мотивов и интерпретаций порождает необходимость отражения информации о них не только в полевых материалах этнографов, но и в музейном собрании. В связи с этим принципы комплектования музейных коллекций не только за счет архаических проявлений этнической культуры, но и за счет ее современных трансформаций по-прежнему остаются актуальными. Это особенно заметно на фоне современных глобализационных процессов, приводящих к постепенному размыванию этнических границ. В таких условиях поиск и фиксация значимых этнических символов становится все сложнее; комплексные исследования современности и систематические экспедиции, направленные на сбор актуальной информации и предметов, являются особенно важными направлениями деятельности этнографических музеев.

¹ Программа для собирания этнографических предметов. Издание 3-е, Этнографического отдела Русского музея императора Александра III. СПб, 1904. С. 13.

² Там же. С. 12.

³ Самойлович В. П. Народное архитектурное творчество (по материалам УССР). Киев, 1977. С. 149.

⁴ Косицкая З. Н. Коллекции украинских *витинанок* начала XX в. в фондах Российского этнографического музея//Этнографические коллекции в музеях: культурные стратегии и практики: Материалы Двенадцатых Санкт-Петербургских чтений. СПб., 2013. С. 174–177.

⁵ Например, коллекция № 2342–153: «пакет с бумажными украшениями, которые наклеиваются на стены хаты и вырезаны из разноцветной глянцевого бумаги».

⁶ Станкевич М. Е. Прорезной орнамент в системе украинского жилища XIX–XX веков: Автореф. дис. канд. искусствоведения. М., 1986. С. 12.

⁷ Там же. С. 13.

⁸ Комплектование, научное описание и экспозиционно-выставочная пропаганда этнографических материалов современного периода: научно-методические указания для исторических и краеведческих музеев/Сост. Г. Н. Бабаянц, Д. А. Горб, Е. Н. Студенецкая, Н. М. Хазова, Э. С. Яглинская. Государственный музей этнографии народов СССР, Л., 1979. С. 4.

⁹ Там же. С. 10.

¹⁰ Там же. С. 12.

¹¹ Дмитриев В. А., Калашникова Н. М. О принципах комплектования фондов этнографических музеев на современном этапе//Советская этнография. 1989. № 2. С. 88.

¹² Коллекция № 10689 насчитывает работы тринадцати мастеров.

¹³ Протокол № 6 Закупочно-фондовой комиссии от 11.06.1985., ГМЭ народов СССР.

UDC 39;745.54

Ch. R. Smurova

Ukrainian “Vytynkas” in The Russian Museum of Ethnography Collection: from Anonymity to Authorship

Smurova Christina Rustamovna, The Russian Museum of Ethnography (St. Petersburg), the Department of Ethnography of the Belarus, Ukraine and Moldova, research fellow; Kristina-smurova@rambler.ru

The paper deals with acquisition of the Ukrainian “vytynkas” (paper figures) by The Russian Museum of Ethnography in the context of the changes happening to the main principles of its collection formation in the XX century. Starting from popular but anonymous traditional culture artefacts of the late XIX–early XX centuries, those cut-through paper ornaments gradually transformed into a singular ethno-cultural phenomenon of applied arts that spawned a great number of craftsmen and local traditions.

Keywords: ethnicity, traditional Ukrainian culture, “vytynkas”, paper, ornament, paper cutting, museum acquisition, museum collections.

А. В. Христенко

Творческое наследие П. И. Цвилык
в собрании Российского
этнографического музея

Христенко Алексей Владимирович, Российский этнографический музей (С.-Петербург), отдел этнографии Восточной, Юго-Восточной и Центральной Европы, научный сотрудник; lexa.hristenko@yandex.ru

В собрании косовской (гуцульской) керамики Российского этнографического музея творчество Павлины Иосифовны Цвилык (1891–1964), заслуженного мастера народного творчества УССР, члена Союза художников СССР, представлено обширным комплексом работ, который по сей день не становился предметом специального исследования. На основании изучения учетной документации и архивных материалов музея в докладе изложена история комплектования собрания изделий П. И. Цвилык, отмечена особая роль художественной интеллигенции Ленинграда в его формировании. Приведена общая характеристика данной коллекции, определена ее научная, историко-культурная ценность в контексте репрезентации творческого наследия ярчайшего носителя традиций косовской школы художественной керамики в советский период.

Ключевые слова: П. И. Цвилык, косовская керамика, народный мастер, Российский этнографический музей, этнографические коллекции.

Украинское гончарство, представленное в собрании Российского этнографического музея (далее РЭМ) в первую очередь обширнейшим вещевым материалом, при наличии ярко выраженных признаков народного искусства с его традиционностью, анонимностью и коллективным характером творческой деятельности несет в себе выразительные черты персонифицированного культурного явления. Известна определяющая роль отдельных гончаров в формировании и развитии крупнейших центров народной украинской керамики на протяжении XIX в., а фундаментом народного искусства советской эпохи, как справедливо отмечал Б. С. Бутник-Сиверский, стало «творчество плеяды та-

лангливых народных мастеров, обладающих собственным индивидуальным почерком»¹.

В заданном контексте показательна история народного гончарства в украинском Прикарпатье, где ярчайшая традиция изготовления расписной керамики сложилась и получила развитие в XIX в. в среде гуцульских мастеров, проживавших в сел. Пыстынь, г. Косов и Куты. Сегодня центром сохранения и развития традиции гуцульской керамики является Косов, что обусловлено не только организационными мероприятиями в местном керамическом промысле середины прошлого столетия, но и проявившим свою эффективность механизмом передачи традиции из поколения в поколение. В первой половине XX в. судьба косовского гончарства оказалась, по сути, в руках представителей крупнейших гончарных династий – семей Роцибюк, Волощук и, в особенности, рода Совиздранюк, выдающейся представительницей которого была Павлина Иосифовна Цвилык (укр. Павлина Йосипівна Цвілик, 1891–1964) – мастер художественной керамики, Заслуженный мастер народного творчества УССР, член Союза художников СССР.

Жизненный путь и творчество П. И. Цвилык освещались в советской печати и научной литературе, при этом монографическое изучение биографии и обширного наследия керамистки является актуальной задачей для современных исследователей. На сегодняшний день библиография включает материалы, посвященные проблемам развития народной керамики украинского Прикарпатья в советский период², научно-популярные издания о творчестве выдающихся гуцульских мастеров³, а также отдельные статьи и монографические исследования феномена косовской керамики XIX–XX вв.⁴ Особую ценность при работе с вещевым материалом представляют каталоги с публикацией фотоизображений изделий Цвилык, в аннотациях к которым указаны названия использованных мастерицей мотивов орнамента⁵.

Перспективным направлением дальнейшего изучения творческого наследия П. И. Цвилык отечественными исследователями могут стать изыскания на базе вещевого материала из фондов Государственного музея изобразительных искусств им. А. С. Пушкина, Всероссийского музея декоративно-прикладного и народного искусства, Государственного Русского музея и Российского этнографического музея, на сегодняшний день располагающего одной из крупнейших за пределами Украины коллекцией работ Павлины Цвилык. Краткая характеристика этого собрания, его информационный потенциал в связи с изучением жизни и творчества мастерицы станут предметом рассмотрения в докладе.

В возрасте 19 лет П. Цвилык принимает участие в первой крупной выставке (Вена, 1910), примерно в это же время, по словам самой мастерицы, ее работы попадают в сферу внимания музеев⁶. Несмотря на это обстоятельство, творчество Павлины и ее мужа Григория Цвилыка 1920–1930-х гг. представлено в музейных собраниях и частных коллекциях единичными экземплярами. Аналогичная лакуна характерна и для собрания РЭМ, в котором полевое изучение культуры украинских горцев, успешно начатое в 1900-х гг. Ф.К. Волковым, в силу действия объективных геополитических факторов было прервано на несколько десятилетий⁷, на протяжении которых сотрудники музея сосредоточились на изучении центров народной керамики советской Украины.

Территория Гуцульщины, как известно, вошла в состав УССР только в 1939 г. Сохранившая верность традициям, исконному стилю гуцульской керамики Павлина Иосифовна приняла это событие с особым воодушевлением: «Настоящую свободу творчества, радость и наслаждение от своей работы я ощутила после воссоединения западных областей Украины с советской Украиной. Я почувствовала себя так, будто переживаю вторую молодость»⁸. Подтверждением этих слов стали необычайно плодотворные два десятилетия работы, ознаменовавшиеся настоящим расцветом творчества Павлины Цвилык.

На основании изучения учетной документации РЭМ первое поступление работ П.И. Цвилык в собрание может быть датировано 1956 г., когда в основном фонде была зарегистрирована небольшая коллекция работ выдающихся мастеров гуцульской керамики 1950-х гг. (РЭМ, № 6906), в состав которой вошли два сосуда, изготовленные П. Цвилык и представляющие собой традиционные для украинской народной керамики фляги-«калачи»⁹. Это приобретение было продолжением работы старшего научно-сотрудника (впоследствии руководителя) отдела этнографии Украины и Белоруссии А. С. Бежковича по комплектованию современной гуцульской керамики (в 1953 г. была приобретена коллекция работ старшего брата Павлины Иосифовны – именитого гончара Василя Совиздранюка, кол. РЭМ, № 6732), и по сей день оно остается единственным поступлением изделий Цвилык в результате экспедиционно-сборительской деятельности научных сотрудников Государственного музея этнографии народов СССР. В 1950–1980-х гг. коллекции гуцульской керамики формировались, главным образом, в ходе полевого изучения современного гончарного производства в артелях и мастерских, а также путем закупок в художественных салонах, что оставляло творчество не-

которых мастеров старшего поколения на периферии этнографических изысканий.

И действительно, Павлина Иосифовна являла собой исконный тип народного мастера, сформировавшегося и прошедшего творческий путь за пределами существовавших систем организованного ремесленного обучения и производства художественных изделий. Гончарка «с деда-прадеда» несла традиции старейшей в Косове династии, своими корнями уходящей в середину XIX в. — «золотой» период истории гуцульской керамики: современником легендарного гончара О. Бахматюка был дед Павлины по отцовской линии Олекса Совиздранюк¹⁰. Известными мастерами являлись дед по матери Михаил Волощук и отец Иосиф Совиздранюк, в совместной работе с которыми Павлина приобщилась к гончарству. Дальнейшее становление творческой индивидуальности Цвилик шло по пути эстетического освоения исключительного по своей живописности ландшафта Прикарпатья, а также локальной художественной традиции посредством обращения к наследию О. Бахматюка и творчеству своего современника П. Кошака (1864–1941). Такое влияние среды функционирования промысла на мастеров во многом обусловило становление косовской школы художественной керамики в середине XIX в., а также обеспечило относительную устойчивость локальных гончарных традиций в последующем столетии.

Глубоко традиционное в своих истоках и отличающееся выраженным художественным своеобразием творчество П. И. Цвилик, таким образом, всецело соответствовало ключевым атрибутам, определяющим феномен народного мастера, являвшегося «центральной фигурой народных художественных промыслов»¹¹, требовавшей особой заботы. На фоне активной модернизации традиционного хозяйственного уклада косовского гончарства (открытие керамического цеха при артели им. Т. Г. Шевченко (позднее ПХО «Гуцульщина») и производственных мастерских Художественного фонда УССР) Цвилик сохраняла автономность творческой деятельности, оставаясь верной традиционной домашней форме ведения промысла. Передавая изделия в салоны Художественного фонда, Павлина Иосифовна отмечала удобство такой формы реализации товара для «надомников», но все же сетовала по поводу утраты значимой для народного мастера рыночной коммуникации с покупателем¹².

Перспективы развития гончарных традиций в Косове в немалой степени были обусловлены отношением мастеров старшего поколения к своему опыту. Во второй половине 1950-х — начале 1960-х гг. после ухода из жизни супруга Павлина Иосифовна

сосредотачивается на передаче своих навыков и знаний внутри семьи, работая с дочерью Стефанией Заячук и главной своей помощницей – внучкой Надеждой Вербовской, а также выступает наставником для начинающих мастеров в отделе художественной керамики Косовского училища прикладного искусства. Особым направлением индивидуального творчества в этот период стала подготовка экспонатов к международным выставкам, среди которых следует отметить триеннале под эгидой Международной академии керамики в Остенде (1959) и Праге (1962)¹³.

Присвоение звания «Заслуженный мастер народного творчества УССР», вступление в Союз художников СССР (1958), вручение государственной награды СССР ордена «Знак Почета» (1960) – все это включало П. И. Цвилык в когорту выдающихся народных мастеров советской эпохи, на официальном уровне закрепляя идеологически востребованную связь расцвета народного гончарного искусства с коренными преобразованиями в жизни советского общества. При этом сам характер творчества Павлины Цвилык закрепил за ней славу «живого классика», хранителя подлинных традиций гуцульской керамики. Представляется, что именно эта миссия Цвилык вдохновила журналиста, писателя-прозаика Р. Н. Федорива¹⁴ и резчика по дереву, скульптора В. П. Одреховского¹⁵, воссоздавших образ легендарной гуцулки в своем творчестве. Особую известность Павлина Иосифовна обрела в среде искусствоведов, коллекционеров, краеведов, художников и фотографов, многочисленных гостей украинского Прикарпатья, среди которых было немало представителей художественной интеллигенции Ленинграда.

Живописная Гуцульщина была традиционным местом работы на пленэре педагогов и студентов Ленинградского института живописи, скульптуры и архитектуры им. И. Е. Репина (Академии художеств), излюбленным направлением творческих командировок членов Ленинградского Союза советских художников (позднее Ленинградского отделения Союза художников РСФСР). В глазах любителей и знатоков народного искусства Косов обнаруживал нечто общее с музеем под открытым небом, сохранившим естественную среду творческой жизни народных мастеров. В одних случаях целенаправленно, в других попутно посещавшие Прикарпатье ленинградцы приобретали изделия гуцульских гончаров на знаменитом косовском базаре, у самих мастеров и местных коллекционеров, формируя различные по объему и репрезентативности собрания косовской керамики. Именно эти частные коллекции впоследствии стали основным источником

комплектования собрания РЭМ памятниками традиционного гончарства украинцев-гуцулов XIX–XX вв.

В 1961 г. с предложением о приобретении небольшой коллекции косовской керамики, включавшей 3 работы О. Бахматюка и 15 изделий П. Цвилык (РЭМ, № 7398), в ГМЭ обратился известный ленинградский художник-монументалист, живописец, педагог Р. И. Вовкушевский. Несколько «плесканцов», кружек, а также набор для вина, изготовленные гуцульской мастерицей, Вовкушевский приобрел, по-видимому, во время посещения окрестностей Косова и работы над картиной «Прикарпатье» (1962). Фондообразователь лично выступил на заседании закупочной комиссии и обосновал правомерность приобретения этнографическим музеем современных образцов керамики тем, что в них «сохранилась старая народная традиция, национальный характер»¹⁶. На этом непродолжительный период прижизненных поступлений изделий П. И. Цвилык был завершен.

На протяжении последующих 30 лет собрание работ П. Цвилык пополнялось не интенсивно, но в русле постепенного расширения типологического ряда. В 1968 г. после экспонирования в стенах ГМЭ выставки «Современное искусство СССР» в фонды музея был передан 51 предмет из собрания Киевского государственного музея украинского народного декоративного искусства, в том числе 3 изделия именитой керамистки (РЭМ, № 7786)¹⁷. Ряд предметов поступил из частных коллекций искусствоведа З. А. Супищиковой (РЭМ, № 8356), ленинградских собирателей Г. Н. Эйсмонт (РЭМ, № 10163) и С. В. Кучлистой (РЭМ, № 10190, 10245).

Кардинальные изменения в плане комплектования собрания памятников гуцульского гончарства в целом, и керамики П. И. Цвилык в частности, произошли в период 1990-х – начала 2000-х гг. Поступления обширнейших коллекций ленинградского живописца, педагога Г. З. Левина (РЭМ № 11367, 11394), известного искусствоведа, знатока народного искусства Гуцульщины Д. Н. Гобермана (РЭМ, № 11638, 11938) и члена Союза художников СССР Н. П. Нератовой (РЭМ, № 11964) обеспечили ощутимый количественный рост собрания косовской керамики (более 700 ед. хр.) и, что более важно, вывели на совершенно иной уровень его информационный потенциал, обогатив как шедеврами XIX в., так и работами выдающихся мастеров прошлого столетия. В 2019 г. вклад ленинградских художников в комплектование работ П. И. Цвилык дополнило поступление горшочка-близнят в составе коллекции керамики из личного собрания

живописца, педагога, заслуженного деятеля искусств РСФСР О. А. Еремеева (РЭМ, № 13440).

Таким образом, на сегодняшний день наследие П. И. Цвилык в собрании Российского этнографического музея представлено 81 изделием. Предметы зарегистрированы в составе 12 коллекций, поступивших в музей с 1956 по 2019 г.; большинство вещей изготовлено в 1950–1960-х гг. – период наиболее активной творческой работы керамистки.

По своему объему собрание изделий П. И. Цвилык в РЭМ сопоставимо с аналогичными коллекциями в музеях Украины. Так, например, в Национальном музее народного искусства Гуцульщины и Покутья им. Й. Кобринского наследие четы Цвилык представлено 122 единицами хранения, из которых 96 изделий относятся к десятилетиям зрелого творчества мастерицы¹⁸. Весьма репрезентативным является вещевой материал РЭМ и в плане отражения этнографических и художественных особенностей творческого наследия мастерицы.

Большую часть собрания составляют традиционные формы открытой (миски, тарелки, блюда, подносы) и закрытой (кувшины, горшочки-двойнята, фляги типа «калач» и «плесканец», получившие особое развитие в творчестве Цвилык вазы) декоративно-бытовой посуды. Дополняют характерный для керамистки ассортимент изделий подсвечники-«трийцы», а также зооморфные игрушки-свистульки, миниатюрные копии традиционных форм посуды, известной в народном украинском гончарстве под названием «монетка» – именно с такой «мелочи» Павлина и начинала свой творческий путь в родительской мастерской.

К изделиям, выполненным по мотивам традиции, в первую очередь относятся декоративные настенные плакетки, отсылающие к богатому наследию гуцульского кахлярства (изготовление изразцов – *кахлей*). В то же время изготовление питейных наборов, а также малой декоративной пластики (брошек, копилки, пепельниц) лежало в русле освоения народными мастерами современной специфики оформления жилых интерьеров (принцип ансамблевости), реагирования на изменение быта советских людей.

Павлина Цвилык применяла технологию полумайолики (меццо-майолики), отдавая предпочтение гравировке росписи по белому ангобу, с последующим нанесением красно-коричневой глины, зеленой и желтой керамических красок, то есть способу декорирования, лежащему в основе феномена гуцульской керамики. Впрочем, коллекции РЭМ свидетельствуют о том, что мастерица обращалась и к менее распространенной в Косове тради-

ции росписи рожек по красно-коричневому фону – изготовлению так называемых «вишняков».

В литературе неоднократно подчеркивалась особая роль П. Цвилык в сохранении и развитии традиции сюжетной росписи, прославившей гуцульских мастеров XIX в., однако практически угасшей в первой половине следующего столетия. При этом, используя известную советскую формулу, можно отметить, что керамистка не стремилась к наполнению национальной формы социалистическим содержанием, предпочитая в росписи блюд и ваз традиционные сюжеты – свадьбу, танцы, игру на музыкальных инструментах, а также изображения животных и птиц. Однако именно творчество Цвилык стало одним из источников становления нового жанра в гуцульской керамике – скульптуры малых форм, создатели которой смело осваивали тематику советской эпохи.

Орнаментальное наследие мастерицы представлено преимущественно растительными мотивами, среди которых основными являлись «ветка», «листья» и многолепестковый «цветок», присутствующий на изделиях Цвилык в 4-х вариантах¹⁹. Для ее ваз и кувшинов была характерна ярсная компоновка орнамента с ритмичным чередованием мотивов. В качестве дополнительных компонентов росписи Павлина Иосифовна использовала геометрические элементы (кружки, капли, дужки, риски) и ассоциативно-абстрактные мотивы («зубцы», «подковки», «копытца», «заячьи ушки»), проявляя архитектонику изделия путем нанесения по краям, изгибам силуэта окантовочных полос, тонированных желтой керамической краской, «смужек».

Практически все выявленные в ходе исследования изделия являются подписными. Зафиксировано несколько вариантов подписей автора, выполнявшихся в технике гравирования, на основании либо оборотной стороне изделий: 1) фамилия и инициал на украинском языке: «Цвілик» (встречается на большинстве изделий), «Цвілик П»; 2) фамилия на польском языке: «Swilyk» – характерное явление для косовской керамики, отражающее длительное пребывание гуцульских земель в составе Польши, что позволяет поставить вопрос о возможности уточнения датировки подписанных таким образом предметов более ранним периодом – 1930-е гг. Подпись «Kosiv 1956 Цвілик Н. В.», в свою очередь, подтверждает опубликованные сведения о традиции использования внучкой легендарной мастерицы Надеждой Вербовской родовой фамилии, что должно было подчеркивать принадлежность работ талантливой преемницы к творчеству гончарной династии²⁰.

Перспективи дальнішого изучення насліддя П. І. Цвілик на матеріалах РЕМ обусловлені, прежде всего, інформаційним потенціалом колекцій гуцульської кераміки. В цьому контексті роботи мастериці можуть бути більш обстойливо розглянуті з урахуванням інтерпретації творчості їх створателя як звязуючого звена между класическим періодом розвитку косовської школи художественної кераміки в ХІХ в., процесами трансформації промисла в советське время и его современным состоянием. Неотъемлемым компонентом идентичности гуцульских керамистов, в ряду которых продолжают работу и представители династии Совиздранюк – Цвілик²¹, сегодня является память о своих выдающихся предшественниках, в творчестве которых выкристаллизовывалась традиция «косовской расписной кераміки», в 2019 г. вошедшая в Репрезентативный список нематериального культурного наследия человечества ЮНЕСКО.

¹ Бутник-Сиверский Б. С. Традиции и новаторство в украинском советском народном искусстве. М.: Наука, 1964. С. 3.

² См.: Бабій В. В. Талановитий майстер художньої кераміки//Народна творчість та етнографія. 1963. № 2. С. 84–86; Пам'яті Павлини Цвілик//Народна творчість та етнографія. 1964. № 4. С. 110; Щербак В. А. Сучасна українська майолика. Київ: Наукова думка, 1974. С. 7, 23–28; Он же. Художні особливості сучасної косівської майолики//Народна творчість та етнографія. 1973. № 6. С. 17–18; Сакович І. В. Народні традиції в сучасному керамічному промислі//Художні промисли: теорія і практика. Збірник наукових праць. Київ: Наукова думка, 1985. С. 61–66; Слободян О. А. Мастера косовской кераміки//Народные мастера. Традиции, школы: Сб. статей. М.: Изобразительное искусство, 1985. Вып. 1. С. 206–213.

³ См.: Goberman D. N. Гуцульщина – край искусства. Л.; М.: Искусство, 1966. С. 32–48; Он же. Росписи гуцульских гончаров. Л.: Искусство, 1971. С. 43–46; Соломченко О. Г. Гуцульське народне мистецтво і його майстри. Київ: Радянська Україна, 1959. С. 43–48; Он же. Народні таланти Прикарпаття. Київ: Мистецтво, 1969. С. 38–42.

⁴ См.: Лашук Ю. Косівська кераміка. Київ: Мистецтво, 1966. С. 81–93; Іванчук М. М. Значення творчості Павлини Цвілик у підготовці спеціалістів на кафедрі художньої кераміки//Мистецькі студії '02. Косів: Писаний камінь, 2002. С. 140–141; Кушнір О. В. Косівська кераміка другої половини ХХ століття (типологія, художні особливості, персоналії): дис. канд. мистецтвознавчих наук. Львів, 2011; Скаченко О. О., Гринюк М. М. Косівська мальована кераміка як феномен української культури. Київ: Вид. центр КНУКіМ, 2016. С. 20–23.

⁵ Виставка творів члена Спілки художників СРСР П. Й. Цвілик (1891–1964): Каталог/Авт.-упоряд. О. О. Слободян. Івано-Франківськ: Облполі-

графвидав, 1976; Павлина Цвілик: Альбом/Авт.-упоряд. О. Слободян. Київ: Мистецтво, 1982.

⁶ Бабій В. В. Указ. соч. С. 84.

⁷ АРЭМ. Ф.2. Оп. 1. Д. 1135. Л. 1.– Отчет научного сотрудника А. С. Бежковича об этнографической командировке в Западную Украину в 1953 г.

⁸ Цвілик П. Й. Мій ювілейний рік//Прикарпатська правда. 1959 (1 січня). Цит. по: Павлина Цвілик: Альбом. С. 8.

⁹ АРЭМ. Ф.2. Оп. 1. Д. 1232. Л. 14–15.– Протоколы заседаний закупочной комиссии ГМЭ за 1956 г.

¹⁰ Кушнір О. Гончарська династія Совіздранюків (присвячується 80-річчю Надії Вербівської) [Електронний ресурс] / Сайт кафедри дизайну КІПДМ ЛНАМ. URL: <https://artkipdm.kosiv.org.ua/2014/10/14/1028/> (дата обращения: 30.09.2022 г.).

¹¹ Цицивили Д. Н. О разработке терминологии народных художественных промыслов//Стенограмма Всесоюзной конференции по проблемам развития современного народного искусства в свете постановления ЦК КПСС «О народных художественных промыслах». М.: Советский художник, 1977. С. 169–171.

¹² Федорів Р. Ноги для тисячолітньої скрипки [Електронний ресурс]/Сайт Української літературної газети. URL: <https://litgazeta.com.ua/chytaty-onlayn/fedoriv-roman-noti-dla-tisacholitnoi-skripki/> (дата обращения: 30.09.2022 г.).

¹³ См.: Алексеев Б. К международной выставке художественной керамики//Декоративное искусство СССР. 1959. № 4. С. 31; Он же. На международную выставку керамики//Там же. 1962. № 6. С. 16.

¹⁴ Федорів Р. Плуг у борозні: повісті про людей. Львів: Каменяр, 1979; Он же. Ноги для тисячолітньої скрипки [Електронний ресурс]. URL: <https://litgazeta.com.ua/chytaty-onlayn/fedoriv-roman-noti-dla-tisacholitnoi-skripki/> (дата обращения: 30.09.2022 г.).

¹⁵ Гончарук О. Портрет у творчості Василя Одрехівського: специфіка художньо-образних вирішень//Вісник Львівської національної академії мистецтв. 2016. Вип. 30. С. 376; Скульптура гончарки П. Цвілик [Електронний ресурс] / Сайт Національного музею народного мистецтва Гуцульщини та Покуття імені Йосафата Кобринського (м. Коломия). URL: <https://hutsul.museum/collection/item/10782/> (дата обращения: 30.09.2022 г.).

¹⁶ АРЭМ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 1416. Л. 107–108.– Протоколы закупочной комиссии ГМЭ за 1961 г.

¹⁷ АРЭМ. Ф. 2. Оп. 1. Д.1606. Л. 8–9.– Протоколы заседаний закупочной комиссии ГМЭ народов СССР за 1968 г.

¹⁸ Баран Р., Олійник Н. Павлина Цвілик. Животворна пластика глини. [Електронний ресурс] / Сайт Національного музею народного мистецтва Гуцульщини та Покуття імені Йосафата Кобринського (м. Коломия). URL: https://hutsul.museum/museum/articles/pavlyna_tsvilyk_zhyvotvorna_plastyka_glyny/ (дата обращения: 30.09.2022 г.).

¹⁹ Кушнір О. Гончарська династія Совіздранюків (присвячується 80-річчю Надії Вербівської) [Електронний ресурс]. URL: <https://artkipdm.kosiv.org.ua/2014/10/14/1028/> (дата обращения: 30.09.2022 г.).

²⁰ Арбат Ю. Гуцульские гончары//Декоративное искусство СССР. 1958. № 4. С. 33–37.

²¹ Чорний М. Художні та стилістичні особливості творчих пошуків майстрів косівської мальованої кераміки//Актуальні питання гуманітарних наук: міжвузівський збірник наукових праць молодих вчених Дрогобицького державного педагогічного університету імені Івана Франка. Дрогобич: Видавничий дім «Гельветика», 2021. Вип. 45. Том 2. С. 55–61.

UDC 39;745/749;738(477.86);069.4

A. V. Khristenko

Legacy of P. Tsvilyk in The Russian
Museum of Ethnography

Khristenko Alexey Vladimirovich, The Russian Museum of Ethnography (St. Petersburg), the Department of Ethnography of the the Eastern, Southeastern and Central Europe, research fellow; lexa.khristenko@yandex.ru

Among The Russian Museum of Ethnography Kosov (Huzul) pottery collection, the body of work of Pavlina Tsvilyk (1891–1964), Honored Master of Traditional Arts of the Ukrainian SSR, member of the Artists' Union of the USSR, takes a significant, but to this day an understudied place. After studying the Museum's records and archives, the author presented the history of P. Tsvilyk collection acquisition, emphasizing the exceptional part the Leningrad artistic community played in it. The report also has a brief description of the collection, defines its scientific, cultural and historical value through the lens of representing the artistic legacy of P. Tsilyk, an outstanding bearer of the Kosov pottery art tradition in the soviet period.

Keywords: P. Tsvilyk, Kosov pottery, traditional craftsman, The Russian Museum of Ethnography, ethnography collections.

С. В. Романова

Рукописные материалы
П. И. Каралькина в архиве Российского
этнографического музея

Романова Светлана Владимировна, Российский этнографический музей (С.-Петербург), отдел этнографии Сибири и Дальнего Востока, научный сотрудник ведущей категории; romanova_rme@mail.ru

Целью данного доклада является общий обзор рукописных материалов сотрудника Государственного музея этнографии народов СССР П.И. Каралькина, хранящихся в архиве Российского этнографического музея. Выделяется четыре категории архивных дел, распределенных по двум фондам: рукописные неопубликованные научные работы Каралькина, составленные им планы и отчеты в качестве руководителя отдела этнографии народов Южной Сибири; переписка с фондообразователями, отчеты об экспедициях и командировках. Характеризуется тематика исследований в области полевой этнографии, анализируются экспедиционные отчеты ученого как результат деятельности в этнической среде, с которой он сам себя идентифицировал.

Ключевые слова: П. И. Каралькин, архив Российского этнографического музея, собирательская деятельность, полевая этнография, тюрки Сибири.

Петр Иванович Каралькин работал в Государственном музее этнографии народов СССР (ГМЭ народов СССР, ныне Российский этнографический музей – РЭМ) на протяжении двадцати пяти лет – с 1949 по 1974 г. В этот период он руководил архивом ГМЭ народов СССР, затем отделом этнографии народов Южной Сибири, являлся заместителем директора музея по научной деятельности. В качестве научного сотрудника П. И. Каралькин принимал участие во многих направлениях музейной работы. Его научные интересы всегда были связаны с тюркоязычными народами Саяно-Алтайского региона. П. И. Каралькин – автор ряда работ, в которых он выступает как историк этнографической науки, знаток традиционной культуры тюркоязычных народов Южной Сибири (хакасов, ту-

винцев, шорцев, различных этнотерриториальных групп алтайцев и сибирских татар), специалист в области музейного дела¹.

Краткий биографический очерк, посвященный П. И. Каралькину, а также статьи о его собирательской деятельности были опубликованы в сборнике «Культура и традиции народов Северного Алтая»² и помещены на официальном сайте РЭМ в разделе «Собиратели»³. В данной публикации хотелось бы остановиться на его рукописном наследии, хранящемся в архиве РЭМ. Рукописи статей, докладов и тезисов П. И. Каралькина учтены под шифром «фонд 2, опись 2»⁴. Фонд 2, опись 1 содержит несколько видов материалов. Это его планы и отчеты как руководителя отдела этнографии народов Южной Сибири ГМЭ народов СССР⁵; переписка с фондообразователями⁶; и самые многочисленные и интересные материалы – отчеты П. И. Каралькина об его экспедициях и командировках в Сибирь⁷.

Полученные ученым сведения, касающиеся таких коренных малочисленных народов Южной Сибири, как телеуты и шорцы, были введены С. В. Романовой в научный оборот в сборнике материалов XIV конгресса антропологов и этнологов России⁸. Большую историко-культурную и научную ценность представляют результаты исследований Каралькина в области этнографии кумандинцев, в советское время считавшихся одной из этнотерриториальных групп северных алтайцев (к которой этнически принадлежал и сам исследователь), а в настоящее время выделенных в самостоятельный этнос. Экспедиционная работа среди кумандинцев проводилась в рамках Саяно-Алтайской этнографической экспедиции АН СССР в 1951 г. Полевые материалы, впоследствии опубликованные в виде самостоятельного очерка, первоначально были представлены на заседании расширенного ученого совета ГМЭ народов СССР в 1952 г. В сообщении была дана общая характеристика кумандинцев, приведены данные об истории изучения их культуры, расселения, антропологии, проблемах этногенеза, родového состава, освещены направления хозяйственной деятельности, степень русского влияния на различные сферы жизни, роль советских преобразований традиционной культуры.

Наиболее развернутые отчеты посвящены поездкам исследователя в Туву и Хакасию. Особенно плодотворной оказалась работа, проходившая в Тувинской автономной области в составе экспедиции Института этнографии АН СССР. Поездки осуществлялись в 1955, 1957–1959 гг. (под руководством профессора Л. П. Потапова) и в 1967 г. (экспедиция, совмещенная с поездкой в Алтайский край). В ходе полевой практики Каралькиным были обследованы Каа-Хемский, Тоджинский, Тес-Хемский, Эрзинский, Тандинский,

Улуг-Хемский, Чаа-Хольский, Дзун-Хемчинский, Тере-Хольский, Монгун-Тайгинский, Барун-Хемчикский и Бай-Тайгинский р-ны Тувы. Особое внимание в ходе экспедиций этнограф уделял советским преобразованиям в Туве, переходу кочевого населения на оседлость и ряду инноваций в культуре тувинцев второй половины XX в. Одной из целей исследователя было уточнение способа использования некоторых предметов, приобретенных Ф. Я. Коном в первые годы XX в. во время экспедиции в Урянхайский край Китайской империи.

Отчет П. И. Каралькина об экспедиции в Хакасскую автономную область Красноярского края в 1962 г. составляет 27 машинописных страниц. В этой поездке он выступает в качестве руководителя экспедиции. Вместе с ним в экспедицию отправились сотрудник просветительного отдела ГМЭ народов СССР И. А. Морковина и фотограф М. В. Ерофеева. По приглашению Хакасского научно-исследовательского института языка, литературы и истории (ХакНИИЯЛИ) члены экспедиции приняли участие в конференции, посвященной известному тюркологу, этнографу, профессору Казанского университета Н. Ф. Катанову, посетили Минусинский музей, обследовали Усть-Абаканский, Аскизский, Ширинский р-ны Хакасии. Помимо хакасского населения было проведено обследование группы чувашей, переселенцев из Ядринского, Шумерлинского и Советского р-нов Чувашской АССР. К отчету прилагаются тщательно выполненные планы усадеб, а также традиционных и совхозных жилищ на 9 листах.

Небольшая по объему, но интересная информация содержится в отчете Каралькина о поездке к тобольским и тюменским татарам в 1959 г. За 15 дней командировки им было обследовано 8 населенных пунктов: в Тюменском р-не юрты Казарово, Матмасово, Новые юрты, Ембаево и Тураево и в Тобольском р-не – Кызылбаево, Епанчино, Комарово. Велась также работа среди татар г. Тобольска. Исследователь констатировал, что в Тюменской обл. проживают 3 группы татар: бухарлар (или сартар), казанлар и чолдонор; затрагивал вопросы их происхождения. В большей степени исследователь работал с двумя первыми (пришлыми) группами и в меньшей степени с автохтонной группой, которая называлась также кучумовские или ясашные татары. В отчете приводится информация о жилище, элементах традиционного костюма, детском воспитании, похоронной обрядности, мусульманском культе, родовом составе, традиционных занятиях, фиксируется традиционная лексика, а также содержатся этнографические прорисовки, касающиеся таких тем, как интерьер жилища, воспитание ребенка и похоронная обрядность.

Обобщая обзор рукописных материалов исследователя, необходимо отметить, что П. И. Каралькин фиксирует этнографический материал, будучи носителем алтайского языка. Поэтому, находясь в среде тувинцев, он довольно быстро начинает понимать и тувинский язык или, как он пишет, «тувинский тюркский язык», что свидетельствует не только о близости тюркских языков Саяно-Алтайского региона, но и о тонкости понимания ученым явлений традиционной культуры, дающем ему возможность не только констатировать советские преобразования, но и критически их осмыслять, а также проводить параллели между однопорядковыми явлениями в разных этнических средах. Изучение рукописного фонда Петра Ивановича Каралькина позволяет сделать вывод о его тематическом разнообразии, фактологической насыщенности и достоверности собранного материала, который может служить ценным источником для изучения традиционной культуры тюркоязычных народов Сибири, инновационных процессов советского периода.

¹ Каралькин П. И. Жилище в Западной Туве//Труды тувинской комплексной археолого-этнографической экспедиции. М.; Л., 1960. Т. I; Он же. Из истории Абаканского завода//Записки Хакасского научно-исследовательского института. Абакан, 1957. Вып. 5; Он же. Кумандинцы (по материалам Саяно-Алтайской экспедиции Института этнографии АН СССР)//Краткие сообщения Института этнографии. М., 1953. Т. XVIII.; Он же. Об архиве Г. И. Спасского//Советская этнография. 1956. № 4; Он же. О древнейшем способе доения скота у кочевников-скотоводов (по материалам Алтая и Тувы)//Этнография народов Алтая и Западной Сибири. Новосибирск, 1978; Он же. Письма В. К. Арсеньева//Труды Дальневосточного филиала Сибирского отделения АН СССР. Серия: История. Благовещенск, 1963. Вып. V; Он же. Промысел диких пчел у южных хакасов//Известия Всесоюзного географического общества. Т. 84. Вып. 1. Л., 1952; Он же. Тувинские шахматы//Этнография народов СССР. Л., 1971; Каралькин П. И., Крюкова Т. А., Предтеченская З. Б. Использование этнографических коллекций как источник в научно-исследовательской работе (Из опыта Государственного музея этнографии народов СССР). М., 1964; и др.

² Малинов А. В. К 100-летию со дня рождения П. И. Каралькина//Культура и традиции коренных народов Северного Алтая. СПб., 2008. С. 218; Романова С. В. Коллекции П. И. Каралькина в собрании РЭМ//Там же. С. 250–256.

³ Игнатьева О. П., Романова С. В. Каралькин Петр Иванович. URL: <https://ethnomuseum.ru/kollekcii/sobirateli/karalkin-petr-ivanovich/> (дата обращения: 17.06.22).

⁴ АРЭМ. Ф. 2. Оп. 2. Д. 194, 235, 248, 249, 258, 272, 289, 301, 316, 327, 328.

⁵ АРЭМ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 1181. Л. 28–32; Д. 1211, 1213.

⁶ АРЭМ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 1234, 1342.

⁷ АРЭМ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 1071. Л. 101–123; Д. 1164, 1165, 1166, 1194, 1267, 1268, 1269, 1341, 1431, 1580, 1663.

⁸ Романова С. В. Материалы П. И. Каралькина о телеутах и шорцах в Архиве РЭМ//XIV конгресс антропологов и этнологов России: Сб. мат-лов. Томск, 6–9 июля 2021 г. М.; Томск, 2021. С. 475.

UD C39; 397.4

S. V. Romanova

P. Karalkin's Manuscripts in the Russian
Museum of Ethnology Archives

Romanova Svetlana Vladimirovna, The Russian Museum of Ethnography (St. Petersburg), the Department of Ethnography of the Siberia and Far East, leading research fellow; romanova_rme@mail.ru

The paper's goal is to give an overview of manuscripts left by one of the State Museum of Ethnography of the Peoples of the USSR staff, P. Karalkin. The manuscripts are now being kept in the Russian Museum of Ethnology archives. There are four archive cases categories divided into two holdings: P. Karalkin's manuscripts, plans and reports written by him being the manager of the South Siberia ethnography department; his correspondence with holdings contributors, expeditions and business trips reports. The author typifies the subjects of field ethnography research, analyzes P. Karalkin's expedition reports as a result of his effort in the ethnic environment he identified himself with.

Keywords: P. Karalkin, the Russian Museum of Ethnology archives, collection activities, field ethnography, the Turkic peoples of Siberia.

О. М. Фишман

Проект «Собиратели Российского
этнографического музея»: цель,
подходы, методы, структура

Фишман Ольга Михайловна, Российский этнографический музей (С.-Петербург), отдел этнографии Северо-Запада и Прибалтики, заведующая, доктор исторических наук; olga_fishman@mail.ru

В 2021 г. был начат новый виртуальный проект с целью воссоздания индивидуальных портретов наиболее известных ученых, корреспондентов и сотрудников музея, личные и творческие биографии которых на протяжении XIX – начала XXI в. были связаны с музейным поприщем. Все они внесли значительный вклад в развитие отечественной этнографической науки, исторического источниковедения и музееведения, а также в формирование ценнейшего собрания этнографических коллекций России, отражающего традиционную культуру многонационального населения страны более чем за 100-летнюю историю сложения музейного фонда. Судьбы одних из них достаточно известны, других – мало изучены в силу различных обстоятельств. Актуальность проекта связана с пересмотром устаревших представлений о собирательстве памятников этнической культуры и обозначении его как формы интеллектуальной деятельности и традиций музейного сообщества, преемственности и реконструкции идей, заложенных «отцами-основателями». Именно это позволяет оценить потенциал и мировоззренческие позиции собирателей прошлого и настоящего, дать по возможности объективную оценку их роли в комплектовании музейного фонда, развитии методики экспедиционно-собирательских исследований в их современном восприятии. На основании многих библиографических публикаций, в том числе сотрудников Российского этнографического музея, а также имеющегося опыта создания электронных баз данных по персоналиям в этнологии, фольклористике, источниковедении и историографии, была разработана структура проекта, участниками которого составлен список собирателей (500 персон) из

более чем 3 тысяч фондообразователей музея. В докладе проанализирована работа авторского коллектива (более 30 научных сотрудников) за 2021–2022 гг., включавшая подготовку и написание более 100 научно-биографических текстов, опубликованных на музейном сайте.

Ключевые слова: онлайн проект «Собиратели Российского этнографического музея», цель, подходы, методы, тематическая структура.

С 2021 г. на сайте Российского этнографического музея (далее РЭМ) открыт новый онлайн–проект «Собиратели Российского этнографического музея» (<https://ethnomuseum.ru/kollekcii/sobirатели/>). Этот постоянно обновляемый информационный ресурс по истории РЭМ рассчитан на 2021–2025 гг. Его цель воссоздать индивидуальные портреты наиболее известных ученых, корреспондентов и сотрудников музея, личные и творческие биографии тех, кто на протяжении XIX – начала XXI в. был связан с музейным поприщем. Все они внесли значительный вклад в развитие отечественной этнографической науки, исторического источниковедения и музееведения, а также в формирование ценнейшего собрания этнографических коллекций России, отражающего традиционную культуру многонационального населения страны более чем за 100-летнюю историю сложения музейного фонда. Судьбы одних из них достаточно известны, других – мало изучены в силу различных обстоятельств. Это не только известные специалисты (этнографы, лингвисты, фольклористы, археологи, историки и др.) и корреспонденты, но и представители разных социальных статусов, уровней образования, национальностей, конфессий, возрастов, характеров; с различной мотивацией этнографических исследований и субъективных подходов к собственной собирательской деятельности.

Устойчивый интерес в отечественной этнографии к созданию различного рода работ биографического и библиографического характера: очерков, монографий, справочников, сводов библиографических трудов тех или иных исследователей, электронных БД по персоналиям – складывается с 1990-х гг.

Коллектив РЭМ в последние десятилетия успешно наращивал разработку актуального направления «Этнографическая историография и источниковедение»: были проведены конференции, вышли в свет сборники, научно-биографические и библиографические издания, подготовлены выставки, посвященные жизненному пути и научному наследию крупных ученых, сотрудников РЭМ, собирателей коллекций – всех тех, кто закладывал фунда-

мент этнографического музееведения в России и способствовал комплектованию и приумножению уникального этнографического фонда, развитию и эволюции собирательской и исследовательской идеологии своего времени (Д. А. Клеменц, Ф. К. Волков, С. И. Руденко, С. А. Анский, А. К. Сержпутовский, Э. А. Вольтер, Н. И. Репников, Д. А. Золотарев, Е. М. Шиллинг, В. В. Чарнолуцкий), а также нашим современникам, внесшим значительный вклад в развитие музея, формирование его музейных коллекций (Т. А. Крюкова, Е. Н. Студенецкая, П. И. Каралькин, А. С. Морозова, А. Л. Натансон, Н. П. Соболева и др.).

Актуализация подобного рода биографических исследований в последние десятилетия во многом способствовала необходимости пересмотра устаревших представлений о взаимоотношениях музея, общества, науки и личности в русле актуальных науковедческих направлений в музеологии, историографии, персональной истории и информатизации. Все большее признание получает подход, рассматривающий развитие научной мысли в контексте широкого комплекса интеллектуальных и социально-политических факторов. В их числе и новый концепт – «интеллектуальный ландшафт музейного собирательства», основанный на теоретических разработках по культурно-интеллектуальной истории Л. П. Репиной.

Исходя из этого собирательство памятников этнической культуры можно рассматривать как форму интеллектуальной деятельности и традиций музейного сообщества, преемственности и реконструкции идей, заложенных «отцами-основателями». Именно это позволяет оценить потенциал и мировоззренческие позиции собирателей прошлого и настоящего, дать по возможности объективную оценку их роли в комплектовании музейного фонда, развитии методики экспедиционно-собирательских исследований в их современном восприятии.

Более чем из 3 тыс. фондообразователей РЭМ в список собирателей участники проекта включили свыше 500. За 2021–2022 гг. на музейном сайте размещено более 120 персон, в написании статей о которых участвовало более 30 специалистов музея.

Согласно разработанной схеме каждая статья включает биографическую справку о собирателе: фамилию, имя, отчество; точную дату и место рождения; дату смерти и место захоронения; сведения о родителях; месте и времени получения образования; роде занятий; периодах основной работы; сфере научных интересов (тема, время и место защиты кандидатской и докторской диссертаций, участие в научных обществах и т.п.); дополнительных фактах биографии); основное внимание уделено характеристике важней-

ших направлений профессиональной, педагогической, государственной и общественной деятельности. Акцент сделан на описании их собирательской работы, так как этот аспект их деятельности остался для многих историографов и библиографов неизвестным, например, участие в научных экспедициях (с указанием названия экспедиции, региона, задач поездки). Каждая статья сопровождается выявленными архивными данными, перечислением основных работ и библиографических изданий, кратким описанием собранных вещевых, фото- и иллюстративных коллекций РЭМ, а также фотографий наиболее значимых и редких памятников и архивных документов (копии фрагментов полевых дневников и отчетов, рисунки), которые дают представление о характере, обстоятельствах и результатах собирательской деятельности. Иллюстрации раздела «Собиратели» пополняются за счет КАМИСа – музейной информационной системы, обеспечивающей учет и хранение коллекционного собрания РЭМ.

Анализ представленных на музейном сайте материалов свидетельствует об успешной реализации замысла: фактически половина статей посвящена основателям и сановным покровителям музея (вел. кн. Г. М. Романову, вел. кн. Н. Н. Романову, А. М. Раевской, В. А. Черкасскому, Н. В. Адлербергу, О. О. Визелю), известным ученым, специалистам (этнографам, языковедам, фольклористам, археологам, историкам и др.), корреспондентам музея, художникам, коллекционерам конца XIX – начала XXI в.; определенная часть статей – исследователям 1920–1930-х гг., в большинстве своем написанных с использованием архивных материалов; некоторые статьи воссоздают портреты музейных сотрудников 1950–1970-х гг.

Истории жизни и деятельности собирателей позволяют оценить их мировоззренческие позиции, дать по возможности объективную оценку роли ученых в комплектовании музейного фонда, развитии методики экспедиционно-собирательских исследований.

Научная репутация многих собирателей Этнографического отдела (далее РЭМ) Русского музея вышла далеко за национальные рубежи, их деятельность отличалась оригинальностью научных концепций, разнообразием и новизной методов, применяемых в этнографических исследованиях и в полевой работе.

Стоявшие у истоков основоположники музея, авторитетнейшие музейеведы своего времени Д. А. Клеменц, Е. А. Ляцкий, К. А. Иностранцев, Н. Н. Могилянский, А. А. Миллер, Ф. А. Филельструп, К. К. Романов, были членами-корреспондентами отечественной Академии наук, Русского географического и Русского

археологического общества, а также зарубежных общества истории и древностей Германии, Франции, Соединенных Штатов, Парижского географического общества и др. признанных научных центров.

Довольно убедительно представлены последователи школы палеоэтнологии, которая занимала ведущие позиции в российской науке начала XX в. Многие из них – востоковеды, славяноведы, сибиро- и финноугроведы, блестящие антропологи, археологи, этнографы, среди которых следует назвать Г. А. Бонч-Осмоловского, А. А. Миллера, С. Г. Рыбакова, А. В. Журавского, С. А. Теплоухова, Д. А. Золотарева, Е. С. Артюхова, В. А. Бабенко, А. З. Носова, Е. Р. Шнейдера и др. были учениками известного ученого, палеоэтнолога Ф. К. Волкова (Вовка), работавшего хранителем ЭО РМ.

К числу именитых корреспондентов, изначально и плодотворно сотрудничавших с ЭО, которым участники проекта посвятили свои статьи, следует отнести выдающихся исследователей – этнографов, фольклористов, музыковедов, лингвистов, географов, писателей: Э. А. Вольтера, И. А. Орбели, Н. Ф. Финдейзена, профессора Хельсинкского университета У. Т. Сирелиуса, Н. И. Привалова, В. К. Арсеньева, А. В. Адрианова, Н. Я. Марра, А. А. Лорис-Мелик Калантар; М. Е. Евсевьева – выдающегося мордовского ученого, прогрессивного общественного деятеля науки и культуры своего времени, а также профессора Казанского университета И. Н. Смирнова.

Среди известных советских ученых, участников и руководителей экспедиций, собирателей уникальных коллекций необходимо отметить П. П. Ефименко, сибироведов Бориса Александровича Васильева и Виктора Николаевича Васильева.

Материалы сайты РЭМ отражают собирательскую деятельность многих художников, архитекторов, фотографов: Д. М. Дудина, И. Я. Билибина, Р. Зариньша, В. А. Плотникова, М. А. Круковского, А. М. Высоцкого, Р. М. Габе, Л. Е. Дмитриев-Кавказского, А. Л. Колобаева, Д. Н. Гобермана, К. К. Романова, М. И. Малаховой, И. В. Савицкого, а также коллекционеров: И. А. Гальнбека, К. Д. Далматова, Ф. М. Плюшкина, П. П. Потоцкого, М. Е. Свердлова, И. Ф. Тюменева.

На основании архивных данных дополнены и восстановлены биографии земских учителей А. А. Баталина, В. А. Егорова, А. А. Киселева, А. В. Лесковой, целой плеяды этнографов 1920–1930-х гг., учеников Д. А. Золотарева: З. П. Малиновской, Н. Ф. Прытковой, Н. С. Розова, М. Ю. Пальвадре.

Тексты музейного сайта в той или иной степени свидетельствуют о широком круге научных компетенций собирателей музея, об их участии в разработке новых оригинальных идей в различных отраслях гуманитарного и естественного знания, преподавательской, общественной и политической деятельности (Н. Ф. Арепьев, А. А. Фомин, Е. В. Близняк, Д. М. Головачев, Ф. Я. Кон, Аргымай Кульджин, А. А. Иванов).

Очевидно, что дальнейшая работа позволит дополнить уже опубликованные статьи новыми данными, как это сделано, например, в отношении ряда репрессированных этнографов, таких как А. И. Зарембский, А. З. Носов, А. Лорис-Меликов Калантар, В. В. Сахаров, С. А. Теплоухов, Ф. А. Фиельструп, Е. Р. Шнейдер, Е. М. Шиллинг.

UDC 303.822

O. M. Fishman

“Collectors of The Russian Museum of Ethnography”
Project: Goal, Approaches, Methods, Structure

Fishman Olga Mikhailovna, The Russian Museum of Ethnography (St. Petersburg), the Department of Ethnography of the North-West and the Baltic States, head of department, D. Sc. (History); olga_fishman@mail.ru

A new virtual project started in 2021 has a goal to restore individualities of the most well-known researchers, reporters and the Museum employees who dedicated their lives and careers to the Museum in the XIX – early XXI centuries. All of them made significant contributions to Russian and Soviet ethnography, historic source and museum studies, as well as to the formation of the most valuable ethnography collections in Russia that showcase traditional cultures of its multiple ethnicities in over 100 years of the museum holdings formation history. Some of them are relatively well-known while others remain in obscurity for a variety of reasons. The project relevance is predicated on the revision of obsolete concept of the ethnic artefacts collection and its recognition as a form of mental effort and the museum community's tradition, succession and restoration of the ideas proposed by the “founding fathers”. That's what enables us to assess the past and current collectors' potential and worldviews, evaluate the part they played in the holdings acquisition and the modern collection expedition methods development objectively, if possible. Based on a great number of bibliographic sources, published, among others, by The Russian Museum of Ethnography staff, and our experi-

ence in creating digital databases of ethnology, folklore studies, source studies and historiography personalities, we developed the project structure and compiled a list of 500 personalities out of over 3,000 Museum holdings collectors. The paper analyzes the work of the authoring team (over 30 research fellows) in 2021–2022, including researching and writing over 100 personal and scientific histories published on the Museum website.

Keywords: “Collectors of The Russian Museum of Ethnography“ online project, goal, approaches, methods, theme structure.

О. В. Лысенко

Этномузеологический проект «Славяне Восточной Европы» – тридцать лет спустя

Лысенко Олег Викторович, Российский этнографический музей (С.-Петербург), отдел этнографии Восточной, Юго-Восточной и Центральной Европы, ведущий научный сотрудник, кандидат исторических наук; n_lysenko@mail.ru

Проблема преемственности всегда присутствует в исследованиях этномузеологического наследия. Значение преемственности как научного, историко-культурного и социального феномена не менее актуально, чем значение понятия традиции в осмыслении причин деформации этнокультурного ландшафта не как урбанистической проблемы, а как вопроса «мутаций» сознания нашего современника, теряющего навыки исторического мышления. Для Российского этнографического музея, органично вписанного в историю России, преемственность может стать актуальной стратегией его развития. В докладе линия преемственности рассматривается в 30-летней перспективе экспозиционной деятельности музея и концептуальных положений проекта «Славяне Восточной Европы: человек в этнокультурном пространстве» (1992).

Ключевые слова: этномузеологическое наследие, этнографическое источниковедение, историческая память, этническая идентичность, история славян, этнографические музеи.

Незнание элементарных сущностей вещей порождает ложные доктрины. Смысл этой фразы будет по-разному понят в зависимости от места и времени. В музейном сообществе он приобретает особое значение, тем более в год двойного юбилея – 120-летия Российского этнографического музея (далее РЭМ) и 100-летия образования СССР. Большие юбилеи, уходя за горизонт, живут в ритме дискретных событий, складываясь в хронологии и исторические периодизации. Это особая форма исторического мышления – перебирать четки памяти, завязывая узелки на событиях прошлого. Начавшаяся 120 лет назад активная музейная деятельность Этнографического отдела (далее ЭО), через 20 лет была прерва-

на революцией и войной. Во внутренней жизни музея произошли изменения, коснувшиеся самого главного – не научной доктрины (что само собой разумеется, это произойдет естественным путем позже), а преемственности как естественного механизма развития, обеспечивающей непрерывность исторического процесса и существования социума как живого организма.

На новом витке истории мы обнаруживаем метафизические смыслы в прошедших событиях. «Символический ритуал» учреждения в 1895 г. Русского музея императора Александра III противопоставил революционности грядущих десятилетий естественную историю России, идею преемственности. Эта идея выявляет бесплодность любой «всеобщей» революции, любой попытки разом изменить общество и начать историю заново. Последнее с очевидностью прослеживаются в нарастающем современном конфликте традиционных ценностей и «культуры отмен», амбициозной агрессии дискурса некомпетентности¹. Эта ситуация хорошо известна и описана, что не мешает ей регулярно повторяться. Еще в начале прошлого века, размышляя о преемственности в контексте европейских революций и национально-освободительных движений накануне расцвета фашизма в Европе, испанский философ, воспитанник колледжа отцов-иезуитов, Хосе Ортега-и-Гассет, предупреждая нас, писал: «Революции, безоглядные в своей нетерпеливой спешке, лицемерно щедры на обещания всевозможных прав, попирают первейшее право человека, настолько первейшее, что оно определяет человеческую сущность – право на непрерывность, на преемственность. Единственное коренное отличие естественной истории от человеческой в том, что последняя не может начинаться заново... Преемственность – это право человека, это дань уважения всему, что отличает его от животного»².

Разумеется, мы можем найти не менее эмоционально окрашенные оценки и у русских мыслителей, таких как Пителим Сорокин, причислявшим революцию к трем социальным бедствиям – эпидемии, голоду и войне, свидетелем которых он был в России до его вынужденной эмиграции в 1922 г. Однако, следует помнить, что в русском сознании события революции и Гражданской войны – это область коллективной памяти³ и одновременно персонифицированный опыт переживаний, сохранившийся в личных архивах и публикациях, который не прошел мимо и сотрудников музея.

В докладе линия преемственности рассматривается в 30-летней перспективе экспозиционной деятельности музея и концептуальных положений проекта «Славяне Восточной Европы: человек в этнокультурном пространстве» (1992)⁴. В год 100-летнего юбилея музея в докладах Первых этнографических Санкт-Петербургских

чтений отмечалось, что выставка «задуманная как краткосрочная (на 3 месяца) ... просуществовала 10 лет и по-прежнему занимает одно из центральных мест в экспозициях музея»⁵, «до сих пор пользуется неизменной популярностью у посетителей»⁶. В 2003 г. ее сменил «Парад народов», выстроенный к 300-летию юбилею основания Санкт-Петербурга.

Отдавая приоритеты в этномузеологических исследованиях дескриптивной этнографии и аналитической этнологии, необходимо помнить и о цикличности истории, и о природе музейной деятельности, в основе которой лежит концепт «вечного возвращения». В этом смысле идея «славянского проекта» имманентно присутствует в дискурсе РЭМ, будь то времена Российской империи, Советского Союза⁷ или современной России.

Славянские коллекции даже без учета их «русской» составляющей остаются самыми многочисленными в музейном собрании. Интересно и то, как началось их комплектование: как только стало известно о создании ЭО, Ф.К. Волков в ноябре 1903 г. написал из Львова директору ЭО Д.К. Клеменцу о необходимости срочных сборов, «так как многие этнографические предметы собирали и вывозили американские промышленники»⁸. Так начали формироваться коллекции по русинам, гуцулам, бойкам и другим этническим группам населения Карпат. Эти материалы, приобретенные на деньги музея во время этнографических экспедиций 1903–1907 гг., составили «Галицийскую выставку» 1915 г.⁹ Открытие прошло на Пасхальной неделе накануне русского наступления на Перемышль. Это была первая и последняя совместная выставка Ф.К. Волкова, Н.М. Могилянского и А.К. Сержпутовского – сотрудников музея, собравших наиболее значительные коллекции по восточным славянам¹⁰. Наступали смутные времена войны и революции. В советский период этот важный для музея научно-экспозиционный опыт был забыт.

В 1992 г. преемственность была восстановлена, материалы и этнографические описания «Галицийской выставки» органично вошли в раздел новой экспозиции.

Проект, как научно-исследовательский и экспозиционно-выставочный эксперимент, возник в момент распада Советского Союза. Открывшаяся 1 июля 1992 г. выставка пришла на смену идеологически обоснованной, или, как сказали бы в наши дни, концептуально выстроенной экспозиции ГМЭ народов СССР «Новое и традиционное в современном жилище и одежде народов СССР» (1969)¹¹. Это выставка входила в целый блок обобщающих экспозиций¹², составляющих идеологическое ядро концепции развития музея на последнем этапе СССР¹³.

В осуществлении проекта на практике важную роль сыграл научно-экспозиционный опыт выставки «Полесье – архаичные зоны славянского мира» (1990). На примере локальной традиции были сформулированы музееведческие аспекты изучения и репрезентации этнокультурного пространства, включающие новую для музея тему экологии культуры. Инновационным элементом был и успешный эксперимент по интеграции в этномузеологический проект коллектива клуба ручного ткачества «Параскева» (1991) по программе «Исследования в области архаичных форм текстиля». В целом, концепция проекта учитывала актуальные в 1970–1980 гг. научные подходы и методы в описании артефактов и этнокультурных феноменов, в чем, несмотря на изменение идеологического контекста, проявилась преемственность. Приоритеты были обозначены прежде всего в области исследования архаичных форм культуры¹⁴ и комплексного изучения системы жизнеобеспечения этноса¹⁵ с учетом междисциплинарного подхода.

В наши дни идеи проекта получили продолжение уже в формате мультимедийной программы «Этнокультурные параллели в традициях народов Белоруссии, Украины и России» (2021), в научно-исследовательской теме «Этнокультурные ареалы Восточной Европы в этномузеологическом измерении», ориентированной на подготовку новой экспозиции музея.

Проблема преемственности всегда присутствует в исследованиях этномузеологического наследия. Ее значение как научного, историко-культурного и социального феномена не менее актуально, чем значение понятия традиции в осмыслении причин деформации этнокультурного ландшафта не как урбанистической проблемы, а как изменений сознания нашего современника, теряющего навыки исторического мышления. Для РЭМ, органично вписанного в историю России, преемственность может стать актуальной в стратегии его развития.

¹ «Особенность нашего времени в том, что заурядные души, не обманываясь насчет собственной заурядности, безбоязненно утверждают свое право на нее и навязывают ее всем и всюду. Как говорят американцы, отличаться – неприлично»//Хосе Ортега-и-Гассет. Восстание масс/Пер. А.М. Гелескула, 1991. URL: <http://www.philosophy.ru/library/ortega/vosst.html>

² Хосе Ортега-и-Гассет. Из предисловия к французскому изданию «Восстания масс»//Хосе Ортега-и-Гассет. Восстание масс. URL: https://www.gumer.info/bogoslov_Buks/Philos/gasset/v_gusch.php

³ В этнокультурных традициях практически у всех народов существовали ритуалы бедствий, коллективные формы ритуального поведения

в экстремальных ситуациях как способ восстановления баланса, диалога с миром стихии. В славянской традиции это тщательно описанные фольклористами и этнографами окказиональные обряды защиты посевов от засухи, градобитья, пожаров, моровых поветрий, наводнений и прочих природных аномалий.

⁴ Лысенко О. В. Выставка «Славяне Восточной Европы» как модель концептуальной экспозиции: вещь в музейном и этнокультурном пространствах//Материалы по этнографии. Т. III: Народы Белоруссии, Украины, Молдавии. СПб., 2010. С. 259–306.

⁵ Он же. Исчезающее пространство музея (к 10-летию проекта «Славяне Восточной Европы: человек в этнокультурном пространстве») // Этническое единство и специфика культур: Материалы Первых Санкт-Петербургских этнографических чтений. СПб., 2002. С. 50.

⁶ Прокопьева Н. Н. Принцип комплектования костюмов к выставке «Славяне Восточной Европы: человек в этнокультурном пространстве» (севернорусской и полесский регионы) // Там же. С. 153.

⁷ Первая послевоенная выставка – «Народное искусство и национальная одежда славянских народов» (1945–1948) // Российский этнографический музей 1902–2002: Альбом. СПб., 2001. С. 50.

⁸ АРЭМ. Ф.1. Оп. 2. Д. 73. Л. 101.

⁹ Лысенко О. В. «Галицийская выставка» 1915 г. в Этнографическом отделе Русского музея: деформация этнокультурной среды в свете этномузеологического наследия // Этнокультурные процессы в многонациональном государстве (к 100-летию революции 1917 года в России): Материалы Шестнадцатых Международных Санкт-Петербургских этнографических чтений. СПб., 2017. С. 329–334.

¹⁰ Лысенко О. В., Прокопьева Н. Н. Коллекция и собиратель: этнографическая реальность и ее интерпретация // Живая старина. 1998. № 3. С. 17–21.

¹¹ Станюкович Т. В., Чистов К. В. Экспозиция «Новое и традиционное в современном жилище и одежде народов СССР» // Советская этнография. 1970. № 1. С. 159–163.

¹² «СССР – братский союз равноправных народов» (Б. З. Гамбург); «Современное народное искусство СССР» (Н. М. Хазова); «Новое и традиционное в современном народном жилище и одежде» (Е. Н. Студенецкая, А. С. Морозова); «Современные обряды и праздники народов СССР» (Э. С. Яглинская, В. М. Грусман) // Российский этнографический музей 1902–2002: Альбом. СПб., 2001. С. 55.

¹³ Баранова И. И. Показ современности в ГМЭ народов СССР // Советская этнография. 1981. № 2. С. 25–35.

¹⁴ Теоретические проблемы реконструкции древнейшей славянской духовной культуры: Материалы дискуссии // Советская этнография. 1984. № 3. С. 51–63; № 4. С. 64–80.

¹⁵ Маркарян Э. С. Узловые проблемы теории культурной традиции // Советская этнография. 1981. № 2. С. 78–96; Обсуждение статьи Э. С. Маркаряна «Узловые проблемы теории культурной традиции» // Советская этнография. № 3. С. 45–78.

O. V. Lysenko

“The Slavs of Eastern Europe”: an Ethnic
and Museum Studies Project Thirty Years Later

Lysenko Oleg Viktorovich, The Russian Museum of Ethnography (St. Petersburg), the Department of Ethnography of the Eastern, South-eastern and Central Europe, leading research fellow, Ph. D. (History); n_lysenko@mail.ru

Any research of ethnic and museum study heritage necessarily involves the issue of succession. The significance of succession as a scientific, culture and history, and social phenomenon is no less topical than the significance of the “tradition” concept for understanding the reasons for ethnic culture landscape deformation not as an urban planning issue but as an issue of “mutation” of a modern man’s consciousness and loss of the ability to think historically. For The Russian Museum of Ethnography, a natural extension of the Russian history, succession may become a relevant development strategy. The paper deals with succession from the point of view of the museum’s 30 years long exposition history, along with conceptual principles of the project called the Slavs of Eastern Europe: Man in Ethnocultural Space (1992).

Keywords: ethnomuseological heritage, ethnographic source studies, historical memory, ethnic identity, history of the Slavs, ethnographic museums.

Е. В. Колчина

Опыт сотрудничества Государственного музея этнографии народов СССР и Ленинградского комбината живописно-оформительского искусства в 1970-х годах (на примере экспозиции «Народы Поволжья и Приуралья. Конец XIX – начало XX века»)

Колчина Елена Викторовна, Российский этнографический музей (С.-Петербург), отдел этнографии Поволжья и Приуралья, заведующая отделом; ек6@mail.ru

В докладе рассматриваются формы презентации материалов региональной экспозиции «Народы Поволжья и Приуралья. Конец XIX – начало XX в.», построенной в 1977 г. в Государственном музее этнографии народов СССР. Данный проект – результат совместной работы ГМЭ народов СССР и Ленинградского комбината живописно-оформительского искусства.

Ключевые слова: Государственный музей этнографии народов СССР, Ленинградский комбинат живописно-оформительского искусства, этнографическая экспозиция, монографическая экспозиция, народы Поволжья и Приуралья.

Для Государственного музея этнографии народов СССР (далее ГМЭ) 1970-е гг. – период чрезвычайно активного экспозиционно-выставочного строительства. В это время шла работа по созданию ряда выставок, экспонировавшихся и в нашей стране, и за ее пределами, а также созданию региональных экспозиций. Многие проекты этих лет являлись результатом совместной работы ГМЭ народов СССР и Ленинградского комбината живописно-оформительского искусства (далее КЖОИ). Следует заметить, что особые производственные структуры, входившие в систему Художественного фонда при Союзе художников СССР, создавались для решения проектировочных задач, касающихся в том числе и создания экспозиций для музеев разного профиля. Связано это было с тем, что «всемирный “музейный бум”, затронувший и Советский Союз, послужил предпосылкой открытия многих тысяч музеев по всей стране, что, в свою очередь, требовало усилий значительного ко-

личества людей, вовлеченных в процесс художественного проектирования экспозиций»¹. КЖОИ с момента своего создания в апреле 1966 г. был активно включен в эту работу и именно ему принадлежала слава ведущего учреждения страны по проектированию экспозиций высокого художественного и эстетического уровня в разных городах Советского Союза.

Сотрудничество КЖОИ и ГМЭ народов СССР происходило на разных этапах музейного строительства. В ходе проектирования выставок и экспозиций изготавливались: специализированное оборудование, муляжи, манекены. Подобные работы велись и во время создания экспозиции «Народы Поволжья и Приуралья. Конец XIX – начало XX в.».

В течение нескольких лет разработкой научной концепции занимался коллектив сотрудников отдела Прибалтики и Поволжья под руководством Т.А. Крюковой. В 1976 г. Т.А. Крюкова, М.А. Браун и Е.Н. Котова подготовили тематико-экспозиционный план будущей экспозиции, которая была «посвящена <...> показу восьми народов, входящих в этот регион»². Главная задача заключалась в том, чтобы представить в рамках единого экспозиционного пространства этнографические особенности коренных народов Поволжья и Приуралья в указанный исторический период. Вместе с тем представлялось важным подчеркнуть специфику многонационального региона, характеризующегося сложившимся общерегиональным слоем культуры, а также продемонстрировать генетическое родство ряда явлений культуры. В экспозиции следовало соблюсти баланс по «наполнению» каждого из разделов, посвященных отдельным этносам. Презентация традиционной культуры народов региона осуществлялась по единой схеме посредством демонстрации этнографических памятников, муляжей, изобразительных и текстовых материалов.

Научная концепция формировала идейно-теоретическое содержание экспозиции и определяла направления его трактовки как научной, так и художественной. Сотрудниками музея совместно с ведущими художниками КЖОИ В.Л. Боровиковым, Б.А. Робенко, конструктором Я.Т. Рудовым и др. создавался художественный проект. Необходимо было выработать оптимальное художественно-конструкторское решение, чтобы максимально эффективно использовать музейные ресурсы: экспозиционные площади, оборудование, музейные памятники. В соответствии с проектом следовало изготовить и необходимое дополнительное оборудование. В двух залах общей площадью 346 кв. м должны были разместить макеты жилищ в натуральную величину, подиумы и полки с отдельными экспонатами и экспонатными рядами (в «закрытом» и «откры-

том» вариантах хранения), витрины (пристенные и с круговым обзором). Следует отметить, что художники решили использовать как остекленные шкафы (витрины, приобретенные в Дрездене еще для Русского музея императора Александра III), так и витрины, выполненные непосредственно для данного проекта.

Планировалось включить в экспозицию порядка двух тысяч единиц хранения, кроме того, различные изобразительные материалы – исторические фотографии, рисунки, карты, стараясь избежать перегруженности.

В оформлении экспозиции художники КЖОИ использовали актуальные для дизайна 1970-х гг. идеи и успешно интегрировали их в пространство залов. Прежде всего, лаконичное решение конструкций (от витрин до декоративных крепежных элементов) – минимализм, в котором сочетались функциональность и практичность. Это одна из примет времени в создании интерьеров, в том числе и в общественных зданиях. Пристенные витрины не имели постаментов, а были вмонтированы в панели по периметру залов, что создавало определенную легкость восприятия. В оформлении использовались разнообразные материалы, характерные для дизайнерских решений интерьеров в означенный период времени: натуральное дерево, окрашенная фанера, металл, пластик, стекло. В цветовом решении преобладали природные оттенки (песочный, серый, бежевый, коричневый), которые удачно сочетаются с древесными элементами – накладками на пристенные панели. Кроме того, эти цвета «поддерживают» макеты жилищ: монументальные конструкции из натурального дерева. Для демонстрации этнографических памятников данное решение представляется оптимальным, поскольку нейтральные тона не отвлекают внимание от экспонатов.

Сочетание в оформлении зала изделий из темного и светлого металла (рам витрин, держателей для защитных стекол, светильников и пр.) можно также назвать новаторским, поскольку впервые такое решение появилось в дизайне именно в 1970-х гг.

Покрытие стеновых панелей по периметру залов – гладкое и фактурное («рогожка» с покраской) – также соответствовало актуальным тенденциям в оформлении помещений.

Напольные покрытия в каждом из залов различались: в Большом зале – паркет, в Малом – террасцо (мраморная или гранитная крошка). Последняя часто использовалась в общественных зданиях советской эпохи.

Современности экспозиции добавляли и своеобразные фотоальбомы из легкого прозрачного плексигласа. Известно, что разноо-

бразные конструкции из пластика – одна из составляющих стиля 1960–1970-х гг.

Сотрудники КЖОИ, согласно договорам между ГМЭ народов СССР и комбинатом, выполняли целый комплекс художественно-оформительских работ. Из переписки следует, что уже в процессе строительства велись поиски новых подходов к решению экспозиционных задач³. Решено было, в частности, добавить к уже имеющемуся блоку дополнительные фотоматериалы, необходимые для расширения представлений по основным темам: от видов поселений и жилищ, этапов хозяйственных занятий, антропологических типов до пейзажных снимков, демонстрирующих разнообразные природно-ландшафтные зоны региона. Силами художников КЖОИ были изготовлены манекены из папье-маше (изначально девять фигур, позже – двадцать), осуществлено создание «макетов жилых и хозяйственных построек и их фрагментов в натуральную величину и бутафорские работы внутри этих макетов...»⁴

В 1977 г. музей открыл два новых зала, посвященных традиционной культуре народов Волго-Уральского региона, представив экспозицию, художественное решение которой было во многом инновационным. Авторы отобразили основные этнографические темы: «Жилище», «Одежда», «Хозяйственные стратегии», «Промыслы и ремесла», «Верования», «Праздники и обряды» в жанре культурно-антропологических очерков. Каждый раздел включал темы, позволяющие осветить наиболее выразительные и своеобразные стороны этнических традиций народов Поволжья и Приуралья. Было уделено внимание и историко-культурной составляющей в контексте раздела, посвященного истории изучения региона, а именно роли Казанского университета в научной и культурной жизни страны. Пространство залов структурировалось с помощью обстановка сцен, тематических комплексов предметов, а также акцентного показа отельных памятников, позволяющих подчеркнуть специфические этнические черты каждого народа.

Таким образом, благодаря совместной работе научных сотрудников музея и специалистов КЖОИ удалось создать классическую монографическую экспозицию, подчеркнув историко-культурный феномен Волго-Уральского региона, а также продемонстрировав современные приемы создания музейного пространства.

¹ Веселицкий О. В. Художественное проектирование музейных экспозиций в Ленинграде в 70–80-е гг. XX века: Автореф. дис. канд. искусствоведения. 17.00.04. СПб., 2010. С. 6.

² АРЭМ. Ф.2. Оп.1. Д. 1841. Л.2.

³ Там же. Д. 1790. Л.20; Д. 1831. Л. 2, 4, 18, 21.

⁴ Там же. Д. 1862. Л. 24.

UDC 392.34

E.V. Kolchina

Cooperation Between The State Museum of Ethnography of the Peoples of the USSR and The Leningrad Pictorial and Design Arts Factory in the 1970s (Exemplified by “The Peoples of Volga and the Urals. Late XIX – Early XX Centuries” Exposition)

Kolchina Elena Viktorovna, The Russian Museum of Ethnography (St. Petersburg), the Department of Ethnography of the Volga and Ural Regions, head of department; ek6@mail.ru

The paper deals with the presentation forms chosen for the materials displayed at “The Peoples of Volga and the Urals. Late XIX – Early XX Centuries” regional exposition by The State Museum of Ethnography of the Peoples of the USSR (1977). The project was a fruit of cooperation between the museum and The Leningrad Pictorial and Design Arts Factory.

Keywords: The State Museum of Ethnography of the Peoples of the USSR, The Leningrad Pictorial and Design Arts Factory, ethnography exposition, monography exposition, peoples of Volga and the Urals region.

Р. М. Мухаметзянова-Дуггал

Музей археологии и этнографии Института этнологических исследований им. Р. Г. Кузеева Уфимского федерального исследовательского центра Российской академии наук в советский период и на современном этапе

Мухаметзянова-Дуггал Регина Массаровна, Институт этнологических исследований им. Р. Г. Кузеева, подразделение Уфимского федерального исследовательского центра Российской академии наук (ИЭИ УФИЦ РАН; Уфа), отдел религиоведения, главный научный сотрудник, доктор политических наук; mdregm@yandex.ru

В докладе рассматривается деятельность академического Музея археологии и этнографии Института этнологических исследований им. Р. Г. Кузеева Уфимского федерального исследовательского центра Российской академии наук как в советский период, так и на современном этапе. Основные этапы развития музея включают: формирование и комплектование фондов; разработку научной концепции и тематико-экспозиционного плана; создание, оформление и обновление залов и экспозиций. В настоящее время в музее находится постоянно действующая экспозиция, обновленная в 2007 г. и включающая четыре зала: «Археология Южного Урала», «Мир башкирской культуры», «Народы Башкортостана», «Золото сарматов». Анализируются проблемы, возникающие в работе музея, которые характерны для академических музеев в целом.

Ключевые слова: академический музей, этнографический музей, Музей археологии и этнографии Института этнологических исследований им. Р. Г. Кузеева Уфимского федерального исследовательского центра Российской академии наук, советский период, актуальные проблемы.

В 2020 г. Музей археологии и этнографии Института этнологических исследований им. Р. Г. Кузеева Уфимского федерального исследовательского центра Российской академии наук (МАЭ ИЭИ УФИЦ РАН) отметил 40-летие открытия, а в 2021 г. – 45-летие с момента создания¹. Музей археологии и этнографии является составной частью академической музейной сети, которая сфор-

мировалась во второй половине XX в. в процессе образования региональных отделений и филиалов Академии наук. Так, в Сибири вскоре после организации в Сибирском отделении АН СССР в 1964 г. первого гуманитарного института в Новосибирске был создан Музей истории и культуры народов Сибири и Дальнего Востока; только в Приморском крае в 1977–1978 гг. были созданы три академических музея². Важным отличием академических музеев (музеев РАН) от иных музейных форм является то, что такие виды деятельности, как обучение, просвещение, популяризация знаний, выступают в качестве второстепенных, дополнительных функций музея³. Таким образом, основные направления деятельности МАЭ ИЭИ УФИЦ РАН – это комплектование, систематизация, учет и хранение археологических и этнографических коллекций, популяризация новейших результатов археологической и этнографической наук в области изучения истории и культуры народов Южного Урала⁴.

МАЭ ИЭИ УФИЦ РАН в Уфе был основан в 1976 г. Прежде чем он открыл свои двери для посетителей в 1980 г., учеными, специалистами разных научных направлений и коллективов была проделана большая и кропотливая работа. Инициатором создания музея был Р. Г. Кузеев, историк и этнолог, изучавший этническую историю и этногенез, быт и культуру народов Среднего Поволжья и Урала. Следует согласиться с мнением И. Г. Петрова, выделившего четыре основных этапа в истории становления и развития музея⁵. Первый (начальный) этап охватывает 1976–1980 гг., – время, когда шло становление музея, формирование его фондов, накопление и происходила первичная обработка коллекций, а также шла разработка концепции и тематико-экспозиционного плана, происходили строительно-инженерные и художественно-оформительские работы по созданию залов и эстетическому оформлению экспозиций. Второй этап начался в 1980 г., с момента открытия музея, и продолжался до исключения его из состава Института истории языка и литературы (далее ИИЯЛ) с приданием статуса самостоятельного научного подразделения – Отдела народов Урала МАЭ УНЦ РАН, сформированного в ноябре 1993 г. Третий этап, начавшийся в 1993 г., связан с завершением формирования единого научно-музейного комплекса в рамках Отдела народов Урала и последующим его превращением в Центр этнологических исследований УНЦ РАН. Переезд МАЭ в новое здание и создание обновленной экспозиции музея в 2007 г. ознаменовали четвертый этап его развития.

Ведущее направление деятельности МАЭ ИЭИ УФИЦ РАН – это научно-фондовая работа, включающая комплектование (сбор

экспонатов и пополнение фондов), учет, хранение и изучение объектов культурного наследия. В фондах музея сосредоточены крупные коллекции по всем периодам древней и средневековой истории Южного Урала, культуре и быту народов региона.

В основу археологических фондов музея легли археологические материалы, накопленные экспедициями ИИЯЛ в 1950–1970-х гг. Позже они дополнились археологическими коллекциями по Южному Уралу, которые были специально привезены в Уфу из музеев, научно-исследовательских институтов и вузов Москвы, Ленинграда, Казани, Свердловска и др. городов для отражения всех периодов древнейшей, древней и средневековой истории региона. С целью формирования этнографических коллекций были организованы десятки выездов и экспедиций в различные районы Башкортостана, в соседние регионы. К концу 1980 г. в этнографических фондах насчитывалось 565 единиц хранения памятников по башкирской этнографии, за 1983–1985 гг. число предметов увеличилось почти на 700 единиц, и среди них уже были экспонаты, отражающие традиционную культуру других народов – русских, украинцев, татар, чувашей, марийцев, немцев. Во второй половине 1980 – начале 1990-х гг. собирательская деятельность по сбору этнографических предметов снизилась в связи с работой над второй постоянно действующей экспозицией музея⁶.

Музейный фонд МАЭ ИЭИ УФИЦ РАН пополнялся и продолжает комплектоваться коллекциями по культуре народов Южного Урала. Так, за прошедшие годы значительно обогатились основной, научно-вспомогательный фонды и драгфонд МАЭ ИЭИ УФИЦ РАН за счет предметов, собранных сотрудниками института в ходе полевых исследований, проведенных преимущественно в конце XX – начале XXI в. Это 73 коллекции по этнографии башкир, основная часть которых сформировалась в ходе экспедиций 1960–1980-х гг.; 40 коллекций по этнографии татар, собранных в 1980–2000-х гг.; 27 коллекций, представляющих этнографию чувашей и поступивших в музейный фонд, начиная с 1980-х гг.; 18 коллекций по этнографии русских, собранных в 1980–2010-х гг.; 6 коллекций по этнографии украинцев, сформировавшихся главным образом по итогам исследований 1980-х гг., отдельные предметы закуплены в 2005 г.; 3 коллекции по этнографии белорусов, собранные в 1980–2010-х гг., часть предметов закуплена в 2005 г.; 22 марийских коллекций, собранные в 1980–2010-е гг.; 11 удмуртских коллекций, комплектуемых, начиная с 1985 г.; 7 коллекций, представляющих этнографию мордвы и поступивших в музей в 1990–2010-е гг.; латышские коллекции, включающие 11 пред-

метов, собранных в 2010 г.; еврейские коллекции, состоящие из 49 предметов; 3 немецкие коллекции, собранные в 1990 и 2012 гг.⁷

Со времени открытия музея в нем произведены три реэкспозиции: в 1989, 2002, 2007 гг. Реэкспозиция 1989 г. была обусловлена выполнением ремонтных работ и поступлением значительного объема новых археологических и этнографических материалов; в 1991 г. в музей на постоянное хранение поступила знаменитая коллекция ювелирных изделий сарматской знати из Филипповских курганов, исследованных археологами ИИЯЛ под руководством А. Х. Пшеничнюка в 1986–1990 гг., а этнографические фонды пополнились экспонатами, включающими одежду и изделия декоративно-прикладного искусства башкир, др. народов Башкортостана. Интересные находки и материалы были включены в новую (вторую) постоянно действующую экспозицию, которая открылась в июне 1992 г. Реэкспозиция 2002 г. позволила представить посетителям новейшие на тот период научные результаты в области археологии и этнографии.

Последняя обновленная экспозиция 2007 г. разместилась в здании по адресу: ул. К. Маркса, 6. Она разработана научными сотрудниками Института в 2006–2007 гг. под общим руководством директора ИЭИ УНЦ РАН, доктора исторических наук А. Б. Юнусовой и выстроена по коллекционно-тематическому принципу. В настоящее время музей состоит из четырех экспозиционных залов: «Археология Южного Урала», «Мир башкирской культуры», «Народы Башкортостана», «Золото сарматов». Наиболее яркими являются коллекции Филипповских курганов (сарматского золота), башкирских женских нагрудных украшений, тюркских, финно-угорских и славянских комплексов женской одежды и др.⁸

В соответствии с традициями академических музеев в МАЭ ИЭИ УФИЦ РАН органично сочетаются и развиваются фундаментальные научные направления, в том числе на базе фондов, включающие археологические, этнографические, религиоведческие и музееведческие исследования. За последние двадцать лет ученые Института в значительной степени на материалах музейных коллекций опубликовали более 30 монографий, около 55 сборников статей, 51 сборник документов, около 1600 статей, из них 370 в рецензируемых журналах, 71 в зарубежных. К важным видам музейной деятельности относится подготовка к изданию научных каталогов музейных коллекций ИЭИ УФИЦ РАН. Институт подготовил и опубликовал более 10 каталогов, последний из которых – «Коллекции Филипповских курганов из фондов Музея археологии и этнографии ИЭИ УФИЦ РАН»⁹.

В 2019 г. МАЭ ИЭИ УФИЦ РАН был включен в Реестр музеев (организаций), в собственности, во владении и (или) в пользовании которых находятся музейные предметы, и с этого времени началась работа по внесению сведений о музейных предметах в электронную базу данных Государственного каталога Музейного фонда Российской Федерации. Для этого институтом получен Код по классификатору органов, предприятий и учреждений культуры (КОПУК).

Музей археологии и этнографии ИЭИ УФИЦ РАН – сложившаяся научно-исследовательская, образовательная и культурно-просветительская площадка, которая успешно справляется со своими задачами. Вместе с тем выделяются проблемы, возникающие в деятельности МАЭ ИЭИ УФИЦ РАН и в академических музеях в целом. Так, отсутствует координация работы академических, а также вузовских музеев со стороны профильного министерства – Минобрнауки РФ. До создания Федерального агентства научных организаций Российской Федерации (далее ФАНО) и подчинения ему научных институтов, музейную деятельность академических музеев координировал Музейный совет РАН. С 2016 г. координацию работы и методическую поддержку музеям, подведомственным ФАНО, был призван осуществлять Совет по координации и развитию музейной и выставочной деятельности научных организаций, однако его деятельность сошла на нет. У ряда академических музеев отсутствует целевое финансирование в виде госзадания на «чисто музейные» мероприятия (учет, хранение, реставрацию, сверку коллекций, опробование и т.п.); комплектование штата музейными работниками (экскурсоводами, смотрителями, кассирами и т.д.).

Необходимо, на наш взгляд, совершенствовать работу в области управления и защиты интеллектуальной собственности. Есть немало пользователей, заинтересованных в проведении съемок и публикации музейных коллекций в научных монографиях, в популярных изданиях, телепередачах и фильмах. В МАЭ ИЭИ УФИЦ РАН разработан механизм выполнения подобных заказов и проектов, однако имеются случаи незаконного и несанкционированного использования изображений музейных предметов, в том числе в коммерческих целях¹⁰.

Музей нуждается в хранилище научных фондов, оборудованном с использованием современных технологий. При этом важно, чтобы музейные фондохранилища стали лабораторией для научной деятельности и местом для получения образования, чтобы в них осуществлялось комплексное изучение коллекций. Сегодня очевидно, что музейные коллекции представляют собой огромный ресурс для

учебной и научной деятельности, позволяющие, например, формировать новые образовательные программы дистанционного обучения.

В наши дни, когда социальные сети изобилуют «фейковыми» новостями, псевдонаучными теориями, искажающими историю древней, средневековой и современной Евразии, традиционная миссия музея – передача знаний и информации об окружающем мире и обществе в доступной для широкой аудитории форме – является востребованной. Особая роль в этом принадлежит академическим музеям, статус которых, на наш взгляд, необходимо повышать, в том числе и Музея археологии и этнографии ИЭИ УФИЦ РАН.

¹ К круглой дате была подготовлена онлайн выставка «45 лет академическому Музею археологии и этнографии» (составители: Р.М. Мухаметзянова-Дуггал, И.Г. Петров, М.М. Мухаметшина) на официальном сайте ИЭИ УФИЦ РАН. URL: <http://ikuzeev.ru/node/819> (дата обращения: 15.07.2022).

² Поправко Е. А. Академические музеи в социально-культурном пространстве Приморского края в 1990-е гг. – начале XXI в. // Вопросы музеологии. 2014. № 2 (10). С. 64.

³ Мурзинцева А. Е. Музеи российской академии наук: историко-культурологический анализ. Автореф. дис. канд. культурологии. Вост.-Сиб. гос. акад. культуры и искусств. Улан-Удэ, 2006. С. 3.

⁴ Мухаметзянова-Дуггал Р.М., Мухаметшина М.У. Музей археологии и этнографии ИЭИ УНЦ РАН: специфика академического музея // Вопросы науки и образования. 2016. № 1. С. 31–32.

⁵ Петров И. Г. Прошлое Музея археологии и этнографии // Музей археологии и этнографии: Каталог музейной экспозиции Центра этнологических исследований Уфимского научного центра РАН / Отв. ред. А. Б. Юнусова. Уфа: ЦЭИ УНЦ РАН, 2007. С. 13–14.

⁶ Петров И. Г. Музей археологии и этнографии Центра этнологических исследований Уфимского научного центра РАН (исторический очерк) // Этнографическое обозрение. 2003. № 2. С. 138.

⁷ Галиева Ф. Г., Садиков Р. Ф., Петров И. Г., Нечвалода Е. Е., Хасанова З. Ф. Коллекция Музея археологии и этнографии ИЭИ УФИЦ РАН по этнографии народов Башкортостана // Известия Уфимского научного центра РАН. 2018. № 3. С. 113–124.

⁸ Мухаметзянова-Дуггал Р.М., Камалетдинов Д.А. Музей археологии и этнографии ИЭИ УФИЦ РАН: создание и развитие // Известия УНЦ РАН. 2021. С. 103–112.

⁹ Коллекция Филипповских курганов из фондов Музея археологии и этнографии ИЭИ УФИЦ РАН: Каталог / Отв. ред. Р.М. Мухаметзянова-Дуггал. Уфа: Китап, 2018.

¹⁰ Мухаметзянова-Дуггал Р.М. Вопросы охраны, защиты и коммерциализации интеллектуальной собственности в музейной сфере (на примере Музея археологии и этнографии ИЭИ УФИЦ РАН) // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2021. № 11–3 (62). С. 209.

R. M. Mukhametzyanova-Duggal

The Archeology and Ethnography Museum
of The Institute of Ethnological Studies Named
R. G. Kuzeev, the Ufa Scientific Center,
the Russian Academy of Sciences,
During the Soviet Period and Now

Mukhametzyanova-Duggal Regina Massarovna, The R. G. Kuzeev Institute for Ethnological Studies, Subdivision of the Ufa Federal Research Centre of the Russian Academy of Sciences (Ufa), the Department of Religious Studies, chief researcher, D. Sc. (Political science); mdregm@yandex.ru

The study follows The Archeology and Ethnography Museum of the Institute of Ethnological Studies named R. G. Kuzeev, the Ufa Scientific Center, The Russian Academy of Sciences during the soviet period and in modern times. The key stage of the museum's history include: holdings set-up and replenishment; development of research concept and exposition plan; rooms and expositions set-up, design and restocking. Presently, the museum features a permanent exposition, restocked in 2007 and including 4 rooms: the South Urals Archeology, the World of Bashkir Culture, the Peoples of Bashkortostan, the Sarmatian Gold. The paper deals with the issues faced by the museum and characteristic of academic museums as a whole.

Keywords: academic museum, museum of ethnography, The Archeology and Ethnography Museum of the Institute of Ethnological Studies named R. G. Kuzeev, the Ufa Scientific Center, The Russian Academy of Sciences, soviet period, topical issues.

Е. Н. Меркушева

Роль Пермского краеведческого музея
в сохранении и репрезентации
материальной культуры
старообрядцев Верхокамья

Меркушева Елена Николаевна, Пермский краеведческий музей (Пермь), заместитель директора по науке; merkusheva@museumperm.ru

В докладе представлен аналитический обзор деятельности Пермского краеведческого музея по сохранению и репрезентации материальной культуры старообрядцев поморского согласия Верхокамья в середине 1980 – начале 1990-х гг. Результатом проведенной работы стало формирование весьма разнообразной по содержанию и значительной по объему музейной коллекции, характеризующей культурные традиции данной группы старообрядцев. Приводится качественная характеристика наиболее интересных тематических комплексов предметов, рассказывается о репрезентации собранного этнографического материала в выставках и изданиях.

Ключевые слова: старообрядцы, поморское согласие, Верхокамье, Пермский край, Пермский краеведческий музей, этнографические экспедиции, материальная культура, музейная коллекция.

Под влиянием происходивших в позднюю советскую эпоху социокультурных и политических процессов для научного коллектива Пермского краеведческого музея (далее ПКМ) одним из объектов систематического и долгосрочного изучения стали культурные традиции старообрядцы Верхокамья. Однако следует отметить, что памятники материальной культуры старообрядцев поступали в фонды музея и ранее, поэтому в деятельности ПКМ по комплектованию данных коллекций можно выделить два этапа.

Первый, фрагментарный, приходится на 1960-е – начало 1980-х гг. Он был связан с организацией нескольких экспедиций (Сивинская, 1967 г.; Муллинская, 1979–1983 гг. и др.), на-

правленных на изучение быта крестьянского населения, и как следствие, с пополнением фондов единичными поступлениями этнографического материала.

Второй этап относится к 1985–1992 гг. – времени комплексного формирования уникального в содержательном плане и значительного по объему собрания памятников материальной культуры именно данной категории населения.

В Пермском крае проживают представители различных согласий: белокриницкого, часовенного, беглопоповского, поморского, но именно материальная культура последних стала для музея приоритетной в изучении истории старообрядчества. Связано это было, во-первых, с тем, что по имеющимся письменным свидетельствам, упоминание о старообрядцах поморского согласия зафиксировано в начале XVIII в., а в конце XIX в. в их рядах произошел раскол на максимовцев (название образовано от имени их лидера – М. Г. Жданова) и дёминцев (от дер. Дёмино), что усилило изоляцию и укрепило традиционный уклад данной части населения. Старообрядцы поморского согласия компактно расселились на территории Верхокамья в трех ныне существующих районах Пермского края – Верещагинском, Сивинском, Очерском, а также в Кезском р-не Удмуртии. Во-вторых, эту территорию, с точки зрения ее историко-культурной уникальности в 1970-е гг., первыми начали изучать сотрудники археографической лаборатории Московского государственного университета (далее МГУ) под руководством доктора исторических наук И. В. Поздеевой, определившие ее как район первой категории по сохранности традиционного материального и духовного жизненного уклада. Позднее, с 1984 г., исследования на данной территории стал проводить исторический факультет Пермского государственного университета (далее ПГУ), экспедиционной работой которого руководил доктор исторических наук Г. Н. Чагин. С 1985 г. к систематическому формированию собственной коллекции приступил Пермский областной краеведческий музей под руководством и непосредственным участием в полевых работах директора музея С. А. Димухаметовой. Именно эти три исследователя внесли наиболее существенный личный вклад в изучение традиционной культуры старообрядческого населения региона в советское время.

Весь период изучения данных территорий (1985–1992) носит название «Верещагинской историко-бытовой экспедиции», так как именно в историческом центре компактного проживания старообрядцев поморского согласия в сел. Сепыч Верещагинского р-на и находился основной «командный пункт» экспедиций, из которого шло кустовое обследование населенных пунктов. Следует

отметить, что систематическое исследование на протяжении длительного времени и на сравнительно ограниченной территории позволило преодолеть ментальный барьер между местным населением и музейными сотрудниками и наладить с информаторами постоянный контакт, благодаря частым встречам с ними в разное время. Несколько музейных выездов проходили совместно с государственным университетом, а в 1989 г. в экспедиции принимал участие доктор этнологии университета штата Орегон Р. Морис.

Общее название экспедиции «Хозяйство и быт крестьянского старообрядческого населения XIX–XX вв.» определяло общую канву исследований, целенаправленное изучение максимально широкого тематического поля жизнедеятельности поселенцев, начиная с их появления в этих краях до 1990-х гг. Это можно подтвердить частичным перечислением тем исследований, зафиксированных в дневниках, тетрадях опросов и полевых описях, хранящихся в научно-ведомственном архиве музея (далее НВА). Сравнительно общие темы, такие как: история заселения, общинно-соборные отношения, сельская архитектура, художественное творчество, ремесла и промыслы, духовная культура, общественные и семейные отношения, современное коллективное и частное хозяйство и др. конкретизировались более узкими темами. К ним можно отнести традиционную медицину и лекарственные растения, похоронно-поминальную обрядность, мятеж 1918 г. в Сепьче, раскулачивание 1930-х гг., хуторские поселения и др. В документации зафиксированы не только краткие, но и развернутые ответы опрашиваемых, например, о похоронно-погребальном обряде¹, земельдельческом цикле², соборных отношениях³.

Уникальность музейной коллекции, сформированной на основе непосредственно музейных и, частично, университетских (МГУ и ПГУ) экспедиций и выездов, состоит в разнообразии предметного ряда, полноте его представления в конкретных тематических комплексах и большом объеме скомплектованных материалов.

Важной отличительной чертой сформированной коллекции являются полные по составу тематические комплексы, которые целенаправленно собирались на протяжении всех экспедиций и выездов. К ним относятся, например, небольшая (17 ед. хр.), но очень весомая по содержанию коллекция сельскохозяйственных орудий труда (соха-курашимка, соха с коловыми сошниками, соха-окучник, веялка, мельницы-крупорушки, косы-горбуши, серпы, трехрогие вилы). В этом же ряду орудия по обработке льна, конопля, орудия прядения и ткачества (174 предмета – трепала, чесалки для льна, составные мялка и швейки, железная щеть, веретена, прялки и самопрялки, скальна, ткацкие стань-кросны).

В музее хранится практически полная по комплектации повседневная, праздничная и обрядовая одежда женщин и мужчин (236 ед. хр. – дубасы, рубахи – *становины*, сарафаны, *запоны*, юбки, штаны, *шабуры*, *понитки*, зипун, *гуня*). Очень ценным приобретением стала коллекция инструментов деревообработки (19 ед. хр. – киянка, плотничный скобель, рубанок, пила-ножовка, шерхебель, дорожник, карнизник, шпунтубель, фуганок и др.) плотника, столяра и кузнеца В. К. Федосеева (1894–1978), принадлежавшего к максимовскому согласию⁴. В данном контексте важно отметить, что большинство предметов имеют полную легенду с указанием авторства согласия старообрядцев, историю создания, будь то инструменты для деревообработки, тканые пояса, точеные чаши или гончарная посуда.

Постоянная полевая работа в 59 населенных пунктах Пермской обл. и 11 населенных пунктах Кезского р-на Удмуртии (сборы МГУ и ПГУ) в течение этих лет не только выявила основные черты традиционного бытового уклада религиозной общины, существовавшие в конце XX в., но и пополнила музейное собрание почти на 5 тысяч предметов (вещевые памятники, фотодокументы, графические и живописные работы, документальные материалы). Интересен тот факт, что помимо большого количества предметов, переданных в дар, многие вещи были закуплены. Так, за 30 рублей музей получил: «1). Дубас портяной, к.19 – н. 20 в. 2). Образец вышивки красным тамбуром на рукаве. Вышивала сестра Лукерья. 3). Кусок пестряди – работа сестры. I четв. 20 в. 4). Пояс именной ткала сестра Татьяна»⁵. А еще доверительные отношения местного населения к музейщикам позволяли на договорных началах приобретать предметы в обмен на что-то, например, редкую шулайскую чашу, используемую для рубки травы, получили у У. И. Елоховой взамен на новое корыто, изготовленное местным мастером⁶.

Многолетнее комплексное изучение традиционной культуры старообрядцев Верхоямья и сформированная музейная коллекция подтвердили уникальную сохранность народной культуры на тот момент, несмотря на серьезные социальные изменения и новации XX в. И хотя в данный период большинство жителей становились мирскими и все меньше оставались в соборах, о чем говорили все соборные, тем не менее, общинность, в лучшем понимании этого слова, сохранялась и оберегалась практически всем населением. Яркий пример тому – одна из последних фотографий из последней экспедиции 1992 г., когда удалось собрать и сфотографировать 37 (из 47) членов большой старообрядческой семьи И. К. Габовой.

Пермский музей уже на этапе формирования собрания начал публикацию результатов работы. Это выразилось прежде всего в создании выставки «Пермские старообрядцы» (1990), которая была отмечена в книге отзывов, например, таким высказыванием: «Спаси Христос за первую выставку, посвященную старообрядцам, хранителям древнерусской культуры. Старообрядцы. 1990. Августа»⁷. Верецагинская экспедиция и последующие презентации ее результатов на разных уровнях привели к тому, что в конце 1990-х гг. в сел. Сепыч был создан и сейчас работает отдел народной культуры при Верецагинском муниципальном музейно-культурном центре.

Начатая в позднесоветское время деятельность по сохранению и публикации коллекции материальной культуры старообрядцев Верхокамья продолжается и в XXI в. В 2010 г. музей издал каталог С. А. Димухаметовой «Мир вещей русских крестьян XIX–XX вв. Из собрания Пермского краевого музея» – подробное описание данной коллекции, а в 2022 г. открылась выставка «Дорога в глубь веков. Старообрядцы Верхокамья. Хроники музейных экспедиций».

¹ Г. Ю. Могилева. Дневник ВЭ-1990 г., НВА ПКМ. Ф. р-484. Д. 25. С. 46–53.

² С. А. Димухаметова. Дневник ВЭ-1985 г., НВА ПКМ. Ф. р-484. Д. 11. С. 45–48.

³ Н. Голохвастова. Дневник ВЭ-1991 г., НВА ПКМ. Ф. р-484. Д. 26. С. 32.

⁴ Димухаметова С. А. Мир вещей русских крестьян XIX–XX веков. Из собрания пермского краевого музея. Пермь, 2010. С. 12.

⁵ С. А. Димухаметова. Дневник ВЭ-1989 г., НВА ПКМ. Ф. р-484. Д. 23. С. 27.

⁶ С. А. Димухаметова. Дневник ВЭ-1991 г., НВА ПКМ. Ф. р-484. Д. 26. С. 92.

⁷ Книга отзывов на выставке «Пермские старообрядцы». 1990 г. НВА. Ф. р-484. Д. 1858. С. 3.

UDC 391/397(161.1)

E. N. Merkusheva

The Role of The Perm Museum of Local Lore
in Preserving and Representing the Upper Kama
Old Believers' Material Culture

Merkusheva Elena Nikolaevna, The Perm Regional Museum
(Perm), deputy director for science; merkusheva@museumperm.ru

The paper presents an analytical overview of The Perm Museum of Local Lore operations focused on preserving and representing the material culture of the Pomorian Old-Orthodox Church followers (the Upper Kama area) in the mid-1980s – early 1990s. Their effort resulted in an expansive and extremely varied museum collection that characterizes cultural traditions of that group of Old Believers. A qualitative characteristic of the most interesting thematic sets is presented; the paper also covers the issues of displaying the ethnography collection at exhibitions and in print.

Keywords: the Old Believers, the Pomorian Old-Orthodox Church, the Upper Kama, Perm Territory, the Perm Museum of Local Lore, ethnography expeditions, material culture, museum collection.

П. Е. Бардина

Севернорусские корни
русских старожилов Томского края

Бардина Прасковья Елизовна, Музей г. Северска (Северск, Томская обл.), отдел археологии и этнографии, старший научный сотрудник, кандидат исторических наук; museum@seversk.gov70.ru

В этнографической части историко-краеведческой экспозиции Музея г. Северска представлены экспонаты, характеризующие хозяйственно-бытовой уклад русских старожилов томских селений, а также особенности быта старообрядцев и пореформенных переселенцев. Это соответствует сложившемуся к середине XX в. составу русских сибиряков, зафиксированному во время этнографических экспедиций музея. В результате исследований выявлены севернорусские корни и архаические элементы в хозяйственно-бытовом укладе старожильского населения.

Ключевые слова: Томская обл., Музей г. Северска, этнографическая коллекция, экспозиция, русские старожилы.

Особенность музея г. Северска Томской обл. состоит в том, что он «молодой»: начал свою историю в 1987 г., находится в закрытом городе и является муниципальным учреждением. Отдел археологии и этнографии, созданный в 1993 г. перешедшими в музей сотрудниками Томского госуниверситета, проводит археологические и этнографические экспедиции, целенаправленный сбор этнографических экспонатов. В 2001 г. была оформлена постоянная историко-краеведческая экспозиция «По реке времени», представляющая материалы от палеолита до середины XX в. Экспозиция дополняется и успешно работает до сих пор.

Этнографическая часть экспозиции посвящена хозяйству и жилищу русских сибиряков. Здесь представлен макет срубной избы с передним углом и русской печью со всей старинной утварью, а также крестьянское подворье с орудиями труда. Отдельными комплексами представлены «Рыболовство», «Охота», «Переселенческая деревня Виленка» и «Старообрядцы таежного Притомья»¹. В 2008 г. экспозиция была дополнена разделом по этнографии коренных народов Сибири – хантов и эвенков.

Начало этнографической коллекции было положено двумя десятками экспонатов, собранных еще до открытия музея в исчезнувших теперь селениях энтузиастами Общества охраны памятников истории и культуры. С 1994 по 2003 г. музей провел под руководством автора данного сообщения девять этнографических экспедиций в пригородные томские селения, во время которых было собрано более 300 экспонатов, относящихся к хозяйству и быту русского старожильческого населения Притомья, записаны рассказы старожилов о местной истории, традиционном укладе жизни, праздниках и обрядах. Собраны также материалы и в сохранившемся в черте города сел. Иглаково, а носителей фамилии Иглаковы – потомков служилого человека Иглакова – в городе насчитывается не одна сотня человек. Некоторые экспонаты были переданы в дар музею жителями города, главным образом выходцами из местных селений.

Территория, на которой в середине XX в. был построен г. Северск, известна не только археологическими памятниками, но и русскими старожильческими селениями первой четверти XVIII в. В зону притяжения города вошли также переселенческие деревни и заимки старообрядцев.

По времени переселения жители довольно четко делились на старожилов – «чалдонов» и пореформенных переселенцев – «россейских», что сохраняется до сих пор в самосознании населения. Кроме того, среди русских сибиряков было немало последователей старой веры – старообрядцев, или кержаков, которые сохраняли собственные бытовые обособленности.

Старожильческое население сформировалось на первых этапах освоения Сибири русскими и сложилось в однородную группу со своими языковыми и культурно-бытовыми особенностями. Основная масса первопоселенцев была из северных и северо-восточных уездов России, откуда шли первые пути в Сибирь. Среди них были и выходцы из центральных и южных губерний, отличающиеся по культурно-бытовым традициям от северных. Особенностью Томского края было то, что русское население складывалось в значительной степени из служилых людей и их потомков, которые стали основателями многих томских селений². В названиях селений до сих пор сохранились их фамилии, а среди жителей – прямые потомки. Название «чалдонь» старожилами воспринималось чаще всего как неприятное прозвище, данное им переселенцами. Однако, со временем прозвище утратило обидный оттенок и закрепилось как самоназвание, что отражают и словари сибирских говоров³.

Традиции обживания края материализовались в поселениях и жилищах томских сибиряков и уходят своими корнями не только в места исхода первопоселенцев, но и во взаимодействия с коренными народами Сибири. С развитием строительных традиций и новыми веяниями соседствовали весьма архаичные приемы и конструкции, идущие из глубины веков. Обилие леса и наличие рек как путей сообщения способствовали сохранению севернорусских традиций в планировке селений, в существовании поскутины, в технике строительства, типах жилищ, в том числе двухэтажных, а также в наличии временных и сезонных построек, во внутренней планировке с глинобитной русской печью у входа и передним углом по диагонали от нее. Отличительной чертой поселений было разделение села на обособленные части – «концы» или «края», в зависимости от состава жителей или давности их переселения, а также бытование заимок, особенно старообрядческих. Несмотря на суровый климат, в домах сибиряков прорубали большое количество окон, которые выходили на юг или юго-восток, чтобы солнце весь день гуляло по дому. В пригородных селениях были популярны окна с арочным верхом, с резными наличниками и ставнями, с резным карнизом, на что, несомненно, оказывало влияние знаменитое «деревянное кружево» г. Томска.

Простейшим сооружением для одноразовой ночевки охотников в лесу служила *нодья* – долгогорящий костер из двух горизонтальных бревен, закрепленных друг на друге с прокладкой шеста между ними для лучшего горения. Такое сооружение и сам термин были привнесены в Сибирь русскими с севера России, где были заимствованы, по предположению исследователей, от финно-угорских народов⁴. В охотничьих избушках в углу, у двери, сооружалась печь-каменка, глинобитная печь или *чувал*, в виде открытого очага с трубой. Такой очаг был заимствован у коренных народов Сибири, благодаря этому избушка быстрее нагревалась, быстро просыхала одежда, на открытом огне закипал котелок, а огонь освещал всю избушку, как говорили: «Два добра вместе» – тепло и свет.

Обязательной постройкой были 2–3 амбара, срубные из бревен, и небольшая *амбарушка* над погребом. Томские сибиряки амбары чаще всего ставили рядом с домом или на улице перед домом, реже – на окраине села. Включение амбара в состав приусадебных построек считается южнорусской и поволжской традициями⁵. Амбары служили для хранения зерна, муки, других продуктов и запасов. В отдельных амбарах хранили рыболовный и охотничий инвентарь – сети, неводы, фитили, капканы и ловушки. Хлебные амбары

ставили на столбах для защиты от грызунов и высокой воды. Такие амбары со свесом были характерны для севера России⁶. На охотничьем промысле для хранения запасов продуктов и добычи охотники и рыбаки строили амбарчики на столбах, хорошо известные у русского и коренного населения Сибири, а также на севере России.

В усадьбе среди построек были: *завозни* – для хранения саней и телег, сарай, поднавесы, избушки-зимовья, бани, которые помещались на огороде или возле реки. Сибиряки держали много скота, и обширные скотные дворы размещались обычно в заднем ряду усадьбы, они состояли из нескольких срубных и каркасно-столбовых построек, соединенных друг с другом плоским перекрытием из жердей и соломы, куда на зиму помещали и сено. В число построек входили 2–3 теплые *стайки*, или хлева, холодный *пригон*, конюшня, отдельные постройки для овец, свиней и кур. Скотный двор состоял из двух частей – холодной и теплой. В холодном пригоне и конюшне содержали зимой основную массу взрослого скота, так как считалось что на холоде к скоту меньше «пристают» всякие болезни. Многие наблюдатели прошлого возмущались «невежеством» и ленью сибиряков, заставлявших скот мерзнуть зимой в холодных дворах⁷. Сами же сибиряки знали, что если скотину в холодных дворах поить не теплым, а холодным пойлом, то она не будет мерзнуть и, главное, не будет болеть. По всей Сибири были известны выносливые и закаленные, хотя и неказистые на вид, нарымские лошадки. Хозяйственные постройки для обработки зерна – ямные и верховые овины, риги, гумна – располагались обычно на окраине селения, на задах усадеб или на особых заимках.

Таким образом, обжитое пространство томских старожилов не ограничивалось одним домом и двором, а выходило с овинами и гумнами за селение, к реке с водяной мельницей, в лес на охотничьи угодья, а во время праздников – на излюбленные поляны и берега. Человека всюду сопровождали постройки и приспособления, традиции сооружения которых у русских сибиряков были принесены в основном с Русского Севера. Представленные на экспозиции «По реке времени» музея г. Северска этнографические экспонаты и комплексы позволяют наглядно показать посетителям историю края

С докладами об изучении этнографического состава населения, хозяйственно-бытового уклада и традиций русских старожилов автор неоднократно выступала на научных конференциях и опубликовала несколько работ⁸. Полевые этнографические материалы были дополнены сведениями из архивов, музейных фондов и немногочисленных публикаций. Хронологические рамки исследования охватывали в основном конец XIX – первую четверть XX в.

¹ «По реке времени»: Путеводитель. Северск: Изд-во «Ветер», 2004. С. 65–83.

² Русские старожилы Сибири: Историко-антропологический очерк. М.: Наука, 1973. С. 25–26; Крестьянство Сибири в эпоху феодализма. Новосибирск: Наука, 1982. С. 380; Бояршинова З.Я. Основание русского города на Томи (к 375-летию г. Томска)//Томску 375 лет. Томск, 1979. С. 16; Емельянов Н.Ф. Заселение русскими Среднего Приобья в феодальную эпоху (XVII – первая половина XIX в.). Томск: Изд-во ТГУ, 1981. С. 49–54.

³ Словарь русских старожильческих говоров средней части бассейна р. Оби. Томск, 1967. Т. 3. С. 220.

⁴ Петропавловская Л.В. Лексика финно-угорского происхождения в составе русских говоров Новосибирской области//Лексика и фразеология русских говоров Сибири. Новосибирск: Наука, 1981. С. 49–57.

⁵ Сабурова Л.М. Культура и быт русского населения Приангарья. Л.: Наука, 1967. С. 114.

⁶ Бломквист Е.Э. Постройки бухтарминских старообрядцев//Бухтарминские старообрядцы: Материалы комплексного экспедиционного исследования. Л., 1930. Вып. 17. С. 293–294.

⁷ Григоровский Н.П. Крестьяне-старожилы Нарымского края//Записки Западно-Сибирского отдела Русского географического общества. 1879. Кн. 1. С. 79; Россия: полное географическое описание нашего отечества. Западная Сибирь. СПб, 1907. Т. 16. С. 294.

⁸ Северск: История и современность. Томск: Изд-во ТГУ, 1994; Бардина П.Е. Быт русских сибиряков Томского края. Томск: Изд-во ТГУ, 1995; Труды музея г. Северска. Вып.1: Музей и город. Томск: Изд-во ТГУ, 2000; Бардина П.Е. Полевые этнографические материалы по русским сибирякам: глубина памяти и возможности сбора//Время и культура в археолого-этнографических исследованиях древних и современных обществ Западной Сибири и сопредельных территорий: Проблемы интерпретации и реконструкции. Материалы XIV Западно-Сибирской археолого-этнографической конференции. Томск, 2008. С. 14–15 и др.

UDC 069.39

P. E. Bardina

The North Russian Roots of Tomsk Area's Old-Time Russian Residents

Bardina Praskovya Elisvovna, The Museum of Seversk (Seversk, Tomsk Region), senior research fellow, Ph. D. (History); museum@seversk.gov70.ru

The ethnography section of The Seversk Museum local history exposition features items that define the home economy and everyday life of old-time ethnic Russian residents of rural settlements in Tomsk area, as well as some aspects of everyday life of Old Believers and post-reform settlers. That conforms to the

group make-out of the Russian population in Siberia formed in mid-XX century and documented by the Museum's ethnography expeditions. The research demonstrated the Russian North roots and archaic elements reflected in the old-time residents' home economy and everyday life.

Keywords: Tomsk Region, Seversk Museum, ethnographic collection, exposition, the Old-time Russian residents.

И. А. Хусаинова

Влияние государственно-церковных
отношений советского периода на деятельность
Енисейского историко-архитектурного музея-
заповедника им. А. И. Кытманова

Хусаинова Ирина Аркадьевна, Енисейский историко-архитектурный музей-заповедник (Енисейск), научный сотрудник; ira-2596@yandex.ru

В докладе рассматривается влияние советского государства на государственно-конфессиональные отношения с позиции освещения музеем локальной истории. Рассматривается вопрос о влиянии проводимых советской властью антицерковных кампаний в г. Енисейске Красноярского края на комплектование фондов Енисейского историко-архитектурного музея-заповедника им. А. И. Кытманова. Автор приходит к заключению, что последствия антицерковной политики советского государства вплоть до настоящего времени оказывают влияние на деятельность Енисейского музея-заповедника.

Ключевые слова: советская история, советское государство, антирелигиозная политика, изъятие церковных ценностей, Русская православная церковь, Енисейск, Красноярский край, Енисейский историко-архитектурный музей-заповедник им. А. И. Кытманова, музейная коллекция.

Реализация первых нормативных актов советской власти, в том числе прямо или косвенно затрагивающих вопросы религии, отразилась на деятельности Енисейского музея¹.

В первую очередь, это сказалось на составе фондов и особенности их комплектования. В 1920-е гг., как показывает содержание инвентарных книг музея, в фонды впервые начинают поступать культовые предметы православной религиозной традиции. Ранее целенаправленного пополнения фондов именно такими предметами не проводилось. Со дня основания музея в фондовой работе акцентировалось внимание на естественно-научной коллекции. Тон был задан самим основателем музея Александром Игнатьевичем Кытмановым, кандидатом естественных наук, который лично собирал такие предметы для музея. Дело отца продолжил его сын

Николай, ставший затем руководителем музея. Иллюстрируют этот уклон в деятельности музея записи в инвентарных книгах, сделанные в 1920-е гг. и ранее; в них постоянно фигурировали растения, яйца, гнезда, шкурки животных и пр. Та же направленность прослеживалась и в предпринятых музеем экспедициях. Так, Н. А. Кытманов, будучи заведующим музея и участником экспедиции 1929 г., в отчете о проведенной экспедиции из восьми пунктов, в которых были изложены результаты экспедиции, пять посвятил сбору материалов для естественно-научной коллекции².

После выхода ряда декретов советской власти в 1920-е гг. в инвентарных книгах впервые фиксируются церковные предметы. Интересно отметить, что из церквей изымаются и передаются в музей не только предметы, представляющие материальную ценность, но также и ценность духовную, например, деревянные скульптуры, иконы, декоративные элементы иконостаса, металлические царские врата, их элементы и пр.³ Из церквей изымаются и архивы. Так, в 1920-е гг. в музей поступают архивы женского Христорождественского монастыря.

Коснулась Енисейска и проводившаяся по всей стране кампания по вскрытию мощей. В рамках кампании была вскрыта могила Даниила Ачинского, похороненного у Христорождественского женского монастыря, вытащены кости святого, борода, плащаница, берестяной пояс. В инвентарных книгах музея отмечено: в 1923 г. поступили «берестяной поясок старца Даниила», «железная поясная пряжка», «череп с волосами, борода старца Даниила». Предполагается, что спустя некоторое время часть этих мощей выставлялась в музее в целях антирелигиозной пропаганды⁴.

Если же говорить об особенностях комплектования коллекций, то такой способ (во исполнение государственных решений) музеем практиковался впервые.

Гонения на Русскую православную церковь подкреплялись антирелигиозной пропагандой. Использовалась в пропагандистских целях и истории жизни отдельных людей, например, представителей истинно православных христиан, которые были сосланы в пос. Симоновщина, недалеко от Енисейска. Активистами антирелигиозной кампании проводились поездки в Симоновщину, в ходе которых они фотографировали «истинно православных» и их быт, иногда против воли людей, попадавших на фотографии. Подобное фотографирование проводилось и в других населенных пунктах с последующей передачей фото в музей для использования в целях антирелигиозной пропаганды.

Отдельно стоит упомянуть о манипуляциях с церковными зданиями, а также о том, какие это имело последствия для музея.

В советский период отечественной истории судьбы двух церквей города были непосредственно связаны с судьбой музея – это Преображенская церковь (ныне не существующая) и Спасский собор в составе архитектурного комплекса Спасо-Преображенского мужского монастыря. Первое обращение местных властей к церковному зданию с целью его использования для нужд музея относится к 1920-м гг.; это было обусловлено неудовлетворительным состоянием здания, в котором располагался музей. Непосредственной причиной, побудившей власти искать еще одно здание, стала ликвидация одного из помещений, ранее музею принадлежавшего. В 1930 г. Преображенская церковь отошла под юрисдикцию музея, но не в том смысле, в котором мы в настоящее время можем сказать, например, о Троицкой церкви г. Енисейска; здесь музейными могли стать и дровяник, и помещение для сторожа, то есть абсолютно светские здания, лишённые своего культового функционала⁵.

Однако, таким образом проблема нехватки помещений для хранения фондов библиотеки и архивов музея не решалась. Напротив, руководству музея только прибавилось проблем ввиду ветхости здания. В 1930-е гг. Преображенская церковь перестала использоваться для музейных нужд (точные причины этого до сих пор пока не ясны), а впоследствии была снесена и не восстановлена и по сей день⁶.

Второй храм, который в советское время был тесно связан с музеем – это Спасский собор Спасо-Преображенского мужского монастыря. Монастырский комплекс был национализирован и обращен на хозяйственные нужды города: на его территории располагались склад промтоваров, пивзавод, кондитерский цех и контора общепита. После национализации здание собора (и другие здания монастырского комплекса в целом) стало ветшать. Исполком Енисейского городского совета депутатов трудящихся в феврале 1947 г. констатировал неудовлетворительное состояние и угрозу разрушения зданий монастырского комплекса, решено было объявить памятником древности и искусства бывший мужской монастырь и также передать его музею. В фондах музея хранится поэтажный план 1947 г. с комментариями по поводу будущего назначения каждого из помещений собора в музейном комплексе. Предполагалось, что на первом этаже будут располагаться жилая комната, раздевалка, библиотека, читальный зал, комната отдыха. На втором этаже – отделы природы (три помещения), строительства, истории и истории г. Енисейска. Однако данный проект полностью реализован не был. В 1963 г. из монастырского комплекса музею была отдана комната, в которой во время ссыл-

ки в Енисейск в 1828–1831 гг. содержался декабрист Н. С. Бобринцев-Пушкин. В ней был устроен музей «Декабристы в Енисейской ссылке». Иные площади монастырского комплекса так и не были переданы музею.

В постсоветское время некоторые церковные здания г. Енисейска были музеефицированы и ныне являются частью комплекса Енисейского музея-заповедника: Богоявленский собор, Троицкая церковь и Иверская церковь. В храмах параллельно с культовой деятельностью и музей организует экспозиции, проводит экскурсии, здесь имеются рабочие места музейных сотрудников.

Рассмотренная выше деятельность советского государства, имевшая антирелигиозную направленность, в постсоветское время возымела обратный эффект: попавшие в музейные фонды православные культовые предметы ныне используются с совершенно противоположными советским установкам целями, а именно знакомят посетителей с историей православия в Енисейске и особенностями его культуры.

¹ В разные периоды истории он имел разные названия. Так, до 1926 г. музей носил название «Енисейский музей им. А. И. Кытманова», названный так в честь одного из своих основателей, купца и золотопромышленника Александра Игнатьевича Кытманова. С 1926 г. музей был переименован в «Историко-краеведческий и культурно-бытовой», а имя основателя из названия было убрано. До недавнего времени музей именовался как «Енисейский краеведческий музей им. А. И. Кытманова», а с зимы 2022 г. перешел в статус музея-заповедника. Однако во избежание путаницы в данном тексте мы будем использовать название «Енисейский музей», не относящееся ни к какому историческому периоду, но делающее, в первую очередь, акцент на территориальной принадлежности музея.

² В основу данной статьи положены документы архива Енисейского музея-заповедника, на момент отправки статьи оргкомитету документы находятся в процессе перевода в архивное хранение и присвоения соответствующего номера, на который в дальнейшем появится возможность ссылаться. Далее по тексту данная ремарка повторяться не будет. Наличие цитаты или факта, не подтвержденный ссылкой, подразумевает обращение к данной сноске в качестве комментария.

³ Примеры культовых предметов из фондов Енисейского музея, см.: Исаева Н. Н. Русское медное художественное литье XVI–XX вв. Приенисейский регион: Сводный каталог. Красноярск: Инопроф, 1996; Исаева Н. Н. Русское церковное серебро конца XVII – начала XX в. в музейных собраниях Красноярского края: Сводный каталог. Красноярск: Красноярский государственный педагогический университет им. В. П. Астафьева, 2014.

⁴ Фаст Г. Енисейск православный. Енисейск: Енисейский благовест, 1994. С. 84.

⁵ Другие церкви Енисейска при советской власти в разное время также использовались как светские здания, например, в Спасском соборе находился склад, в Троицкой церкви – гараж, в Воскресенской – цех мехзавода.

⁶ В г. Енисейске также являются утраченными Абалакская кладбищенская церковь, Крестовоздвиженская, церковь Входа Господня в Иерусалим, часовня Даниила Ачинского.

UDC 908

I. A. Khusainova

The A. I. Kytmanov Yeniseysk Museum-Reserve
of History and Architecture Functioning
under the Influence of the Church-State
Relationships in the Soviet Period

Khusainova Irina Arkadyevna, The Yenisei Historical and Architectural Museum-Reserve (Yeniseysk), researcher; ira-2596@yandex.ru

The paper deals with the influence the soviet government had over the church-state relationships as they were presented by the Local History Museum. The impact of anti-church campaigns run by the Soviet government in Yeniseysk (Krasnoyarsk Territory) on stocking the collection of the A. I. Kytmanov Yeniseysk Museum-Reserve of History and Architecture is considered. The author concludes that the consequences of the soviet anti-church policy are still being felt in the Yeniseysk Museum-Reserve operations.

Keywords: soviet history, Soviet state, anti-religion policy, seizure of church wealth, Russian Orthodox church, Yeniseysk, Krasnoyarsk Territory, the A. I. Kytmanov Yeniseysk Museum-Reserve of History and Architecture, museum collection.

Ш. У. Бабажанов
Музей «Истории тариката
Накшбандийа» в Бухаре

Бабажанов Шавкат Улугбекович, Институт истории Академии наук Республики Узбекистан (Ташкент, Узбекистан), Центр этнологии и антропологии, докторант; shava.and.world@mail.ru

В докладе приведены: описание музея «Истории тариката Накшбандийа», история его создания, тематическое расположение экспонатов, посвященных жизни и духовному наследию бухарского ученого шейха Бахауддина Накшбанди, а также связанные с деятельностью семи пиров тариката Хаджаган-Накшбанди.

Ключевые слова: Бухара, Бахауддин Накшбанди, тарикат Накшбандийа, суфийский орден.

В кишлаке Касри Орифон около Бухары расположен историко-мемориальный и архитектурный комплекс, связанный с именем религиозного деятеля XIV в., основателя одного из самых крупных суфийских орденов – Бахауддина Накшбанди (1318–1389)¹. В ансамбль комплекса входят медресе, две мечети, ханака и минарет. 13 сентября 1993 г. в связи с 675-летием Бахауддина Накшбанди был открыт музей «История тариката Накшбандийа» – единственный музей в Узбекистане, рассказывающий об истории учения Накшбанди и его основателях². С 2003 г. музей располагается в одном из медресе комплекса – Дониёлбий (XVIII в.). Общая площадь медресе 285 кв. м; экспозиция занимает 107 кв. м, в восемь залах которой представлено примерно 240 экспонатов. Хронологически экспозиция охватывает период с VIII в. до настоящего времени и рассказывает о распространении ислама в Средней Азии, об истории ордена накшбандийа, о жизни и деятельности его основателя и выдающихся последователей тариката³. В экспозиции представлены материалы о семи суфиях (пирах) Бухары: Абдулхалик Гиждувани⁴, Ариффе ар-Ревгари⁵, Махмуде Анджир Фагнави⁶, Али Раметани⁷, Мухаммаде Бобои Самаси⁸, Сайиде Амир Кулол⁹ и основателе учения – Бахауддине Накшбанди¹⁰.

В первом зале музея экспонируются *туги* (шесты с навершием – религиозным знаком), копия Корана, изданная в Казани, старин-

ные чётки из мечети Ходжа Зайнутдина, медицинские приборы, найденные при раскопках г. Пайкент (IX–XII вв.) в древнейшей на территории Средней Азии аптеке, а также деревянные резные штампы для нанесения узоров на ткани, как атрибуты ремесла, которым владел Бахауддин Накшбанди и от которого происходит его прозвище (*накиш* – «узор», *банд* – «наносить»).

В следующих залах представлены материалы о семи пирах Бухары. Так, материалы второго зала посвящены деятельности Абдухалика Гиждувани, известного как «Жахон хўжалари йўлбошчиси» («Предводитель хаджей всего мира»), и Арифа ар-Ревгари, прозванного в народе Мохитобон (лунаподобный). В экспозиции также демонстрируются документы, знакомящие с восьмью принципами *зикри хуфия* (скрытого поклонения), и ряд предметов: кузнечные инструменты (Ариф ар-Ревгари был кузнецом), гончарные изделия времён Саманидов (875–999) и Караханидов (942–1212), надгробные туги святых. В третьем зале приводятся сведения о пирах Махмуде Анджир Фагнави и Али Раметани, известного в исламском мире как «Ходжа Азизон»; в четвертом зале – о пире Бобои Самаси. Здесь демонстрируются также одни из ценнейших экспонатов музея: фрагмент деревянного надгробия с вырезанными на нем сурами из Корана с гробницы Сайфуддина Бохарзи (1199–1261), известного как «Шайх ул олам» («Шейх мира»), и деревянная решетка с вырезанными на ней кораническими текстами, которая окружала могилу этого святого¹¹. Центральное место в экспозиции занимает еще один уникальный экспонат – *яктак казия* (мужской халат судьи) с вышитым эпиграфическим узором – стихами из Корана (аяты Бакара, Ясин, Зумар, Музаммил, Ихлос)¹². В отдельном зале представлены сведения о шестом пире Сайид Амир Кулоле – гончаре по профессии (*кулол* – «гончар»). При жизни все святые суфии занимались каким-либо ремеслом. По этому поводу в народе распространены слова Бахауддина Накшбанди: «Дил ба ёру, даст ба кор» – «Всевышний в сердце, а руки в труде»¹³. Амир Темур считал Сайида Амир Кулола своим покровителем.

В зале, посвященном Бахауддину Накшбанди – седьмому пиру, который усовершенствовал учения предыдущих шести пиров и завершил «золотую цепь семи пиров» священной Бухары, основав орден накшбандийя, воспроизведена часть интерьера его дома и приведены сведения о потомках, 21 поколение которых проживает в кишлаке Хаджи (Каракульский р-н).

Отдельный зал посвящен исламскому образованию, которое иллюстрируют подставка для книг *лавх/лаух* из медресе Улугбека¹⁴, калам (ручка для письма), пеналы, а также рукописная копия Корана XVIII в., выполненная шрифтом *набс/насх* на шел-

ковой бумаге, которую изготавливали в кишлаке Конирил близ Самарканда.

В экспозиции музея содержатся также обширные сведения о мюридах – последователях учения Бахауддина Накшбанди – Алауддине Атторе, Мухаммаде Порсо, Ходже Ахроре, Жуйбаре Ходже. Большую ценность имеют две мраморные надгробные плиты с кладбища Дахмаи шохон («царская гробница»): одна – с могилы Убайдуллахана из династии Аштарханидов (1702–1711) и Бибиподшо, матери правителя Абулфайзхона (1711–1747), другая – с могилы сестры Бибиподшо. В 1927 г. они были сняты с могил и переданы в Бухарский музей¹⁵.

Фотогалерея последнего зала рассказывает о переменах, которые произошли в комплексе Бахауддина Накшбанди после 1991 г., – о реставрационных работах и благоустройстве территории комплекса, о посещении его главами государств Турции и Узбекистана; представлены газеты «Накшбандийя» и одноименные журналы, издаваемые научным центром по изучению духовного наследия Бахауддина Накшбанди, произведения Алишера Навои, миниатюры художника Камолиддина Бехзода.

В настоящее время музей и весь историко-архитектурный комплекс – одно из самых посещаемых мест в Узбекистане. Знакомство с ними включено во многие туристические маршруты, проходящие по территории республики. Они являются также наиболее значимыми объектами паломнического туризма. Музей выполняет важнейшую миссию, знакомя с историей ордена накшбандийя, пользующегося большим авторитетом в мусульманском мире.

¹ Касри Орифон – «крепость знающих» (древнее название Касри Хиндуван). Расположен в 10 км северо-восточнее Бухары, в Каганском р-не.

² Шарипов Ю. Зиёратгоҳдаги маърифат маскани//Из истории культурного наследия Бухары. 2006. Вып. 10. С. 117.

³ Музеи древней Бухары. Путеводитель/Сост. Ф. Арслонова, Р. Алиев. Бухара, 2015. С. 47.

⁴ Гиждувани (ум. 1179) – первый пир ордена накшбандийя. Мазар в Гиждуванском р-не, в 42 км от Бухары.

⁵ Ревгари (1165–1262) – второй пир ордена накшбандийя. Мазар в Шафирканском р-не, в 36–38 км от Бухары.

⁶ Фагнави (ум. 1317) – третий пир ордена накшбандийя. Мазар в Вабгентском р-не, в 25 км от Бухары.

⁷ Рамитани (ум. 1321) – четвертый пир ордена накшбандийя. Мазар в Рамитанском р-не, в 25 км от Бухары.

⁸ Самаси (ум. 1340) – пятый пир ордена накшбандийя. Мазар в Рамитанском р-не, в 30 км от Бухары.

⁹ Мир Кулол (ум. 1370) – шестой пир ордена накшбандийя. Мазар в Каганском р-не, в 15 км от Бухары.

¹⁰ Бахауддин Накшбанд (1318–1389) – седьмой пир ордена накшбандийя. Мазар в Каганском р-не, в 10 км от Бухары.

¹¹ Немцева Н. Б. Ханака Сайд ад-дина Бахарзи в Бухаре. Бухара, 2003. С. 132.

¹² Инв. 694/9; Курбанова М., Ахмедов А. Кийим-кечакларда эпитафия битиклар тахлили//Имом Бухорий сабоқлари. 2020 йил. № 4. С. 42.

¹³ Абдулкаххор Шоший. Авлиёлар китоби (Накшбандия тариқатининг гоё ва мақсади). Ташкент, 2018. Б. 39.

¹⁴ Левина В. А. О Резные деревянные двери медресе Улугбека в Бухаре//Труды Среднеазиатского государственного университета. Ташкент: САГУ, 1953. Вып. 61. С. 163.

¹⁵ Джуракулов М. Д., Некрасова Е. Г., Ходжаев Т. К. Позднефеодальные некрополи Бухары как исторический источник. Самарканд, 1991. С. 16–17.

UDC 94(575.146); 28

S. U. Babazhanov

The Museum of Sufi Brotherhood
Naqshbandi History (Bukhara)

Babazhanov Shavkat Ulugbekovich, The Institute of History of the Academy of Sciences of the Republic of Uzbekistan (Tashkent, Uzbekistan), the Center of Ethnology and Anthropology, Ph. D. doctoral; shava.and.world@mail.ru

The paper deals with: the history of the Museum of Sufi Brotherhood Naqshbandi, its origin, thematic placement of exhibits illuminating life and legacy of Baha-ud-Din Naqshband Bukhari, sheikh and scholar, as well as careers and burial places of seven muftis of Sufi Brotherhood Naqshbandi-Haqqani.

Keywords: Bukhara, Baha-ud-Din Naqshband Bukhari, Sufi Brotherhood Naqshbandi, Sufi order.

М. Б. Курбанова

Коллекция одежды Бухарского
эмирата как бесценное наследие
Бухарского музея

Курбанова Манзила Бакиевна, Бухарский государственный университет (Бухара, Узбекистан), кафедра истории Бухары, доцент, кандидат исторических наук; manzila.kurbanova58@mail.ru

В докладе рассматривается один из видов ремесел Бухарского оазиса – золотошвейное искусство и золотошвейные изделия, находящиеся в фондах Бухарского государственного музея-заповедника и входившие в дворцовое собрание Бухарского эмирата.

Ключевые слова: Бухарский музей, Бухарский эмират, бухарские эмиры, золотошвейное искусство, традиционная одежда.

Музей в Бухаре был основан 8 ноября 1922 г. Одними из первых его экспонатов стали предметы, которые оставались в Арке – дворце бухарских эмиров после свержения Бухарского эмирата (1920) и принадлежали эмирам последней правящей династии мангыт¹. Музей должен был способствовать не только сохранению этих исторических артефактов как и других памятников материальной и духовной культуры Бухарского оазиса, но и препятствовать их вывозу за пределы региона. На протяжении 100 лет музей, получивший в 1985 г. статус государственного музея-заповедника, успешно справляется со своей задачей. Сегодня его собрание насчитывает более 134 тысяч экспонатов, отражающих разные области культуры населения оазиса. Среди них более двух тысяч экспонатов из дворцовых коллекций², которые имеют особую историко-культурную ценность.

Более 100 экспонатов этого уникального собрания составляют золотошвейные предметы: парадная одежда, обувь, головные уборы, пояса правителей и военачальников, женская и детская одежда, предметы убранства интерьера, конские попоны³. Искусство золотного шитья было издавна известно в Бухаре, и в конце

XIX в. она являлась единственным центром в Средней Азии, где занимались этим видом ремесла. До 1920 г. в Бухаре работало 300–350 мастеров золотошвейного дела, более десятка *гузаров* (кварталов) были населены золотошвеями. В частности, квартал Мир Дустум на юго-западе города так и назывался – *гузари зардузон*⁴. Однако вся продукция золотошвеев предназначалась для нужд эмирского двора, лишь небольшое количество шло на продажу, так как носить золотошвейную одежду мог только сам эмир и члены его семьи или те, кому он ее пожаловал.

В Арке имелось специальное помещение – *бугчахона*, расположенное в одном из внутренних дворов дворца – *саломхона*, где эмир принимал своих подданных⁵. В этом помещении хранились халаты и другая одежда, считавшиеся частью государственной казны и предназначавшиеся для подарков. Если эмир хотел вознаградить того, кто пришел к нему на аудиенцию (*салом*), он давал распоряжение *удайчи*, и тот сразу выносил из бугчахона халат или комплект одежды – *сарупо* (*сар* – голова, *по* – нога, т.е. “одежда с ног до головы”) и вручал его этому человеку. В основном, золотошвейными халатами награждались высокопоставленные чиновники и военные высшего ранга, они вручались им при вступлении в должность, в качестве награды за службу, по праздникам. Особенно роскошными были халаты из гардероба самого эмира, которые он надевал по большим торжествам. Так, на экспозиции музея в Арке, посвященной истории Бухарского эмирата, выставлено два халата⁶, один из которых, расшитый золотными нитями в технике *зардузи-заминдузи* (сплошной зашив поверхности ткани) принадлежал эмиру Музаффар-хану (1860–1885) и весит более 10 кг. Среди золотошвейных халатов, которые экспонируются в филиале Бухарского музея-заповедника – в Музее прикладного искусства, расположенного в Ситораи Мохи-хосса, летнем дворце последнего бухарского эмира Алим-хана, показан халат, расшитый по зеленому бархату в комбинированной технике *гулдузи* (зашив по трафарету) и *заминдузи*, который был на эмире Музаффар-хане во время его коронации в 1860 г.⁷

Самые ранние из известных золотошвейных изделий Бухары – это *махси* (сапоги на мягкой подошве), в узор которых вплетена дата – 1224 год хиджры (1809–1810). Они являются единственным артефактом золотошвейного искусства периода правления эмира Хайдара (1800–1826). Не много сохранилось и золотошвейных предметов эпохи правления эмира Насруллы (1827–1860), единичны вещи, принадлежавшие Музаффар-хану, которые были отмечены выше. Большинство золотошвейных изделий, которые

хранятся в Бухарском музее и в других музеях, дарятся периодом правления Абдуллахад-хана (1885–1911), при котором золотошвейное искусство достигло наибольшего расцвета⁸.

Помимо мужских халатов, в музее представлены чалмы с золотошвейным узором (около 10 шт.), которые эмир носил по торжественным случаям и которые в других музейных собраниях являются редкостью, а также женские головные уборы, украшенные золотным шитьем: платки, *культанушак* – старинные шапочки с накосником и *пешонабанд* – полоса, закрывающая лоб. Ассортимент женских золотошвейных предметов обычно ограничивался этими вещами, которые женщины и девушки носили с праздничным костюмом, но узоры каждого из них уникальны.

В настоящее время собрание золотошвейных изделий Бухарского музея представляет важнейший источник для изучения истории эмирата, традиционного костюма и одного из самых художественно выразительных видов народного искусства – золотного шитья Бухары.

¹ Бухоро ахбори. 1922 йил. 112 сон. 23 ноябрь. Панжшанба. 1 сахифа; Болтаев А. Бухоро музейи – тарихий улкашунослик маркази сифатида. Ташкент: Наврӯз, 2019. Б. 6, 7.

² Книги поступлений Бухарского государственного музей-заповедника. № 1, 2, 3. 1960 г.

³ Бухарский государственный архитектурно-художественный музей-заповедник. Ташкент, 2004. С. 89.

⁴ Сухарева О.А. Квартальная община позднефеодального города Бухары (в связи с историей кварталов). М.: Наука, 1976. С. 285.

⁵ Андреев М.С., Чехович О.Д. Арк (кремль) Бухары в конце XIX – начале XX вв. Душанбе, 1972. С. 36.

⁶ Инв. № 1789/9, 1792/9.

⁷ Жумаев Қ. Ситораи Мохи Ҳосса. Бухоро, 2010. Б. 67.

⁸ Гончарова П.А. Золотошвейное искусство Бухары. Ташкент, 1988. С. 8–9.

UDC 391; 348

M. B. Kurbanova

The Bukhara Emirate Garment
Collection as a Priceless Legacy
of the Bukhara Museum

Kurbanova Manzila Bakievna, The Bukhara State University
(Bukhara, Uzbekistan), the Department of History of Bukhara, associate professor, Ph. D. (History); manzila.kurbanova58@mail.ru

The paper deals with one of the traditional crafts of Bukhara Oasis: gold thread embroidery, and garments included in the holdings of the Bukhara State Museum-Reserve that used to be part of the Emirate of Bukhara palace collection.

Keywords: the Bukhara Museum, the Emirate of Bukhara, Emirs of Bukhara, gold thread embroidery, traditional garments.

СОВЕТСКАЯ ЭПОХА В ЭТНОКУЛЬТУРНОМ ИЗМЕРЕНИИ
К 100-летию образования СССР и 120-й годовщине
со дня основания Российского этнографического музея

Материалы Двадцать первых Санкт-Петербургских
этнографических чтений

Редакторы: *И. В. Белобородова, О. О. Брашнина*
Корректор: *Т. А. Шпак*
Компьютерная верстка: *Ю. А. Хайретдинов*

Подписано в печать 15.12.22. Формат 60×84 1/6.
Печать цифровая. Усл. печ. л. 28,71.
Тираж 150 экз. Заказ № 229.
Отпечатано в типографии СПГУТД.
191028, Санкт-Петербург, ул. Моховая, 26.